This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

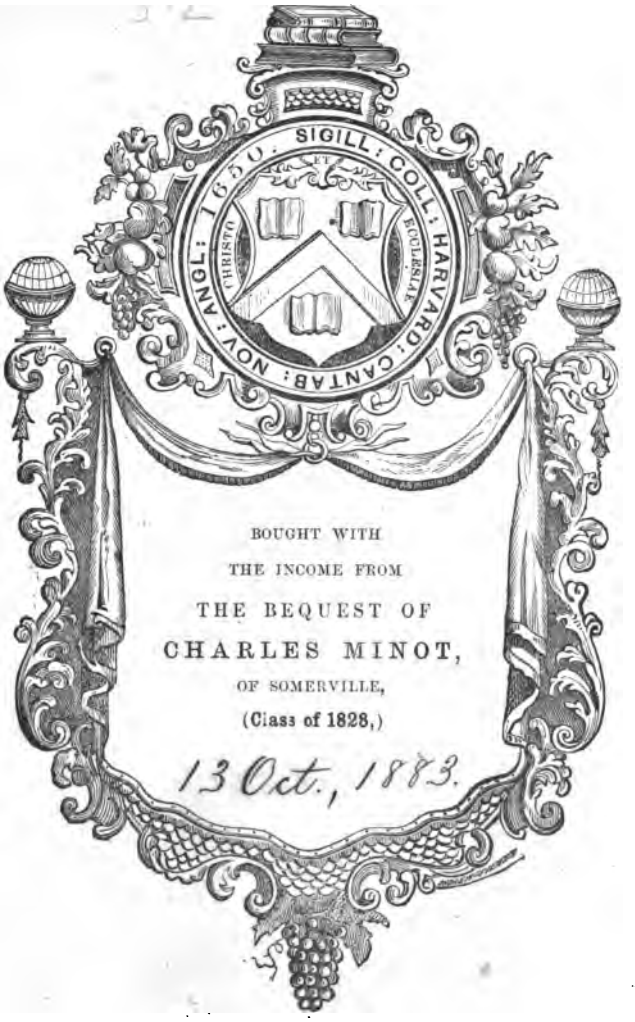
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Digitized by Google

СЛАВЯНСКІЙ

ЕЖЕГОДНИКЪ.

АЛЬМАНАХЪ И СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

КІЕВСКИМЪ СЛАВЯНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ,

Подъ редакціею Н. П. Задерацкаго.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Цѣна 1 рубль.

КІЕВЪ.

Типографія Л. Г. Даниловой, Крещатикъ д. Биска.

1880.

Digitized by Google

~~VII, 1876~~
~~Slav 52~~
OCT 13 1883
PSlav 646.15
c. Birch Land.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 Іюня 1880 года.

Digitized by Google

ГОЛУБОЙ АББАТЪ.

Романъ А. В. Шмилевскаго.

Съ Чешскаго. „Освѣта“ 1875, №№ 10—12.

..... Въ библіотекѣ Чешскаго Народнаго Музея въ Прагѣ, въ комнатѣ, гдѣ выставлены самыя рѣдкія рукописи, какъ Кралеводворская и Зеленогорская, виситъ влѣво отъ ученаго графа К. Штернберга портретъ старика, писанный въ 1821 году на полотнѣ извѣстнымъ художникомъ Кадликовымъ. Долговременный умственный трудъ, вдохновляемый высоко-гуманными идеями, наложилъ на черты этого лица отпечатокъ благородной строгости и глубокой симпатичности... Лице, о которомъ мы говоримъ, очень напоминаетъ императора Іосифа II, это почтенный патріархъ новаго періода чешской литературы и славяновѣдѣнія вообще, аббатъ Іосифъ Добровскій..... Имѣя въ виду въ этомъ же выпускѣ „Славянскаго Ежегодника“ помѣстить очеркъ жизни Добровскаго, мы считаемъ лишнимъ прибавлять что-нибудь еще къ настоящему отрывку изъ предисловія автора.

Глава I.

— До чего дойдетъ съ вами дѣло, Морщина, если вы будете стоять на своемъ? Повѣрьте, ужъ не знаю, какъ васъ защитимъ предъ его высокопреполобіемъ отцомъ викаріемъ!

— Нѣтъ у меня книгъ, ваше преподобіе. А вы ежеминутно ихъ отъ меня такъ настойчиво требуете.

— Вѣчно—старая пѣсня! Говорите о грушахъ на вербѣ какому-нибудь олуху, а не мнѣ. Я хожу къ вамъ не по своей охотѣ.

Digitized by Google

Мнѣ такъ приказано отъ приходскаго священника, тому отъ отца викарія, викарію—отъ Будеёвицкой консисторіи. Вѣдь у васъ есть и кралицкая библія, и братскій символъ вѣры и катехизисъ*), а вы отрекаетесь.

— По своему глупому разсулку, ваше преподобіе, я такъ полагаю, что намъ обезпечена свобода вѣроисповѣданія. Императоръ Іосифъ, блаженной памяти, издалъ 15 октября 1781 года патентъ о вѣротерпимости...

— Патентъ... патентъ... перебилъ Морщину капелланъ Фабіанъ, духовныя дѣла должны понимать мы, а не вы. Мы на то поставлены. Да притомъ императоръ Іосифъ издалъ патентъ, а онъ теперь положенъ подъ сукно... Такъ вотъ людямъ и предоставить по неразумѣнію лѣзть въ петлю!

— Не бываетъ свѣта безъ тѣней подъ божьимъ солнцемъ!

— Оставьте глупыя поговорки! Прекрасно, пусть даже есть у насъ патентъ, а все таки пикарты **) полъ него не подойдутъ.

— Я вовсе не пикартъ, ваше преподобіе.

— Ага, задѣлъ васъ за живое! Васъ это кипяткомъ обожгло.

— Меня считаютъ человѣкомъ честнымъ...

— Я и не отнимаю отъ васъ этого. Если бы вы такимъ не были, не быть бы вамъ лѣсникомъ въ Дерславицахъ у графа.

— Я радъ это слышать изъ вашихъ устъ, ваше преподобіе.

— Что правда, то правда. Но потому-то вамъ надо больше дорожить своимъ мѣстомъ и не быть тайнымъ *братомъ* ***).

---

*) Знаменитѣйшій трудъ всей литературы „чешскихъ братьевъ“ (о нихъ см. ниже)—изданіе *Кралицкой библіи*, которая была вновь переведена, по мысли знаменитаго „брата“ изъ уроженцевъ Моравіи *Яна Благослава* (1523—1571), восемью „братьями“ съ еврейскаго и греческаго, и издана на счетъ Карла изъ Жеротина, въ Кралицѣ, въ первый разъ въ 6 ч. въ 1579—93 г. Переводъ *Кралицкой библіи* до сихъ поръ считается недостижимымъ образцомъ чешскаго языка. *Перев.*

**) Пикарты—западно-европейскіе Beghardi,—появились въ Прагѣ въ 1317 г. изъ Франціи или Нидерландовъ. Позже пикартами называли вообще еретиковъ, и навязывали это имя „чешскимъ братьямъ“, хотя тѣ отказывались отъ этого прозвища. *Перев.*

***) „Чешскіе братья“—соціально-христіанская община, сформировавшаяся въ 1467 г., послѣ паденія Табора въ такъ наз. эпоху гуситскихъ войнъ. Община обязана своимъ происхожденіемъ и характеромъ идеямъ знаменитаго философа Хельчицкаго. Она явилась послѣднимъ выводомъ, до котораго дошла чешская реформаціонная идея. Основная масса „братьевъ“ принадлежала къ простому классу народа, а потому „общину чешскихъ братьевъ“ можно считать вполнѣ самобытнымъ и національнымъ проявленіемъ чешской народной жизни и мысли. *Перев.*

Digitized by Google

Капелланъ искоса, зорко смотрѣлъ на Морщину. Старикъ опустилъ глаза въ землю.

— Вы человѣкъ умный, разсуждаете всегда здраво, продолжалъ капелланъ, отчего же не держите языкъ за зубами, зачѣмъ сбиваете съ толку другихъ?

— Я не сбиваю никого.

— Да! А что жъ Францъ Лучицкій, вашъ зять? Что его семья и крестьяне тамошніе? Вздоръ, скажете? Развѣ думаете, что насъ куриная слѣпота одолѣла и мы не видимъ, что въ Лучицахъ начинаетъ грозно заявлять себя духъ, враждебный церкви? Вы знаемъ, откуда вѣтеръ дуетъ.

— Это—одно подозрѣніе. Мы всѣ лѣти Отца небеснаго; какія мысли онъ внушитъ намъ, такія мы и имѣемъ. Но чтобы я кого нибудь сбивалъ съ толку, я это отрицаю.

— Ну вотъ—разсужденія изъ вашихъ книгъ! Я какъ будто вижу ихъ напечатанными черными рядами на бѣломъ фонѣ. А такія опасныя разсужденія разъѣдаютъ умы, какъ скверный вередъ. Мы должны положить этому конецъ, иначе будетъ худо. Есть слухи, что Магдалину Франеву, вашу внучку, посватался Томашъ Кудреновичъ. Повѣнчаются они, и ядъ будетъ распространяться дальше.

Фабіанъ умолкъ и покраснѣлъ при этомъ. Невольно опустилъ онъ глаза въ землю.

Помолчавъ съ минуту, Морщина отвѣтилъ:—Кого Магдалина любитъ теперь, или полюбитъ современемъ, за того она и выйдетъ: таковъ законъ Божій!

— А ядъ будетъ расширяться. Пусть даже вы говорите правду, не вѣрите ли вы, что васъ и всю вашу семью мы держимъ въ рукахъ предъ графомъ?

— Я не ѣмъ хлѣба даромъ, ваше преподобіе. Каждый кусокъ заслуженъ трудомъ. И если бъ прогнали меня изъ теплаго мѣстечка, я съ голоду не умру.

— Такъ можете говорить вы, а что скажутъ Францъ, Магдалина, если ихъ начнутъ преслѣдовать?

— Ваше преподобіе, вы задѣваете мою слабую струнку. Что жъ,

Digitized by Google

я не стану скрывать, что моя внучка, Магдалина, для меня, грѣшнаго человѣка, рѣдкое и безцѣнное сокровище!

— Ну, видите, Морщина, а межъ тѣмъ стоите, какъ пень въ лѣсу. Человѣкъ не пень. Онъ имѣетъ душу, и та находится подъ защитой духовнаго начальства.

— Однако прежде всего—подъ защитой Божіей.

— Духовное начальство заступаетъ Бога на землѣ.

— Чистая и незапятненная совѣсть заступаетъ Его также.

— Совѣсть человѣческая можетъ обманывать.

— Совѣсть дарована Богомъ, она не обманываетъ.

— Оставьте свои разъясненія, это слова на вѣтеръ. Умнѣе бы вы поступили, если бы отдали мнѣ ваши книги и если бы въ воскресенье пришли въ церковь, гдѣ громко заявили бы о принадлежности своей къ нашей единой спасительной вѣрѣ. Сидѣли бы вы тогда спокойно, въ страхѣ Божіемъ, въ своемъ мирномъ гнѣздѣ, пока не позоветъ васъ Господь въ сонмъ праведныхъ. Ну, что жъ, или еще станете раздумывать?

— Подумаю. Вѣдь отторгнуться отъ правды тогда, когда жизнь, такъ сказать, на исходѣ, дѣло—самаго тщательнаго размышленія самаго обстоятельнаго обдумыванія.

— Отторгнуться отъ правды! Вотъ поруганіе! Пристать къ правдѣ—объ этомъ идетъ дѣло, Морщина. Морщина! вы налагаете на разумъ свой большую ношу, чѣмъ онъ въ силахъ поднять. Что такое правда, отвѣчайте.

— Что угодно Богу и что велитъ разумъ.

— Нечего далеко ходить за отвѣтомъ, онъ на лицо. Что угодно Богу! Вѣрно. Но мы вѣдь учимъ тому, что угодно Богу.

— То же говоритъ и тому же учитъ разумъ.

— Съ вами бродишь, словно въ заколдованномъ кругу. Откуда вышелъ, туда же и возвращаешься. Вы опасный человѣкъ, вы отрицаете откровеніе!

— Не отрицаю, что откровеніе отъ Бога, и отъ человѣка зависитъ черпать изъ него для себя наставленія.

— Хорошо, хорошо. Нѣтъ у меня охоты звонить съ вами попусту языкомъ. Съ вами ничего не подѣлаешь ни лаской, ни угрозами! Какъ постелишь, такъ заснешь, говоритъ пословица.

Послѣ этихъ словъ капелланъ Фабіанъ всталъ со скамейки и

Digitized by Google

направился къ выходу. Морщина проводилъ его молча черезъ порогъ. У калитки они оба остановились. Видно было, что у одного и у другого толпились въ головѣ мысли, которыхъ однако ни тотъ, ни другой не желаетъ высказать. Для Морщины не шло дѣло объ одномъ себѣ: онъ чувствовалъ, что благосостояніе своей внучки и всей семьи онъ ставитъ на карту. И у Фабіана, по всему судя, было въ виду нѣчто большее, чѣмъ заставить стараго лѣсника выдать ему братскія книги и сдѣлать торжественное признаніе въ принадлежности къ римско-католической церкви. Но только разговориться имъ не удалось больше. Они молча стояли у калитки. Оба глядѣли въ землю.

Домикъ лѣсника стоялъ особнякомъ въ концѣ села на довольно исправной проѣзжей дорогѣ, ведущей въ Худеницы *). Насупротивъ дома прилегалъ къ проѣзжей дорогѣ обширный лугъ. Онъ зеленѣлъ осеннею травой. Недавно снята была отава **). По склону луга, прямо на Фабіана и Морщину, шла твердою, но нѣсколько ускоренною поступью, фигура, странно, почти фантастически одѣтая. Она вся была голубая съ головы до ногъ. Башмаки съ пряжками на ногахъ и шляпа на головѣ были голубые. Покрой платья говорилъ, что это священникъ. Голова путника, благодаря глазамъ, въ которыхъ свѣтились умъ и доброта, имѣла въ себѣ что-то необыкновенно благородное. Густые, поэтически растрепавшіеся волосы выбивались изъ-подъ шляпы. Въ лицѣ его было разительное сходство съ императоромъ Іосифомъ. Походка и манеры показывали человѣка, привыкшаго вращаться въ аристократическомъ обществѣ. Оригинальность этого человѣка проявлялась въ томъ, что за лентой на шляпѣ вокругъ были натыканы свѣжіе лѣсные и луговые цвѣты, какъ будто шляпа служила ему ботаническимъ ящикомъ, а въ каждой рукѣ онъ держалъ по мокрому платку, изъ которыхъ по временамъ капала вода. Подойдя шаговъ на сорокъ къ дому лѣсника, голубой человѣкъ былъ замѣченъ Морщиной и Фабіаномъ. Капелланъ отвѣсилъ

*). Худеницы—городокъ въ юго-зап. Чехіи, въ Пильзенскомъ краѣ, съ 1600 жителей, принадлежитъ фамиліи чешскихъ графовъ Чернинихъ. *Пер.*

**) Трава, вновь выросшая послѣ покоса. *Пер.*

Digitized by Google

глубокій поклонъ, а лѣсникъ, выступивъ на нѣсколько шаговъ впередъ капеллана, подошелъ подъ благословеніе. Прибывшій привѣтливо кивнулъ обоимъ головою. У калитки онъ остановился.

— Прекрасный осенній день, dilecte frater, проговорилъ вновь прибывшій священникъ.—Вы тоже вышли полюбоваться природой? Вѣдь до Дерславицъ отсюда не близко!

— Я сюда по дѣлу, отецъ аббатъ, отвѣчалъ почтительно Фабіанъ.

Вмѣсто отвѣта аббатъ Добровскій глянулъ кругомъ себя. Замѣтивъ влѣво отъ строеній подлѣ садика колодецъ, онъ прошелъ молча къ нему, поглядѣлъ внизъ и сдѣлалъ знакъ лѣснику, чтобъ тотъ вытащилъ свѣжей воды. Лѣсникъ понялъ мимику аббата и исполнилъ приказаніе. Добровскій намочилъ въ холодной водѣ оба платка, слегка выжалъ ихъ и вернулся затѣмъ къ капеллану.

— Святочудная вода!*) промолвилъ Добровскій ироническимъ тономъ. Ну, придумалъ поддѣлыватель эпитетъ! Вода святая, сударь мой, и чудная! То есть чистая, свободная отъ всѣхъ нелѣпыхъ примѣсей. Нелѣпыхъ потому, что человѣческихъ. Поймите, что вода—неисчерпаемый источникъ здоровой и лѣкарственной силы.

Капелланъ почтительно улыбался.

— Не вѣрите? спросилъ аббатъ.

— Вѣрю.

— А propos! По какому дѣлу вы въ Дерславицахъ?

Фабіанъ коротко и ясно объяснилъ ему, что у него Морщина въ подозрѣніи, не тайный ли онъ чешскій братъ, что онъ пришелъ къ нему по приказанію викарія, чтобы отобрать гуситскія книги и уговорить произнесть въ приходской церкви гласное заявленіе о принадлежности къ католической вѣрѣ. Онъ говорилъ понѣмецки, чтобы Морщина, стоявшій поодаль, не понималъ.

Глаза Добровскаго заискрились. Съ любовью посмотрѣлъ онъ на Морщину и проговорилъ:—Audiatur et altera pars, братъ во Христѣ. Предоставьте это дѣло мнѣ: я его съумѣю разобрать.

---

*) „Святочудная"—эпитетъ воды въ Зеленогорской рукописи, открытой В. В. Ганкою. Извѣстно, что Добровскій считалъ обѣ древнѣйшія чешскія рукописи за поддѣлку Ганки. *Перев.*

Digitized by Google

Пройдитесь по селу и утѣшьте какую-нибудь немощную... При послѣднихъ словахъ аббатъ иронически улыбнулся. Я самъ переговорю съ лѣсникомъ. У колокольни мы сойдемся, и мнѣ будетъ пріятно, если вы удостоите проводить меня въ Худеницы.

Капелланъ ушелъ. Добровскій кивнулъ Морщинѣ, чтобы тотъ шелъ съ нимъ въ комнату. Они остались наединѣ.

— Морщина, сказалъ аббатъ напрямикъ,—есть ли у васъ на примѣтѣ такое мѣсто, котораго никто не знаетъ и куда вы можете снести ваши книги?

При этомъ онъ не спускалъ глазъ съ окна и говорилъ почти шепотомъ.

Старый лѣсникъ чесалъ въ раздумьи за ухомъ.

— Повѣрьте мнѣ, землякъ! продолжалъ Добровскій, я страстный любитель старо-чешскихъ книгъ и скажу вамъ безъ лести и преувеличенія, что я уважаю чешскихъ братьевъ во сто кратъ больше, чѣмъ всѣхъ нашихъ поповъ при императорѣ Францѣ. Братская вѣра—чисто Христова вѣра и въ ней просвѣчиваетъ высокая человѣчность. Теперь вы меня знаете. Гдѣ же ваши книги?

У Морщины, который не спускалъ своихъ проницательныхъ взоровъ съ Добровскаго, на душѣ просвѣтлѣло. Онъ убѣдился, что ученый старикъ лгать не можетъ. Онъ весело подошелъ къ аббату, съ чувствомъ поцѣловалъ у него руку и сказалъ:—Повинуюсь, отче!

— Что же у васъ за книги?

— Есть у меня Кралицкая пятитомная библія, Самотѣльскій канціоналъ, Исторія о противностяхъ, Катихизисъ, Гусова дщерь и хроника г. Пельцля. *)

— Гдѣ жъ онѣ у васъ?

— Закопаны на Дубравѣ подъ букомъ. Подъ кореньемъ есть тамъ пещерка изъ камня. Сырость туда не проникаетъ. Хроника у меня дома.

— Нѣтъ ничего написаннаго на переплетахъ?

---

*) Францъ Пельцль принадлежитъ къ числу дѣятелей эпохи чешскаго „возрожденія“, начало которой относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ 18 вѣка и первоначально выражалось въ желаніи защищать литературное значеніе чешскаго языка. Первые дѣятели „возрожденія“ начали съ перепечатки лучшихъ произведеній старо-чешской литературы. *Перев.*

Digitized by Google

— Есть четыре церковныя пѣсни.

— Вотъ и прекрасно! Сегодня у насъ четвергъ, въ субботу до полудня сойдемся на Дубравѣ, и вы покажете мнѣ книги. Поповъ не бойтесь, Морщина. Я беру васъ подъ свое покровительство, а Добровскій у графа больше значитъ, чѣмъ всѣ попы изъ графскихъ имѣній. Крѣпитесь, землякъ!

При этомъ онъ ласково потрепалъ брата по плечу.

— А теперь прощай, Морщина. Досвиданія въ субботу на Дубравѣ.

Морщина поцѣловалъ у него руку. Добровскій удалился.

Подъ колокольней ждалъ его Фабіанъ съ нѣсколькими крестьянами. Тѣ, замѣтивъ Добровскаго, спѣшили подойти къ нему подъ благословеніе.

— Берегитесь, крикнулъ имъ аббатъ, пряча руки за спину, иначе окроплю васъ всѣхъ неосвященной водой.

Крестьяне какъ-будто иронически улыбались, Фабіанъ досадовалъ.

— Пойдемъ, ваше преподобіе, торопилъ аббатъ капеллана.

Пошли. За селомъ у колодца Добровскій опять намочилъ свои платки. Тутъ только онъ вступилъ съ Фабіаномъ въ разговоръ.

— Морщина почтенный старикъ, будьте къ нему снисходительны, началъ Добровскій.

— Обманываетъ онъ васъ такъ же, какъ и насъ.

— Это—одно подозрѣніе.

— Простите, ваше высокопреподобіе, что я противорѣчу, возражалъ Фабіанъ. Если онъ у насъ въ подозрѣніи, то это не съ вѣтру взято.

— Да? разскажите, я радъ послушать.

— Три года назадъ, около всѣхъ Святыхъ, совершилось событіе, въ нашей духовной сферѣ весьма замѣчательное. Въ Худеницахъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся, больной нищій умеръ въ саду у одного мужика. Nota bene; безъ пріобщенія святымъ тайнамъ.

— Не было, конечно, у бѣдняка никого подъ рукою, кто бы позаботился о духовномъ напутствіи.

— Можетъ быть, но мы не могли его похоронить по обрядамъ церкви.

Digitized by Google

— То есть: вашъ приходской священникъ отказалъ ему въ христіанскомъ погребеніи?

— Точно такъ, ваше высокопреподобіе, и я полагаю, что онъ поступилъ вполнѣ справедливо.

— Вполнѣ справедливо, повторилъ иронически Добровскій.

— Кто знаетъ, какой вѣры былъ тотъ нищій.

— Можетъ быть, протестантъ.

— Можетъ быть, жидъ, ваше высокопреподобіе!

— Это вѣрно... и положить его кости въ священную землю!

Капелланъ смутился. Минуту спустя онъ продолжалъ:—Мы не могли его похоронить по закону. Никто его не зналъ изо всего села. Подождемъ нѣкоторое время, сказалъ приходской священникъ, можетъ быть, явится кто-нибудь, кто его узнаетъ. Но на пятый день нищій былъ ужъ похороненъ.

— Въ священной землѣ, а не какъ падаль за заборомъ?

— Извините, ваше высокопреподобіе, но...

— Но кто жъ совершилъ это злодѣяніе?

— Морщина съ тѣмъ мерзавцемъ, воромъ Гукаломъ, что живетъ подлѣ пруда.

— Вотъ такъ преступленіе; и вы не разразитесь, громы небосные! иронически восклицалъ Добровскій.

— Ну изъ-за этого было слѣдствіе, собственно должно было быть, если бы его сіятельство, графъ, не вмѣшался. Онъ сказалъ: съ Морщиной я расправлюсь, а Гукалу велите похоронить десятокъ такихъ же на память, чтобы онъ въ другой разъ этого не дѣлалъ.

— И на томъ дѣло стало?

— Точно такъ. Но Морщина съ тѣхъ поръ у насъ на примѣтѣ. Если бъ не было его сіятельства, онъ бы сидѣлъ въ тюрьмѣ навѣрно.

— Но въ другой разъ онъ не попадался?

— Еще въ худшемъ дѣлѣ попался, ваше высокопреподобіе.

— Ну-те!

— Удостойте выслушать. Годъ тому назадъ, послѣ жатвы, шли наши съ процессіей на Святую Гору. Несли, какъ обыкновенно, впереди предъ процессіей святый крестъ, увѣнчанный искуственными розами, принесенными прихожанками. Подъ Слатинами про-

Digitized by Google

цессія настигла Морщину. Онъ какъ разъ шелъ изъ лѣса. Скрыться ему не удалось. Остановился онъ и еле-еле приподнялъ шапку, чтобы плѣшь не простудить! При этомъ язвительно улыбался. Участвовавшіе въ процессіи видѣли это собственными глазами.

— Можетъ быть, это имъ такъ казалось?

— Хорошо казалось! вовсе нѣтъ: они видѣли ясно.

— Можетъ быть, ему хотѣлось чихнуть?

— Извините, ваше высокопреподобіе...

— Не оправдываю я его, братъ во Христѣ. Но что же, дальше?

— Что дальше! Если бы можно было все это доказать! Но вѣдь въ процессіи были и такіе люди, которые тянутъ съ нимъ за одно.

— Вотъ и оправданіе для него. Значитъ, онъ также набоженъ, если его друзья участвовали въ процессіи.

— О, люди умѣютъ притворяться. Кто заглянетъ имъ въ душу?

— Вы правы. Иной распялъ бы самого Христа, а смотритъ святымъ.

Капелланъ смотрѣлъ на Добровскаго и приходилъ въ смущеніе. Ему казалось, что аббатъ не стрѣляетъ на вѣтеръ, и дѣло не идетъ тутъ о Святогорскихъ богомольцахъ.

— Такъ, значитъ, на счетъ Морщины не доказано?

— Кое-что есть. Какъ разъ тогда приходской священникъ захворалъ. Да, да, провалялся цѣлую зиму. Но Морщина у насъ вторично на примѣтѣ.

— Все это такъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ тайный братъ.

— Что онъ начетчикъ, это извѣстно: а то зачѣмъ бы ему скрываться со своими книгами.

— У него есть Пельцлева исторія, а эта не запрещена, вѣдь на ней красуется imprimatur *).

— Но у него есть и другія, запрещенныя, пикартскія книги.

— Ничего нѣтъ, вѣрьте. А относительно честности онъ извѣстенъ самому графу.

— Въ этомъ то и ключъ, почему мы не можемъ до него добраться. Но въ концѣ концовъ правда, разумѣется, всплыветъ

*) Дозволено цензурою.

Digitized by Google

наружу.

— Старая истина, братъ во Христѣ. Правда выходитъ и выйдетъ наружу, хотя бы была засыпана Монблановъ лжи, собранной со всего свѣта.

При этихъ словахъ они дошли до моста надъ обрывомъ, обсаженнымъ роскошными тополями. У моста на камнѣ сидѣлъ нищій Куделя, почти столѣтній старикъ, одѣтый въ рубище.

— Слава Іисусу Христу! взывалъ онъ уже издалека къ подходившимъ священникамъ. Смилуйтесь, благодѣтели, надъ убогимъ старикомъ. Подайте милостыньку.

Фабіанъ опустилъ въ карманъ руку за монетой. Добровскій остановилъ его руку и далъ полежать одинъ изъ своихъ платковъ. Потомъ самъ опустилъ руку въ задній карманъ сюртука и досталъ оттуда довольно большую игральную кость. Подойдя къ нищему и подавая ему кость, онъ сказалъ:

— Вотъ тебѣ, Куделя, брось кость.

Куделя повертѣлъ съ минуту кость въ ладони и бросилъ ее на дорогу.

— Сколько ты выигралъ? спросилъ Добровскій.

— Пять, радостно отвѣтилъ нищій.

— Хорошо: вотъ тебѣ пять крейцеровъ, отвѣтилъ аббатъ и, заплативъ нищему проигрышъ, снова спряталъ кость въ карманъ. Они пошли дальше.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете, ваше высокопреподобіе, говорилъ Фабіанъ.—Это игра случая! Порядочному бѣдняку можетъ прійтись одинъ, а негодяю шесть крейцеровъ!

— Кто можетъ читать въ нищемъ по глазамъ, бѣднякъ ли онъ настоящій или притворный мошенникъ? Наружность обманчива. Я даю одному крейцеръ, а онъ заслуживаетъ шести; другому даю шесть, а онъ не стоитъ ни одного. Разумъ нашъ тутъ безсиленъ, брате во Христѣ, а потому пусть рѣшаетъ случайность, и мы останемся чисты и безупречны.

— Но вѣдь это страшные каузистическіе воззрѣнія и принципы!

— Я не вижу въ нихъ ничего страшнаго, dilecte frater. Я ужъ передумалъ много за тѣ годы, что хожу по землѣ. Приходилось мнѣ строить и разрушать уже довольно. Зачѣмъ же, когда я готовлюсь постепенно на съѣденіе червямъ, становиться мнѣ

Digitized by Google

казуистомъ? Искони вѣковъ рѣшала дѣла и будетъ рѣшать случайность, не смотря на всѣхъ Лейбницевъ и Кантовъ!

Глава II.

По сѣрому небу бродили тучи. Сильный полуночный вѣтеръ порывался и напиралъ на деревья, насаженныя у дороги, разгоняя дождь, готовый брызнуть. По временамъ чаще, по временамъ рѣже накрапывалъ дождикъ. Отъ Худеницъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ въ живописной мѣстности каплица св. Анны, съ кладбищемъ подъ самымъ лѣсомъ, опрометью бѣжалъ мужчина большаго, почти гигантскаго роста съ мѣшкомъ за плечами. Онъ сильно торопился и напрямикъ несся къ лѣсу. Одѣтъ онъ былъ въ грубое платье и безъ шапки. Растрепавшіеся волосы развѣвалъ вѣтеръ, въ глазахъ были видны страхъ и безпокойство, въ очертаніяхъ рта—упорство и рѣшительность. Очевидно, для него все дѣло шло о томъ, чтобы поскорѣй пробраться въ лѣсъ. Онъ ни разу не оглянулся, боясь потерять хотя бы минуту. Онъ бѣжалъ, сколько хватало духу.

Въ мѣстечкѣ царили движеніе и крикъ. Толпа мужчинъ, вооруженныхъ палками, вилами, цѣпами и лопатами, бѣжала отъ церкви по дорогѣ на гору. Толпа торопилась не меньше бѣглеца.

— Не уйдетъ онъ отъ насъ, кричалъ церковный сторожъ Стругалъ.

— Ну, будь, Боже, милостивъ къ его шкурѣ, если мы его настигнемъ. Мы помнемъ ему бока, будетъ помнить до смерти! добавлялъ другой, по всему судя, дворовый.

— Не продавайте теленка, пока нѣтъ у насъ коровы, бормоталъ третій, по костюму и манерамъ, егерь.—Шибче, впередъ, братцы! Если доберется мошенникъ до лѣса, чортъ его поймаетъ!

— Да, да, Войтѣхъ! подзадоривали другъ друга нѣкоторые: не плошать!

Добѣжали они до холма за мѣстечкомъ. На минутку остановились, осматриваясь по направленію къ лѣсу.

— Вонъ онъ, гдѣ, мерзавецъ! кричалъ дворовый.—До лѣса ему — рукой подать.

— Проклятый! За нимъ, за нимъ, по тропинкамъ!

Digitized by Google

Они двинулись по орѣховымъ аллеямъ, идущимъ къ капли-цѣ святой Анны.

Преслѣдуемый достигъ лѣса. Тутъ онъ перевелъ духъ и оглянулся. Усмѣшка мелькнула по его лицу. Зоркіе его глаза мигомъ сосчитали численность его преслѣдователей. Онъ снова бросился бѣжать, вправо въ чащу.

— Гонитесь за мной, говорилъ онъ самъ съ собою, не видать вамъ меня!

Едва сдѣлалъ онъ двадцать шаговъ... и остановился. Изъ лѣснаго мрака выступила предъ нимъ голубая фигура мужчины. Она заступила предъ нимъ дорогу. Воръ былъ озадаченъ.

— Прочь съ дороги, крикнулъ онъ, а то ударю, и поднялъ правую руку.

Голубая фигура не уступила ни шагу, но бросила ему въ глаза мокрый платокъ. Бѣглецъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Онъ стоялъ, протирая глаза.

— Кто ты таковъ? крикнулъ на него Добровскій.

— Батюшка! За мной гонятся. Пустите меня. Ради Бога!

— Кто ты таковъ?

— Гукалъ.

— Воръ?

Гукалъ не отвѣчалъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Что у тебя въ мѣшкѣ?

— Свинина, колбасы, батюшка. Жена у меня въ шести недѣлях. Она голодна, страшно голодна. И дѣти голодны, батюшка.

— У кого взялъ ты мясо?

— У управляющаго, батюшка.

— Конипаса?

— Такъ точно.

— Бѣги, негодный!

Гукалъ бросился бѣжать. Преслѣдователи его были почти у лѣса.

— Вотъ сюда онъ скрылся, крикнулъ дворовый. — Бѣгомъ за нимъ. Въ разсыпную на извѣстное разстояніе!

— Въ разсыпную. Онъ не уйдетъ отъ насъ.

— Коли онъ въ лѣсу, то не сквозь землю же провалился, ворчалъ Войтѣхъ.

Digitized by Google

— Смѣлѣй, впередъ!

Достигли лѣса. Добровскій заступилъ имъ дорогу.

— Куда спѣшите? спросилъ онъ торжественно и насмѣшливо.

Егерь остановился, остальная дружина тоже. Выпрямившись и салютуя по военному, онъ проговорилъ по—солдатски:—Здравія желаю, ваше высокопреподобіе; мы въ погонѣ за архиплутомъ Гукаломъ.

— Кто онъ?

— Воръ.

— Что сдѣлалъ?

— Своровалъ.

— Что такое?

— Свинину, колбасы и разныя разности изъ съѣстного.

— Вотъ какъ! У кого же?

— У господина управляющаго, ваше высокопреподобіе.

— Убѣжалъ отъ васъ?

— Ушелъ въ лѣсъ, къ святому Вольфгангу.

— Быть не можетъ. Я бы его видѣлъ.

— Онъ убѣжалъ сюда. Недавно еще мы его видѣли.

— Проклятый! Такъ какъ въ воду канулъ!

— Но мы его найдемъ!

Войтѣхъ отсалютовалъ снова и, обернувшись къ дружинѣ, скомандовалъ:—Впередъ! Маршъ! Кто увидитъ его, пусть крикнетъ: здѣсь! Мы всѣ на голосъ явимся.

Дружина двинулась въ лѣсъ. Церковный сторожъ держался Войтѣха. Одинъ онъ боялся въ лѣсу.

Добровскій усѣлся подъ развѣсистой липой на лѣсной опушкѣ. Дождь пошелъ гуще и издавалъ пріятный шелестъ въ листвѣ липы, подъ которой было сухо. Это было укромное мѣстечко, закрытое отъ вѣтра.

— Гукалъ, Гукалъ, повторилъ Добровскій, гдѣ я это имя слышалъ?..

Вспомнилъ онъ про Дерславицы и Морщину. Въ головѣ его просвѣтлѣло.

Вспомнилось ему про этого вора дальше. Двѣ вещи въ этомъ человѣкѣ казались ему замѣчательными. Вопервыхъ, онъ похоронилъ съ Морщиной убогаго странника-нищаго, которому приходской попъ отказалъ въ честномъ христіанскомъ погребеніи.

Digitized by Google

Хотя бы Морщина первый далъ починъ этому дѣлу, все таки оно показывало въ Гукалѣ доброе сердце, если онъ присоединился къ этому дѣлу... Морщина обыкновенно считался человѣкомъ честнымъ и разсудительнымъ, и однакожъ онъ воспользовался помощью вора. Итакъ Гукалъ не могъ быть воромъ по ремеслу. Да и кромѣ того: другой простой и грубый воръ прямо бы, безъ размышленія повалилъ на землю всякаго, кто бы въ одиночку заступилъ ему дорогу въ лѣсу. Почему не поступилъ такъ силачъ Гукалъ, почему онъ ради Христа просилъ отпустить его потому, что его преслѣдуютъ? Конечно, мокрый платокъ неожиданностью своею могъ ошеломить и обстрѣляннаго вора. Но онъ могъ оказать свое дѣйствіе лишь на одну минуту. А Гукалъ, опомнившись, даже оказался пристыженнымъ и откровеннымъ. Онъ совершено искренно признался, что онъ взялъ и почему взялъ именно свинину.

Голодная жена въ шести недѣляхъ, голодныя дѣти! Въ сердцѣ Добровскаго что-то шевелилось. Онъ не былъ въ состояніи уберечься отъ симпатіи, которая вкралась въ немъ къ Гукалу и, не смотря на все сопротивленіе, усиливалась.

Дождь пересталъ. Въ листвѣ липы не было больше пріятнаго шелеста. Добровскій разобрался изъ мрачныхъ, нѣсколько загадочныхъ, мысляхъ, во главѣ которыхъ стоялъ Гукалъ, а на заднемъ-планѣ—почти величественная фигура Морщины.

Изъ лѣса показался церковный сторожъ Стругалъ весь въ поту.

— Схватили его, съ живостью спросилъ аббатъ.

— Нѣтъ, ваше высокопреподобіе, да и едва ли, схватимъ.

Добровскій вздохнулъ свободно.

— Что же егерь Войтѣхъ?

— Эхъ, Богъ съ нимъ! На словахъ онъ мастеръ. А поймать вора на войнѣ не научился!

— А однако ты былъ почти на вороту у вора, когда добѣжалъ до лѣса.

Стругалъ покраснѣлъ.

— Лѣсу и водѣ вѣрить нельзя, несмѣло отговаривался онъ.— Въ лѣсу нѣтъ заборовъ съ затворами.

— Конечно, конечно. А вы навѣрно знаете, что Гукалъ обокралъ управляющаго?

Digitized by Google

— Кто же другой, какъ не онъ? Дѣтей у него, какъ сору. Откуда взять для нихъ хлѣба? А просить милостыню онъ не хочетъ и не будетъ, пока ему не перебьютъ ногъ!

— Да! Сколько у него дѣтей?

— Восемь штукъ.

— Горькая доля! проговорилъ Добровскій и жестомъ руки отпустилъ церковнаго сторожа.

Тотъ поцѣловалъ его руку и сталъ спускаться къ мѣстечку

Добровскій всталъ и сталъ прохаживаться по лѣсной опушкѣ. Чрезъ какой-нибудь часъ пришли Войтѣхъ и остальные изъ лѣса Возвращались они съ пустыми руками. Это не ускользнуло отъ Добровскаго. Улыбка играла на его тонкихъ губахъ. Внизу въ мѣстечкѣ звонили на полдень. Посмотрѣвъ на часы, онъ вольнымъ шагомъ пошелъ по орѣховой аллеѣ къ Худеницамъ. Онъ шелъ напрямикъ къ замку, не замѣчая проходящихъ, которые издали ему кланялись. Онъ вошелъ въ свою комнату, въ которой царствовалъ живописный, истинно ученый безпорядокъ. Минуту порылся онъ въ своихъ бумагахъ, пробѣжалъ приготовленныя для него Пражскія газеты и потомъ позвонилъ. Вошелъ лакей и съ его помощью аббатъ переодѣлся, такъ что могъ идти въ салонъ. Вскорѣ онъ пошелъ къ графу побесѣдовать. Вошелъ безъ доклада въ рабочую друга своего графа Евгенія Чернина. Графъ поднялъ къ нему голову отъ письменнаго стола, за которымъ занимался. и проговорилъ:

— Это вы, любезный аббатъ? Не скучаете вы у насъ при сегодняшнемъ вѣтрѣ и дождѣ?

— Ошибаетесь, ваше сіятельство, отвѣтилъ Добровскій по-французски, такъ-какъ весь разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ,—я имѣлъ сегодня больше развлеченій, чѣмъ вы можете, ожидать.

Затѣмъ разсказалъ плавно и изящно, какъ будто читалъ главу изъ какого-нибудь романа, все, что сегодня въ присутствіи его произошло на опушкѣ лѣса у святого Вольфганга. Графъ слушалъ его со вниманіемъ и любовался остроумными оборотами и сравненіями, сыпавшимися какъ искры, въ рѣчи краснорѣчиваго аббата.

— Я сегодня надолго забылъ о своей пулѣ въ груди, окончилъ

Digitized by Google

Добровскій свой разсказъ. Хотя пуля моя и сидитъ глубоко во мнѣ... Изволите ли, графъ, знать лѣсника Морщину и вора, по крайней мѣрѣ, слывущаго такимъ, Гукала?

— Знаю, но очень мало. Это оригиналы, не пранда ли?

— Оригиналы достойные изученія.

— Вотъ какъ: нашъ знаменитый критикъ и филологъ выказываетъ вдругъ склонность къ этнографическимъ этюдамъ?

— Совершенно вѣрно, графъ. Но, что гораздо важнѣе,—я льщу себя надеждою, что добьюсь этимъ изученіемъ средствъ—разогнать мрачныя сомнѣнія, покрывающія въ моихъ глазахъ и сердцѣ будущность чешскаго народа.

Графъ очень пытливо посмотрѣлъ на Добровскаго и при этомъ проговорилъ.

— Аббатъ, вы рѣдкій человѣкъ. Я думалъ, что вы ограничитесь однимъ прошедшимъ чешскаго народа; но духъ вашъ—это могущественная сила, для которой нѣтъ предѣловъ въ пространствѣ. Отъ души желаю вамъ успѣха.

— Благодарю, ваше сіятельство. Жаль, что я такъ ужъ старъ! Но я думаю, что для серьезнаго дѣла сѣдины не помѣха.

— Полагаю, аббатъ, что не помѣха.

Тутъ прозвонили къ обѣду. Графъ и аббатъ молча перешли въ столовую.

III.

Было воскресное осеннее утро. Утро свѣжее, прекрасное, ясное. Каждое ясное утро имѣетъ свою поэзію: изъ прежней ночной тьмы выходитъ молодой дневной свѣтъ, а молодой свѣтъ—всегда поэтическій. Воскресенье тоже имѣетъ свою поэзію; преимущественно же внѣ города, въ деревнѣ. Поэзія эта тихая, возвышенная, успокоительная. Утро воскресенья послѣ обыденной работы! праздникъ послѣ труда, поэзія послѣ прозы! „Божье воскресенье“, говорятъ поселяне, что на языкѣ горожанъ значитъ поэтическій день. Плылъ я однажды въ ясное осеннее воскресное утро по Рейну изъ Шафгаузена въ Констанцъ. Въ поэтическомъ настроеніи всѣ мои горькія чешскія воспоминанія разсѣялись

Digitized by Google

дымомъ и пракомъ. Гусъ и его печальная судьба казались мнѣ „божьимъ воскресеньемъ“. Божьимъ воскресеньемъ въ сѣренькіе дни чешскаго народа...

Итакъ было воскресное осеннее утро. Утро свѣжее, прекрасное, свѣтлое.

Въ Лучицахъ изъ Франева двора вышла дѣвушка, готовая въ дорогу. На лѣвой рукѣ у нея была корзинка, видно, по всему тяжелая. Она несла въ ней разные съѣстные припасы для своего дѣда, лѣсника Морщины въ Дерславицы. Она ходила туда съ ними почти каждое воскресенье съ утра. Изъ-за полосатаго шерстяного платка улыбалось на свѣтъ божій ея красивое лицо. Магдалина была точно персикъ. Здоровая, свѣжая, миловидная, симпатичная. На Магдалину каждый глядѣлъ съ удовольствіемъ, былъ ли то молодой или старый. Въ юношѣ она пробуждала сладкія надежды любви, въ старикѣ—воспоминанія о цвѣтущей, къ сожалѣнію, уже промелькнувшей молодости. Кто мнѣ скажетъ, что жизнь не есть поэзія, тотъ или сумасшедшій, или никогда не зналъ жизни. Магдалина не отошла отъ дома и тридцати шаговъ, а ужъ должна была остановиться. Въ саду за заборомъ стоялъ подлѣ другого двора у дороги Томашъ Кудреновъ. Разумѣется, онъ ждалъ ее.

— Еслибъ, Магдалина, ты сказала, чтобъ я шелъ съ тобою, я перепрыгнулъ бы чрезъ заборъ и пошелъ съ тобою хоть до самыхъ Дерславицъ.

— Такъ далеко?

— Да хоть на край свѣта.

— Дорога для каждаго, Томашъ.

— Конечно, такъ, но...

Магдалина собиралась идти дальше.

— Прощай!.

— Еслибъ ты сказала, Томашъ, пойдемъ со мною... какъ бы я радъ былъ идти.

— Убирайся съ своими рѣчами.

— Клянусь, былъ бы радъ, очень радъ.

— Пускаешь слова на вѣтеръ, Томашъ.

— Вовсе нѣтъ, Магдалина. Въ правду, очень радъ идти съ тобою

— Пускай когда-нибудь въ другой разъ.

Digitized by Google

— Почему же не сегодня?
— Да потому... Прощай!
— Ну, иди себѣ, иди. Прощай. Но...
— Счастливо оставаться!
— Что же не дашь руки? Дай, Магдалина!

Магдалина подала ему руку и стала спускаться подъ гору къ Слатинамъ. Томашъ ухватился обѣими руками за плетень, какъ будто хотѣлъ перепрыгнуть черезъ него. Но не перепрыгнулъ. Глаза у него загорѣлись огнемъ. Онъ былъ молодъ, неопытенъ, нерѣшителенъ. Магдалина шла своей дорогой. По временамъ затягивала пѣсню. Пѣла какъ птичка. Перешла Слатины и кусокъ дороги за мостомъ, гдѣ старый Куделя бросалъ когда-то игральную кость на получку милостыни. Тутъ она имѣла вторую остановку; но совсѣмъ иную, чѣмъ первую. Подъ елью, у опушки лѣса сидѣлъ охотникъ, не спускавшій глазъ съ дороги. Издали онъ узналъ Магдалину. Онъ всталъ. При приближеніи ея, онъ поспѣшилъ ей на встрѣчу. Не поздоровался, не проговорилъ ни слова, но, оглядѣвшись на скоро вокругъ, не видно ли кого, онъ быстро обнялъ Магдалину, прижалъ ее къ сердцу и горячо поцѣловалъ ее. Поцѣловалъ ее не одинъ, не пять разъ, а десять, а можетъ быть, и больше. „Что такое безконечная величина?“ спрашивалъ когда-то сѣдой математикъ своихъ слушателей. „Поцѣлуй, господа, горячій поцѣлуй.“ Студенчество смѣялось, старичекъ-профессоръ хватался за бока. Онъ гордился своей остротой и ежегодно повторялъ ее.

Магдалина не сопротивлялась. Цѣловала, въ отвѣтъ, какъ цѣловалъ ее охотникъ. Они любили другъ друга.

— Какъ поживала, голубушка, все это время?
— Такъ же, какъ на освященіи церкви въ Балковахъ.
— Ну, отдохни немного. Сядемъ на минутку на травѣ.
— Но на травѣ сыро.
— Я возьму тебя къ себѣ на колѣни.
— Еще намъ не связали руки въ церкви.
— Но свяжутъ, хотя бы тысяча чертей были противъ...
— Да сохранитъ насъ Богъ! Если на то воля Божья, совершится это и безъ ругани.
— Твоими устами говоритъ Дерславскій дѣдушка.

Digitized by Google

— Пусть, что хочетъ, говоритъ! Но, повѣрь мнѣ, Францъ, я его люблю послѣ тебя больше другихъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю. Но мы должны ему во всемъ признаться.

— Не дѣлай пока этого.

— Почему же?

— Онъ сталъ бы меня журить, а я этого боюсь.

— Но вѣдь этого не избѣжишь; и рано или поздно это должно случиться.

Магдалина вздохнула.

— Почему ты вздыхаешь?

— Что скажетъ на это твой отецъ?

— Отвяжись съ этой старой пѣсней.

— Какъ же безъ нея можетъ пойти на ладъ наша музыка? Онъ—баринъ, чиновникъ, завѣдывающій помѣстьемъ, а я поселянка.

— Отвяжись съ этимъ барствомъ! Окорокъ, украденный у него Гукаломъ, для него во сто разъ дороже сына.

— Не думай такъ. Скажи ему только: хочу жениться на Магдалинѣ Франевой, и увидишь, какой пожаръ разгорится.

— Къ чему ты это мнѣ говоришь? Я и безъ того не могу спать спокойно. На меня и то дуются, что я не захотѣлъ поступить въ канцелярію. Но я и канцелярія! Лѣсъ, просторъ, вотъ моя канцелярія, а заряженное ружье—мое перо. Вчера я сочинилъ на это даже пѣсенку.

— Брось пустяки и старайся поскорѣе имѣть свой кусокъ хлѣба. Ну тогда, дастъ Богъ, все скоро устроится.

— Бѣда, Магдалина, когда оторванъ отъ семьи. Моя мать не должна бы выходить замужъ за Конипаса.

— На то была Божья воля. Этого не передѣлаешь. Ну, а теперь пойдемъ! Довольно мы поговорили.

— Но ты стоишь, Магдалина, на словѣ, что бы ни было?

— Стою. Вотъ тебѣ моя рука.

Влюбленные шли вмѣстѣ порядочный кусокъ дороги. Шли они рука объ руку. На извѣстномъ мѣстѣ стали прощаться.

— Я здѣсь подожду тебя, пока ты будешь возвращаться, проговорилъ Францъ.

— Не жди. Люди будутъ проходить и могутъ насъ увидѣть.

Digitized by Google

— По крайней мѣрѣ, посмотрю на тебя.
— Смотри, коли хочешь.
— А послѣ обѣда пойду въ Худенины. Придешь на молитву?
— Приду.
— Значитъ, въ церкви...
— Въ церкви... Прощай.

Магдалина уходила. Обернулась раза три на милаго. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, пока не зашла за лѣсъ въ долину. Тутъ онъ пошелъ въ лѣсъ. Голова его была переполнена мыслями, онъ терялся въ безвыходности положенія.---Какъ бы я охотно побесѣдовалъ по душѣ съ Морщиной! Вѣдь лѣсникъ у Франевыхъ—первое лицо. Объ отцѣ, баринѣ Конипасѣ, онъ не столько хлопоталъ.---Черезъ годъ я буду совершеннолѣтнимъ, разсуждалъ онъ самъ съ собою, ну а тамъ, что бы ни было, командовать собою я не допущу. Лучше съ Магдалинной горохъ да капуста, чѣмъ съ другою сытный обѣдъ! Это мое послѣднее слово.

Магдалина вошла въ домикъ лѣсника. Морщина, чисто выбритый и въ праздничномъ костюмѣ, привѣтливо протянулъ ей руку и, смотря на свою любимую внучку, высматривалъ моложе отъ непритворной радости. Онъ подробно и обстоятельно разспрашивалъ ее о домашнихъ ея, которыхъ онъ не видѣлъ ужъ цѣлую недѣлю, и закрѣплялъ свой разговоръ религіозными и философскими сентенціями, какъ это у него было въ обычаѣ. Затѣмъ онъ сказалъ:---Сними, милая, платокъ, а корзинку отдай Аполлинѣ. Потомъ приходите за мной въ горницу, чтобы совершить нашу молитву.

Магдалина вышла. Старая служанка Морщины Аполлина уложила принесенные припасы въ погребокъ, принарядилась по праздничному и взяла на запоръ дверь домика. Затѣмъ онѣ отправились въ капличку, чисто выбѣленную избушку, изъ которой единственное завѣшенное окно выходило въ аккуратно огороженный садъ. Морщина стоялъ на колѣняхъ у аналоя передъ распятіемъ Спасителя, съ книгою въ рукѣ. Женщины склонились на колѣни позади его и осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Затѣмъ старый лѣсникъ затянулъ старымъ, но звучнымъ голосомъ старинную пѣснь: „Кто подъ охраной Всевышняго“. Женщины пѣли вмѣстѣ съ нимъ. Пропѣвъ всю пѣснь, онѣ встали. Морщина обернулся къ

Digitized by Google

слушательницамъ и прочелъ громкимъ голосомъ евангеліе, на которое сдѣлалъ поясненіе, какое ему Богъ положилъ на умъ. Въ объясненіе свое включилъ разные истины и совѣты, и между прочимъ говорилъ: „Человѣкъ не похожъ на хрупкую утварь, если имѣетъ богобоязненныя мысли и чистое сердце, но становится хрупче стекла, если не стремится мыслію къ Богу, если имѣетъ сердце, загрязненное корыстью и страстями, и не стоитъ въ жизни и смерти съ вѣрою въ сердцѣ своемъ твердо на томъ, что ему мудрый Отецъ небесный преподалъ или преподаетъ для правильнаго жизненнаго пути".

„Никто не знаетъ, въ чемъ для него счастье, въ чемъ---несчастье. Поэтому надо быть осмотрительнымъ и умѣреннымъ въ счастіи, и покойнымъ и твердымъ въ несчастіи. Мановеніемъ руки счастіе превращается въ несчастіе и бѣды—въ благополучіе. Что же слѣдовательно дѣлать въ вихрѣ людскихъ треволненій, чтобы не утонуть? Надо научиться съ спокойною мыслью распоряжаться радостью и горемъ. Кто же этому научаетъ? Совѣсть, ибо, благодаря совѣсти, говоритъ съ человѣкомъ Богъ. Совѣсть переходитъ въ вѣру. Лишь подобная вѣра удовлетворяетъ насъ. Всякая иначе пріобрѣтенная вѣра не прочна".

„Рожденіе ничто, жизнь—многое, праведная смерть—все".

„Ненависть—зло, любовь—добро, жертва собою изъ любви къ собратьямъ—царствіе небесное на землѣ".

„Кто вездѣ и во всемъ имѣетъ въ виду самого себя, тотъ замыкается въ самого себя подобно улиткѣ въ ея скорлупѣ. Скорлупа эта хотя и охраняетъ предъ дождемъ и вѣтромъ, и всякой непогодой, но человѣкъ не видитъ въ немъ ни солнца, ни неба, ни зеленой земли, и если выставитъ иной разъ свою голову, его постоянно стѣсняетъ эта тяжелая скорлупа".

„Отомкни втулку, простись съ пивомъ, есть чешская поговорка. Дай волю страстямъ, не увидишь счастья. Магдалина, ты молода, помни всегда объ этомъ!"

Магдалина вспыхнула яркимъ румянцемъ. Послѣднія слова дѣда задѣли ее за живое. Францъ и безъ того не выходилъ у нея изъ головы, и вся ея сегодняшняя молитва была почти механической. Но теперь изъ чистоты ея совѣсти вдругъ заговорилъ въ ней голосъ, побуждавшій ее довѣрить дѣду свою любовь. Но противъ этого возстала врожденная дѣвическая стыдливость и

Digitized by Google

сильное почтеніе и уваженіе, которое она питала къ старцу, вдохновенному по ея убѣжденію божественнымъ духомъ. При всей любви, которую она къ нему питала, дѣдъ въ тоже время стоялъ въ ея глазахъ слишкомъ высоко. Примѣрная, христіанская жизнь и религіозность ставили его въ ея глазахъ на такой высотѣ, которую она не рисковала перешагнуть. Насегодня она порѣшила затаить въ себѣ голосъ своей совѣсти и выносила изъ Дерславскаго лѣсного домика лишь мысли, которыя гармонировали съ ея любовью.

„Стой твердо на томъ, что даетъ тебѣ для жизни Отецъ небесный".

„Любовь есть добро, жертва изъ-за любви есть небесное царство на землѣ".

„Не давай воли страстямъ, иначе не увидишь счастья".

Этими мыслями она оживляла свою душу, удѣляясь быстрыми шагами послѣ молитвы изъ Дерславицъ. На условленномъ съ Францемъ мѣстѣ она остановилась, какъ будто отдыхала. Засмотрѣлась она по направленію къ лѣсу. Изъ лѣса на нее улыбались радость и счастье очами милаго. Францъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Онъ очевидно желалъ идти за нею, но удержался. Люди мелькали по дорогѣ. Онъ пересилилъ себя. Магдалина вздохнула и пошла дальше, успокаивая свое порывисто бьющееся сердце тѣмъ, что вечеромъ въ церкви вблизи увидитъ Франца Недалеко отъ ея дома показалась на дорогѣ противъ нея поповская фигура. Магдалина не замѣчала ея раньше, чѣмъ поравнялась съ нею. Это былъ капелланъ Фабіанъ. Магдалина поздоровалась съ нимъ по-крестьянски и поцѣловала у него руку. Фабіанъ на минутку удержалъ эту руку и проговорилъ.—Куда ты ходила, дѣвушка?

— Была у дѣдушки въ Дерславицахъ. Носила ему сыръ, масло и немного жаркого.

— А раннее богослуженіе?

— Я молилась дорогой, отвѣтила Магдалина, отнявъ у него руку. И она не лгала. Согласно ученію Морщины молиться значило заниматься серьезными и спасительными мыслями, а ими рядомъ съ своею любовью и была занята Магдалина.

— Богъ, конечно, вездѣ слышитъ молитвы, промолвилъ Фа-

Digitized by Google

біанъ, но преимущественно въ домѣ Божіемъ. А я тебя тамъ не нашелъ.

Онъ оборвалъ рѣчь и покраснѣлъ. Чувствовалъ, что проговорился.

Магдалина поглядѣла на него нѣсколько удивленно и внимательно. Онъ опустилъ предъ нею глаза.

— Наконецъ, поправляйся капелланъ, ты можешь свою ошибку исправить при вечерней службѣ.

— Я такъ и сдѣлаю.

— Сдѣлай, дѣвушка, сдѣлай, и Богъ проститъ тебя.

Онъ протягивалъ руку дѣвушкѣ, но она ея вторично не поцѣловала. Они разошлись.

Пройдя часть дороги, капелланъ обернулся и глядѣлъ ей въ слѣдъ.

Магдалина, не оборачиваясь, быстрыми шагами поспѣшала домой. Въ деревнѣ заступилъ предъ ней дорогу Томашъ.

— Вотъ ты и здѣсь! Пропала было на цѣлую вѣчность, обратился онъ къ ней.

— Тороплюсь домой. Меня ждутъ. Прощай.

Магдалина спѣшила къ отцовскому дому.

— Не надо бы спѣшить тебѣ отъ меня! кричалъ ей вслѣдъ Томашъ.

Послѣ полудня во второмъ часу Магдалина была въ церкви. Стояла, гдѣ стоятъ всегда дѣвушки. Влѣво, невдалекѣ отъ неяподлѣ стѣны стоялъ Францъ, украдкой поглядывая на нее. Немного повади былъ Томашъ. И тотъ больше глядѣлъ на нее, чѣмъ на священника у алтаря. Благословляя послѣ службы народъ, хорошо замѣтилъ капелланъ Фабіанъ, что Магдалина поправила вечеромъ свою утреннюю ошибку.

IV.

Жизнь человѣка полна странностей и несообразностей.—Опираясь на народную русскую поговорку, Кольцовъ въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ: „Жизнь прожить не поле перейти“... Правда, огромная масса людей никогда не ходила за плугомъ и не обливалась за нимъ потомъ. Не испытавшій не знаетъ, что такое на твердыхъ рукахъ жгучіе мозоли; и едва ли поймете выше приведенную поговорку. Земля, общая наша кормилица, даетъ и тяжелый черный

Digitized by Google

хлѣбъ, и вкусные торты и сухари. Кто ѣстъ торты и сухари, не станетъ думать о тѣхъ, кому тяжело дается черный хлѣбъ. Тяжко работаютъ изъ-за насущныхъ потребностей, легко живется въ довольствѣ.... Но и черный хлѣбъ, если есть—дѣло хорошее; что-же, если нѣтъ и его? А тутъ у тебя голодный желудокъ, и дѣти хватаютъ тебя за полы изношеннаго рубища и вопятъ съ плачемъ:—Дай, папа, дай хлѣба! А жена останавливаетъ на тебѣ печальные взоры, держа на рукахъ ребенка, котораго должна кормить грудью, а кормить нечѣмъ!

Бѣднякъ укралъ у богатого хлѣбника булку. Его поймали, привели къ судьѣ.

— Ты взялъ хлѣбъ?

— Взялъ.

— Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ?

Бѣднякъ не сказалъ, что самъ былъ голоденъ, но отвѣтилъ:

— У меня дома пятеро дѣтей, одно голоднѣе другого. У меня постоянно стоитъ въ ушахъ: дай хлѣба. Жена у меня въ шести недѣляхъ. Дитя сосетъ ее, а она молока не имѣетъ. Она голодна.

У судьи самого была семья. Сожалѣніе стѣснило его сердце, душу его чуть не забрала въ свои руки обыденная человѣческая логика. Но онъ не могъ руководиться обыденной логикой въ своей должности, онъ долженъ былъ вернуться къ логикѣ, подстриженной въ скобку по главамъ и параграфамъ.

— Почему ты не искалъ честнаго труда?

— Искалъ я, но не нашелъ.

— Ну ужъ повѣрю!

— Ей Богу!

— Ну!

— Дѣти были голодны. Я взялъ булку изъ хлѣбни.

— Долженъ былъ просить.

— Люди не даютъ, бранятся. Иди, говорятъ, работать.

— Дурно ты поступилъ.

— Согласенъ, что поступилъ я дурно.

Судья долженъ былъ судить. И судилъ. Но судилъ не онъ, судили параграфы. Въ душѣ онъ умывалъ при судѣ руки; успокаивалъ себя сознаніемъ, успокаивалъ параграфами. Предъ закономъ личность—ничто. Совершенное дѣяніе для него все. Но дѣ-

Digitized by Google

яніе исходитъ отъ личности. Отдѣлите отъ дѣянія личность! Въ этомъ закавычка, самая запутанная закавычка....

Наша обыденная логика по уши вязнетъ въ предразсудкахъ. Не чваньтесь прогрессомъ, просвѣщеніемъ. Столбы вашихъ предразсудковъ крѣпче самой прочной твердыни. Право опережаетъ обязанность. Прежде чѣмъ имѣть право судить, несете вы обязанность стараться о томъ, чтобы люди не голодали. Исполнивъ обязанность, исполняйте право.

Вотъ эти и подобныя имъ мысли бродили въ головѣ Добровскаго, пока шелъ онъ къ Гукалу по дорогѣ отъ церкви внизъ. Мысль за мыслью становилась въ головѣ его въ рядъ. Каковы жъ начало и конецъ этого ряда? Человѣчность, настоящая человѣчность. Здравая гуманность, свободная отъ всякой примѣси и прикрасъ романтики.

Добровскій спускался внизъ къ пруду. Онъ обошелъ его съ правой стороны. На выступѣ подлѣ красиваго, даже великолѣпнаго барскаго хлѣбнаго магазина лѣпилась, полузакрытая жалкими плодовыми деревцами, хижина, въ которой обитала Гукалова семья. Хижина ветхая, разоренная: Боже милосердный! ни отъ солнца въ ней не укроешься, ни отъ дождя не защитишься. Передъ хижиной на голой землѣ играло нѣсколько голодныхъ исхудалыхъ дѣтей. Они вытаращили глаза на аббата. Но не разбѣгались. На этотъ разъ Добровскій не вынулъ изъ кармана игральную кость, чтобъ дѣти бросили жребій. Онъ вынулъ мѣшечекъ. Дѣти окружили его, запрыгали, протягивая къ нему руки. Онъ ихъ одѣлилъ всѣхъ щедро. Глаза у него при этомъ покрылись влагою отъ слезъ. Дѣти жъ торжествуя бѣжали на гору къ мѣстечку за покупками. Съ минуту онъ глядѣлъ за ними вслѣдъ. Затѣмъ пошелъ твердыми шагами къ хижинѣ. Отворилъ дверь въ мрачную, грязную комнату, въ которую свѣтъ проникалъ лишь двумя, залѣпленными бумагой, окнами. Остановился на порогѣ. Привыкшій къ аристократическимъ салонамъ и порядочности довольства, онъ на мгновеніе былъ въ нерѣшительности, входить ли въ загрязненную избу бѣдняка.

Былъ полдень, но печь была холодна. Привѣтливый огонь не трещалъ въ ней. Гукаловы варили, когда было что; но въ полдень ли, ночью ли—не въ этомъ было дѣло. Въ углу подлѣ печи

Digitized by Google

сидѣла на бревнѣ Гукалова жена. Она качала ребенка, который, несомнѣнно, отъ голода кричалъ благимъ матомъ. Это была исхудалая фигура, но сильнаго сложенія. На ней не было ни одной вещи приличнаго костюма. Она не встала, не поздоровалась. Вся удивленная она вглядывалась въ прибывшаго господина.

— Гдѣ вашъ мужъ, привѣтливо спросилъ ее Добровскій.

— Не знаю, куда отправился, батюшка.

Добровскій не собирался уходить. Онъ осматривался, нѣтъ ли гдѣ какого—нибудь сидѣнья. Между окнами подлѣ стѣны стояла единственная скамейка, не особенно чистая. Женщина, вѣроятно, понимала, что господинъ хочетъ сѣсть, но не встала, чтобы обтереть для него скамейку. Не было у нея такой тряпки, на ней была единственная грубая голубая въ полоскахъ юпка. Добровскій вытеръ скамейку собственнымъ платкомъ, бросилъ платокъ на столъ и усѣлся.

— Погляжу мужа, сказала Гукалова, нѣтъ ли его гдѣ по близости.

Она вышла съ кричащимъ ребенкомъ. Добровскій вздохнулъ свободнѣе. Дѣтскій крикъ былъ ему не по душѣ. Онъ задумался и комбинировалъ въ головѣ данныя, которыя до тѣхъ поръ собралъ о Гукалѣ.

Гукалъ чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе интересовалъ его. Поселяне разсказывали:

— Гукалъ странный человѣкъ. Онъ крадетъ только у богатыхъ, бѣдняковъ оставляетъ въ покоѣ, но съ дѣтства имѣетъ цѣпкіе пальцы. Въ замкѣ ужъ нѣсколько разъ задавали ему славную баню. И Войтѣхъ это умѣетъ, надо отдать ему справедливость! Но ничто не помогаетъ, его не исправили. Вылей на цыгана хоть цѣлый прудъ, цыганъ отъ этого не побѣлѣетъ. Но Гукалъ вовсе не цыганъ, онъ чехъ, и тѣлесной раны изъ его рукъ еще не получалъ никто. И денегъ тоже не беретъ, а съѣстное, одежду беретъ. И дѣлаетъ это искусно, какъ по нотамъ. Водили его ужъ нѣсколько разъ въ кандалахъ въ тюрьму, и онъ посидѣлъ тамъ таки достаточно. На нѣкоторое время какъ будто исправлялся, но никогда не выдерживалъ такъ и года. И посидѣвши еще онъ не исправится. Когда же онъ ведетъ себя честно, пусть не пробуетъ никто сказать, что онъ подшитъ воромъ. Это оправдалось на Сыро-

Digitized by Google

вой. Какъ было дѣло—стоитъ разсказать. Года четыре назадъ шла Сырова, крестьянка, на ярмарку въ Швиховъ. Наработались у Сыровыхъ довольно, пока собрали тридцать гульденовъ на покупку коровки. Деньги въ бумажныхъ кредиткахъ спрятала Сырова въ молитвенную книжку, книжку завернула въ платокъ, и Богъ знаетъ, куда ее дѣвала, идучи съ другими женщинами въ Швиховъ. Говорила, что спрятала ее на груди, но кто повѣритъ глупой бабѣ! Какъ могла она потерять ее дорогой? Деньги потеряла съ книжкой, въ которой онѣ были! То то было плача и причитаній! Да и какъ обойтись безъ этого! Тридцать гульденовъ кредитками—славныя денежки для каждаго, не говоря ужъ о бѣдной крестьянкѣ! Не рѣшалась бѣдная явиться домой къ отцу на глаза: онъ бы ее еще навѣрно избилъ. Какъ вотъ недалеко отъ Худеницъ, внизу близъ лѣса, когда съ плачемъ она возвращалась домой, поджидалъ ее никто иной, какъ Гукалъ.

— Что дадите, Сырова, если я нашелъ ваши деньги?

— Что бъ я дала, золотой мой! Цѣлый гульденъ дала бы.

— Дайте его. Я нашелъ ваши деньги на валу. Вотъ онѣ. Я зналъ, что онѣ ваши потому, что въ книжкѣ написано ваше имя

— Сырову какъ громомъ поразило. Она поспѣшно бросилась къ книжкѣ, пересчитала одинъ, другой разъ: тридцать гульденовъ были сполна. Но гульденъ не хотѣла дать за находку. Отговаривалась, торговалась. Гукалъ вышелъ изъ себя.

— Вотъ тебѣ за то, что сдѣлаешь добро людямъ, выговорилъ онъ ей и пошелъ въ поле.

Люди впрочемъ говорили: Кто знаетъ, не взялъ ли Гукалъ самъ у Сыровой этихъ денегъ. Мы вѣдь знаемъ, какъ воры находятъ деньги. Но это слова вздорныя. Возьми онъ у нея эти деньги, зачѣмъ бы возвращалъ ей ихъ?

— И что же Гукалъ не хочетъ трудиться? Дайте ему работу: вѣдь у него довольно силъ для этого!

— Это трудная вещь, сударь. Дать работу ему, арестанту! На полѣ за нимъ не усмотришь, въ амбарѣ не устоитъ предъ нимъ ни снопъ, ни зерно, въ домѣ каждый гвоздь дрожитъ предъ нимъ. Господа бы могли, имъ онъ ничего не сдѣлаетъ, но они ни за что его не возьмутъ. Вѣдь знаютъ они почему. А если дѣлаютъ такъ господа, какъ быть намъ, поселянамъ? Еще бы объясняли въ

Digitized by Google

дурную сторону, если бы къ намъ ходилъ Гукалъ на работу. Что осталось поселянину въ наше печальное время, кромѣ одного лишь добраго имени? Прекрасно, если бы взялъ кто-нибудь Гукала на работу, что бы сказали господа? Съ этимъ что-то неладно. Надо смотрѣть въ оба!. Онъ сказали бы, водится съ воромъ! Хорошъ бы я вышелъ, сударь! Гукалъ—воришка, и онъ не исправится. Кто чѣмъ можетъ, пусть ему помогаетъ.

Вотъ какія свѣдѣнія собралъ Добровскій о Гукалѣ въ народѣ. Затѣмъ пока онъ разбиралъ въ умѣ прошлое Гукала, сидя у него въ домикѣ, жена Гукала пошла съ ребенкомъ въ садикъ позади домика. Она остановилась подлѣ кучи камней и опасливо осмотрѣлась кругомъ.

— Петя, проговорила она въ полголоса.

— Что добраго скажешь? отозвался изъ тайнаго убѣжища въ подземельи мужской голосъ.

— Тутъ изъ замка тотъ голубой священникъ.

— Чего онъ хочетъ?

— Говоритъ съ тобой. Ждетъ.

— Приду. Нигдѣ не видишь опасности?

— Нѣтъ, не вижу.

Вслѣдъ за этимъ Гукалъ отодвинулъ пять либо шесть большихъ камней при землѣ и проползъ, какъ угорь, чрезъ это отверстіе наружу. Закрывъ камнями отверстіе вновь, онъ выпрямился и расправилъ члены. Убѣжище его было безопасно, но не довольно удобно. Вчерашнее послѣобѣда провелъ онъ со своей добычей въ лѣсу. Только въ ночной темнотѣ вернулся онъ окольными путями домой. Вечеромъ приходили къ нему и все обыскали. Возвратились безъ успѣха. Въ воскресенье утромъ былъ опять у него егерь Войтѣхъ съ привратникомъ и господскимъ бочаромъ. Опять осматривали и понапрасну. Жена Гукала стояла на томъ, что мужъ ея пошелъ въ Планицко; что тамъ у него работа. Не вѣрили ей, конечно, но должны были опять вернуться съ пустыми руками. Управляющій Конипасъ, волей неволей, долженъ былъ поставить надгробный памятникъ надъ своими драгоцѣнными окороками.

Гукалъ пошелъ къ дому. У завалинки поглядѣлъ онъ чрезъ окно въ комнату. Узналъ Добровскаго. Вошелъ въ комнату, поздоровался и остановился вправо отъ двери.

Digitized by Google

— Гукалъ, полушутя сказалъ Добровскій, два раза васъ искали, а вы къ нимъ не отозвались.

— Не отозвался, ваше преподобіе, отвѣтилъ воръ съ тѣмъ юморомъ, который нѣсколько пахнетъ висѣлицей.

— Гукалъ, вы должны разстаться со своимъ ремесломъ. Конечно, прекрасная вещь покупать за пять пальцевъ....

— И за шестую ладонь, добавилъ Гукалъ.

Добровскій разсмѣялся.

— Бѣдный управляющій! промолвилъ иронически.

— Утѣшь его Господь въ его скорби! добавилъ Гукалъ.

— Гукалъ, вы закоренѣлый преступникъ. Куда это поведетъ? Жена, дѣти.

Гукалъ задумался.

— Ничто предъ вами не безопасно.

— Развѣ мельничный камень, ваше преподобіе.

— Оставьте шутки, вымолвилъ строго Добровскій.—Посягать на чужое имущество—подлость. А подлость всегда останется подлостью.

Гукалъ опустилъ глаза и, нѣсколько помолчавъ, сказалъ:—Управляющему никогда не пройдетъ даромъ его дѣло.

— Какъ такъ?

— Моя жена, Нана, была еще дѣвушкой. Она была бѣдна и работала на господскомъ дворѣ. Изволите знать, какъ ужъ бываетъ при господской работѣ. Управляющій ее обольстилъ.

— Быть не можетъ!

— Клянусь Богомъ, говорю правду. Я имѣлъ ее всегда на примѣтѣ и въ то время, когда она была матерью, я возвратился съ войны домой. Я горѣлъ желаніемъ свернуть за это управляющему шею; но побоялся Бога, не висѣлицы. Тутъ я подумалъ: Что было—то было, ничѣмъ не перемѣнишь. Дѣвушка совсѣмъ пропадетъ, если ты не возьмешь ея за себя. Повторится это еще разъ, два-три раза и въ концѣ концовъ она нищая кругомъ. Я отправился къ управляющему и сказалъ: Я возьму ее. Стоило посмотрѣть, ваше преподобіе, какъ онъ былъ радъ, что избавится отъ нея. Онъ устроилъ для насъ самъ дозволеніе на женитьбу и далъ намъ нѣсколько гульденовъ на хозяйство. Я хотѣлъ швырнуть ихъ ему въ лице, но во время подумалъ: Баринъ всегда баринъ, а на собаку вездѣ найдется палка. Такъ мы съ нимъ породни-

Digitized by Google

лись. Сначала дѣло шло кое-какъ. Мы оба были на господской работѣ. Но, Богъ знаетъ, почему, съ тѣхъ поръ, какъ я женился на Нанѣ, я постоянно боялся за нее. Я работалъ тутъ, она тамъ, и работа у меня не спорилась. Я боялся, что управляющій теперь еще большіе будетъ строить подвохи противъ нея. Кромѣ того я былъ солдатомъ, а война и работа—точно кошка съ мышью. И такъ для меня все было не попутру на господскомъ дворѣ. Съ дѣтства у меня была злоба на господъ. Это вышло вотъ изъ-за чего. Отецъ мой—это былъ справедливый человѣкъ—былъ въ то время господскимъ пастухомъ. Однажды ни съ того, ни съ сего, сынокъ управляющаго избилъ мою маленькую сестру настолько, что сердце у меня изъ-за нея облилось кровью. Отецъ мой имѣлъ голубиное сердце, но къ удивленію, отдѣлалъ господскаго мальчишку за все, что перенесло въ этотъ разъ его родительское сердце. За это его лишили куска хлѣба, и то же грозило и намъ. Мать на колѣняхъ просила въ замкѣ, но просьбы ея были, точно горохъ объ стѣнку. Я ужъ со многимъ помирился, но это не выходитъ у меня изъ головы!

— Что же дальше? спрашивалъ Добровскій.

— Со мной и съ Наной дѣло шло не лучше. Меня упрекали въ лѣности, Нану, что она—падшая женщина, ну и прежде чѣмъ минулъ второй годъ, не желали вновь принять на службу ни меня, ни Наны. А тутъ Богъ давалъ ребенка за ребенкомъ. Я крѣпился изо всѣхъ силъ, чтобы уберечь свое доброе имя, мы надоѣдали управляющему, чтобъ помогалъ, пока онъ не сталъ гнать насъ палкой. Вслѣдъ за тѣмъ онъ женился. Взялъ вдову съ мальчикомъ, тѣмъ самымъ, что теперь егеремъ при господской охотѣ и что хочетъ взять за себя Магдалину Франеву изъ Лучицъ, внучку лѣсника Морщины.

— Вотъ какъ! Но откуда ты это знаешь?

— О, я знаю многое, чего другіе не знаютъ. Это—прекрасный человѣкъ.

— Кто, Морщина?

— Ну, да, Морщина! Другаго Морщины нѣтъ въ Худеницкѣ. Сколько разъ, когда бывало хоть въ петлю лѣзть, онъ поддерживалъ насъ. А и самъ онъ не много имѣетъ. А какъ онъ умѣетъ рѣчами своими проникнуть въ душу! Священника за поясъ заткнетъ.

Digitized by Google

— И однако и онъ не съумѣлъ поставить тебя на честную дорогу?

— Я его избѣгаю, ваше преподобіе, я боюсь его. Говорю съ нимъ, развѣ когда необходимость заставитъ, а охотнѣе посылаю Нану.

— Видишь, Гукалъ, вѣдь это голосъ совѣсти говоритъ въ тебѣ.

— Можетъ быть, ваше преподобіе. Но когда тѣснитъ голодъ, нѣтъ работы и заработка.

— Пустяки, вздорные пустяки, Гукалъ. Держись Морщины, это честный человѣкъ. Примѣръ—великое дѣло.

— Честный человѣкъ, правда. На господъ онъ такъ же лихъ, какъ я. Онъ знаетъ, какъ они тѣснятъ народъ. И онъ говоритъ: человѣкъ всегда человѣкъ, божье созданіе. Кто притѣсняетъ ближняго, тотъ дѣйствуетъ по наущенію дьявола. Заповѣдь Божья гласитъ: будь для брата—братомъ, а не господиномъ.

— Правда, правда, но слова не должны оставаться словами. Если богачъ хочетъ быть для бѣднякъ братомъ, то и бѣднякъ долженъ быть имъ же для богача. Ты долженъ считать это обоюднымъ условіемъ и не жать тамъ, гдѣ не посѣялъ.

Воръ стоялъ разбитый предъ аббатомъ, а тотъ не спускалъ съ него ласковыхъ взоровъ.

— Я долженъ тебѣ сказать, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ. Вотъ моя рука, Гукалъ, и обѣщай мнѣ своей рукою, что не будешь больше воровать.

Гукалъ затрясся всѣмъ тѣломъ. Спряталъ обѣ руки за спину и не протянулъ ни одной аббату. Онъ не рѣшался, стыдился подать свою нечистую руку благородному аббату.

— Боишься дать мнѣ свою руку? выговаривалъ ему мягко Добровскій. Хорошо. Не протягиваешь мнѣ руки сегодня, протянешь завтра. А между тѣмъ, не забывай, Гукалъ, что я тебѣ предлагалъ свою руку.

— Не забуду, ваше преподобіе, пока живу на свѣтѣ, не забуду! вырвалось у Гукала изъ стѣсненной груди:—не забуду!

— Я радъ это слышать и буду радъ помнить. А теперь скажи, гдѣ спряталъ ты украденное мясо?

Гукалъ вышелъ и черезъ минуту вернулся съ мѣшкомъ въ комнату.

Digitized by Google

— Нѣсколько колбасъ и кусокъ мяса мы съѣли вчера ночью, ваше преподобіе. Остальное тутъ все.

— Высыпь изъ мѣшка на полъ, я подѣлю васъ.

Гукалъ повиновался.

— Эту часть я оставляю вамъ здѣсь на свою отвѣтственность. Окороки положи опять въ мѣшокъ. Такъ. А теперь пойдемъ со мной и ты, снесешь мѣшокъ къ управляющему.

Гукалъ вытаращилъ на него удивленные глаза.

— Понялъ?

— Ваше преподобіе!

— Ну, мѣшокъ на спину, и идемъ со мной!

Гукалъ вздохнулъ и, смотря съ сожалѣніемъ на окороки, съ минутку раздумывалъ. Затѣмъ, не возражая болѣе, перекинулъ на спину мѣшокъ.

Они вышли изъ хижины. Люди, замѣтивши ихъ, выходили изъ домовъ. Дѣти слѣдовали за ними. Добровскій обернулся къ Гукалу, который нехотя слѣдовалъ за нимъ, и сказалъ:—Иди, Гукалъ, со мной рядомъ. Я не стыжусь тебя.

Гукалъ пришелъ въ себя отъ этихъ словъ и пошелъ одинаковыми шагами съ аббатомъ. Прежде чѣмъ добрались они въ замокъ къ квартирѣ управляющаго, любопытныхъ набралось за ними видимо-невидимо. У воротъ господскаго двора стоялъ солдатъ Войтѣхъ передъ калиткой. Онъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Отъ удивленія забылъ о подобающемъ привѣтствіи аббату и встрѣтилъ Гукала сильнымъ ругательствомъ.

— Ахъ, ты, мерзавецъ! крикнулъ онъ ему.

Добровскій распорядился, чтобы Войтѣхъ заперъ ворота и отогналъ любопытныхъ. Войтѣхъ повиновался.

— Мышь въ мышеловкѣ, восхищался солдатъ, теперь она отъ насъ не уйдетъ!

Но какова же была вторая неожиданность для Войтѣха, когда нѣсколько времени спустя вышелъ съ Гукаломъ самъ управляющій и приказалъ ему выпустить Гукала верхними воротами въ поле на свободу.

— Это что-то да не такъ, ворчалъ Войтѣхъ, провожая Гукала къ верхнимъ воротамъ.—Я всегда говорю, что этотъ голубой аббатъ не въ своемъ умѣ и все у насъ вверхъ дномъ поставитъ. Чортъ его возьми!

Digitized by Google

V.

Управляющій Конпасъ и приходскій священникъ Стернадекъ сидѣли въ квартирѣ управляющаго за обѣдомъ. Густой супъ съ галушками изъ печенки и свѣжій языкъ подъ хрѣномъ были уже съѣдены, и стояла предъ ними говядина, красиво убранная мелко посѣченной морковью, ожидая своей очереди. Такъ-какъ вообще разговоръ придаетъ столу пряность и собесѣдникамъ аппетитъ, оба господина занялись маленькимъ споромъ, какая горчица лучше, французская или домашняя. Управляющій предоставилъ пальму первенства французской горчицѣ за „ея ароматъ и аппетитность“, священникъ напротивъ одобрялъ домашнюю горчицу за ея „пикантность, пріятно раздражающую вкусъ“.

Пріятно было посмотрѣть на обоихъ разговорившихся собесѣдниковъ, когда они сидѣли съ вилками въ правой рукѣ и съ бѣлоснѣжными салфетками, уголками заложенными за воротники. Это были фигурки, какъ будто вырѣзанныя изъ картинки.

Все, всякая малость въ нихъ, скажу больше: каждый волосокъ на нихъ сіялъ довольствомъ, тѣлеснымъ и душевнымъ благополучіемъ. Оба они одинаково малаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, съ одинаковой полнотой, съ равною округленностью формъ, съ одинаковыми въ мѣру откормленными брюшками, съ одинаково отвисшими подбородками, одинаково толстыми и жирными губами,—вообще у нихъ все, все до малѣйшей подробности несомнѣнно доказывало, что это души, близкія другъ къ другу въ умѣньи пользоваться временными божьими дарами. А между тѣмъ и между ними замѣчались различія, какъ внутреннія такъ и внѣшнія.

У управителя были темносѣрые мышиные глазки, у священника свѣтлые рысьи; у управителя надъ верхней губой тщательно подстриженные усы, у священника подлѣ ушей не больше какъ въ палецъ бакены; Конпасъ хотя имѣлъ высокій лоснящійся лобъ, но лысымъ не былъ; тогда какъ Стернадекъ былъ лысъ, какъ турецкій святой.

Но при общемъ сходствѣ сказывалась въ поступкахъ обоихъ этихъ людей замѣтная внутренняя разница. Сластолюбіе было выражено въ священникѣ болѣе грубыми и рѣзкими чертами; въ управителѣ—болѣе нѣжными и тонкими. Конпасъ, какъ гас-

Digitized by Google

тономъ, считался авторитетомъ на дальнемъ разстояніи. Подавали, напримѣръ, лакомое блюдо на столъ. Священникъ и управитель пріятно и добродушно улыбались. Но какая разница была въ этой усмѣшкѣ! въ этомъ доступномъ чувствамъ отраженіи душевныхъ движеній!

Что же касается характеровъ, то они мало расходились между собою. Оба были воспитанниками того золотого для помѣщиковъ времени, которое наступило послѣ наполеоновскихъ войнъ. Общими принципами, на которыхъ держалась узкая сфера ихъ внутренняго я, было: Хорошо пить и ѣсть, жить въ свое удовольствіе; соглашаться и по нуждѣ подличать предъ тѣми, кто стоялъ выше, и не смѣшиваться со стоящими ниже; наконецъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ, по возможности, съ цѣлымъ свѣтомъ. Относительно обязанностей и должностей, лишь удовлетворять въ такихъ размѣрахъ, чтобы начальство ни къ чему не могло придраться. Священникъ, при всемъ наружномъ добродушіи, оказывался болѣе хитрымъ, энергическимъ, дѣятельнымъ. Сильно упирая на свои пастырскія права, онъ со всѣхъ сторонъ требовалъ надлежащаго уваженія. Неохотно прощалъ, гдѣ могъ мстить, и для мести всегда находилъ дорожку.

И Конпасъ былъ въ должномъ уваженіи у начальства. Его обыкновенно считали порядочнымъ человѣкомъ, хотя иногда втихомолку онъ дѣлалъ вещи, не дозволенныя ни совѣстью, ни закономъ. Оправдывался же онъ передъ собою такимъ соображеніемъ: расположеніе помѣщика скользко, а нашъ братъ долженъ собрать что-нибудь на старость лѣтъ. Ему было уже подъ-сорокъ, когда онъ женился. Въ жены взялъ онъ вдову сельскаго лѣкаря. Кромѣ порядочнаго состоянія она привела въ его домъ сына отъ перваго брака Франца. Она была уже не молода, о красотѣ въ ней и намека не было. За то имѣла она такую особенность, которую лакомка Конпасъ ставилъ выше всего. Она была отличной кухаркой, а это, по его соображеніямъ, первая вещь. Кромѣ того, она имѣла сухую и тонкую фигуру, а толстому управителю всегда нравились сухопарыя женщины. Управительша была, значитъ, по немъ. Злые языки, правда, о ней говорили, что она любитъ выпить, пьетъ даже ромъ безъ горячей воды.... но что же изъ этого? Къ бѣднымъ людямъ она была сострадательна. Во второмъ бракѣ больше дѣтей не имѣла.

Digitized by Google

Управитель Конпасъ и священникъ Стернадекъ состязались о французской и домашней горчицѣ, когда управительша влетѣла въ столовую вся торжествующая.

— Окороки цѣлы! провозгласила она радостно.

Конпасъ съ удивленіемъ вытаращилъ на нее глаза и вскочилъ съ мѣста. Священникъ за нимъ:

— Какъ это случилось, Фанни?

— Тутъ старый аббатъ изъ замка, съ Гукаломъ и окороками.

— Милліонъ чертей! Вотъ радость!

— Позвать его сюда? Онъ хочетъ съ тобой говорить.

— Пригласи, Фанничка, пригласи.

Забывъ отъ радости о надлежащемъ привѣтствіи аббата, Конпасъ встрѣтилъ окороки и обоихъ мужчинъ словами:—Вѣдь я сразу сказалъ, что мои окороки своровалъ этотъ каналья!

— Онъ сдѣлалъ это, сударь, сказалъ Добровскій, которымъ готовъ былъ овладѣть неудержимый хохотъ,—но кромѣ этого онъ сдѣлалъ нѣчто гораздо большее.

— Прошу принять мое привѣтствіе, преподобный аббатъ, поправилъ священникъ ошибку управителя.

Добровскій поклонился брату во Христѣ и продолжалъ:—Гукалъ сдѣлалъ гораздо больше, господа. Онъ сознался, что воровствомъ окороковъ онъ допустилъ себя до постыднаго поступка, раскаявшись въ немъ, онъ возвращаетъ свою добычу господину управителю, прося убѣдительно въ лицѣ моемъ, чтобы вы ему милостиво простили то, въ чемъ онъ такъ безсовѣстно согрѣшилъ противъ васъ.

Конпасъ отъ неожиданности не зналъ, что ему отвѣтить.

— Я же даю за него честное слово, продолжалъ аббатъ, и льщу себя пріятной надеждой, что вы простите, сударь.

— Но, Боже мой, почему не простить? говорилъ управитель брезгливо, будто бралъ рукою холодную лягушку.

— Вотъ это по-христіански, отозвался священникъ.

— Вполнѣ по-христіански, добавилъ Добровскій.—Вмѣстѣ съ этимъ я прошу васъ весь этотъ эпизодъ съ окороками считать камнемъ, упавшимъ въ воду. Finis coronat opus. Пусть на этотъ разъ Гукалъ выйдетъ изъ этого дѣла чистъ и невредимъ. Дайте мнѣ слово, сударь.

— Но все ли цѣло?

Digitized by Google

— Колбасы я отдалъ женѣ Гукала и дѣтямъ. Гукалова кормитъ и голодна, а дѣтей у нихъ какъ сору. Это я взялъ на свою шею и отвѣтственность.

— Чортъ побери Гукала. Лишь бы возвратилъ онъ покражу.

— Все тутъ въ мѣшкѣ. Гукалъ, иди и больше не грѣши! Господинъ управитель прикажетъ солдату выпустить тебя задними воротами на свободу. Прошу, сударь, исполнить все согласно обѣщанію. А, можетъ быть, братъ во Христѣ, вы пожелаете дать Гукалу какое-нибудь спасительное напутствіе? добавилъ иронически аббатъ, обращаясь къ священнику.

— Достаточно и вашего поученія.

— Хорошо. Я останусь тутъ, чтобъ обстоятельно выяснить и изложить дѣло.

Добровскій сѣлъ за столъ, а Конипасъ выпроваживалъ Гукала. Въ кухнѣ онъ пересчиталъ всѣ окороки и колбасы, и, выбравъ пару самыхъ тоненькихъ, сказалъ, подавая ихъ Гукалу:— Вотъ тебѣ, архибестія. Поджарь ихъ себѣ дома. А завтра приди, велю тебѣ дать немного гороху.

— Спаси васъ Богъ, благодарилъ Гукалъ.

— Проваливай, проваливай, чтобъ я не видалъ тебя.

Минуту спустя, управитель, весь запыхавшись, вернулся въ столовую. Усѣвшись на свое мѣсто, онъ вынулъ изъ кармана прекрасный шелковый платокъ и сталъ утирать имъ лобъ, покрытый каплями крупнаго пота.

— Забудьте объ этомъ, завязывалъ снова разговоръ Добровскій. Вы совершили доброе дѣло, а ради добраго дѣла и вспотѣть не жалко.

Затѣмъ онъ разсказалъ роковой эпизодъ о колбасахъ и Гукалѣ, насколько зналъ о немъ самъ, и съ удовольствіемъ выслушивалъ о немъ дополненія изъ устъ управителя.

— Ну, а теперь за маленькую услугу, вамъ оказанную, имѣю, кажется, я право на маленькую благодарность, шутилъ аббатъ. Кусокъ жаркого и рюмка вина, вѣроятно, не обойдутъ меня.

— Ахъ, Боже мой! какой я олухъ! воскликнулъ управитель, ударивъ себя рукою по лбу.—Совсѣмъ потерялъ голову.

— И все это отъ радости по поводу колбасъ.

— О, колбаски прелесть, ваше преподобіе! Въ кабанчикѣ было около четырехъ пудовъ! Но что за мясо! Любо поглядѣть! Было

Digitized by Google

такъ въ мѣру покрыто саломъ, что сердце радовалось! При этомъ онъ вскочилъ и кликнулъ Фални. Губы священника, при послѣднихъ словахъ управителя, тоже причмокнули.

Подали жареную куропатку. Аббатъ скушалъ кусокъ жаркого и выпилъ нѣсколько капель настоящаго *Мельницкаго* *) *вина*. Управитель упрашивалъ его ѣсть и пить, но Добровскій ограничился малымъ. Попросивъ стаканчикъ холодной воды, онъ разбесѣдовался. Разговоръ шелъ у него какъ по маслу, и оба собесѣдника слушали его внимательно и съ удовольствіемъ, они и были заинтересованы и въ тоже время хохотали до упаду. Добровскій разошелся и сыпалъ остроту за остротой, шутку за шуткой. Собравшись уходить, онъ обдумалъ приличный финалъ для своей бесѣды. Объ этомъ онъ никогда ни забывалъ и любилъ блеснуть передъ обществомъ умѣньемъ позабавить его легкимъ и пріятнымъ образомъ.

— Изволите знать, что я бывшій іезуитъ, говорилъ онъ, и хоть не слѣдовало бы хвалить свое гнѣздо, но какой умный человѣкъ отважится возразить, что іезуиты имѣли настоящую и, такъ сказать, выработанную жизненную мудрость?

— О, это было общество образованное, славившееся какъ ученостью такъ и мудростью, польстилъ ему священникъ.

— Въ молодыхъ лѣтахъ повстрѣчался я какъ-то съ отцемъ іезуитомъ, у котораго было больше мудрости въ головѣ, чѣмъ на головѣ сѣдинъ.—Почтенный отецъ, сказалъ я ему, что мнѣ дѣлать, чтобы жить счастливо и спокойно, какъ я вижу это въ особѣ вашего преподобія.— Держись, сынъ милый мой, трехъ правилъ, которыя я желаю дать тебѣ на жизненную дорогу. Первое: Noli parlare contra dominum praelatum. То есть: говори всегда прилично и хорошо о своихъ начальникахъ; не оговаривай ихъ никогда, не осуждай, не упрекай ихъ въ ошибкахъ, хотя бы они бросались въ глаза, какъ высокія Исполиновы горы. Еще ни для кого не выходило ничего хорошаго, кто говорилъ и ропталъ противъ

*) Мельникъ—городокъ въ 30 верстахъ отъ Праги при впаденіи Вельтавы въ Лабу. Мельникъ знаменитъ въ Чехіи своими виноградниками, изъ которыхъ выдѣлывается красное *мельницкое* вино. Виноградники заведены тутъ при Карлѣ IV, выписавшемъ для посадки лозы изъ Бургундіи. Въ урожайный годъ выдѣлывается около 9.000 ведеръ мельницкаго краснаго вина. *Перев.*

Digitized by Google

начальниковъ.—Второе: Facias officia tua taliter, qualiter. Ибо: если будешь ретивъ въ исполненіи своихъ обязанностей, возбудишь противъ себя зависть и ненависть своихъ товарищей и будешь имѣть неспокойную жизнь; но если станешь пренебрегать своими обязанностями, начальники твои по головкѣ тебя не погладятъ и подыщутъ на тебя метлу. Третье такое: Sine mundum vadere, sicuti vadit. Свѣтъ имѣетъ свои ноги и свою голову и движется по своему усмотрѣнію. Я его не остановлю, ты его не остановишь, мы его не остановимъ. Ergo: не хлопочи о немъ и не наткнешься, не нарвешься на непріятность. Какъ вамъ нравятся эти три правила отца іезуита.

— О, очень хорошія правила, прекрасныя! восклицали въ одинъ голосъ священникъ и управитель.

— Я полагаю, что каждый человѣкъ долженъ записать ихъ, чтобъ не забыть, прибавлялъ священникъ.

— Да, да, въ календарь, добавилъ Добровскій, разражаясь смѣхомъ, который озадачилъ его обоихъ слушателей.

Добровскій воспользовался ихъ молчаніемъ, распрощался и вышелъ.

— Это замѣчательный человѣкъ! промолвилъ Конопасъ къ священнику.—Замѣчательнаго ума человѣкъ!

— Но одного не упускайте изъ виду, возражалъ священникъ Онъ себѣ на умѣ и ничего хорошаго въ немъ не таится. Вѣдь онъ это доказалъ съ юности уже съ Пражскимъ евангеліемъ св. Марка. Ничего для него нѣтъ святого. Мнѣ даже почти кажется, что онъ надъ нами и надъ цѣлымъ свѣтомъ дѣлалъ насмѣшки.

— Ну, оставьте, оставьте, ваше преподобіе.

— Но, вѣдь и мы кое-что маракуемъ. Мы вѣдь тоже не на вѣтеръ держали экзамены послѣ довольно тяжелыхъ 12 лѣтъ школьной жизни.

— Это правда.

— Конечно, правда, господинъ управитель. И мы исполняемъ свои обязанности, къ которымъ насъ Богъ призвалъ, съ сознаніемъ и какъ слѣдуетъ. Зачѣмъ же аббатъ вмѣшивается не въ свое дѣло?

— Это правда! Что ему до этой архибестіи Гукала? Къ чему же тогда мы, должностныя лица? Ускользнулъ отъ насъ Гукалъ сегодня, доберемся мы до него завтра, послѣзавтра. До смерти не

Digitized by Google

выйдетъ у меня изъ памяти, что я этому бездѣльнику такъ ничѣмъ не отплатилъ. Уворовалъ безнаказанно! Это противно всякимъ законамъ. Нѣтъ, этому не бывать!

— Вотъ видите!

— Но Богъ знаетъ, у меня была голова такъ запутана, когда они явились, что въ ней пошла такая суматоха, какъ на Пражскомъ мосту, когда по немъ валитъ народъ. Что бы вы ему сказали, если бы онъ обратился къ вамъ: Простите ему, отпустите его на свободу, не наказывайте! Я этого до смерти не забуду.

— Но вы думаете, что онъ и ко мнѣ не вмѣщивается по должности? Намедни сыгралъ со мною штуку, которая меня разбѣсила бы, если бы Богъ не внушилъ мнѣ мирнаго и спокойнаго настроенія. Я послалъ къ вамъ въ Дерславицы къ лѣснику Морщинѣ капеллана Фабіана. Хотѣлъ я собственно отправиться самъ, но вы знаете: пѣшкомъ далеко, а на лошадяхъ—дорога каменистая и кочковатая. Къ чему рисковать здоровьемъ, когда есть у меня капелланъ? Пусть идетъ и хлопочетъ. Капелланъ взялъ отлично Морщину въ переплѣку и, благодаря дарамъ св. Духа, съ большимъ трудомъ привелъ его закоренѣлую, еретическую душу въ такое состояніе, что она смягчилась и сдѣлалась податлива, какъ воскъ. Было уже близко къ тому, что раскаявшійся грѣшникъ выдастъ пикартскія книги и дастъ обѣщаніе явиться въ приходской домъ для наставленій и поученій, какъ тутъ подвернулся аббатъ. Какъ только услышалъ онъ о старыхъ книгахъ, выпроводилъ капеллана куда то въ село, обѣщая, что самъ устроитъ все съ Морщиной. И устроилъ это, какъ пирожникъ тачаетъ сапоги. Не только мы ничего не подѣлали, но аббатъ поддержалъ еще закоренѣлаго еретика и укрѣпилъ его въ закоренѣлости. Что же Добровскому, какъ съ гуся вода, а мнѣ, несущему здѣсь духовныя обязанности и обязанному отвѣчать предъ консисторіей за каждую духовную овечку, мнѣ это не можетъ быть по душѣ! Его не возьмутъ на расправу, не возьмутъ и капеллана, а меня возьмутъ. У меня есть устный и письменный приказъ отъ викарія, а у викарія сверху: вѣдь тутъ дѣло идетъ о моей шкурѣ, милостивый государь. Зачѣмъ аббатъ дуетъ на кашу, которая не для него сварена? Къ чему онъ дѣлаетъ непріятности мнѣ, который былъ бы радъ жить въ мирѣ съ начальствомъ?

Digitized by Google

— Это ни на что непохоже, ваше преподобіе.

— Вотъ видите: ни на что не похоже, а онъ для меня приготовляетъ еще изрядную пакость. Повѣрьте, что у меня въ эти дни не идётъ на умъ ни ѣда, ни питье. А все отчего? Оттого, что чортъ занесъ къ намъ этого аббата. Какъ мы прекрасно жили въ страхѣ божьемъ и святомъ мирѣ, пока его тутъ не было! И вы думаете, что Гукалъ окороки и колбасы стащилъ изъ вашей кладовой по своей только воровской натурѣ? Далеко нѣтъ. За нимъ стоитъ кто-то иной, кому интересно нѣсколько отравить вамъ жизнъ.

— Вы думаете?

— Иначе быть не можетъ.

— Представьте: я пережилъ сегодня ужасную ночь: сонъ за сномъ; одинъ мерзѣе другого. Можете себѣ представить: изъ кладовой окороки и колбасы будто кто вымелъ! Это чьи-нибудь хлопоты!

— Ну, вотъ видите. Мы всегда останемся въ дуракахъ, если оставимъ такъ дѣло.

— Какъ же помочь горю?

— Я не допущу, чтобъ вы позволили надъ собой безнаказанно варить воду!

— Но что-же дѣлать? Сильные міра сего записали нашего аббата въ бархатную книгу. Станете отстаивать себя и накличете бѣду. Ужъ мы знаемъ. Вѣдь аббатъ не даромъ ѣздитъ съ его сіятельствомъ въ его экипажѣ, не даромъ обѣдаетъ у него ежедневно. Входитъ къ нему безъ доклада. Въ этомъ-то и вся штука.

— Правда, я отдѣльно ничего не подѣлаю; но если будетъ насъ двое?

— Трудное дѣло, ваше преподобіе.

— Ну, не все же рѣшимъ сегодня, оставимъ что-нибудь и на завтра. Обсудимъ тогда. Намъ не слѣдуетъ бѣздѣйствовать. И что намъ подѣлается? Его сіятельство долженъ разсудить наши затрудненія по всей справедливости, если мы передадимъ дѣло его отеческому усмотрѣнію.

— Охъ, твердый орѣхъ не сломалъ бы наши зубы!

— Однако и зубы-то у насъ хорошіе!

— Трудность дѣла ужасаетъ меня, какъ подумаю...

— Рѣшайтесь! Сдѣлавшись союзниками, мы дадимъ себя ему

Digitized by Google

знать. Это вѣрно. Онъ оставитъ насъ, по крайней мѣрѣ, въ покоѣ. Гукалъ стащилъ у васъ сегодня колбасы изъ кладовой, завтра стащитъ кушанье прямо изъ печи.

— Ваша правда.

— И вы не будете въ состояніи добиться на него права.

— Повременимъ, ваше преподобіе. На этотъ разъ промолчимъ, но если вторично совершится что-нибудь подобное....

— Ну, тогда что?

— Натянемъ фракъ и отправимся на ауліенцію.

— Я радъ это отъ васъ слышать. Но сдержите ли вы слово?

— О, да, сдержу.

Тутъ вошла управительша въ столовую съ чернымъ кофе. Конипасъ многозначительно перемигнулся со священникомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: Передъ женщиной надо держать языкъ за зубами. Выпивши кофе, поговорили еще кое о чемъ, встали и пошли немного прогуляться. Дорогой разговаривали мало: у обоихъ было тяжело на сердцѣ. Подлѣ приходского дома пожали другъ другу жирныя руки и разошлись.

VI.

Исторія Чешскаго народа во время тридцатилѣтней войны является, такъ сказать, листами, писанными кровью, орошенными слезами и потомъ до невозможности разобрать написанное. Къ великому сожалѣнію, у насъ понынѣ нѣтъ обстоятельной въ полномъ смыслѣ литературной картины этого мрачнаго и бѣдственнаго періода. Какой плодотворный урокъ могли бы мы почерпнуть для себя изъ этого періода на будущее время? То, что мы знаемъ— лишь грубые штрихи, и тѣмъ не меньше волосы подымаются дыбомъ, и въ жилахъ стынетъ кровь при одномъ лишь бѣгломъ обозрѣніи. Я полагаю, совершенно правъ тотъ, кто написалъ когда-то: Въ міровой исторіи политическое и національное развитіе человѣчества держится на непреложныхъ естественныхъ законахъ, а не опирается на произволѣ королей и на лжи дипломатическихъ хитросплетеній. Лишь съ этой стороны можно философски понимать и обсуждать міровую исторію, лишь въ этомъ можетъ почерпнуть утѣшеніе наболѣвшій умъ мыслителя.

Digitized by Google

Лишь непреложные естественные законы явились поводомъ и причиной, что Чешскій народъ не погибъ въ топяхъ и болотахъ, устроенныхъ дипломатіей, лишь тѣ же законы разгромили въ прахъ враждебные дипломатическіе замыслы. Совершилось это не вдругъ, черепашьимъ, такъ сказать, шагомъ, но природа побѣдила и, дастъ Богъ, побѣдитъ, и впредь, такъ-какъ она во всѣ времена бывала въ концѣ концовъ побѣдительницей.

Проходя молчаніемъ притѣсненія духовнаго характера, какъ-то: изгнаніе чешскихъ писателей, циническое истребленіе чешскихъ книгъ, стѣснительную цензуру, уменьшеніе школъ и ограниченіе и изгнаніе родного языка изъ школъ и суда,—припомнимъ лишь вещи, которыя, какъ острый ножъ, подрѣзывали благосостояніе Чешскаго народа: мы говоримъ о безжалостномъ и немилосердномъ разореніи его баварскими, саксонскими и шведскими непріятельскими отрядами; даже и дружественныя войска, какъ напр. корпусъ Валленштейна, были не лучше. Но на первомъ планѣ мы должны поставить тяжелое подчиненіе, подъ которымъ томился и изнемогалъ Чешскій народъ, повинуясь произволу чужеземныхъ проходимцевъ, которые стали неограниченными его господами. Усиленныя тяжкія работы высасывали изъ народа послѣдніе соки.

Хотя характеръ Чешскаго народа тверлъ, какъ Шумавскія скалы, хотя сердце его непоколебимо въ своихъ надеждахъ, хотя терпѣніемъ онъ превосходитъ муравья; но и этотъ народъ, не видя ни мѣры, ни конца своимъ бѣдамъ, неоднократно давалъ отчаянный отпоръ своимъ притѣснителямъ. Но отпоръ этотъ былъ какъ горохъ объ стѣнку! То, что шло вслѣдъ за отпоромъ,— было хуже того, что предшествовало. Стоилъ онъ многихъ жизней, пролиты были цѣлые потоки крови; но оковы становились еще крѣпче, бѣдствія усилились. Слезы земледѣльцевъ проливались предъ самими государями. Голоса, разрывающіе душу, подымались изъ преисподней порабощенія къ ступенямъ трона: облегчи наши страданія! взывали они. Были государи, какъ напр Марія Терезія, не остававшіеся глухими къ подобнымъ голосамъ и просьбамъ. Государыня слышала голосъ бѣднаго крѣпостнаго люда, обдумывала причины его жалобъ, искала путей къ облегченію ихъ и къ реформѣ его положенія, но наткнулась на дворянство, огражденное привилегіями. Крѣпостной людъ по точному и неизмѣнному праву—

Digitized by Google

наше имущество, энергически отвѣчало дворянство своей государынѣ; мы за него платимъ подати, на насъ держится государство, и мы не дозволимъ нарушать свои священныя права. Не удалось ей побѣдить, одолѣть преграды. Наслѣдовалъ Іосифъ. Рабство, выбиваясь изъ силъ, искало выхода, и привѣтливый лучъ гражданской свободы дѣйствительно уже проникалъ кое-куда, потомъ дѣлался свѣтлѣе, и наконецъ засіялъ полнымъ блескомъ. Угасшая было надежда въ сердцахъ чешскаго народа оживлялась, подобно іерихонской розѣ, окропленной благотворной влагой. Возрастали надежды, усиливался и расширялся уровень требованій. Добились облегченія, добьемся полнаго удовлетворенія! провозглашалось устами людей просвѣщенныхъ, имъ вторили голоса простонародья. Лихорадочное нетерпѣніе царствовало повсемѣстно. Облегченіе наступило, но было еще слабо, удовлетворить не могло. Настало краткое царствованіе добраго Леопольда, за нимъ слѣдовали императоръ Францъ и Наполеоновскія войны. Добиваться правъ было некогда. Іосифа вспоминали, какъ звѣзду на мрачномъ горизонтѣ. Воспоминаніе это не замирало, а какъ *будто* съ каждымъ днемъ оживлялось все больше.

Въ Худеницкомъ имѣніи было не такъ дурно, какъ вездѣ. Помѣщики тутъ не были пришлыми искателями приключеній. Они происходили отъ честной чешской крови. И они знали это, хотя не всегда въ той мѣрѣ, какъ было бы желательно. Вѣдь духъ и сердце наши увлекаетъ потокъ настоящаго. Лишь рѣдкій человѣкъ опережаетъ свой вѣкъ. А рѣдкихъ мало, потому они и рѣдки.

Какъ вездѣ въ Чехіи, и въ Худеницкомъ имѣніи между сельскимъ людомъ были характеры, такъ сказать, до мозга костей чешскіе. Имѣли они то преимущество предъ обыкновенными поселянами, что отличались образованіемъ, добытымъ личнымъ трудомъ—ибо изъ школы и съ каѳедры не могли они въ тѣ времена его добиться—что знали прошлую исторію Чешскаго народа изъ книгъ, счастливо сохраненныхъ отъ католическихъ коммиссаровъ, и что надѣялись они, благодаря прошлому, на болѣе счастливую новую будущность. У Чешскаго сельскаго обывателя на первомъ планѣ стоитъ вѣра, унаслѣдованная отъ отцевъ и дѣдовъ, и потому-то люди, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, признавали себя, большею частію, исповѣдниками доброй старо-чешской вѣры, вѣры

Digitized by Google

братской. Мрачный взглядъ на жизнь чешскихъ *братьевъ* наслѣдовали отъ нихъ и они, но вмѣстѣ съ тѣмъ они оживляли духъ свой тѣмъ свѣтлымъ идеализмомъ и тою высокою гуманностью, въ которыхъ не откажетъ чешскимъ *братьямъ* самый закоренѣлый иновѣрецъ. Они были осторожны и скрывались со своимъ вѣроисповѣданіемъ, при этомъ усердно старались, чтобъ ата вѣра и эти же убѣжденія не умерли съ ними, но распространялись и укрѣплялись далѣе. Со временъ Іосифа совершенно ослабѣло стѣсненіе въ дѣлахъ вѣры, и тайные чешскіе *братья* съ благодарностью помнили объ Іосифѣ. Довольно сказать, что объ императорѣ Іосифѣ существовала легенда, что онъ не умеръ естественной смертью, а былъ отравленъ іезуитами. Другіе были вполнѣ убѣждены и даже твердо вѣрили, что Іосифъ не умеръ, но гдѣто томится въ тюрьмѣ за то, что былъ свободомыслящимъ и отъ души былъ расположенъ къ бѣдному сельскому люду.

— Шляхта всегда шляхта, говорили тогда крестьяне, она дѣлаетъ, что ей вздумается. Императоръ Іосифъ не умеръ!

Старый лѣсникъ Морщина былъ такимъ же до мозга костей чехомъ. Онъ былъ честный и справедливый гражданинъ до послѣдняго волоска, и всей душой и сердцемъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ расположенъ къ *братской* вѣрѣ. Впрочемъ онъ шелъ дальше, увлекаясь своими логическими выводами. Онъ построилъ свои собственные принципы:

— Совѣсть есть образъ божій въ человѣкѣ. Благодаря совѣсти говоритъ въ человѣкѣ Богъ. Чистая совѣсть угодна Богу. Чистая совѣсть есть основа наилучшей вѣры.

Онъ былъ остороженъ всегда. Но, склоняясь тѣломъ ко гробу, а душой къ вѣчности, онъ сталъ смѣлѣе. Отъ вниманія духовныхъ властей это не ускользнуло. Вотъ почему мы видѣли, что онѣ искали у него еретическихъ книгъ. Крѣпостное состояніе сельскаго люда давило его тяжеле, чѣмъ самихъ крестьянъ, хотя онъ самъ и неособенно страдалъ отъ него. Но это ужъ вытекало изъ его религіозныхъ воззрѣній. Императора Іосифа онъ тоже высоко цѣнилъ, вѣрилъ также, что онъ до сихъ поръ находится въ живыхъ.

Пріѣхавъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ въ первый разъ съ графомъ въ Худеницы, Добровскій встрѣтилъ въ полѣ Морщи-

Digitized by Google

ну. Стараго лѣсника просто морозъ подралъ по кожѣ. Что это было? Морщина смотрѣлъ и не досмотрѣлся. Настоящей причины онъ дѣйствительно не раскрылъ. Однажды Добровскій перекинулся съ нимъ наединѣ нѣсколькими словами. Онъ говорилъ такъ же хорошо, какъ писали чешскіе *братья*. Пріятель съ помѣщиками, съ графомъ, а между тѣмъ говорилъ такъ хорошо по-чешски, какъ будто чешскій *братъ*. Откуда взялось въ немъ это? Вниманіе и симпатія Морщины къ аббату возрастали. Онъ зналъ о чужомъ господинѣ лишь то, что онъ священникъ и бывшій іезуитъ. Объ его учености и литературной дѣятельности не проникъ слухъ въ лѣса, ввѣренные охранѣ Морщины. Что и въ Прагѣ ученые господа тоже пишутъ по-чешски, онъ зналъ лишь изъ хроники Пельцля: главнымъ источникомъ его образованности были лишь немногія чешскія, тщательно скрываемыя книги. Когда ужъ Добровскаго и не было въ Худеницкомъ имѣніи, образъ аббата часто приходилъ на умъ Морщинѣ. Онъ раздумывалъ о немъ, но не пошелъ дальше такой мысли:—Это какой-то особый господинъ! Говоритъ, какъ чешскій *братъ*.

При всемъ этомъ Морщина чувствовалъ, что въ душу его залегла какая-то особая, неясная мысль о Добровскомъ. Мысль эта ни за что не хотѣла выйти на свѣтъ Божій. Потому-то она и тревожила старика, и возбуждала въ немъ любопытство и стремленіе раскрыть причину его. Онъ горѣлъ желаніемъ бесѣдовать съ Добровскимъ, чтобы узнать кое-что большее. Но это была вещь вовсе не легкая. Лишь изрѣдка онъ встрѣчалъ таинственнаго господина, который обыкновенно прогуливался по полямъ и лѣсамъ, какъ видно любя полное уединеніе. Кромѣ того Морщина былъ крѣпостнымъ слугою графа, какъ же могъ онъ осмѣлиться на свой страхъ вступать въ разговоръ съ другомъ и гостемъ его сіятельства?

Наконецъ Добровскій самъ зашелъ въ Дерславицы къ Морщинѣ какъ разъ въ то время, когда капелланъ Фабіанъ искалъ у него *братскихъ* книгъ. Добровскій говорилъ съ нимъ, даже вошелъ къ нему въ горницу. Они были одни. Осторожный и опытный Морщину, съ полнымъ убѣжденіемъ, отложилъ всякую осторожность и сдержанность. Онъ не могъ на всѣ вопросы своего рѣдкаго гостя отвѣчать иначе, какъ истинную правду. Добровскому онъ

Digitized by Google

сразу понравился. Старикъ, который питаетъ большое уваженіе къ старо-чешскимъ книгамъ, котораго духовентство преслѣдуетъ какъ тайнаго чешскаго *брата*, былъ для него очень интереснымъ и совершенно новымъ явленіемъ. Съ подобнымъ субъектомъ онъ еще никогда не сталкивался.

Добровскій ушелъ, пообѣщавъ, что въ субботу придетъ на Дубраву.

Морщина въ этотъ день былъ самъ не свой. Добровскій не выходилъ у него изъ ума. Обыденныя хлопоты и происшествія не притупили его впечатлительности. Онъ уснулъ, размышляя о сегодняшнемъ рѣдкомъ посѣщеніи. Сонъ выдался ему необыкновенно оригинальный. У кровати его бѣднаго стоялъ самъ императоръ Іосифъ, совсѣмъ какъ живой. Говорилъ онъ съ нимъ знакомымъ голосомъ. Морщина во снѣ всматривался въ него во всѣ глаза. Морозъ подралъ его по кожѣ. Императоръ Іосифъ! Но вѣдь это былъ священникъ изъ замка—Добровскій!

Морщина вскочилъ съ постели, какъ юноша. Протеръ глаза. Въ окно свѣтила въ горницу луна. Старые часы у двери издали скрипъ. Они били полночь. Горница была пуста. На полу лежали полосы бѣлаго луннаго свѣта. Морщина одѣлся, взялъ ружье черезъ плечо и отправился въ лѣсъ на Дубраву. Онъ направлялся къ буку, у корней котораго пряталъ свои книги. Вынувъ изъ пещерки томикъ Кралицкой библіи, онъ сталъ читать по ней. Луна свѣтила такъ ясно, что хорошіе глаза его различали отчетливо каждую букву.

На другой день еще до полудня Морщина шелъ за какими-то распоряженіями въ Слатины. Дорога его шла мимо пастушескаго куреня за деревней, въ которомъ жилъ по барской милости старый пастухъ Кокошка. Это былъ старикъ ветхій, неразговорчивый, почти идіотъ. Морщина зналъ его ужъ много лѣтъ и иногда останавливался съ нимъ. Кокошка сидѣлъ на камнѣ передъ колодцемъ и тупо глядѣлъ въ поле. Морщина поздоровался съ нимъ. Кокошка не отвѣтилъ ему тѣмъ же, даже не обратилъ на него вниманія. Онъ не спускалъ глазъ съ поля. Вдругъ заговорилъ своимъ страннымъ и невнятнымъ голосомъ:

— Императоръ Іосифъ. Я его видѣлъ!

Digitized by Google

Морщина весь вздрогнулъ. Онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ въ поле. Задумавшись и глядя въ землю, шелъ по межѣ изъ замка голубой аббатъ. До нихъ оставалась ему значительная часть дороги, и онъ повернулъ налѣво. Аббатъ ихъ не замѣтилъ.

Безпокойство Морщины удвоилось. Изъ восклицанія Кокошки онъ столько понялъ: его сегодняшній сонъ не былъ пустымъ явленіемъ, а былъ такимъ видѣньемъ, которое самъ Богъ послалъ ему по своему непостижимому провидѣнію. Зачѣмъ пригрезился ему подобный сонъ? Быть можетъ, Богъ избралъ его, недостойнаго, къ тому, чтобы при посредствѣ императора Іосифа, который, по волѣ Божьей, тутъ являлся ему, проложить въ Чехію доступъ правой вѣрѣ, а притѣсненному крѣпостному люду дать облегченіе въ страданіяхъ и человѣческія права. Мистика искони не чужда была ему, какъ не чужда ей вообще душа самаго умнаго человѣка изъ простонародья. Чему противорѣчилъ здравый и ясный его умъ, въ томъ Морщину поддерживала и укрѣпляла мистика. Религіозный патріархъ-лѣсникъ чувствовалъ на себѣ, что свѣжая и новая сила пробѣгаетъ по его жиламъ и возвышаетъ его душу.

— Богъ призываетъ тебя къ труду и дѣлу, размышлялъ онъ самъ съ собою,—какъ сдѣлаешься ты достойнымъ его милости?

Цѣль и предѣлъ своего дѣла онъ кое-какъ себѣ выяснилъ, но не могъ найти къ нимъ удобныхъ путей. Но онъ не затруднялъ себя излишнимъ обдумываніемъ.

— Богъ далъ милость, Онъ же дастъ и внушеніе въ добрый часъ!

Этимъ, во всякомъ случаѣ, разумнымъ выводомъ Морщина успокоивалъ на время тѣ тревоги, которыя проникали въ его душу.

— Завтра, на Дубравѣ, подъ старымъ букомъ, мы посмотримъ!

За тревожнымъ днемъ, наступила еще болѣе безпокойная ночь. Морщина почти не смыкалъ глазъ. Едва стало близиться къ разсвѣту, какъ поднялся сильный и острый вѣтеръ. Морщина призадумался.

— Онъ не придетъ въ такую непогодь, говорилъ онъ самъ съ собою.

Съ восходомъ солнца онъ отправился на Дубраву и усѣлся на травѣ подъ знакомымъ букомъ. Вѣтеръ шумѣлъ и бушевалъ, колыша вѣтви буковъ и елей. Напрасно ходилъ Морщина довольно-

Digitized by Google

но далеко на встрѣчу Добровскому. Ожидаемый аббатъ не являлся. Не пришелъ вовсе; боялся, конечно, прюстудиться.

Морщина былъ сначала въ нерѣшительности; теперь онъ чувствовалъ себя какъ на горячихъ угольяхъ. Благоразумному старцу и въ голову не пришло ни разу, что его одолѣло суевѣріе. Напротивъ, мысли и убѣжденія его, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и живѣе принимали на себя всѣ оттѣнки вѣроятности. Къ вечеру онъ отправился въ Лучицы къ своимъ пріятелямъ подѣлиться съ ними важною новостью и сдѣлать съ ними совѣщаніе. Онъ отправился въ домъ своего зятя Франева. Какъ только замѣчали его поселяне, помаленьку двигались другъ по другу вслѣдъ за нимъ. Это были вообще его приверженцы, вѣрные и тайные.

Въ неособенно просторной горницѣ Франева домика сошлась ихъ порядочная кучка. Молча подавали они Морщинѣ руку. Никто изъ пришедшихъ не садился. Одинъ Морщина сидѣлъ, отдыхая на скамейкѣ.

— Братья, всѣ ли на лицо? спросилъ лѣсникъ.

— Всѣ, былъ отвѣтъ.

— Совершимъ же богослуженіе.

Богослуженіе состояло изъ негромкаго пѣнія псалмовъ и небольшой проповѣди. Вѣтеръ снаружи завывалъ, качая деревья. Послѣ отпуста Морщина обратился къ присутствующимъ.

— Теперь, братья, побесѣдуемъ. Что скажете вы о голубомъ аббатѣ изъ замка?

Вопросомъ этимъ поселяне были озадачены. Онъ застигъ ихъ слишкомъ врасплохъ. На минуту они не знали, что отвѣтить. Послѣ короткаго молчанія выступилъ одинъ изъ присутствующихъ. Искрящійся взоръ и острыя, нѣсколько рѣзкія черты его лица выказывали въ немъ умъ и необыкновенную энергію. Это былъ Ѳома. Указывая пальцемъ на лобъ, онъ проговорилъ:

— Я думаю, братъ, что у него тутъ что-то не совсѣмъ ладно.

Морщина, задумавшись, не отвѣчалъ.

— Я согласенъ съ тобою, Ѳома, продолжалъ другой крестьянинъ постарше,—по крайней мѣрѣ, то, что когда-то приключилось на Клатовской ярмаркѣ съ сѣрымъ сукномъ—какъ нельзя лучше подходитъ къ тому, что ты сказалъ.

— Не знаю, что было. Разскажите, добивался Морщина.

— Незадолго предъ ярмаркой вздумалъ голубой попъ изъ замка

Digitized by Google

провѣрить всѣхъ бѣдняковъ, у которыхъ не было за что купить хоть кое-какую зимнюю одежду. Рано поутру въ день ярмарки онъ распорядился, чтобъ запрягли на помѣщичьемъ дворѣ повозку, и отправился съ Матвѣемъ въ Клатовы. Тамъ накупилъ онъ хорошаго прочнаго сѣраго сукна. Сколько его было, не знаю, но, навѣрно, больше, чѣмъ нужно. На обратномъ пути спросилъ онъ Матвѣя:—Какъ ты думаешь, будетъ ли сукна довольно на столько-то человѣкъ?—Сѣрое сукно, сударь, должно прежде вымокнуть въ водѣ, чѣмъ изъ него можно что-нибудь шить: оно вѣдь сбѣгается, отвѣтилъ Матвѣй.—Видишь, я объ этомъ и не подумалъ! Спасибо, что ты мнѣ это сказалъ. Я бы далъ каждому бѣдняку по нѣсколько аршинъ. Сукно сбѣжалось бы, и на костюмъ не хватило бъ. Иначе ничего не оставалось бы, какъ прикупать сукна каждому изъ своего кармана, чтобъ порядочно одѣться на зиму. Если я хочу оказать благодѣяніе—я долженъ дѣлать его вполнѣ, а не на половину.... Затѣмъ они ѣхали дальше. Внизу подлѣ пруда голубой попъ сказалъ: Остановись. Матвѣй остановился.—Сними сукно, намочимъ его въ прудѣ. Что оставалось дѣлать Матвѣю. Онъ послушался. По колѣни влѣзъ онъ въ прудъ, и они намочили сукно. Когда оно какъ слѣдуетъ пропиталось водой, они стали тащить его вонъ изъ пруда. Это шло нелегко, такъ-какъ сукно напиталось водой и такъ отяжелѣло, что они съ трудомъ подняли его на повозку. Оно было благополучно на телѣгѣ, но это еще не все. Лучшая штука вышла немного позже. Отъ мокраго сукна прибавилась тяжесть, лошади не хотѣли везти. Вѣдь мы знаемъ господскихъ лошадей. Они не станутъ везти, дѣлая нѣкоторое усиліе: они избалованы. Что тутъ дѣлать? Повозка какъ-будто приросла къ дорогѣ. Я смотрѣлъ на это съ поля и смѣялся отъ души. Потомъ пошелъ Матвѣю на подмогу. Мы сняли съ повозки два боченка соли, и лошади тронулись. Я пообѣщалъ, что постерегу соль, и если кто поѣдетъ во дворъ, обѣщалъ, что передамъ ее во дворъ. Такъ и сдѣлалъ потомъ.

— И каждый бѣднякъ получилъ сбѣжавшагося сукна по настоящей мѣркѣ? добавилъ Ѳома.

— Получилъ какъ разъ на свитку и шаровары.

— И благодѣяніе было полное, сказалъ Морщина, который совершенно серьезно выслушалъ все происшествіе.—Вы, братья, смѣетесь надъ дѣломъ, такъ-какъ судите о немъ поверхностно.

Digitized by Google

Я въ немъ не вижу ничего смѣшнаго. Я не удивляюсь, что голубой аббатъ изъ замка забылъ, что намоченное въ водѣ сукно будетъ гораздо тяжеле, но я удиляюсь его справедливости, съ которою онъ соразмѣралъ свое благодѣяніе. Большіе господа не знаютъ иногда того, что знаютъ простые поселяне, поселяне же часто не умѣютъ разсудить, куда клонятся намѣренія благородныхъ и просвѣщенныхъ людей. Я хотѣлъ допытаться отъ васъ, какого вы мнѣнія о господинѣ изъ замка, но вижу, что сужденія вышли съ вѣтра. Богъ возложилъ на меня обязанность снять бѣльмо съ глазъ вашихъ. Видѣлъ ли кто изъ васъ хорошо нарисованнаго императора Іосифа?

Поселяне заволновались. Что хотѣлъ сказать ихъ старшина этимъ вопросомъ? У самаго смѣшливаго изъ нихъ Ѳомы глаза загорѣлись отъ любопытства и странныхъ предчувствій. Всѣ ждали, какъ Морщина объяснитъ свой вопросъ.

— Та особа, которая въ задумчивости прогуливается по нашимъ полямъ и лѣсамъ, собираетъ и сушитъ цвѣты; тотъ старецъ, который въ замкѣ пользуется гостепріимствомъ и у самого помѣщика-графа пользуется высокимъ и неизмѣннымъ уваженіемъ, не простой священникъ и не простой бывшій іезуитъ. Вглядитесь въ его глаза: что вы увидите? Что глаза эти, навѣрно, когда-то были привычны смотрѣть на народъ съ трона. Каждый взглядъ ихъ какъ-бы вызываетъ къ услугѣ, каждое ихъ мановеніе—равносильно приказанію. Это не священникъ прогуливается среди насъ, это въ священническомъ одѣяніи особа важная и знатная, закрывающаяся плащемъ таинственности предъ глазами непосвященныхъ и своихъ враговъ.

— Больше сердца и ума бываетъ иногда въ нѣмой твари съ полей и изъ лѣсовъ, чѣмъ въ самомъ Божьемъ народѣ. О друзьяхъ и благодѣтеляхъ своихъ онъ забываетъ легко и скоро, и допускаетъ здравый смыслъ свой морочить безъ всякаго противодѣйствія хитрецамъ и обманщикамъ... Сказали одни: Отошелъ къ предкамъ и нѣтъ его болѣе въ живыхъ. И имъ повѣрили. А онъ не умеръ, но увезенъ Богъ знаетъ въ какія мѣста и содержался въ крѣпости, тщательно охраняемый, чтобы не подалъ вѣсточки друзьямъ. И бремя старости сдѣлало согбеннымъ его прямой станъ, быстрый и сильный умъ потерялъ свой блескъ и силу отъ продолжительнаго одиночества. А сожалѣніе о людской неблагодарно-

Digitized by Google

сти подтачивало здоровые корни его духа и, словно осеннимъ вихремъ, сметало свѣжіе и зеленые листья его. Что за диво, что отъ горя и невзгодъ ясный умъ его запутался во тьмѣ и мракѣ. Враги его огласили тогда воздухъ восклицаніями: Онъ безопасенъ, онъ уничтоженъ. Они не заботились о немъ больше, не слѣдили за нимъ. Но духъ—вѣль это вѣчная жизнь: не загасить солнечнаго свѣта водами всѣхъ морей...

Морщина умолкъ на минуту. Затѣмъ быстро поднялся со скамейки, на которой сидѣлъ.

— Ну, знаете-ль уже, кто голубой священникъ изъ замка?..... Императоръ Іосифъ!

Слушатели вздрогнули. На возраженіе никто не рискнулъ. Разгорѣвшіеся глаза ихъ доказывали, что они считаютъ правдой слова своего старшины. Одинъ остроумный Ѳома сомнительно покачивалъ головой.

— Не можетъ быть этого, Морщина, вымолвилъ онъ увѣреннымъ тономъ.

— А почему быть не можетъ? быстро спросилъ Морщина.

— Свѣтъ идетъ своимъ естественнымъ путемъ. Ты же чудеса проповѣдываешь.

— Гдѣ Богъ—тамъ и чудеса.

— Правда, но зачѣмъ именно теперь они Ему понадобились?

— Чтобы уберечь дѣтей своихъ отъ бѣдъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Ѳома пожалъ плечами.

— Вотъ, Ѳома, предъ нашими глазами изъ маленькаго зерна вырастаетъ большое дерево. Гдѣ тутъ естественный ходъ, гдѣ чудо? Одно другому на нашихъ глазахъ подаетъ руку. Болѣе странныя дѣла произвели уже божьи враги среди людей. Устранили благороднаго государя; не противодѣйствовали ему, но скрыли и спрятали его, чтобы не мѣшалъ своимъ благородствомъ ихъ грязнымъ дѣламъ. Какое въ этомъ чудо? Старый Кокошка видѣлъ императора Іосифа лицемъ къ лицу. Сегодня утромъ, увидѣвъ аббата изъ замка, онъ узналъ его. Императоръ Іосифъ? Я его видѣлъ! проговорилъ Кокошка. Я былъ свидѣтелемъ.

— Кокошка старикъ ветхій.

— А этотъ же ветхій старецъ видитъ дальше, чѣмъ мужчина въ самой цвѣтущей силѣ.

Digitized by Google

— Не отрицаю, Морщина. Но убѣдимся.

— Убѣдимся. И правъ ли я, либо неправъ,—кого вы выберете, чтобъ убѣдиться?

— Васъ, послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Согласенъ, произнесъ важно и серьезно Морщина.—И если я не ошибаюсь, слѣдуетъ ли мнѣ говорить съ императоромъ о вашихъ нуждахъ?

— Говори.

— Дай мнѣ, Боже, силы на это и успѣхъ. Я простой сосудъ, чтобы волею божіею, могло изъ него разливаться вино по Чешской землѣ.

— Дай Богъ.

— Впрочемъ я буду имѣть время сговориться съ вами на счетъ путей къ нашей общей цѣли.

— Да, конечно.

Собравшіеся мужчины разошлись. Нѣкоторые провожали Морщину часть дороги къ его дому. Вѣтеръ шумѣлъ и свирѣпѣлъ, раскачивая деревья. Морщина не обращалъ вниманія на вѣтеръ и непогоду. Дорогою онъ обдумывалъ свою задачу, которая въ неясныхъ, полу-запутанныхъ чертахъ мелькала у него передъ глазами.

— Богъ далъ милость, Онъ же внушитъ, что дѣлать.

Этой христіанской истиной онъ успокоивалъ сомнѣнія, которыя мелькали въ его душѣ, подобно вихрю по открытой полянѣ, по какой онъ теперь шелъ.

VII.

Было нѣсколько дней пасмурныхъ, дождливыхъ, вѣтряныхъ. Ясно, тепло и сухо въ природѣ—и на душѣ легко; пасмурная, холодная и дождливая погода—какъ то сжимаетъ душу, съуживаетъ ея кругозоръ. Кто въ деревенскомъ затишьи ищетъ поправленія здоровья и отдыха, какъ именно Добровскій въ Худеницахъ, тотъ вдвойнѣ чувствуетъ гнетъ непогоды. Почтенный же аббатъ нашъ въ такіе дни чувствовалъ себя особенно скверно. Боясь простудиться, онъ не выходилъ изъ замка, а пребываніе въ стѣнахъ этого жилища вліяло на его здоровье больше, чѣмъ на всякаго другого. Онъ явился сюда, чтобы поправиться на свѣ-

Digitized by Google

жемъ воздухѣ полей и лѣсовъ, а между тѣмъ эти поля и лѣса, и ихъ свѣжій воздухъ, запирала предъ нимъ непогода. По его мнѣнію, для болѣзни его не было лучшаго лѣкарства, какъ студеная ключевая вода, но и отъ нея онъ долженъ былъ отказаться на нѣкоторое время. Онъ чувствовалъ на себѣ, какъ кровь чаще приливаетъ къ его головѣ и гнететъ его душу. Онъ дѣлался скученъ и угрюмъ, и думалъ, что серьезно боленъ. Онъ привыкъ къ ученой работѣ, а привычка, какъ извѣстно—вторая натура. Онъ бы съ удовольствіемъ работалъ за письменнымъ столомъ, пока на дворѣ былъ дождь и вѣтеръ, но работа у него не клеилась. Онъ занимался въ то время составленіемъ лужицко-сербской грамматики для вендской семинаріи въ Прагѣ, но и любимѣйшая наука его, языкознаніе, не занимала его головы, какъ бы онъ хотѣлъ и привыкъ. Онъ чувствовалъ по себѣ, что энергія его покидаетъ, дѣятельность какъ-то стынетъ. Больше часу онъ не высиживалъ за работой. Для разнообразія принимался за другую науку, которою охотно занимался въ свободные часы. Это была ботаника, scientia amabilis Линнея. Науку эту онъ особенно любилъ, считалъ ее даже своей спасительницей отъ умопомраченія, которое въ 1802 г. грозило его высокому уму. Спасибо близкому другу его, доктору Гельду, который не допустилъ, чтобы чешскій геній попалъ въ домъ умалишенныхъ. Устроивъ ему довольно сносное помѣщеніе у „*милосердныхъ братьевъ*“ въ Прагѣ, онъ оказалъ тѣмъ безцѣнную услугу славяновѣдѣнію и всему Славянству. Безъ него не увидѣли бы свѣта Божьяго „Institutiones“ Добровскаго. Роковая судьба славянскихъ геніевъ огнемъ жжетъ душу! Добровскій, Мицкевичъ, Шафарикъ подвергались сумасшествію. Гдѣ, о небо, твоя благость и любовь, возроптали бы мы, если бы были слабы духомъ. Но мы еще полны энергіи и силъ. Мы умѣемъ терпѣть. Переносимъ. Богъ дастъ, дождемся лучшей поры. Per aspera ad astra!

Весь 1802 годъ Добровскій провелъ въ гостепріимномъ пріютѣ „милосердныхъ братьевъ“. Лѣтніе мѣсяцы—въ саду. Тутъ полюбилъ онъ ботанику. Природа излѣчила его. Умъ его снова засіялъ прежнимъ блескомъ... Впослѣдствіи онъ никогда не забывалъ ботаники. Онъ отслужилъ ей службу. Его сочиненіе „Начертаніе ботанической системы“ является предшественникомъ изслѣдованій Декандолля. Кто во всемъ мірѣ знаетъ объ этомъ, и зная, кто

Digitized by Google

упомянетъ? Проходятъ молчаніемъ, какъ не вспоминаютъ чеха Залужанскаго, который прокладывалъ дорожку Линнею!

И за ботаникой не было у Добровскаго усидчивости. Физическая усталость одолѣвала его, охота къ литературному труду пропадала, душа его окаменѣвала. Невыносимый для себя самого, онъ не хотѣлъ обременять своимъ присутствіемъ своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Онъ не шелъ въ общую столовую, запирался въ своемъ помѣщеніи. Это не ускользнуло отъ вниманія благороднаго графа. На другой же день передъ полуднемъ онъ посѣтилъ своего ученаго гостя въ его комнатѣ. Онъ засталъ его за письменнымъ столомъ погруженнаго въ думы.

— Ахъ, любезный аббатъ, обратился онъ ласково къ Добровскому, если вы къ намъ не идете, то мы должны являться къ вамъ. Простите, если мѣшаю?

Добровскій всталъ.

— Вы находите здѣсь, ваше сіятельство, угрюмаго мизантропа. Вину же всего этого извольте приписать этому несносному дождю и вѣтру, которые долбятся въ окна моей квартиры и души моей.

— Полагаю, что окна съ честью выдержатъ напоръ дождя и вѣтра. Какъ здоровье ваше, аббатъ?

— Не особенно хорошо, графъ. Недостаетъ мнѣ холодной ключевой воды, золотыхъ лучей солнышка и такъ-какъ воздухъ есть духъ Божій, недостаетъ Божьяго духа.

— Божьяго духа! Я думалъ, что съ вами, что-нибудь хуже. Божій духъ! въ васъ заиграла поэтическая струна, а это служитъ для меня пріятнымъ указаніемъ, что, опасаясь изъ-за васъ, я опасался напрасно.

— Это производитъ присутствіе и любезность вашего сіятельства.

— Вѣчно придворная находчивость. Ну, вотъ вамъ! Взгляните: солнечный лучъ! И какъ славно освѣтилъ онъ нашего ученаго мизантропа!

Оба подошли къ окну и глядѣли на горизонтъ, на которомъ сѣдыя облака разрывались и мѣстами просвѣчивала ясная лазурь.

— Знаете новость, аббатъ? обратился графъ къ Добровскому, котораго глаза упивались разсвѣтающей лазурью и золотыми лу-

Digitized by Google

чами.—Сегодня еще, черезъ часъ, черезъ полчаса будетъ ясная, прелестная погода.

— И я соберусь, графъ, и пойду на воздухъ.

— И я поѣду съ вами, если угодно. Земля размякла и сыра: я прикажу запречь.

— Прошу васъ не дѣлать этого. Человѣкъ чувствуетъ себя всего лучше на своихъ ногахъ. Стукомъ экипажа чрезвычайно разстраиваются нервы.

— Хорошо, отправимся пѣшкомъ. Гляньте: солнце побѣждаетъ и побѣдитъ; тучи расходятся и исчезаютъ. Я буду ждать васъ въ мастерской, аббатъ.

— Черезъ минуту я буду тамъ, какъ на конѣ, графъ.

Черезъ какія нибудь тридцать минутъ оба они вышли изъ замка. Погода измѣнилась какъ-бы по мановенію. Солнце свѣтило и грѣло, вѣтеръ утихъ. Воздухъ былъ хотя влажный и свѣжій, но пріятный. Выйдя со двора, миновали они стародавнюю церковку, полузакрытую густыми липами и двинулись по дорогѣ къ святому Вольфгангу. Шли не спѣша и молча. У пруда, на которомъ плавали и щебетали гуси, остановились и заглядѣлись. Вправо за прудомъ стоялъ домъ приходскаго священника, построенный довольно красиво и чисто выбѣленный, съ фронта, по сторонамъ отъ входныхъ дверей, съ двумя садиками, красиво огороженными. Влѣво удобно опершись о бѣлый столбъ ограды стоялъ приходскій священникъ Стернадекъ. Сложа руки на выпукломъ брюшкѣ и вертя пальцъ о пальцъ въ пріятномъ расположеніи духа, онъ глядѣлъ своими рысьими глазками на небо, какъ бы считая облачки, тянущіяся по немъ въ разбивку. Графа и Добровскаго онъ не замѣтилъ.

— Взгляните туда, аббатъ, на нашего Стернадека, промолвилъ графъ, какъ блаженствуетъ онъ на солнышкѣ. Надѣюсь, попадись онъ на глаза художнику: непремѣнно послужилъ бы отличнымъ оригиналомъ для этюда.

— А во мнѣ, ваше сіятельство, пробуждается поэтическая жилка, какъ только взгляну на него. О чемъ подержите пари, что stante pede я сочиню на него чешскій гекзаметръ?

— Экспромптъ?

— Конечно, графъ.

Digitized by Google

— Такихъ художествъ я не подозрѣвалъ за вами. И внимаю вамъ intento ore, аббатъ.

Добровскій остановился передъ графомъ и, улыбаясь сатирически, сталъ отбивать указательнымъ пальцемъ правой руки тактъ на пальцахъ лѣвой:

— „Вотъ и вепря огромнаго, о стѣну склоненнаго, солнце пригрѣло“....

Графъ разразился гомерическимъ смѣхомъ: Добровскій попалъ какъ разъ въ цѣль.

— Будущій чешскій Парнассъ, аббатъ, потерялъ въ васъ рѣдкую силу, замѣтилъ графъ.

— Не было мнѣ это суждено, отвѣтилъ задумчиво Добровскій. Кропая слова, я не дошелъ до кропанья стиховъ. Во всякомъ случаѣ, ваше сіятельство, мой гекзаметръ ex abrupto да послужитъ доказательствомъ, что чешскій языкъ ждетъ лишь своихъ Гомеровъ. И, клянусь Богомъ и св. Вячеславомъ: онъ достоинъ Гомеровъ!

— Жаль, очень жаль, что мы не можемъ другую пѣснь пѣть, кромѣ: Fueramus Pergama quondam.

— Жаль, графъ, подвердилъ Добровскій и вздохнулъ. Были и не будемъ. Но писать о насъ и говорить будутъ.

— Объ этомъ вы не мало таки постарались, аббатъ.

— И кто знаетъ, не постарался ли я о чемъ-нибудь бо́льшемъ, проговорилъ многозначительно аббатъ.

Графъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Забудьте, графъ, на время, что вы аристократъ, а я забуду, что я ученый. Что отъ насъ останется?

— Люди.

— Да, люди. А не изволите ли вы думать, что въ самомъ народѣ заключается нѣчто, изъ чего можетъ возникнуть новое лучшее будущее?

— Народъ—муха, пущенная по вѣтру, аббатъ.

— Онъ былъ такимъ, но со временъ императора Іосифа является чѣмъ-то инымъ, болѣе реальнымъ.

— Не расходитесь ли вы нѣсколько съ дѣйствительностью, аббатъ.

— Богъ знаетъ, графъ. Я знаю только одно, что въ умѣ моемъ

Digitized by Google

что-то шевелится, что по временамъ не даетъ мнѣ заснуть. Это для меня вещь до сихъ поръ новая. Я еще не посвящалъ себя ей, чтобъ со всѣхъ сторонъ обдумать ее серьезно и осторожно. Но въ ней заключается магнитъ, который такъ скоро не покинетъ моего духа.

— Вашъ духъ того и гляди окажется безсильнымъ въ новой области. Боже сохрани, чтобъ его я сталъ какъ-нибудь стѣснять: онъ не допускаетъ стѣсненій. Но пока что не будемъ касаться этого пункта. Мнѣ не хочется преломлять копья съ опаснымъ оппонентомъ quoad quintum ad sextum argumentum, какимъ вы были уже въ философіи. Эпиграмма ваша на Стернадка—прелестна.

Они вновь разсмѣялись и черезъ минуту оказались въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. На возвратномъ пути повстрѣчали они патера Стернадка, который отвѣсилъ имъ самые низкіе поклоны. Они еле-еле удерживались, чтобъ не разразиться смѣхомъ. Придя въ замокъ, они опять стали смѣяться.

— О, вы—сихъ дѣлъ мастеръ, аббатъ, сказалъ графъ на прощанье съ Добровскимъ.—Если бы я былъ помоложе, я непремѣнно взялъ бы у васъ collegium prosodicum.

VIII.

Егва Добровскій отдохнулъ послѣ прогулки, ему доложили о необычайномъ визитѣ. Въ комнату несмѣло вошла деревенская дѣвушка. Свѣжая, какъ ягодка, и красивая, какъ первый весенній ясный день. Съ опущенными взорами она подошла къ старику и поцѣловала у него руку.

— Здравствуй, голубушка! Что ты мнѣ несешь? спросилъ Добровскій, не спуская пріятно пораженнаго взора съ раскраснѣвшагося личика дѣвушки.

Дѣвушка подняла на него сѣрые глаза, которые блестѣли остроуміемъ и добротой, и отвѣчала:

— Книги.

— Вотъ какъ—книги! Конечно, не на продажу?

— Нѣтъ, для просмотра.

— Для просмотра? Радъ это слышать. Но чья же ты?

— Франева изъ Лучицъ.

— Гдѣ же вы взяли книги?

— Онѣ дѣдовы. Онъ посылаетъ ихъ вамъ для просмотра.

Digitized by Google

— А кто же твой дѣдушка?

— Лѣсникъ Морщина изъ Дерславицъ.

— А ты его внучка! Ну, мы теперь понимаемъ.

Добровскій втихомолку засмѣялся. Припомнилъ онъ Гукала, который ему нечаянно выдалъ, что Магдалина и Францъ Конипасъ другъ друга любятъ. Вертѣлась ужъ у него на языкѣ какая-то шутка на этотъ счетъ, но онъ отложилъ ее до поры-до времени. Древнія чешскія книги стояли у него на первомъ планѣ: онъ именно припомнилъ, что Морщина въ *братекомъ канціоналѣ* *) имѣетъ три старыя рукописныя пѣсни. Онѣ-то его особенно интересовали.

Магдалина вынула книги, принесенныя ею въ корзинѣ, и положила ихъ на столъ, а аббатъ сталъ ихъ внимательно просматривать одну за другою. Прочелъ въ каждой книгѣ первую и послѣднюю страницу и пробѣжалъ ихъ содержаніе. Переплетамъ посвящалъ онъ особое вниманіе, не былъ ли приклеенъ къ нимъ отрывокъ какой-нибудь стародавней рукописи. Въ концѣ концовъ не нашелъ въ нихъ почти ничего, что его занимало. Книги и церковныя пѣсни, въ нихъ записанныя, были всѣ ему извѣстны, по крайней мѣрѣ, онъ не отмѣтилъ ничего въ записной книжкѣ, которую передъ пересмотромъ книгъ приготовилъ на столѣ.

— Ну вотъ, голубушка, я все пересмотрѣлъ. Сложи опять аккуратно книги въ корзинку. Все это—книги хорошія и полезныя, рѣдкія и пригодныя, пусть ихъ лѣсникъ такъ же заботливо бережетъ, какъ онъ это по сю пору дѣлалъ. Кланяйся ему отъ меня и скажи, что, если онъ пріѣдетъ въ Худеницы, я радъ его видѣть. Вѣдь я не забылъ о немъ. И если бы не было этой несносной непогоды, я бы навѣстилъ его. Но вѣдь чего не успѣлъ сегодня, можно вознаградить завтра.

Дѣвушка готова была уйти. Добровскій остановилъ ее.

— Ты еще мнѣ не сказала, какъ тебя зовутъ.

— Магдалина.

— Такъ, такъ. Магдалина и Францъ, какъ это славно пристало, будто листъ къ листу. Развѣ неправда, Магдалинушка?

Магдалина зардѣлась отъ стыда и неожиданности. Сердце у ней сжалось, дыханіе—тоже, голосъ пропалъ. Кровь вступила ей въ лицо, такъ что его будто огнемъ жгло. Кто выдалъ голубому

*) Сборникъ церковныхъ пѣсенъ чешско-моравскихъ „братьевъ“. *Перев.*

Digitized by Google

аббату изъ замка ту тайну, которую до этой поры она хранила въ глубинѣ своего сердца, и о которой не знали ни дѣдушка, ни родители? Отъ стыда она рада была сквозь землю провалиться.

Добровскій въ этотъ день былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Веселыя мысли одна за другою мелькали въ его умѣ. Ласковые глаза его искрились весельемъ и ироніей, когда онъ смотрѣлъ на прекрасное проявленіе дѣвическаго стыда, который обжигалъ подвижное и какъ снѣгъ бѣлое личико Магдалины жгучимъ румянцемъ. Онъ почти жалѣлъ, что такъ неосторожно приподнялъ завѣсу тайны, о которой въ стариковскомъ своемъ сердцѣ не зналъ уже, что она дороже золота и драгоцѣнностей для молодой дѣвушки. Старикъ охотно исправилъ бы свою ошибку, но въ этотъ моментъ не зналъ какимъ образомъ. Вѣсь остроумія не давалъ ему покоя. И онъ запутывалъ то, что собственно желалъ распутать.

— Отчего краснѣешь, Магдалина? дразнилъ онъ снова дѣвушку.

Магдалина искоса повела на него глазами и въ нихъ промелькнула стрѣла гнѣва. Но стрѣла не долетѣла. Добродушное и шутливое настроеніе старика было не уязвимо для гнѣва.

— Ты, конечно, не разсердишься, если я спрошу, какъ дѣдушка: отчего покраснѣла?

Это были золотыя отеческія слова, съ которыми добрый старикъ обратился къ дѣвушкѣ. Мысли ея прояснились и получили такое направленіе, что она не затруднилась отвѣтить кратко, умно и мѣтко.

— Отъ правды, отвѣтила твердо Магдалина.

— А я люблю и краску, и правду, говорилъ Добровскій,—и хоть мы разговариваемъ въ первый разъ, но я отъ души сочувствую уже тебѣ, Магдалина.

Дѣвушка по скромности не отвѣчала.

— Я не хочу вгонять тебя вновь въ краску, спрашивая: знаютъ ли твои родители, знаетъ ли дѣдъ Морщина, что вы съ Францемъ любите другъ друга?

— Нѣтъ, не знаютъ.

— Шельма Гукалъ: имѣетъ лисьи глаза.

Магдалина навострила вниманіе.

— Итакъ я былъ первый, коснувшійся чуждой рукою золотой тайны вашей любви! Это позволительно стариковскому дѣтскому

Digitized by Google

языку, моя прекраснокая голубка! И за это я долженъ вамъ отблагодарить. Какъ ты думаешь, Магдалина?

Магдалина вздохнула.

— Почему вздыхаешь, дитя мое? Вѣдь вѣрно, что у васъ самыя розовыя надежды?

— О, не въ надеждахъ дѣло, святой отецъ.

— Лишь бы онѣ не обманули васъ. Въ чемъ же?

Магдалина вздохнула опять.

— Настойчивость прежде всего, Магдалина. Обратившись съ довѣріемъ ко мнѣ, старику, вы не останетесь безъ добраго совѣта, а также и безъ поддержки.

— Я крестьянская дѣвушка, господинъ аббатъ, а Францъ изъ господскаго рода.

— Но онъ тебя дѣйствительно любитъ?

— Да, любитъ.

— Если ты въ этомъ увѣрена, чего же вы боитесь?

— Его отца, управителя Конипаса.

— Я о немъ забылъ, какъ о смерти. Какъ все удивительно запутывается! Но будемъ надѣяться, что тутъ препятствія не будетъ. Мы не должны допустить, чтобы явилось препятствіе—это первое дѣло. Я далъ тебѣ слово подать совѣтъ и помощь. И отъ обѣщанія не долженъ отступать, какъ ты думаешь?

Магдалина соглашалась.

— По всему кажется мнѣ, что я вашу тайну купилъ не дешево. Но что же изъ этого, вѣдь ты внучка Морщины. Что говоритъ на это твой дѣдушка?

— Онъ ни о чемъ не знаетъ.

— Гм! Начни что-нибудь съ женщинами и петля на шеѣ! Не кручинься, Магдалина, и на меня не сердись. Отнеси только хорошенько книги Морщинѣ, а тайну свою держите хорошенько подъ ключемъ. Устройство вашего счастья я беру на себя. Положитесь на меня. Я не забываю о тѣхъ, кто сдѣлался близокъ моему сердцу! Въ извѣстное время я похлопочу о васъ.

Магдалина порывисто взяла руку Добровскаго и поцѣловала ее. Добровскій въ свою очередь съ веселой улыбкой вглядывался въ ея глаза, въ которыхъ свѣтилось дѣтски-искреннее довѣріе. Поцѣловавъ въ лобъ, онъ отпустилъ ее.

Сдѣлавшись нежданно-негаданно защитникомъ любви моло-

Digitized by Google

лыхъ людей, Добровскій, что-то обдумывая, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился въ графскую столовую, гдѣ устроилась въ этотъ день сверхъ обычая оживленная бесѣда.

— Докладываю вашему вниманію, вставилъ графъ въ разговоръ, что я открылъ сегодня по счастливому стеченію обстоятельствъ въ ученомъ нашемъ гостѣ новую сторону въ дарованіяхъ. Кто угадаетъ, въ чемъ мое открытіе, тотъ получитъ премію.

Угадывали то, другое, но не угадали.

— Почтенный аббатъ, долженъ ли я удовлетворить возбужденное мною любопытство? спросилъ графъ Добровскаго.

— Сдѣлайте одолженіе, ваше сіятельство.

— Вы всегда—олицетворенная любезность. Итакъ знайте, почтенное общество, что нашъ аббатъ—скрытый любимецъ Аполлона.

— Написалъ стихотвореніе, слышалось со всѣхъ концевъ стола.

— Замѣчательное.

— Мы должны просить любезнаго аббата не скрывать его отъ насъ.

— Что вы скажете на это, аббатъ?

— Выданный на три четверти вашимъ сіятельствомъ, я не стану скрываться.

— Вотъ это мило, аббатъ, а я беру на себя честь сказать подходящее по поводу этого вступленіе.

И онъ сталъ разсказывать о предобѣденной прогулкѣ своей съ Добровскимъ и о патерѣ Стернадкѣ, грѣвшемся на солнцѣ. Аббатъ же продекламировалъ слушателямъ чешскій гекзаметръ, который экспромптомъ былъ сочиненъ имъ на дорогѣ.

Смѣху не было конца. Самая меньшая графиня, живая и острая дѣвочка, такъ расходилась, что довольно сдержанная всегда гувернантка окрысилась на нее. Гекзаметръ Добровскаго слово въ слово затвердила она и потомъ нерѣдко мѣряла имъ довольно однообразно идущее время въ деревнѣ.

— Это было незадолго предъ тѣмъ или вскорѣ послѣ того, говорила она, что нашъ милый аббатъ сочинилъ чешскій гекзаметръ на Стернадка.

Digitized by Google

IX.

По дорогѣ на западъ отъ Дерславицъ лежитъ деревня по имени Вѣтковичи. Черезъ нее идетъ дорога къ св. Блажею, каменной капличкѣ съ чудотворнымъ колодцемъ. Оттуда въ прямомъ направленіи тянется дорога внизъ, сначала лѣсомъ, потомъ лугомъ къ большому селу съ церковью и колокольней, которое красиво расположено на холмѣ и носитъ имя Полынь.

Отъ св. Блажея внизъ къ Вѣтковичамъ шелъ въ одно свѣжее и ясное утро Добровскій. Минувъ Вѣтковичи, онъ спускался по луговому склону нѣсколько влѣво внизъ къ лѣсу. Внизу предъ его глазами, подлѣ еловаго лѣса, сверкала гладь пруда. Положеніе озера было очень живописно. Оно манило Добровскаго уже издали. Онъ не былъ еще здѣсь никогда и задумалъ посидѣть на берегу и помечтать. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ озеру, тѣмъ больше оно ему нравилось. Прежде всего бросилась ему въ глаза каменная плотина пруда, которая тянулась такъ, что отдѣляла блестящую поверхность пруда отъ темнаго бора. Сбоку плотины, со стороны, обращенной къ пруду, росло не въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи нѣсколько ольхъ и вербъ, и почти посрединѣ стоялъ высокій, старый, развѣсистый кленъ. Этотъ кленъ и выбралъ себѣ для отдыха Добровскій; онъ ему особенно полюбился. Подойдя къ пруду, онъ взялъ вправо и пошелъ по широкой плотинѣ. Подъ кленомъ, опершись о него спиною, сидѣлъ старикъ Морщина, уплетая на завтракъ черный хлѣбъ. Завидя Добровскаго, онъ быстро поднялся и изъ учтивости сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу. Отъ неожиданности онъ ничего не сказалъ, даже не поздоровался. Морщина въ это время пробѣгалъ въ мысляхъ объ императорѣ Іосифѣ, о Добровскомъ и вотъ тебѣ! про волка рѣчь, волкъ изъ-за плечъ.

Добровскій издали еще привѣтливо ему улыбался. Ему было особенно пріятно, что на этомъ прекрасномъ мѣстѣ онъ увидался съ интереснымъ старикомъ.

— Да хранитъ тебя, Всевышній! Завтракай и не церемонься, обратился онъ съ улыбкою къ старому лѣснику.

— Ваше императорское величество, вертѣлось у Морщины уже на языкѣ, но онъ проглотилъ изъ осторожности подобное привѣтствіе и низко поклонился приблизившемуся аббату.

Digitized by Google

— Сядь, старичокъ, сядь.

— Я ужъ отдохнулъ.

— И я охотно отдохну на этомъ мѣстѣ, столь пріятномъ для глаза и для сердца.

Онъ усѣлся подъ кленомъ и заглядѣлся на озеро.

— Ты ужъ давно сегодня на ногахъ, продолжалъ Добровскій разговоръ, не спуская глазъ съ озерной глади.

— Съ трехъ часовъ утра, ваша милость.

— Что за завидная жизнь—ранымъ рано прогуливаться по лѣснымъ чащамъ! Какія серьезныя мысли не придутъ тогда въ голову человѣку въ родѣ Морщины!

Морщина не отвѣчалъ.

— Что ты такъ скупъ сегодня на слова?

— Ваше.....

— Благодарю, что присылалъ мнѣ свои книги. Это рѣдкія книги—по языку и по мыслямъ. А мысли—это первое дѣло. Мысли вѣдь это часть нашего духа. Это дѣло не исчезнетъ, не пропадетъ. Оно переживетъ многіе вѣка. Это—образы вѣчности, искры которой вмѣщаются въ головахъ избранниковъ. О чемъ ты размышлялъ сегодня раннимъ утромъ въ лѣсу?

— О будущности Чешскаго народа.

Добровскій повернулъ къ Морщинѣ голову. Большіе голубые глаза его впивались, такъ сказать, въ простое, но чрезвычайно выразительное лице лѣсника. Морщина выносилъ спокойно его взглядъ. На минуту они замолкли. Добровскій всталъ и еще ближе подошелъ къ лѣснику.

— Ты размышляешь о будущности Чешскаго народа, повторялъ Добровскій, дѣлая на каждомъ словѣ особое удареніе,—по какому же поводу?

— Вѣдь я—Чехъ.

Добровскій выпрямился и заложилъ руки за спину. Глаза его заискрились.

— Ты—Чехъ: мало словъ, но много смысла! И я тебя понимаю, старикъ. Понимаю и не понимаю. Намъ слѣдуетъ другъ съ другомъ объясниться. Прошу тебя объ этомъ, мой добрый старый братъ.

— Смутно, невесело въ Чешской землѣ. Что такое Чехъ? непросвѣщенный невольникъ. У кого въ рукахъ свѣтская и духов-

Digitized by Google

ная власть? въ рукахъ безсердечнаго чужеземца. Чужеземцемъ же является всякій, кто сдѣлался душою и сердцемъ чуждъ народу, хотя бы на его языкѣ говорилъ съ каѳедры. Тѣло свое одѣваютъ въ иноземное платье, духъ—въ иноземныя шнуровки. Вотъ почему смутна и невесела Чехія!

— Vox populi, vox Dei! Откуда ты набрался такихъ мыслей, Морщина?

— Изъ собственной головы, изъ глубины своего духа, въ который Богъ вложилъ искорку вѣчности.

— Въ мірскомъ непостоянствѣ ты идешь своею неизмѣнною дорогою. Ты достоенъ искренняго почтенія, слова твои заслуживаютъ серьезнаго размышленія. Чешскій духъ! Былъ онъ, братецъ, былъ—правда; но его ужъ больше нѣтъ.

— Нѣтъ, есть.

Добровскій вздрогнулъ, какъ будто сквозь его прошла электрическая искра. Съ величайшимъ любопытствомъ онъ устремилъ на лѣсника вопрошающій взоръ.

— Когда король Юрій*) по совѣту мистра Рокицаны**) заклялъ чешскій духъ въ ямѣ своего пустыннаго Жамберецкаго***) владѣнія, всѣ думали, что тамъ онъ разсыплется прахомъ, какъ снѣжный комъ на днѣ пропасти.

— Ты имѣешь въ виду Кунвальдъ?

— Да. Но духъ есть частица вѣчности. Онъ не разошелся дымомъ и паромъ. Изъ Кунвальдской ямы онъ сталъ твердой ногою и распространился какъ небесный свѣтъ по горамъ и долинамъ Рыхновскимъ, и оттуда разливался и разлился по благословеннымъ чешскимъ и моравскимъ областямъ. И всѣ грозныя послѣдствія чешской войны восемнадцатаго года и всѣ эти безшабашные комисары и инквизиторы, и вся чужеземщина, явившіеся къ намъ и распоряжавшіеся на правахъ хозяина, все это не задавило того, что не допустило задавить себя. Есть чешскій духъ, есть понынѣ Чешскіе Братья; я самъ Чешскій Братъ.

---

*) Король Юрій Подебрадскій изъ *утраквистской* партіи царствовалъ съ 7 мая 1458 по 1471 г. *Перев.*

**) *Янъ Рокицана* (ум. 1471 г.), выбранный утраквистами въ архіепископы, оставилъ много чешскихъ сочиненій, преимущественно полемическаго характера. *Перев.*

***) Фамильное имѣніе короля Юрія. *Перев.*

Digitized by Google

Въ Добровскомъ разгорѣлось сердце, и духъ получилъ особую энергію. Всегда осторожный ученый, онъ чувствовалъ на себѣ такое вліяніе, какъ будто выпилъ изъ чаши глотокъ вѣчной правды. Несмотря на всю свою ученость, онъ не нашелъ въ своемъ умѣ другого замѣчанія, кромѣ такого:

— Ты, братъ, бѣлая ворона; исключеніе, заблудившійся путникъ изъ прекраснаго прошлаго.

— Я травяной стебель, отвѣтилъ твердо Моршина, который изъ-подъ камня возникаетъ и стремится къ правдѣ Божьей. Снимите, окажите милость, этотъ тяжкій камень и сбитая пожелтѣлая травка подъ нимъ зазеленѣетъ въ тысячѣ безчисленныхъ стеблей.

Добровскій сдѣлалъ быстро нѣсколько шаговъ.

— Возможна ли тутъ настойчивость, чешская неутомимость? воскликнулъ онъ полуневѣрующимъ и полуувѣреннымъ тономъ.— И эта кучка пражскихъ литераторовъ не тянется ли она за блестящимъ призракомъ, который она сама создала изъ простаго изслѣдованія о прошедшемъ Чехіи?! Или, быть можетъ, вѣчная правда Чешскаго духа втайнѣ напрягаетъ тутъ свои пружины въ этомъ кажущемся аматерскомъ одѣяніи? А можетъ быть, разумъ моей сѣдой головы складываетъ свое оружіе предъ призракомъ и миражемъ и подчиняется ему? Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ стоитъ предо мною сынъ изъ среды народа, необразованный, простой, саморослый, какъ этотъ кленъ, который, очевидно, ничего не знаетъ о Прагѣ. Старикъ, подобно мнѣ, обстрѣлянный, опытный, осторожный.... а между тѣмъ громомъ гремитъ онъ про Чешскій духъ! Вѣдь онъ не религіозный фанатикъ. Онъ скрывается предъ патерами и начальствомъ, не ищетъ чести и славы мученика, ни чего другого, будучи свободенъ отъ всего этого до мозга костей... Моршина, ты произнесъ слово, значеніе котораго оцѣнятъ лишь будущіе вѣка. Знаешь ли ты это, или не знаешь?

— Я знаю только одно и ничего больше, что Чешскій духъ не угасъ, что онъ существуетъ.

Добровскій съ минуту вглядывался въ него проницательнымъ взоромъ.

— Онъ простъ, проговорилъ онъ спокойно въ полголоса; простъ какъ Евангеліе.

Digitized by Google

— Послушай, Морщина, продолжалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія: человѣкъ состоитъ изъ духа и тѣла, изъ духа и массы составляется народъ. Допускаю и вѣрю тебѣ: чешскій духъ есть, но чешской массы уже нѣтъ больше. Что такое духъ безъ тѣла на землѣ, гдѣ народъ, если къ духу нѣтъ массы.

— Князья и сильные міра сего исчезаютъ; масса все переживаетъ.

— А страшныя притѣсненія?

— Масса вынесетъ ихъ на своихъ сильныхъ плечахъ; выдержитъ и уцѣлѣетъ.

— И чешская масса по твоимъ воззрѣніямъ существуетъ?

— Конечно.

— Чешскій духъ и чешская масса есть. Возможна будущность. А размышлялъ ли ты, Морщина, о путяхъ, которые могутъ вести чешскую массу къ лучшей, болѣе отрадной будущности?

— Размышлялъ.

— Я радъ послушать.

— Горе человѣку, котораго оставила надежда, горе народу, который бы не вѣрилъ твердо и свято, что настанетъ лучшая будущность. Нашъ простой народъ не мертвъ. „Не умерла дѣвица, но спитъ". Придетъ Спаситель, дотронется до нея, и она возстанетъ.

— Ты не понимаешь меня, любезный старикъ. Какимъ образомъ надо дѣйствовать, что надо предпринять, чтобы простому народу опять было хорошо въ Чехіи? Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Неизбѣжная необходимость усердно стараться о томъ, что у насъ было, чего нѣтъ больше и что вновь должно у насъ быть.

— Говори ясно и прямо, чтобы мы поняли другъ друга.

— Передъ чешской войной*) нашъ народъ хорошо сознавалъ, что онъ чешскій народъ, что та земля, которую назначилъ ему Отецъ небесный для того, чтобы онъ на ней родился, работалъ, жилъ и умиралъ,—есть его собственная земля, наслѣдство, предназначенное ему самимъ Богомъ. Этого теперь нашъ народъ не сознаетъ. Бѣдняга думаетъ: эксплоататоры и живодеры, сошедшіеся со всѣхъ концевъ свѣта, прекрасно подѣлили между собою твое наслѣдство; самъ ты въ своемъ собственномъ домѣ—пятое колесо

*) То есть гуситскими войнами. *Перев.*

Digitized by Google

въ телѣгѣ, и лишь способенъ на то, чтобы страдать и выбиваться изъ силъ ради ихъ удобнаго житья-бытья.

— Большая ошибка, если народъ такъ думаетъ.

— Ошибка!? Онъ долженъ думать такъ: Не мельчи полевыхъ участковъ, не отнимутъ ихъ у тебя фараоны. Насиліе свѣтскихъ властей можетъ одолѣвать лишь на время. Ты долженъ хлопотать о своемъ наслѣдіи, чтобы быть достойнымъ отцовъ и чтобы благословляли тебя потомки твои до десятаго колѣна.

— Понимаю... Ты разсчитываешь на обновленіе чешскаго сознанія въ массѣ. Но кто долженъ позаботиться объ этомъ для заброшеннаго люда?

— Тотъ, у кого разумъ видитъ дальше своего носа, въ головѣ у кого нѣтъ темноты, а напротивъ Богъ вмѣстилъ въ нее свѣтъ мудрости.

— Тяжелый трудъ это, любезный старикъ. Постепенно, понемногу лишь можно успѣть въ этомъ.

— Но все таки успѣть! Легко, какъ стрѣла, вбѣжитъ олень въ разставленныя тенета; въ одно мгновеніе попадетъ неосторожный пѣшеходъ въ глубину пучины; но тяжко и трудно выпутаться оленю изъ тенетъ; съ немалыми усиліями выберется упавшій пѣшеходъ изъ болотной тины. Постепенно и небыстро выберется нашъ простой народъ изъ бѣдъ и тины, но выберется, подайте лишь вы, образованные, ему руку помощи.

— Ты разсудительная голова, Морщина!

— Искони вѣковъ тьма проникается и прогоняется свѣтомъ. Свѣтлые умы обязаны освѣщать путь темному люду. А если они будутъ давать свѣтъ, то въ немъ возсіяютъ; притѣсненный сравнится умомъ съ притѣснителемъ; и чешскій духъ снова возродится въ народѣ.

Морщина умолкъ. Добровскій размышлялъ. Размышлялъ и удивлялся. Онъ былъ въ восхищеніи, въ восторгѣ. Глубокій умъ недовѣрчивъ: Добровскій до этого боролся съ неловѣріемъ къ доводамъ Морщины. Боролся, но чувствовалъ и сознавалъ, что не будетъ побѣдителемъ въ спорѣ, во всякомъ случаѣ грандіозномъ.

— Ты Чешскій Братъ, Морщина? промолвилъ черезъ минуту.

— Точно такъ, ваша милость. Чешскобратская вѣра составляетъ чешскій духъ. Тихая, скромная, дѣятельная, настойчивая, вотъ чешская вѣра, вотъ чешскій законъ Божій.

Digitized by Google

— А не упускаешь ли ты изъ виду, что нашъ простой народъ цѣлыя столѣтія находится въ крѣпостномъ состояніи?

— Нѣтъ. Духовное и тѣлесное крѣпостничество тѣснитъ нашъ народъ какъ-бы по наслѣдству, предназначенному Богомъ.

— А какая же помощь отъ этого крѣпостничества, которое пьетъ кровь и выжимаетъ соки изъ тѣла и души Чешскаго народа? Его тоже надо бы уничтожить, чтобы устроить путь для будущности болѣе прочный и удобный?

— Надо только, ваша милость, чтобъ явился могущественный разумный и народолюбивый монархъ. Жаль очень жаль, что умеръ добрый императоръ Іосифъ! Это большое горе!

Послѣднюю фразу Морщина произнесъ торжественнымъ, важнымъ и значительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и таинственнымъ тономъ. Глаза его загорѣлись нетерпѣніемъ и безграничной преданностью. Кровь отлила у него отъ воспламененнаго лица, губы дрожали, руки судорожно сжались на вздымающейся груди. Онъ ждалъ отвѣта Добровскаго, какъ милости Божьей.

— Онъ не умеръ, сказалъ Добровскій, нисколько не думая, что онъ ставитъ все вверхъ дномъ въ душѣ Морщины. Онъ говорилъ, конечно, образно, забывъ, что говоритъ съ простымъ человѣкомъ.—Онъ не умеръ, Морщина. Онъ живъ!

Морщина бросился къ его ногамъ. Обнялъ при этомъ его колѣни и прижалъ къ нимъ свою сѣдую голову.—Ваше императорское величество! воскликнулъ онъ голосомъ, переходящимъ въ настоящій крикъ.

Какъ бы громомъ пораженный, Добровскій весь вздрогнулъ. Что ему было сказать въ отвѣтъ? Слышалъ, правда, когда-то, что онъ похожъ на императора и даже нѣсколько гордился этой игрой природы, но никогда даже во снѣ ему не снилось, чтобы простой сельскій человѣкъ посчиталъ его государемъ, о которомъ ходила молва, что гдѣ-то въ уединеніи онъ живетъ понынѣ. Сообразительный старикъ понималъ, что было бы далеко не умно сразу передъ Морщиной утверждать, что онъ не тотъ, за кого онъ его принимаетъ. Онъ справедливо догадывался, что лѣсникъ, несмотря на всю силу и ясность своего ума, оказывается въ извѣстной степени мистикомъ. И тутъ оказывалась надобность быть осторожнымъ въ этомъ весьма щекотливомъ положеніи. Итакъ для него въ выс-

Digitized by Google

шей степени оказалось кстати, когда изъ лѣса на дорогу выступила третья фигура. Это былъ Гукалъ съ граблями и заступомъ на плечѣ.

— Встань, пріятель, встань, говорилъ Добровскій ласково Морщинѣ:—идетъ Гукалъ.

Гукалъ поздоровался по-крестьянски съ обоими стариками и удивившись, что Морщина предъ патеромъ изъ замка стоитъ на колѣняхъ, подошелъ медленно къ Добровскому и поцѣловалъ у него руку.

— А! это ты, Гукалъ. Съ граблями и заступомъ. Идешь, вѣроятно, съ работы?

— Точно такъ, ваша милость. Только что окончилъ валъ внизу подлѣ пасѣки.

— Это отлично. Прощай, однакожъ, Морщина. Мы еще вмѣстѣ досыта наговоримся.

Лѣсникъ хотѣлъ у него поцѣловать руку; но Добровскій не позволилъ. Ласково улыбнувшись, онъ кивнулъ на прощанье Морщинѣ. Затѣмъ пошелъ съ Гукаломъ вправо въ гору къ дорогѣ.

Лѣсникъ смотрѣлъ, не спуская глазъ, въ слѣдъ за ними, пока они не скрылись. Когда они исчезли изъ глазъ, онъ проговорилъ самъ къ себѣ:—Хочетъ остаться неузнаннымъ. У него на это вѣскія причины. Это несомнѣнно. Благодареніе Богу, что Онъ принесъ его къ намъ.

Лѣсникъ взялъ ружье на плечо и солиднымъ шагомъ направился къ своему дому.

X.

Давно ужъ, да, пожалуй и никогда, съ тѣхъ поръ какъ св. Захарія сдѣлался его патрономъ, не было для управителя Конипаса столь безпокойнаго и непріятнаго праздника, какъ сегодня. Славно выспавшись, онъ всталъ на зарѣ. На обычные поздравленія и поцѣлуи своихъ товарищей по службѣ, и домашнія привѣтствія онъ не обращалъ особаго вниманія; въ его душѣ возникалъ въ самыхъ роскошныхъ краскахъ образъ безконечно больше привлекательный. Скажемъ безъ прикрасъ: столъ, приготовленный имъ для поздравителей, стоившій ему и его супругѣ столько соображеній,

Digitized by Google

заботъ и приготовленій, занималъ всѣ его мысли и чувства настолько, что въ душѣ не оставалось мѣста для чувства по поводу чего-нибудь иного.

— Всего будетъ много, изысканныхъ блюдъ и старыхъ крѣпкихъ винъ, говорилъ Конопасъ послѣ завтрака своей женѣ. —Надо отдать мнѣ честь: я умѣю въ свои имянины показать, кто я.

— Самому графу можно бы пообѣдать за нашимъ столомъ, замѣтила жена.

— Даже самому Пражскому бургграфу, душенька, прибавилъ съ увлеченіемъ Конопасъ.

Вскорѣ послѣ завтрака явились поздравители, minores gentium. Въ числѣ ихъ егерь Войтѣхъ, который, входя въ кухню, долженъ былъ въ дверяхъ наклониться, чтобъ не ушибить голову. Управитель пришелъ въ кухню и благосклонно принялъ его привѣтствіе съ пожеланіемъ здоровья, счастья и царствія небеснаго. Затѣмъ далъ ему въ благодарность стаканъ вина, кусокъ колбасы и нѣсколько пироговъ. Войтѣхъ прильнулъ къ стакану губами и однимъ залпомъ выпилъ вино.

— Что, каково вино, Войтѣхъ?

— Мальвазія, сударь; каждую жилку въ тебѣ пробираетъ.

Управитель самодовольно улыбался, потому что далъ Войтѣху простого вина.

— Кому честь, тому честь, ваша милость. Напрасно станешь искать въ Худеницахъ равнаго вашему вина. Такъ и бьетъ въ ноги, какъ бы приговаривая: не ходи, а сядь! Я съ удовольствіемъ цѣлый годъ вспоминаю объ этомъ стаканѣ вина.

— Ну, а если бъ я вамъ, Войтѣхъ, еще прибавилъ половинку. Но которую: верхнюю или нижнюю?

— Верхнюю, ваша милость, если позволите.

— Катерина, налей еще стаканъ Войтѣху, приказалъ управитель кухаркѣ.

— Не спуская глазъ съ бутылки и стакана, Войтѣхъ расплывался въ блаженствѣ, какъ масло на солнцѣ. Кошачьи глаза и загорѣлое лицо его такъ разгорѣлись, что могли, казалось, зажечь спичку. Весело поднявъ наполненный стаканъ, онъ воскликнулъ съ увлеченіемъ:

— Дай Богъ вашей милости здоровья, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ.

Digitized by Google

Затѣмъ до краевъ налитый стаканъ вина исчезъ въ его утробѣ такъ, что не осталось ни капли.

— Пусть Богъ вамъ заплатитъ за стараго солдата! Есть у меня что-то на сердцѣ, ваша милость, чтобъ отблагодарить за угощеніе. Но....

При этомъ онъ метнулъ глазами на бывшую тутъ-же кухарку, какъ будто хотѣлъ сказать: при глупой бабѣ это не годится. Управитель его понялъ.

— Войдите сюда, сказалъ управитель и отворилъ дверь въ заднюю комнату, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ спальной. Они были наединѣ. Они стали другъ противъ друга: управитель круглый, какъ бочка, Войтѣхъ длинный, какъ верстовый столбъ.—Что скажете? спросилъ управитель, взглядывая на Войтѣха.

— Вино развязываетъ языкъ, ваша милость! Какъ же мнѣ не сказать, когда рѣчь сама срывается съ языка. Этому сегодня недѣля, ровно сегодня недѣля...

— Чему?

— Ну, вашъ пасынокъ Францъ. Охотникъ онъ важный.... правда. А Магдалина Франева изъ Лучицъ. Дѣвка, какъ лань... и это правда. Кремень и огниво. Ударишь объ огниво, и искры посыплются... Мы знаемъ это: были на войнѣ, служили восемь лѣтъ съ половиной...

— Вы краснобай, Войта.

У говорливаго егеря омрачилось чело. Имя его было Войта, но онъ не любилъ его, какъ вообще человѣкъ слишкомъ большого роста не любитъ, если кто напоминаетъ ему объ его ростѣ. Уменьшительное имя Войтѣшекъ было ему во сто разъ пріятнѣе. И сельскіе люди, и сельское начальство знали его слабость и всегда называли его Войтѣшкомъ. Войту онъ считалъ уменьшительнымъ насмѣшливымъ прозвищемъ. Потому-то онъ и заартачился.

— Понимаю, сударь, продолжалъ онъ нѣсколько огорченный. Господскій сынокъ и сельская дѣвушка.... Это фига и огурецъ. Если бы это было такъ—шутки, а то идетъ въ серьезъ...

— Какъ въ серьезъ, что вы путаете?

— Не путаю, господинъ управитель. Охота—охотой; а любовь—любовью. Что я вижу вотъ этими глазами, то, навѣрно, понимаю.

— Такъ говорите толкомъ.

Digitized by Google

— Это было ровно недѣлю назадъ передъ полуднемъ. Я шелъ съ бумагой подъ казенной печатью въ Дерславицы. Дорога длинная, кочковатая. Сажусь въ лѣсу съ краю за можжевельникомъ. Я люблю нюхать можжевельникъ. Домажлицкій можжевельникъ за поясъ заткнетъ всякую аптеку, если не хорошо въ желудкѣ. Кто то идетъ, вижу панъ Францъ съ Магдалиной, рука съ рукой. Усѣлись невдалекѣ отъ меня. Ага, думаю себѣ, вотъ будетъ за грошъ представленіе. А оно вышло больше, чѣмъ въ полталера.

— Вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ, господинъ управитель. Я—старый воробей, но все таки вижу, что нынѣшнее людское поколѣніе стало хитрѣе нашего. Между ними шли разговоры самаго нѣжнаго содержанія. Магдалина говорила, что была съ книгами у господина аббата въ замкѣ. Что аббатъ о нихъ постарается—яко-бы—чтобы имъ повѣнчаться.

Управитель выпялилъ глаза и поблѣднѣлъ.

— Я даже не дышалъ, чтобы себя не выдать. И когда они разошлись, я себѣ подумалъ: Вотъ это ты долженъ съ глазу на глазъ разсказать господину управителю. Когда будутъ его имянины, чтобы отблагодарить его. Стаканъ вина есть стаканъ вина.

— Держали ли вы съ этимъ языкъ за зубами?

— Конечно.

— Хорошо, Войтѣшекъ, ступайте съ Богомъ.

Войтѣхъ безпрекословно отсалютовалъ и вышелъ. Въ кухнѣ посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на бутылку съ виномъ.

Управитель весь разстроенный пришелъ въ столовую.

— Что тебѣ засѣло въ голову? спросила его жена, поправлявшая что-то на столѣ.

— Пройдетъ это, пройдетъ, Францишка. Не бывалъ еще сынъ?

— Долженъ прійти каждую минуту.

Въ кухнѣ раздались мужскіе шаги. Въ столовую вошелъ Францъ. Поздравилъ отца.

Управитель холодно принялъ его привѣтствіе и отвѣтилъ.

— Я долженъ съ тобой кое-о чемъ поговорить. Пойдемъ въ сосѣднюю комнату.

Во Францѣ это вызвало предчувствіе чего-то недобраго. Но

Digitized by Google

онъ молча повиновался. Управитель влилъ въ себя стаканъ вина, чтобъ придать себѣ храбрости. Управительша съ удивленіемъ покачивала головою.

Отецъ довелъ сына до спальной и сказалъ ему отрывисто:

— Что у тебя съ Магдалиной Франевой изъ Лучицъ?

Францъ выглядѣлъ, какъ выбѣжавшій изъ горячей бани. На мгновеніе онъ не зналъ что отвѣчать и молчалъ.

— Не запирайся, я знаю все до послѣдняго слова.

— Я и не запираюсь, отецъ.

— А какъ ты это говоришь! Возражая, пойдешь у меня вонъ.

— Я и не возражаю.

— Ты долженъ бы больше думать о своей чести и о чести твоего отца. Въ замкѣ все узнаютъ. Мнѣ будетъ стыдно, и ты испортишь свою карьеру.

— Я ничѣмъ не оскорбилъ вашей чести...

— Значитъ это все вздоръ?

— Нисколько не вздоръ.

— Милліонъ чертей! Ты...

— Мы въ самомъ дѣлѣ любимъ другъ друга.

— Молокососъ! Посмотримъ! Молоко еще не обсохло у него на губахъ, а онъ говоритъ, какъ будто взрослый.

— Я скоро буду совершеннолѣтнимъ.

— Не серди меня, чтобъ потомъ не жалѣть! Господскій сынокъ и путается съ дочерью крѣпостного! Что ты потерялъ способность владѣть пятью чувствами, несчастный!?

— Бывали князья и графы, что брали замужъ сельскихъ дѣвушекъ.

— Но ты ни князь, ни графъ. Эти господа могутъ позволять себѣ что угодно. Ты же сынъ управителя, и мы всѣ зависимъ отъ милости высшихъ.

— Высшіе не могутъ предписывать брать въ жены ту или другую.

— Вздорныя рѣчи! Твои разсужденія можно встрѣтить на всякомъ перекресткѣ. Я этого не хочу, понимаешь? Я тебѣ однажды навсегда запрещаю, понимаешь? Вотъ и конецъ.

— Я не стоялъ бы и трубки табаку, если бы позволилъ себѣ запрещать.

— Вотъ какъ! Такъ-то ты говоришь съ отцомъ! Бездѣльникъ!

Digitized by Google

— Я не бездѣльникъ, но вы на меня, папенька, взваливаете больше, чѣмъ я могу вынести.

— Чти отца своего и благо тебѣ будетъ на землѣ! О женитьбѣ ты и не долженъ думать, пока не имѣешь своего куска хлѣба.

— Конечно. Иначе я не могу жениться. Но мы уже о томъ постарались, чтобъ я скоро имѣлъ свой кусокъ хлѣба.

— А! Кто же твой могущественный покровитель?

— Старый аббатъ изъ замка.

— Проваливай съ нимъ! Не говори о немъ! Желчь подымается во мнѣ, когда я о немъ слышу. Скройся изъ глазъ моихъ, сдѣлай одолженіе! Сегодня мои именины: чтобъ не почувствовалъ ты на своихъ щекахъ, что я твой отецъ, твой опекунъ. Ступай, ступай....

Францъ собрался и вышелъ. Въ кухнѣ ждала его мать.

— Что случилось? воскликнула она строго.

Вмѣсто отвѣта сынъ бросился въ ея объятія. Глаза у него налились слезами.

— Попроси прощенія у отца, не уходи, совѣтовала мать.

— Я не оскорбилъ его, чтобы просить прощенія. Впослѣдствіи все скажу тебѣ, матушка. Прощай.

— Не уходи, дитя мое, я помирю васъ.

— Я долженъ, матушка, долженъ. Теперь долго меня здѣсь не увидятъ.

Онъ вновь обнялъ мать, вырвался изъ ея объятій и вышелъ изъ дома. У подъѣзда къ замку столкнулся съ патеромъ Стернадкомъ, шедшимъ къ своему пріятелю съ поздравленіемъ. Поклонившись, Францъ пошелъ дальше. Патеръ съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Затѣмъ вошелъ къ управителю въ столовую.

Конинасъ быстрыми шагами ходилъ по столовой, по временамъ останавливая глаза на убранномъ столѣ.

— Вотъ такъ имянины, ваше преподобіе, привѣтствовалъ управитель входившаго патера, съ тѣхъ поръ какъ живу такихъ не помню.

— Не пугайте, другъ любезный! Вѣроятно, какое-нибудь блюдо не удалось? Ну, чтожъ.

— Вовсе нѣтъ, дорогой мой! Мой сынъ, этотъ неблагодарный, бездѣльникъ....

Digitized by Google

— Только что столкнулся со мной у подъѣзда, почти носъ съ носомъ....

— Видите, этотъ ослѣпленный ничего не видитъ, не слышитъ, стремглавъ несется на погибель. Желчь кипитъ во мнѣ!

— Ради Бога, что случилось?

— Случилось, случилось то, что я чуть жизнью не поплатился. Вы мой лучшій другъ. Я долженъ облегчить себя, долженъ вамъ все разсказать. Этотъ мерзавецъ...

Оба усѣлись и потребовали вина.

— Даже и вино не идетъ на душу, жаловался Конипасъ.

— Я не пилъ никогда лучшаго, промолвилъ патеръ, самодовольно поглаживая брюшко.—Ну, разсказывайте, другъ мой.

Управитель разсказалъ довольно связно о томъ, о чемъ узналъ отъ егеря Войтѣха и отъ самого Франца. Патеръ не перебивалъ его рѣчи. Лишь нѣсколько: „скажите"! произнесенныхъ по временамъ, выражали удивленіе, съ которымъ онъ относился къ непристойной любви Франца и Магдалины. Главный пунктъ, именно участіе Добровскаго въ разсказанномъ происшествіи, управитель съ умысломъ оставлялъ „на закуску". Стернадекъ вскочилъ, будто его укусила оса.

— Вотъ видите, воскликнулъ онъ горячо, развѣ я не говорилъ вамъ, что аббатъ долженъ во всемъ принимать участіе, что нарушаетъ покой и благосостояніе благочестивыхъ и солидныхъ людей? Не считаете ли вы его простачкомъ? Нѣтъ! Это настоящая змѣя, подшитая всѣми лукавствами.

— Вы знаете, отче, я не обижу и мухи, я онъ ужъ вторично бросаетъ мнѣ подъ ноги камень, чтобъ я споткнулся. Я еще не забылъ о воришкѣ Гукалѣ и колбасахъ, а онъ ужъ снова сбиваетъ съ толку моего сына, руководя имъ въ его глупостяхъ и имѣя въ виду меня обезчестить. Гдѣ же правосудіе Божіе?!

— Зло не подержится долго, дорогой и любезный другъ! Что ему толковать о правдѣ, когда онъ становится союзникомъ еретиковъ, въ родѣ безмозглаго Морщины. Другъ мой, я третьяго дня узналъ о немъ кое-что отъ викарія, за что не возьму и ста золотыхъ!

— Въ чемъ дѣло?

— Это не уйдетъ отъ нашихъ рукъ. Мы должны аббата накрыть, понимаете, обстоятельно накрыть, а вовсе не разливать

Digitized by Google

желчь втихомолку. Куда бы это насъ не привело, лишь бы не въ могилу, куда намъ пока еще не хочется.

— Но вѣдь я на службѣ у графа. Этимъ у меня связаны руки.

— Оставьте эту старую пѣсенку! Вѣдь аббатъ вовсе не такъ близокъ сердцу его сіятельства, чтобъ его нельзя было и оторвать. Надо только за это взяться, какъ слѣдуетъ. Тутъ дѣло такъ поставлено, что аббата намъ можно обработать. У меня уже составился кое-какой планъ. Добровскій пообѣщалъ, что постарается о молодыхъ влюбленныхъ людяхъ. Магдалину Франеву сплавить легко. Я призвалъ бы отца, мать и дочь на „экзаменъ", вотъ и все. Но это для начала не ладно. Если аббатъ пообѣщалъ, что постарается о нихъ, что онъ разумѣлъ подъ этимъ, если не то, что вашему сыну устроитъ въ скоромъ времени какое-нибудь независимое положеніе, чтобъ онъ имѣлъ свой кусокъ хлѣба? И вотъ именно на этомъ пунктѣ мы могли бы аббата капитально вздуть...

— Но какъ?

— Гм, гм! у меня есть планъ, но...

— Не угодно ли выпить?

— Благодарю, другъ мой. Это вино очень крѣпко; но крѣпость въ немъ чудная, пріятная. Изъ Праги?

— Настоящее рейнское.

— А цвѣтъ! Горитъ и сіяетъ, какъ топазъ.

Постучались въ дверь. На приглашеніе войти, появился въ столовой капелланъ Фабіанъ. Поздоровавшись съ присутствующими, онъ проговорилъ управителю изысканное поздравленіе и присѣлъ къ столу. Не ускользнуло отъ него, что своимъ приходомъ онъ прервалъ какой-то важный разговоръ собесѣдниковъ, и онъ торопился исправить свою ошибку обыденными фразами о погодѣ. Но это не пошло у него особенно успѣшно. Патеръ и управитель сидѣли, какъ будто кто ихъ зарѣзалъ, и у него самого было что-то на умѣ, что парализовало сегодня въ немъ всякую разговорчивость и въ иную пору довольно пріятную находчивость въ обществѣ. И онъ остался очень доволенъ, когда управительша позвала мужа на минутку въ кухню.

— Я принесъ вамъ, ваше преподобіе, горестную и непріятную новость, проговорилъ онъ полушепотомъ къ Стернадку, я не могу вынести въ своемъ сердцѣ, чтобы кто-нибудь дѣлалъ шутки и насмѣшки надъ моимъ начальникомъ. И если бы открылось, что

Digitized by Google

я объ этомъ зналъ и молчалъ, гнѣвъ вашъ могъ бы коснуться и меня.

— Что такое, отче преподобный? спросилъ патеръ Стернадекъ въ полномъ испугѣ.

— Отойдемте со мною на минуту сюда къ окну.

Оба священника подошли къ оконному выступу. Фабіанъ вынулъ изъ кармана на груди бумажникъ и изъ него листъ бумаги.

— Вотъ извольте прочесть, какую насмѣшку онъ надъ вами слѣлалъ. Это было за столомъ, и это знаютъ всѣ, сколько живетъ народа въ замкѣ, отъ графа до послѣдней горничной. А что ужъ это перешагнуло за порогъ замка, показываетъ то, что новость успѣла дойти до меня.

— Но я даже не пойму, что это значитъ, воскликнулъ патеръ.

— Это чешскій гекзаметръ. Онъ сочиненъ на дорогѣ, когда вы грѣлись на солнцѣ, когда кончился наконецъ тотъ долгій дождь и вѣтеръ.

— Но вы не знаете, кто осмѣлился выдумать на меня такую мерзость?

— Кто же иной, кромѣ аббата изъ замка.

Патеръ одеревенѣлъ. Губы у него посинѣли, горло сжалось отъ гнѣва, глаза, будто стеклянныя, тупо остановились на злосчастной бумажкѣ. Лишь постепенно вернулось къ нему сознаніе. Губы оживились, жилы на лбу налились кровью, глаза разгорѣлись, и горло стало свободнымъ.

— Чтобъ его черти взяли! воскликнулъ онъ.

— Отъ кого идетъ насмѣшка, того же и поражаетъ, замѣтилъ серьезно Фабіанъ.

— Такъ задѣть меня—духовнаго пастыря цѣлаго участка! гнѣвался патеръ, шипя отъ гнѣва и досады; это вопіетъ къ небу, вызывая громы и молніи!

Въ столовую вошелъ управитель.

— Что случилось? воскликнулъ онъ, испугавшись, видя патера, быстро бѣгающимъ по комнатѣ и машущимъ передъ собою какой-то бумагой. Патеръ остановился.

— Что случилось, другъ мой? Вотъ вамъ: читайте, какой пасквиль состряпалъ на меня въ замкѣ Добровскій. Прочтите и судите. Скоро будетъ кудахтать это каждая курица въ Худеницахъ.

Digitized by Google

При этомъ онъ подалъ бумажку Конипасу. Управитель прочелъ въ слухъ слово за словомъ:

„Вотъ и вепря огромнаго о стѣну склоненнаго солнце пригрѣло".

— Знаете, другъ мой, кто это „огромный вепрь"? спрашивалъ патеръ, едва не лопаясь отъ злобы.—Я этотъ вепрь огромный, я, другъ мой! Ну, смѣйтесь же!

— И это сочинилъ на васъ аббатъ?

— Аббатъ! Тотъ человѣкъ, отъ котораго уже за десять шаговъ пахнетъ кладбищемъ, который выглядитъ такъ, будто ѣстъ сверчковъ и закусываетъ пауками, это—сѣмечко дьяволово, это...

— Успокойтесь, отче, вѣдь онъ посвященный патеръ, отозвался Фабіанъ.

— Что же что посвященный? разражался Стернадекъ.—Если бы епископъ Гай вылилъ освященный елей на салатъ, то онъ лучше бы сдѣлалъ, чѣмъ на его голову?

— А чтобъ его всѣ вѣдьмы взяли! изливался Конипасъ.

— Что вѣдьмы, другъ мой, продолжалъ патеръ; всѣ черные, рогатые черти пусть возьмутъ его, и это я говорю, какъ слуга Господа, исполняющій усердно всѣ обязанности, къ которымъ призвалъ меня Богъ. Что же я мальчишка, едва сошедшій со школьной скамьи, что онъ смѣетъ бросать въ меня грязью насмѣшки? Но я отплачу ему такъ, что онъ будетъ помнить! Клянусь Богомъ: вина его предо мной—ему даромъ не пройдетъ!

— Выпейте вина, другъ мой, успокоивалъ его Конипасъ, подавая рюмку.

— Оставьте меня въ покоѣ. По крайней мѣрѣ, на три недѣли пропалъ у меня аппетитъ къ вину. Но не смотря на это, онъ взялъ рюмку и опорожнилъ ее до дна. Они усѣлись за столъ.

— Предъ отцемъ Фабіаномъ мы не должны быть неоткровенными, началъ Стернадекъ, не успѣвшій остыть, прерванный разговоръ.—Передачею намъ гнуснаго сочиненія аббата, отецъ Фабіанъ доказалъ, что онъ нашъ, тѣмъ больше, что тутъ отчасти интересъ и для него самого. Теперь возьмемся какъ слѣдуетъ за обсужденіе плана. Развѣ ужъ тутъ зашить талисманъ, что мы не одолѣемъ Добровскаго. Я возьмусь мстить за Морщину и этотъ возмутительный пасквиль; вы за Гукала съ окороками и за исторію Франца съ Магдалиной Фрашевой изъ Лучицъ.

Digitized by Google

Послѣднія слова заставили Фабіана вздрогнуть. Кровь прилила у него къ лицу, у него захватило дыханіе. Онъ навострилъ уши и старался казаться, насколько возможно, равнодушнымъ. Ни Стернадекъ, ни Конипасъ не обратили на это вниманія. Стернадекъ продолжалъ:

— Кстати, другъ мой. Вѣроятно, есть у васъ ужъ для Франца невѣста на примѣтѣ?

— Есть, отче.

— Кто именно?

— Малинка Сладковичъ, но пусть это останется между нами.

— Конечно, конечно. Это добрая и благочестивая дѣвушка. Хотя она уже не первой молодости, но будетъ имѣть порядочныя деньги послѣ покойной матери.

Управитель сдѣлалъ веселые глаза.

— Францъ долженъ быть прежде самостоятельнымъ лѣсникомъ, чѣмъ вы будете въ состояніи его женить,—развивалъ Стернадекъ дальнѣйшій ходъ своей интриги.—Мы этого достигнемъ, другъ мой, ручаюсь. Мы такъ хитро вотремъ очки Добровскому, что онъ до смерти сюда больше не заглянетъ. Но онъ не долженъ подозрѣвать во ржи волка, хотя бы имѣлъ чертовски тонкій нюхъ. Мы подведемъ такую машину. Безо всякаго шума и огласки запретимъ имѣть свиданія въ лѣсу Францу съ Магдалиной.

Фабіанъ поблѣднѣлъ.

— Это вызоветъ въ нихъ большую энергію. Не видаться и быть влюбленными—этого молодые люди не выдержатъ. Что же они сдѣлаютъ? Пойдутъ къ Добровскому, чтобы тотъ похлопоталъ о какомъ-нибудь мѣстѣ для Франца. А Добровскій, чтобы во всякомъ случаѣ сдержать свое слово, навѣрно не даромъ будетъ хлопотать о Францѣ. Мы же, имѣя въ карманѣ графское слово, должны считать дѣло въ шляпѣ. Мы съ этихъ поръ не должны ужъ будемъ прикрываться ласковой физіономіей, не должны будемъ бояться шума и огласки, но начнемъ открыто и прямо походъ свой противъ замковой гадины въ духовномъ одѣяніи. Что скажете вы на это, другъ мой?

— Скажу, что вы талантъ, отвѣтилъ управитель. Я до смерти ничего подобнаго и настолько хитраго не придумалъ бы.

— Видите? прервалъ его Стернадекъ.—Огромный вепрь умѣетъ хрюкать и отлично выхрюкаетъ висклиаго замковаго ежика. Не

Digitized by Google

надѣясь, онъ самъ попадетъ въ ту пропасть, которую по злонаправленной волѣ вырылъ исключительно для насъ.

— Но мы не должны забывать одного, представлялъ управитель.— Что̀ если аббатъ, какъ мнѣ все кажется, обстоятельно выяснитъ и представитъ его сіятельству, почему онъ протежируетъ моему сыну? Что́ если графъ лишь съ тѣмъ условіемъ предоставитъ Францу первое свободное мѣсто, если онъ женится на Лучицкой? На это очень похоже, ваше преподобіе, и тутъ у насъ такая запятая, которую вовсе не легко подчистить.

— Я почти согласенъ съ господиномъ управителемъ, добавилъ Фабіанъ.

Стернадекъ гладилъ лѣвой рукой лысину и размышлялъ.

— Если, если, началъ онъ послѣ паузы... То, что вы оба возражаете, не важно. Мы вѣдь знаемъ представителя нашего графскаго дома. Развѣ онъ станетъ допытываться у Добровскаго о такихъ пустякахъ, какъ знакомство какого-нибудь Франца съ сельской дѣвушкой. Для него достаточно, если аббатъ скажетъ: я просилъ бы, графъ, сдѣлать то-то и то.

— Что же если однакожъ спроситъ: по какому поводу вы дѣлаете это, любезный аббатъ? стоялъ на своемъ Конипасъ.

— Прекрасно, если бы и спросилъ, мы отъ этого не проигрываемъ, другъ мой, продолжалъ патеръ.—Лишь бы только имѣть намъ графское слово, остальное устроится само собой, если мы не будемъ спать, а спать мы не будемъ. Я прежде всего постараюсь о томъ, чтобы дочь крѣпостного крестьянина не посягала на управительскаго сынка. И хотя бы Морщина и его измышленія дѣйствовали бы противъ моей пастырской заботливости и дѣятельности, я нисколько не сомнѣваюсь, что это мнѣ удастся, и я расторгну связь Франца съ Магдалиной. Сельская дѣвушка—экая невидаль!

Фабіанъ сдѣлалъ кислую улыбку и стороной бросилъ гнѣвный взглядъ на Стернадека.

— Вы, продолжалъ безъ перерыва Стернадекъ, какъ заслуженный и вѣрный слуга графу съ одной стороны, и старикъ вашъ, которому графъ всегда покровительствуетъ съ другой стороны, съ общаго согласія и уговора, представите со всею покорностью и сыновнимъ послушаніемъ его сіятельству, какой позоръ будетъ для семьи, если эти вѣтрогоны сдѣлаются супругами, и я бьюсь

Digitized by Google

объ закладъ, что наша возьметъ, и аббатъ, который, какъ крапива, растетъ тамъ, гдѣ никто ея не сѣялъ, втихомолку проглотитъ пилюлю. И nota bene, вы, какъ состоящій на графской службѣ, не должны затрогивать Добровскаго и возбуждать неудовольствіе его сіятельства къ своей собственной особѣ.

— Это послѣднее изъ всей исторіи мнѣ особенно нравится, проговорилъ Конипасъ.

— Ну, видите, каждую нитку своего плана я подбираю очень тонко, прибавилъ Стернадекъ съ самодовольствомъ и веселостью.— Первое дѣло для насъ выпроводить отсюда Добровскаго. Потомъ мы такъ устроимъ, что стараго хрѣна тутъ или запаха не будетъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ оставитъ насъ въ покоѣ.

— Вѣрно, добавилъ улыбаясь капелланъ.

— Выпьемъ же, чтобъ все хорошо устроилось, предложилъ весело Конипасъ.

Между тѣмъ приближался одиннадцатый часъ. Гости сходились и занимали мѣста вокругъ стола. Видя, съ какимъ аппетитомъ гости кушаютъ и пьютъ, Конипасъ постепенно развеселялся. Къ двѣнадцати часамъ къ нему возвратилось вполнѣ праздничное настроеніе духа. Одинъ патеръ Стернадекъ сегодня былъ неразговорчивъ и скученъ. Бумажка съ гекзаметромъ Добровскаго, которую онъ спряталъ въ боковой карманъ, жгла его сердце, какъ кусокъ раскаленнаго угля.

Послѣ двѣнадцати часовъ, когда веселье гостей было въ полномъ разгарѣ, въ столовую вошелъ человѣкъ, при появленіи котораго и управитель, и Стернадекъ окаменѣли. Это былъ Добровскій. Онъ ничего не зналъ объ имянинахъ Конипаса, и ему вздумалось именно сегодня побесѣдовать съ управителемъ относительно Франца и Магдалины. Онъ бы охотно вернулся изъ кухни, потому что вообще онъ не любилъ попоекъ, но управительша не допустила этого и заставила рѣдкаго гостя сдѣлать на минуту визитъ ея мужу.

Аббатъ немедленно приноровился къ компаніи и овладѣлъ ея вниманіемъ, благодаря шуткамъ и остротамъ, на этотъ разъ совершенно безвреднымъ. Но Стернадекъ былъ какъ на иголкахъ. Онъ до смерти боялся, чтобы ненавистный аббатъ предъ всѣмъ обществомъ мѣстечка и окрестностей не сдѣлалъ надъ нимъ ка-

Digitized by Google

кой-нибудь насмѣшки, подалъ знакъ Фабіану и засуетился уходить, ссылаясь на какую-то важную требу.

Его удерживали, но онъ не допустилъ уговорить себя и ушелъ съ капелланомъ.

Выйдя со двора, они остановились подъ липами у каплицы.

— Какъ тутъ хорошо дышется, сказалъ Стернадекъ, вдыхая полною грудью въ себя воздухъ. Тотъ башибузукъ отравилъ тамъ для меня весь воздухъ. Но обожди, мы спечемъ тебѣ облатки на передѣ. Вы, отче, должны имѣть свою опредѣленную задачу. Завтра же вы отправитесь въ Лучицы и должны какъ-нибудь устроить, чтобы съ глазу на глазъ переговорить съ Магдалиной и направить ее на путь истины. Вѣдь вы ужъ знаете, какъ разговаривать съ молодыми дѣвушками, если онѣ выходятъ на перекрестокъ.

Фабіанъ зарумянился и вновь поблѣднѣлъ.

— Я поговорю съ нею, отвѣтилъ онъ заикаясь:—какъ вамъ будетъ угодно.

— Но я только вечеромъ, когда изъ меня злость нѣсколько вывѣтрится, дамъ вамъ подробную инструкцію, добавилъ Стернадекъ.

XI.

Былъ поздній вечеръ, спустя два дня послѣ празднества у управителя. Приближался уже одиннадцатый часъ. По временамъ срывался вѣтеръ, съ глухимъ и печальнымъ гуломъ, осыпая окна пескомъ и опавшими листьями. Ночь была не особенно темна, но на горизонтѣ на луну и звѣзды не было и намека. Гдѣ-то подлѣ болота въ пивоваренномъ заводѣ стучалъ о стѣну ставень.

Добровскій не спалъ. Онъ не могъ уснуть. Сидѣлъ въ своей комнатѣ подлѣ письменнаго стола. Оперши голову на лѣвую руку, онъ держалъ правую на колѣнѣ. Онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на матовый стекляный шаръ, пріятно и нерѣзко смягчавшій свѣтъ, стоявшей передъ нимъ, масляной лампы. Подъ лампой въ поэтическомъ безпорядкѣ лежали исписанныя бумаги. Сверху ихъ лежало стальное перо. Чернила на кончикѣ его засохли. Добровскому было не до письма. Онъ находился въ раздумьи. О снѣ и не думалъ. Раздумывалъ, перебиралъ въ умѣ, мечталъ... Сегодня былъ юбилейный день его вступленія въ іезуитскій орденъ. Не

Digitized by Google

праздновалъ онъ его въ настоящемъ значеніи этого слова, но помнилъ. И немудрено въ такой день человѣку, подобному Добровскому, задуматься и замечтаться. Съ тѣхъ поръ прошло уже больше полустолѣтія. Онъ вспомнилъ ученаго ректора Степлинка, который избралъ его въ члены ордена, вспомнилъ Сейбта, Дуриха, Шаллера и прежде всего Пельцля, который опытной рукою указалъ ему путь, на который онъ охотно выступилъ и котораго не покидалъ уже во всю свою жизнь. Путь этотъ для его духа былъ путемъ правды, и старикъ съ благодарнымъ сердцемъ вспоминалъ утѣхи, радости и славу, которыхъ достигъ, слѣдуя по этому пути.

Добровскому вздумалось сегодня перебрать въ памяти свою прошлую жизнь, посвященную усиленной серьезной дѣятельности. Онъ припомнилъ все и могъ быть доволенъ какъ собой, такъ и судьбой. Среди Пражскихъ литераторовъ и ученыхъ заграничныхъ онъ пользовался вѣскимъ авторитетомъ: самъ великій Гёте ставилъ его высоко. У высшей чешской аристократіи, въ салонахъ которой провелъ много лѣтъ своей жизни, онъ не былъ лишь изъ аристократической прихоти терпимымъ гостемъ, но всегда пріятнымъ членомъ общества. Всѣмъ этимъ Добровскій могъ гордиться и другой на его мѣстѣ, самый крупный ученый, не шелъ бы дальше въ своихъ помыслахъ и стремленіяхъ. Но нашъ аббатъ не былъ удовлетворенъ и счастливъ. Правду сказалъ относительно его графъ Черинъ: Вашъ духъ есть могучая сила, для которой тѣсна одна опредѣленная сфера. Перебирая у письменнаго стола свое прошедшее, онъ сосредоточился наконецъ на одномъ пунктѣ. Ему показалось, что онъ очутился на порогѣ какой-то пустоты, которая вліяла на его духъ, какъ магнитъ на желѣзо, какъ луна на море Онъ стоялъ предъ нею и напрягалъ зрѣніе, чтобы проникнуть въ ея мракъ. И это не былъ мракъ, куда глядѣлъ онъ, не была чужбина, что предъ нимъ простиралась. По біенію своего сердца онъ сознавалъ это и однако боялся сдѣлать шагъ впередъ. Былъ онъ въ раздумьи, колебался въ нерѣшительности и однако не былъ въ состояніи оторвать глазъ отъ этой таинственной пустоты. Но вотъ, какъ въ туманѣ показалась предъ нимъ фигура старца, серьезная, какъ прилично Чешскому Брату, простая какъ евангельское слово, доблестная, какъ герой въ Иліадѣ. Онъ узналъ глаза, которые за нимъ слѣдили, это былъ Морщина!

Digitized by Google

— Морщина! Человѣкъ здороваго чешскаго корня,—весь чешскій народъ!

Добровскій былъ осторожнымъ, глубокимъ изслѣдователемъ. Умъ его издавна привыкъ къ контролирующимъ доводамъ логики. Тутъ онъ чувствовалъ себя больше всего въ своей сферѣ. Онъ никогда не разставался съ нею и ни на минутку не забывалъ ея во время ученой работы. Ясный свѣтъ логическаго ума былъ для него выше всего; фантазій онъ чуждался и, если когда и обращался къ нимъ, то всегда съ большимъ скептицизмомъ. Но тѣмъ не менѣе одни сужденія ума и въ строгой наукѣ далеко не составляютъ всего. Ньютонъ, открывая законы тяготѣнія, рядомъ съ ученымъ былъ и поэтомъ, такимъ же точно былъ и славянинъ Коперникъ.... Но если это справедливо относительно строгой науки, то почему не справедливо относительно жизни народовъ, которая искони вѣковъ идетъ путемъ, назначеннымъ ей природой и Провидѣніемъ, и рѣдко, а то и никогда, не идетъ дорогой, предначертанной однимъ разумомъ людей. Хотя Добровскій былъ не только выдающійся ученый, онъ былъ человѣкъ и Чехъ; но человѣкъ и Чехъ долженъ былъ въ немъ уступать ученому. Уступали они долго, но наконецъ не выдержали. Когда подъ тяжестью лѣтъ клонилась уже къ землѣ голова ученаго, приступилъ съ одной стороны человѣкъ, съ другой—Чехъ, чтобы дополнить и сдѣлать цѣльнымъ тотъ образъ, имя которому—Добровскій! Случилось это въ уединенной мѣстности Пошумавія*), гдѣ въ первой четверти нашего столѣтія онъ искалъ отдыха и полкрѣпленія силъ послѣ усиленныхъ ученыхъ занятій. Часто ужъ случается такъ подъ божьимъ солнцемъ: мы ищемъ малаго, находимъ великое. Такъ случилось и съ чешскимъ „патріархомъ“: онъ нашелъ, чего не искалъ, о чемъ всегда сомнѣвался, что почти съ отчаяніемъ оставилъ вовсе, руководясь однимъ сухимъ умомъ. Въ уединенной области, въ которой жилъ для поправленія здоровья, онъ нашелъ живыя надежды, или, лучше сказать, искреннюю вѣру въ то, что у чешскаго народа есть своя будущность. Всѣмъ извѣстно, что Добровскій никогда не увлекался идеями, которыя наполняли душу Юнгмановъ, Преслей, Шафариковъ рѣдкою энергіей, богатырской си-

*) *Шумава* въ русскихъ учебникахъ географіи Богемскій Лѣсъ. *Перев.*

Digitized by Google

лой и ничѣмъ неохлаждаемымъ пыломъ. Добровскій не хотѣлъ вѣрить, не могъ себѣ вообразить, что чешская литература когда-нибудь въ состояніи такъ оживиться, чтобы стать въ уровень съ характеромъ и богатствомъ литературъ сосѣднихъ Чехамъ народовъ. Онъ полагалъ, что чешскій духъ и чешскій народъ послѣ погрома въ тридцатилѣтнюю войну умеръ, и что всякое оживленіе трупа, который ему былъ тѣмъ не менѣе дорогъ, будетъ простымъ и безплоднымъ гальванизированіемъ. Самымъ крайнимъ, что онъ могъ допустить, казалось ему, что пробуждающаяся литература явится литературой популярной, литературой простонародія, какъ и дѣйствовалъ въ его время Крамеріусъ. Тутъ онъ стоялъ на ложной дорогѣ, какъ могло быть съ каждымъ даже геніальнымъ человѣкомъ, если онъ невольно даетъ себя опутать исключительно выводамъ сухой логики. Но взгляды эти не были крѣпки, какъ сталь, не были глубокимъ его убѣжденіемъ, хотя онъ и отстаивалъ ихъ, по видимому, оружіемъ желѣзной послѣдовательности. Открытіе Краледворской и Зеленогорской рукописей потрясло и даже ни-провергло основы его многолѣтнихъ возврѣній. Онъ увидѣлъ, почувствовалъ, даже увѣровалъ, что народъ, создавшій *Забоя* и *Оленя**), не можетъ исчезнуть съ поверхности земли безслѣдно, какъ облако съ горизонта; онъ сознавалъ, что однажды разцвѣтшее въ царствѣ истинной красоты имѣетъ вѣчную жизнь и должно ее имѣть. Но онъ былъ старикъ, а сѣдина не прибавляетъ мудрости. Опасаясь, что его обвинятъ въ непослѣдовательности, онъ говорилъ и писалъ иначе, чѣмъ думалъ. Но вслѣдствіе этого въ душѣ его, возникъ расколъ, для умиротворенія котораго не достаточно было одной сухой логики....

Въ такомъ настроеніи мыслей онъ прибылъ въ Худеницко, при такомъ отсутствіи точки опоры онъ узналъ Морщину. Патріотъ Добровскій былъ восхищенъ и увлеченъ идеями Морщины, Добровскій ученый не довѣрялъ имъ. Глубокій умъ не довѣрчивъ; онъ является гётевскимъ лошакомъ, привязаннымъ въ зеленой степи къ собственному колесу. Но при всемъ скептицизмѣ идеи Морщины не дали однако спать Добровскому. Онъ чувствовалъ настоятельную потребность—идеямъ этимъ, не имѣя возможности вы-

*) Поэмы древней Кралеводворской рукописи. *Перев.*

Digitized by Google

бросить ихъ изъ головы, дать удовлетворительное разъясненіе. Онъ такъ ихъ формулировалъ:

— Можетъ ли чешскій народъ настолько подняться, чтобы стать самостоятельнымъ, а по духу и стремленіямъ быть въ уровень съ современными ему народностями?

Лучшая будущность должна быть допущена во всякомъ случаѣ.

На этотъ вопросъ Морщина далъ на плотинѣ подъ кленомъ успокоительный отвѣтъ. Онъ доказалъ, что чешскій духъ и понынѣ тотъ же, какимъ былъ столѣтіями раньше; доказалъ, что есть и чешская масса, а духомъ и массой создается народъ. Онъ указалъ и путь, которымъ чешскій духъ можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ явленіемъ, вліяющимъ на будущность. Простой старикъ не могъ, конечно, разумѣть подъ этимъ что-нибудь иное, кромѣ литературы и искусства, просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ.

Добровскій не могъ ему противорѣчить, не могъ опровергнуть его выводовъ, но, какъ случается и съ умными людьми, они въ вопросахъ слишкомъ большой важности придаютъ главное значеніе вещамъ второстепеннымъ, такъ случилось и съ Добровскимъ: онъ, ставя посылками второстепенности, дѣлалъ изъ нихъ выводы. То обстоятельство, что Морщина принималъ его за императора Іосифа, казалось Добровскому относительно характера Морщины самымъ надежнымъ мѣриломъ: съ этой точки зрѣнія тайный чешскій Братъ представлялся ему юродивымъ, мистикомъ, воззрѣнія котораго не выдерживаютъ серьезнаго логическаго обсужденія.

И, не смотря на все это, Добровскій не былъ въ состояніи забыть идеи, высказанныя Морщиною. Солнечнаго луча не помѣстишь подъ крышку, правды не передумаешь, не заговоришь, не задушишь. Добровскій чувствовалъ себя гётевскимъ лошакомъ?..... Онъ разорвалъ узду, разбѣжался до зеленой степи. Тутъ онъ остановилъ бѣгъ. Куда....

Глаза его упали на игральныя кости, брошенныя въ уголъ письменнаго стола. Онъ протянулъ къ нимъ свою правую костлявую руку и взялъ въ нее кости.

— Одна будетъ Добровскимъ, другая Морщиной, подумалъ онъ мимолетно.....

— На кого выпадетъ больше очковъ, того и правда. Бросаю.

Но тутъ онъ разжалъ руку съ костями. Сначала улыбнулся, потомъ громко захохоталъ презрительно по поводу своего поведенія.

Digitized by Google

Бросать жребій о будущности народа! Ужасно, смѣшно, нелѣпо! Онъ швырнулъ кости, и онѣ разлетѣлись по полу.

На мысль пришелъ ему Гукалъ. Опять мимоходомъ. Онъ остановился...

Мы должны изложить этому причину.

Вчера на разсвѣтѣ произведено въ одномъ изъ сельскихъ хозяйствъ смѣлое воровство. Воръ будто сквозь землю провалился. Лишь одинъ слѣдъ былъ найденъ впослѣдствіи. Въ саду за заборомъ, чрезъ который воры, несомнѣнно, пробрались, лежала старая шапка. Никто не зналъ, кому она принадлежитъ.

Егерь Войтѣшекъ переворачивалъ шапку на всѣ стороны и многозначительно покачивалъ надъ нею головою.

— Гм, гм! покашливалъ онъ, шапка! Не говоритъ, потому что не умѣетъ говорить, но бывали воровскія дѣла, при которыхъ говорили и болѣе мелкія вещи, чѣмъ эта засаленная шапка. Знаете что? Я повѣшу шапку за окно у привратницкой. Народъ ходитъ мимо, вѣроятно, кто нибудь ее признаетъ, и мы нападемъ на слѣдъ этого воровского дѣла.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Около одиннадцати часовъ утра шелъ мимо привратницкой старшій сынъ Гукала. Шелъ онъ еще съ однимъ мальчикомъ. Замѣтивъ шапку, онъ сказалъ товарищу:— Глянь! Батькина шапка! Какъ она сюда забралась?

Войтѣхъ стоялъ не подалеку. Онъ разслышалъ, что сказалъ мальчикъ. Засмѣялся, какъ умѣютъ лишь смѣяться полицейскіе сыщики, если соблаговолитъ судьба навести ихъ на первый слѣдъ преступника. Онъ съ удовольствіемъ далъ бы подзатыльникъ Гукалову сынишкѣ въ награду, что выдалъ своего батьку, но не сдѣлалъ этого изъ предосторожности. Онъ сообщилъ на горячихъ порахъ начальству о случившемся, собралъ многочисленныхъ свидѣтелей, и цѣлая толпа потянулась внизъ къ пруду къ жилищу мнимаго преступника. Гукалъ рубилъ у сосѣда дрова. Онъ не сопротивлялся долго, сейчасъ же собрался идти въ свой домикъ. Но странно, хотя въ его домикѣ переворотили все вверхъ дномъ, не нашли ничего подозрительнаго изъ уворованнаго. Войтѣхъ покачивалъ по поводу этого головой, но не считалъ себя разувѣреннымъ. Гукала отвели въ сторожку за привратницкой, которая называлась

Digitized by Google

„хмельною". Дорогой присоединилась къ группѣ съ Гукаломъ во главѣ масса дѣтей и любопытныхъ взрослыхъ. Говоръ и шумъ толпы, приведшей Гукала во дворъ замка, обратилъ вниманіе Добровскаго. Онъ подошелъ къ окну. Узналъ Гукала.

— Опять кралъ! воскликнулъ онъ горячо.—Моя доброта къ нему, мои гуманныя мѣры разсѣялись какъ дымъ, пропали!

Втеченіе дня онъ разузналъ подробно все, что случилось съ Гукаломъ. Совѣсть не вполнѣ допускала его обвинить Гукала сразу и безъапелляціонно; но въ общемъ онъ склонялся однако къ воззрѣніямъ о виновности Гукала, какъ и всѣ прочіе жители мѣстечка.

— Чортъ его побери! подумалъ онъ; пусть подвергнется наказанію, какого заслужилъ.

Съ самимъ Гукаломъ бесѣдовать онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, хотя голосъ сердца говорилъ въ немъ въ пользу мнимаго преступника.—Цыгана не сдѣлаешь бѣлымъ! рѣшилъ онъ.

Послѣ полудня пришелъ ему Гукалъ снова на мысль, а съ Гукаломъ—Морщина. Морщина получилъ перевѣсъ, и, какъ мы видѣли, вытѣснилъ совершенно своего товарища въ мысляхъ Добровскаго. Нѣчто несравненно поважнѣе и посерьезнѣе волновало душу аббата и довело ее до высокой степени возбужденнаго состоянія. Брался онъ, какъ мы видѣли, за игральныя кости, бросилъ ихъ... и вновь припомнилъ Гукала.

На башнѣ какъ разъ часы били полночь, вѣтеръ по временамъ бушевалъ грозно и свирѣпо. Добровскій всталъ съ своихъ креселъ и расправилъ застывшія отъ долгаго сидѣнія ноги. Могильная серьезность смотрѣла изъ его глазъ, распространяясь по всему задумчивому и почти увядшему лицу. Отбросивъ правой рукой нависшія на лобъ сѣдины, онъ оглядѣлся по комнатѣ. У камина на полу онъ замѣтилъ завалявшійся между книгами мѣдный фонарикъ. Онъ направился за нимъ. При этомъ зацѣпился за одну изъ игральныхъ косточекъ и чуть не упалъ. Не смотря на то, что фонарикъ былъ заваленъ книгами, онъ добрался до него.

Зажегши огонь, онъ закутался въ плащъ и безъ шляпы вышелъ изъ комнаты.

Онъ шелъ напрямикъ изъ замка въ „хмельную" сторожку.

Digitized by Google

Разбудилъ привратника, который послѣ маленькаго ворчанія отперъ наружную дверь „хмельной“ сторожки. Ко второй двери, ведущей въ карцеръ, онъ далъ ему ключъ. Привратникъ усѣлся на порогѣ передъ „хмельной“ арестантской, положивъ изъ предосторожности подлѣ себя молотокъ.

Добровскій вошелъ въ мѣсто заключенія Гукала. Это была квадратная небольшая комната со сводами, безо всякой мебели, полная пыли и паутины. Въ правомъ углу отъ двери лежалъ на связкѣ соломы Гукалъ. Онъ спалъ спокойно и крѣпко; скрипъ двери его не разбудилъ.

Добровскій направилъ на него свѣтъ фонаря. Онъ подумалъ: —Это или закоренѣлый грѣшникъ, какъ чурбанъ, или человѣкъ совершенно невинный. Какъ онъ спокойно спитъ!

Онъ взялъ своей худощавой лѣвой рукой Гукала за плечо и энергически встряхнулъ его.

Гукалъ проснулся и сѣлъ выпрямившись на соломѣ. Увидѣвъ аббата, онъ выпучилъ на него глаза и сталъ протирать ихъ обѣими руками. Онъ самъ себѣ не вѣрилъ, во снѣ ли это или на яву; но не произнесъ при этомъ ни слова.

— Встань, строго приказалъ Добровскій. Гукалъ повиновался, трясясь, какъ осиновый листъ.

— Вѣруешь въ Бога? спросилъ аббатъ торжественнымъ и грознымъ, нѣсколько глухимъ голосомъ.—Или вообще вѣруешь ли во что-нибудь?

— Вѣрую въ вашу человѣческую доброту, милостивый отче.

— Хорошо, отвѣтилъ Добровскій, откинувъ плащъ.—Положи правую свою руку вотъ тутъ на моемъ сердцѣ и отвѣчай однимъ словомъ на то, о чемъ тебя спрошу. Отвѣтишь?

— Отвѣчу.

— Кралъ ты опять?

— Нѣтъ не кралъ.

— А шапка?

— Я носилъ ее еще нѣсколько недѣль назадъ. Потомъ досталъ лучшую, а старую далъ Виту изъ Поленки.

— Хорошо. Ступай спать.

Гукалъ упалъ къ его ногамъ.

— Иди спать, повторилъ аббатъ мягче. При этомъ направилъ фонарь такъ, что его свѣтъ ударялъ узнику прямо въ глаза.

Digitized by Google

Больше минуты, твердо, сосредоточенно смотрѣлъ онъ въ его глаза. Гукалъ спокойно перенесъ острый взглядъ его; совѣсть его была чиста.

Добровскій вышелъ изъ „хмельного“ карцера и немедленно возвратился въ свое помѣщеніе. Погасивъ фонарь, онъ сбросилъ съ плечъ плащъ. Онъ не сѣлъ, но сталъ ходить быстрыми и твердыми шагами по комнатѣ. Немного спустя только остановился и откинулъ со лба сѣдые волосы, всклокоченные вѣтромъ. Тотъ Добровскій, что вернулся, былъ совсѣмъ не тотъ Добровскій, который за четверть часа вышелъ. Онъ уходилъ подъ гнетомъ тяжкой тоски, измученный тяжелой неопредѣленностью, истерзанный ужасными сомнѣніями; вернулся свободный отъ всякой тягости, успокоенный увѣренностью, озаренный правдой.

Что за причина и поводъ этой перемѣны?

Дѣло для ума холоднаго читателя загадочное и темное, для ума же казуиста Добровскаго—простое и ясное.

Вспомнивъ о Гукалѣ въ душевной тоскѣ, изъ которой не видѣлъ никакого исхода, онъ сказалъ самому себѣ:

— Твой тайный геній ставитъ на твоей дорогѣ Гукала. Пусть и рѣшитъ Гукалъ. Если онъ невиненъ, Морщина правъ,—ты заблуждаешься; если же виновенъ, правда на твоей сторонѣ, Морщина въ заблужденіи.

И вотъ Гукалъ невиненъ! Добровскій вылѣчился отъ сомнѣній, всю жизнь разъѣдавшихъ его душу и сердце. Почти стоя на порогѣ могилы, онъ почувствовалъ, что опять возрождается, что его форма и сущность восполняется и дѣлается цѣльной.

— Ты не работалъ для однихъ лишь ученыхъ, ты трудился для будущности своего народа!

Эта мысль сопровождала его сегодня въ постель. Подобно торжественному и веселому звону колоколовъ въ пасхальную ночь она отзывалась въ душѣ его. Прежде чѣмъ заснуть, образы чешской будущности, прекрасные какъ райскіе цвѣты, промелькнули въ душѣ его....

XII.

Капелланъ Фабіанъ съ тяжелымъ сердцемъ взялъ на себя за-

Digitized by Google

дачу, возложенную на него патеромъ Стернадекомъ. Не надо объяснять почему? Ему еще не было тридцати лѣтъ и, какъ всѣ молодые люди, онъ былъ склоненъ къ идеальнымъ и либеральнымъ воззрѣніямъ, хотя бы съ личною для себя опасностью. Юная фантазія, завлекши его въ свой чародѣйскій кругъ, держала его въ немъ. Разумъ его не былъ до тѣхъ поръ настолько силенъ и искушенъ опытомъ, чтобы вырваться изъ этого круга. Одно было вѣрно: онъ въ тайнѣ полюбилъ Магдалину... какъ это случилось— и самъ не зналъ. Онъ подчинялся неизбѣжному закону природы. Долго онъ боролся съ этой мыслью, но не осилилъ ея, не одолѣлъ. Міровоззрѣніе его, какъ сказали мы, было совершенно юношеское. Въ сущности характеръ его былъ цѣльный и благородный. Въ любви онъ былъ идеалистомъ, но какъ любовь къ женщинѣ не чужда ревнивыхъ наклонностей, то и въ симпатіи его къ Магдалинѣ сильно отзывался ревнивецъ.

Онъ боялся втихомолку Ѳомы, но не признавалъ его дѣйствительнымъ соперникомъ. Онъ зналъ, что Ѳома заурядный сельскій парень, а Магдалина—далеко не заурядная сельская дѣвушка. Узнавъ изъ разговора Стернадка второго соперника во Францѣ, онъ содрогнулся въ глубинѣ своего сердца; онъ чувствовалъ, что тутъ смерть его любви: Францъ былъ не только красивый и страстный охотникъ, но и по характеру своему достоенъ пылкой и прочной любви Магдалины. Интрига Стернадка противъ влюбленной пары на первый моментъ была ему по душѣ. Но только на первый моментъ, вообще же она была ему не по сердцу.

— Эка невидаль—сельская дѣвушка! сказалъ Стернадекъ—человѣкъ, который съ каѳедры и вездѣ, гдѣ по должности имѣлъ сношенія съ народомъ, проповѣдывалъ:—Любите другъ друга: взаимная любовь есть истинное наслѣдіе Христово!

Фабіанъ дошелъ до крайней степени возбужденія: все существо его проникло ненавистью къ двуязычному его начальнику.

— Ты не священникъ, потому что ты не человѣкъ, Стернадекъ, проговорилъ онъ къ самому себѣ.

Это сознаніе бросило его въ объятія Добровскаго. Значитъ, тривіальность его оттолкнула, эксцентричность привлекла, привязала. Добровскій былъ эксцентрическій, но благородный человѣкъ. Только теперь свѣтъ озарилъ фигуру аббата для Фабіана. Это

Digitized by Google

произошло благодаря сопоставленію. Аббатъ становился на сторонѣ притѣсненныхъ: Морщины, Гукала, Магдалины. Какое это истинное христіанство! Онъ отстаивалъ свободу мысли, уваженіе къ совѣсти, право любви для юныхъ сердецъ, исцѣленіе общественныхъ недуговъ. Морщина, Магдалина и Францъ, Гукалъ! Повязка спала съ глазъ Фабіана. Онъ былъ весь за Добровскаго.

На слѣдующій же день онъ высматривалъ Магдалину и нашелъ ее одну на полѣ. Счастье, очевидно, благопріятствовало ему.

Магдалина сначала была удивлена и испугана. Отъ Фабіана это не ускользнуло: сердце его было въ клещахъ, а между тѣмъ онъ желалъ и долженъ былъ вести разговоръ.

— Я знаю, началъ Фабіанъ, что ты отдала свое сердце охотнику Францу.

Магдалина вспыхнула отъ стыда. Она опустила глаза и грудь ея порывисто колыхалась. Но и капелланъ опустилъ глаза въ землю. Онъ чувствовалъ, что въ этотъ моментъ онъ отказывается отъ дорогой мечты; чувствовалъ, что его обступаетъ осенній холодъ, который съ этихъ поръ будетъ сопровождать всѣ дни въ его будущей жизни. Въ немъ происходила жестокая борьба, но онъ овладѣлъ собою.

— Ты священникъ, проговорилъ онъ къ самому себѣ, а священникъ долженъ приносить себя въ жертву. Жертвовать собою, хотя бы сердце ныло и обливалось кровью; хотя бы замирало и даже замерло отъ боли!

— Патеръ Снарнадекъ и управитель, продолжалъ запинаясь Фабіанъ, желаютъ васъ разлучить. Меня они выбрали въ сообщники. Я это говорю тебѣ, Магдалина, затѣмъ, чтобы ты знала, что Богъ меня избралъ для того, чтобы я втихомолку сталъ на сторону твою и Франца. Клянусь Богомъ, говорю правду, хотя сердце у меня при этомъ разрывается на части. Вѣдь знай, Магдалина, что я тебя уже давно люблю. Люблю пламенно, выше всего на свѣтѣ. И тѣмъ не менѣе я возьмусь за то, чтобы ничего не успѣли ни управитель, ни патеръ, а чтобы сдѣлались супругами ты и Францъ.

Магдалина взглянула на него. Она не вѣрила своимъ ушамъ, не вѣрила глазамъ. Глаза у Фабіана были влажны, лицо горѣло.

Она подбѣжала къ нему, желая поцѣловать руку. Фабіанъ не далъ руки, но слегка пожалъ ея руку и смотрѣлъ на нее

Digitized by Google

сквозь слезы. Не оставляя ея руки и видя, какъ свѣтлый взоръ ея орошаютъ крупныя, какъ жемчужины, слезы, онъ обратился къ ней дружески:—Теперь ты знаешь все. Положись на друзей. Дастъ Богъ, все устроится по вашему желанію. Я буду тайнымъ, но дѣятельнымъ посредникомъ между управителемъ и Добровскимъ, и ручаюсь тебѣ всѣмъ для меня святымъ, что ваше дѣло мы доведемъ до счастливаго окончанія.

— Да заплатитъ вамъ за это Богъ, выговорила Магдалина.

— Онъ заплатитъ, серьезно отвѣтилъ Фабіанъ.

Фабіанъ ушелъ совершенно счастливый по поводу того, что одержалъ побѣду надъ своимъ сердцемъ. Домой онъ не пошелъ, а отправился бродить въ поле. Съ нимъ совершился переворотъ, будто божье дыханіе коснулось его души. Онъ шелъ, куда его несли ноги, безъ плана и цѣли. Онъ чувствовалъ, что онъ атомъ безконечности, вѣчности, который несется выше и выше, дальше и дальше, шире и шире. Онъ не чувствовалъ даже, что ноги его касаются земли....

Онъ дошелъ до стараго гранитнаго креста, поставленнаго среди поля. На ступенькахъ его отдыхала фигура, одѣтая въ голубой нарядъ... Фабіанъ узналъ Добровскаго. Усѣвшись на землѣ у его ногъ, онъ снялъ шляпу. Скоро онъ началъ предъ нимъ исповѣдь, и въ голосѣ и выраженіяхъ сразу сказался юный вдохновенный идеалистъ. Потокъ его рѣчи излился прямо въ душу Добровскаго. Старикъ сердечно отозвался на исповѣдь и вмѣсто всякаго отвѣта взялъ Фабіана обѣими руками за голову и горячо поцѣловалъ его въ лобъ.

Послѣ минутнаго молчанія онъ прибавилъ:

— Умный человѣкъ тотъ, кого и ошибки ведутъ къ правдѣ; тотъ же, кто остается при однѣхъ ошибкахъ, есть человѣкъ глупый. Ты, братъ, на хорошей дорогѣ и можешь стать человѣкомъ умнымъ. Если бы не моя старость, я тебя, и только тебя, взялъ бы въ ученики. Не при ласковомъ солнцѣ, но подъ бурями и дождемъ зарождается прекрасная весна: не при счастливой обстановкѣ, но въ борьбѣ и невзгодахъ вырабатывается настоящій человѣкъ. Ты освѣжилъ моя старую душу, въ благодарность я радъ бы твою юную душу сдѣлать способною на геройскіе подвиги. Вѣроятно, это мнѣ удастся. Теперь на склонѣ дней моихъ я силь-

Digitized by Google

но нуждаюсь въ довѣренномъ лицѣ. Богъ указалъ мнѣ тебя. Я радъ, что дѣйствительно ты во мнѣ не ошибся....

Они встали и пошли по межамъ стороною къ Лучицамъ, которыя на верху горы бѣлѣли среди пожелтѣлыхъ деревьевъ.

Добровскій, по характеру обыкновенно неразговорчивый и замкнутый въ самомъ себѣ, охотно и съ довѣріемъ раскрылъ предъ Фабіаномъ весь тотъ міръ идей, который зародился въ немъ именно въ послѣднее время. Капелланъ смотрѣлъ на него съ восторгомъ и въ душѣ благодарилъ Бога, что Онъ далъ ему возможность узнать человѣка, которыми не особенно таровата природа. Въ свою очередь Добровскій нашелъ въ немъ ученика, какого только могъ желать. Опытный старикъ зналъ, что значитъ доброе сердце и ясный умъ, которые онъ встрѣтилъ въ Фабіанѣ...

Благопріятная случайность привела шаги ихъ къ полю, на которомъ Магдалина продолжала еще работать. Они остановились. Морщины серьезности на лицѣ Добровскаго сразу разгладились въ веселую улыбку.

— Вотъ видишь, шутилъ онъ съ Магдалиной, какого нашла ты въ капелланѣ защитника! Ничего не опасайся, что нѣсколько затрудняетъ вашу любовь съ Францемъ. Мы съ капелланомъ дунемъ только на эти тучки, и солнышко засвѣтитъ вамъ. Жалко бы было, если бы твои хорошенькіе глазки изъ-за этого плакали и оставались безъ сна. Поклонись дѣдушкѣ и Францу. Будь спокойна, дитя мое!

Магдалина вся зарумянилась на этотъ разъ отъ радости. Подъ вліяніемъ чувства признательности она не нашла даже словъ для отвѣта.

Все время остальной дороги спутники подробно разбирали свой планъ относительно Магдалины и ея жениха.

Не доходя мѣстечка, они разстались. Это предложилъ самъ Добровскій.

— Не было бы кстати, сказалъ онъ, чтобы насъ сообщники видѣли вмѣстѣ. Я сюда, вы туда пойдемъ разными дорогами. Должна выйти важная комедія съ этими двумя пріятелями Стернадкомъ и Конипасомъ. Досвиданія, милый сообщникъ.

Они простились.

Въ дворѣ замка была суматоха. За нѣсколько времени предъ тѣмъ привели Вита изъ Поленки. У него найдено было кое-что

Digitized by Google

изъ уворованныхъ вещей. Но Гукала только къ вечеру выпустили изъ заключенія. Подъ розгами Витъ сознался во всемъ и выдалъ сообщниковъ, которые ему помогали. Гукалъ пошелъ домой оправданный къ немалому огорченію управителя, который не могъ забыть ему колбасъ, и къ неудовольствію патера Стернадка, до ушей котораго дошло, что собственно Добровскій разыскалъ Вита.

XIII.

У западнаго склона горы Дубравы находится долинка, кругомъ окаймленная стройными буками и елью. Долинка эта среди обширныхъ лѣсовъ оказывается красивымъ и уютнымъ уголкомъ, располагающимъ къ отдыху. Большею частью покрыта она кустами лѣсного шиповника, котораго свѣтло-красные гроздья освѣжали картину моря одноцвѣтной зелени... По разбросаннымъ въ долинкѣ камнямъ живописно разстилались длинныя и колючія вѣтки ежевики. Ея роскошныя листья прикрывали своими осенними красками скалистый пустырь настолько эффектно, что глазъ отдыхалъ съ удовольствіемъ. Морщина любилъ сидѣть тутъ и мечтать.

Въ правомъ углу подъ лѣснымъ шиповникомъ стояли два человѣка съ ружьями въ рукахъ. Ихъ неувѣренные взгляды и лисья осторожность, съ которою они оглядывались, выдавали въ нихъ браконьеровъ.

— Тамъ съ угла можно пройти незамѣтно, проговорилъ одинъ изъ нихъ въ полголоса.

— Если бы такъ, отвѣтилъ другой.

— Правда, Морщинѣ нельзя вѣрить. Этотъ старый хрычъ всегда на ногахъ, и гдѣ и не надѣешься, онъ тутъ какъ тутъ. И съ нимъ никакихъ отговорокъ!

— Я съ тобой бы не пошелъ, но охота хуже неволи. А съ другой стороны, гдѣ это узаконено, что охота назначена для однихъ господъ?

— Тише! Осторожно!

Они умолкли и устремили взоръ въ противоположный уголъ. Тамъ былъ ручей, и они замѣтили дикую козу. Но пословица справедлива, что говоришь о волкѣ, а онъ легокъ на поминѣ. Вверху надъ долинкой на утесѣ показался изъ лѣса Морщина. Онъ остановился и разглядывалъ по сторонамъ. Разговора бра-

Digitized by Google

коньеровъ онъ не разслышалъ, но разглядѣлъ двѣ деревенскія шапки внизу невдалекѣ передъ собою. Онъ вовсе не былъ радъ незваннымъ гостямъ и разглядывалъ мѣсто, гдѣ бы удобнѣе всего и незамѣтно онъ могъ къ нимъ спуститься съ утеса. Но прежде чѣмъ успѣлъ онъ спуститься въ долину, на противоположной сторонѣ показалась дикая коза. Это была красивая серна, остановившаяся какъ разъ на выстрѣлъ. Старшій браконьеръ взялся за ружье. Онъ прицѣлился и спустилъ курокъ. Выстрѣлъ раздался. Серна свалилась, пораженная въ сердце. Браконьеры бросились къ убитому животному. Морщина за ними по пятамъ.

— Стойте, ребята, крикнулъ онъ браконьерамъ.—Оставьте, что росло не для васъ. Остановитесь, чтобъ не было вамъ худо. Выдайте оружіе!

Младшій браконьеръ оглянулся и побѣжалъ въ лѣсъ направо, какъ говорится, во всю прыть. Старшій былъ настойчивѣе. Онъ не далъ себя озадачить. Стремглавъ бросился онъ къ убитому звѣрю.

— Не тронь, Польда, кричалъ за нимъ лѣсникъ, не спуская съ него глазъ.—Худо будетъ!

Браконьеръ подошелъ къ сернѣ, умиравшей въ предсмертныхъ судорогахъ. Онъ схватилъ ее за ноги, чтобъ тащить за собою. Это вовсе не было легко: это была вполнѣ взрослая тяжелая самка. Морщина пробирался за нимъ, карабкаясь по камнямъ. Браконьеръ съ рѣшительнымъ видомъ сталъ впереди своей добычи. Правой рукой онъ взвелъ на второй взводъ второй курокъ.

Морщина былъ шагахъ въ пятнадцати отъ него. Онъ остановился.

— Не тронь, безбожникъ: вѣдь это воровство, кричалъ онъ.

— Берегись, лѣсникъ, бѣгло отвѣтилъ браконьеръ. У меня еще заряженное дуло. Мы одни. Я выстрѣлю.

Онъ поднялъ ружье. Морщина тоже.

— У меня тоже заряжено, проговорилъ серьезно и увѣренно Морщина.—Оставь серну, отдай ружье. Иначе и я стану стрѣлять.

Браконьеръ скользнулъ взглядомъ по сернѣ. Вся браконьерская кровь въ немъ закипѣла. Онъ взялъ Морщину на прицѣлъ, Морщина взялъ его.

— Оставь меня, крикнулъ браконьеръ.

Digitized by Google

— Не оставлю!

— Даромъ я не сдамся.

Изъ второго ствола ружья браконьера сверкнулъ огонекъ и показался дымокъ. Выстрѣлъ раздался. Морщина упалъ. Онъ и не думалъ стрѣлять, а только грозилъ. На лѣвомъ плечѣ заструилась у него кровь. Браконьеръ взялъ серну и стремглавъ бросился въ чащу лѣса.

Лѣсникъ чрезъ нѣкоторое время нѣсколько очнулся. Рана жгла его, какъ раскаленный уголь, лѣвая рука онѣмѣла. Въ глазахъ его дѣлались круги. Обморокъ грозилъ ему вновь....

Въ лѣсу между тѣмъ разлался третій выстрѣлъ. Скоро послѣ него изъ лѣса на мѣсто, гдѣ была застрѣлена серна, вышелъ Францъ. Онъ былъ безъ шапки и тащилъ за собою убитую серну. Съ лѣвой стороны лба изъ шрама струилась у него кровь ручьемъ. Найдя родникъ, онъ смочилъ въ немъ платокъ и приложилъ его къ ранѣ. Услышавъ глубокій и тяжелый вздохъ, онъ только тогда замѣтилъ Морщину. Подойдя къ старику, онъ приподнялъ его, сталъ смачивать ему голову и виски, и приводилъ его въ чувство.

Лѣсникъ приходилъ въ себя. Его мутные глаза остановились на молодомъ охотникѣ.

— Въ лѣвомъ плечѣ... проговорилъ Морщина. Несчастный человѣкъ этотъ Польда, не зналъ, что дѣлаетъ....

— О, если-бъ я пришелъ сюда четвертью часа раньше! упрекалъ себя Францъ.

— Богу такъ угодно было; да будетъ благословенно Его имя нынѣ и во вѣки вѣковъ, шепталъ Морщина.

— Какъ вы себя чувствуете, дѣдъ?

— Обморокъ прошелъ, но я совсѣмъ ослабѣлъ.

— Я васъ не оставлю, пособлю вамъ, насколько силъ хватитъ...

— Богъ вамъ заплатитъ, господинъ Захисталъ; я ужъ думалъ, что умру въ дѣсной пустынѣ, какъ этотъ Божій звѣрь.

— Богъ дастъ, смерть еще далеко. Я помогу, снесу васъ.

— Вы сами въ крови.

— Это пройдетъ.

Францъ осторожно придвинулъ старика къ камню и отошелъ къ ручью, чтобъ набрать въ Морщинову шапку воды и вновь намочить платокъ. Прежде чѣмъ вернулся онъ назадъ, явился но-

Digitized by Google

вый помощникъ, посильнѣе его. Это былъ Гукалъ. Онъ пришелъ въ Дерславицы съ порученіемъ отъ Добровскаго. Не найдя лѣсника дома, онъ отправился за нимъ въ лѣсъ въ томъ направленіи, которое указала ему Аполинарія. На вершинѣ Дубравы онъ слышалъ три ружейные выстрѣла. Онъ предчувствовалъ какое-нибудь несчастіе и быстро спускался вправо внизъ. Но прошло все таки довольно времени, пока онъ добрался до обрыва. Вѣдь неопытному человѣку вовсе не легко найти въ лѣсу мѣсто, гдѣ раздались выстрѣлы.

— Вы являетесь, какъ нельзя болѣе кстати, встрѣтилъ его Францъ.

— Слава Богу, что я здѣсь, отвѣтилъ, переводя духъ, Гукалъ.

Послѣ непродолжительнаго отдыха онъ взвалилъ Морщину на плечи и понесъ его изъ обрыва. Францъ, спрятавъ серну въ чащѣ, послѣдовалъ за ними. Голова его сильно болѣла отъ раны. Вотъ они выбрались на просѣку; дорога стала гораздо удобнѣе. Морщина чувствовалъ въ себѣ довольно силъ, чтобы идти самому. На вершинѣ Дубравы въ норуби на солнечномъ припекѣ они отдохнули. Въ этомъ чувствовали они большую потребность. Дорога черезъ просѣку вверхъ значительно ослабила ихъ силы.

Внизу вдали подъ ними, широко раскинувшись, расположилась въ золотомъ сіяніи осенняго солнца живописная Шумавская область, разнообразящаяся вершинами и долинами, деревнями, замками и городками. Спутники лѣсника не особенно этимъ интересовались. Самъ же Морщина заглядѣлся на эту картину. Уста его шептали молитву. Сила его духа одолѣла на время жгучую тѣлесную боль. Онъ, навѣрно, не молился теперь за самого себя, но за народъ, которому Богъ предопредѣлилъ эту прекрасную землю для жилья и вѣчнаго владѣнія.

Они поднялись, нѣсколько укрѣпленные отдыхомъ, и стали спускаться бодрѣе съ Дубравы внизъ къ Дерславицамъ. Солнце было уже недалеко отъ полуденной высоты, когда они добрались до домика лѣсника.

Гукалъ и Аполинарія, насколько съумѣли, перевязали раны Морщинѣ и Францу, и положили послѣдняго въ свѣтелкѣ, а Морщину, согласно его желанію, подлѣ въ каморкѣ.

— Побѣгу за лѣкаремъ, предложилъ Гукалъ. Морщина позвалъ его къ себѣ.

Digitized by Google

— Остановишься въ Лучицахъ у Франевыхъ, приказывалъ онъ Гукалу,—и разскажешь все, что случилось, моей дочери. Потомъ пойдешь въ замокъ къ императору.... къ голубому священнику и скажешь ему, что я покорно прошу, чтобы его милость удостоилъ бы посѣтить меня, бѣднаго и близкаго къ смерти старика, вмѣстѣ съ лѣкаремъ. Все это, Гукалъ, ты исполнишь въ точности.

Гукалъ пообѣщалъ.

Послѣ полудня къ Морщинѣ пришелъ Добровскій съ лѣкаремъ. Незадолго предъ ними пришли изъ Лучицъ Магдалина съ матерью. Магдалина дорогой не переставала плакать, а сердце у нея чуть не разорвалось отъ нетерпѣнія и скорбныхъ предчувствій. Войдя въ дѣдову свѣтелку и увидѣвши Франца съ повязанной головою, она не могла владѣть собою, несмотря на строгость требованій чести отъ дѣвушки. Какъ лань прыгнула она къ постели Франца и прижала эту драгоцѣнную ей голову къ своему перепуганному на смерть и измученному сердцу, обливая его цѣлымъ потокомъ слезъ. Мать была поражена неожиданностью. Она сразу поняла, почему Магдалину раньше нельзя было ничѣмъ успокоить. У доброй женщины не хватило довольно силы удалить Магдалину отъ Франца. Она прошла одна къ отцу въ каморку.

— Я долженъ былъ знать, шутилъ съ Магдалиной Францъ, утирая ея слезы, что ко мнѣ придетъ такой докторъ, какъ ты, Магдалина! Иначе меня не удержали бы въ постели.

— О, лежи, мое золото, моя утѣха, лишь бы только ты не умеръ, говорила Магдалина, насильно удерживая его въ постели,— лишь бы не сдѣлалось тебѣ хуже!

И, наклонившись къ нему, она прижала свои губы къ его устамъ. Францъ обхватилъ ея шею и довольно долго не выпускалъ ея изъ своихъ объятій. Да и выпустилъ онъ ее лишь потому, что въ свѣтелкѣ послышались чужіе голоса и сразу вырвали его и Магдалину изъ чарующаго страстнаго упоенія.

Добровскій съ лѣкаремъ, громко разговаривая, вошли въ свѣтелку. Гукалъ вслѣдъ за ними. Увидѣвъ влюбленныхъ въ столь нѣжной позѣ, аббатъ засмѣялся, несмотря на всю серьезность цѣли, съ которою пришелъ къ Морщинѣ, и сказалъ:

— Вотъ какъ! Мы думали, что жизнь влюбленнаго Немврода виситъ на волоскѣ, а она виситъ на устахъ, розовыхъ, какъ маковъ

Digitized by Google

цвѣтъ. Здѣсь, докторъ, хлѣба вамъ не добывать! Не тревожьтесь, дѣтки! Лѣченіе любви превосходитъ всякіе элексиры. Гдѣ Морщина?

— Рядомъ въ каморкѣ, отвѣтила Магдалина, успѣвшая покраснѣть до ушей.

Аббатъ и докторъ вошли въ каморку. Гукалъ остался въ передней свѣтелкѣ. Недолго спустя Добровскій возвратился одинъ. Онъ не хотѣлъ смотрѣть на операцію, которую докторъ, не откладывая, хотѣлъ произвесть надъ раненымъ Морщиной. Онъ вышелъ въ садикъ, распорядившись предварительно, чтобы Гукалъ и женщины помогли доктору.

По выходѣ Магдалины, Францъ всталъ, пріодѣлся и пошелъ вслѣдъ за аббатомъ. Добровскій стоялъ передъ пчельникомъ и смотрѣлъ на пчелъ, которыя одна передъ другой прилетали и улетали. Не спуская съ пчелъ глазъ, онъ разспросилъ о подробностяхъ сегодняшняго несчастія. Францъ разсказалъ то, что мы уже знаемъ, и присоединилъ, что не явился на помощь къ Морщинѣ вслѣдствіе простой случайности. До ушей же Гукала, который не оставлялъ до сихъ поръ своихъ блужданій по окрестностямъ, дошло, что Польда высмотрѣлъ серну и на другой день съ утра отправится на охоту съ своимъ племянникомъ. Уже поздно вечеромъ явился Гукалъ къ лѣсничему и доложилъ ему объ этомъ. Тотъ отправилъ Франца къ потоку на Дубравѣ. Но и Францъ, и Гукалъ пришли уже поздно. Францъ встрѣтился съ браконьеромъ въ чащѣ, выстрѣлилъ по немъ не цѣлясь, и тотъ, не видя иного исхода, бросилъ серну. Это былъ третій выстрѣлъ, слышанный Гукаломъ.

Черезъ добрыхъ полчаса лѣкарь пришелъ въ садикъ. Онъ былъ задумчивъ: Добровскій вопросительно взглянулъ на него.

— Едвали онъ оправится отъ раны, говорилъ лѣкарь. Зарядъ глубоко засѣлъ въ подплечіи. Еслибъ я захотѣлъ во что-бы ни стало извлечь пулю, то старикъ, чего добраго, умеръ бы у меня въ рукахъ. Потеря крови велика, а Морщина старъ. Сколько я знаю, я не видѣлъ такого мужественнаго паціента. Но это ни къ чему не поведетъ,—все таки онъ старикъ.

Аббатъ задумался и, повидимому, загляделся на траву.

— Какъ долго онъ проживетъ? спросилъ онъ болѣзненно-глухимъ голосомъ.

Digitized by Google

— Трудно сказать, господинъ аббатъ, отвѣтилъ докторъ.—Недѣлю, двѣ недѣли Богъ вѣсть. Я не шарлатанъ....

— Спасибо, докторъ. Сдѣлайте еще перевязку молодому Захисталу и извольте ужъ одинъ возвратиться домой. Я останусь въ Дорславицахъ.

Лѣкарь вошелъ съ Францемъ въ домъ лѣсника. Затѣмъ уѣхалъ. Добровскій безпокойно прохаживался по садику. Солнце заходило за Дубраву. Заходило и зашло. Аббатъ вышелъ изъ садика и пошелъ въ село въ глубокой задумчивости; онъ не отвѣтилъ ни на одинъ поклонъ. При лунномъ уже свѣтѣ вернулся онъ въ лѣсниковъ домикъ и спросилъ, спитъ ли Морщина. Лѣсникъ не спалъ. Онъ вошелъ къ нему въ каморку. Магдалина, мать ея и Францъ, по знаку Морщины, молча вышли. Аббатъ присѣлъ на кровати больного старика, обхвативъ руками свое колѣно. Въ каморкѣ былъ полумракъ. Чрезъ окно изъ садика падалъ лунный свѣтъ на стѣну, подлѣ которой стояла кровать больного. Морщина по временамъ тяжело вздыхалъ.

— Спишь, братъ Морщина? спросилъ ласковымъ голосомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Добровскій.

— Не сплю, ваше величество.

— А какъ рана?

— Что значитъ она передъ страданіями, которыя терпѣливо переносилъ за насъ Спаситель?

— Довольно ли у тебя силъ, чтобъ побесѣдовать?

— О, да.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что послалъ пригласить меня. Я до смерти сожалѣлъ бы, если бы ты умеръ, не поговоривъ со мною.

Морщина отвѣтилъ лишь послѣ нѣкотораго молчанія:—Я прихожу къ цѣли жизни и дни мои мелькнули бы, какъ тѣнь, если бы ваше величество остались глухи къ моей просьбѣ.

— Ты—настоящій чешскій Братъ; скромнымъ и сильнымъ онъ живетъ и умираетъ. Не благодари: благодарить слѣдуетъ мнѣ. То, о чемъ мы говорили намедни на плотинѣ у пруда, не выходило у меня изъ головы. Я тщательно обсудилъ въ своемъ умѣ каждую твою мысль. И выводъ изъ размышленій моихъ тотъ, что ты правду говорилъ, Морщина! Ты видишь во мнѣ, старикѣ, Ѳому, возвращенного къ вѣрѣ. Ты обратилъ меня въ истинную чешскую вѣру,

Digitized by Google

противъ которой почти всю жизнь боролся духъ мой и къ которой, несмотря на все это, влекло меня мое сердце. Я ходилъ, погрязши въ сомнѣніяхъ тяжелыхъ и безвыходныхъ. Я видѣлъ, что вокругъ меня, склоняющагося ко гробу, восходитъ новое поколѣніе; вокругъ стараго невѣры явились молодые, вѣрующіе апостолы, упоенные надеждами на будущность чешскаго народа. А я не вѣрилъ и оставался въ сомнѣніяхъ; воодушевленіе ихъ я, въ крайнемъ случаѣ, считалъ запоздавшимъ изверженіемъ давно угасшаго вулкана. Но сомнѣнія не выходили изъ души моей; острое оружіе моего духа не было въ состояніи низвергнуть ихъ въ прахъ. Говорили: онъ не имѣетъ сердца. Ошибались. Сердце и умъ мой были въ борьбѣ настолько, что иной разъ я сходилъ съ ума. Провидѣніе свело меня съ тобою. Божья благость относительно людей выше всякой мѣры. Въ тебѣ, Морщина, я нашелъ человѣка. Ты, дитя лѣсовъ и пустырей, разсѣялъ мои сомнѣнія свѣтомъ вѣчной правды, ты доказалъ мнѣ, что до сихъ поръ существуетъ и чешскій духъ, и чешскій народъ, ты убѣдилъ меня своею вѣрой, простой и сильной, подобной св. евангелію, что я почти всю свою жизнь заблуждался. Ты никогда не оцѣнишь, старикъ, значенія своихъ словъ: Богъ говорилъ твоими устами, потому что говорила за тебя вѣра, болѣе чистая, чѣмъ небесная роса и болѣе пламенная, чѣмъ само солнце. Богъ есть вѣра; Богъ —сама правда; поэтому вѣра есть правда. Вѣра, правда—простая голубка. Она летитъ, летитъ, не обращая вниманія на коршуновъ, которые грозятъ ей. Коршуны же это—черныя сомнѣнія, порождаемыя однимъ сухимъ умомъ. При этомъ вѣра и правда болѣе плодовиты, чѣмъ тѣ же голубки: коршуны ихъ всѣхъ не поклюютъ. Прочь коршуны учености, правда безконечно милѣе! Морщина, ты оказалъ мнѣ великое благодѣяніе. Я ходилъ во тьмѣ и пришелъ къ свѣту. Я былъ всегда того мнѣнія, что работалъ въ наукѣ для расширенія знаній всего человѣчества. Я же трудился только для своего народа. Я чувствую, я убѣжденъ въ этомъ. Мой народъ откроетъ свою собственную мастерскую, и я помогалъ ему при ея открытіи. Мысль эта, подобно нектару, вливаетъ оживляющую влагу въ мою душу. Какое произведеніе выйдетъ изъ этой мастерской,—я не берусь предугадать. Одно только вѣрно, что оно будетъ божественное, такъ-какъ докажетъ, что духъ народа безсмертенъ и является лучемъ Божьей силы... Предо

Digitized by Google

мною мелькаетъ будущность моего народа: и я, спокойный и счастливый, сложу кости свои въ землю...

Онъ съ благодарностью пожалъ руку Мориціи. Тотъ отвѣтилъ слабымъ пожатіемъ и сказалъ:—Я никогда не ставилъ высоко своихъ мыслей. Человѣкъ это путникъ, у котораго свѣчка согрѣвается въ рукахъ его посохъ. Что въ немъ есть хорошаго — все внушено ему Богомъ. Все-таки наша священная обязанность — считать эти Божьи дары тѣмъ талантомъ въ притчѣ, за который намъ придется дать отчетъ. Зачастую это бываетъ тяжелой и мозольной работой. Я хвалю Господа, что онъ далъ мнѣ возможность встрѣтить вашу милость, что въ лицѣ васъ я нашелъ оцѣнку тому таланту, который далъ мнѣ Богомъ!

— И я вмѣстѣ съ тобою хвалю за это Господа, отвѣтилъ Ябаръ; во-первыхъ за то, что ты указалъ мнѣ единственно правый путь, по которому намъ слѣдуетъ идти для того, чтобы въ нашемъ угнетенномъ народѣ пробуждалось, распространялось и укрѣплялось національное сознаніе, чешскій духъ, который сообразно съ божескими и естественными законами долженъ нѣкогда принесть здоровые и обильные плоды. Хорошо ли понялъ я то, что ты высказалъ подъ кленомъ на плотинѣ, именно: что одни просвѣщенные и образованные въ духѣ чистой гуманности и патріотизма, соединившись съ здоровымъ ядромъ народа, уцѣлѣвшимъ изъ прошлаго, поднимутъ снова забитый народъ изъ тисковъ и бѣдствій, и приготовятъ ему достойную будущность. Идея эта богата, какъ сама природа, и достойна, чтобы не одна, но сто и тысяча жизней пошли бы изъ-за нее на бой самый жестокій. Кто положитъ въ этомъ бою голову, падетъ героически, со святымъ убѣжденіемъ, что онъ боролся не изъ-за призраковъ, падетъ съ золотой надеждой въ сердцѣ, что дѣти и внуки его будутъ вкушать плоды, того дерева, посадкѣ котораго ты отдалъ лучшую часть жизни.

— Но, увы, нынѣшнее духовное и тѣлесное рабство, какъ камень тяготѣющее на нашемъ народѣ и пригнетающее его духъ къ землѣ, не допускаетъ исполниться въ Чехіи этому блестящему пророчеству.

— Нельзя, старикъ, добиться всего вдругъ. Какъ только развьется и станетъ пробуждаться и оживляться въ Чехіи изъ среды народа духъ правды и человѣческаго развитія,—духовное и тѣ-

Digitized by Google

лесное рабство народа тащить само собой раньше, чѣмъ пройдетъ полстолѣтія.

— Просвѣщенный, народолюбивый и сильный государь въ одинъ пріемъ могъ бы выполнить то, что будетъ тяжелой задачей, пожалуй, цѣлаго столѣтія.

— Но гдѣ его взять, Морщина?

— Ваше величество! Сбросьте съ себя покрывало, подъ которымъ столько лѣтъ вы скрываетесь отъ своихъ подданныхъ! Явитесь предъ своимъ чешскимъ народомъ, и онъ не пожалѣетъ жизни своихъ лучшихъ сыновъ, чтобы возвести вокругъ вашей милости ограду, о которую разобьютъ свои головы и попы, и паны....

— Перестань, старикъ, ты ошибаешься, воскликнулъ Добровскій, вскочивъ съ мѣста.

— Не принимайте въ обиду, ваше величество, словъ старика!

— Вздоръ, Морщина, говоришь ты! Ты жестоко ошибаешься, и я уже прежде хотѣлъ вывести тебя изъ этого заблужденія. Я вовсе не императоръ Іосифъ, хотя нѣсколько и похожъ на него. Я Добровскій, аббатъ, Чехъ, твой пріятель.

— Императоръ Іосифъ не умеръ...

— Это сказка, старикъ, которую выдумалъ въ свое утѣшеніе бѣдный народъ. Не одинъ разъ приходилось мнѣ стоять при его скромномъ цинковомъ гробѣ, который стоитъ у ногъ матери его Маріи Терезіи въ склепѣ у капуциновъ въ Вѣнѣ.

— Гробъ пустой.

— Конечно, не полонъ, потому что прахъ изъ костей и человѣческаго мяса не наполнитъ послѣ смерти даже гроба. Но не поддавайся предразсудкамъ. Какъ можетъ такой быстрый умъ, какъ твой, находить удовольствіе въ предразсудкахъ, хотя бы они были самые увлекательные?

Морщина повѣсилъ голову, Добровскій опять присѣлъ къ его кровати и продолжалъ послѣ нѣкотораго перерыва такимъ твердымъ и убѣдительнымъ тономъ, что Морщина долженъ былъ отказаться отъ самообольщенія, которое довольно долгое время считалъ несомнѣнной истиной.

— Императоръ Іосифъ, объяснялъ аббатъ, отошелъ изъ этого міра дорогой всякаго смертнаго. Въ девяностомъ году, двадцатаго февраля, онъ умеръ отъ чахотки. Простой народъ въ разныхъ

Digitized by Google

концахъ Австріи его оплакивалъ; дворянство, духовенство, чиновничество вздохнуло такъ, какъ будто у него камень спалъ съ сердца. И одни, и другіе не поняли этого удивительнаго человѣка. Простой народъ его цѣнилъ выше чѣмъ надо; дворянство, духовенство и чиновники оцѣнивали его ниже настоящей цѣны. Сходя съ трона во гробъ, онъ шелъ съ смущеннымъ сердцемъ, съ отчаявшимся умомъ. Стремленія его были ясны, прекрасны, возвышенны, но правительственная его система, которую проводилъ онъ, вытекала изъ эгоизма и руководилась имъ же; она не была человѣчна. Потому-то съ такимъ страхомъ и разставался онъ съ жизнью.

— Старый Кокошка видѣлъ императора Іосифа своими собственными глазами, слабо возражалъ Морщина, котораго долголѣтніе планы разсѣялись въ прахъ и пепелъ.

— И онъ тебѣ сказалъ, что я императоръ Іосифъ, не правда ли? И ты повѣрилъ, такъ-какъ люди охотно вѣрятъ тому, чего желаютъ. Вѣдь Кокошка—старикъ слабоумный, почти полупомѣшанный, какъ могъ ты ему повѣрить? Считаешь ли и понынѣ меня Іосифомъ?—Морщина отрицательно покачалъ головою.— Іосифъ попалъ въ странное положеніе: поставляя произволъ свой выше закона, какъ могъ онъ желать свободы народовъ? Какъ совмѣстить въ головѣ произволъ и свободу? Невозможно. Ты и народъ ошиблись въ немъ. Тысячи и милліоны людей развѣ можетъ облагодѣтельствовать тотъ принципъ, который избранъ умомъ одного эгоиста. Онъ желалъ реформы, но что такое реформаторъ безъ мудрой политики? А Іосифъ не былъ политикомъ. Народы разныхъ языковъ, нравовъ и обычаевъ не подведешь подъ одну стать. Потому-то и въ лицѣ Іосифа это повело къ печальнымъ результатамъ!

— Но вѣдь онъ защищалъ свободу вѣры, права совѣсти и всякой религіи.

— Правда, но не безусловная, простая, какою должна быть всякая правда. Онъ вступилъ въ бой съ Римомъ, но думаешь ли, что въ пользу своихъ народовъ?

— Въ этомъ я свято увѣренъ.

— Это недоразумѣніе, любезный Морщина, вѣдь ошибаться свойственно людямъ. Со времени Фердинанда Римъ и его духо-

Digitized by Google

венство держали народъ нашъ въ своихъ рукахъ. Это стѣсняло Іосифа. Онъ желалъ быть единственнымъ повелителемъ народовъ, подчиненныхъ его скипетру. И цѣлью его, разумѣется, было вовсе не то, чтобы дать народу давно желанную свободу вѣроисповѣданія, но желаніе сдѣлать духовенство покорными слугами своего правительственнаго произвола. Распутывая зависимость духовенства отъ Рима, онъ вовсе не имѣлъ въ виду благо своихъ народовъ, но стремился усилить свою правительственную мощь противъ своихъ же народовъ. Понимаешь ли хорошо слова мои, Морщина?

— Ей Богу, понимаю, ваша милость.

— Вотъ это я хотѣлъ прежде всего объяснить тебѣ. Такъ-какъ ты понялъ, то я легко выведу тебя и изъ другой ошибки. Ты полагаешь, что добрый государь можетъ разомъ избавить народъ отъ духовнаго и свѣтскаго рабства. Воззрѣнія твои просты и человѣчны, но не дальновидны. Государь въ Австріи чуждъ славянскимъ вообще, а слѣдовательно и чешскимъ интересамъ. А уже въ св. Писаніи написано: *не надѣйтеся на князи*....

— Отъ кого же зависитъ будущность нашего бѣднаго чешскаго народа?

— Она заключается въ немъ самомъ и отъ него одного зависитъ. Духъ его вѣчно живой, неутомимый и цѣльный дастъ свои плоды, ибо духъ долженъ давать ихъ, иначе не было бы и духа. И плодами этими будутъ просвѣщенные и образованные чехи, съ неподдѣльнымъ и горячимъ патріотизмомъ, съ быстрымъ и сильнымъ умомъ. И какъ хорошія дѣти работаютъ на своихъ отцовъ и дѣдовъ, такъ и они будутъ работать для своего любезнаго народа и жертвовать собою за него, и изъ истинной нравственности, заключающейся въ трудѣ и самопожертвованіи, должна выйти лучшая, болѣе свѣтлая будущность; и прежде чѣмъ сойдутъ со сцены два—три людскія поколѣнія, будутъ и чужеземцы знать Чеховъ, но при этомъ будутъ считать ихъ добрыми сотрудниками въ общемъ дѣлѣ человѣчества.

Морщина потянулся своей здоровой рукой къ правой рукѣ аббата. Онъ прижалъ ее къ своимъ губамъ и окропилъ цѣлымъ потокомъ горячихъ благодарныхъ слезъ. Добровскій нагнулся къ нему и, прижавъ голову Врата къ своему сердцу, съ чувствомъ поцѣловалъ его сѣдины. Нѣкоторое время ни тотъ, ни другой ни

Digitized by Google

слова не проронили отъ волненія. Морщина первый прервалъ торжественную тишину, воскликнувъ съ восторгомъ:

— Хвала и честь Тебѣ, Господи, что ты не допустилъ меня, негоднаго червя, умереть, пока не узналъ я живого источника Твоей безконечной любви и милосердія къ человѣчеству! Съ благодарнымъ сердцемъ я отойду къ предкамъ, ибо полной мѣрой вкусилъ той манны, которая уготована Твоею милостью и милосердіемъ!

— Аминь, заключилъ торжественнымъ тономъ Добровскій. Послѣ короткой паузы, онъ заговорилъ, опять усѣвшись на стулѣ:— Немного остается жить тебѣ, другъ мой, на свѣтѣ. Лѣкарь обѣщаетъ всего дней четырнадцать.

— Да будетъ воля Господня.

— Времени, правда, не много, но достаточно для того, чтобы мы совмѣстно покончили еще кое-какія дѣла, которыя, навѣрно, будутъ близки твоему сердцу. Я выйду, чтобы ты пригласилъ свою дочь. Рана твоя требуетъ свѣжаго компресса, а твое тѣло— подкрѣпленія. Когда отдохнешь, я приду опять.

Лѣсникъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Аббатъ ушелъ. Онъ вышелъ изъ лѣсникова домика. Противъ него на придорожной межѣ сидѣли, освѣщенные ласковымъ луннымъ свѣтомъ, Францъ съ Магдалиной, а нѣсколько поодаль—Франева съ Анолинаріей. Двухъ послѣднихъ аббатъ отправилъ въ домикъ для услугъ Морщинѣ; самъ же остановился предъ молодыми людьми, любуясь отечески замѣшательствомъ, въ которое ихъ привелъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ изъ лѣсникова домика.

— Славно сидѣть при лунѣ, не правда ли, молодята? Надѣюсь, что вы все уже обсудили промежъ себя?

— Обсудили все, отвѣтилъ Францъ весело.

— А мѣсяцъ сшилъ своими серебряными нитями сердца ваши во-едино? Такъ ли, Магдалина? Магдалина не отвѣтила.—Значитъ, съ этой стороны все въ наилучшемъ порядкѣ. Объ остальномъ ужъ я долженъ постараться, какъ обѣщалъ тебѣ, Магдалина, не правда ли? Дастъ Богъ, все придетъ къ хорошему и счастливому концу. Когда вернутся женщины отъ больного лѣсника, вы отправитесь со мной къ нему.

— Умретъ дѣдушка? заикнулась Магдалина.

— Всѣ умремъ, душенька. Смерть не разбираетъ. Между тѣмъ

Digitized by Google

Богъ сохранитъ его для насъ, пока вы не повѣнчаетесь. Ужъ я объ этомъ постараюсь во время.

— Богъ заплатитъ вамъ за это, добрый отче!

— Не надо благодарностей, дѣти, не надо. Возвращаются женщины. Пойдемъ со мною въ дѣдушкину каморку. Отправились всѣ. Добровскій пригласилъ слѣдовать за собою мать Магдалины и кухарку. Всѣ вошли въ каморку.

— *Кто любви не имѣетъ, ничего не имѣетъ*, говоритъ любимецъ Господа, сказалъ аббатъ, входя въ Морщинѣ.—Я привожу къ тебѣ, брате, двоихъ юныхъ людей, которые все имѣютъ, потому что они другъ друга любятъ. Ожидаю, что и ты благословишь союзъ ихъ сердецъ.

Морщина позабылъ отъ радости про свою жгучую боль въ плечѣ. Внучка Магдалина издавна была его любимицей, и онъ давно уже питалъ горячее желаніе—еще до смерти своей видѣть ее хорошо пристроенною. Франца онъ зналъ, какъ юношу неиспорченнаго и добраго характера. Хотя мелькнуло у него въ умѣ, что внучка его—дочь крѣпостного крестьянина, а Францъ—сынъ графскаго управителя, но на эти вещи онъ никогда не имѣлъ слишкомъ узкихъ воззрѣній. При этомъ онъ полагался на совѣтъ и помощь аббата, который имѣлъ большой вѣсъ въ замкѣ и при случаѣ съумѣлъ бы постоять за нихъ по своей добротѣ и расположенію къ нимъ.

— Если на то воля Божья, проговорилъ онъ со слезами радости,—примите, дѣтки, дѣдово благословеніе.

Францъ и Магдалина преклонили колѣна у его постели. Морщина сдѣлалъ надъ ними крестное знаменіе въ воздухѣ, произнеся при этомъ:—Да благословитъ васъ Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Аминь.

— Церковное благословеніе я дамъ вамъ, когда все устрою съ графомъ, проговорилъ Добровскій.—Дѣдъ вашъ, дастъ Богъ, будетъ тоже при этомъ присутствовать. Теперь оставимъ дѣда. Больной старикъ нуждается въ покоѣ и отдыхѣ. Да пошлетъ тебѣ Богъ покойную ночь, Морщина.

Всѣ столпились вокругъ аббата, цѣлуя у него руку. Онъ ушелъ отъ нихъ и вышелъ въ сосѣднюю свѣтелку. Франева осталась подлѣ отца, Магдалина съ Аполлинаріей пошли на чердакъ, Францъ съ Добровскимъ остались въ свѣтелкѣ... На дворѣ стояла

Digitized by Google

серебряная осенняя ночь. Пріятелямъ нашимъ долго не хотѣлось спать. Первымъ уснулъ Добровскій. Спалъ онъ необыкновенно спокойнымъ и глубокимъ сномъ.

XIV.

На третій день послѣ битвы на Дубравѣ съ браконьеромъ кто-то позвонилъ у входа въ Худеницкій приходскій домъ. Капелланъ Фабіанъ, помѣщавшійся вправо отъ калитки и въ это время записывавшій крестины въ метрическую книгу, пошелъ отпереть. Передъ калиткой стоялъ, тяжело переводя отъ усталости дыханіе, управитель Конопасъ. Поздоровавшись съ Капелланомъ, онъ спросилъ:—Господинъ настоятель дома?

— Къ вашимъ услугамъ. Пожалуйте налѣво, онъ въ служительской.

— Вотъ бѣда: я еле духъ перевожу. Добровскій сдержалъ слово.

Двери служительской отворились и на порогѣ показался священникъ. Громкій разговоръ обратилъ на себя его вниманіе.— Пожалуйте, господинъ управитель, пожалуйте.

— Иду, иду, многоуважаемый другъ. Досвиданія, ваше преподобіе, обратился управитель къ Фабіану, протягивая руку. Придя въ комнату, онъ бросился въ удобныя кресла, вынулъ изъ кармана платокъ и, вытирая съ лица потъ, сталъ разсказывать:—Уже все готово. Францъ нашъ имѣетъ мѣсто. Добровскій помогъ ему въ этомъ. Вчера уже это совершилось, а я только сегодня узналъ эту новость. Отъ неожиданности я сдѣлался самъ не свой. Я не желалъ вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ. Подумайте, двадцати четырехъ лѣтъ и ревизоръ! когда это видано?

— Видите, что у меня хорошій нюхъ, промолвилъ настоятель.

— Ну, это—старая исторія, другъ мой. Но есть еще кое-что. Подумайте и посудите: этотъ негодяй отъ рожденія, предъ которымъ дрожитъ и покрывало на покойникѣ, эта шельма до мозга костей, этотъ низкій плутъ Гукалъ будетъ лѣсникомъ послѣ Морщины, который уже на ладонъ дышетъ!

— Въ этомъ я узнаю Добровскаго: это на него похоже. Впрочемъ это не хуже пасквиля, который сочинилъ онъ на меня. Но вѣдь Гукалъ еще не лѣсникъ, къ чему же мы здѣсь духовное начальство?

Digitized by Google

— Но что на это скажутъ въ замкѣ?

— Вотъ это-то и надо обдѣлать. Всякія проблемы въ сторону. Мы имѣемъ то, чего хотѣли: графское слово на счетъ вашего сына. Эта сѣдая Іосифова лиса разставила ловушку для самой себя. Теперь наша очередь—ее самое поймать въ нее. Мы аббата не упустимъ.

— Вы думаете? спросилъ натянутымъ тономъ Конпасъ, видимо озадаченный.

— О чемъ мы сговорились и на что вы дали въ знакъ согласія руку? Мы должны выпроводить Добровскаго и при томъ до холодовъ. Пусть онъ оставитъ въ покоѣ моихъ еретиковъ, ваши колбасы и сына. А пасквили на меня пойдутъ за нимъ вслѣдъ.

— Что вамъ, другъ любезный? Но я и ихъ сіятельства,—это надо брать во вниманіе. Я охотнѣе потерялъ бы сто гульденовъ, повѣрьте мнѣ!

Фабіанъ вошелъ въ комнату, имѣя нужду въ какой-то подписи настоятеля. Настоятель былъ на всѣхъ парахъ: ничего не видѣлъ, не слышалъ,—для него все дѣло состояло въ мести Добровскому. Не обращая вниманія на вошедшаго капеллана, онъ продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:—Итакъ, разумѣется вы не захотите отказаться отъ даннаго слова? Этого я отъ васъ не ожидаю и не дождусь. Случай у насъ прекраснѣйшій. Который теперь часъ? Одиннадцатый. Какъ разъ хорошо. Его сіятельство дома. Въ половинѣ двѣнадцатаго пойдемъ на аудіенцію. Между тѣмъ переодѣнемся и приготовимся. Къ графу мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Но, ради Бога, что я тамъ буду говорить?

— Ну васъ къ лѣшему съ такимъ страннымъ вопросомъ! Развѣ онъ не далъ вашему сыну мѣста съ обезпеченнымъ кускомъ хлѣба? Развѣ это не благодѣяніе для васъ? И развѣ не слѣдуетъ порядочному графскому управителю пойти за это самымъ вѣжливымъ образомъ поблагодарить графа? При этомъ вы кстати упомянете о Малинкѣ пивоваровой и увидите, что это произведетъ самое благопріятное впечатлѣніе на графа. Пивовару онъ покровительствуетъ, это несомнѣнно. У меня же есть свое дѣло, какъ у католическаго священника. Я скажу, что слышалъ о Гукалѣ, будто онъ долженъ быть лѣсникомъ послѣ Морщины; прибавлю, что всѣ мои прихожане пришли отъ этого въ удивленіе и даже въ ужасъ,

Digitized by Google

что подобное событіе, если бъ окрашалось, было бы ужасно... впрочемъ я не умѣю говорить только съ каѳедры, въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ у меня, какъ по маслу. А что же сынъ нашъ, онъ дома?

— Это—негодяй! Цѣлый день и цѣлую ночь былъ у Морщины. Только вчера вечеромъ возвратился.

— Я знаю, что Магдалина изъ Лучицъ была собственно изъ-за него въ Дерславицахъ цѣлую ночь.

— Была.

— А вы еще раздумываете, когда такая бѣда стряслась надъ вашею головою?

— Вы правы, надо рѣшиться. Пойдемъ на аудіенцію.

— Чрезъ полчаса буду у васъ, прибавилъ настоятель.

Конипасъ ушелъ. Стернадекъ подписалъ Фабіану документъ, и капелланъ вслѣдъ за этимъ оставилъ квартиру настоятеля. Вслѣдъ за этимъ Фабіанъ вышелъ со двора. Подлѣ школы завидѣлъ Войтѣшка. Онъ подозвалъ его.

— Благословите, батюшка. Что угодно вашей милости?

— Хотите заработать на табакъ? Отнесите сейчасъ это письмо господину аббату въ замокъ. Отдайте письмо въ собственные руки аббату, никому другому не давайте, понимаете?

— Старый гренадеръ! Еще бы не понять!

Войтѣшекъ пошелъ на кухню въ замокъ къ Добровскому. Исполнивъ порученіе буквально, какъ ему было приказано, онъ ожидалъ отвѣта, что ужъ прибавилъ отъ себя, безъ сомнѣнія, чтобы аббатъ догадался и выдалъ что-нибудь изъ кошелька. Добровскій пробѣжалъ листокъ и разсмѣялся. Войтѣшку далъ двадцать крейцеровъ.

— Вотъ, что! громко разсуждалъ съ собою Войтѣшекъ, выходя изъ замка,—какъ иногда и умные люди ошибаются. Я думалъ, что это—старый скряга, а онъ за десять шаговъ платитъ *дванадцать*! Говоря это, онъ торопился кратчайшею дорогой въ кабакъ, чтобы не опоздать.

Добровскій позвалъ звонкомъ лакея.—Когда придутъ управитель и настоятель къ графу, извѣстишь мнѣ—распорядился онъ.

Черезъ полчаса лакей доложилъ, что оба господина только что вслѣдъ доложили о себѣ у графа. Добровскій взялъ пилюлю и

Digitized by Google

отправился съ другого конца дома въ пріемную графа. Онъ шелъ тихимъ и осторожнымъ шагомъ, и остановился у полуотворенныхъ дверей въ комнатѣ, смежной съ пріемною. Прислушавшись, онъ распозналъ голосъ Конипаса, который, очевидно, не былъ ораторомъ, потому-что слова съ трудомъ шли у него съ языка. Онъ почти кончилъ свою благодарственную рѣчь и неловко перешелъ „къ тому достойному вниманія обстоятельству, что сынъ его, по имени Францъ Захисталъ, имѣетъ настоятельную надобность высмотрѣть какую-нибудь приличную для себя, какъ ревизора графскихъ лѣсовъ, партію. Я же, какъ подобаетъ заботливому отцу, съ позволенія всемилостивѣйшаго патрона, или, лучше сказать, представителя сіятельнаго дома“...

При этихъ словахъ вошелъ Добровскій. Конипасъ онѣмѣлъ отъ испуга. Съ нимъ случилось, повидимому, то, что неумолимый рокъ какъ-будто сразу обрѣзалъ нить съ большимъ трудомъ сочиненной рѣчи. Продолжать онъ былъ не въ состояніи. Вмѣсто языка онъ чувствовалъ во рту кусокъ свинца. Графъ взглянулъ на Добровскаго, а съ Добровскаго перевелъ взоръ на настоятеля. Вспомнивъ эпиграмму аббата, онъ былъ не въ силахъ удержаться отъ смѣха, который энергически подступилъ къ его горлу. Рысьи глаза Стернадка не оставили безъ вниманія знаменательнаго обмѣна взглядовъ между графомъ и аббатомъ. Онъ догадался о значеніи графскаго смѣха. Гнѣвъ запылалъ въ немъ, и онъ поклялся въ душѣ кровавой местью къ бывшему іезуиту. При этомъ онъ чувствовалъ себя на продолжительное время и, пожалуй, на всю сегодняшнюю аудіенцію, потерявшимъ почву при исполненіи своего хитраго плана.

— Продолжайте, господинъ управитель, обратился графъ къ Конипасу, надѣясь выслушать конецъ начатой рѣчи.

— Ваше сіятельство, заикался злосчастный ораторъ,—я думалъ... Заботливый отецъ, я думалъ... Это мой всепокорнѣйшій докладъ, ваше сіятельство. Отецъ и мать, ваше сіятельство, даютъ позволеніе.. Холостой графскій лѣсничій, по имени Францъ Захисталъ... При этомъ онъ вскинулъ глазами на Добровскаго. Тотъ стоялъ, какъ святой, и смотрѣлъ на стѣнную картину. Аббатъ обратилъ вниманіе на жалкій взглядъ Конипаса и выговорилъ спокойнымъ и, повидимому, холоднымъ тономъ:—Судьба мнѣ сегодня благопріятствуетъ, графъ. Я явился, подумаешь, какъ

Digitized by Google

будто приглашенный и, навѣрно, къ немалому удовольствію обоихъ вашихъ гостей. Обстоятельство, которое только что высокопочтенный господинъ управитель излагалъ вашему сіятельству безо всякихъ ораторскихъ троповъ и фигуръ, извѣстно мнѣ до точки надъ і, и кромѣ того—дѣло это своей доброй половиной оказывается и моимъ личнымъ дѣломъ.

— Конечно, конечно, любезный аббатъ, отвѣтилъ графъ, догадывавшійся, что у Добровскаго съ обоими посѣтителями что-то несовсѣмъ ладно.—Вѣдь вы, если сказать правду, первая и главная причина тому, что я рѣшился вчера поручить Францу Захисталу лѣсной участокъ въ самостоятельное завѣдываніе. Я разрѣшаю вамъ, господинъ управитель, теперь же выразить господину аббату за его расположеніе къ вашему семейству подобающую благодарность.

Конипасъ чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ; съ настоятелемъ сдѣлался припадокъ сухого и удушливаго кашля. Волей-неволей отвѣсилъ Конипасъ аббату глубокій поклонъ. У него стѣснило дыханіе. Кажется, онъ готовъ былъ бы отдать, не знаю какую сумму, если бы какая-нибудь невидимая рука отнесла его хоть на часъ пути отъ замка Пивоварова Малинка совсѣмъ улетучилась изъ его головы.

— Я полагаю, что сдѣлаю пріятное нашему господину управителю, если предложу и въ настоящемъ случаѣ свою руку помощи, продолжалъ Добровскій.

— Сдѣлайте одолженіе, заявлялъ заикаясь управитель.

— Говорите, любезный аббатъ, просилъ графъ.

— Францъ Захисталъ, любимый пасынокъ господина управителя, объяснялъ Добровскій, который замѣняетъ ему родного отца, какъ заботливый отчимъ, этотъ Францъ по уши влюбленъ, ваше сіятельство, въ Магдалину, единственную дочь крестьянина Франева изъ Лучицъ. Это дѣвушка, какъ розанъ, ваше сіятельство, хорошаго характера, а Франевъ имѣетъ отличное хозяйство и денежки. Нашъ Францъ, вышеупомянутый Захисталъ, обратился съ просьбою къ отцу, чтобы тотъ замолвилъ за него у графа добрыя рѣчи, словомъ, испросилъ бы у вашего сіятельства милостивое соизволеніе на его бракъ съ Магдалиной. Къ настоящей просьбѣ высокопочтеннаго господина управителя присоединяю и я, ваше сіятельство, свое сердечное прошеніе и надежду, что

Digitized by Google

ваше всегда расположенное ко благу своихъ подданныхъ сердце не захочетъ оставить безъ вниманія нашу общую, то есть господина управителя и мою, просьбу.

— Если это такъ, любезный аббатъ, отвѣтилъ графъ, не задумываясь, я даю охотно вамъ и управителю свое согласіе, чтобы эти молодые люди были обвѣнчаны. Вѣдь лѣсничій безъ жены— все равно, что птица безъ воздуха.

У Конипаса выступилъ на лбу холодный потъ. Что ему было дѣлать? Настоятель дергалъ его сзади за фракъ. Но могъ ли онъ обращать на это вниманіе? Графу такъ желается, что же остается графскому управителю, какъ проглотить горькую пилюлю и сдѣлать видъ, что онъ ѣстъ превкусный миндаль? Послѣ коротенькой паузы онъ забормоталъ:—Благодарю, ваше сіятельство, очень благодарю.

Настоятель разсвирѣпѣлъ; онъ не могъ долѣе сносить выходокъ аббата.—Дѣло стоитъ нѣсколько иначе, ваше сіятельство, началъ онъ увѣреннымъ тономъ....

— Такъ ли, господинъ управитель? спросилъ графъ.

Конипасъ посмотрѣлъ безпомощно на настоятеля, аббата и графа, вздохнулъ и, покоряясь своей тяжелой участи, отвѣтилъ съ веселостью висѣльника:—Нѣтъ, ваше сіятельство. Дѣло представлено вамъ вѣрно.

— Ну, такъ пусть наши молодые люди будутъ женихомъ и невѣстой. Дѣло рѣшенное, добавилъ графъ рѣшительно. Обратясь затѣмъ къ настоятелю, онъ сказалъ:—А вамъ что угодно, господинъ настоятель?

Измѣна Конипаса совершенно ошеломила настоятеля. Онъ чувствовалъ, что танцуетъ на вулканѣ, пламя котораго раздуваетъ его главный врагъ, аббатъ. Каждая жилка играла въ немъ злобою и местью; трудно ему было овладѣть собою, а между тѣмъ это было въ высшей степени необходимо.

— Я имѣю дѣло совсѣмъ особое, отвѣтилъ онъ графу, смотря на ногти своихъ жирныхъ пальцевъ, и просилъ бы выслушать меня съ глазу на глазъ.

Графъ вскинулъ глаза на Добровскаго. Аббатъ знаменательно прищурился.—О чемъ же у васъ дѣло, господинъ настоятель? спросилъ графъ, повидимому, совершенно спокойно.

— О Гукалѣ.

Digitized by Google

— Ахъ, ваше сіятельство, перебилъ его рѣчь Добровскій,— въ этомъ дѣлѣ я пришелъ какъ будто по приглашенію и, навѣрно, къ наибольшему удовольствію вашему, не правда ли, братъ во Христѣ?

Эта назойливость едва было не свела съ ума настоятеля. Все его краснорѣчіе разсѣялось прахомъ.—Я представляю духовное начальство здѣшняго прихода, ваше сіятельство, могъ онъ съ трудомъ выговорить,—и священнѣйшая обязанность моя ...

— Высокое благородство, по истинѣ апостольское, привело васъ сюда, братъ мой, прервалъ его рѣчь Добровскій:—я всегда говорилъ, ваше сіятельство, что превелебный нашъ отецъ духовный— есть образецъ христіанской души, что это—мужъ достойный высокаго почтенія, мужъ по правиламъ своимъ—Мелхиседекъ. По истинной правдѣ, самъ Богъ привелъ, конечно, его предъ особу вашего сіятельства съ самымъ благороднымъ намѣреніемъ. Не правда ли, братъ во Христѣ, что вы явились принесть благодарность его сіятельству за то, что онъ поступилъ какъ порыцарски, такъ и по-христіански съ бывшимъ закоренѣлымъ грѣшникомъ, Гукаломъ, пообѣщавъ ему, по моей просьбѣ, должность лѣсника въ Дерславицахъ послѣ Морщины, когда его Богъ призоветъ въ сонмъ праведниковъ? Конечно, благодаря этому, будетъ спасена одна овечка изъ вашего стада для небесной овчарни, и какъ самъ Богъ, навѣрно, питаетъ большую радость отъ обращенія одного грѣшника, чѣмъ отъ девяноста девяти душъ праведниковъ,—такъ и ваша христіанская душа переполняется невыразимымъ удовольствіемъ, что его сіятельство соблаговолили спасти одну заблудшую и почти потерянную душу для небеснаго царствія.

— Я вижу, любезный аббатъ, отвѣтилъ графъ, догадывавшійся о настоящемъ положеніи дѣла,—что вашъ быстрый взоръ проникъ въ самую глубину души моего любезнаго настоятеля.

У настоятеля отъ злости едва не разлилась желчь. Каждое слово Добровскаго, какъ ножемъ, рѣзало его по душѣ. Онъ распозналъ въ немъ артиста, предъ которымъ самъ онъ—жалкій маляръ. И всѣмъ этимъ ядовитымъ насмѣшкамъ что могъ онъ противопоставить? Могъ ли показаться въ истинномъ свѣтѣ? Могъ ли рискнуть обвинить Добровскаго и графа во лжи, и тѣмъ пойти, такъ сказать, на проломъ? И чего бы достигъ онъ, высказавъ правду? Ничего другого, кромѣ вѣчнаго нерасположенія, еще

Digitized by Google

худшаго, чѣмъ то, которое вызвалъ противъ него аббатъ своимъ проклятымъ гекзаметромъ. Не видя другого исхода, онъ сдѣлалъ то же, что незадолго предъ тѣмъ совершилъ управитель. Закрывъ цѣлый адъ своей злобы покровомъ христіанской преданности Провидѣнію, онъ вытянулъ свое мясистое лицо въ холодную улыбку и проговорилъ въ полголоса:

— Высокопочтѣнный господинъ аббатъ предупредилъ меня, ваше сіятельство. Я не имѣю, что прибавить къ его мастерски составленнымъ періодамъ. Да благословитъ Богъ ваше сіятельство и всю графскую семью вашу за то, что вы приняли участіе въ бывшемъ заблудшемъ грѣшникѣ и поставили его на путь, ведущій къ вѣчному и временному его благополучію.

— Вашъ чисто христіанскій образъ мыслей достоенъ съ моей стороны полнаго къ вамъ расположенія, отвѣтилъ графъ торжественно. Я буду радъ васъ видѣть сегодня у себя за ужиномъ, господинъ настоятель.

Стернадекъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и удалился съ управителемъ. Едва за ними затворились двери, какъ Добровскій разразился гомерическимъ смѣхомъ. Самъ графъ развеселился безо всякихъ стѣсненій.

— Аббатъ, вы лисица, подшитая всѣми хитростями, выговорилъ графъ, покручивая усы. Такихъ великолѣпныхъ минутъ я, Богъ знаетъ какъ давно, не переживалъ! Но теперь извольте исповѣдываться, чтобъ я зналъ, въ чемъ дѣло.

— Потрудитесь приказать, ваше сіятельство, экипажу выѣзжать. Дорогой я изложу и всю эту интригу, достойную мольеровскаго пера, отвѣтилъ аббатъ.

— Прекрасно. Они разстались. Стернадекъ и Конипасъ между тѣмъ спускались по лѣстницѣ съ такими лицами, какъ будто тотъ кто-нибудь только что хорошенько поколотилъ. У квартиры управителя они остановились.

— Зайдите, просилъ Конипасъ.—Надо, отрѣзалъ Стернадекъ.

Управительша подала имъ бутылку *мельницкаго* и закуску. Конипасъ налилъ двѣ рюмки. Оба залпомъ проглотили по цѣлой рюмкѣ. Только теперь они приходили понемногу въ себя.

— Ну, устроили же мы! несмѣло выговорилъ Конипасъ.

— Срамъ сказать, нехотя пропустилъ сквозь зубы настоятель.— Но вы виноваты во всемъ, господинъ управитель.

Digitized by Google

— Нечего толковать. Кончено дѣло. А дѣло — дрянь.

— Срамъ сказать. Аббатъ, эта...

— Но, что дѣлать! Графъ тянетъ въ его сторону.

— Графу бы слѣдовало держать на аббата камень за пазухой!

Конипасъ только пожалъ плечами.—Я голоденъ, какъ волкъ, проговорилъ онъ.—Вы обѣдаете у насъ, не правда-ли, любезный другъ? На обѣдъ у насъ каплунъ—шесть недѣль былъ на овсѣ!

— Быть по вашему.

— А въ замокъ пойдете на ужинъ?

— Не хотѣлось бы.

— Идите, иначе графъ это, навѣрно, замѣтитъ. У нихъ будетъ дикая коза. А поваръ Иванъ—мастеръ своего дѣла.

— Ваша правда. Пошлите ко мнѣ, что не буду дома обѣдать.

— Я пошлю и за отцемъ Фабіаномъ. Втроемъ намъ покажется обѣдъ аппетитнѣе.

XV.

Прошло нѣсколько дней. Былъ воскресный день. Осенній, сентябрьскій день; ясный и привѣтливый, какъ мысль праведнаго старика, свободно парящая къ надзвѣзднымъ высотамъ. Къ вершинѣ св. Вольфганга, возвышающейся къ югозападу отъ Худеницъ, отовсюду направлялись сельскіе обыватели въ праздничныхъ костюмахъ. Большая часть шла полевыми дорогами и тропинками изъ Слатинъ и Лучицъ, то есть изъ той мѣстности, въ которой братъ Морицина имѣлъ наиболѣе многочисленный кругъ своихъ приверженцевъ. На лицахъ пѣшеходовъ проявляло себя особое праздничное оживленіе, которое, какъ мы увидимъ, было не безъ причины.

Покрытая лѣсомъ вершина св. Вольфганга видна со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, куда только не окинешь взоромъ, особенно же ясно видна она въ тѣ дни, когда воздухъ такъ прозраченъ и чистъ, какъ сегодня. На восточномъ склонѣ горы въ направленіи къ Худеницамъ, подъ самымъ лѣсомъ, стоитъ маленькая, но красивая церковь съ кладбищемъ. Этотъ прелестный уголокъ мы уже знаемъ: тутъ впервые встрѣтились Добровскій съ Гукаломъ, убѣгавшимъ отъ дружины Войтѣха, гнавшейся за нимъ по пятамъ. На южномъ склонѣ, постепенно понижающемся къ Лучицамъ, сто-

Digitized by Google

итъ, окруженный красивымъ паркомъ, изящный бѣлый лѣтній графскій замокъ съ ваннами, куда въ лѣтніе мѣсяцы охотно съѣзжались гости изъ окрестныхъ мѣстъ. Но лучшимъ украшеніемъ вершины служитъ высокая каменная башня съ готической галлереей и крышей, торчащая на самомъ темени вершины. Видъ съ этой башни дѣйствительно восхитительный. Башня эта есть остатокъ церкви, нѣкогда посвященной св. Вольфгангу и разрушенной императоромъ Іосифомъ. Церковная постройка исчезла совершенно съ темени вершины, камни изъ нея были порастасканы, и единственнымъ напоминаніемъ о ней служитъ широкій раскрытый остатокъ сѣверной стороны храма. Подлѣ нея нѣкогда стоялъ главный алтарь.

Влѣво отъ стѣны ведетъ дверь въ пещеру со сводомъ, освѣщенную оконцемъ, къ ней ведутъ нѣсколько каменныхъ ступенекъ внизъ полукруглымъ спускомъ по скалѣ. На этой скалѣ оказывается нѣсколько углубленій, похожихъ на слѣды босой ступни. О нихъ въ окрестности ходятъ обычныя въ народѣ сказанія, что слѣды эти служатъ чудеснымъ памятникомъ св. Вольфганга, регенсбургскаго епископа, жившаго въ десятомъ столѣтіи, къ епархіи котораго, какъ извѣстно, принадлежала и Чехія, пока князь Болеславъ не основалъ особое епископство въ Прагѣ. Объѣзжая Чехію, Вольфгангъ будто-бы провелъ нѣкоторое время въ пещерѣ подлѣ скалы, и въ честь и въ память его заложена будто-бы и прежняя здѣшняя церковь.

Предъ остаткомъ стѣны простирается ровное мѣсто, которое когда-то занимала церковь. Вправо оно доходитъ до самаго края скалы, подъ которою внизу стоитъ гостепріимный охотничій домикъ.

Въ бывшемъ храмѣ сегодня, противъ всякаго обыкновенія, былъ устроенъ походный алтарь, состоявшій изъ распятія Спасителя въ половину настоящаго человѣческаго роста и изъ нѣсколькихъ свѣчекъ. Задняя сторона была обставлена хвойными деревьями. По бокамъ алтаря и передъ нимъ на ровномъ мѣстѣ сидѣли и стояли на колѣняхъ крестьяне, ожидая голубого аббата изъ замка, который сегодня, впервые послѣ пятидесяти лѣтъ, долженъ былъ служить обѣдню у св. Вольфганга. Вѣрующіе ежеминутно прибывали.

Еще одна причина, больше свѣтскаго характера, привлекала

Digitized by Google

сегодня иного менѣе религіознаго богомольца къ св. Вольфгангу. Здѣсь должно было совершиться вѣнчаніе лѣсничаго Франца Захистала съ Магдалиною Франевою изъ Лучицъ.

Вернемся для болѣе яснаго разъясненія дѣла на время въ Худеницкій приходскій домъ. Суббота. Вечеръетъ. Къ Фабіану въ комнату ворвался весь разъяренный Стернадекъ. Онъ шелъ прямо изъ замка отъ графа. Не шелъ, а бѣгомъ бѣжалъ. Едва духъ переводилъ.

— Вотъ такъ оказія, братецъ! воскликнулъ онъ, бросаясь на стулъ.—Отродясь ничего подобнаго не видѣлъ. Этотъ старый безумецъ, Добровскій, сведетъ меня въ прежлевременную могилу! Что ему опять попало въ голову!

— Вѣроятно, опять какая-нибудь ядовитая оса, иронически произнесъ Фабіанъ.

— Вы правы: оса, и жало ея прямо на меня направлено. Посудите сами. Вздумалось ему, Богъ вѣсть почему, и онъ твердо стоитъ на этомъ, завтра, послѣ нашей ранней обѣдни, самому отслужить обѣдню у св. Вольфганга! Понимаете: на неосвященномъ мѣстѣ!

— Но вы изволили на это, какъ слѣдуетъ, возразить?

— Отстаивалъ, какъ говорится, зубами и ногтями. Во-первыхъ: неосвященное мѣсто, гдѣ однѣ совы перекликаются; во-вторыхъ: если бы на самомъ дѣлѣ это затѣвалось, нужно было за недѣлю назадъ оповѣстить съ каѳедры; въ-третьихъ: я не имѣю права разрѣшить что-нибудь подобное: пусть обращаются къ викарію.

— Что же графъ?

— Графъ—это камень на мою косу. И онъ высказывался, но какъ? Что аббатъ—старый человѣкъ, кто знаетъ, увидитъ ли его опять Худеницко, старикамъ же должно иногда кое-что позволить и лишнее. Аббатъ-де хочетъ этимъ оставить по себѣ память, чтобы люди о немъ помнили. И еще не все: да, Добровскій заявилъ, что онъ будетъ радъ самъ лично совершить обрядъ вѣнчанія Захистала съ Франевой. Ну, ужъ эта свадьба противъ воли родителей, надѣлала она мнѣ непріятностей! Завтра три оглашенія заразъ! Но вѣдь это противъ правилъ. Нужно имъ обратиться въ Будѣвицы,—а викарій только лишь въ особенныхъ случаяхъ рѣшится дать разрѣшеніе.

Digitized by Google

— Тутъ и есть особый случай. Морщину, говорятъ, ждетъ не сегодня-завтра кончина.

— И этотъ старый еретикъ долженъ быть при этомъ? Давно ужъ онъ готовъ для ада. Но пусть, три оглашенія заразъ разрѣшены, викарій возьметъ это на себя изъ уваженія къ графу. Что же мнѣ говорить? Но вотъ эту обѣдню—я не могу допустить ее по должности.

— Итакъ вы не изволили разрѣшить ее?

— То есть я не хотѣлъ по мѣрѣ возможности, но что дѣлать? Взять бы васъ на правежъ: графъ съ одной, аббатъ съ другой стороны, и защищайтесь, когда нѣтъ выхода! Кричу, чуть не охрипъ: Не могу, не имѣю права, обращайтесь къ викарію. Но слова мои, какъ прошлогодній снѣгъ. Викарія беретъ-де графъ ужъ на свою отвѣтственность.

— Значитъ, вы изволили разрѣшить?

— То есть, разрѣшилъ, но съ осторожностью, большою осторожностью. Ради этого иду прямехонько къ вамъ. Потрудитесь сѣсть и писать. Я подпишу, и посланецъ долженъ сейчасъ отправиться къ викарію. Осторожность рекомендуетъ не бросать кожухъ въ дорогѣ.

— Не знаю, съумѣю ли составить столь важную бумагу?

— Вотъ еще! Пишите: иначе, зачѣмъ бы и капелланъ былъ при мнѣ?

Фабіанъ зналъ уже раньше обо всемъ отъ самого Добровскаго. Онъ видѣлъ въ этомъ чудачество со стороны своего стараго друга и не имѣлъ силъ испортить ему радость, которая его настолько восхищала. Онъ былъ между двухъ огней. Въ качествѣ священника, онъ не могъ допустить малѣйшаго оскорбленія относительно своего непосредственнаго начальника и викарія. Дѣло, само по себѣ невинное съ его точки зрѣнія, могло сдѣлаться, смотря по обстоятельствамъ, весьма серьезнымъ. Кромѣ того имѣлъ онъ въ виду, что, если вѣнчаніе Магдалины будетъ происходить въ приходской церкви, ему самому придется совершать этотъ обрядъ, а это далеко было ему не по сердцу.... И вотъ онъ нашелъ выходъ изъ своего положенія. Онъ написалъ коротенькое увѣдомленіе, сообщая въ немъ, что обѣдня у св. Вольфганга будетъ въ одиннадцать часовъ; хотя прекрасно зналъ, что она будетъ въ десять. Настоятель наскоро прочиталъ бумагу и, проглядѣвши

Digitized by Google

часъ, подписалъ ее. Еще въ тотъ же день она была отослана къ викарію.

Новость, что въ воскресенье Добровскій будетъ служить обѣдню у св. Вольфганга, еще въ субботу, подобно электричеству, облетѣла всѣ окрестныя села. Единомышленники Морщины знали еще больше, чѣмъ священники въ приходскомъ домѣ, викарій и даже самъ Фабіанъ: они знали изъ устъ Морщины, котораго часто навѣщали по случаю постигшей его бѣды и болѣзни, что голубой аббатъ изъ замка въ воскресенье у св. Вольфганга совершитъ св. литургію на языкѣ дорогихъ для Чеховъ праотцевъ, то есть на священномъ древне-славянскомъ языкѣ.

Въ хозяйствѣ Франевыхъ въ Лучицахъ царило совершенно необыкновенное въ сельской жизни движеніе. Да не только у Франевыхъ, во всей деревнѣ и въ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ. Въ субботу послѣ полудня провозили раненаго Морщину. По бокамъ повозки и за нею,—при чемъ правилъ осторожно самъ Франевъ,—сохраняя полное безмолвіе, погруженная въ моленія, отъ самаго Дерславицкаго лѣсного домика, мимо родственниковъ Морщины, шла кучка вѣрнѣйшихъ друзей Морщины и тайныхъ его приверженцевъ по вѣрѣ. Въ каждой деревнѣ толпа прибывала настолько, что на горкѣ при въѣздѣ въ Лучицы кучка эта была уже похожа на процессію, во всякомъ случаѣ, такую, какую можно видѣть развѣ на похоронахъ гражданъ, пользующихся общею любовью и уваженіемъ. На каждомъ перекресткѣ по дорогѣ повозка и процессія останавливалась, и прочитывались въ слухъ: „Отче нашъ“ и „Вѣрую“. Въ задней части повозки сидѣлъ на соломѣ, прикрытой ковромъ, Гукалъ, держа на рукахъ, какъ носятъ дѣтей матери, бѣднаго больного старца, закутаннаго въ плащъ. Почетную обязанность эту Гукалъ честно заслужилъ. Во все время тяжкой болѣзни Морщины онъ почти не отходилъ отъ него, днемъ и ночью ухаживая за нимъ съ истинно сыновней нѣжностью. Это благородное самопожертвованіе, между прочимъ, навело Добровскаго на мысль—исхлопотать у графа Гукалу мѣсто лѣсника, въ случаѣ смерти Морщины. И Гукалъ, и всѣ остальные мужчины въ процессіи были съ непокрытыми головами.

Они благополучно доѣхали до Лучицъ, гдѣ уже вся деревня была на ногахъ. Подлѣ дома Франева остановились. Отецъ Томешъ и другіе ближайшіе друзья Морщины осторожно сняли

Digitized by Google

больного съ повозки и отнесли его въ переднюю комнату, гдѣ уложили на кровать. Отъ тѣла Морщины оставалось уже не многимъ больше, чѣмъ тѣнь, одна только тѣнь. Но тѣнь эта не казалась печальной; напротивъ предчувствіе вѣчнаго блаженства придавало ему въ глазахъ всѣхъ, кто былъ, съ нимъ въ сношеніяхъ, особую красоту и величіе. Живописецъ-художникъ въ вѣкъ не забылъ бы этого морщинистаго лица, вдохновеннаго самыми свѣтлыми мечтами, изобличающими твердую вѣру. Морщина говорилъ уже съ трудомъ; лѣвая сторона его тѣла была парализована: но во всемъ прочемъ онъ былъ, какъ говорится, въ здравомъ умѣ и полной памяти. Всѣ просили у Бога одной лишь милости, чтобы Онъ допустилъ глубоко-вѣрующаго старца дождаться слѣдующаго дня. И Богъ услышалъ ихъ мольбы. Подъ вечеръ пришелъ къ Франевымъ Добровскій. Довольно продолжительное время провелъ онъ на единѣ съ Морщиной. Окружающіе думали, что аббатъ приготовлялъ старика къ смерти. Несовсѣмъ такъ было на дѣлѣ. Аббатъ напутствовалъ своего лучшаго друга въ вѣчную жизнь. Пріобщить его Св. Тайнамъ аббатъ, по взаимному согласію, долженъ былъ на другой день.

Въ сѣняхъ дома прогуливалась невидимая смерть; но не въ грозномъ и страшномъ образѣ, а въ видѣ ангела любви, мира и вѣчнаго покоя. За сѣнями напротивъ вновь зарождалась и расцвѣтала новая жизнь, олицетворенная въ Магдалинѣ и Францѣ. Дѣлались приготовленія къ завтрашнему бракосочетанію. Приготовленія эти не были шумны. Ихъ не сопровождали ни говоръ, ни пѣсни, ни музыка. Обычная радость при такихъ случаяхъ уступила свое мѣсто серьезному спокойствію, овладѣвающему душой, оставляющей тѣло и готовящейся въ дорогу къ вѣчной жизни.

Прошла ночь спокойно и тихо, безо всякой видимой перемѣны въ окружающемъ мірѣ. Солнце вынырнуло между Рычаемъ и Дубравой изъ утренняго тумана. Магдалина и Францъ увидѣлись въ саду.

— Солнце какъ на диво намъ свѣтитъ, сказалъ радостно Францъ.

— Да, и оно будто любитъ.... добавила Магдалина, обвивъ руками шею Франца и, крѣпко прижавшись къ любимому юношѣ, горячо его поцѣловала. Такого привѣтствія солнце, вѣроятно, давно ужъ не видало. Быстро разсѣявъ туманъ, оно весело поды-

Digitized by Google

малось вверхъ въ небесную лазурь.

Въ восьмомъ часу къ Франевымъ пріѣхала управительша. Она была заплакана. Явилась одна. Управитель сталъ на дыбы; на этотъ разъ онъ не хотѣлъ обратить вниманіе на то, что скажетъ по поводу этого графъ. Онъ ссылался на страшный кашель, насморкъ и Богъ знаетъ еще на что, и только послѣ долгихъ переговоровъ и просьбъ далъ разрѣшеніе своей женѣ присутствовать при вѣнчаніи непокорнаго сына. Францъ, не произнеся ни слова, бросился на шею къ матери. Оба плакали долго и безъ перерыва. Въ восемь часовъ поблагословили молодыхъ управительша, родители Магдалины и наконецъ самъ Морщина. Раньше девяти отправились въ путь ко св. Вольфгангу. Морщину несли на носилкахъ, остальные шли пѣшкомъ. Это дѣлало процессію совершенно оригинальной, не то погребальной, не то свадебной. Иной орошалъ свой путь слезами жалости, другой плакалъ отъ радости.

На равнинѣ предъ алтаремъ, на темени горы св. Вольфганга, народа собралась тьма. Для Лучицкихъ устроили свободный проходъ. Морщину опустили на землю предъ самымъ алтаремъ; за нимъ помѣстились женихъ и невѣста, родственники ихъ, свидѣтели, одна дружка и Гукалъ. Въ толпѣ царствовала такая тишина, что можно было слышать каждый шорохъ. Магдалина плакала и по временамъ вздыхала: она покидала родителей, которые лелѣяли ее, какъ нѣжный цвѣтокъ. Что же ждало ее на новомъ жизненномъ пути? Радости ли, печали? либо и тѣ, и другія — Богъ вѣсть! И она не переставая плакала, никакъ не могла успокоиться.

Вверху на башнѣ и на галлереѣ было оживлено. Тамъ были ученики изъ школы съ учителемъ. Они держали въ рукахъ ноты съ пѣснію, которую давно наизусть знали, но которая сегодня съ тѣхъ же нотъ какъ-то странно на нихъ глядѣла. Это была извѣстная древне-чешская церковная пѣснь: "*Господине, помилуй ны*". Сегодня стояло въ нотахъ: *Господи*. Добровскій распорядился, чтобъ пѣснь была написана въ первоначальной церковно-славянской формѣ. Онъ самъ бывалъ на спѣвкахъ, когда учитель разучивалъ ее съ пѣвчими. Онъ не позволилъ, чтобы дѣти произносили иначе, чѣмъ стояло въ нотахъ. Эту пѣснь предстояло пѣть за сегодняшней обѣдней. Дѣти вверху свѣшивались черезъ перила. Учитель имѣлъ съ ними истинную муку отъ страха, какъ-бы какой-нибудь мальчикъ посмѣлѣе не свалился внизъ.

Digitized by Google

— Уже идетъ, дали знать дѣвочки учителю. Добровскій выступалъ изъ лѣса медленно-торжественнымъ шагомъ. За нимъ шелъ церковный слуга съ платьемъ и утварью для богослуженія. Добровскій надѣлъ облаченіе и направился къ алтарю. Двое почтенныхъ Лучицкихъ обывателей шли впереди, чтобы ему прислуживать при богослуженіи. Раздался звонъ въ колокольчикъ. Всѣ присутствующіе, опустившись на колѣни, крестились и читали просебя молитвы. Францъ съ Магдалиной преклонили колѣни на ступенькѣ алтаря. Добровскій совершилъ надъ ними обрядъ бракосочетанія по-чешски, не прибѣгая къ латыни. Голосъ его, обыкновенно не вполнѣ звучный и высокій, сегодня раздавался какъ-то необыкновенно ясно и отчетливо. Со всѣхъ сторонъ можно было разслушать каждое слово.

Обрядъ вѣнчанія кончился, новобрачные отошли отъ алтаря Раздался вторичный звонъ въ колокольчикъ. Сверху съ башеннаго зубца раздалось полнозвучное *Господи помилуй*—ученическаго хора, подъ управленіемъ сельскаго учителя. Морозъ пробѣгалъ по кожѣ у собравшагося народа. Дѣтское пѣніе, раздающееся откуда-то сверху надъ головами, сразу овладѣло чувствительными сердцами присутствующихъ. Пѣніе умолкло. Наступилъ чередъ чтенію евангелія. Добровскій читалъ торжественнымъ голосомъ по-старославянски. Народъ встрепенулся отъ удивленія и радости. Это уже не была мертвая поповская латынь, это былъ языкъ, который они понимали и которому, казалось богомольцамъ, внималъ самъ Богъ. Старики громко расплакались, всхлипыванія раздавались со всѣхъ сторонъ. У самого Добровскаго на глазахъ выступили слезы, горло у него сдавливало отъ восторга. Съ нѣкоторымъ усиліемъ, еле-еле дочиталъ онъ до конца евангеліе. Всѣ молитвы литургіи Добровскій читалъ по-старославянски. Когда же дошло до возгласовъ: „*Сіе есть Тѣло Мое*... и *сія есть кровь Моя*“— за громкими рыданьями даже и колокольчика не стало слышно.

Когда приблизилось время причащенія, Франекъ и Томешъ подняли Морщину и поднесли его къ алтарю. Онъ съ помощью ихъ опустился на колѣни на ступенькѣ алтаря и возвелъ свои потухшіе глаза горѣ ко Спасителю. Аббатъ прочелъ молитву ко св. причащенію и пріобщилъ Морщину Тѣла и Крови Христовой

Digitized by Google

*изъ чаши**). Морщина, напрягши послѣднія силы, хотѣлъ еще встать на ноги. Но уже былъ не въ состояніи, и, поднявъ правую руку, съ мольбою простеръ ее къ распятому Спасителю.

— Боже мой и Отче! произнесъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ.— Пошли мнѣ смерть теперь, когда я дождался счастія пріобщиться Твоего Тѣла и Крови согласно обычаю нашихъ вѣрныхъ предковъ!

Послѣ этихъ словъ правая рука его безсильно опустилась, голова свѣсилась, тѣло склонилось къ землѣ. Въ моментъ ощущенія райскаго блаженства душа покинула старца на ступеняхъ алтаря. Она отлетѣла въ иной міръ. Тѣло положили на землю, и такъ оно оставалось до окончанія богослуженія.

XVI.

Въ то время, когда Добровскій служилъ у св. Вольфганга на старославянскомъ языкѣ, патеръ Стернадекъ въ волненіи бѣгалъ по своей пріемной комнатѣ. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ викарія, который все не пріѣзжалъ. Только около одиннадцати часовъ остановился экипажъ викарія передъ приходскимъ домомъ.

— Поздно, отецъ благочинный, произнесъ Стернадекъ вмѣсто привѣтствія.

— Еще нѣтъ одиннадцати, отвѣтилъ викарій, вылѣзая изъ экипажа,—а вы написали въ одиннадцать часовъ.

— Въ бумагѣ ошибка: должно было стоять въ десять.

— Но, съ Божьей помощью, еще успѣемъ.

— Покорно прошу въ комнату. Я совсѣмъ потерялъ голову чрезъ этого аббата Добровскаго.

Оба вошли въ пріемную. Не успѣлъ викарій,-старенькій уже человѣкъ,—расправить съ дороги усталые члены, какъ вбѣжалъ, весь вспотѣвшій и запыхавшійся, псаломщикъ. Стернадекъ отправилъ его на гору св. Вольфганга, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія.

— Свѣтъ, вѣроятно, скоро станетъ вверхъ ногами, воскликнулъ псаломщикъ. Господинъ аббатъ изъ замка служилъ обѣдню на славянскомъ языкѣ и Морщину причащалъ изъ чаши, а тотъ

---

*) Слѣдовательно по православному, а не по римско-католическому обряду, т. е. какъ хотѣлъ давать причащеніе народу между Чехами Іоаннъ Гусъ и его послѣдователи—Гуситы. *Перев.*

Digitized by Google

тутъ же передъ алтаремъ и умеръ. Совершенно какъ было въ старину у гуситскихъ еретиковъ!

Викарій и Стернадекъ поблѣднѣли отъ испуга. Осторожный викарій первый пришелъ въ себя.

— Ступайте, обратился онъ къ псаломщику; тотъ удалился.

— Надежный онъ человѣкъ? спросилъ викарій.

— Надежнѣе никого не знаю, отвѣтилъ Стернадекъ.

— Horribile dictu! Мы будемъ имѣть съ консисторіей процессъ, которому я не вижу хорошаго исхода. Мы должны немедленно поговорить съ аббатомъ и составить протоколъ. Пойдемъ ему на встрѣчу.

Едва вышли они за мѣстечко, какъ замѣтили Добровскаго, который шелъ по аллеѣ, обсаженной деревьями, отъ св. Анны, въ сопровожденіи группы поселянъ.

— Пожалуйте съ нами на минутку въ приходскій домъ, ласково обратился къ нему викарій.

— На минуту ли, на цѣлый часъ, какъ вамъ будетъ угодно, братъ во Христѣ.

Молча возвратились они въ приходской домъ; усѣлись. Стернадекъ пригласилъ Фабіана. Усадивъ его за письменный столъ, онъ положилъ передъ нимъ листъ бумаги. Добровскій иронически улыбнулся.

— Высокопочтенный отецъ аббатъ, обратился къ нему викарій.— Правда ли, что сегодня у св. Вольфганга, на неосвященномъ мѣстѣ, вы совершали литургію на славянскомъ языкѣ?

— Правда, отецъ благочинный, отвѣтилъ сухо Добровскій,

— А правда ли, что за обѣдней вы причащали Морщину *изъ чаши*?

— Истинная правда, отвѣтилъ спокойно Добровскій.

— Господинъ аббатъ, въ какое ставите вы насъ затрудненіе! Развѣ вы забыли, если слухъ объ этомъ дойдетъ до Будѣвицъ—а закрыть этого никоимъ образомъ не удастся—что изъ-за этого выйдетъ непріятный и безвыходный процессъ?

Аббатъ пожалъ плечами:—Съ этой стороны я не боюсь консисторіи.

— Это нѣсколько смѣло. И господинъ епископъ, изволите ли его знать...,

— И епископа я не боюсь въ дѣлѣ, которое я съумѣю отстоять

Digitized by Google

по разуму и по совѣсти, хотя бы слово мое по вашему мнѣнію казалось смѣлымъ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ высказывался Добровскій.

— Будемъ хладнокровны, потому что намъ необходимо хладнокровіе въ дѣлѣ, которому предстоитъ перейти въ высшія сферы. Сегодняшній поступокъ вашъ направленъ противъ освященныхъ вѣками церковныхъ законовъ, онъ ниспровергаетъ ихъ. Впрочемъ какой былъ у вашей милости въ этомъ умыселъ?

— Отецъ благочинный, умыселъ былъ хорошій и, вѣроятно, болѣе христіанскій, чѣмъ вы полагаете, отвѣтилъ аббатъ съ возрастающей горячностью.

— Я благочинный, господинъ аббатъ, сказалъ довольно строго викарій.

— А я—Добровскій! быстро прервалъ аббатъ и всталъ со стула.—И скажу вамъ, что это дѣло шутя я приму исключительно на свою шею. По поводу нынѣшняго происшествія я разчитываю не только въ консисторіи и предъ епископомъ, но передъ самимъ Богомъ выиграть дѣло!

— Самый закоренѣлый врагъ и противникъ нашей святой церкви Вольтеръ написалъ на каплицѣ, которую воздвигъ своему божеству: Voltaire erexit deo, чѣмъ ставилъ себя въ уровень съ самимъ Богомъ.... а вы идете еще дальше: вы надѣетесь выиграть процессъ у самого Бога!

— Съ этой стороны надѣюсь, почти вскрикнулъ Добровскій и хотѣлъ пройтись по комнатѣ. Но уже не былъ въ состояніи. Схватился за столъ, все лице его сразу измѣнилось: губы посинѣли, по лицу пробѣгали судороги, глаза у него дико расширялись.— Воды! крикнулъ онъ рѣзко.

Фабіанъ вскочилъ и принесъ волу. Аббатъ попробовалъ ее и швырнулъ объ полъ стаканъ, такъ что онъ разлетѣлся въ дребезги.—Свѣжей, изъ источника! вскрикнулъ онъ еще рѣзче.

Фабіанъ вышелъ снова. Оба патера тряслись всѣмъ тѣломъ.— На него находитъ бѣшенство, шепталъ Стернадекъ весь въ волненіи викарію.

Добровскій глядѣлъ въ потолокъ и напѣвалъ первые такты „Господи помилуй". На присутствующихъ онъ не обращалъ вниманія. Чрезъ нѣкоторое время вернулся Фабіанъ со свѣжею водою. Добровскій немного освѣжился ею.

Digitized by Google

— Пойдемъ, обратился онъ къ Фабіану и взялъ его костлявыми пальцами за плечо.

Стернадекъ и викарій мигнули капеллану, чтобы онъ повиновался. Обоимъ были принесены шляпы и отворены даже двери. Фабіанъ провожалъ аббата въ замокъ. Добровскій шелъ съ трудомъ, опираясь всею своею тяжестью на Фабіана. Что-то бормоталъ онъ про себя, чего нельзя было разобрать. Фабіанъ изо всего разобралъ одно лишь слово: пуля. Это слово имѣло зловѣщій смыслъ. Лишь только тучи душевнаго помраченія начинали одолѣвать Добровскаго, онъ вспоминалъ о пулѣ, которая по несчастной случайности попала ему въ грудь на охотѣ въ Индриховицахъ. Этой пулѣ приписывалъ онъ свою душевную болѣзнь, хотя, по мнѣнію врачей, причины ея были болѣе близкія: утомительныя усидчивыя ночныя занятія и, какъ слѣдствіе ихъ, поврежденія въ органахъ пищеваренія и приливы крови къ головѣ.

Съ помощью графскаго лакея Фабіанъ привелъ почтеннаго аббата въ его помѣщеніе. Призвали врача, который сейчасъ назначилъ больному холодную ванну. Послѣ полудня Добровскому сдѣлалось нѣсколько лучше, но не надолго. Въ свѣтлыя минуты онъ охотнѣе всего видѣлъ подлѣ себя Фабіана. И въ безпамятствѣ онъ называлъ его по имени, и благодарный капелланъ охотно посвящалъ все свое свободное время аббату. Чрезъ нѣсколько дней, въ четвергъ или въ пятницу, у Добровскаго сдѣлался жестокій приступъ душевной болѣзни. Врачъ и графъ уже думали, что насталъ послѣдній конецъ для его рѣдкаго ума. Кромѣ Фабіана, который ухаживалъ за нимъ, какъ за отцомъ роднымъ, онъ никого не переносилъ подлѣ себя. Очень охотно онъ принималъ холодныя почти ледяныя ванны, какъ бывало и въ здоровомъ состояніи. Подлѣ его комнаты находилась маленькая комнатка съ ванной, и онъ особено охотно принималъ ванны съ утра. Эта комнатка въ настоящее время сдѣлалась самой любимой больного. Въ нее перенесъ онъ свои бумаги и разстилалъ ихъ по полу. Порванныя и замокшія бумаги выносила прислуга, и такимъ образомъ погибла лужицко-сербская грамматика, которую онъ въ послѣднее время написалъ для вендской семинаріи въ Прагѣ. Неменьшее удовольствіе доставляло ему писать на стѣнкахъ своей купальной комнатки. Бумага какъ-будто ему опротивѣла, по ней онъ царапалъ; бѣлая стѣнка пришлась по душѣ. Онъ писалъ на ней

Digitized by Google

мысли, которыя копошились въ его помраченной головѣ, какъ муравьи. Къ счастью, не оправдалось, чего опасались друзья Добровскаго въ Худеницахъ, въ Чехіи и въ другихъ мѣстахъ. Умопомраченіе аббата постепенно ослабѣвало, моменты самосознанія появлялись чаще, пока наконецъ Добровскій, насколько было возможно въ его уже преклонныя лѣта, снова окрѣпъ душою и тѣломъ.

Однажды сказалъ онъ Фабіану:—Черезъ недѣльку, пожалуй, придется разстаться намъ, другъ мой.

— Въ Прагу поѣдете?

— Вовсе нѣтъ: я долженъ ѣхать въ Вѣну. У меня есть спѣшныя и нужныя занятія, которыя я могу вести только въ императорской библіотекѣ.

— Вы бы дали на время полный отдыхъ своей головѣ.

— Этого не должно быть, братецъ: „сѣдина—могильная трава". Нашъ братъ-старикъ долженъ спѣшить, чтобъ не оказалось слишкомъ поздно.

— А графъ поѣдетъ съ вами?

— Поѣдетъ. Это рѣшено и подписано.

До отъѣзда Добровскій попрощался со всѣми своими друзьями, которые простились съ нимъ со слезами на глазахъ. Даже могилу Морщины посѣтилъ онъ въ сопровожденіи Фабіана. Взявъ съ могилки горсть земли и бросая ее опять на курганчикъ, онъ произнесъ улыбаясь по-своему:—А вѣдь эта земля довольно легка, Фабіанъ. Она его не придавитъ. Я полагаю, что и насъ съ вами давить не будетъ, а? что вы на это скажете? Фабіанъ задумался.

На слѣдующій день,—это было въ началѣ ноября,—часа за два передъ отъѣздомъ Добровскаго съ графомъ изъ Худеницъ, выѣхалъ на телѣжкѣ по дорогѣ въ Вѣну лѣсникъ Гукалъ. Выѣхалъ онъ по желанію Добровскаго съ чемоданомъ, въ которомъ были сложены книги и рукописи аббата. Разумѣется, аббатъ не могъ желать лучшаго наблюдателя за своимъ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ.

Пробывъ нѣкоторое время ради отдыха въ Прагѣ, Добровскій отправился затѣмъ, совмѣстно съ графомъ, въ Индриховъ Градецъ. Тутъ онъ оставался недолго и отправился въ Вѣну. Передъ рождественскими праздниками, около половины декабря 1828 года, онъ выѣхалъ изъ Вѣны, томимый предчувствіемъ, что боль-

Digitized by Google

ше не увидитъ дорогой родины. Рождественскіе праздники проводилъ онъ въ Брнѣ и, хотя уже больной, служилъ еще въ рождественскій праздникъ обѣдню. Но болѣзнь со дня на день усиливалась и, несмотря на помощь опытнѣйшихъ врачей, оказалась въ первый день новаго 1829 года смертельною. Шестого января благороднаго старца не стало. Душа его, обладавшая рѣдкими качествами, отлетѣла изъ своей временной тѣлесной оболочки и перешла вслѣдъ за Морщиной въ надзвѣздныя выси...

*Пер. Н. З—цкій.**)

*) Авторъ „Голубого Аббата“ Алоизій Войтѣхъ Шмилевскій, (онъ же Шмилауэръ) род. 24 января 1837 г. въ Младе-Болеславѣ. Въ 1844 г. поступилъ въ гимназію на родинѣ, а окончилъ гимназическій курсъ въ Прагѣ. По окончаніи курса въ пражскомъ университетѣ поступилъ учителемъ гимназіи сперва въ Клатовахъ, а потомъ въ Литомишлѣ. Въ области музыкальной литературы Шмилевскій издалъ двѣ работы: Básník a hudebník (1860) и біографію Мѣхуры въ журналѣ „Hudební listy“ (т. I.). Изъ драматическихъ его сочиненій, понынѣ ненапечатанныхъ, былъ поставленъ на сценѣ Žid z Prahy (1865 г.) Кромѣ того Шмилевскій написалъ 4 трагедіи и 7 комедій. Написалъ также два либретто къ операмъ. Изъ прозаическихъ его сочиненій отдѣльно напечатанъ Kmotr Rozumec, популярно-научный очеркъ 1872. Въ 1871 г. вышелъ въ журналѣ Květy его романъ Starý varhaník, а въ 1872 — Setník Dřevnický. Въ 1873 г. въ ж. Osvěta помѣщены его Rozptýlené kapitoly. Романъ Martin Oliva напечатанъ Народной Матицей. Мелкія повѣсти Шмилевскаго помѣщались въ чешскихъ журналахъ, начиная съ 1859 г. Вышли также его Básně въ изданіи Кобра. Кромѣ того въ рукописи хранится украинская повѣсть Orlův syn и пр. Переведенный нами романъ озаглавленъ въ подлинникѣ Zarannich červanků.

Digitized by Google

Два слова объ авторѣ повѣсти

„НЕСЧАСТНОЕ СЕМЕЙСТВО".

Василій Друмевъ, съ 1874 года епископъ *Климентъ*, кромѣ настоящей повѣсти изъ временъ возстанія кирджаліевъ („*Нещастна фамилія, българска народна повъсть*", сначала въ журналѣ „Български книжици" 1860, потомъ отдѣльно 1873) написалъ драму изъ древней болгарской исторіи: „*Иванку, убоецътъ на Асѣня I.*" (Браила. 1872).

Профессоръ А. Д. Вороновъ любезно сообщилъ редакціи „Славянскаго Ежегодника" слѣдующія точныя данныя о Климентѣ Друмевѣ, имѣющіяся въ дѣлахъ правленія Кіевской духовной академіи.

Василій Друмевъ, болгарскій уроженецъ, воспитывался въ херсонской (нынѣ одесской) духовной семинаріи и въ августѣ 1865 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ обучался 4 года, живя на частной квартирѣ и пользуясь одною изъ назначенныхъ св. Синодомъ для иностранцевъ стипендій въ количествѣ 250 р. въ годъ. Впродолженіе академическаго курса, какъ видно изъ аттестата, онъ съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ изучалъ науки философскія, а также св. Писаніе, литургику и каноническое право. По этой послѣдней наукѣ онъ писалъ и сочиненіе на степень кандидата, подъ заглавіемъ: „Грево-римскіе законы о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви". По окончаніи полнаго академическаго курса въ іюнѣ 1869 года, за это сочиненіе и вообще за удовлетворительные успѣхи во всѣхъ предметахъ академическаго курса, конференціею Академіи 4 марта 1870 года предназначенъ къ степени кандидата богословія и 13 октября 1872 г. утвержденъ въ этой степени. Въ 1872 г. Василій Друмевъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ болгарскаго ученаго общества въ Браиловѣ. Въ настоящее время имѣетъ отъ роду 35 лѣтъ и состоитъ министромъ-президентомъ Болгарскаго княжества.

Digitized by Google

Несчастное семейство.

Повѣсть В. Друмева. Съ болгарскаго.

I. Несчастіе.

Были ясныя сумерки. Величественное майское солнце только что скрылось за горизонтомъ. Оно посылало свои послѣднія привѣтствія высокимъ Старо-планинскимъ вершинамъ, окружающимъ развалины древняго Прѣслава.... Тихій и пріятный вѣтеръ, разливая ароматный запахъ отъ различныхъ цвѣтовъ, давалъ знать о приближеніи ночи. Пастухи съ своими многочисленными стадами возвращались въ свои жилища, и ихъ мѣдные *кавалы**) сладостными звуками наполняли окрестности Прѣслава. Пѣніе птичекъ, съ минуты на минуту становилось громче, и по этому пѣнію можно было догадаться, что онѣ скоро собираются предаться послѣ дневной работы успокоительному сну.... Царица ночная—сова вылетѣла изъ своего гнѣзда и ея дикій голосъ уже отзывался на Прѣславской горѣ....

Въ этотъ пріятный майскій вечеръ, въ который природа какъ будто нарочно показала всѣ свои прелести, въ Прѣславѣ происходило нѣчто необыкновенное. Дѣти плакали; мужчины ходили взадъ и впередъ, и на ихъ лицахъ изображались горесть и сожалѣніе; женщины собирались кучками и наперерывъ щебетали. Нѣкоторыя изъ нихъ съ плачемъ передавали одна другой:

— Бѣдняжка!.. Что-то будетъ! Какъ мы утѣшимъ бѣдную?.. Ея мужа еще нѣтъ, а она въ горѣ и нетерпѣніи пошла встрѣчать его, и вотъ теперь плачетъ тамъ, подъ большимъ дубомъ!...

И въ самомъ дѣлѣ, недалеко отъ Прѣслава, подъ большимъ дубомъ, стояла старая женщина, которая, повидимому, была погружена въ глубокую печаль. Съ ея высокаго и сморщеннаго чела капалъ холодный потъ, а ея продолговатое лице орошалось слезами, которыя не переставали падать изъ ея распухшихъ глазъ.

— Нѣтъ его! сказала она, и тяжелый вздохъ вырвался изъ ея впалой груди.

Эта бѣдная женщина, отдавшись печали, и не замѣтила, что къ ней подошедъ мужчина. Онъ былъ высокаго роста и прилич-

*) Музыкальный инструментъ, въ родѣ флейты, сдѣланный изъ дерева и окованный мѣдными пластинками, отчего и называется—мѣднымъ. *Перев.* К—въ.

Digitized by Google

ной толстоты, но его лице было такъ худо и блѣдно, что онъ смахивалъ на мертвеца. Одѣтъ онъ былъ просто, но опрятно. По плечамъ его развѣвались бѣлые, какъ снѣгъ, волосы, ниспадавшіе изъ-подъ его лоснящейся шапки. Этотъ человѣкъ шелъ медленно, но поступь его была тверда. Иногда онъ поднималъ свои большіе черные глаза къ небу и долго-долго не отводилъ ихъ отъ него. А иногда, вмѣстѣ съ тяжелымъ вздохомъ, у него вырывалось жалобное восклицаніе. Да, онъ плакалъ, и его слезы были горьки и неудержимы!...

— Никакой надежды! все потеряно! сказалъ онъ, и слезы ручьемъ полились изъ его глазъ. Боже! продолжалъ онъ, еще ли суждено мнѣ страдать! Развѣ не насытилась еще черная судьба?

Но вдругъ онъ остановился, поднесъ свою трепещущую руку къ груди и сказалъ плачевнымъ голосомъ: Ахъ! она тамъ... она меня ожидаетъ подъ большимъ дубомъ!... И въ самомъ дѣлѣ, несчастная женщина все еще стояла подъ большимъ дубомъ неподвижно. Онъ приблизился къ ней и, взявъ ея руку, сказалъ:

— Радо!

Рада (такъ звали несчастную женщину) встрепенулась отскочила назадъ и, бросивъ вопросительный взглядъ на старика, воскликнула:

— Ты ли это, Волко?

Волко ничего не сказалъ.

— Да, это ты, сказала она, приближаясь къ нему.

— Пойдемъ, сказалъ онъ.

— Пойдемъ? Нѣтъ, нѣтъ! Я здѣсь буду тебя ожидать. Ты же или скорѣй... скорѣе иди, отдай имъ все, что они хотятъ и приведи моихъ сыновей... Я здѣсь стану ожидать тебя.

Въ эту минуту на Радину руку упала горячая слеза. Она посмотрѣла на Волка съ удивленіемъ. Волко закрылъ лице платкомъ и сталъ плакать громко, какъ дитя.

— Ты плачешь! ты не идешь! воскликнула Рада:—Ахъ! теперь я все узнала,—ты ничего не добился... Мои сыновья погибнутъ.... Она не могла больше говорить. Ноги у нея подкосились, и она безъ чувствъ упала на руки Волку.

Солнце уже давно скрылось, а зловѣщая тьма разлилась по земной поверхности, когда Рада очнулась и пришла въ себя...

— Гдѣ я? спросила она крайне слабымъ голосомъ.

Digitized by Google

Волко, который стоялъ возлѣ нея на колѣняхъ, поднявши свои, полныя слезъ, глаза къ небу, взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Ты со мною, Рада,—не бойся.

— Пойдемъ, сказала она, потому что Недка одна осталась дома....

— Пойдемъ.

И Волко тронулся по направленію къ Прѣславу. За нимъ шла Рада, бывшая по временамъ не въ силахъ сдержать горькія рыданія. Когда они вошли въ Прѣславъ, въ немъ царила уже мертвая тишина. Волко остановился около маленькаго дома и, бросивъ боязливый взглядъ на Раду, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Радо! наши ворота отворены!

— Боже, Недка одна! вскричала Рада и стрѣлой полетѣла къ дому съ надеждой найти свою дочь спящей. Но увы! лишь только отворила она калитку во дворъ, какъ отскочила назадъ. Ея глазамъ представилось ужасное зрѣлище. Посреди двора горѣлъ большой костеръ, подлѣ котораго сидѣлъ гигантскаго роста человѣкъ, который, проткнувъ на рожонъ двухлѣтнее дитя и поворачивая его на немъ, жарилъ на огнѣ, какъ *кибанъ* (жаркое)!... и это несчастное дитя была Недка, дочь Рады....

При этомъ страшномъ зрѣлищѣ, Рада громко закричала; ея глаза налились кровью, всѣ члены ея затряслись, и она замертво упала на руки какой-то бабы, которая прибѣжала на помощь.... помощь, увы! безполезную....

Волко, какъ безумный, остановился въ воротахъ, такъ какъ, когда Рада отворила калитку, онъ увидѣлъ все, что дѣлалось во дворѣ и отъ ужаса какъ бы окаменѣлъ. Но, увидѣвъ, что изъ дома выходитъ человѣкъ, вооруженный ножемъ и пистолетами, онъ очнулся. Вся кровь закипѣла въ немъ отъ гнѣва, и онъ, какъ разъяренный тигръ, бросился на разбойника. Хотя разбойникъ и успѣлъ ранить его, но Волко, несмотря на свои раны, вырвалъ у него длинный ножъ и немедленно умертвилъ его нѣсколькими ударами. Послѣ этого Волко, глянувъ помутившимися глазами вокругъ себя, воскликнулъ: „Боже, прости мнѣ!“ и поднялъ ножъ, чтобы убить и себя. Но лишь только смертоносное орудіе коснулось его груди, Рада, очнувшись и увидѣвши, что Волко хочетъ убить себя, проговорила къ нему слабымъ голосомъ:

Digitized by Google

— Для меня живи, Волко!

Эти слова Рады, произнесенныя жалобнымъ и умоляющимъ голосомъ, подѣйствовали на Волка. Онъ отбросилъ ножъ въ сторону, подошелъ къ Радѣ и сказалъ ей:

— Радо! я останусь жить!

Скоро около Волка и Рады собралось много народа. Добродушные Прѣславцы, узнавши, какое новое несчастіе постигло Волка, горько плакали. Волко, хотя былъ уже старикъ, но въ немъ еще жилъ юнацкій духъ и тѣлесныя силы еще не оставили его. Онъ перевязалъ свои раны, которыя, къ счастію, не были опасны; взялъ Раду за руку и сказалъ ей:

— Радо! будь увѣрена, что Богъ, кого любитъ—того и наказываетъ.

Послѣ этого, посмотрѣвши на собравшихся вокругъ него земляковъ, сказалъ имъ:

— Добрые люди! вы видѣли, что Богъ меня караетъ за какіе-то невѣдомые мнѣ грѣхи. Я не могъ устроить того дѣла, за которымъ былъ въ Шуменѣ. Въ большомъ горѣ возвращался я и былъ въ отчаяніи; но Богъ послалъ мнѣ и другое несчастіе.... Утѣшьте Раду—я сейчасъ возвращусь....

Говоря это, Волко вышелъ изъ воротъ.

Сосѣди употребили всевозможныя средства, чтобы успокоить и утѣшить Раду; но это было невозможно. Она плакала, рвала на себѣ одежду и волосы, и кричала, какъ сумасшедшая. Добрые люди увидѣвши, что ничѣмъ нельзя утѣшить ее, одинъ за другимъ разошлись и оставили бѣдную женщину, безутѣшно плачущею надъ сгорѣвшимъ трупомъ Недки...

Если бы не была вѣрующею христіанкою эта бѣдная женщина, навѣрно убила бы сама себя, такъ какъ ея несчастія были слишкомъ велики. Ея любимое и послѣднее утѣшеніе—Недка умерла ужасной смертью.... а ея двое сыновей—Велико и Стоянъ были въ рукахъ разбойниковъ.

Велико и Стоянъ считались самыми храбрыми юнаками въ Прѣславѣ,—какими и дѣйствительно были—и поэтому безъ всякаго страха ходили по горамъ, съ цѣлью помогать тѣмъ, которые страдали отъ разбойниковъ, и ради охоты на дикихъ звѣрей. Своею храбростію и безстрашіемъ, они пріобрѣли много враговъ. Разбойники постоянно бродили по Прѣславской горѣ и иска-

Digitized by Google

ли случая схватить и убить ихъ, но Велико и Стоянъ не давались въ руки.

За два дня передъ тѣмъ, какъ начинается эта повѣсть, Велико и Стоянъ пошли охотиться. Охота была удачна, и они съ удовольствіемъ возвращались домой. Сосредоточенный и задумчивый Велико заунывнымъ голосомъ напѣвалъ какую-то старую юнацкую пѣсню. А безпечный Стоянъ заигрывалъ съ собаками, которыя, бѣгая взадъ и впередъ, весело лаяли. Дойдя до середины лѣса, Велико и Стоянъ рѣшили отдохнуть; но какъ только готовы были сѣсть, собаки ихъ, которыя до этого времени лаяли весело, начали лаять очень сердито и скрылись въ чащу. Велико и Стоянъ приготовили ружья и начали прислушиваться. Въ это самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и Велико упалъ.... Стоянъ поблѣднѣлъ и не двинулся съ мѣста, но, увидѣвъ, что изъ чащи лѣса показались съ десятокъ разбойниковъ, онъ выхватилъ свой широкій ножъ.

— Они наши! закричали разбойники, не подозрѣвая, что Велико пустилъ въ дѣло хитрость, и бросились съ одними ножами на Стояна, который безстрашно ожидалъ ихъ. Какъ только они приблизились къ Стояну, Велико приподнялся; онъ съ удивительною быстротою, выхватилъ ножъ изъ рукъ одного разбойника и началъ угощать ударами его разбойниковъ, которые падали предъ нимъ, какъ снопы. Не уступалъ въ этомъ брату и Стоянъ. Но ни хитрость, ни отчаянная храбрость нисколько не помогли имъ; ихъ окружила новая шайка разбойниковъ, которые скрывались въ чащѣ и, нанеся имъ серьезныя раны, принудили сдаться. Хотя Велико и Стоянъ были очень слабы и истекали кровью, но начальникъ разбойниковъ все-таки приказалъ крѣпко связать ихъ.

— Пойдемъ теперь домой, сказалъ Эминъ (такъ назывался начальникъ разбойниковъ), толкая въ плечи Велика и Стояна. Тамъ есть доктора, продолжалъ онъ съ насмѣшкой, они васъ вылѣчатъ и не дадутъ вамъ умереть.

Велико посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и гордо сказалъ ему:

— Убей лучше меня, злодѣй!

— Мы не разбойники и не кровопійцы, сказалъ Эминъ, гнѣвно взглянувъ на Велика.

Digitized by Google

— Развѣ бываютъ еще худшіе разбойники, чѣмъ вы? сказалъ Стоянъ, плюнувъ ему въ лице.

Эминъ позеленѣлъ отъ гнѣва и поднялъ руку, въ которой былъ острый и широкій ножъ, чтобы воткнуть его въ грудь Стояна, но остановился, увидѣвъ, что Стоянъ хладнокровно и безстрашно ожидаетъ смерти.

— Молодъ ты еще, сказалъ онъ Стояну, пряча свой ножъ, мнѣ жаль убивать тебя, потому что ты и твой братъ—юнаки. У насъ въ обычаѣ—мстить тѣхъ, которые сопротивляются намъ; но вы своею храбростію обезоружили меня. Будьте увѣрены, что я никогда не казню такихъ юнаковъ, какъ вы.... Но идемъ, здѣсь не мѣсто разговаривать. Омаръ! иди въ Прѣславъ и, передавъ привѣтствіе Волку с моей стороны, скажи ему, чтобы онъ доставилъ 50,000 піастровъ въ Шуменскіе Балканы, если хочетъ, чтобы его сыновья были живы.

Омаръ отправился въ Прѣславъ, а разбойники съ своими плѣнниками скрылись въ лѣсную чащу.

II. Убилище самодивъ.

На разстояніи грехъ часовъ отъ Шумена есть мѣсто, которое называется *Маджиль*. Когда кто-нибудь идетъ изъ Шумена въ село Драгоевъ, то не можетъ миновать этого мѣста, если желаетъ пройти туда ближайшею дорогой. Хотя теперь около этого мѣста нѣтъ густого и большого лѣса, но путникъ и теперь съ трепетнымъ сердцемъ проходитъ это мѣсто, такъ какъ тамъ часто случаются большія несчастія.....

Это мѣсто въ прежнее время было непроходимо, и виною была, съ одной стороны, густота лѣса, съ другой—людскія суевѣрія..... На сто шаговъ ниже этого мѣста къ западу находилась, среди густой и темной чащи, довольно обширная площадка, покрытая мягкой, зеленой травой и разнообразными цвѣтами, которыя распространяли пріятный запахъ. Среди этой площадки стоялъ маленькій домикъ, окруженный довольно пространной нивой, высокія колосья которой, колеблемыя тихимъ вѣтромъ, дѣлали ее похожей на маленькое озеро, а маленькій домъ—на небольшое неподвижное судно....

Digitized by Google

Въ этомъ маленькомъ домикѣ было всего три комнаты. Каждая комната была просто, но чисто убрана. Въ одной изъ нихъ были развѣшены по стѣнамъ ружья, пистолеты, двѣ черныя маски и двѣ длинныя палки. На одной стѣнкѣ прибито было изображеніе Честнаго Крэста, передъ которымъ теплилась лампадка. Въ этой же комнатѣ сидѣлъ на мягкой постелѣ сѣдой бѣлобородый старецъ, въ глубокой задумчивости подлѣ него на стулѣ сидѣлъ молодой человѣкъ и со вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ старца.

— *Татко*! (отецъ!) сказалъ молодой человѣкъ старику, вздыхая,—давно я хочу спросить тебя объ одной вещи, но все не смѣю.

Старикъ поднялъ голову, взглянулъ вопросительно на молодаго человѣка и сказалъ ему слабымъ голосомъ:

— Спрашивай, сынокъ, все тебѣ разскажу.

— Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ мы живемъ въ этой пустынѣ, а я не знаю, ради чего живемъ мы отшельниками?

— Развѣ ты пустынникомъ живешь, Владе? Развѣ не ходишь ты каждый день къ своимъ товарищамъ?

— Это вѣрно. Но почему мы живемъ здѣсь; почему не перейдемъ въ какое-нибудь село? кромѣ того, почему ты говоришь мнѣ, чтобы я никого не приводилъ сюда въ нашъ домъ?

— Хотя бы ты и пожелалъ привесть кого-нибудь сюда, никто не захочетъ прійти.

— Почему же никто не заходитъ въ наше жилище? Слава Богу, здѣсь не разбойники живутъ.

— Если бы жили здѣсь и разбойники, до сихъ поръ едва ли уцѣлѣлъ бы этотъ домъ, а поле, которое кормитъ насъ хлѣбомъ, давно потоптали бы; но есть другія причины, о которыхъ ты не долженъ однако же знать.

— Вѣроятно потому, что не стою твоего довѣрія....

И Владе началъ плакать...

— Ахъ, Боже мой, сказалъ старикъ, взявъ за руку Владе, кто же тебѣ говоритъ, что ты не стоишь? Ты для меня все на свѣтѣ, развѣ я отъ тебя стану скрывать что-нибудь? Но я ничего не говорю тебѣ потому, что я увѣренъ, что ты счастливъ, не зная, почему мы здѣсь живемъ и почему никто не смѣетъ приблизиться къ нашему жилищу.

— Счастливъ! Нѣтъ, отецъ, нѣтъ! Я несчастный человѣкъ. Мнѣ

Digitized by Google

надоѣло жить въ этой пустынѣ; надоѣло бродить по горамъ съ товарищами.

— Тебѣ надоѣло дѣлать добро? Надоѣло тебѣ обращать горькія слезы въ веселье и радость столькихъ матерей, братьевъ и сестеръ?.... Владе, Владе, ты еще молодъ, ты не знаешь что такое добро и зло, что такое радость и печаль.

Владе печально покачалъ головой и со вздохомъ сказалъ:

— Ты ошибаешься, отецъ. Не думай, что я съ своими товарищами дѣлаю добро.... Нѣтъ отъ добра мы очень далеки. Вмѣсто радости мы умножаемъ еще горькія слезы несчастныхъ матерей и отцовъ.

— Можетъ ли это быть? воскликнулъ старикъ и, какъ угорѣлый, вскочилъ съ своего мѣста. Можетъ ли быть, продолжалъ онъ, чтобы мой единственный сынъ,—котораго я воспиталъ по-христіански и отъ котораго надѣялся на старости лѣтъ имѣть утѣшеніе,—былъ разбойникомъ? Вѣрить ли мнѣ? Скажи, несчастный, скажи: правдали это? признавайся и сведи меня въ гробъ.... И при этихъ словахъ изъ выцвѣтшихъ и потухшихъ глазъ старца скатились двѣ крупныя слезы.

Владе увидѣлъ, что отецъ не понялъ его и, ставъ передъ нимъ на колѣни и цѣлуя его руки, сталъ говорить умоляющимъ и плачевнымъ голосомъ:

— Успокойся, отецъ, я не разбойникъ, и мнѣ очень жаль, что ты меня называешь этимъ именемъ. Я до сихъ поръ исполнялъ и, пока живъ, буду исполнять твою волю, которая для меня священна. Но слушай, отецъ, что я тебѣ разскажу о случившемся третьяго дня и о томъ, что я видѣлъ сегодня, и ты увидишь, что мы нехотя дѣлаемъ зло.

Эти слова были произнесены такимъ прочувствованнымъ тономъ, что Петръ (такъ назывался старикъ) сталъ плакать и, обнимая сына, проговорилъ:

— Ахъ, сынъ мой, я оскорбилъ тебя!.... Я назвалъ тебя разбойникомъ.....

— Я не оскорбился, отецъ, потому что увѣренъ, что ты меня не понялъ.

— Да, я не понялъ тебя; но теперь уже не нужно мнѣ знать ничего... довольно того, что ты невиненъ.....

— Но для меня не довольно. Мнѣ нужно разсказать тебѣ, по-

Digitized by Google

чему мнѣ надоѣло ходить по горамъ съ товарищами. Иначе—я никогда не буду спокоенъ.

— Говори же, говори, радостно сказалъ Петръ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Третьяго дня, сказалъ Владе, я нашелъ своихъ товарищей въ горахъ и они мнѣ сказали, что разбойники захватили одного мальчика изъ села Златарей и требуютъ за него выкупа 20000 піастровъ. Его отецъ продалъ домъ, поле, собралъ деньги и собирался отнести ихъ разбойникамъ. Мы условились напасть на разбойниковъ, когда они заберутъ у несчастнаго отца послѣднюю копѣйку. Такъ и сдѣлали.... Но вмѣсто того, чтобы освободить несчастнаго мальчика; вмѣсто того, чтобы доставить радость его отцу,— мы причинили ему еще большую горесть.... Мы убили его сына.... Да, мы убили: если бы насъ не было, разбойники взяли бы деньги, а мальчика отпустили бы.....

При этихъ словахъ лице Владе оросилось слезами, но онъ быстро отеръ ихъ и продолжалъ: Какъ только разбойники развязали несчастное дитя, мы напали на нихъ, но они, въ ту же самую минуту изрубили его въ куски и разбѣжались... Мы плакали вмѣстѣ съ несчастнымъ его отцемъ, но онъ и не глядѣлъ на наши слезы, а называлъ насъ убійцами и просилъ насъ, чтобъ мы убили и его...

— Можешь ли ты теперь сказать, отецъ, что мы дѣлаемъ добро? Не въ правѣ ли я говорить, что опротивѣло мнѣ ходить по горамъ съ товарищами?

Петръ за слезами ничего не могъ сказать.

— Сегодня, продолжалъ Владе, я пошелъ за водой къ источнику и, возвращаясь, услышалъ громкій плачъ. Изъ любопытства я пошелъ къ тому мѣсту, откуда слышались рыданія, и, о Боже! тамъ, подъ большимъ дубомъ стоялъ несчастный отецъ, въ убійствѣ сына котораго мы были невольной причиной и горько плакалъ. Лишь только увидѣлъ онъ меня, вдругъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и съ радостію воскликнулъ:—Стоянъ, милый Стоянъ, живъ ли ты? Но немного спустя, всмотрѣвшись въ меня хорошо, онъ оставилъ меня, и отошелъ въ сторону и сталъ помутившимися глазами очень печально глядѣть на меня. Я не могъ удержаться и заплакалъ. Увидѣвши, что я плачу, онъ горько улыбнулся и сказалъ мнѣ:—теперь плачешь! а вчера, убивая моего сына, не пла-

Digitized by Google

калъ..... Знаю, знаю, что ты убилъ моего сына.... ты..... ха, ха, ха!.... какъ онъ лежалъ облитый кровью! какъ былъ онъ хорошъ!.... Послѣ этихъ словъ, которыя ясно показывали, что онъ лишился ума, старикъ крикнулъ:—Стоянъ, бѣги! убьютъ! и убѣжалъ. Я хотѣлъ удержать и привести его сюда; но онъ, дойдя до большого камня, бросился внизъ и кончилъ жизнь самоубійствомъ!

— Владе умолкъ, но крупныя слезы, не переставая, лились изъ его глазъ.

— Бросился внизъ! повторилъ Петръ съ сожалѣніемъ.

— Да, лишилъ себя жизни.... бѣдняжка!

Петръ хотѣлъ говорить, но не былъ въ состояніи, слезы душили его. Онъ поднялся съ своего мѣста, сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, и при этомъ тяжело вздыхалъ. Затѣмъ подойдя къ Владе, онъ сказалъ ему:

— Правда твоя, Владе, когда ты говоришь, что вмѣсто добра дѣлаешь зло. Правда также и то, что тебѣ надоѣло жить здѣсь. Ты молодъ и неудивительно, если это уединенное жилище кажется тебѣ пустыней. Поэтому иди.... Я тебѣ позволяю идти, куда тебѣ угодно и да будетъ надъ тобой мое благословеніе!

— А ты что будешь дѣлать здѣсь?

— Я останусь по прежнему молить Бога, чтобъ Онъ простилъ мои грѣхи. Теперь я вижу, что Богъ меня наказываетъ.

Послѣ этого Петръ преклонилъ колѣни передъ распятіемъ и сталъ шепотомъ читать теплую молитву. Владе тоже опустился на колѣни и его пріятный голосъ звонко раздавался среди ночной тишины. Онъ пѣлъ молитву Іисусу Христу, сочиненную его отцомъ..... Окончивъ ее, Владе приблизился къ отцу и сказалъ ему:

— Батюшка, я никогда не разстанусь съ тобою! Гдѣ ты будешь, тамъ и я буду. Но мнѣ кажется, что лучше будетъ, если мы пойдемъ жить или въ Прѣславъ, или въ Драгоевъ. Я тамъ буду много трудиться, буду работать въ виноградникахъ и садахъ; буду ходить на поденщину къ чужимъ людямъ, буду пахать... Однимъ словомъ буду трудиться столько, чтобы никогда не терпѣть ни въ чемъ недостатка.

— Этого не можетъ быть, Владе. Если бы ты зналъ, какъ священно для насъ это мѣсто, ты не принуждалъ бы меня оставить его...

— Священно! повторилъ Владе.

Digitized by Google

— Да, до сихъ поръ я тебѣ ничего не говорилъ; но теперь я принужденъ тебѣ разсказать: здѣсь погребена твоя мать.

— Моя мать!... а я до сихъ поръ ничего не зналъ!

Владе правду сказалъ, что онъ ничего не знаетъ. Никогда ему не приходило въ голову разспросить своего отца, по какой причинѣ они живутъ въ этой пустынѣ. Онъ до сихъ поръ и не зналъ, была ли у него мать. Здѣсь есть что-то тайное, подумалъ онъ и, положивъ свою голову на грудь отца, умоляющимъ голосомъ сказалъ ему:

— Разскажи мнѣ все подробно, батюшка. Эта исторія можетъ быть очень печальна?

— Ахъ! хорошо было бы, если бы ты не зналъ; но нечего дѣлать, нужно тебѣ разсказать. Слушай:

— Твой дѣдъ (а мой отецъ) жилъ въ Шуменѣ и былъ очень богатъ. Двое моихъ братьевъ, вмѣстѣ съ отцемъ, занимались торговлей; а я, такъ какъ былъ еще маленькій, ходилъ въ училище, гдѣ учился читать по-гречески. Когда мнѣ было 16 лѣтъ, отецъ отправилъ меня учиться въ Константинополь. Тамъ сначала мнѣ казалось не хорошо, но, какъ бы то ни было, я привыкъ. Три года спустя, я услышалъ, что моего отца убили, имущество разграбили, а домъ сожгли. Хотѣли убить и брата Ивана, но онъ успѣлъ бѣжать и такимъ образомъ избѣжалъ смерти. Мой братъ Волко, оставшійся въ живыхъ, написалъ мнѣ, чтобы я возвратился, такъ какъ моя мать была очень больна. Я возвратился, но уже тогда, когда моей матери не было на этомъ свѣтѣ. Въ Шуменѣ я узналъ отъ брата Волка, за что убили отца и почему хотѣли убить брата Ивана. Иванъ женился на одной дѣвушкѣ, которую Джамалъ-бей (начальникъ Шуменскихъ янычаръ) хотѣлъ отуречить. А такъ какъ въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и отецъ, то Джамалъ-бей подкупилъ нѣсколькихъ злодѣевъ, которые подожгли нашъ домъ, убили отца, похитили жену брата Ивана и хотѣли убить его самого, но онъ успѣлъ бѣжать.... Этихъ несчастій, повидимому, было довольно, но неумолимая Божья судьба послала намъ еще другія.....

Втеченіе двухъ лѣтъ мы поправили свое состояніе, сдѣлались богатыми, по прежнему построили хорошіе дома и снова зажили спокойно. Джамалъ-бей, хотя и старался сдѣлать намъ какое-нибудь зло, но не могъ, потому что у насъ былъ другой защитникъ.

Digitized by Google

Это былъ Шуменскій митрополитъ, который имѣлъ большое вліяніе въ Шуменѣ и поэтому Джамалъ-бей, увидѣвъ, что мы прибѣгаемъ подъ защиту владыки, не смѣлъ трогать насъ. Кромѣ того, насъ защищалъ еще и Караманъ-бей (второй начальникъ янычаръ), который гнѣвался, Богъ знаетъ за что, на Джамалъ-бея и искалъ повода, чтобы лишить его должности.

Но мы не могли долго наслаждаться спокойствіемъ. Шуменскіе граждане поссорились съ митрополитомъ, такъ какъ не хотѣли платить ему по 8 піастровъ за обрядъ вѣнчанія. Владыко оскорбился этимъ и увѣренный, что не переспоритъ Шуменцевъ, оставилъ Шуменскую епархію.

Двѣ недѣли спустя, послѣ отъѣзда митрополита, въ бурную ночь, увидѣли мы, что Шуменскій базаръ горитъ. А наши лавки были тамъ. Братъ хотѣлъ идти посмотрѣть, что именно горитъ; но пока онъ сбирался и мы смотрѣли на ужасное зрѣлище издали, вдругъ въ нашемъ домѣ показался огонь. Пока я крикнулъ: пожаръ! братъ объявилъ, что домъ зажженъ съ четырехъ сторонъ!.... Въ эту минуту прошелъ мимо насъ черный человѣкъ и закричалъ: —знайте, что это мщеніе, на базарѣ горятъ ваши лавки, здѣсь горитъ вашъ домъ, а немного спустя будете горѣть и вы сами!. О, Владе, съ этихъ поръ начались мои несчастія.... Въ это время я потерялъ твою мать, а твоя сестра, можетъ быть, сдѣлалась жертвой пожара....

Владе, съ большимъ вниманіемъ слушавшій разсказъ отца, при послѣднихъ словахъ встрепенулся и съ удивленіемъ проговорилъ:

— Моя сестра? Развѣ у меня была сестра?

— Да. Она звалась Петя и тремя годами была моложе тебя.

— Боже, воскликнулъ Владе, умерла ужасной смертью; почему же ты не постарался спасти ее?

Этотъ вопросъ задѣлъ за живое Петра, онъ залился слезами и съ глубокимъ вздохомъ произнесъ:

— И ты, сынъ мой, и ты оскорбляешь меня, но я не виновенъ....

Владе готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія у отца, но тотъ не позволилъ сдѣлать это и продолжалъ:

— Когда страшный пожаръ съ большою быстротою охватилъ нашъ домъ, я стоялъ посреди двора и, какъ безумный, смотрѣлъ

Digitized by Google

на свирѣпую стихію, которая съ сильнымъ трескомъ вздымалась до облаковъ. Въ то же время до меня долетѣлъ изъ дома слабый вопль. Я узналъ, что это твоя мать зоветъ на помощь и бросился спасать ее, но лишь только успѣлъ я войти въ домъ, какъ сзади такъ сильно кто-то ударилъ меня по головѣ, что я упалъ на порогѣ дома, какъ мертвый. Не знаю, какъ долго я оставался въ такомъ положеніи, но пробужденіе мое было ужасно!... Очнувшись, я къ великому удивленію увидѣлъ себя въ лѣсу..... Въ такомъ положеніи я проклиналъ день, въ который родился, проклиналъ все на бѣломъ свѣтѣ, и былъ въ такомъ отчаяніи, что рѣшился лишить себя жизни. Съ такимъ намѣреніемъ я, подошелъ къ рѣкѣ (то была Камчія), находившейся въ получасовомъ разстояніи, и готовъ былъ броситься въ нее, но вдругъ услышалъ дѣтскій плачъ. Я обернулся и увидѣлъ, что въ десяти шагахъ отъ берега стоитъ подъ деревомъ пятилѣтнее дитя и плачетъ... и это былъ ты, Владе...

— Я?

— Да, это былъ ты. Увидѣвъ тебя, я сталъ благодарить Бога за то, что онъ не допустилъ меня утопиться. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я утопился, кто бы за тобой смотрѣлъ, кто бы тебя кормилъ и одѣвалъ?—Никто... ты умеръ бы съ голода.... Но Богъ никогда не оставляетъ человѣка. Онъ заботится о всѣхъ и охраняетъ всѣхъ.

При этихъ словахъ, Петръ поднялъ глаза, полныя слезъ, къ небу и долго молился. Послѣ этого сѣлъ опять на свое мѣсто и продолжалъ:

— Когда я тебя нашелъ, я ощутилъ большую радость; но скоро эта радость уступила мѣсто глубокой скорби. Я не зналъ, ни гдѣ я нахожусь, ни куда я иду. Бродилъ взадъ и впередъ, чтобы найти дорогу, но не могъ найти ея: кругомъ все пространство было покрыто лѣсомъ. Солнце взошло, вся природа оживилась, а я все еще не зналъ, гдѣ я нахожусь.... Въ отчаяніи я сѣлъ, обнялъ тебя и зарыдалъ громкимъ голосомъ. Въ это время кто-то крикнулъ надъ моей головой: молчи! Я поднялъ голову и увидѣлъ, что на деревѣ, подъ которымъ я сидѣлъ, сидитъ человѣкъ, который прицѣлился въ меня изъ ружья и при этомъ грозно смотрѣлъ на меня.

— Убей меня! крикнулъ я ему, не переставая все-таки рыдать.

Digitized by Google

Но онъ, вмѣсто того, чтобы убить меня, спрыгнулъ внизъ и громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Скажи мнѣ, чего ты ищешь здѣсь?

— Я только посмотрѣлъ на него и продолжалъ плакать.

— Вижу, сказалъ онъ, что ты несчастный человѣкъ; но не скажешь ли ты, мнѣ, зачѣмъ ты пришелъ сюда? Можетъ быть, я могу утѣшить тебя?

— Увы! воскликнулъ я, мое несчастіе велико. Никто кромѣ Бога не можетъ меня утѣшить! Послѣ этого я разсказалъ ему все.

— Окончивъ свой печальный разсказъ, я отеръ слезы и мысленно сталъ приготовляться къ смерти. Я думалъ, что онъ разбойникъ и, не откладывая долго, умертвитъ меня; но, къ моему удивленію, онъ отбросилъ ружье въ сторону, взялъ тебя на руки, нѣсколько разъ поцѣловалъ, прослезился при этомъ и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— Когда это дитя выростетъ, скажи ему, что дядя Иванъ, ради него одѣлся въ гайдуцкія одежды...

— Иванъ? прервалъ я, вскакивая съ своего мѣста, гдѣ же онъ?

— Это я.

— И твой дядя Иванъ обнялъ меня. Мы долго простояли обнявшись, при этомъ слезы наши не одинъ разъ сливались. На сколько ни было растерзано сердце мое печалью, но въ эту минуту оно переполнилось радостью. Я забылъ недавнее горе и, проливая слезы радости, говорилъ брату:

— Вернемся, братъ, въ Шуменъ, тамъ у насъ есть добрые и надежные друзья, которые намъ помогутъ...

— Никогда, сказалъ братъ дрожащимъ голосомъ, никогда не бывать мнѣ въ Шуменѣ, ни въ другомъ какомъ-нибудь городѣ или селѣ. Мой городъ—высокіе Балканы, а мои дома—толстые, вѣтвистые дубы!... На моихъ глазахъ убили отца, ограбили все мое имущество, лишили меня жены и наконецъ, чтобы насытить свою адскую злобу, чуть было не замучили и меня... Да, продолжалъ братъ, все болѣе и болѣе отдаваясь печальнымъ воспоминаніямъ. Вотъ уже проходятъ годы, а ихъ злоба, ихъ мщеніе еще не утолились... И ты, бѣдняжка, сдѣлался ихъ жертвой....

— Братъ, можетъ быть, продолжалъ бы дальше свой разсказъ; но ты заплакалъ и заставилъ его прекратить свои печальныя воспоминанія. Услышавъ твой плачъ, онъ сказалъ:

Digitized by Google

— Идемъ, Петръ.

— Куда? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Увидишь, сказалъ онъ и, взявъ тебя на руки, пошелъ впередъ. Болѣе часа мы шли, не сказавъ ни слова другъ другу. Наконецъ братъ прервалъ молчаніе, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— Не удивляешься ли ты и даже не оскорбляешься ли, Петръ, видя, что я съ ружьемъ на плечахъ, съ ножемъ и пистолетами за поясомъ хожу по горамъ?

— Разумѣется, оскорбляюсь, сказалъ я нерѣшительно, потому что, можетъ быть, ты убивалъ....

— Обманываешься, братъ мой; я не убивалъ до сихъ поръ никого и не одѣвался въ гайдуцкое платье, одѣлся я только вчера и то только для васъ, потому что нужно было вамъ помочь.

— Такъ отвѣтилъ братъ и слезы вновь заискрились въ его глазахъ.

— Помочь намъ! сказалъ я брату, схвативъ его за руку. Ты откуда зналъ, что насъ постигло несчастіе.

— Узнаешь все, но не теперь, поспѣшно сказалъ братъ.

— Послѣ этого разговора наступило опять молчаніе; но это молчаніе было невольное, потому что мы вошли въ такую чащу, что не могли видѣть одинъ другого. Но немного спустя, нашимъ глазамъ представилась маленькая равнина, покрытая мягкой зеленой травой и различными благоуханными цвѣтами. Эта равнина окружена была густой чащей и прорѣзывалась маленькимъ ручейкомъ, который своею свѣтлою, какъ серебро, водою представлялъ совершенно хрустальную линію. Вступая въ эту равнину, братъ внимательно посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Не беретъ ли страхъ тебя, Петръ?

— Страхъ! изъ-за чего?

— Знаешь ли ты, что мы въ *жилищѣ самодивъ*?

— Эти слова, какъ будто обожгли меня; я отскочилъ назадъ, затрясся, какъ листъ и не могъ произнести ни слова. Настолько я испугался.—И не удивительно: еще съ дѣтства набили мнѣ голову суевѣріями. Много чудесъ мнѣ разсказывали объ этихъ *самодивахъ*. Говорили мнѣ, что онѣ ловятъ людей и заставляютъ ихъ носить себя по разнымъ нечистымъ мѣстамъ, или, что онѣ пристаютъ къ человѣку и высасываютъ у него кровь и пр. Вотъ почему я испугался и затрясся, когда услышалъ, что мы находимся

Digitized by Google

въ жилищѣ самодивъ. Мой братъ, увидѣвши, что я струсилъ, подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Не бойся, Петръ: все, что ты слышалъ о *самодивахъ*—ложь, глупости и суевѣріе. И я, подобно тебѣ, прежде вѣрилъ, что существуютъ *самодивы* и боялся ихъ; но, узнавъ, что все это пустыя выдумки, пересталъ вѣрить и бояться.

— Откуда же ты знаешь, что это пустыя выдумки и глупости? спросилъ я брата, все еще не опомнившись отъ страха.

— Изъ опыта, отвѣтилъ онъ мнѣ. Знаешь ли ты, что я, боясь смерти, бѣжалъ изъ Шумена?

— Знаю, но безъ подробностей.

— Сейчасъ ты услышишь все подробно.

— И братъ, усѣвшись на мягкой травѣ, сталъ разсказывать слѣдующее:

— Убѣгая изъ Шумена, сказалъ онъ, я поклялся никогда уже не возвращаться туда. Съ такимъ намѣреніемъ сначала я поѣхалъ въ Бѣлградъ, а оттуда—въ Цетинье, гдѣ прожилъ три года. Но и тамъ мнѣ не было покоя. Я всегда думалъ о васъ и боялся, чтобы и вы не пострадали, какъ я. Наконецъ я не въ силахъ былъ больше жить на чужбинѣ и возвратился, но не въ Шуменъ, а поселился въ Драгоевѣ. Тамъ я прожилъ спокойно нѣсколько мѣсяцевъ, но, узнавъ, что васъ преслѣдуетъ мой врагъ (Джамалъ-бей), принужденъ былъ оставить Драгоевъ и, подъ видомъ нищаго, переселиться въ Шуменъ. Идя по дорогѣ въ Шуменъ, я вздумалъ набрать себѣ кизилю, чтобы продать. Я много бродилъ по лѣсу по всѣмъ направленіямъ, но кизилю не могъ найти и случайно попалъ на эту равнину, прекрасный видъ которой привелъ меня въ удивленіе, которое еще болѣе усилилось, когда я увидѣлъ, что на встрѣчу мнѣ идетъ человѣкъ, по одеждѣ котораго видно было, что онъ смиренный пустынникъ. Приблизившись ко мнѣ, онъ скрестилъ руки на груди и остановился. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на него, потому что его дышащее святостью лице, его кроткій взоръ, въ которомъ свѣтилась неземная доброта,—невольно вызывали благоговѣніе къ себѣ.

— Вѣроятно какое-нибудь несчастіе заставило тебя придти въ это пустынное мѣсто? сказалъ онъ мнѣ очень привѣтливо, съ большою кротостію, а на глазахъ его даже навернулись слезы. Я припомнилъ всѣ свои несчастія и со слезами сказалъ ему:

Digitized by Google

— Да, я несчастный человѣкъ.... Но не несчастіе заставило меня придти сюда.

— Я разсказалъ ему все подробно. Выслушавъ съ вниманіемъ мой разсказъ, онъ сказалъ:

— Да, ты несчастливъ, но, если послушаешься моего совѣта, позабудешь всѣ свои несчастія.

— Послѣ этого онъ сообщилъ мнѣ, что мѣсто, гдѣ мы находились, называется „жилищемъ *самодивъ*“ и, увидѣвъ, что я отъ этого извѣстія содрогнулся, онъ увѣрилъ меня, что *самодивъ* нѣтъ, что онѣ не существуютъ. Кромѣ того, онъ посовѣтовалъ мнѣ поселиться съ нимъ. Я послушался его и остался....

— Братъ замолчалъ и задумался. Я не могъ удержаться, чтобъ не спросить его:

— Гдѣ же теперь этотъ пустынникъ?

— Три дня спустя онъ умеръ, сказалъ братъ съ грустью. Я построилъ себѣ хижину и навсегда поселился въ этой равнинѣ. Но и здѣсь я думалъ, что ты, братъ, съ семействомъ, какъ и братъ Волко, не будете въ безопасности, и это никогда не давало мнѣ покоя. Каждую недѣлю почти я бывалъ въ Шуменѣ и тамъ, подъ видомъ нищаго, просилъ милостыню. Много разъ я бывалъ у васъ и вы всегда давали мнѣ щедрую милостыню. Недѣлю тому назадъ я былъ въ Шуменѣ и тамъ, въ одной корчмѣ, узналъ отъ двухъ янычаръ, что Джамалъ-бей хочетъ поджечь вашъ домъ, а васъ убить. Это открытіе заставило меня приготовиться къ вашей защитѣ. Я пошелъ въ Драгоевъ, набралъ десять человѣкъ молодыхъ юнаковъ и съ ихъ помощію спасъ тебя и твоего сына отъ явной и ужасной смерти.....

— Видишь ли, отецъ, кто насъ освободилъ, воскликнулъ Владе съ восторгомъ.

— Твой дядя былъ добръ, точно ангелъ, Владе. Я очень долго просилъ его, чтобы мы поселились въ какой-нибудь деревнѣ, но онъ ни за что не согласился. Мы остались здѣсь и мирно жили въ этой равнинѣ, какъ и прежде.

— Развѣ мы живемъ въ этой самой равнинѣ? спросилъ Владе отца съ удивленіемъ.

— Да, мы живемъ на этой же равнинѣ, которая и понынѣ называется *жилищемъ самодивъ* и, благодаря этому имени, мы жи-

Digitized by Google

вемъ спокойно..... Къ намъ не смѣютъ проникнуть даже свирѣпые *янычары и кирджалiи.*

— Ага! воскликнулъ Владе, теперь я догадываюсь, почему мои товарищи не подходятъ къ нашему жилищу. Суевѣры! они думаютъ, что я живу между *самодивами*!.... Но гдѣ же теперь дядя Иванъ?

— Умеръ! сказалъ Петръ, глубоко вздохнувъ, и по его лицу скатились двѣ крупныя слезы; потомъ, собравшись съ духомъ, онъ продолжалъ—Умеръ, но не естественной смертью.

— А какъ же?

— Однажды онъ вышелъ очень рано и возвратился вечеромъ, израненный, окровавленный..... одна рука была у него отрублена, а другою онъ несъ..... Знаешь кого, Владе?—твою мать, которая также была изранена и окровавлена.....

— Мою мать? вскричалъ Владе и схватилъ себя за голову.

— Твой дядя Иванъ, продолжалъ Петръ, не обращая вниманія на восклицанія Владе—пять минутъ спустя, умеръ, а твоя мать прожила еще цѣлый часъ; но я отъ нея ничего не могъ узнать, такъ какъ она не сказала ни слова.....

— Это ужасно, отецъ, сказалъ Владе, схватываясь за голову. Нашъ родъ, наше семейство, кромѣ дяди Волка, все терпитъ ужасныя страданія.....

— Неизвѣстно, не страдаетъ ли и твой дядя Волко, Владе? Мнѣ кажется, что и онъ очень несчастливъ.

— Почему же онъ не придетъ къ намъ?—Или почему мы не пойдемъ къ нему?

— Онъ можетъ быть, думаетъ, что насъ нѣтъ уже въ живыхъ, подобно тому, какъ и мы не знаемъ, живъ онъ, или нѣтъ.....

Послѣ этихъ словъ Петръ зарыдалъ, и его рыданья, равно какъ и Владе, слышны были на большемъ разстояніи.....

III. Жизнь вмѣсто смерти.

Когда Петръ и Владе неутѣшно плакали по поводу своихъ великихъ несчастій, слезы ихъ были прекращены стукомъ, который раздался со двора. Петръ испуганный вскочилъ съ мѣста, снялъ со стѣны черную маску, надѣлъ ее на себя, и, подавая другую Владе, сказалъ ему:

Digitized by Google

— Скорѣе..... Это что-то необыкновенное..

Послѣ этого онъ подошелъ къ сундуку, вынулъ двѣ длинныя одежды, подалъ одну Владе, а самъ надѣлъ другую. Владе, хотя и не зналъ, что хочетъ дѣлать отецъ, такъ какъ не слышалъ стука со двора, но исполнялъ безпрекословно всѣ его приказанія. Когда они какъ слѣдуетъ принарядились, Петръ подалъ Владе ружье и сказалъ ему:

— Ступай, отвори и, если это добрый человѣкъ, приведи его сюда; если же злой,—не пускай его.

Сильное недоумѣніе выразилось на лицѣ Владе, и онъ готовъ былъ спросить, куда посылаетъ его отецъ. Но въ это самое время вторично послышался сильный стукъ, Владе тотчасъ понялъ все и бѣгомъ выбѣжалъ вонъ. Подойдя къ воротамъ, онъ спросилъ грознымъ голосомъ.

— Кто смѣетъ безпокоить насъ въ такую позднюю пору?

— Несчастный человѣкъ, послышался очень слабый голосъ.

— Несчастный! тихо сказалъ Владе. Чего жъ ты ищешь здѣсь?

— Смерти!

Это слово было такъ грустно произнесено, что Владе не выдержалъ. Его чувствительнымъ сердцемъ овладѣла жалость, и онъ, отставивъ ружье въ сторону, отворилъ ворота.

На порогѣ показался старый человѣкъ съ блѣднымъ и худымъ лицемъ, со впалыми глазами и со всклокоченными волосами. Увидѣвъ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ въ необыкновенномъ костюмѣ, онъ опустился на землю и съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Убей меня! я пришелъ здѣсь умереть!... Пусть твоя мощная рука избавитъ меня отъ горя, которое я не въ силахъ болѣе переносить.

Владе съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого бѣдняка, и крупныя, какъ жемчугъ, слезы текли по его бѣлому лицу, которое закрывала страшная, черная маска. Онъ подошелъ къ старику и, поднимая его, сказалъ:

— Несчастный ты, старикъ! Но я самъ ничего не могу для тебя сдѣлать: здѣсь есть люди постарше меня—идемъ къ нимъ.

— Увы! воскликнулъ несчастный старикъ,—и здѣсь я не найду смерти! повсюду она бѣжитъ отъ меня! Вотъ уже цѣлый часъ прошелъ, какъ я проникъ въ жилище *самодивъ*, и остаюсь невредимъ!...

Digitized by Google

— *Самодивы* не всѣхъ убиваютъ, сказалъ Владе двусмысленно: они даже подаютъ утѣшеніе несчастнымъ!

— Не хочу, не хочу утѣшенія, воскликнулъ старикъ съ отчаяніемъ.—Я хочу смерти... Она будетъ моимъ утѣшеніемъ!

Владе былъ такъ растроганъ, что не могъ вымолвить ни слова. Но чтобы не показать смущенія и жалости, онъ взялъ за руку несчастнаго старика и повелъ его къ отцу.

Когда Владе и несчастный старикъ вошли въ комнату, они никого не нашли въ ней. Пять минутъ спустя отворилась маленькая дверь и показался Петръ; онъ былъ одѣтъ очень необыкновенно: его длинная кожаная одежда тащилась по землѣ, уродливая черная маска была надѣта на передней части лица, на головѣ же былъ надѣтъ длинный мѣдный *колпакъ* (шапка), который придавалъ Петру видъ страшилища. И, дѣйствительно, онъ имѣлъ много сходнаго съ страшилищемъ. Едва онъ вышелъ на середину комнаты, какъ несчастный старикъ, стоявшій до этихъ поръ, какъ вкопанный,—задрожалъ отъ страха. Тотчасъ же опустясь на колѣни, онъ воскликнулъ:

— Убей меня!

Петръ, не обращая на это вниманія, грознымъ голосомъ сказалъ старцу:

— Чего ты ищешь здѣсь?

— Смерти, съ твердостію сказалъ несчастный.

Петръ увидя, что его маскарадный костюмъ тутъ не нуженъ, перешелъ въ кроткій ласковый тонъ:

— У насъ ждетъ тебя не смерть, старикъ,—а ждетъ утѣшеніе. Если ты несчастенъ, разскажи намъ свою печальную повѣсть, и мы, можетъ быть, тебя утѣшимъ.

— Нѣтъ, сказалъ старикъ, вы меня можете утѣшить одною лишь смертью...

— Я уже сказалъ тебѣ, что у насъ не смерть, а утѣшеніе, сказалъ Петръ почти съ гнѣвомъ.

Несчастный старикъ, покачавъ сомнительно головою, сказалъ со слезами:

— Не надѣюсь я.... но можетъ быть.... Мое несчастіе велико..., О! очень велико! Самаго меньшаго изъ моихъ дѣтей сожгли передъ моими глазами.... а двое моихъ сыновей находятся въ рукахъ разбойниковъ.... Разбойники намѣрены сжечь ихъ живыми, если я

Digitized by Google

не отнесу имъ 50,000 піастровъ выкупа... а я не могъ собрать ни одной копѣйки... И вотъ мои несчастныя дѣти....

Старикъ не могъ продолжать, голосъ его замеръ, глаза его наполнились горючими слезами и онъ упалъ безъ чувствъ на руки Владе. Съ помощью кое-какихъ лѣкарствъ, которыя Петръ досталъ изъ маленькаго сундучка, несчастный старикъ скоро очнулся.

— Опять живъ! воскликнулъ онъ. Боже! надо ли мнѣ еще мучиться?

— Утѣшься, несчастный, сказалъ ему Петръ ласковымъ голосомъ,—скажи мнѣ, можешь ли ты выкупить своихъ дѣтей?

— О, вовсе нѣтъ: у меня нѣтъ ни одной копѣйки... а не знаю почему, никто не хочетъ купить ни моихъ виноградниковъ, ни моихъ полей, ни моего дома....

— Откуда ты? съ нѣкоторой тревогой спросилъ его Петръ.

— Теперь живу въ Прѣславѣ, а 23 года тому назадъ, я жилъ въ Шуменѣ съ братьями Иваномъ и Петромъ....

При этихъ словахъ Владе подался назадъ и съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать своего дядю. А Петръ проливалъ обильныя слезы, которыя не были видны подъ черной маской, и чуть было не выдалъ себя крикомъ радости. Но, скрѣпя сердце и пройдясь взадъ и впередъ, онъ опять остановился передъ несчастнымъ старикомъ и спросилъ его:

— Какъ тебя зовутъ?

— Волко, отвѣтилъ старикъ.

И въ самомъ дѣлѣ это былъ несчастный Волко.

Владе протянулъ уже руки, чтобы обнять своего дядю, но Петръ, многозначительно кашлянувъ, далъ понять Владе, что ему слѣдуетъ на время отказаться отъ своего намѣренія.

Петръ подошелъ къ старику и сказалъ ему голосомъ, въ которомъ звучала глубокая симпатія:

— Старикъ, разскажи намъ, что тебя принудило оставить Шуменъ и переселиться въ Прѣславъ.

— Великое несчастіе заставило меня сдѣлать это, сказалъ Волко, силясь удержать свои слезы,—злобная рука сожгла все, что мы имѣли въ этомъ мірѣ.... Безжалостный огонь распространился надъ нашими бѣдными головами и съ ненасытной жадностью поглотилъ все. Страшный пожаръ разлучилъ меня и моего роднаго брата Петра со всѣмъ его семействомъ....

Digitized by Google

Старикъ при этихъ словахъ захлебнулся отъ слезъ, но, немного спустя, оправившись, онъ продолжалъ:

— Послѣ этого ужаснаго и рокового для меня событія, не имѣя денегъ, чтобъ заняться торговлей, я переселился въ Прѣславъ, гдѣ до сихъ поръ мирно проводилъ свои дни. Но и здѣсь жестокая судьба не оставила меня въ покоѣ; она и тутъ коснулась меня своею безжалостною рукою... Она вооружила все и всѣхъ противъ меня... Когда я былъ въ Шуменѣ, съ надеждой на помощь, для выкупа своихъ дѣтей, одинъ великодушный человѣкъ далъ мнѣ больше, чѣмъ я у него просилъ. Но въ то же самое время, когда онъ мнѣ давалъ свою великодушную помощь, явились къ нему трое *янычаръ*, арестовали его и бросили въ тюрьму.... Послѣ того я ходилъ еще въ нѣкоторые села и города, но повсюду мои просьбы и мои горькія слезы были встрѣчены съ вынужденнымъ хладнокровіемъ. Не добившись нигдѣ ничего, я въ большомъ горѣ возвратился въ Прѣславъ, но и здѣсь неумолимая судьба поразила меня новымъ несчастіемъ. Разбойники проникли въ нашъ домъ и убили моего двухлѣтняго ребенка.... И какъ еще убили? они сожгли его на кострѣ!...

— Это ужасно, воскликнулъ Петръ дрожащимъ голосомъ.

— Это новое несчастіе, продолжалъ Волко, принудило меня забрести въ эту пустыню; вѣдь старые люди увѣряютъ, что, кто разъ попадетъ въ это мѣсто, никогда не вернется домой.... здѣсь непремѣнно покончить съ жизнью, и я надѣялся найти здѣсь смерть.... Но увы! *Самодивы* оказываются милостивѣе людей....

— Да, сказалъ Петръ, скрывая волненіе, *самодивы* человѣколюбивы: онѣ тебѣ помогутъ и утѣшатъ тебя.

— Помогутъ онѣ мнѣ! утѣшатъ меня! воскликнулъ Волко съ радостнымъ удивленіемъ.

— Завтра ты увидишь своихъ сыновей освобожденными.

— Возможно ли это?

— *Самодивы* не знаютъ лжи....

— Да, не знаютъ, повторилъ Владе.

— Вѣрю, сказалъ Волко,—но не надѣюсь....

— Надѣйся... ступай и успокой свою жену.

Послѣ этихъ словъ Петръ скрылся чрезъ потайную дверь. То же сдѣлалъ и Владе.

Волко растерялся, увидѣвъ, что его странные собесѣдники

Digitized by Google

мгновенно исчезли. Онъ набожно перекрестился и тихо проговорилъ:—Самодивы мнѣ помогутъ!...

— О, Боже! надѣяться ли мнѣ? Я пришелъ сюда искать смерти, а мнѣ вновь даютъ жизнь.... я снова пріобрѣтаю надежду! и отъ кого? отъ *самодивъ*, которыя могутъ все сдѣлать!...

Съ этими словами Волко вышелъ изъ мнимаго жилища *самодивъ* и повеселѣвшій пошелъ по дорогѣ къ Прѣславу.

Послѣ того, какъ Волко ушелъ, Петръ и Владе вошли въ ту комнату, въ которой сидѣли до прихода Волка. Они сѣли на свои прежнія мѣста, и Петръ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Владе:

— Видишь ли, Владе, что и Волко со всѣмъ своимъ семействомъ терпитъ несчастія?

— И ни откуда нѣтъ помощи! съ горестью сказалъ Владе. Почему же мы не сказали ему, кто мы такіе?

— Потому что, если бы мы ему сказали, онъ не пошелъ бы съ такою радостію. А теперь онъ насъ считаетъ высшими существами, а не обыкновенными смертными, и надѣется на насъ, потому что думаетъ, что мы можемъ все сдѣлать.

— Мы пообѣщали, что мы ему поможемъ, но какъ? Когда у насъ нѣтъ денегъ, чтобы дать ему?...

— Богъ милостивъ, Владе, Онъ тебѣ поможетъ утѣшить твоего дядю Волка. У тебя есть вѣрная и храбрая дружина... Съ нею ты будешь въ состояніи освободить своихъ двоюродныхъ братьевъ.

— Какой ты добрый, батюшка, сказалъ Владе радостнымъ голосомъ. Мои товарищи—юнаки.... Они мнѣ помогутъ освободить ихъ....

— Здѣсь *юначество* не поможетъ, но пособитъ одна хитрость. Время проходитъ... Подойди, я хочу благословить тебя и иди съ Богомъ.... иди освобождать своихъ братьевъ.

Полчаса спустя, Владе съ ружьемъ на плечѣ, съ ножемъ и пистолетами за поясомъ, вышелъ изъ мнимаго жилища *самодивъ*, напѣвая юнацкую пѣсню.

IV. Заговоръ.

Было ясное и пріятное утро. Вѣтеръ былъ перемѣнчивъ: иногда совсѣмъ утихалъ, иногда же дулъ сильнѣе. Птицы съ разныхъ сторонъ распѣвали веселыя пѣсни. Кое-откуда стала слыш-

Digitized by Google

на музыка пастуховъ, блеяніе овецъ и лай пастушьихъ сторожевыхъ собакъ. Божья птичка (веселая *чучулига*) медленно поднималась къ облакамъ, издавая пріятные и какъ-бы заунывные звуки. Своею неподражаемой пѣснью она какъ-будто славила Всеблагаго Творца и, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидала восхода солнца и то скрывалась въ густыхъ облакахъ, то опускалась внизъ, какъ стрѣла и грустно чирикала... ей отвѣчалъ изъ чащи отдаленнаго лѣса гордый соловей своей гармонически-прелестной пѣснью.

Въ это восхитительное утро изъ села Прѣслава вышелъ молодой человѣкъ и шелъ по направленію къ ближайшему лѣсу. Онъ шелъ медленно и на его блѣдномъ лицѣ была начертана глубокая печаль.... Повидимому, кромѣ длинной палки, у него не было никакого другого оружія. Большая черная собака сопровождала его и, чтобы развеселить своего хозяина, бѣгала взадъ и впередъ, сопровождая это веселымъ лаемъ.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Владе (сынъ Петра). Онъ вышелъ, чтобъ собрать свою дружину и, изъ любопытства, зашелъ въ Прѣславъ—узнать, что подѣлываетъ его дядя, Волко. Подходя къ Прѣславу, Владе былъ веселъ, но выходилъ оттуда, какъ мы видѣли, печальнымъ....

Взойдя на ближнюю гору, до которой простираются развалины Прѣслава, Владе пришелъ въ восторгъ отъ пріятнаго зрѣлища. Его глазамъ представилась Прѣславская равнина во всей своей красѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ роскошнымъ лѣсомъ; она была очаровательна. Поверхность ея была покрыта зеленой травой и разнообразными благоухающими цвѣтами. Рѣка Камчія, какъ серебряная змѣя, извивалась по этой равнинѣ и своимъ журчаніемъ какъ-бы вторила тихому сѣверному вѣтру, который подымалъ на ней маленькое волненіе, принимавшее формы маленькихъ бѣло-снѣжныхъ лебедей....

Нѣсколько минутъ спустя, блестящая заря, предвѣщавшая прекрасный день, разверала величественныя ворота востока, изъ которыхъ показалось гордое солнце, какъ-бы увѣнчанное разноцвѣтнымъ блестящимъ вѣнцемъ.... Его появленіе окончательно оживило проснувшуюся природу: птицы стали пѣть громче и веселѣе; пріятные звуки пастушескихъ свирѣлей вторили имъ со всѣхъ сторонъ... Однимъ словомъ все зажило новою жизнью... Роскошная прелесть окружающей природы вызвала у Владе невольныя слезы

Digitized by Google

восторга, который онъ напрасно старался подавить въ себѣ, но, будучи не въ силахъ, далъ имъ волю и громко заплакалъ. И его плачъ вызывалъ къ себѣ полную симпатію. Величественное зрѣлище природы, не возбуждая въ немъ ощущеній радости, напротивъ вызвало слезы и скорбь. Но Владе плакалъ не за себя лично, но за множество несчастныхъ, которые, подъ бременемъ безысходныхъ страданій, даже глазъ поднять не смѣютъ, чтобъ наслаждаться красотами природы.

Такія думы посѣщали Влаце, и онъ плакалъ. Но вдругъ, какъ будто вспомнивъ что-то важное, онъ отеръ свои слезы и сказалъ: вотъ уже цѣлый часъ, какъ я сижу здѣсь, а никто еще не является....

И вотъ онъ сѣлъ подъ деревомъ, взялъ на руки Глока (такъ называлась его черная собака) и задумался:

— Завтра, думалось ему, завтра они будутъ или свободны, или ихъ уже не будетъ въ живыхъ. Не дай Богъ, чтобы случилось послѣднее!... А если случится? Какъ явлюсь я на глаза къ отцу? Онъ можетъ отъ этой вѣсти умереть, и мнѣ тогда и самому придется убить себя...

Такія мысли промелькнули, и онъ поднялъ глаза кверху и сказалъ:

— Боже! за что столько бѣдъ разомъ преслѣдуютъ нашъ родъ? Мой дѣдъ, мой отецъ, мои дяди и двоюродные братья столько страдали и еще и теперь страдаютъ!... Неужели настолько они разгнѣвали Тебя?...

При этихъ словахъ изъ глазъ Владе хлынули обильныя слезы. Можетъ быть, онъ еще продолжалъ бы свои печальные возгласы; но Глокъ, заснувшій на его рукахъ, вдругъ вскочилъ и громко залаялъ. Владе обернулся и на его лицѣ выразилось удивленіе; за нимъ стоялъ старецъ, который, сложивъ руки на груди, внимательно всматривался въ лице Владе. Это былъ Волко.

— Я думалъ, сказалъ онъ Влаце, что несчастливъ одинъ только я, но увы! попадаются и другіе, которые, какъ я, оплакиваютъ свою судьбу!

Владе, хотя узналъ своего дядю, но не хотѣлъ тотчасъ открыться ему, и, привставъ съ мѣста, сказалъ ему грустнымъ голосомъ.—Ахъ, старикъ, могу ли не оплакивать свою судьбу, если....

— Знаю, знаю, сказалъ старикъ, прерывая его:—я слышалъ

Digitized by Google

все, что ты говорилъ теперь... но, юнакъ! ты здѣсь одинъ и не имѣешь при себѣ никакого оружія!

Говоря это, Волко вытащилъ изъ-за пояса длинный ножъ.

— Что ты будешь дѣлать, старикъ, въ недоумѣніи спросилъ его Владе.

— Мы погибнемъ, но погибнемъ, какъ болгары, сказалъ Волко. Возьми, юнакъ, свою палку и приготовься къ защитѣ...

Между тѣмъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и послышались грозные голоса:

— Здѣсь они оба и притомъ одни.

Только теперь узналъ Владе, что его окружили разбойники и, вмѣсто того, чтобы испугаться, онъ вытащилъ изъ-за пояса два пистолета, подалъ одинъ Волку и весело сказалъ ему:

— Ты правду сказалъ, старикъ, что мы умремъ, какъ болгары. Умремъ же!

Выстрѣлами изъ пистолетовъ они уложили двухъ разбойниковъ; но въ эту минуту другіе ихъ товарищи въ восторгѣ крикнули:

— Теперь они наши: они повыстрѣляли свои пули!

Владе и Волко посмотрѣли другъ на друга вопросительно и недоумѣвали, что имъ дѣлать. Спустя минуту, Волко провелъ по лицу рукою и спокойно сказалъ:

— У меня есть ножъ, а у тебя длинная палка, будемъ защищаться, пока не свалимся....

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ съ десятокъ рослыхъ *янычаръ* напали на нихъ съ обнаженными кинжалами.

Владе и Волко защищались мужественно, но что могутъ сдѣлать двое съ десятью вооруженными янычарами? Волко уже плавалъ въ крови, когда Владе увидѣлъ, что трое людей съ окровавленными ножами готовы напасть на него; въ эту самую минуту что-то сверкнуло въ его глазахъ и тѣ, которые держали страшные кинжалы, обезглавленные распростерлись на окровавленной травѣ. Владе очень удивился, увидѣвъ, что предъ нимъ, вмѣсто разбойниковъ, стоятъ нѣсколько душъ изъ его вѣрной и храброй дружины. Всѣ они держали въ рукахъ обнаженные кинжалы, съ которыхъ струилась кровь.

— Помѣтко! воскликнулъ Владе, обнимая одного изъ своей дру-

Digitized by Google

жины, ты меня избавилъ отъ неизбѣжной смерти! Какъ мнѣ благодарить тебя!

— Меня не зачѣмъ благодарить, сказалъ Помѣтко, но благодари свою собаку Глока; потому что, если бы не было ея, ты досихъ поръ былъ бы на томъ свѣтѣ.....

— Глокъ? Не можетъ быть! Какъ только пришелъ ко мнѣ Волко, онъ исчезъ изъ моихъ глазъ.

— Волко! Развѣ онъ былъ съ тобою?

— Ахъ! Боже мой! сказалъ Владе дрожащимъ голосомъ; я и забылъ о немъ... Ради Бога, юнаки, посмотрите, можетъ быть, онъ еще живъ?

Владе, думая, что Волко убитъ, поблѣднѣлъ, и дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ предпочелъ бы, чтобы его самого убили, чѣмъ дядю.

— Ахъ, онъ убитъ, воскликнулъ Владе, увидѣвъ, что въ пяти шагахъ отъ него лежитъ Волко, блѣдный, какъ мертвецъ, весь облитый кровью. Убитъ, убитъ! повторялъ Владе и упалъ безъ чувствъ.

Прійдя въ себя, онъ обвелъ кругомъ себя мутными глазами и, взглянувъ на Помѣтка, слабымъ голосомъ сказалъ ему:

— Помѣтко! живъ ли Волко?

— Живъ, радостно отвѣтилъ Помѣтко:—но онъ теперь такъ слабъ, что ему нужно заснуть спокойно, покрайней мѣрѣ, цѣлый часъ....

— Здѣсь ли онъ, я хочу видѣть его, сказалъ Владе, приподымаясь съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Волко теперь въ Прѣславѣ, Владе, но не бойся: его раны не опасны, какъ твои.....

— Развѣ я раненъ?

— У тебя три раны на груди, но онѣ нисколько не опасны. Я обмылъ ихъ и перевязалъ какъ слѣдуетъ....

— Благодарю тебя, Помѣтко; ты пришелъ во время..... Но, мнѣ кажется, ты мнѣ говорилъ, будто я всѣмъ обязанъ Глоку, и если бы не онъ, то.....

— Я правду тебѣ сказалъ.

— Что же случилось?

— Когда мы спокойно шли къ назначенному мѣсту, вдругъ увидѣли, что на встрѣчу намъ идетъ Глокъ съ окровавленной мор-

Digitized by Google

дой; приблизясь къ намъ, онъ громко залаялъ и опять побѣжалъ сюда. Въ это время раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Пять минутъ спустя раздались еще два выстрѣла, и мы съ удивленіемъ увидѣли, что изъ чащи выходятъ десять душъ съ кинжалами въ рукахъ и направляются къ этому мѣсту..... Я услыхалъ лай Глока и, благодаря Бога, спасъ тебя...

— Моя дружина мнѣ вѣрна, сказалъ Владе, но гдѣ она? я никого не вижу!.....

— Она вотъ въ этой чащѣ, сказалъ Помѣтко, указывая на ближній лѣсъ, я опасался, чтобы тебѣ не сдѣлалось дурно, еслибъ ты увидѣлъ около себя вооруженныхъ людей, поэтому я и отправилъ ее туда.

Владе стоялъ нѣсколько минутъ задумавшись, но вдругъ поблѣднѣлъ, схватилъ руку Помѣтка и протяжно сказалъ ему:

— Ты блѣденъ, Помѣтко! Рука же твоя горитъ огнемъ..... не случилось ли какое-нибудь несчастіе, не раненъ ли, или не убитъ ли кто-нибудь изъ моей дружины?

Помѣтко еще болѣе поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, но вскорѣ оправился и спокойно сказалъ:

— Слава Богу, никто не убитъ....

Видно было, что этотъ разговоръ тяготилъ Помѣтка, и онъ искалъ случая перемѣнить его.

— Смотри, Владе, приближается полдень, сказалъ онъ, показывая на солнце; для насъ не выгодно понапрасну терять драгоцѣнное время; нужно въ эту же ночь освободить сыновей Волка.....

— А я и забылъ, воскликнулъ Владе, ударяя себя по лбу, вся ли моя дружина здѣсь, Помѣтко?

— Здѣсь.

— Никто не отказался?

— Нѣтъ. Каждый, лишь только услышалъ, что сыновья Волка находятся въ рукахъ разбойниковъ, бросилъ свое дѣло, схватилъ ружье и отправился сюда....

— Я и не сомнѣвался въ ихъ добрыхъ сердцахъ. Но какимъ образомъ вы дошли до этого мѣста?..... Не отправятъ ли погоню за нами?

— Не бойся, Владе. Мы одинъ по одному, такъ искусно добрались до этого мѣста, что ни одна живая душа насъ не видала..... Но, Владе, мы опять увлеклись разговоромъ.

Digitized by Google

Ничего не сказалъ больше Владе, отправился къ своимъ товарищамъ и, приблизившись къ нимъ, сказалъ имъ весело:

— *Добръ день, юнаци*!

— *Далъ Богъ добро*, отвѣтили они въ одинъ голосъ; но затѣмъ всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на Владе, который, опустивъ глаза, не могъ удержаться отъ слезъ.

— Не удивляйтесь, что я плачу, сказалъ имъ Владе печальнымъ голосомъ,—и у меня есть сердце, какъ и у васъ, и мое сердце разрывается на части, когда я вижу, что мы нехотя, каждый день проливаемъ кровь.... Теперь мы веселы, но, Богъ знаетъ, завтра сколько изъ насъ лягутъ мертвыми..... О! если бы Богъ помогъ сохранить всѣхъ васъ, пусть убьютъ одного меня!

— Нѣтъ, нѣтъ, мы побѣдимъ, но не умремъ, вскричалъ Помѣтко, вынимая длинный кинжалъ, на которомъ были видны кровавыя пятна, и размахивая имъ въ воздухѣ. Всѣ прочіе юнаки съ большимъ удивленіемъ смотрѣли на Владе, потому что они до сихъ поръ никогда не видали его плачущимъ; они, хотя и были убѣждены, что Владе такой же человѣкъ, какъ и они, но при этомъ были убѣждены, что отецъ его *самодивъ* и что въ самомъ Владе есть что-то волшебное.

При послѣднихъ словахъ Помѣтки, Владе поспѣшно отеръ слезы, посмотрѣлъ на свою дружину и сказалъ ей съ веселымъ лицемъ:

— Знаете ли, юнаки, для чего мы собрались здѣсь?

— Знаемъ, знаемъ, послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Волковыхъ сыновей я очень люблю, сказалъ Владе, глубоко вздохнувъ:—нужно постараться во что-бы ни стало спасти ихъ....

— Дружно нападемъ.....

— Нападеніемъ ничего не сдѣлаемъ... Не нападали ли мы и прежде? а что мы успѣвали? Вмѣсто добра—причиняли зло!

— Что же нужно дѣлать, спросилъ его Помѣтко.

— Я придумалъ, что намъ нужно дѣлать, сказалъ Владе, но здѣсь нужна большая осторожность.

— Мы готовы исполнить все, что ты намъ прикажешь.

— Если удастся эта хитрость, я васъ прошу не проливать ни капли крови....

— Не проливать крови! вскричалъ Помѣтко; пока цѣла у меня вотъ эта правая рука, я не перестану проливать турецкую кровь!

Digitized by Google

При этихъ словахъ лице Помѣтка стало блѣдно, глаза его налились кровью, губы дрожали и, размахивая въ воздухѣ своимъ длиннымъ и широкимъ кинжаломъ, онъ воскликнулъ грознымъ голосомъ:

— Смерть! смерть проклятымъ *янычарамъ*! у меня была единственная сестра.... Она мнѣ была вмѣсто матери, отца, брата... Я берегъ ее, какъ зѣницу ока.... Но проклятые *янычары*, эти дьяволовы дѣти, убили ее передъ моими глазами!..... И Помѣтко громко зарыдалъ.....

— Утѣшься, другъ мой, сказалъ ему Владе, беря его за руку, прошлаго не воротишь....

— Знаю, сказалъ Помѣтко, отнимая руку; знаю, что не воротишь, но я хочу мстить... Кровью отплатить за кровь, а ты... ты мнѣ возражаешь.

— Если ты хочешь, чтобы сыновья Волка пали жертвой твоей мести... Я тебѣ не препятствую, сказалъ Владе, скрестивъ руки.

— Ни за что! воскликнулъ Помѣтко, пряча широкій ножъ и отирая рукавомъ слезы. Скажи теперь, Владе, что нужно дѣлать, чтобы освободить Волковыхъ сыновей, не проливая ни капли крови?

— Послѣ двухъ часовъ нужно намъ быть въ Шуменскомъ балканѣ. Разбойники сегодня ночью должны быть тамъ, потому что, какъ сказалъ мнѣ отецъ, эта гора весьма удобна для разбойниковъ. Я пойду впередъ осмотрѣть мѣсто, а потомъ поведу и васъ.....

— Что же мы будемъ дѣлать тамъ? послышалось нѣсколько голосовъ.

— А вотъ что: всѣ вы, еще засвѣтло, взберетесь на деревья, подъ которыми должны собраться разбойники; а я буду неподалеку и, какъ только наступитъ полночь, вмѣстѣ съ Глокомъ, буду съ вами... Вы должны прицѣлиться въ нихъ изъ ружей и смотрѣть, наблюдая при этомъ совершенную тишину, потому что, если они узнаютъ, все погибло.

— А если насъ замѣтятъ?

— Мнѣ сказалъ отецъ, что тамъ деревья съ очень густыми вѣтвями.... Вы взберетесь повыше, и, я надѣюсь, они васъ не увидятъ, но, какъ только я явлюсь къ нимъ, вы потихоньку спуститесь ниже.

Digitized by Google

Поме́тко вовсе не былъ доволенъ этимъ планомъ и, стиснувъ зубы, сказалъ:

— Посмотримъ еще, придутъ ли они на это именно мѣсто. И знаемъ ли мы, подъ какими деревьями соберутся *янычарскіе гайдуки*, чтобы мы попали именно на нихъ?

— Узнаемъ, Поме́тко, узнаемъ, сказалъ ему Владе, ударяя его по плечу; но если кого-нибудь забираетъ страхъ, пускай тотъ не идетъ...

— Всѣ, всѣ пойдемъ! крикнула Владева дружина.

— Если такъ, — идемъ, потому что время уходитъ... Богъ намъ на помочь!

Съ этими словами Владе и его дружина скрылись въ темной чащѣ.

V. Освобожденіе.

Недалеко отъ деревень Осмара и Тройцы, которыя находятся около Шумена, раскинулся маленькій лѣсъ. Лѣсъ этотъ такъ густъ, что даже смѣлый охотникъ съ вѣрною собакою съ трудомъ рискуетъ проникать въ его темную чащу, но и тогда на немъ едва ли останется цѣлою одежда.

Въ послѣднее время въ этомъ маленькомъ лѣсу открыто было нѣсколько пещеръ, которыя, какъ по всему видно, служили въ прежнее время (можетъ быть, въ счастливыя времена Болгаріи) жилищами для какихъ-то подвижниковъ...

Но въ то время, когда происходятъ событія, описываемыя въ нашей повѣсти, этотъ небольшой лѣсъ имѣлъ совсѣмъ иной видъ: своими безчисленными деревьями онъ покрывалъ теперешнія села Осмаръ и Тройцу и даже половину Шумена, простирался до самаго Прѣслава, гдѣ соединялся съ другими Прѣславскими горами... Въ это время, когда этотъ лѣсъ заслуживалъ названія *балкана*, въ него, кромѣ отважнѣйшихъ *гайдуковъ*, никто не смѣлъ забираться... Тогда еще онъ назывался Шуменскимъ *балканомъ*.

Ночь была тихая и теплая. Звѣзды блестѣли на чистомъ небѣ и какъ-бы улыбались величественной лунѣ, которая только что показалась. Теплый вѣтерокъ колыхалъ многочисленныя деревья Шуменскаго *балкана*, которыхъ листья издавали тихій и убаюкивающій шумъ... Иногда раздавался рѣзкій и противный го-

Digitized by Google

лось лѣсной совы, которая то и дѣло перелетала съ дерева на дерево.

Въ эту пріятную ночь, въ Шуменскомъ *балканѣ*, въ самомъ глухомъ и уединенномъ мѣстѣ горѣлъ костеръ, около котораго лежали болѣе десятка мужчинъ съ рѣзкими чертами лица. Всѣ они были хорошо вооружены и видно было, что это были *хайдуки*... Почти всѣ спали, кромѣ двухъ, которые сидѣли у самаго огня и разговаривали. Эти двое были Эминъ и Омаръ.

Въ двухъ шагахъ отъ нихъ лежали другіе два молодца, у которыхъ руки были связаны назадъ, на ихъ лицахъ отражалась безвыходная скорбь. Это были сыновья Волка—Велико и Стоянъ. Бѣдные, вмѣсто того, чтобы спать, какъ имъ было приказано, они разговаривали, но такъ тихо, что едва могли разслышать другъ друга.

— Что ты задумался, братъ? спросилъ Велико брата Стояна, глядя на него съ большою нѣжностію.

— Думаю о томъ, что уже немного времени осталось намъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

— Развѣ смерть страшна для насъ?

— Нисколько. Смерть для насъ ничто... Но отецъ и мать, когда узнаютъ о нашей злополучной кончинѣ...

Велико понурилъ голову и задумался. Слеза, скатившаяся изъ его глазъ, показывала, что его сердце чувствуетъ большую горесть. Нѣсколько минутъ оставался онъ въ глубокой задумчивости, потомъ, съ тяжелымъ вздохомъ, онъ произнесъ:

— Огромную скорбь ощущаю я, Стоянъ, какъ подумаю, въ какомъ печальномъ положеніи находятся наши домашніе...

— Они не перенесутъ печали...

— Бѣдные!... Сколько слезъ и вздоховъ выпало на ихъ долю!

— Видно, сказалъ Стоянъ, удерживая слезы, что отецъ не могъ собрать ничего, потому что, если бы онъ успѣлъ добыть денегъ, до сихъ поръ явился бы навѣрно...

— Я боюсь, какъ бы его не убили...

— Я не надѣюсь на это, но третьяго дня Эминъ послалъ двухъ человѣкъ въ Прѣславъ... я не могъ узнать, зачѣмъ онъ ихъ послалъ; но слышалъ только, какъ онъ говорилъ имъ: если окажетъ сопротивленіе, убейте его.

— Объ отцѣ ли говорилъ онъ?... Не о другомъ ли комъ?

Digitized by Google

— Дай Богъ, чтобы о другомъ! но не знаю, почему—на этихъ дняхъ я сильно встревоженъ: два раза къ ряду, мнѣ снится одинъ и тотъ же сонъ...

— Все одинъ и тотъ же! какой же?

— Вотъ уже два раза, какъ мнѣ снится, что къ намъ приходитъ молодой человѣкъ, который говоритъ, будто онъ сынъ дяди Петра. Онъ очень похожъ на сына *самодива*—Владе. Какъ только приходитъ онъ къ намъ, вся Эминова дружина трепещетъ отъ страха не смѣетъ пошевельнуться. Онъ говорилъ, что освободитъ насъ...

Это мнѣ приснилось въ первый разъ.—Вчера, когда я уснулъ, приснился мнѣ тотъ же сонъ; но въ этотъ разъ онъ насъ освободилъ и, вмѣстѣ съ отцемъ и матерью, привелъ насъ въ какой-то садъ. Въ этомъ саду мы долго веселились, но какъ только захотѣли встать и выйти изъ сада, вдругъ къ намъ прилетѣли какія-то безобразныя и очень страшныя животныя въ родѣ летучихъ мышей, которыя своими клювами пробили намъ головы. Отецъ и мать, увидѣвши нашу бѣду, свалились мертвыми... я вскрикнулъ... и... проснулся!...

Стоянъ сказалъ съ улыбкою:

— Не хорошій это сонъ, братъ, но не былъ ли это сонъ?—вздоръ! Вотъ изъ чего узнай, что сонъ твой пустяки! Тотъ молодой человѣкъ, который являлся тебѣ во снѣ, не говорилъ ли тебѣ, что онъ сынъ дяди Петра?

— Да, сказалъ Велико, задумавшись.

— Ну вотъ! а ты еще думаешь объ этомъ снѣ! Дядя Петръ и сынъ его уже 18 лѣтъ, какъ умерли...

— Я убѣжденъ, что сны вздоръ, но я чувствую, что съ нами что-то случится.

— Эминъ, хотя онъ большой кровопійца, но все-таки не смѣетъ убить насъ, видно, что-то есть...

— Э, братъ! Да развѣ онъ не человѣкъ? и у него есть совѣсть... Она, можетъ быть, мучитъ его... и...

Стоянъ не могъ больше вымолвить ни слова, такъ какъ замѣтилъ, что Велико поблѣднѣлъ.

— Что съ тобою, братъ? спросилъ онъ.

— Молчи, перебилъ поспѣшно Велико:—молчи и слушай, что говорятъ Эминъ и Омаръ.

Digitized by Google

И, въ самомъ дѣлѣ, Эминъ и Омаръ, которые до этого времени говорили шепотомъ, начали разговаривать громче, такъ что Велико и Стоянъ могли слышать весь ихъ разговоръ.

— Странно, говорилъ Эминъ Омару: мы здѣсь оставили столько вещей, а, возвратясь вечеромъ, не нашли ничего...

— Кромѣ того, сказалъ Омаръ, даже двухъ сторожей, которыхъ оставили здѣсь на стражѣ, мы нашли зарѣзанными.

Эминъ помолчалъ минутъ пять, но потомъ сказалъ:

— Можетъ быть, сюда приходилъ Волко, или другой какой-нибудь отчаянный головорѣзъ и, увидѣвши, что наши сторожа спятъ, зарѣзалъ ихъ и взялъ все, что нашлось здѣсь.

— Можетъ быть, и такъ... Но, Эминъ, мы глупо поступили, не убивши сегодня Велика и Стояна. Ихъ отецъ обѣщалъ еще вчера быть у насъ, чтобы выкупить ихъ; но прошелъ и сегодняшній день, а онъ не явился... Джамалъ-бей, по справедливости, можетъ разгнѣваться за это...

Эминъ посмотрѣлъ на Омара, улыбнулся и сказалъ:

— Можетъ быть, Волко умеръ, когда вы сегодня его ранили и изъ-за этого не приходитъ... Но крайней мѣрѣ, почему не приходитъ Османъ съ товарищами? Три дня уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ они оставили насъ.

— Не схватили ли ихъ и не посадили ли въ тюрьму? сказалъ Омаръ задумавшись.

— Никогда! Джамалъ-бей не допуститъ, чтобы ихъ арестовали. Но, Омаръ, въ самомъ ли ты дѣлѣ увѣренъ, что Волко былъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ?

— Увѣренъ ли? Этотъ кинжалъ, при этомъ Омаръ вытащилъ его, три раза впивался въ его тѣло, и я надѣюсь, что Волко теперь на томъ свѣтѣ...

— Дай Богъ! сказалъ Эминъ весело. Онъ и безъ того скоро долженъ умереть... Но жаль, что мы не взяли ни одной копѣйки за его сыновей.

— Надѣюсь, что ты больше не будешь ихъ держать, отправишь къ предкамъ.

— Да, завтра нужно будетъ отрубить имъ головы. Но, право, Омаръ мнѣ очень жаль этихъ молодыхъ людей и, еслибы Джамалъ-бей не требовалъ, чтобы я немедленно ихъ умертвилъ, я ни-

Digitized by Google

когда не поднялъ бы на нихъ своей руки. Изъ-за чего онъ хочетъ ихъ смерти?... Что они ему сдѣлали?

Омаръ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Эмина и, высокомѣрно улыбнувшись, сказалъ ему:

— Эминъ, стыдно тебѣ жалѣть невѣрныхъ!... Они Богомъ прокляты.. Пусть умираютъ! Богъ избралъ нашу руку, чтобы она посылала въ адъ ихъ нечистыя души...

— Молчи! грозно крикнулъ на него Эминъ. Ты, Омаръ, не знаешь, чего желаетъ Богъ. Развѣ они не созданія Божьи; не вѣрятъ ли и они въ того самаго Бога, въ котораго вѣримъ и мы? Если они не право вѣрятъ, то ихъ покараетъ самъ Богъ... Не наше дѣло чинить приговоръ надъ другими!

— Полегоньку: святымъ станешь! сказалъ Омаръ съ насмѣшкой; до сихъ поръ ты пролилъ столько крови и не думалъ, что *гяуры* Божьи созданія, а теперь надумался!... Или до сихъ поръ ты проливалъ кровь не по своей волѣ?

При этихъ словахъ Омаръ бросилъ лукавый взглядъ на Эмина и улыбнулся. Онъ желалъ узнать, что думаетъ Эминъ, чтобы потомъ легче исполнить свой планъ. А планъ его состоялъ въ томъ, чтобы найти какую-нибудь вину противъ Эмина и оклеветать его передъ товарищами, которые, безъ сомнѣнія, умертвятъ Эмина, и онъ можетъ сдѣлаться ихъ начальникомъ. На это онъ имѣлъ разрѣшеніе и отъ самого Джамалъ-бея. Но Эминъ догадался, что замышляетъ Омаръ и, опустивши голову, ничего не отвѣтилъ ему.

— Не думаешь-ли о томъ свѣтѣ? спросилъ его Омаръ снова.

— Знаю, почему ты меня оскорбляешь, Омаръ, сказалъ Эминъ кротко; но знай, что я не боюсь твоихъ козней... дѣлай, что тебѣ угодно.

— Прости, Эминъ, если я тебя оскорбилъ. Я не желалъ этого дѣлать; но, выказывая сожалѣніе къ гяурамъ, ты какъ-будто самъ хочешь, чтобы я тебя ненавидѣлъ и желалъ тебѣ зла...

— Ты хочешь, чтобы я не жалѣлъ бѣдныхъ гяуровъ. Но вспомни, Омаръ, и подумай, что мы дѣлаемъ... Втеченіе десяти лѣтъ, сколько людей мы убили, сколькихъ заставили проливать слезы, сколько горя причинили несчастнымъ семьямъ!... Мы смотрѣли, какъ убиваютъ матерей и отцовъ предъ глазами ихъ дѣтей, и никогда не трогались этимъ!... И изъ-за чего мы дѣлаемъ все это?

Digitized by Google

Изъ-за денегъ, что-ли? Нѣтъ; только изъ-за нелѣпой славы!... и отъ кого она намъ достается? Отъ такихъ же, какъ мы, героевъ! Развѣ для этого мы родились? Для этого мы носимъ человѣческое имя?...

Эминъ не могъ удержаться отъ слезъ: онъ не былъ способенъ быть *гайдукомъ*, и только случайно попалъ на эту дорогу. Родителей имѣлъ онъ христіанъ и до 25-лѣтняго возраста крѣпко держался отеческой вѣры; но когда *янычары* убили его отца и мать, они взяли его съ собою, и онъ, безсильный отстоять себя, какъ христіанина, отуречился и сдѣлался злѣйшимъ гонителемъ христіанъ. Теперь мысль, что Омаръ ищетъ повода убить его и что это можетъ случиться даже на другой день, пробудила въ немъ уснувшую совѣсть, сильно терзала его и даже заставила пролить слезы.

Омаръ, хотя былъ человѣкъ жестокосердый, отъ этихъ словъ Эмина разчувствовался и даже чуть не прослезился; но закоренѣлая ненависть къ *гяурамъ* взяла въ немъ верхъ, и онъ со злобою произнесъ.

— Нѣтъ, Эминъ, *гяуры* не должны благоденствовать: они наши рабы, и мы, по своему усмотрѣнію, имѣемъ право поступать съ ними. Ты невѣрно судишь...

— Вовсе я не сужу невѣрно, но говорю лишь то, что чувствую. Сердце мое разрывается на части, когда я подумаю, сколько зла мы сдѣлали и сколько дѣлаемъ теперь... Знаешь ли, Омаръ, зачѣмъ Османъ съ товарищами отправился въ Прѣславъ?

— Они рѣшились на ужасное дѣло: они убьютъ жену Волка и его послѣдняго маленькаго ребенка!... И до сихъ поръ, можетъ быть, они кончили уже это ужасное дѣло!...

При этихъ словахъ Велико и Стоянъ, слышавшіе весь разговоръ, затрепетали, поблѣднѣли и на ихъ глаза навернулись слезы. А Эминъ и Омаръ, не зная, что ихъ подслушиваютъ, продолжали:

— Такъ имъ и нужно! воскликнулъ Омаръ со звѣрской злобой,—такъ угодно Джамалъ-бею.

— Да, такъ угодно Джамалъ-бею, но онъ не человѣкъ..... Онъ звѣрь, сказалъ Эминъ съ гнѣвомъ.

— Эминъ! подумай, что ты говоришь!..... Смотри чтобы впослѣдствіи не раскаяваться?.....

Digitized by Google

Эминъ невольно встрепенулся. Приложивъ руку ко лбу, онъ подумалъ немного и сказалъ:

— Теперь вижу, Омаръ, что ты вѣренъ Джамалъ-бею. Я притворялся, что жалѣю *гяуровъ*, съ одною лишь цѣлью испытать тебя.... Теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.... Знаешь ли чего Джамалъ-бей непремѣнно ждетъ отъ насъ?

Омаръ подозрительно взглянулъ на Эмина и, презрительно улыбнувшись, сказалъ:

— Не знаю.

— Онъ хочетъ, во что-бы то ни стало, схватить того удивительнаго юнака. Я надѣялся вчера на тебя, но ты....

Омаръ покраснѣлъ, но тѣмъ не менѣе съ гордостію сказалъ:

— Ты смѣешься надъ тѣмъ, что я вчера противъ этого проклятаго парня отправился съ 10 человѣками, а возвратился одинъ!.... Смѣйся, Эминъ, сколько тебѣ угодно: знай, что, если бы былъ и ты, навѣрно бы бѣжалъ.

Эминъ привсталъ и сталъ прислушиваться.

— Что ты слушаешь, Эминъ? спросилъ Омаръ удивленно.

— Послышался мнѣ человѣческій голосъ, сказалъ Эминъ, усаживаясь.

Но не успѣлъ онъ сѣсть, какъ послышался шорохъ и передъ нимъ какъ изъ земли выросъ рослый мужчина.

— Османъ! вскрикнули въ одинъ голосъ Эминъ и Омаръ, вставая.

И, въ самомъ дѣлѣ, это былъ Османъ, котораго Эминъ отправилъ въ Прѣславъ убить жену и дочь Волка.

— Гдѣ твой товарищъ? спросилъ Эминъ.

— Его нѣтъ въ живыхъ: Волко убилъ его.

— Я былъ увѣренъ, что это случится, съ гнѣвомъ сказалъ Эминъ, а ты, Османъ, гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

— Я былъ раненъ и до сихъ поръ скрывался въ одной цыганской хижинѣ.

— Не знаешь ли ты, живъ ли Волко?

— Ничего не знаю; знаю только, что Волко, убивъ моего товарища, шелъ изъ дому и, Богъ знаетъ куда, исчезъ.

— Вѣроятно, онъ пошелъ искать того юнака, сказалъ Омаръ, чтобы напасть на насъ и силою отнять своихъ сыновей.

Digitized by Google

— Куда бы онъ ни пошелъ, воскликнулъ Османъ, но мы должны быть осторожны.

— Должны быть осторожны! отчего? съ безпокойствомъ спросилъ Эминъ.

— Потому что въ 50 шагахъ отсюда на встрѣчу мнѣ попалась большая собака и бросилась на меня. Я хотѣлъ обороняться, но не успѣлъ оглядѣться, какъ чѣмъ-то тяжелымъ ударили меня по головѣ, и я упалъ, какъ мертвый. Когда пришелъ въ себя, кругомъ все было тихо.....

Въ эту самую минуту послышался лай собаки.... Эминъ и Омаръ разбудили свою дружину, которая, проснувшись, осмотрѣла свое оружіе; между тѣмъ собачій лай раздался громче и ближе, и предъ глазами дружины Эмина показалась большая черная собака, махавшая хвостомъ и громко лаявшая.

— Это та же самая собака, которая бросалась на меня, воскликнулъ Османъ.

— Ба! сказалъ Эминъ съ безпокойствомъ; эта собака, кажется, насъ узнаетъ.

— У нея, должно быть, есть *юнакъ*-хозяинъ, сказалъ Омаръ, вторично осматривая свое ружье.

— Да, онъ—*юнакъ*, послышался за нимъ увѣренный звучный голосъ.

Эминъ и Омаръ вздрогнули. Они очень удивились, увидѣвъ, что передъ ними стоитъ молодой крестьянинъ, который съ дерзостію на нихъ смотритъ.

— Ты ужъ очень *по-юнацки* глядишь на насъ, сказалъ Эминъ, приблизившись къ нему, не желаешь ли ты напугать насъ?

— Я вамъ повторяю, что *я—юнакъ* и вовсе не пришелъ пугать васъ, а только поговорить съ вами.

Сказавъ это, молодой крестьянинъ—это былъ Владе,—засмѣялся и сѣлъ около огня.

— Торжествуй, Эминъ, шепталъ Омаръ Эмину, это тотъ проклятый *юнакъ*.

— Узнаешь ли ты его?

Эминъ сдѣлалъ головой знакъ, что узнаетъ его и, усѣвшись около Владе, спросилъ его:

— Развѣ ты не боишься ходить ночью по этимъ страшнымъ мѣстамъ?

Digitized by Google

— А вы не боитесь?

— Насъ много, а ты одинъ.

— А это что, сказалъ Владе, показывая на длинную палку.

Эминъ взялъ его палку, положилъ ее на огонь и насмѣшливо сказалъ ему:

— А ну—ка! взгляни, какъ славно горитъ твоя палка!

И въ самомъ дѣлѣ, палка Владе, отлично высохшая, тотчасъ загорѣлась сильнымъ пламенемъ.

— А ну—ка! взгляните теперь вы, какіе фрукты даютъ вотъ эти деревья! воскликнулъ Владе, показывая вверхъ.

Разбойники, поднявши глаза кверху, оцѣпенѣли отъ ужаса. На каждомъ деревѣ сидѣли два-три человѣка съ ружьями, направленными на нихъ.—Это были товарищи Владе.

Владе, увидѣвъ, что разбойники очень испуганы, приблизился къ Эмину и, схвативъ его за руку, дружелюбнымъ тономъ сказалъ ему:

— Не бойся! мы не жаждемъ вашей крови.... Мы васъ оставимъ въ покоѣ, если вы послушаетесь насъ, если же нѣтъ....

— Чего ты хочешь отъ насъ? сказалъ Эминъ дрожащимъ голосомъ.

— Выдайте свое оружіе и удалитесь.

Омаръ, стоявшій позади Владе, протянулъ руку, чтобы ударить его кинжаломъ, но, въ ту же самую минуту, Помѣтко спрыгнулъ съ дерева наземь, и голова Омара покатилась къ ногамъ Эмина.

За Помѣткомъ всѣ другіе товарищи Владе поспрыгивали внизъ и обнажили свои острые кинжалы.

Эминъ вздрогнулъ, увидѣвши, что товарищи Владе въ пылу боя готовы произвесть кровопролитіе. Посмотрѣвъ на Владе умоляющимъ взглядомъ, онъ сказалъ ему:

— Ты говорилъ, что вы не жаждете крови?

Владе взглянулъ на своихъ товарищей и невольно поблѣднѣлъ. Всѣ они приготовились къ рукопашной; но его блѣдность еще болѣе увеличилась, когда онъ увидѣлъ, что и разбойники приготовляются къ защитѣ.

— Не надо крови! воскликнулъ онъ, обращаясь къ товарищамъ.

Но Помѣтко, не обращая вниманія на слова Владе, громовымъ голосомъ крикнулъ:—Ни съ мѣста! и поднялъ свой широ-

Digitized by Google

кій кинжалъ надъ Османомъ, который также держалъ свой кинжалъ въ рукѣ, но, увидѣвъ, что оружіе Помѣтки прямо направлено въ него, выпустилъ свое изъ рукъ.

— Ни съ мѣста! закричали товарищи Владе, сверкая оружіемъ.

Разбойники, начавшіе было приходить въ себя отъ страха, какъ бы замерли на своихъ мѣстахъ. Они не могли вымолвить ни слова... и только смотрѣли умоляющими взорами на дружину Владе.

— Чего вы хотите отъ насъ? въ отчаяніи вскрикнулъ Эминъ, приближаясь къ Помѣтку; при этомъ на его глазахъ показались слезы.

— Вы слышали отъ нашего начальника, чего мы хотимъ, поэтому не нужно повторять, сказалъ Помѣтко быстро и гнѣвно.

Эминъ и остальные разбойники бросили оружіе, и одинъ за другимъ удалились.

Часъ спустя по дорогѣ къ Прѣславу слышны были звуки нѣсколькихъ *гайдъ*, *каваловъ* и свирѣлей; слышны были радостныя восклицанія и пѣсни.....

Это шла дружина Владе, съ великою радостью провожавшая Велика и Стояна въ Прѣславъ.

VI. Джамалъ-бей.

Въ Шуменѣ въ нижней *магалъ* (части), близъ крѣпости, гдѣ теперь возвышаются нѣсколько высокихъ старыхъ тополей, въ то время стоялъ не особенно большой домъ, принадлежавшій Джамалъ-бею (начальнику Шуменскихъ *янычаръ*). Въ одну ночь, часовъ около 12, завывалъ сильный вѣтеръ; громъ дѣлалъ сильные раскаты; молнія каждую минуту освѣщала позолоченные верхи Шуменскихъ минаретовъ, и дождь лилъ какъ изъ ведра.....

Въ эту ненастную пору Джамалъ-бей сидѣлъ одинъ въ темной комнатѣ и смотрѣлъ во дворъ черезъ маленькое окошечко. Хотя онъ не могъ ничего видѣть, при той грозной тьмѣ, которая покрыла всѣ Шуменскія окрестности, и хотя сильный громъ и ослѣпительная молнія наводили на него немалый страхъ; но онъ все-таки внимательно всматривался по направленію къ близъ лежащему лѣсу (который теперь называется *Ильчевъ баиръ*). Часто онъ посматривалъ на свои часы, и на его лицѣ изображались и гнѣвъ, и нетерпѣніе, какъ будто онъ кого-то ожидалъ.

Digitized by Google

— Вотъ, прошелъ ужъ и двѣнадцатый часъ, а никто не является! произнесъ онъ съ гнѣвомъ, вставая и расхаживая по комнатѣ.

Въ это время послышались два сильные удара въ дверь.

Джамалъ-бей нѣсколько струхнулъ, но, осмотрѣвъ свое длинное ружье, которое висѣло на стѣнѣ, успокоился и сердито спросилъ:

— Кто тамъ стучится?

— Это я, эфенди, послышалось въ отвѣтъ густымъ басомъ.

— Дрипля, сказалъ про себя Джамалъ-бей и отворилъ маленькую дверь, которую никакъ нельзя было замѣтить сразу.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, который по справедливости заслуживалъ названія *Дрипли* (оборвыша), потому что на плечахъ его были только одни рубища.

Дрипля былъ болгаринъ и назывался Коста. Еще когда ему было 15 лѣтъ, онъ очень не ладилъ съ молодыми *янычарами*, а болѣе всего съ сыномъ Джамалъ-бея—Аліемъ. Однажды, въ разгарѣ зимы, Али встрѣтилъ Косту и хотѣлъ столкнуть его въ снѣгъ, чтобы при этомъ измѣрить его ростъ, но Коста вышелъ истымъ *юнакомъ* и, толкнувъ Алія въ снѣгъ, навалилъ на него сверху порядочную снѣжную кучу. Сдѣлавъ это, изполучный Коста, вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, сталъ смѣяться и кричать своимъ товарищамъ, чтобы они посмотрѣли, что онъ сдѣлалъ съ Аліемъ.

Пока это происходило, пришли двое взрослыхъ *янычаръ*, схватили его и отвели къ Джамалъ-бею, который распорядился тотчасъ же его повѣсить; приказаніе Джамалъ-бея должно было исполниться передъ его глазами тотчасъ же. Коста былъ на краю гроба; но въ то время, когда ему накинули веревку на шею и намѣревались выдернуть изъ-подъ ногъ большой пень, на которомъ онъ стоялъ,—Али (сынъ Джамалъ-бея) упалъ на колѣни передъ отцомъ и грустнымъ голосомъ воскликнулъ:

— *Баба*! (отецъ) подари мнѣ этого *гяура*..... Онъ будетъ моимъ *кюлё* (рабомъ), если же ты не подаришь его мнѣ, гляди—я убью самого себя.... И Али приставилъ ножъ (*ханджаръ*) къ своей груди.

Джамалъ-бей принялъ милостиво просьбу сына и велѣлъ освободить Косту.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ Коста (у котораго не было ни отца, ни матери) оставался въ домѣ Джамалъ-бея, подъ именемъ Дрипли, потому что ему всегда давали надѣвать поношенное платье.

Войдя въ комнату, Дрипля (будемъ и мы называть его такъ) низко поклонился Джамалъ-бею и поцѣловалъ полу его одежды.

— Нашелъ ли ты ихъ? спросилъ гнѣвно Джамалъ-бей.

Дрипля опустилъ голову и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Нѣтъ, эфенди.

— Нѣтъ? А до какого мѣста ты ходилъ искать ихъ?

— До самой Варны... но ихъ нигдѣ нѣтъ... я обошелъ всѣ села, горы и холмы, но все напрасно...

Джамалъ-бей нахмурился, прошелся взадъ и впередъ и, остановившись передъ Дриплей, который трясся, какъ листъ, сказалъ ему:

— Дрипля! Если Эминъ вернется безъ моей жены и безъ той проклятой *гяурки*-Цети,—знай, что ты поплатишься. Ты зналъ, что они втайнѣ держатся христіанской вѣры... ты зналъ, что они имѣютъ намѣреніе бѣжать... а мнѣ ничего не сказалъ...

— Эфенди! Я ничего не знаю.

— Молчи, проклятый! прикрикнулъ на него Джамалъ-бей; я знаю все... ты помогалъ ихъ бѣгству... Но, не бойся, и ты натерпишься немало... Ступай, принеси мнѣ свѣчку!

Говоря это, Джамалъ-бей нанесъ Дриплѣ довольно сильный ударъ.

— Я не виноватъ, эфенди; за что ты меня бьешь, произнесъ со слезами Дрипля и вышелъ вонъ...

Когда онъ принесъ свѣчку, Джамалъ-бей вытащилъ изъ сундука маленькую икону Богородицы и, подойдя къ Дриплѣ, сказалъ ему насмѣшливымъ тономъ:

— Вотъ, посмотри, Дрипля, не узнаешь ли ты, что это такое?

Дрипля съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на икону, и спокойно сказалъ твердымъ голосомъ:

— Это, эфенди, образъ Божіей Матери.

— А знаешь ли, гдѣ я ее добылъ?

— Можетъ быть, ты отнялъ ее у какого-нибудь христіанина.

— Если бы я отнялъ ее у христіанина, радовался бы, сказалъ Джамалъ-бей, тяжело вздыхая; но я нашелъ ее въ сундукѣ Алія!

Дрипля разинулъ ротъ отъ удивленія.

Digitized by Google

— Кромѣ того, продолжалъ Джамалъ-бей, я нашелъ въ сундукѣ Аліевой матери маленькій позолоченный крестъ!.... И ты, проклятый гяуринъ, еще удивляешься?

— Удивляюсь, потому что не могу понять, какъ можно, чтобы въ мусульманскомъ домѣ были христіанскія иконы!....

— Вонъ! сейчасъ вонъ! закричалъ Джамалъ-бей и бросился, чтобъ избить Дриплю, но Дрипля былъ уже на дворѣ.

— Ишь, проклятая собака, ворчалъ Джамалъ-бей, становясь около окошка и выглядывая во дворъ, хочетъ передо мною хитрить..... Но подожди, я поразспрошу тебя!....

Въ это время блеснула яркая молнія и освѣтила *Ильчевъ баиръ*. Джамалъ-бей, который глазъ не спускалъ съ этого холма, увидѣлъ, что съ него спускается мужчина.

— Идетъ! радостно воскликнулъ онъ и сталъ прохаживаться; идетъ сюда. Почему это? Не случилось ли чего-нибудь? Но кто же посмѣетъ?.....

Послѣ этого онъ отворилъ маленькую дверь и крикнулъ:

— Дрипля! Дрипля!

На порогѣ показался Дрипля.

— Если кто-нибудь постучитъ въ ворота, сказалъ ему Джамалъ-бей повелительнымъ тономъ, отвори и проводи его сюда.... слышалъ?

— Слушаю ... И Дрипля вышелъ.

Полчаса спустя къ Джамалъ-бею вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ былъ совершенно измокшій и настолько блѣденъ, что Джамалъ-бей, увидѣвши его, подался въ сторону и вскрикнулъ:

— Что это съ тобою, Эминъ, ты блѣденъ, какъ мертвецъ!....

— Несчастье, эфенди, сказалъ Эминъ (это былъ онъ) дрожащимъ голосомъ.

— Несчастье? крикнулъ Джамалъ-бей; что? не убили ли моего сына?

— Нѣтъ, эфенди, нѣтъ! Мы выпустили изъ рукъ сыновей Волка.

— Выпустили изъ рукъ? гнѣвно закричалъ Джамалъ-бей,— какъ-же такъ.

— Проклятый *юнакъ*.... Онъ все испортилъ.

— Опять?

— Да.

— Развѣ вы не могли схватить его?

Digitized by Google

— Онъ такъ хитро обдѣлываетъ свои дѣла, что, пока мы догадаемся, онъ устроитъ все, что ему угодно.....

— Стыдись, Эминъ, стыдись! Когда ты боишься одного *гяурскаго юнака*.... чего остается ждать отъ другихъ?... Послалъ ли ты, какъ я тебѣ приказалъ, Омара схватить его?

— Послалъ, Эфенди; но Омаръ возвратился одинъ..... Пятнадцать человѣкъ я послалъ съ нимъ; но тотъ *гяуръ* перебилъ всѣхъ и только Омаръ спасся...

— И то не надолго.....

— Что ты говоришь, что? спросилъ его Джамалъ-бей, прерывая его; Омаръ спасся не надолго?

— Такъ, эфенди: Омаръ теперь на томъ свѣтѣ.

— Омаръ! вскрикнулъ Джамалъ-бей и едва не упалъ безъ чувствъ, но Эминъ поддержалъ его.

Оправившись, Джамалъ-бей спросилъ Эмина:

— Дѣйствительно-ли, Эминъ, Омаръ убитъ?

— Несомнѣнно, эфенди, я самъ видѣлъ, какъ скатилась его голова.

— Какъ же это случилось.... И кто его убилъ?

Эминъ разсказалъ ему всѣ подробности.

Джамалъ-бей, слушая Эмина со вниманіемъ, схватился за голову, пробормоталъ коротенькую молитву и сказалъ:

— Ахъ! Эминъ, знаешь ли ты, что Омаръ—мой сынъ?

Эминъ сдѣлалъ удивленные глаза и ничего не сказалъ.

— Ты удивляешься, Эминъ, но это такъ на самомъ дѣлѣ; Омаръ былъ самый любимый изъ моихъ сыновей, но это я скрывалъ отъ всѣхъ, даже отъ самого Омара.

— Я тутъ рѣшительно ничего не понимаю, проговорилъ удивленный Эминъ.

— И никогда не поймешь..... Это—моя тайна, и я унесу ее съ собой въ могилу.

Произнеся это, Джамалъ-бей, который до тѣхъ поръ былъ печаленъ, вдругъ принялъ грозный видъ и сказалъ съ гнѣвомъ:

— Эминъ, я ожидалъ отъ тебя радости, а не скорби..... Не заодно ли ты съ моимъ сыномъ Аліемъ.... Ужъ не христіанинъ ли и ты?....

— Сохрани Богъ! сказалъ Эминъ, поглаживая свою маленькую, черную бородку.

Digitized by Google

— И мой сынъ такъ говорилъ....

— Развѣ Али измѣнилъ своей вѣрѣ?

— Если бы онъ не измѣнилъ ей, то не бѣжалъ бы съ той проклятой *гяуркой* Петей и съ своею матерью..... Вотъ, что я нашелъ въ его сундукѣ!

И Джамалъ-бей показалъ маленькую икону, которую незадолго предъ тѣмъ показывалъ Дриплѣ.

Эминъ отшатнулся назадъ и смотрѣлъ на икону обезумѣвшими глазами.

— Это невѣроятно, эфенди, этого не можетъ быть, сказалъ онъ шепотомъ.

— И я тоже не надѣялся, сказалъ Джамалъ-бей, но.... такъ вышло. Я думаю, что кто-нибудь изъ моихъ дворовыхъ помогъ имъ бѣжать, потому что иначе они никогда не могли бы устроить побѣга.

— Кто-нибудь изъ твоихъ людей? Кто же этотъ беззаконникъ?

— Кто? разумѣется, или дворникъ, или.... ты!

Такого обвиненія Эминъ не ожидалъ. Онъ схватился за голову и нѣсколько минутъ простоялъ, не говоря ни слова. Затѣмъ: приблизившись къ Джамалъ-бею, онъ сказалъ ему почти со слезами,

— Эфенди! Я не думалъ, что ты можешь считать меня такимъ безчестнымъ... Такъ-ли отплачиваешь ты мнѣ за то, что я свято исполнилъ твои приказанія... Развѣ хоть разъ я изивнялъ тебѣ?

— Слушай, Эминъ, я тебѣ не говорилъ, что ты мнѣ измѣнилъ, но только высказалъ подозрѣніе... Ты же не долженъ тотчасъ обижаться. Развѣ ты не знаешь, въ какомъ положеніи я теперь? Омара убили, сыновья Волка спаслись бѣгствомъ!..

— Не предавайтесь безполезной скорби, эфенди, Алія мы найдемъ, а того проклятаго юнака, который былъ причиной смерти Омара, поймаемъ и отплатимъ ему....

Глаза Джамалъ-бея сверкнули злобой. Онъ нахмурился и воскликнулъ:

— Мести! скорѣе мести! О! скрипя зубами, добавилъ онъ: я все забуду, забуду и Алія, и Омара, буду лишь стараться отомстить.... Но мое мщеніе будетъ ужасно! Этотъ проклятый *юнакъ* узнаетъ, что я бей, Джамалъ-бей, но мой гнѣвъ не удовлетворится только этимъ? онъ разразится и надъ головой Волка....

— Эфенди!....

Digitized by Google

Эминъ больше не могъ говорить; онъ задрожалъ и поблѣднѣлъ.

— Что такое, Эминъ?

— Посмотри!

И Эминъ указалъ на окошко.

Джамалъ-бей обернулся, и, не видя ничего, улыбнулся и сказалъ Эмину:

— Не будь трусливъ, какъ баба, Эминъ! ты поблѣднѣлъ и дрожишь.... Не испугался ли ты моихъ словъ?

— Я поблѣднѣлъ и дрожу, сказалъ Эминъ съ достоинствомъ,—не отъ страха, а отъ гнѣва... Въ этомъ проклятомъ Шуменѣ находятся еще дерзкіе люди, которые задаютъ намъ страху....

— Устрашать насъ? крикнулъ Джамалъ-бей, презрительно улыбаясь.... Кто смѣетъ?

— Не знаю кто, но сегодня случайно узналъ все; а то, что видѣлъ теперь, подтверждаетъ мои наблюденія.

— Что ты узналъ сегодня и что ты увидѣлъ сейчасъ? спросилъ съ безпокойствомъ Джамалъ-бей.

— Сегодня утромъ, сказалъ Эминъ, я оставилъ своихъ товарищей на Прѣславской горѣ и направился сюда. Дорогой слышу: сзади разговоръ; оборачиваюсь, и что же вижу?—за мною идутъ двое изъ дружины Караманъ-бея и разговариваютъ. Какъ только увидѣли они меня, остановились и стали разспрашивать: не Джамалъ-беевъ ли я. Я подумалъ, что здѣсь кроется какой-нибудь обманъ и употребилъ хитрость: обнажилъ свою голову, началъ бить себя въ грудь и, притворившись будто плачу, сказалъ имъ:

— Ахъ! этотъ Джамалъ-бей, онъ вынулъ изъ меня душу.... Но, если не я, то Богъ отомститъ ему....

— Подойдя ко мнѣ, они стали утѣшать меня, говоря, что Джамалъ-бей вскорѣ лишится своей должности и можетъ даже лишиться головы, потому, что его скверные поступки невыносимы. Я разспросилъ ихъ съ той и съ другой стороны, и узналъ, что Караманъ-бей пожаловался Силистрійскому пашѣ, а паша далъ знать въ Константинополь. Отдуда отвѣтили, что, если Караманъ-бей убѣдится своими глазами въ твоихъ злодѣйствахъ и сообщитъ о нихъ—то тебя накажутъ.... Эминъ умолкъ и ожидалъ, что Джамалъ-бей станетъ сердиться и бранить Караманъ-бея, но, къ его удивленію, Джамалъ-бей громко засмѣялся и сказалъ:

Digitized by Google

— Только это ты хотѣлъ сказать?.... глупый ты, Эминъ, глупый! Ты думаешь, что я боюсь подобныхъ угрозъ!... Скажи ты мнѣ лучше, что ты видѣлъ теперь,—не опасность ли какая-нибудь грозитъ намъ?

Эминъ покраснѣлъ и сказалъ:

— Не знаю: опасность ли это, но.... я видѣлъ, что двое вооруженныхъ людей смотрѣли въ окошко.

— Не можетъ быть, сказалъ Джамалъ-бей, немного подумавъ, —тебѣ такъ показалось, Эминъ!.... почему я ихъ не могъ видѣть?

— Потому что, какъ только я показался, они скрылись.

Въ это время на дворѣ послышался выстрѣлъ.

Джамалъ-бей вздрогнулъ и схватилъ ружье со стѣны; а Эминъ обнажилъ свой широкій кинжалъ.

Они намѣревались выйти во дворъ, но Дрипля вошелъ и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ выгналъ двухъ *гайдуковъ*, подаривъ одному изъ нихъ пулю въ 6 драмовъ (драмъ—$^1/_{400}$ часть фунта).

Джамалъ-бей и Эминъ посмотрѣли другъ на друга и засмѣялись.

— *Аферимъ*! *аферимъ*! (браво! браво!) сказалъ ему Джамалъ-бей, ударяя его по плечу, я тебя награжу.... ступай теперь во дворъ и смотри, чтобы не пришли другіе.

Это было большою честію для Дрипли, онъ низко поклонился и вышелъ: говоря самому себѣ:—Джамалъ-бей потрепалъ меня по плечу и сказалъ, что наградитъ! можетъ быть, онъ дастъ мнѣ какую-нибудь должность, и съ этими словами Дрипля сѣлъ на дворѣ, вытащилъ изъ-за пояса свирѣль и началъ весело наигрывать. Увы! онъ никакъ не думалъ, что полчаса спустя будетъ уже мертвымъ.

Джамалъ-бей задумался на нѣсколько минутъ, затѣмъ сѣлъ возлѣ окошка и сказалъ Эмину:

— Въ самомъ дѣлѣ, Эминъ, ты видѣлъ какихъ-то людей; но кто бы это послалъ ихъ искать меня и для чего?

— Я думаю, что они посланы Караманъ-беемъ.... Вѣдь весь Шуменъ знаетъ, что ты хочешь погубить все семейство Волка....

— Бѣдный Караманъ-бей! Онъ хочетъ остановить меня, чтобы я не могъ отомстить Волку.... Онъ незнаетъ, что на это у меня есть важныя причины....

Digitized by Google

— Напротивъ, сказалъ Эминъ, прерывая его рѣчь. Весь Шуменъ увѣряетъ, что ты изъ-за одной лишь злобы и кровожадности хочешь погубить Волка.

— И ты смѣешь это говорить!

— Не я одинъ—всѣ! Я знаю только, что безъ причины ты ничего не дѣлаешь, но столько людей говорятъ противное....

— Вижу, Эминъ, сказалъ Джамалъ-бей, вздыхая, что и ты во мнѣ сомнѣваешься, но это меня не удивляетъ. Ты никогда отъ меня ничего не слышалъ и ничего не знаешь. Хотя ты мой зять, но я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія сообщать тебѣ никакой тайны, потому что въ тебѣ течетъ *гяурская* кровь; но теперь, когда я лишился Омара и когда мой сынъ Али вынудилъ меня проклясть его—ты теперь для меня замѣнилъ сына, брата и друзей. Тебѣ теперь долженъ я открыть все, что у меня лежитъ на сердцѣ. Ты видишь, Эминъ, что я жажду мщенія и жажду страшно! Но эту жажду возбудилъ во мнѣ опять тотъ проклятый родъ, то проклятое семейство, на которое и изольется мой гнѣвъ.

Произнося эти слова, Джамалъ-бей погладилъ свою густую бороду и, принявши важный и суровый видъ, продолжалъ:

— Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ моихъ жилахъ кипѣла *янычарская* кровь, которая теперь уже стынетъ во мнѣ, я былъ влюбленъ въ одну хорошенькую, красивую болгарку, на которой имѣлъ намѣреніе жениться, но Иванъ, старшій братъ Волка, отнялъ ее у меня.... Я не могъ перенести этого и въ продолженіе пяти лѣтъ каждую ночь посылалъ по 5—10 человѣкъ: авось удастся убить его и похитить его жену; но напрасно: Иванъ съ своими братьями всегда мужественно защищался. Наконецъ я успѣлъ зажечь ихъ домъ и лавки, и въ то время, когда Иванъ растерялся и не зналъ, что дѣлать, мои люди убили его отца и похитили его жену. Къ несчастію, Волко, который хотѣлъ отнять ее, но не могъ, разсказалъ все своему брату. Иванъ, при этой вѣсти, съ крикомъ бросился на моихъ людей; кулакомъ онъ положилъ двоихъ и, выхвативъ у одного изъ нихъ кинжалъ, закололъ имъ нѣсколькихъ человѣкъ и уже былъ близко къ своей женѣ; увидѣвъ его, она сказала слабымъ голосомъ—Иванъ ты не будешь въ состояніи освободить меня, но и не отдавай меня живою... убей меня, если ты меня любишь и если ты мнѣ мужъ!... Иванъ стоялъ подлѣ нея какъ безумный. Онъ смотрѣлъ на нее безумнымъ взо-

Digitized by Google

ромъ и могъ только проливать слезы. Увидѣвъ, что онъ не рѣшается убить ее, она выхватила изъ его рукъ кинжалъ и вонзила его въ свою грудь....

— Этого не можетъ быть, воскликнулъ удивленный Эминъ, чтобы у женщины было такое сердце!

— И я думалъ, что не можетъ быть, но своими глазами видѣлъ.....

— А послѣ этого, что сдѣлалъ Иванъ?

— Онъ бросился на меня и занесъ уже руку, чтобы отсѣчь мнѣ голову, но, къ счастію, не успѣлъ, только мои плечи попробовали его остраго кинжала....

Джамалъ-бей со вздохомъ продолжалъ:

— Иванъ бѣжалъ и о немъ ничего не было слышно. Я долго искалъ его, но не могъ отыскать и поклялся преслѣдовать и истребить всю семью Ивана, пока не останется изъ нихъ ни одной живой души.... И я сдержу свою клятву!....

— Нѣсколько лѣтъ спустя братья Ивана—Петръ и Волко опять разбогатѣли. Я подумалъ, что настало время дальнѣйшей мести имъ: и въ одну ночь приказалъ моимъ людямъ зажечь ихъ домъ и лавки. Мое распоряженіе было исполнено, и я похитилъ жену и дочь Петра.... Хотѣлъ похитить и жену Волка, но онъ спасъ ее и нѣсколько дней спустя переселился въ Прѣславъ. Такъ-какъ жена Петра не желала принять мусульманскую религію, то я послалъ ее на свою ферму, и тамъ приказалъ томить ее всевозможными способами; но какой-то *юнакъ*-болгаринъ похитилъ ее изъ моихъ рукъ и убѣжалъ. А дочь Петра, Петя, которую любилъ мой Али (при этихъ словахъ Джамалъ-бей тяжело вздохнулъ) тоже убѣжала вчера.,..

— Вотъ почему *я* преслѣдую этихъ людей, сказалъ Джамалъ-бей послѣ минутнаго молчанія. Я желалъ бы, чтобы всѣ эти люди покончили жизнь позорною смертью, и вотъ уже говорятъ, Петръ и Иванъ околѣли съ голоду, теперь остается только Волко съ семействомъ..... И они были близки къ смерти, но Богу было угодно, чтобы я подвергъ ихъ большимъ мукамъ. Весь мой гнѣвъ обрушится на нихъ однихъ. А тотъ чудный *юнакъ* узнаетъ, кто я!..... Знаешь ли ты, Эминъ, изъ какого села этотъ юнакъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Это ничего не значитъ! Я соберу жителей всѣхъ

Digitized by Google

селъ и городовъ, вверхъ дномъ поставлю всю Шуменскую *казу* (округъ), но все таки найду его..... Тогда онъ увидитъ!

При этихъ словахъ Джамалъ-бей сталъ самъ не свой: изъ его глазъ сверкнули искры, лице позеленѣло, онъ весь затрепеталъ и, вытащивъ изъ-за пояса кинжалъ, быстро вонзилъ его въ грудь несчастному Дриплѣ, который двѣ минуты тому назадъ вошелъ въ комнату....

Дрипля успѣлъ еще вскрикнуть надтреснутымъ голосомъ и упалъ бездыханный.

— Такъ покончатъ всѣ, на которыхъ обрушится мой гнѣвъ, сказалъ Джамалъ-бей, гнѣвно взглянувъ на Эмина.

Эминъ дрожалъ, какъ листъ, и не могъ произнести ни слова. Джамалъ-бей, не глядя на несчастнаго Дриплю, который лежалъ весь въ крови, сказалъ повелительнымъ тономъ Эмину:

— Ступай въ Прѣславъ, арестуй Волка, жену его и сыновей, отведи ихъ въ горы и тамъ предай ихъ самой позорной казни!

— Эфенди! воскликнулъ Эминъ, отирая холодный потъ, выступившій у него на лбу: Волко и его сыновья—*юнаки*..... Кромѣ того, у нихъ большая *дружина*....

— Хоть бы ихъ была тысяча душъ. Ты долженъ схватить и покончить съ ними.... Слышишь? Ступай сейчасъ, потому что я не могу терпѣть дольше....

— Но это невозможно!

— Почему? что здѣсь невозможнаго?

— Знай, эфенди, что Караманъ-бей смотритъ, какъ бы тебѣ....

— Это ничего. Пускай Караманъ-бей ищетъ повода, какъ бы сдѣлать мнѣ зло. Это зло обрушится на его же голову. Если бы нашлась цѣлая сотня Караманъ-беевъ, я никого не боюсь! И ты не долженъ бояться, Эминъ: ступай же скорѣе и сдѣлай свое дѣло.

— Но.....

— Ничего слышать не хочу! Ты не бойся, помочь тебѣ будетъ кому: недѣлю спустя здѣсь будутъ *кирджаліи*....

— Какую же помощь мнѣ окажутъ *кирджаліи*?

— Знай, Эминъ, сказалъ Джамалъ-бей съ важностію, поглаживая свою густую бороду,—что за голову Аклы-бея (начальника *кирджаліевъ*) даютъ султанскій орденъ и 10,000 піастровъ. Я устрою такъ, что убьютъ и Аклы-бея и Караманъ-бея. Ты только смотри

Digitized by Google

какъ только *кирджаліи* окружатъ Прѣславъ, проберись туда, зажги домъ Волка... и.... ну, теперь ступай....

Эминъ остановился на нѣсколько минутъ, какъ вкопанный. Затѣмъ, посмотрѣвъ на Джамалъ-бея, покачалъ головою и сказалъ:

— Никакъ не возьму въ толкъ, какъ это будетъ? А если *кирджаліи* не полойдутъ къ Прѣславу?

— Непремѣнно подойдутъ и даже, можетъ быть, сожгутъ его.

— Увидимъ!

— Но не забудь послать человѣкъ пятнадцать на поиски за Аліемъ и тою проклятою *гяуркою*.

— Не забуду.

И Эминъ съ поклономъ вышелъ.

— Скоро, скоро я отомщу имъ, съ радостію сказалъ Джамалъ-бей и, толкнувъ ногою окоченѣлый трупъ Дрипли, вышелъ изъ комнаты.

VII. Кирджаліи.

Кирджаліи! какое робкое сердце не затрепещетъ при этомъ страшномъ, для отцовъ нынѣшнихъ болгаръ, имени? Какому болгарину не взгрустнется, припомнивъ тѣ бѣдствія, которыя терпѣли его предки отъ кирджаліевъ? Сколько селъ сдѣлались ихъ жертвами! Сколько невинныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ были навсегда разлучены съ своими родителями и, претерпѣвши огромное безчестье, мученически окончили свою временную жизнь! Отцы и матери гибли тысячами отъ адской злобы кирджаліевъ. Но развѣ отъ однихъ только *кирджаліевъ* терпѣли угнетенія предки болгаръ. А отъ *янычаръ*? отъ дели-башей.

Ночь была ясная и тихая. По небу, покрытому безчисленными звѣздами, неслись одно за другимъ тонкія голубыя облака, сквозь которыя сумрачно выглядывала яркая луна..... Повсюду царствовала полная тишина. Вся природа какъ-бы уснула..... Только въ разстояніи двухъ часовъ отъ *Котла*, въ одной красивой долинѣ, слышенъ былъ немалый шумъ. Тамъ расположился цѣлый отрядъ *кирджаліевъ*, которые за исключеніемъ 5—6 душъ, всѣ спали. Эти 5—6 человѣкъ сидѣли подлѣ огня, который уже погасалъ, и разговаривали между собою. По одеждѣ можно было узнать что это—начальники отряда,—а въ особенности выдѣлялся одинъ

Digitized by Google

изъ нихъ, почти залитый золотомъ. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ главный начальникъ отряда.

— Я не доволенъ, сказалъ онъ, поглаживая свою бороду и гордо поглядывая на своихъ собесѣдниковъ; очень я не доволенъ на то, что мы дѣйствуемъ глупо. Вмѣсто того, чтобы скрываться, насъ видятъ вездѣ, и мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Правду ты говоришь, эфенди! сказалъ одинъ изъ его собесѣдниковъ, сидѣвшій возлѣ него, мы напугали всѣхъ и насъ всѣ опасаются.... Кромѣ того, мы держимъ свое войско не въ должной дисциплинѣ, и оно насъ не слушается...

— А все это отъ тебя зависитъ.

Аклы-бей (такъ назывался начальникъ *кирджаліевъ*) нахмурился, погладилъ бороду и сказалъ нѣсколько разгнѣвавшись:

— Не понимаю тебя, Сали.... говори яснѣе.

— Я хочу сказать, что наше войско очень распущено и не слушается насъ, кротко сказалъ Сали.

— Какъ смѣетъ кто-нибудь оказывать неповиновеніе?

— Вчера, эфенди, приближаясь къ Котлу, ты приказалъ войску не стрѣлять и не кричать, пока мы не приблизимся къ городу..... а никто тебя не послушался; болѣе всего приказалъ ты стражѣ быть осторожной, но послушался ли тебя кто-нибудь? Нѣтъ: всѣ подняли крики, стрѣльбу и испортили нашъ планъ.... Котлянцы догадались и приготовились къ защитѣ....

Аклы-бей, не говоря ни слова, поднялся, сталъ ходить взадъ и впередъ, и затѣмъ, обращаясь къ Сали, который тоже всталъ, съ кротостію сказалъ ему:

— Ты говоришь, что отъ меня зависитъ все, а?

— Да, эфенди.

— Если такъ, я постараюсь поправить дѣло, заставлю все свое войско мои слова считать священными и не смѣть пренебрегать ими.... А ну-ка, Сали, ступай и посмотри, стоитъ ли стража на своихъ мѣстахъ... скорѣе!

Сали пошелъ съ поклономъ исполнить приказаніе.

Послѣ удаленія Сали, Аклы-бей собственноручно развелъ большой костеръ и, вынувъ изъ мѣшка 10 желѣзныхъ прутьевъ, бросилъ ихъ въ огонь. Сдѣлавъ это, опять принялся ходить.. Между тѣмъ Сали пришелъ и сказалъ, что стража на своихъ мѣстахъ, но спитъ глубокимъ сномъ.

Digitized by Google

— Этого невозможно терпѣть! сказалъ про себя Аклы-бей и потомъ крикнулъ: связать и привести ихъ ко мнѣ!

Всѣ другіе собесѣдники со страхомъ встали и пошли за Сали.

Нѣкоторое время спустя, они привели къ Аклы-бею 10 человѣкъ молодыхъ людей; изъ нихъ нѣкоторые не успѣли еще какъ слѣдуетъ раскрыть свои сонные глаза и протирали ихъ; но они скоро очнулись, увидѣвъ, что Аклы-бей вынулъ изъ огня десять до-красна раскаленныхъ прутьевъ.

— Прости насъ, эфенди!..,. Бога ради, прости! закричали они дрожащими голосами и бросились на колѣни предъ Аклы-беемъ.

Аклы-бей не обратилъ вниманія на ихъ просьбы, но, давъ знакъ Сали, удалился.

Полчаса спустя эти молодые люди вертѣлись уже на раскаленныхъ кольяхъ и производили отчаянные крики. Эти крики подняли на ноги весь отрядъ, который проснулся далеко для себя неожиданно. Аклы-бей, увидѣвъ, что все его войско на ногахъ, крикнулъ важнымъ и серьезнымъ голосомъ:

— Пусть знаютъ храбрые *кирджаліи*, что, кто мнѣ противится, кто не исполняетъ моихъ приказаній и не слушается моихъ словъ, будетъ наказанъ, хотя бы онъ былъ первымъ у меня человѣкомъ.

Всѣ *кирджаліи* отвѣсили безмолвный поклонъ.

— Кто нарушитъ мой приказъ будетъ строго наказанъ!....

Сказавъ эти послѣднія слова, Аклы-бей сѣлъ подлѣ костра. Тоже сдѣлалъ и Сали, а всѣ другіе пошли къ своимъ лошадямъ и становились въ ряды, готовые къ выступленію въ походъ.

По прежнему воцарилась тишина. Одни лишь глухіе стоны казненныхъ часовыхъ, которые умирали на кольяхъ, повременамъ прерывали ее....

Аклы-бей, закуривъ свой длинный позолоченный *чубукъ* (трубку) и, выпустивъ съ тяжелымъ вздохомъ густой клубъ дыма, сказалъ Сали:

— Теперь я поправилъ свою ошибку! Посмѣетъ ли кто-нибудь ослушаться меня?

— Никто, эфенди, никто! сказалъ Сали, почтительно поклонившись ему.

— Спокоенъ я теперь... спокоенъ, но недоволенъ, потому, что мы не съумѣли войти въ Котелъ.

Digitized by Google

— Какъ можно было войти, эфенди? жители сдѣлали укрѣпленія изъ повозокъ и отстрѣливались изъ ружей; но еслибы только это, еще бы ничего: а ты развѣ не видѣлъ, какъ городъ приготовлялся защищаться? продолжалъ Сали,—городъ вѣдь окруженъ большою стѣною, точно неприступная крѣпость; стѣна опоясываетъ его со всѣхъ сторонъ; но при этомъ не однѣ голыя стѣны, а черезъ каждые двадцать шаговъ довольно большое число людей, для обороны болѣе доступныхъ мѣстъ для входа въ городъ; а вообще вездѣ, при устьѣ улицъ, которыя ведутъ въ городъ, находились большія подъемныя ворота, возлѣ которыхъ устроены по два форта, снабженные всѣми снарядами на случай осаднаго положенія.

— Эти форты готово было охранять множество народа, очень хорошо вооруженнаго, чтобы отбить натискъ нападающихъ; при всѣхъ ихъ маневрахъ и эволюціяхъ издали даже замѣтна была ихъ военная выдержка и субординація передъ начальниками, которые разъѣзжали на лошадяхъ и провѣряли людей, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; между ними я замѣтилъ одного выдающагося начальника очень хорошо одѣтаго; лошадь едва выдерживала знатнаго сѣдока.

— Ага! ты видѣлъ его, сказалъ съ гнѣвомъ Аклы-бей: я узнаю, это былъ ихъ главный начальникъ, его имя Божилъ Чорбаджи....

— При такихъ условіяхъ, продолжалъ Сали, очень трудно войти въ городъ, не пожертвовавъ значительнымъ количествомъ народа! Кромѣ того, увидѣвъ, что мы сдѣлали съ окрестными селами, а въ особенности съ Жеравной, они рѣшились, вѣроятно, лучше умереть, чѣмъ впустить насъ въ городъ.

— Ахъ Жеравна, Жеравна!.... Это была хорошая штука, только некрупная. Если бы мы вошли въ Котелъ—тогда бы славно пограбили!.... Но, Богъ милостивъ, говорилъ Аклы-бей съ чувствомъ,—когда бы то ни было, мы въ Котелъ войдемъ и тогда..... весь міръ станетъ трепетать предъ нашимъ именемъ.

— Наше имя и такъ заставляетъ трепетать всю Болгарію. Развѣ мало селъ мы сожгли до сихъ поръ? Развѣ мало христіанъ перебили? А подумай, какое молодечество мы показали въ Жеравнѣ!... Ни одинъ житель Жеравны не остался въ живыхъ... всѣ пролили свою *гяурскую* кровь. Одни, бѣжавшіе въ горы, остались въ живыхъ. Но и они бы не спаслись, если бы мы не были глупы; потому что, будь мы поумнѣе, начали бы навѣрно съ Котла, а уже по-

Digitized by Google

томъ дошло бы дѣло и до окрестныхъ деревень, а мы поступили такъ, что жители этихъ деревень успѣли бѣжать и запереться въ Котлѣ.

— Развѣ не видѣлъ ты, эфенди, что въ Котлѣ было биткомъ — набито народа, продолжалъ Сали, который жилъ весело и спокойно? Не слышалъ ли ты, что, когда мы приближались, весь городъ оглашался звуками *гайдъ* (волынокъ) и барабановъ; увидѣвъ же, что мы подошли близко, жители подъ музыку стали стрѣлять въ насъ и оглашали воздухъ побѣдными кликами, пока не отбили насъ; мы же не могли нанести имъ никакого вреда, и какъ только мы отошли, они опять стали пѣть и играть, и даже плясать, какъ будто насмѣхаясь надъ нами и съ возгласами стрѣляя въ воздухъ....

— Аллахъ! воскликнулъ Аклы-бей, знаешь ли, Сали, что мое сердце разрывается на части отъ досады на то, что мы не могли одолѣть ихъ и войти въ городъ? Но, Богъ милостивъ!....

— Я убѣдился, сказалъ Сали,—что намъ нельзя будетъ войти въ Котелъ еще тогда, когда мы были въ Жеравнѣ; потому что, помнишь, когда мы ее зажгли и веселились посреди села, Котельскіе *гяуры* неожиданно выстрѣлили изъ 20—30 ружей разомъ гдѣ-то на концѣ села, и, пока мы взошли на высокій холмъ, они убили около 25 человѣкъ нашихъ: потому что наши, противъ правилъ дисциплины, самовольно, выступили впередъ и за это поплатились жизнью. Точно также, когда выступилъ *Хасанъ-чаушъ*, чтобы нагнать ихъ на своемъ конѣ, они въ ту же минуту выпалили залпомъ изъ 30—40 ружей и повалили его бѣднаго, изрѣшетивши его пулями. Я весь вздрогнулъ, увидѣвъ это, тѣмъ болѣе, что на вершинѣ холма они устроили засаду, чтобы стрѣлять оттуда... Въ самомъ дѣлѣ, очень жаль, что мы тогда не имѣли успѣха. Но, Богъ милостивъ (*Аллахъ керимъ*!)—можетъ быть, хоть на обратномъ пути мы добьемся своей цѣли.

Аклы-бей погладилъ бороду, усмѣхнулся и сказалъ:

— Меня разбираетъ смѣхъ при воспоминаніи о *той* женщинѣ, которая сама наткнулась на мой кинжалъ, когда я разрубилъ ея дочь.... Ха! ха! ха! Видѣлъ ли ты, Сали, какъ тотъ толстый человѣкъ бросился въ огонь съ своими двумя дѣтьми?

— Я же его и заставилъ броситься! Прежде всего я схватилъ его жену и угостилъ ее, по крайней мѣрѣ, дюжиной ударовъ.

Digitized by Google

Увидѣвъ это, онъ испугался, что ли? Схватилъ дѣтей и бросился съ ними въ огонь....

— Безумные люди! Они думали, что осилятъ насъ, и сперва не впустили даже въ свое село.

— Но они все таки показали себя молодцами! Съ большими усиліями мы вошли въ ихъ село.... И чуть-чуть было не оттѣснили они насъ.

— Молодцами дрались, но... теперь все-таки будетъ Жеравна помнить, какъ черезъ нее проходили *кирджаліи* съ начальникомъ своимъ Аклы-беемъ.... Не могли развѣ мы сыграть такую же штуку и съ Котломъ?.... Тогда бы и котлянцы помнили....

Въ это время послышался голосъ одного изъ приближенныхъ Аклы-бея:

— Гей! Кто тамъ?

— Свой! отвѣчалъ другой неизвѣстный голосъ.

Аклы-бей и Сали прекратили бесѣду, привстали и начали прислушиваться.

— Ведите меня къ Аклы-бею, говорилъ неизвѣстный голосъ.

— Ко мнѣ хочетъ идти, сказалъ Аклы-бей, съ тревогой взглянувъ на Сали,—кто бы это былъ такой?

— Можетъ быть, посланъ отъ кого-нибудь, сказалъ въ отвѣтъ Сали.

— Можетъ быть.... Ступай и приведи его сюда.

Нѣсколько минутъ спустя, Сали привелъ къ Аклы-бею молодаго *янычара*, который несъ подъ мышкой большой узелъ.

— О!.... ты—*янычаръ*, нашъ врагъ, сказалъ Аклы-бей, увидѣвъ его,—но, посмотримъ, зачѣмъ ты пришелъ?

— Я пришелъ съ добрымъ намѣреніемъ и не врагъ вашъ, сказалъ молодой янычаръ, поклонившись Аклы-бею.

Недовѣрчивый Аклы-бей, осмотрѣвъ молодаго *янычара* съ ногъ до головы и, покачивая сомнительно головою, сказалъ ему наконецъ:

— Не посланъ ли ты силистрійскимъ пашой убѣдить насъ покориться?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я посланъ Караманъ-беемъ поздравить тебя, сказать тебѣ кое-что и передать вотъ эти подарки.

При этихъ словахъ, молодой *янычаръ* развязалъ большой узелъ, бывшій въ его рукахъ, вытащилъ оттуда позолоченные часы,

Digitized by Google

пеструю шелковую *чалму*, унизанную жемчугомъ, и два шелковые платка, вышитые сплошь золотомъ. Все это онъ передалъ Аклы-бею.

Аклы-бей съ радостію принялъ эти подарки болѣе всего потому, что они были присланы Караманъ-беемъ (самымъ злѣйшимъ его врагомъ). Но онъ вдругъ нахмурился, подумавъ, что этотъ *янычаръ* посланъ сказать ему какую то тайну.

— Какую тайну скажешь ты мнѣ? спросилъ онъ съ гордостію, говори: я жду.

— Караманъ-бей приказалъ мнѣ, сказалъ молодой *янычаръ* съ поклономъ, передать тебѣ, что если ты вступишь въ Шуменъ, тебѣ будетъ очень плохо.... не черезъ него, а черезъ Джамалъ-бея.

— Очень плохо! съ презрѣніемъ воскликнулъ Аклы-бей, какое же право имѣетъ Джамалъ-бей трогать меня, когда я по повелѣнію султана долженъ пройти чрезъ Шуменъ? Развѣ онъ не думаетъ, что если я разгнѣваюсь, то ему будетъ очень нехорошо?

— Не знаю. Но Джамалъ-бей приготовилъ свое войско, вооружилъ всѣхъ Шуменцевъ и ожидаетъ только, чтобы ты подошелъ къ Шумену.

Эти слова заставили Аклы-бея призадуматься.

— Этого не можетъ быть! сказалъ онъ, поглаживая свою бороду, мнѣ сказали, чтобы я не трогалъ другія села; потому что, когда я буду въ Шуменѣ, мнѣ выдадутъ все нужное для моего войска. А теперь.... теперь я долженъ трогать и села—иначе нельзя.....

— И это напрасно, потому что Джамалъ-бей собралъ въ Шуменѣ всѣхъ крестьянъ со всѣмъ ихъ имуществомъ.

— Вотъ какъ! съ гнѣвомъ воскликнулъ Аклы-бей,—этотъ Джамалъ-бей будетъ сильно раскаяваться; но будетъ уже поздно!

Потомъ подумавъ, онъ прибавилъ:

— Ничего не остается больше, какъ только завтра напасть на Котелъ, взять приступомъ и сжечь его. Оттуда пойти въ Шуменъ и самого Джамалъ-бея посадить на колъ!

— Это можетъ быть, съ притворствомъ сказалъ молодой янычаръ; но будетъ нѣсколько трудненько, потому что Джамалъ-бей такъ легко не дастъ посадить себя на колъ....

— Молчи! прикрикнулъ на него Аклы-бей.

Digitized by Google

— Я замолчу, но позволь мнѣ сказать тебѣ еще нѣсколько словъ.

— Ну, говори, посмотримъ!

— Вмѣсто того, чтобы связываться съ Джамалъ-беемъ, не лучше ли сдѣлать такъ, какъ желаетъ Караманъ-бей?

— А чего желаетъ Караманъ-бей?

— Онъ желаетъ соединиться съ тобою и предать Шуменъ въ твои руки.

Глаза Аклы-бея блеснули радостію.

— Конечно, сказалъ онъ съ радостію, если Караманъ-бей соединится со мною, то и для него и для меня будетъ очень хорошо.

— Караманъ-бей желаетъ соединиться съ тобою, но вотъ подъ какимъ условіемъ: когда ты войдешь въ Шуменъ, ты долженъ зажечь его и, сколько добычи ты захватишь, ты долженъ подѣлиться съ Караманъ-беемъ.... согласенъ?

— Согласенъ, согласенъ! поспѣшно проговорилъ Аклы-бей

— Если ты согласенъ, подтверди свое согласіе письменно.

— Хорошо!

И Аклы-бей вынулъ изъ-за пазухи бѣлую бумагу, подалъ ее Сали и сказалъ ему повелительнымъ тономъ:

— Пиши!

Сали сѣлъ и написалъ подъ диктовку:

„Я нижеподписавшійся обѣщаюсь, что, предавши Шуменъ въ жертву огня, сколько богатства ни возьму, половину отдамъ Караманъ-бею за то, что, согласно его обѣщанію, онъ окажетъ содѣйствіе тому, что Шуменъ будетъ въ моихъ рукахъ.“

Аклы-бей подписался, приложилъ свою большую печать и, подавая письмо молодому *янычару*, сказалъ ему торжественнымъ тономъ:

— Вотъ тебѣ письмо! Пусть Караманъ-бей будетъ вѣренъ своему слову... Я же исполню свое обѣщаніе.

Молодой *янычаръ* спряталъ маленькую записочку, которую далъ ему Аклы-бей, поклонился и сказалъ:

— Слушай! еще одно слово.... одинъ планъ.

— Слушаю, сказалъ Аклы-бей.

— Въ четырехчасовомъ разстояніи отъ Шумена находится село Прѣславъ, очень богатое, гдѣ живутъ сыновья Джамалъ-бея. Ты съ своимъ войскомъ долженъ напасть на это село; Джамалъ-бей,

Digitized by Google

чтобы спасти своихъ сыновей, выйдетъ противъ васъ со всѣмъ своимъ войскомъ; Караманъ-бей отворитъ Шуменскія городскія ворота, и тебѣ тогда можно будетъ свободно войти въ Шуменъ.

Аклы-бей настолько сильно радовался, что, хотя и сказалъ:— слушаю, но ничего не слышалъ изъ того, что говорилъ ему молодой *янычаръ*.

— Что ты мнѣ сказалъ? спросилъ онъ, думая хоть во второй разъ выслушать.

Янычаръ повторилъ.

— Хорошо! хорошо! сказалъ Аклы-бей, и на его лицѣ изобразилось большое удовольствіе; ступай и скажи Караманъ-бею, что я исполню все, какъ онъ совѣтуетъ и никогда не забуду его услуги.

Янычаръ, поклонившись, удалился.

Когда Аклы-бей и Сали остались одни, первый сказалъ послѣднему:

— Теперь уже Шуменъ въ нашихъ рукахъ! нѣтъ сомнѣнія, что мы его обратимъ въ груду пепла, какъ и Жеравну—наше имя будетъ гремѣть по всему міру. Ахъ, Сали, какъ будетъ пріятно смотрѣть на пожаръ Шумена!....

Сали покачалъ головой и сказалъ:

— Я мало надѣюсь. Этимъ я хочу сказать, что Караманъ-бей, должно быть, замышляетъ какія-нибудь ковни....

— Какъ это можетъ быть! Вѣдь онъ мнѣ прислалъ дорогіе подарки. Вѣдь изъ этого не видно, что онъ нуждается въ моей помощи? По всей вѣроятности, онъ поссорился съ Джамалъ-беемъ и хочетъ отомстить ему; а это обстоятельство принесетъ намъ огромную пользу. Мы постараемся быть на сторонѣ того, кто дастъ больше.

— Все таки мы должны быть осторожны.... такъ какъ не знаемъ, зачѣмъ призываютъ насъ въ Силистрію.

— Эхъ! Сали, какой ты, право, не понимаю! Ясно, что насъ пошлютъ драться съ московскими *гяурами*.

— Чтобы намъ не пришлось плохо....

— Ну, не безпокойся! Смѣетъ ли кто-нибудь сдѣлать намъ зло? Слава Богу, только нашъ *таборъ* (отрядъ) не одинъ идетъ въ Силистрію... У меня еще и въ *Анадолѣ* (въ Малой Азіи) есть войско...

— Это такъ, но....

Digitized by Google

— Я знаю, что дѣлаю, хорошо знаю. Если *янычары* пожелаютъ причинить намъ зло, то прежде всего Джамалъ-бей и Караманъ-бей увидятъ, чья кровь болѣе красна и горяча: *янычарская*, или *кирджалійская*..... Но смотри, Сали, уже разсвѣтаетъ, намъ нужно идти....

— Нужно.

И Сали оставилъ Аклы-бея, который сталъ ходить взадъ и впередъ, по временамъ по лицу его скользила улыбка.

— Эхъ! сказалъ онъ къ самому себѣ, остановившись,—завтра мое имя заставитъ содрогнуться столько народа.... Прѣславъ съ своими жителями погибнетъ.... Можетъ быть, и Шуменъ постигнетъ та же участь.... Аклы-бей, торжествуй!

Въ это время возвратился Сали.

— Всѣ готовы, эфенди! сказалъ онъ.

Аклы-бей отправился къ своему войску, которое стояло въ 10 шагахъ отъ него и было готово тронуться въ путь.

— Молодцы! сказалъ онъ, вскочивъ на своего коня,—до сихъ поръ вы ни разу не посрамили своего имени, надѣюсь, что не посрамите и впредь....

— Жеравна будетъ помнить васъ во вѣки!.... А теперь пойдемъ въ Прѣславъ и, можетъ быть, въ Шуменъ, чтобы навести на ихъ души ужасъ уже однимъ нашимъ именемъ! Пожаръ, который будетъ дѣломъ рукъ нашихъ, пусть станетъ могилой этихъ *гяурскихъ* жилищъ, а ихъ богатство будетъ нашимъ..... понимаете? Но смотрите въ оба: пока не подойдемъ подъ самый Прѣславъ, пусть никто изъ васъ не стрѣляетъ, не кричитъ и не заводитъ пѣсенъ! Если кто-нибудь ослушается, то будетъ до-нельзя строго наказанъ!

Сказавъ это, Аклы-бей далъ знакъ къ выступленію. За нимъ тронулась и вся *кирджалійская* орда, сохраняя при этомъ глубокую тишину.

VIII. Радость.

Ночь была прохладная и темная. Вѣтеръ дулъ попеременно: то тихо, то порывисто, качая большія и малыя деревья въ Прѣславѣ, производившія своими листьями хотя тихій, но зловѣщій шумъ....

Домъ Волка былъ самый красивый изъ числа Прѣславскихъ

Digitized by Google

жилищъ. Широкій, ровный дворъ и кругомъ прекрасный садъ придавали этому дому очень привлекательный видъ. Въ саду, между плодовыми деревьями, было и нѣсколько дубовъ, которые своими вѣтвями закрывали домъ сверху до низу.

Подъ однимъ изъ этихъ дубовъ въ эту тихую, но сумрачную ночь, спали сыновья Волка—Велико и Стоянъ.

— Стоянъ! сказалъ Велико, протирая свои сонные глаза,— встань, пойдемъ домой, потому что дождь готовъ брызнуть...

— Эхъ! и ты, братъ! кто тебѣ сказалъ, что пойдетъ дождь? пробормоталъ Стоянъ и повернулся на другую сторону.

Этимъ Стоянъ хотѣлъ показать брату, что ему не хочется вставать и чтобы тотъ пересталъ безпокоить его. Но Велико, боясь, чтобы дождь не пошелъ, вовсе не думалъ давать брату спать, онъ сталъ тащить его за руку, говоря при этомъ:

— Вотъ посмотри, какая темнота и прислушайся, какой вѣтеръ вѣетъ!...

Стоянъ, нехотя, открылъ глаза, посмотрѣлъ немного кругомъ себя и, ложась опять, сказалъ:

— Не бойся, братъ! я знаю, что дождя не будетъ.

— Знаешь! отчего? можетъ быть, ты звѣздочетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ... но вчера вечеромъ я видѣлъ, что солнце садилось, не омрачившись ни малѣйшей тучкой.

— Ты все хитришь, Стоянъ.... Но правду тебѣ сказать: я уже не могу уснуть подъ этимъ деревомъ.

Стоянъ, очнувшись, протеръ глаза и, приподымаясь, весело сказалъ:

— Нечего дѣлать, нужно вставать.... а какъ мнѣ хочется спать!

— Какъ ты можешь такъ спокойно спать—не знаю. Я никакъ не могу спокойно спать.... сны и сны.... и все страшные.

— И все пустые, произнесъ Стоянъ.

— Знаю, но не могу понять, почему мое сердце такъ сильно бьется и, какъ будто, что-то предчувствуетъ!

— Вѣдь не придетъ Эминъ опять на насъ?.... Мнѣ кажется, онъ очень хорошо узналъ и насъ, и Владе, что мы за люди!

— Не знаю, что будетъ; но мое сердце предчувствуетъ какое-то горе.

— Потому что, вѣроятно, скоро будетъ чувствовать радость....

Digitized by Google

Развѣ ты не знаешь, что говоритъ пословица: за печалью всегда слѣдуетъ радость?

— Не надѣюсь.... но можетъ быть....

— Видно, что ты забылъ, что завтра будемъ веселиться. Нашъ вновь разысканный дядя и сосѣдъ завтра соберутся праздновать имянины отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ—порадоваться нашему чудесному избавленію... О! какъ будетъ веселъ отецъ, увидѣвъ своего за-живо оплаканнаго брата! какъ будемъ рады и мы, встрѣтивъ своего храбраго двоюроднаго брата, которому мы обязаны спасеніемъ своей жизни!

Лице Волка, бывшее до тѣхъ поръ печальнымъ, сразу прояснилось, и онъ съ радостію воскликнулъ:

— О! нашъ двоюродный братъ—*юнакъ*! У него львиное сердце, и онъ всегда поступаетъ *по-юнацки*.... но увы! (и грустью покрылось его лице), если мое предчувствіе сбудется.... мой сонъ.... тогда... о! не дай Богъ!...

Стоянъ улыбнулся.

— Ты опять бредишь снами, сказалъ онъ брату, ударяя его по плечу,—гдѣ это слыхано, чтобы сны говорили правду.

— Стоянъ! сказалъ Велико, нѣсколько обидѣвшись, я не вѣрю снамъ, но вѣрю въ предчувствіе.... Мнѣ кажется, что и на этотъ разъ предчувствіе меня не обманетъ, какъ не обмануло и тогда, когда мы были въ рукахъ Эмина... помнишь?

— Помню, сказалъ Стоянъ задумчиво; но тогда было другое дѣло, а теперь другое. Тогда мы каждый часъ ждали смерти и были въ большой тревогѣ. Разумѣется, въ такомъ положеніи наше воображеніе представляло намъ не сны, а что-то иное, что, къ нашему счастію, и оправдалось. А теперь, слава Богу! не зачѣмъ намъ скорбѣть и даромъ терзать свою душу. Словомъ, что бы намъ ни видѣлось во снѣ, или какія бы предчувствія ни посѣщали насъ,—все пустяки.

— Сны бываютъ вздорными, но предчувствіе никогда! Я испыталъ это на себѣ нѣсколько разъ: когда меня одолѣвало предчувствіе, все потомъ исполнилось. Когда мы были въ рукахъ Эмина, я предчувствовалъ какую-то радость и съ нами она случилась; а теперь я предчувствую печаль. Еще вчера, когда я былъ веселъ, какъ будто кто-нибудь ножемъ кольнулъ меня въ сердце и сказалъ:—

Digitized by Google

не радуйся, потому что тебѣ придется вскорѣ испить очень горькую чашу!

— Все пустяки!... сказалъ Стоянъ съ пренебреженіемъ.

Въ это время послышался рожокъ сельскаго пастуха.

— Эге! уже день! сказалъ Велико, потягиваясь и зѣвая,—пастухъ уже проснулся.

Велико и Стоянъ встали, одѣлись, умылись и пошли къ отцу, но, какъ онъ еще спалъ, они вошли къ матери, которая была во второй комнатѣ и подметала полъ.

— *Добро утро, мамо!* сказали они и поздоровались съ ней.

Она оставила работу, посмотрѣла на нихъ нѣжнымъ материнскимъ взглядомъ и сказала имъ:

— *Далъ вы Богъ добро, мами.*

Послѣ этого она сдѣлала притворно хмурое лицо и сказала:

— Ахъ вы, сони этакіе! развѣ до сихъ поръ можно спать!

— Мы давно проснулись, сказалъ Велико, улыбаясь, но лѣнь была вставать, и мы лежа разговаривали....

— Да, я ужъ знаю: вы разговаривали о своихъ молодкахъ, а забыли, что сегодня будутъ у насъ дорогіе гости и что нужна для нихъ свѣжая рыба и, по крайней мѣрѣ, дичь, заяцъ, что ли?.... Отецъ вашъ вчера съ вечера вамъ все это заказывалъ....

— А мы и забыли, сказали оба въ одинъ голосъ, всплеснувъ при этомъ руками,—но еще рано.... мы успѣемъ....

— Какъ рано! Развѣ вы не видите, что уже давно день?

— Успѣемъ, успѣемъ....

— Посмотрю, какъ вы успѣете.....

Велико и Стоянъ взяли все, что было имъ нужно, перекинули черезъ плечо свои ружья и отправились въ путь.

— Уже пять часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они отправились, а ихъ еще нѣтъ! сказалъ Волко съ нетерпѣніемъ своей женѣ, пекшей хлѣбъ.

— Можетъ быть, еще ничего не поймали,—сказала она.

— Да я вчера говорилъ имъ, чтобъ они много не ловили..... Теперь, когда мяса много, рыбы никто ѣсть не станетъ.

— Да намъ и ненужна была рыба... но....

— Какъ не нужна! это принято.....

— Кажется, идутъ,—сказала Рада прислушиваясь.

Digitized by Google

Посмотрѣвъ въ маленькое окошко, Волко проговорилъ:—а вотъ и мой братъ, и вышелъ во дворъ. Придя на средину двора, когда ворота отворились, онъ увидѣлъ Петра и его сына Владе, входящихъ съ улицы.

— Братъ!

— Волко!

И оба брата, считавшіе въ теченіе двадцати лѣтъ другъ друга мертвыми, крѣпко обнялись и подъ приливомъ радости, остались на нѣсколько минутъ, какъ окаменѣлые. Только слезы, которыя рѣкою лились изъ ихъ глазъ, показывали, что они подъ вліяніемъ чувства радости. Между тѣмъ Рада прижимала къ своей груди Владе и обливала его слезами. Давши полный просторъ своей первой радости, они вошли въ домъ съ веселыми лицами Но вдругъ Владе поблѣднѣлъ, обернулся къ Радѣ и торопливо спросилъ ее:

— Гдѣ же Велико и Стоянъ?

Рада удивилась этому неожиданному вопросу и сказала:

— Они пошли ловить рыбу и еще не возратились.

— Дядя! сказалъ Владе дрожащимъ голосомъ,—здоровъ ли ты?

— Слава Богу, здоровъ, сказалъ Волко съ удивленіемъ.

— Возьми ружье и пойдемъ со мной.

Сказавъ это, Владе взялъ ружье и скорыми шагами вышелъ изъ дома. За нимъ бѣжалъ и Волко, совершенно растерянный. Они шли около получаса, не сказавъ другъ другу ни слова. Наконецъ Волко, не имѣя силъ сдержать любопытство, спросилъ своего спутника—Владе:

— Куда мы идемъ?

Владе, вмѣсто отвѣта, спросилъ его въ свою очередь:

— Велико и Стоянъ пошли вѣдь ловить рыбу?

— Да, пошли....

— Не спрашивай теперь, куда мы идемъ.... Они, въ большой бѣдѣ....

— Дай Богъ, чтобы мы поспѣли во время.

На разстояніи одного часа отъ Прѣслава къ западу есть прекрасная долина, которую величественно прорѣзываетъ рѣка Камчія. Прежде Прѣславцы ходили туда ловить рыбу. Владе и Волко приблизились къ этой долинѣ, и вдругъ услышали отчаянные женскіе крики.

Digitized by Google

— Слышишь ли, дядя! сказалъ Владе и поспѣшилъ къ тому мѣсту, откуда доносились крики.

Волко бросился за нимъ въ свою очередь.

Въ долинѣ, подлѣ большого камня, нѣсколько человѣкъ, съ обнаженными кинжалами, окружили двухъ молодыкъ *юнаковъ*, которые старались защитить какую-то старуху и молодую дѣвушку.

— Эминъ тамъ! крикнулъ Владе; онъ хочетъ убить Велика и Стояна.... скорѣе дядя!

И Владе въ три минуты былъ ужъ тамъ передъ дружиною Эмина.

— Аллахъ! этотъ проклятый *юнакъ* и здѣсь нашелъ насъ, воскликнулъ Эминъ испуганнымъ голосомъ,—дружина! отступленіе!

Дружина Эмина разбѣжалась, но кинжалъ Владе успѣлъ тани положить на мѣстѣ трехъ человѣкъ изъ этой дружины.

Въ это время подоспѣлъ и Волко.

— Стой, Владе, напрасно крови не проливай... сказалъ онъ, они сами дали тягу.

— Владе! ты и на этотъ разъ освободилъ насъ! воскликнули Велико и Стоянъ и обняли своего двоюроднаго брата.

— Батюшка! произнесъ Велико, выпуская изъ объятій Владе и обнимая отца,—благодари Владе, который вотъ уже два раза спасаетъ насъ отъ явной смерти....

Волко, вмѣсто отвѣта, опустилъ голову и старался скрыть слезы, оросившія его лице.

— Здѣсь не мѣсто проявленіямъ радости и благодарности, сказалъ Владе;—идемъ, потому что тетка и отецъ съ нетерпѣніемъ насъ ожидаютъ.

— Возьмемъ къ себѣ въ домъ и этихъ несчастныхъ, сказалъ Стоянъ, указывая на двухъ женщинъ, которыя, какъ вкопанныя, стояли на мѣстѣ.

— Не подходите къ намъ, воскликнула молодая красавица; вы злодѣи.... вы убили моего жениха...

— Какъ! Развѣ мы пролили христіанскую кровь? сказалъ Велико сквозь слезы:—кто твой женихъ?

— Вотъ этотъ, сказала она, показывая на одинъ трупъ, покрытый кровью.

— Но онъ не христіанинъ, сказалъ Велико.

— Не христіанинъ?!... А вотъ посмотри!

Digitized by Google

И молодая красавица раскрыла израненную грудь одного молодаго *янычара*. На груди висѣли два золотыхъ креста.

Велико, увидѣвъ кресты, сталъ на колѣни и сказалъ:

— Боже мой! Это я убилъ его!

Онъ не могъ произнесть больше ни слова,—слезы душили его.

— Почему же онъ одѣлся въ *янычарскую* одежду? спросилъ ее Стоянъ со слезами. Владе и Волко плакали тоже.

— Вы плачете.... вы добрые люди, сказала она, увидѣвъ, что всѣ плачутъ, я вамъ разскажу все, но здѣсь не мѣсто.... идемъ къ вамъ!.

— Идемъ! радостно воскликнулъ Велико и наклонился, чтобы взвалить на плечи тѣло убитаго *янычара*.

— Стой! сказала старуха,—онъ мой сынъ; я желаю, чтобы вы его здѣсь погребли, потому что онъ еще не былъ крещенъ.

Велико и Стоянъ тотчасъ вырыли своими кинжалами могилу и опустили въ нее молодаго *янычара*.

— *Да ти е лека перст*, любезный сынъ, сказала старуха, бросая горсть земли на трупъ своего сына; ты, прибавила она, пожелалъ сдѣлаться христіаниномъ, но твое желаніе не исполнилось, вѣроятно, за грѣхи твоего отца.... Пойдемъ теперь, сказала она, обращаясь къ Волку.

И они отправились всѣ вмѣстѣ.

Между тѣмъ Рада и Петръ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Волка съ сыновьями и Владе. Нетерпѣніе Рады было такъ велико, что она нѣсколько разъ выходила за черту Прѣслава посмотрѣть, не идутъ ли они.

— О! горе мнѣ! что случилось съ ними? сказала она, входя въ домъ; я уже не знаю, что и думать....

И на глазахъ ея показались слезы.

Въ это самое время собаки Волка весело залаяли.

— Идутъ! вскрикнула Рада и вышла изъ комнаты.

На дворѣ уже были Волко, Владе, Велико, Стоянъ и двѣ женщины.

— Мы привели гостей, сказалъ Волко, приближаясь къ Радѣ; скорѣе согрѣй воду, чтобъ омыть имъ ноги (по восточному обычаю).

Часъ спустя, все семейство Волка было въ большой радости

Digitized by Google

Волко сидѣлъ возлѣ своего брата Петра и глазъ не сводилъ съ его лица. Велико и Стоянъ разговаривали съ Владе и весело смѣялись. Рада взяла къ себѣ на колѣни молодую красавицу, гладила ея роскошные волосы и разговаривала со старухой. Однимъ словомъ, радость и счастіе этого прежде несчастнаго семейства достигли самой высокой степени.... Но увы! все это въ скоромъ времени должно было обратиться въ печаль, которой ни одно изъ этихъ веселыхъ лицъ, кромѣ Велика, не предчувствовало. Бѣдный Велико! среди общей радости онъ чувствовалъ такое уныніе, что оно заставляло его сильно тревожиться.

Вскорѣ послѣ этого къ Волку собрались и другіе гости. Волко объявилъ имъ, что будетъ праздновать свои имянины и вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіе сыновей. Онъ пригласилъ всѣхъ Пѣславцевъ принять участіе въ этомъ домашнемъ праздникѣ, и они, не желая оскорбить Волка, не отказались отъ приглашенія.

Скромный болгарскій обѣдъ близился уже къ концу, когда Волко, наполнивъ маленькій бокалъ виномъ, поднялъ его кверху и сказалъ:

— Братья! выпьемъ за здоровье нашихъ злополучныхъ гостей, которые еще недавно были въ рукахъ янычаръ.

И онъ указалъ жестомъ на старуху и молодую красавицу.

— За ихъ здоровье! воскликнули всѣ Волковы гости.

Въ это время старуха, вмѣсто улыбки, тяжело вздохнула и при этомъ двѣ крупныя слезы покатились по ея лицу.

— Молите Бога, чтобы я поскорѣе умерла, произнесла она слабымъ голосомъ; потому что я несчастна....

Волко и всѣ остальные посмотрѣли на нее съ удивленіемъ.

— Вѣрю вполнѣ, что ты несчастна, сказала ей Рада ласковымъ голосомъ, разскажи же намъ про свои несчастія, и мы, можетъ быть, чѣмъ-нибудь утѣшимъ тебя....

— Не надѣюсь, но, можетъ быть, мнѣ сдѣлается легче, когда я разскажу о своихъ страданіяхъ....

— Слушайте!

— Я родилась въ селѣ Струмицѣ, въ Македоніи.... Мой отецъ былъ очень богатъ.... А въ то время, кто имѣлъ нѣсколько десятинъ и нѣсколько овецъ, считался уже очень богатымъ человѣкомъ. Мое дѣтство было очень счастливо. Моя сестра Рада была двумя годами моложе меня, никогда не разлучалась со мною, и мы всег-

Digitized by Google

да вмѣстѣ играли въ нашихъ обширныхъ садахъ. Тогда мы незнали, что такое горе. Въ нашихъ сердцахъ неизмѣнно царило веселье.... Ахъ! безвозвратно прошло уже то счастливое время...

И бѣдная женщина залилась слезами.

И вотъ такъ наступилъ 13-й годъ моего возраста, продолжала она, нѣсколько успокоившись,—я была весела, по прежнему. Но мой отецъ приказалъ мнѣ никогда не выходить на улицу и даже иногда скрывалъ меня въ погребахъ (такихъ погребовъ у насъ было два). Почти цѣлый годъ мнѣ не позволяли показываться на улицѣ, и во все это время отецъ мой былъ постоянно очень грустенъ. Но потомъ понемногу онъ сталъ веселѣе, и мнѣ было разрѣшено выходить на улицу.

Рада съ напряженнымъ вниманіемъ слушала этотъ разсказъ, по временамъ на ея лицѣ отражалась большая радость.

— Въ одну ночь, продолжала старуха, я проснулась отъ сильнаго крика. Моя сестра—Рада обняла меня и вскрикнула испуганнымъ голосомъ: сестра! отца и мать убиваютъ! Я такъ сильно испугалась, что была не въ состояніи даже вскрикнуть. Въ эту минуту домъ огласили громкіе крики матери. Вдругъ на дворѣ разлился странный свѣтъ.... и я увидѣла.... О, Боже!...

Слезы на нѣсколько минутъ прервали ея разсказъ.

— Я увидѣла, продолжала она, утирая слезы, что отецъ и мать посажены на колъ... Я и теперь слышу ихъ разрывающіе душу крики.... тогда я вскрикнула и лишилась чувствъ....

Рада, слушавшая съ нетерпѣніемъ разсказъ, бросилась къ старухѣ, обняла ее и, обливаясь слезами, воскликнула:

— Сестра!.... Стоянка! намъ опять довелось увидѣться!

Волко и другіе остались какъ вкопанные.

— Такъ это твоя сестра? спросилъ Волко свою жену—Раду.

— Она, она, отвѣтила Рада и стала покрывать поцѣлуями свою сестру;—я теперь все вспомнила.... Когда моя любимая сестра лишилась чувствъ, я подумала, что она умерла и стала громко кричать и плакать. Въ это время какая-то громадная тяжелая рука зажала мнѣ ротъ, завязала глаза и вынесла вонъ изъ дома. Отъ страха я не знала, жива ли я, или умерла. Мой голосъ замеръ, и я не могла издать ни одного звука.

— Не знаю, долго ли, коротко ли меня несли, но тотъ, который меня несъ, остановился и сказалъ мнѣ: не бойся ничего, Рада, мы

Digitized by Google

теперь спасены. Говоря это, онъ развязалъ мнѣ глаза. Какъ я обрадовалась, увидѣвъ передъ собой дядю Петка, нашего добраго сосѣда! Я бросилась обнимать его, но вдругъ въ страхѣ отшатнулась; его лице было изранено и изъ груди его текла кровь. Увидѣвъ, что я испугалась, онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣжностію и сказалъ мнѣ: не бойся, дитя, я сейчасъ сдѣлаю, что кровь перестанетъ идти! И, въ самомъ дѣлѣ, кровь, которая струилась изъ его груди, черезъ нѣсколько минутъ остановилась; тогда я бросилась къ нему на шею и обняла его. Онъ прижалъ меня къ своей груди и, обливая меня слезами, шепталъ мнѣ:—несчастное дитя, ты осталась сиротою!... Ты никогда уже не увидишь того мѣста, гдѣ родилась! Я не понимала, почему онъ мнѣ это говоритъ и продолжала гладить по его морщинистому челу. Идемъ, несчастное дитя! сказалъ онъ и повелъ меня впередъ. Мнѣ казалось, что онъ бѣжалъ необыкновенно быстро.

— А мама, а сестра..... съ кѣмъ онѣ остались? спросила я своего спутника.

— Онѣ пошли впередъ,— пробормоталъ онъ и удвоилъ шаги.

Вскорѣ мы вошли въ лѣсъ. Дядя Петко такъ быстро бѣжалъ, что я изнемогла до слезъ. Не останавливаясь, онъ громко свистнулъ и передъ нами явились трое молодыхъ людей.—Скорѣе... скорѣе, сказалъ дядя Петко, потому что за нами погоня! Пока онъ это говорилъ, одинъ изъ молодыхъ людей вывелъ изъ чащи прекрасную лошадь, подалъ поводья дядѣ Петку и сказалъ ему:—Бѣги, мы тебя догонимъ. Дядя Петко въ одно мгновеніе бросился на коня, посадилъ меня впереди себя и бравый бѣлый конь полетѣлъ, какъ птица... За нами слѣдовали и тѣ молодые люди. Нашъ путь былъ длиненъ; цѣлую недѣлю мы ѣхали; наконецъ пріѣхали въ Шуменъ и тамъ я осталась... Тамъ я вышла замужъ за Волка, тамъ же родила Велика и Стояна....

Стоянка (старуха, которая дѣйствительно оказалась сестрою Рады), слушая разсказъ ея, была въ восхищеніи отъ радости, она обняла свою сестру—Раду и сказала ей:

— Ахъ, сестра! Мы жили въ одномъ городѣ, а не видѣлись!... но какъ намъ было видѣться?... Я сидѣла взаперти, какъ птица въ клѣткѣ.

— Боже! воскликнулъ Владе, становясь на колѣни передъ иконой

Digitized by Google

Богоматери; нашъ родъ, всѣ наши родные страдали отъ этихъ проклятыхъ *янычаръ* и теперь еще страдаютъ!....

— Только не мы одни страдаемъ, перебила его Стоянка; слушайте: я вамъ разскажу все и вы тогда увидите, мы ли одни страдаемъ....

— Какъ мы прибыли въ Шуменъ, я не помню, но помню, что Джамалъ-бей (начальникъ Шуменскихъ *янычаръ*, который похитилъ меня) началъ принуждать меня *отуречиться*, т. е. принять мусульманскую религію, но я не хотѣла. Онъ грозилъ мнѣ побоями и даже смертью, говорилъ еще, что онъ отрѣжетъ мнѣ руки и носъ, и въ такомъ видѣ пуститъ меня по городу; но все было напрасно; я рѣшилась пожертвовать жизнью, но не душою. Джамалъ-бей, увидѣвъ, что не можетъ убѣдить меня принять его религію, оставилъ меня въ покоѣ, но вынудилъ сдѣлаться его женою. Нѣсколько разъ я посягала на самоубійство, но каждый разъ случались препятствія, и я осталась жива. Вѣроятно, это случилось по волѣ Божіей, такъ какъ ему было угодно, чтобы я жила для спасенія другой жертвы....

Молодая красавица, при этихъ словахъ Стоянки, вздохнула и бросила на нее взоръ, въ которомъ выражалась нѣжность и признательность.

Стоянка продолжала:—Прошло уже десять лѣтъ, а я все была взаперти. Въ одну ночь, въ мою комнату ввели молодую женщину и трехлѣтнюю дѣвочку. Она была христіанка. Бѣдная! она плакала и хотѣла убить себя; но не имѣла силы воли на это, потому что возлѣ нея всегда находилась дѣвочка, которую ввели вмѣстѣ съ нею и которая оказалась ея дочерью. Я утѣшала ее, описывая ей свои страданія, но она не хотѣла ничего слышать, только кричала и рвала на себѣ волосы. Прошло три года. Джамалъ-бей все надѣялся, что его новая жертва перемѣнитъ религію, но она не соглашалась. Наконецъ онъ не шутя разгнѣвался, сталъ принуждать и меня *отуречиться*, а такъ какъ я не захотѣла, то онъ послалъ насъ на свою ферму, гдѣ и сталъ подвергать истязаніямъ ту бѣдную женщину; но въ то время какой-то рослый болгаринъ, поваливъ кулакомъ на землю Джамалъ-бея, похитилъ несчастную женщину и бѣжалъ.... Люди Джамалъ-бея бросились за нимъ, догнали его, но не могли отнять у него свою жертву, а только отрѣзали ему руку....

Digitized by Google

— Это былъ мой братъ Иванъ, воскликнулъ Петръ и, обнимая молодую красавицу, прибавилъ:

— Дочь моя! обними своего престарѣлаго отца!

Молодая красавица, не зная, что съ нею творится, обвила своими бѣлыми руками шею Петра и поцѣловала его въ морщинистое чело.

— Да, продолжалъ Петръ, ты моя дочь!.... ты моя милая Петя... Человѣкъ, который похитилъ изъ рукъ Джамалъ-бея твою мать, былъ мой братъ. Онъ принесъ твою мать ко мнѣ... Владе, иди, обними свою потерянную сестру!....

Братъ съ сестрою обнялись.... Ихъ лица оросились слезами.

— Теперь я счастливъ, воскликнулъ Волко, послѣ столькихъ несчастій, послѣ столь долголѣтней разлуки, мы опять собрались всѣ вмѣстѣ.... Станемъ же теперь веселиться!....

Пока онъ говорилъ эти слова, раздались, по болгарскому обычаю, печальные голоса старыхъ бабъ, которыя, сидя одна возлѣ другой, съ грустнымъ чувствомъ пѣли пѣсни, въ которыхъ изображались болгарскія страданія отъ *янычаръ* и *кирджаліевъ*.... И эти пѣсни вызвали слезы всѣхъ слушателей.... Когда старушки умолкли, раздались звучные голоса молодыхъ, которыя пѣли *юнацкія* старо-болгарскія пѣсни. Наконецъ завизжали *гайды*, *кавалы*[1]) и другіе инструменты, раздались радостныя восклицанія, начались танцы *рачаницы*, *хойса*[2]) и др., отъ которыхъ ходуномъ ходилъ домъ Волка.

IX. Ужасы.

Веселье вскорѣ распространилось по всему Прѣславу. Парни и дѣвушки, сопровождаемые музыкальными инструментами, отдѣлились отъ общаго пиршества и въ разныхъ мѣстахъ устроили хороводы. Не было ни одной души въ Прѣславѣ, которая бы не веселилась; *гайды*, *кавалы*, *свирѣли* и весело-шумныя восклицанія оглашали воздухъ.....

Веселье еще продолжалось въ Прѣславѣ, прѣславскія окрест-

---

1) *Гайда*— волынка, мѣшокъ, на подобіе итальянскихъ. *Перев.*

2) *Рачаницы*, или рѣченицы на подобіе казачка; а *хойса*-видоизмѣненныя рачаницы. *Перев.*

Digitized by Google

ности еще были полны радостныхъ отголосковъ,... Но вдругъ раздались крики отчаянія:

— Кирджаліи!... идутъ кирджаліи!

Эти возгласы достигли ушей Волка.

— Опять бѣда,—воскликнулъ онъ и всталъ изъ-за стола.

— Кирджаліи..... будемъ защищаться, земляки!... Кирджаліи близко! Послышались опять тѣ же крики отчаянія.

Гайды, свирѣли, восклицанія умолкли. Все это въ одну минуту прекратилось и воцарилась гробовая тишина.

— Кирджаліи! кирджаліи здѣсь!.... Охъ! тяжко! горе намъ! послышались въ третій разъ голоса безнадежнаго отчаянія.

Прѣславцы были перепуганы.... Они забыли веселье; дѣти разревѣлись; женщины рыдали; мужчины бѣгали взадъ и впередъ, не зная сами, что они дѣлаютъ. Переполохъ былъ страшный.... Онъ еще долѣе продолжался бъ, если бы въ Прѣславѣ не было людей съ *юнацкимъ* сердцемъ....

— Не бойтесь, послышался звучный голосъ на одномъ концѣ Прѣслава.

— Не робѣйте! вторилъ другой голосъ въ центрѣ.

— Не будьте трусами! откликнулся третій голосъ на противоположномъ концѣ Прѣслава.

Это были: Велико, Владе и Стоянъ.

Какъ только заслышали они первый крикъ, захвативъ свои ружья, тотчасъ разбѣжались въ разныя стороны и стали ободрять своихъ земляковъ.

— Скорѣе! скорѣе! берите ружья и приготовляйте острые ножи! кричали они, держа въ рукахъ обнаженные кинжалы,—*кирджаліи* еще далеко, и мы успѣемъ еще оградить свое село повозками не хуже любой крѣпости.... А наши ружья, наши ножи покажутъ имъ, что мы такихъ незванныхъ гостей встрѣчаемъ пулями и острыми ножами.

Эти слова пробудили энергію въ заснувшихъ отъ страха сердцахъ Прѣславцевъ: вмѣсто того, чтобы безцѣльно бродить взадъ и впередъ, они занялись работой... и черезъ полчаса Прѣславъ былъ огражденъ повозкаии, за которыми Прѣславцы храбро поджидали своихъ нежданныхъ гостей.

Скоро передъ Прѣславомъ показалась густая пыль и по-

Digitized by Google

слышались издали дикіе крики. Это была орда Аклы-бея, которою онъ лично командовалъ.

— Прѣславъ! Прѣславъ! крикнулъ онъ, увидѣвъ наше село.

Около двухъ сотенъ отборныхъ кирджаліевъ пустили своихъ лошадей на рысяхъ къ Прѣславу. Но Прѣславцы встрѣтили ихъ выстрѣлами такъ удачно, что не уцѣлѣлъ никто....

Аклы-бей, увидѣвъ, что его лучшіе юнаки поплатились жизнью, схватилъ себя за голову и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Бейте, *кирджаліи*! Пусть и Прѣславъ постигнетъ та же участь, которая постигла Жеравну!.... Никого не оставляйте въ живыхъ!....

Кирджаліи, какъ бѣшеные, напали на Прѣславъ, и вотъ залпы ружейныхъ выстрѣловъ и лязгъ сабельныхъ ударовъ огласили окрестности Прѣслава. Прѣславцы такъ мужественно защищались, что *кирджаліи* готовы уже были бѣжать, но вдругъ въ самомъ центрѣ Прѣслава вспыхнулъ сильный пожаръ, который привелъ въ ужасъ всѣхъ Прѣславцевъ.

Этотъ пожаръ начался изъ дома Волка. Эминъ, по внушенію Джамалъ-бея, скрылъ въ Прѣславѣ около десяти человѣкъ *янычаръ* изъ своей дружины, которымъ приказалъ, чтобы они, при нападеніи на Прѣславъ *кирджаліевъ*, зажгли домъ Волка,—что они и сдѣлали. Волко, который также дрался съ *кирджаліями*, увидѣвъ, что его домъ горитъ, бросился тушить въ виду опасности въ случаѣ распространенія огня для всего Прѣслава; помогала ему тушить даже Рада. Но едва только онъ приблизился къ своему дому, какъ съ десятокъ *янычаръ* бросились на него, схватили и связали его. Рада бросилась спасать мужа, но и ее ждала та же участь.

Велико и Стоянъ поспѣшили на помощь, но Эминъ явился предъ ними съ десяткомъ новыхъ янычаръ, которымъ они принуждены были сдаться.

— Идемъ теперь въ Шуменскіе Балканы, сказалъ онъ, увидя ихъ.

Горе Прѣславцамъ! Они остались только съ Владе, а Велика и Стояна некому было замѣнить между ними!

Увидѣвъ, что въ центрѣ Прѣслава вспыхнулъ пожаръ, *кирджаліи* съ новымъ мужествомъ и съ большей силой напали на Прѣславцевъ. Съ большимъ напряженіемъ силъ Прѣславцы едва-едва

Digitized by Google

выдержали натискъ; но звучный голосъ Владе и его острый кинжалъ, сверкавшій надъ головами *кирджаліевъ*, какъ будто придали имъ новыя силы и они принудили *кирджаліевъ* отступить... Но увы! это было только въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился Владе.... Съ другого конца Прѣслава *кирджаліи* одолѣли и ворвались въ Прѣславъ. Владе бросился въ ту сторону, но еще издали вдругъ остановился, поднялъ руки къ небу и сказалъ:

— Боже! что я вижу? Женщины и дѣти дерутся съ *кирджаліями*.

И, въ самомъ дѣлѣ, женщины длинными кольями защищались противъ кинжаловъ *кирджаліевъ*, а дѣти бросали въ нихъ камнями. Сестра Владе, Петя, стояла неустрашимо впереди строя храбрыхъ женщинъ; она была похожа на амазонку. На ея головѣ развѣвался длинный красный платокъ; а ея правая рука ловко управлялась съ острымъ ножемъ, который часто омывался въ крови невѣрныхъ *кирджаліевъ*.

— *Братко*! воскликнула она, смотря на брата,—иди скорѣе, помоги, потому что я устала!..... ско.....

Она еще не окончила слова—скорѣе, какъ свирѣпый *кирджалій* вонзилъ въ ея грудь широкій кинжалъ, и она упала....

Когда Владе съ нѣсколькими Прѣславскими юнаками увидѣлъ, что Петя убита, у всѣхъ ихъ вырвался изъ груди крикъ, и они еще съ большею энергіею бросились на *кирджаліевъ*.... но напрасно! *кирджаліи* уже овладѣли Прѣславомъ!

Мало-по-малу громкіе крики и перестрѣлка умолкали и наконецъ совершенно затихли. Прѣславъ обратился въ груду пепла! Всѣ Прѣславцы сложили свои головы.... *Кирджаліи* же, несмотря на свою многочисленность, остались въ очень ограниченномъ числѣ, да и то, по большей части, израненные....

Часъ спустя подъ Прѣславомъ показались десятка полтора *янычаръ*, между которыми находились и четверо связанныхъ болгаръ. Это былъ Эминъ со своею дружиною, а плѣнниками были: Волко, Рада, Велико и Стоянъ.

— Посмотрите, какъ теперь выглядываетъ Прѣславъ, сказалъ Эминъ, обращаясь къ своимъ жертвамъ и показывая на обгорѣлыя развалины.

Волко, его жена и сыновья взглянули, залились слезами и опустились на колѣни. Они не произнесли ни слова, но ихъ слезы

Digitized by Google

показывали, что они чувствуютъ невыразимую печаль.... И могли ли они не чувствовать ея, когда ихъ родимое село—Прѣславъ—обратилось въ пепелъ?...

— Боже! воскликнулъ Волко, съ глубокимъ вздохомъ,—нѣтъ нашего Прѣслава! безчеловѣчная рука и его не пощадила!....

И Владе вмѣстѣ съ отцемъ и сестрою погибъ отъ руки *кирджаліевъ*! сказалъ Стоянъ голосомъ, полнымъ глубокой грусти.

— Богъ милостивъ! сказалъ Волко, устремивъ молящій взоръ къ небу; онъ не оставитъ насъ. Наши враги умертвятъ только наши тѣла, а души перейдутъ къ Нему, чтобъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.... Будьте спокойны, дѣти! продолжалъ онъ, видя, что его жена и дѣти начали громче рыдать:—насъ ожидаютъ жестокія, но все таки лишь временныя муки, а тамъ (и онъ показалъ на небо), тамъ насъ ждетъ милость и благодать Божія!.... Да будетъ воля Господня!....

При этихъ словахъ Эминъ приблизился къ нему и, зажавъ ему рукой ротъ, сказалъ:

— Не Богу вашему такъ угодно,—а намъ!

— Молчи, Эминъ! грозно крикнулъ Волко и хотѣлъ вырвать кинжалъ изъ рукъ Эмина.... Но увы! его руки были связаны!

— Потише! сказалъ Эминъ презрительнымъ тономъ, ударивъ Волка при этомъ такъ сильно, что тотъ едва устоялъ на ногахъ. Потомъ Эминъ сталъ подгонять палкой своихъ плѣнниковъ, шедшихъ впереди его, приговаривая:—скорѣе, скорѣе идите, потому что уже не много осталось времени, когда вы отправитесь на тотъ свѣтъ.... Вы умрете позорной смертью!

Волко съ женой и сыновьями шли медленно и не проронивъ ни слова, словно ягнята на закланіе; они были увѣрены, что ихъ убьютъ, но, чувствуя себя невинными, они шли на встрѣчу грозной смерти, читая про себя молитвы.

Солнце клонилось къ закату, когда Эминъ со своими плѣнниками остановился на томъ роковомъ мѣстѣ, гдѣ мы застали Владе съ товарищами въ ту ночь, когда они освободили Велика и Стояна.

— Здѣсь будутъ ваши могилы, сказалъ Эминъ Волку, указывая на глубокій, почти бездонный оврагъ.

Волко улыбнулся и ничего не сказалъ въ отвѣтъ.

— Вы что-то ужь очень хладнокровно смотрите на предстоя-

Digitized by Google

щую вамъ грозную смерть..... сказалъ Эминъ, увидѣвъ, что Волко и его сыновья не выказываютъ боязни.

— Мы не боимся смерти, хотя бы она была самая лютая, сказалъ съ покорностію Волко,—ты насъ не можешь убить!....

По лицу Эмина скользнула гнѣвная судорога.

— Вижу, сказалъ онъ, что вы налѣетесь, что васъ освободитъ опять тотъ проклятый *юнакъ*; но напрасно! Я послалъ сотню *янычаръ* разыскать его, они непремѣнно найдутъ и схватятъ его.... и.....

Эминъ замолчалъ, не окончивъ своей рѣчи. Изъ чащи показался человѣкъ, въ одеждѣ котораго съ головы до ногъ преобладало золотое шитье и драгоцѣнности. Онъ держалъ въ правой рукѣ отрѣзанную только что голову, изъ которой струилась кровь.

Это былъ Джамалъ-бей.

— Узнаешь ли ты, чья это голова, спросилъ онъ, приблизившись къ Эмину.

Эминъ, зорко взглянувъ на отрубленную голову, радостно воскликнулъ:

— Голова Аклы-бея! Развѣ онъ такъ легко сдался?

— Что же ему оставалось, какъ не сдаться? У него осталась всего одна сотня израненныхъ *кирджаліевъ*, а я напалъ на него съ пятью сотнями храбрыхъ *янычаръ*.... Видишь ли, Эминъ, какъ хорошо обдѣлалъ я свои дѣла? Голова Аклы-бея въ моихъ рукахъ; Караманъ-бея нѣтъ уже на этомъ свѣтѣ, а Волко со всѣмъ своимъ семействомъ—мой плѣнникъ и готовится удовлетворить своею смертью мою кровную месть!....

— Подавишься, проклятый! воскликнулъ Волко и при этомъ плюнулъ въ лицо Джамалъ-бею,—мы въ твоихъ рукахъ... ты воленъ, на всей своей волѣ, мстить намъ!.... но знай, проклятый, что и ты не останешься безъ наказанія. Нашъ милостивый царь, султанъ Махмудъ, строго тебя накажетъ за твои безчисленныя злодѣйства!... Если же онъ не узнаетъ о твоихъ злодѣяніяхъ и не накажетъ тебя, то Всевышній Богъ воздастъ тебѣ должное за твои поступки!...

Выслушавъ нетерпѣливо эти слова Волка, Джамалъ-бей усмѣхнулся и сказалъ:

— Богъ меня не накажетъ, потому что я мщу невѣрнымъ *гяурамъ*. А другой никто, кромѣ Бога, не смѣетъ трогать *янычаръ*...

Digitized by Google

— Вы скоро исчезнете съ лица земли! воскликнулъ Волко,—милостивый султанъ Махмудъ уничтожитъ всѣхъ *янычаръ*....

(Пророчество Волка исполнилось; не прошло и десяти лѣтъ, какъ султанъ Махмудъ, подъ вліяніемъ чувствъ человѣколюбія, окончательно уничтожилъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ *янычаръ*).

Джамалъ-бей вышелъ изъ себя; ударивъ изо всей силы несчастнаго Волка, онъ съ гнѣвомъ сказалъ Эмину:

— Скорѣе, Эминъ, скорѣе дѣлай свое дѣло.... Я не могу больше терпѣть, чтобъ черезъ полчаса было все готово! Какъ только начнется казнь, я приду полюбоваться.... Но постарайся не торопиться съ ихъ смертью: ихъ надо помучить немного.

Отдавъ эти приказанія, Джамалъ-бей скрылся въ темной чащѣ.

Эминъ оставался нѣсколько минутъ въ задумчивости. Потомъ приложилъ свою руку ко лбу и сказалъ:

— Меня беретъ страхъ!... разомъ въ обоихъ ушахъ зазвенѣло... но... ничего! что мнѣ приказано, то я и буду дѣлать....

Эминъ, при помощи нѣсколькихъ товарищей, быстро привязалъ Велика и Стояна другъ противъ друга къ двумъ деревьямъ и развелъ подъ каждымъ небольшой огонь, чтобы медленно сжечь эти ни въ чемъ неповинныя предъ нимъ жертвы. Неудовольствовавшись еще и этимъ, злобный Эминъ отрѣзалъ у каждаго изъ нихъ уши и носы.

Велико и Стоянъ съ благоговѣніемъ подняли глаза къ небу и шептали горячую молитву; они не испугались грознаго огня, но, почувствовавъ страшную нестерпимую боль, которую причинилъ имъ разведенный подъ ними огонь, они крикнули родителямъ

— Прощайте, милые! мы отправляемся къ Царю Небесному!...

Больше они не могли ничего сказать: огонь охватилъ ихъ съ четырехъ сторонъ и не позволилъ имъ договорить прощальное слово свое.... Дальше слышались только глухіе стоны, которые могли бы заставить трепетать каждаго.

Волко и Рада хотѣли броситься обнять въ послѣдній разъ своихъ милыхъ дѣтей.... Бѣдные! они забыли, что были связаны... Они хотѣли, по крайней мѣрѣ, поцѣловать ихъ, но жестокій Эминъ оттолкнулъ ихъ, сказавъ при этомъ грознымъ тономъ:

— Стойте! теперь ваша очередь.... и съ обычной безчеловѣчностью посадилъ ихъ на колья!...

Digitized by Google

Крики несчастныхъ жертвъ, умиравшихъ въ ужасныхъ мученіяхъ, разнеслись по Шуменскому Балкану.

Въ это время показался Джамалъ-бей; онъ сидѣлъ на прекрасномъ конѣ, который, какъ и сѣдокъ, сіялъ въ убранствѣ своемъ золотомъ. Увидѣвъ, что его жертвы переносятъ столь ужасныя мученія, Джамалъ-бей улыбнулся, погладилъ свою бороду и радостно воскликнулъ:

— Живи, Джамалъ-бей, живи! Ты отомстилъ!.. Наконецъ исполнилось твое желан....

Онъ не успѣлъ сказать слово—желаніе, какъ вдругъ его конь испугался, началъ метаться, какъ бѣшеный, сбросилъ Джамалъ-бея, который, къ своему несчастію, не успѣлъ вынуть одну ногу изъ стремени и, уносимый быстро лошадью, самъ кончилъ жизнь очень нежданно, получивъ смертельную рану при паденіи съ лошади отъ удара о дерево....

Эта явная кара Божія пробудила раскаяніе въ Эминѣ, онъ схватилъ себя за голову, посмотрѣлъ на небо и сказалъ:

— Боже! что я дѣлалъ до сихъ поръ?

Послѣ этихъ словъ Эминъ бросился въ огонь, въ которомъ были сожжены Велико и Стоянъ, и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними....

X. Эпилогъ.

Солнце близилось къ западу. Мягкій, прохладный вѣтеръ тихо вѣялъ и несъ съ запада густыя облака, которыя готовились скрыть въ своихъ объятіяхъ угасавшее уже солнце. Стада овецъ, которыя были разсѣяны по Шуменскимъ долинамъ, готовились возвратиться домой. *Кавалы* и свирѣли пастуховъ раздавались со всѣхъ сторонъ. Здѣсь и тамъ по проложеннымъ дорожкамъ поспѣшно шли запоздалые путники; спѣша, чтобы не быть застигнутыми ночью въ дорогѣ....

Только дорога изъ Шумена въ Драгоево была тиха; по ней, кромѣ одного молодого человѣка, не шелъ никто. Этотъ молодой человѣкъ былъ странно одѣтъ: одна половина его одежды была сожжена, а другая—изодрана. Его лице было блѣдно и очень изнурено... Онъ часто вздыхалъ, поднималъ свои полные слезъ глаза къ небу и тихо шагалъ, опираясь на длинную палку, которую несъ въ рукахъ....

Digitized by Google

Вдругъ онъ остановился, посмотрѣлъ по направленію къ Прѣславу и сказалъ:—еще дымится! два дня уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ это село обращено въ пепелъ, а черный дымъ еще свидѣтельствуетъ о недавнихъ страшныхъ ужасахъ.... Ахъ, тамъ погибли отецъ и сестра!...

Онъ глубоко вздохнулъ, отеръ слезы, которыя показались на его глазахъ, и продолжалъ свой путь.

Приблизясь къ мѣстности Маркишь (мѣстность эта уже извѣстна читателямъ), онъ скрылся въ темную чащу и полчаса спустя показался передъ маленькимъ домикомъ (жилище *самодивъ*). Опершись на палку, онъ смотрѣлъ безумными глазами на этотъ маленькій домикъ, повидимому, привлекавшій его особое вниманіе.... Изъ глазъ его струились безконечныя слезы по его исхудалому лицу, но онъ не замѣчалъ ихъ.... Ни веселое чириканье птицъ, гармонически раздававшееся со всѣхъ сторонъ, ни шумъ деревьевъ, качавшихся отъ тихаго вѣтра, ни свирѣли пастуховъ, достигавшіе его слуха—ни на минуту не могли отвлечь его отъ его горькой душевной печали...

— Увы! вскричалъ онъ, становясь на колѣни, увы! все кончено.... все потеряно.... Нѣтъ у меня ни отца, ни дяди, ни двоюродныхъ братьевъ, ни сестры; всѣ всѣ погибли!.... Одинъ только я остался въ живыхъ, чтобы мучиться, припоминая прошлыя горести всей нашей семьи.... О, я несчастный! Кто меня утѣшитъ? Кто избавитъ меня отъ моей печали? Кто уничтожитъ мои ужасныя воспоминанія?—Никто.... Все кругомъ молчитъ.... все пусто, все мертво... Нѣтъ ни отца, ни милой сестры! Ахъ, сестра! Для того ли мы нашли одинъ другаго? Почему ты не приходишь утѣшить меня?... Гдѣ ты? увы! тебя ужъ нѣтъ! Ты тамъ.... тамъ на небѣ...

Владе умолкъ, его душили слезы.

Оправившись онъ продолжалъ:

— Да, сестра, мы нежданно нашли тебя, и опять также нежданно потеряли! Чтобы защищать отца, когда *кирджаліи* напали на Прѣславъ, ты взяла широкій кинжалъ и стала въ ряды противъ этихъ кровожадныхъ звѣрей. Отъ твоего кинжала пало ихъ больше, чѣмъ отъ моего.... Милая сестрица!... Ты меня звала на помощь.... но я—увы, я не могъ тебѣ помочь! Проклятый *кирджалій* вонзилъ въ твою дѣвственную грудь острый ножъ и я увидѣлъ тебя мертвою!... Въ ту же самую минуту убитъ былъ и отецъ

Digitized by Google

*

нашъ.... Милые мои! мой острый ножъ отомстилъ за васъ, но не возвратилъ мнѣ васъ! О! я искалъ смерти, звалъ ее; но она не явилась.... я не умеръ, но остался въ живыхъ— послѣдній изъ большой семьи нашей....

Послѣ этого продолжительнаго монолога, Владе всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился около одной могилы, въ которой, судя по кресту, поставленному надъ нею, можно было угадывать,—были погребены останки христіанина. Приблизясь къ этой могилѣ, онъ обнялъ ее и оросилъ слезами.... Потомъ, ставъ на колѣни, онъ воскликнулъ полнымъ глубокаго чувства голосомъ:

— Мама, милая мама! встань, милая моя!... выйди изъ своей холодной могилы и взгляни на своего сына Владе, что изъ него сдѣлалось!.... встань, мама!... встань и утѣшь меня! Я долѣе не могу выносить!... Но, увы! ты спишь глубоко... Ты не слушаешь меня!... Прости меня, мать моя, прости! скоро я приду къ тебѣ!...

Послѣ этого Владе еще разъ поцѣловалъ холодную могилу; затѣмъ всталъ и приблизился къ воротамъ дома; но прежде чѣмъ войти въ домъ, онъ бросилъ палку въ сторону и, поднявъ руки и полные слезъ глаза къ небу, сказалъ:—Боже! взгляни на меня недостойнаго и отчаявшагося! Прости мой грѣхъ, на который я рѣшился, не будучи въ состояніи терпѣть столь непосильную скорбь! Прости мнѣ, милосердный Боже! Ты знаешь, какъ одолѣла меня скорбь, какъ разрывается мое сердце на части и что уже нѣтъ у меня силъ терпѣть!... Прости мнѣ! прости!....

Сказавъ эти грустныя слова, онъ вошелъ въ домъ, вошелъ, чтобы не выйти никогда....

Часъ спустя этотъ маленькій домикъ, который считался жилищемъ *самодивъ*, загорѣлся съ четырехъ сторонъ, а, черезъ четверть часа, обратился въ пепелъ.

Погибъ Владе или нѣтъ,—это, какъ для насъ, такъ и для нашихъ читателей, остается неизвѣстнымъ.

Пер. Китанчевъ и Н. З—цкій.

Digitized by Google

ІОАННЪ ГУСЪ.

ДРАМА ВЪ 5-ти ДѢЙСТВІЯХЪ и 10-ти КАРТИНАХЪ.

Соч. ІОСИФА К. ТЫЛЯ.

(Съ чешскаго).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сигизмундъ, нѣмецкій императоръ.
Вячеславъ IV, чешскій король, его братъ.
Софія, супруга Вячеслава.
Іоаннъ XXIII, римскій папа.
Петръ Анджели, кардиналъ и легатъ папскій.
Альбикъ Уничовскій, пражскій архіепископъ.
Степанъ Палечъ, мистръ св. Писанія.
Мистръ *Михаилъ Чешскобродскій*, прокуроръ пражской епархіи въ Римѣ.
Іоаннъ Гусъ, мистръ философіи, проповѣдникъ въ Виѳлеемской капличѣ и профессоръ пражскаго университета.
Іеронимъ, по прозвищу *Пражскій*, мистръ философіи, его другъ.
Янъ Жижка Троцновскій.
Ганушъ Хлумскій, по прозвищу Кепка.
Вокъ Вальдштейнскій, королевскій придворный.
Патеръ *Блажей*, изъ ордена Миноритовъ.
Маргарита, мать Гуса.
Лупачъ, *Гавликъ* } студенты пражскаго университета.
Шембера, пражскій гражданинъ.
Ката, его жена.
Мартинъ Кридельо, звонарь въ Виѳлеемской капличѣ.
Латикъ, его пріятель.

Digitized by Google

*Роберт*ъ, констанцскій тюремщикъ.
*Курт*ъ, констанцскій гражданинъ.
*Вольф*ъ, старуха, констанцская гражданка.

Кардиналы, монахи, придворные, императорская гвардія, папская свита, пажи, фрейлины, народъ и солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Прагѣ въ различныхъ мѣстахъ, въ селѣ Гусинцѣ и наконецъ въ г. Констанцѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина 1-я.

Площадка передъ Виѳлеемской капличей въ Прагѣ.

Народъ идетъ въ капличу группами и поодиночкѣ въ значительномъ числѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Маргарита, *дряхлая старуха, опершись на палку, сидитъ на камнѣ подлѣ капличы.*

Шембера и Агата *встрѣчаются.*

Шембера. Агата, сударыня! Я выслѣдилъ тебя.

Агата. Я не заметаю за собой слѣдовъ, чтобъ меня надо было выслѣживать, я дѣлаю явно, что велитъ мнѣ совѣсть.

Шембера. А развѣ не приказывалъ я тебѣ, я, твой господинъ и супругъ, заработывающій на тебя мозольнымъ трудомъ кусокъ хлѣба, не приказывалъ я тебѣ развѣ не ходить въ это еретическое гнѣздо? не запрещалъ я тебѣ портить моихъ дѣтей этой пагубой? А ты все таки летишь въ эту дьявольскую берлогу, будто самъ чортъ тебя мчитъ по вѣтру.

Агата. Приказывай мнѣ, какой супъ я должна варить для тебя; а о пищѣ моей духовной оставь, пожалуйста, заботу.

Шембера. О, грѣховная слѣпота! Духовная пища! Пища изъ ядовитаго сосуда! Пища изъ оскверненныхъ устъ человѣка, въ которомъ сидитъ самъ сатана.

Digitized by Google

Агата. Ступай и напѣвай въ уши это своимъ товарищамъ, если они захотятъ еще тебя слушать; мнѣ же предоставь идти своей дорогой.

Шембера. Ни съ мѣста!

Агата. Господинъ Шембера, не злоупотребляй моею добротой! Я не хвастаюсь, что работаю на тебя, но это доказываютъ мои руки.... Предоставь лишь свободу мнѣ въ томъ, что согрѣваетъ мою душу и даетъ сердечное исцѣленіе.

Шембера. Но я не желаю, чтобъ ты согрѣвала свою душу въ чистилищѣ и находила исцѣленіе въ адской гортани. Пойдемъ со мною въ храмъ Господа, гдѣ....

Агата. Гдѣ слуга антихристовъ опаиваетъ людскія души и завлекаетъ ихъ въ тьму непроглядную! Не правда ли? Ходить во храмъ,—подобно тебѣ, невыпеченному Чеху,—гдѣ терзаютъ мою душу нѣмечиной; стоять въ церкви, какъ столбъ, и не ощущать теплаго луча въ словѣ Божіемъ? Ступай ты одинъ въ подобную папскую яму; моей же душѣ предоставь впивать въ себя небесную росу, изливающуюся изъ устъ виѳлеемскаго проповѣдника! (*Идетъ въ капличу*).

Шембера. О міръ порочный! Когда же прилетъ на тебя архангелъ Михаилъ съ мечемъ огненнымъ? (*Уходитъ*).

Маргарита (*внимательно слушавшая, встаетъ*). О, распятый Спаситель! что я слышала? И между мужемъ и женой растутъ уже плевелы раздоровъ и несогласій! Городъ полонъ недобраго броженія, изо всѣхъ концовъ земли грозныя вѣсти—и все это, благодаря виѳлеемскому проповѣднику? Іисусе Христе! сохрани во мнѣ сознаніе, просвѣти душу мою и повѣдай, должна ли я войти туда, или нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лупачъ и Маргарита.

Лупачъ (*входя напѣваетъ*).

Збинекъ бискупъ въ своемъ градѣ
Проповѣди свои крадетъ!

(*Завидя Маргариту.*) Salve mater speciosa! (*хочетъ войти въ капличу*).

Digitized by Google

Маргарита. Ахъ, это, навѣрно, студентъ, какимъ былъ когда-то и Янъ. Послушай-ка, юноша!

Лупачъ. Меня зовешь, старушка ветхая?

Маргарита. Прошу тебя, сынокъ! если тебѣ не къ спѣху, отвѣчай старой чужой женщинѣ на нѣсколько вопросовъ.

Лупачъ. Отвѣчу, изволь экзаминовать!

Маргарита. Ты въ университетѣ пражскомъ, не правда ли?

Лупачъ. Bene sentis; вѣрно, бабушка! у тебя хорошій нюхъ. Я пражскій студентъ.

Маргарита. (*про себя.*) Ахъ, вѣрно: мой Ваня точно такъ когда-то выглядывалъ!—Такъ ты, значитъ, знаешь пражскихъ магистровъ, тѣхъ ученыхъ господъ?

Лупачъ. Знаю.

Маргарита. А того, что въ этой каплицѣ—вѣдь это Виѳлеемъ?

Лупачъ. Откуда ты пожаловала, старуха, что теперь лишь спрашиваешь, Виѳлеемъ ли это? Да, это Виѳлеемъ, тотъ Виѳлеемъ, котораго имя не забудется, пока Чешскій народъ будетъ чтить святыя мѣста, пока не погибнетъ послѣдній звукъ чешскій въ звукахъ трубы Архангела, который явится звать на страшный судъ! Это Виѳлеемъ, изъ котораго выйдетъ чешскій Мессія.

Маргарита. Не сердись, юноша! и извини старой женщинѣ ея невѣжество. Ты знаешь того магистра, который здѣсь проповѣдываетъ?

Лупачъ. Магистра Яна? Кого же бы мнѣ и знать, какъ не человѣка, котораго духомъ Прага вновь оживилась и вся Чехія воскресла? Кого же и долженъ знать чешскій студентъ, если онъ не зналъ бы магистра, который въ справедливомъ бою добился правъ для чешскаго студента, который подъ собственной крышей долженъ былъ уступать чужеземцамъ? Янъ Гусъ—это кумиръ чешскаго студента, онъ же яркая звѣзда, взошедшая надъ Чешскимъ королевствомъ!

Маргарита. Лишь бы звѣзда эта не оказалась падучею, какъ мы часто видимъ въ тихую ночь! Такъ, значитъ, ты уважаешь магистра, сынокъ мой? можетъ быть, даже любишь?

Лупачъ. Что такое: любишь? Если бы я могъ въ это щедушное слово совмѣстить, что я ему служу душой и тѣломъ, что я готовъ быть на посылкахъ для его прихотей и желаній, что я его

Digitized by Google

тѣнь и отголосокъ, что я охотно до послѣдней капли пролилъ бы за него кровь: ну тогда бы я сказалъ, что я люблю его!

Маргарита. О, золотой мой! Значитъ, ты близокъ къ магистру?

Лупачъ. Одинаково со всѣми соучастниками въ его виѳлеемской трапезѣ.

Маргарита. И тебя не гнетутъ угрызенія совѣсти, какъ доказываютъ твои веселые глаза? Ты не боишься потерять право на спасеніе души?

Лупачъ. О, зловѣщая Сивилла! Откуда ты набралась подобныхъ сомнѣній? Бояться потерять спасеніе души подлѣ виѳлеемскаго проповѣдника?! Я же скажу тебѣ: бойся за свою душу, если ты не подлѣ него!

Маргарита. Я рада быть подлѣ него! Я рада благословить дорогую голову, на которую сыплются со многихъ сторонъ проклятія!

Лупачъ. Пусть сыплются, матушка! Это совы каркаютъ, какъ при восходѣ новаго утра съ могучимъ блескомъ, котораго онѣ не могутъ снести при своемъ зрѣніи, привыкшемъ въ темнотѣ! Но кто ты, почтенная женщина, что съ такой обстоятельностью разспрашиваешь про магистра?

Маргарита (*со вниманіемъ поглядѣвъ на него*). Тебѣ, сынокъ, могу я довѣриться—тебя, вѣдь, послало мнѣ само Небо! Во всей Прагѣ знаетъ меня только одна особа, и особа эта—вотъ этотъ вашъ проповѣдникъ.

Лупачъ. Мистръ Гусъ?

Маргарита. Да, если онъ признаетъ себя моимъ сыномъ.

Лупачъ. Per Deos! что говоришь ты? Онъ—твой сынъ? ты—его мать?

Маргарита. На порогѣ могилы!

Лупачъ. Ты его мать? (*Становится передъ нею на колѣни и цѣлуетъ ея руку*). Мать магистра? О, дай мнѣ поцѣловать твою руку, какъ родной матери, которую я уже давно похоронилъ, ты мать—избранная между матерями! (*Быстро встаетъ*). Позволь собрать братьевъ—весь университетъ, все студенчество, чтобъ прославить день, когда порогъ нашъ переступила мать нашего магистра.

Маргарита. Остановись, юноша, и замолчи! Я пришла....

Digitized by Google

Лупачъ. Чтобы душу, одряхлѣвшую отъ старости, оживить пыломъ сыновней любви и его славной извѣстности!

Маргарита. Или разлиться въ слезахъ и потерять послѣднія силы.

Лупачъ. Что за идеи овладѣли тобою, матушка? Онѣ навѣяны изъ дебрей пана бискупа и его приспѣшниковъ, сыновъ худшей, чѣмъ свѣтская, нравственной распущенности. Я же скажу тебѣ: магистръ Гусъ...

Маргарита. Не говори ты мнѣ ничего, а лучше проводи меня въ церковь, гдѣ я его услышу; я тогда буду имѣть право на свой собственный голосъ. Но ты не дашь ему знать, что пришла его старуха-мать производить судъ поступкамъ сына: я хочу узнать его безъ притворства.

Лупачъ. Такъ ты его увидишь и заглянешь въ самую глубь его чистой, какъ кристаллъ, души, въ которой одна святая правда свила себѣ гнѣздышко! Ну, теперь пойдемъ; я провожу тебя туда, гдѣ слова его западутъ въ твою душу, чтобъ вознесть ее, какъ могучую сосну, къ высотамъ чистой вѣры! (*уходятъ*).

Картина II.

Комната Гуса. Скромная обстановка. На столѣ бумаги и книги.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Степанъ и Гавликъ.

Гавликъ (*вводя магистра Степана*). Сдѣлайте милость, господинъ профессоръ, обождите одну минутку. Мистръ Гусъ только что кончилъ проповѣдь и навѣрно придетъ домой.

Степанъ. Много ли было народу въ храмѣ Божьемъ?

Гавликъ. Едва помѣстились въ каплицѣ. Съ той поры, какъ намъ одинъ изъ тѣхъ, что возсѣдаетъ на престолѣ апостола Петра, сдѣлался врагомъ...

Степанъ. Остановись, студентъ. Что за манера говорить о намѣстникѣ того апостола, на которомъ Христосъ обѣщалъ утвердить врата своего царствія?

Гавликъ. Простите, почтенный профессоръ! Это манера нашихъ студентовъ. Для насъ Алоизій пятый, такъ называемый римскій папа, чистый врагъ; но это не относится къ нашему разговору. Я хотѣлъ сказать только одно, что когда къ намъ Алоизій

Digitized by Google

прислалъ въ Прагу особую буллу, чтобы въ каплицахъ не было проповѣдей,—народъ толпами валитъ, какъ грибы послѣ дождя, слушать проповѣди именно въ каплицы.

Степанъ. А все таки слѣдуетъ желать, чтобы слово правды одержало верхъ и распространилось отъ востока до запада.

Гавликъ. Revera, domine reverendissime! (*съ жаромъ*). Да, это очень желательно! Велика потребность въ томъ, чтобы слово правды восторжествовало, а ложные пророки, наемные пастыри исчезли! И мы лелѣемъ надежду, что изъ Виѳлеема разольется свѣтъ по всей землѣ и прогонитъ вредныхъ наемниковъ изъ вертограда Христова. (*Кланяется и уходитъ*).

Степанъ. Что думаетъ себѣ этотъ молокососъ? Развѣ ужъ голобородые студенты догадались, какую сѣть и на какого звѣря я раскинулъ? Не удивляйся, Степанъ. Вѣдь и ты также былъ изъ числа тѣхъ слѣпыхъ служителей церкви, которые начинали снимать повязку съ глазъ въ стадѣ вѣрующихъ, забывая, что всякій глазъ въ настоящее время не переноситъ свѣта, и что иногда слѣдуетъ пасти стадо во мракѣ. Тѣмъ не менѣе, не бойся! Никто еще не заглянулъ въ твою душу! (*Пройдясь по комнатѣ, останавливается у стола, на которомъ лежатъ различныя книги и бумаги, беретъ въ руки книгу*). „О насажденіи слова Божьяго“, „О Тройцѣ“—вотъ оружіе, заимствованное изъ рукъ англійскаго врага святой церкви и вновь отточенное для ниспроверженія основъ ея! И съ нашей стороны понадобится много силы, остроумія и угрозъ, и церковь должна будетъ защищаться даже пламенемъ костра, прежде чѣмъ одолѣетъ правду, возродившуюся въ мозгу людей. Правда эта едвали исчезнетъ, какъ искра, такъ какъ она, подобно моровой язвѣ, тянется уже цѣлое поколѣніе, пока не сожжетъ она того самого, кто возжегъ ее.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Степанъ и Гусъ.

Гусъ (*еще за сценой*). Мистръ Палечъ, говоришь ты? Возможно ли? (*Входитъ*). Что за добрый ангелъ привелъ тебя еще однажды черезъ мой скромный порогъ? Привѣтъ тебѣ, пріятель! если впрочемъ я не оскорбляю тебя этимъ именемъ. Ты очень рѣдкій гость въ Виѳлеемѣ, такъ какъ живешь на архіерейскомъ дворѣ.

Digitized by Google

Степанъ. Въ настоящее время много дѣла въ домѣ Господнемъ....

Гусъ. Много, ты правду говоришь, и большого дѣла!

Степанъ. Дни проходятъ для усерднаго пастыря незамѣтно, и лишь кое-когда остается минута, которая можетъ быть посвящена дружбѣ и пріятной бесѣдѣ. Душой же я всегда у тебя и съ тобой, милый Янъ мой!

Гусъ. Охотно вѣрю, такъ какъ мы не разъ пили изъ одного бокала и приходилось спать на одной постели. И я утѣшаю себя тѣмъ, что никогда ты, идя мимо, не забылъ бы Виѳлеема. Хотя молва утверждаетъ, что ты отрекся отъ старыхъ друзей. Хотя я во многомъ обманулся, но въ тебя еще вѣры не потерялъ.

Степанъ. Благодареніе Богу! Значитъ, путь мой былъ не напрасенъ, и меня въ счастливый часъ привелъ сюда Господь.

Гусъ. Ну, что же ты скажешь?

Степанъ. Я не мимоходомъ зашелъ къ тебѣ, какъ ты выразился, любезный Янъ; но меня принудили къ этому важныя дѣла. Я не могу долѣе смотрѣть на тѣ смуты, которыя раздираютъ Чехію, увлекая ее на край гибели, гдѣ человѣческая рука ея не удержитъ, пока, бѣдная, она не низвергнется въ пропасть.

Гусъ. Та же скорбь гнететъ и мою душу, и я радъ бы знать, какъ уберечься отъ этой бѣды.

Степанъ. Помощь въ твоихъ рукахъ.

Гусъ. Какъ такъ?

Степанъ. Развѣ ты меня не понимаешь? Вѣдь это ты—глава всего движенія, которое обрушилось на основы зданія церкви, и отъ него-то пошелъ громкій отголосокъ по всей странѣ! Вѣдь ты—вождь ученія, которое грозитъ ниспровергнуть понынѣ незыблемые столпы владычества римской церкви.

Гусъ. Зачѣмъ ты говоришь лишь обо мнѣ слабомъ и недостойномъ? Почему не упоминаешь объ учителяхъ, говоря объ ученикѣ? Не обо мнѣ говори, пріятель! а о Миличѣ Кромѣрижскомъ, настоящемъ пророкѣ и карателѣ упадка нравовъ; о Матвѣѣ Яновскомъ, доблестномъ преобразователѣ въ Христовомъ вертоградѣ,— говори объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли уже задолго до меня и путь мой освѣщали, а я ужъ за ними пошелъ по слѣдамъ, какъ ученикъ. Говори о великомъ Виклефѣ, котораго геніальный умъ и

Digitized by Google

смѣлая рука стали потрясать зданіе храма, которое папство воздвигло надъ блестящимъ снаружи идоломъ извращенной вѣры,... вотъ о комъ говори; а я лишь простой работникъ въ той трудной постройкѣ, которую начали эти мастера.

Степанъ. Ты не былъ бы Гусомъ, если бы одѣвалъ свои мысли въ трескучія и безсодержательныя фразы. Мы хорошо знаемъ тебя; но развѣ въ самомъ глубокомъ тайникѣ своего сердца ты не найдешь, что именно ты въ настоящее время—истинный глава всей розни въ чешской церкви, и... что, если бы ты сошелъ съ этого пути, быстро наступило бы соглашеніе партій, находящихся въ борьбѣ и раздорѣ.

Гусъ. Я?.... И это предлагаетъ мнѣ человѣкъ, который зналъ нѣкогда каждый изгибъ моего сердца? Я долженъ сказать, что былъ прежде лжецомъ, ложнымъ обвинителемъ непогрѣшимой церкви и слова Божьяго? Свое прошедшее я долженъ самъ возвесть на эшафотъ, чтобы свѣтская ложь и духовная гордыня торжествовали свою побѣду? Дурно же ты знаешь человѣка, полагая что онъ можетъ, какъ платье, мѣнять убѣжденія!

Степанъ. Убѣжденія? Одинъ лишь вѣчный Богъ всевѣдущъ и непогрѣшимъ; людскія же убѣжденія мѣняются съ опытомъ—я это испыталъ на себѣ.

Гусъ. Не обманывай себя, желая нынче обмануть и меня! Ты теперь говоришь противъ убѣжденія! Правда пустила въ тебѣ свои корни слишкомъ глубоко, чтобы ты могъ легко ее изъ себя вырвать; она и теперь въ тѣсномъ слияніи съ тобою; но она прикрылась у тебя свѣтской корыстью.

Степанъ. Изъ-за чего ты обвиняешь меня въ этомъ?

Гусъ. Изъ-за людской неустойчивости! Я знаю тебя, ты полюбилъ правду, ты былъ противникомъ тѣхъ заблужденій, которыя извратили слова Христовы; но твое громадное честолюбіе столкнуло тебя съ истинной дороги и отдало въ руки враговъ. Изъ-за того, что не вездѣ называли тебя *первымъ* между преобразователями церкви; изъ-за того, что за свою лепту ты не получилъ въ изобиліи мірскихъ благъ,—ты покинулъ знамя истины и сталъ въ ряды ея противниковъ, гдѣ улыбается тебѣ богатая prebenda.

Степанъ. Отъ тебя, Янъ, я готовъ перенести даже и эти острые уколы прямо въ сердце!

Digitized by Google

Гусъ. Ты не хочешь быть каноникомъ? Развѣ ты не мечтаешь подъ-часъ и о епископствѣ?

Степанъ. Если бы угодно было Богу, я долженъ повиноваться. Но не изъ-за этого я, по твоимъ словамъ—измѣнически, пересталъ подкапываться подъ основы церкви; а изъ-за того, что созналъ безсиліе человѣка, безъ вліянія свыше вѣчно творческаго духа, создать на землѣ новое зданіе, подъ сѣнью котораго истинно-вѣрующіе могли бы съ чистымъ сердцемъ служить Богу. И я увидѣлъ, что слово Христово перешло уже въ дѣло, и церкви Его не одолѣютъ и врата адовы! Чего въ немъ не постигаетъ разумъ, тому должно вѣрить сердце: тогда только будетъ миръ на землѣ, на которомъ зиждется и царство небесное.

Гусъ. Съ удивленіемъ я слушаю тебя и не понимаю, какая цѣль твоей рѣчи?

Степанъ. Чтобы ты не разрушалъ, чего разрушить не въ силахъ, а чтобы подалъ руку примиренія.

Гусъ. Я никогда не желалъ смуты; я хотѣлъ лишь надлежащей реформы.

Степанъ. Реформы будутъ: сама церковь имѣетъ ихъ въ виду.

Гусъ. Церковь имѣла цѣлые вѣка для обсужденія реформъ, но и не подумала о нихъ, имѣя постоянно одну цѣль, какъ бы утвердить свѣтскую власть на развалинахъ человѣческаго разума.

Степанъ. Въ этомъ ты отзываешься Іеронимомъ. Не изъ твоего сердца вышло это обвиненіе.

Гусъ. Значитъ, ты думаешь, что церковь существуетъ, что существуютъ ея безупречные служители?

Степанъ. Оставимъ дѣло въ томъ видѣ, какъ оно есть: правда возьметъ верхъ,—ты вѣдь самъ училъ этому; пусть лишь сама она прокладываетъ себѣ дорогу; ты же протяни руку примиренія, пусть лучше найдетъ тебя торжествующая правда въ мирѣ съ церковью. Иначе нельзя въ настоящее время спасти Чехію отъ гибели. По крайней мѣрѣ, сдѣлай только одинъ шагъ къ примиренію: выдай Виклефовы книги!

Гусъ. Только? и это для суда, который назначитъ архіепископъ, не спросясь даже мнѣнія нашего университета?

Степанъ. Судъ будетъ справедливый! Но выдай книги хотя бы только для того, чтобы было очевидно, что ты желаешь всеобщаго мира!

Digitized by Google

Гусъ. Миръ этотъ скорѣе всего можетъ дать духовенство, пусть только дастъ свободный доступъ моему ученію. Своихъ же книгъ я не выдамъ.

Степанъ. Это похоже на то, какъ будто ты боишься отдать ихъ на судъ, чтобы твоя правда не стала блѣднѣе.

Гусъ. Мнѣ—бояться? Отголосокъ ли это епископскихъ совѣтниковъ, или—твое личное мнѣніе?

Степанъ. Не спрашивай меня и сдѣлай, какъ я совѣтую.

Гусъ. (*Послѣ короткаго раздумья идетъ къ двери*). Гавликъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Гавликъ.

Гусъ. Собери книги: *Діалогъ* и *Тріалогъ*, съ чешскимъ переводомъ, и все, что тутъ есть пера Виклефова, снеси все это на дворъ епископа—ну, да! вѣдь епископъ приказалъ это—не удивляйся! и скажи: мистръ Гусъ посылаетъ книги и, стоя за одно съ правдой, не страшится приговора!

Гавликъ (*покачавъ головой, собираетъ книги и уходитъ*).

Степанъ. О Янъ, великій Янъ!

Гусъ. Не торжествуй въ душѣ побѣды! Что бы вы ни сдѣлали съ этими книгами; но такого оружія нѣтъ у васъ въ рукахъ, чтобы ниспровергнуть истину. Подавить ее, оттѣснить на время вы можете; но она борьбу эту возобновитъ скоро, и я, какъ вѣрный ея защитникъ, буду стоять за нее мужественно, хотя бы за это пришлось пожертвовать жизнью!

Степанъ. Оставъ эту мысль! Это—напрасная борьба: сила духовенства такъ велика и сѣти его, увѣряю тебя, такъ раскинуты, что ты долженъ пасть, если бы задумалъ еще долѣе вести съ нимъ непосильную борьбу! Поэтому, во имя прежней нашей дружбы, умоляю тебя: оставь борьбу съ церковью! Человѣческая рука не въ силахъ одолѣть ея могущества; и хотя бы, увлекаемый своей идеею, ты боролся до послѣдняго издыханія,—ты падешь однако и погибнешь, ничего не добившись! (*уходитъ*).

Гусъ. Отъ какой гадины ты позаимствовалъ свой языкъ, что послѣ твоихъ словъ сердце у меня неспокойно бьется? До сихъ поръ я твердо вѣрилъ въ свою идею; здравый умъ народа со своими симпатіями слѣдовалъ по моимъ слѣдамъ; сѣмена моего ученія уже теперь приносятъ прекрасные плоды.... а тутъ другъ

Digitized by Google

моего дѣтства, мой прежній сотоварищъ по борьбѣ, является вѣстникомъ недобраго конца!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Гусъ и Іеронимъ.

Іеронимъ. (*въ дорожномъ платьѣ. Еще въ дверяхъ*). Милый Янъ!

Гусъ. О Боже милосердный! Іеронимъ, другъ мой! Тебя само Небо посылаетъ мнѣ для подкрѣпленія моей изнемогающей души!

Іеронимъ. Вновь ли я вижу тебя?! Вновь могу прижать къ сердцу тебя, драгоцѣннѣйшее сокровище моей души и воскликнуть: Да сохранитъ Господь тебя, славу Чешскаго народа!

Гусъ. Однако жъ откуда ты такъ нежданно? Я скорѣе надѣялся.....

Іеронимъ. Что тебя посѣтитъ епископъ Заецъ, твой добрый пріятель, какъ идетъ молва повсемѣстно; этотъ Заецъ, какъ тебѣ извѣстно, и мой благодѣтель: онъ вздумалъ преслѣдовать меня даже въ Венгріи, такъ что Остригомскій епископъ отвелъ мнѣ на двѣ недѣли квартиру въ темномъ погребѣ.... воздай ему за это, Боже! Изъ Венгріи я пробрался въ Краковъ, и тамъ видѣлъ только веселую жизнь; но и тутъ, въ хозяйствѣ прислужниковъ папы, я не оставлялъ своего дѣла, такъ-что у нѣкоторыхъ бѣдняжекъ голова пошла кругомъ. Но мнѣ предстоялъ дальнѣйшій путь—къ Русскимъ братьямъ, гдѣ сердце мое ожило. Ахъ, братецъ! Въ Россіи понынѣ центръ Славянства, какъ записано у нашихъ старыхъ лѣтописцевъ. Отъ восторга я даже заплакалъ, увидя у нихъ исчезнувшіе у насъ обычаи предковъ, самый естественный способъ совершать предъ алтаремъ службу Божію на родномъ языкѣ. Отъ рускихъ же я несу привѣтствіе нашимъ вѣрнымъ служителямъ Божьяго слова и надежду, что нѣкогда мы сольемся въ одну великую преобразованную церковь.

Гусъ. Если Славяне не исчезнутъ подъ вліяніемъ римскаго духа....

Іеронимъ. Не будемъ этого бояться: быстрому потоку новаго времени не съумѣетъ поставить серьезныхъ препятствій духовенство. Такъ скажи же мнѣ, какъ идутъ дѣла нашей церкви? Сладостно забилось мое сердце, когда я остановился предъ Виѳлеемской кап-

Digitized by Google

лицей и припомнилъ, что изъ этого маленькаго зданія распространяется свѣтъ во всѣ концы вселенной!

Гусъ. Свѣтъ распространяется..... но долженъ погаснуть! Мнѣ хотятъ запретить въ каплицѣ всякую службу, всякую проповѣдь.

Іеронимъ. Что же они дурѣютъ?

Гусъ. За приходскими лишь церквами,— и какъ я предвидѣлъ, на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, остается привилегія предлагать народу духовную пищу, какъ было въ обычаѣ, занесенномъ иноземцами, въ чешской христіанской общинѣ раньше, чѣмъ мы заявили права и проложили путь родному языку. Мнѣ же предлагаютъ закрыть святыню, гдѣ Чехъ чувствуетъ себя Чехомъ! Я долженъ погасить свѣтильникъ, разливающій вѣчный свѣтъ во всѣ концы моей обширной родины!

Іеронимъ. Нѣтъ, не должна у тебя подняться рука совершить подобное преступленіе противъ чешскаго спасенія! Собери силы и плыви противъ теченія по бурнымъ волнамъ, что гораздо приличнѣе мужу, чѣмъ плыть по спокойной глади рѣчной. Я же снова явлюсь помогать тебѣ вести ладью!

Гусъ. Да, конечно, мнѣ нужна поддержка и теплая помощь! Изъ епископской резиденціи подулъ рѣзкій вѣтеръ. Епископъ проклинаетъ Виклефа и собираетъ его книги.

Іеронимъ. Дай ему полный инвентарь его грѣховъ, а не цвѣты безсмертнаго духа, которые только завяли бы въ его рукѣ! Что же говоритъ на это Прага?

Гусъ. Магистры являются противниками всего ученія.

Іеронимъ. А король? Какъ ведетъ себя Вячеславъ? держится ли за одно съ папежниками, или съ чешскимъ ученіемъ?

Гусъ. Этого нельзя сказать опредѣленно: у короля доброе сердце, онъ желаетъ блага народу, но онъ легко попадаетъ въ разставленныя тенета, а епископъ - человѣкъ рѣшительный; да кромѣ того, благодаря постояннымъ спорамъ изъ-за папскаго престола, чисто—церковныя дѣла, королю, можно сказать, просто надоѣли.

Іеронимъ. А что же королева, набожная Софія?

Гусъ. Софія—только супруга короля, а не самъ король, во всякомъ случаѣ, она—благороднѣйшая душа.

Іеронимъ. Но смиренная, какъ ея исповѣдникъ. Мнѣ надо, во всякомъ случаѣ, заглянуть во дворецъ, чтобъ узнать, гдѣ и что

Digitized by Google

надо сдѣлать, чтобы наше колесо лучше вертѣлось. Я не переношу, если дѣло хромаетъ, или тащится, какъ слѣпецъ въ темнотѣ: цѣль должна стоять противъ меня прямо, и пусть къ ней ведетъ прямая дорога!

Гусъ. Не забѣгай впередъ, пока не будетъ произнесенъ приговоръ надъ Виклефомъ; я отослалъ его книги.... можетъ быть, что это подѣйствуетъ въ хорошую сторону и относительно меня.

Іеронимъ. Ты отослалъ книги? Ахъ, Янъ, Янъ! куда приведетъ тебя это прямодушіе? Зачѣмъ ты придаешь еще цѣну епископскимъ словамъ? Его приказы должны быть для тебя не больше, какъ пустой звукъ, ты же долженъ оставаться твердъ, какъ скала, на которую опирается чешское право. Держи въ рукахъ свою Библію, въ устахъ мечъ краснорѣчія, а на груди щитъ правды, и ты выйдешь побѣдителемъ изъ самыхъ жаркихъ схватокъ, тогда какъ носить трауръ будетъ римскій первосвященникъ! (*уходитъ*).

Гусъ. Побѣдителемъ изъ самыхъ жаркихъ схватокъ!.... Да, этой заманчивой пѣсней до сихъ поръ облегчается моя душа при всѣхъ нападеніяхъ на меня заблудшаго свѣта. До сихъ поръ живетъ во мнѣ вѣра, что я не даромъ шелъ на опасную борьбу и что, если я хочу побѣдить, я долженъ только выждать время!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лупачъ, Маргарита и Гусъ.

Лупачъ. (*отворяетъ дверь*). Excusabis, domine! Со мной идетъ гость, предъ которымъ ты раскроешь двери сердца. (*Пропускаетъ Маргариту въ комнату*).

Гусъ. О Боже милосердный! кого я вижу?

Маргарита. Сынъ дорогой мой, Янъ мой милый!

Гусъ. Матушка! (*горячія объятія*). Вотъ небеса посылаютъ мнѣ сегодня обиліе даровъ своихъ! Но что заставило тебя покинуть мирный родной кровъ и, не увѣдомивъ меня, появиться среди шумной столицы?

Маргарита. Ты заставилъ меня, сынъ мой, ты, мое дитя несчастное! Какъ неразлучные спутники не покидали меня слухи о тебѣ. Сначала говорили, что ты исполнился духа святого и его пламенный языкъ низошелъ на тебя,—и мое старое сердце оживлялось радостью. Теперь же говорятъ, что ты овца заблудшая

Digitized by Google

и что ты другихъ вводишь также въ заблужденіе,—и эти слухи угрожали разорвать на части мое сердце. И вотъ, собравъ свои ветхія силы, я отправилась въ Прагу, чтобы самой увидѣть и услышать, что дѣлаетъ сынъ мой.

Гусъ. Теперь ты можешь дать отдыхъ своимъ старческимъ силамъ и, поселившись у сына, увидѣть и услышать, что онъ дѣлаетъ.

Маргарита. Я ужъ знаю.

Гусъ. Знаешь?

Маргарита. Я дорогой разспросила, гдѣ та каплица, въ которой ты сѣешь сѣмена Божьяго слова; но мое сердце было такъ стѣснено скорбью, что, ослабѣвъ, я должна была сѣсть отдыхать у самаго порога каплицы, такъ-какъ ноги отказывались служить, а между тѣмъ пришелъ студентъ и проводилъ меня въ каплицу.

Гусъ. Потому-то у меня сегодня было такъ легко на сердцѣ, что ты была недалеко,—и душа моя, какъ на облакахъ, возносилась къ престолу Господа!

Маргарита. Да, сынъ мой.... ты такъ говорилъ, что у меня сердце трепетало отъ сладостной скорби, и я не могла не плакать... При этомъ я молила Бога, чтобъ Онъ устами твоими умножилъ Свою славу.

Гусъ. Что же теперь ты думаешь о своемъ сынѣ? Успокоилось ли твое сердце?

Маргарита. Сидя на камнѣ подлѣ каплицы, я спокойно вздремнула, въ душѣ не переставая быть въ общеніи съ тобою. Тутъ-то мнѣ пригрезилось, будто народъ сходится со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы увидать твое торжество; при этомъ взошла заря на небо, какъ будто весь востокъ горѣлъ большимъ пламенемъ, а посреди его стоялъ ты.... но я тебя узнать не могла, на тебѣ была странная одежда, словно съ какого-то фигляра.... и когда я стала тебя звать, показалась твоя фигура, и все небо залилось кровью, такъ что я въ страхѣ пробудилась.

Гусъ. Нужно ли считать твой сонъ отвѣтомъ на вопросъ мой?

Маргарита. Сны посылаются отъ Бога. Я состарѣлась, вѣря въ это; потому и прошу тебя, Янъ милый мой!—хотя ты ученый человѣкъ и служитель церкви, а я простая женщина,—сердце мое

Digitized by Google

*

всегда держалось Бога, и теперь оно тебя проситъ: сойди ты съ пути, по которому идешь.

Гусъ. Матушка, что тебѣ вздумалось?

Маргарита. Хотя твое слово воодушевляетъ и, какъ острый мечъ, проникаетъ въ сердце; но если бы я тебя послушала дальше, я думаю, что мнѣ пришлось бы отречься ото всего, къ чему понынѣ сохраняется у меня твердая вѣра; то же совершилось бы и съ остальными, хотя бы они состарѣлись въ вѣрѣ предковъ. Я, по крайней мѣрѣ, еще не слышала такого проповѣдника, какъ ты, въ Виѳлеемской каплицѣ; не настолько относительно красоты словъ и расположенія рѣчи, насколько относительно одного лишь смысла проповѣди.

Гусъ. Это судьба строгой правды, что ея такъ легко не выноситъ непривычное ухо, хотя бы она облекалась въ самые чарующіе звуки.

Маргарита. Меня однако беретъ страхъ, будто, благодаря твоимъ словамъ, старый порядокъ долженъ рушиться и должны наступить новыя времена, послѣ которыхъ свѣтъ будетъ охваченъ пламенемъ.

Гусъ. Лишь бы погибли тѣ плевелы, которые портятъ Божье благословеніе!

Маргарита. Объ этомъ предоставь заботу одному Богу: онъ лучше всѣхъ знаетъ, что полезно Его дому; ты же не разрушай смѣлой рукой того, что въ немъ понынѣ расло для утѣшенія благочестивыхъ душъ.

Гусъ. Но если я вижу ошибки, заблужденія и обманъ, долженъ ли я на нихъ отвѣчать молчаніемъ? Долженъ ли я быть заодно съ людьми себялюбивыми, которые толкуютъ слово Господне лишь для своихъ выгодъ?

Маргарита. Человѣкъ опутанъ сѣтями своей бренности, и одинъ не долженъ обвинять другаго. Пусть каждый съ благочестіемъ служитъ Господу, и на землѣ будетъ царствовать миръ.

Гусъ. Да, если бы все человѣческое племя было съ твоимъ сердцемъ, то есть съ сердцемъ небесной чистоты! Ну, тогда мнѣ не надо было бы выступать на борьбу, чтобы ниспровергнуть свѣтскую гордыню и тѣ злоупотребленія, о которыхъ я упоминалъ! (*Раздается на улицахъ звонъ церковныхъ колоколовъ и притомъ такъ, что начинается въ различныхъ мѣстахъ, пока наконецъ не*

Digitized by Google

распространяется повсемѣстно, но однако же такъ, чтобы не мѣшать разговору). Если бы божья правда царила на землѣ и человѣческіе законы имѣли свою силу, тогда мнѣ не пришлось бы возвышать голосъ, чтобы.... но что это значитъ? колокольный звонъ какъ будто возвѣщаетъ какое-нибудь побѣдное торжество?

Маргарита. Или звонятъ на чьихъ-нибудь торжественныхъ похоронахъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Лупачъ, Гавликъ, студенты и прежніе.

Лупачъ. Знаешь ли, профессоръ, что творится?

Гусъ. Что такое?

Лупачъ. Епископъ производитъ авто-да-фе, при чемъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ Виклефовы книги.

Гусъ. Что ты? не шутишь ли этимъ?

Лупачъ. Едва отправилъ ты съ Гавликомъ свои книги, какъ *мистры* стали доставлять во дворъ епископа всевозможные попавшіе имъ подъ-руку трактаты изъ ученія Виклефа.

Гавликъ. На епископскомъ дворѣ былъ уже совѣтъ въ полномъ сборѣ, для обужденія вопроса о книгахъ.

Лупачъ. Но у совѣта уже былъ готовъ приговоръ, когда и книгъ еще у него не было въ рукахъ.

Гавликъ. И когда собрано было больше двухсотъ книгъ...

Лупачъ. Епископъ Заецъ распорядился поставить костеръ....

Гусъ. О, не дай, Боже?

Гавликъ. Уже далъ, къ сожалѣнію!

Лупачъ. И палачъ сложилъ на костеръ всѣ еретическія книги и затѣмъ зажегъ ихъ, такъ что черный дымъ повалилъ по всему двору.

Гусъ. И Прага на это глядѣла? И вы не защищали?

Лупачъ. Насъ было всего горсть; епископъ же окружилъ свой дворецъ военными патрулями; а Малая Сторона больше держится за одно съ господами, которые Господа Христа малюютъ по своему.... и вотъ эта часть города испугалась проклятія, которое епископъ произнесъ надъ тобою и твоими друзьями.

Маргарита. Матерь Божья! мой сынъ подвергнутъ проклятію! (*опускается на колѣни*).

Digitized by Google

Гусъ. Не пугайся этого слова, дорогая матушка! Это стрѣла, которая едва оцарапываетъ кожу, но за то разжигаетъ въ крови цѣлый пожаръ!... Они хотятъ битвы и вызываютъ всю силу, братаются съ ложью, берутся за насиліе,—пусть будетъ по ихъ желанію: война такъ война! Меня страхомъ не проберешь, и я смѣло понесу, если нужно, даже голову на плаху. Я избралъ своимъ девизомъ правду и сталъ въ ея ряды, и я не покину ея, пока она либо возьметъ верхъ, либо я погибну, какъ ея вѣрный защитникъ!

Маргарита. (*встаетъ*). Откажись, сынъ мой, отъ этой мысли!—мнѣ говоритъ душа, что ты погибнешь!

Гусъ. И тѣмъ не меньше—торжествуй и благослови мою память! Для меня не можетъ быть болѣе счастливой участи, какъ явиться мученикомъ за правду и дать ясно понять Чешской землѣ, что я достоенъ называться ея сыномъ. (*Къ студентамъ*). Ступайте къ профессорамъ, пусть сойдутся въ гостинницѣ „Черной Розѣ“ на совѣщаніе.... я жъ зайду за Іеронимомъ и пойдемъ съ нимъ вмѣстѣ къ королю. А ты, мой добрый Лупачъ, не оставляй мою матушку, пока....

Маргарита. Не выходи изъ дому, мой сынъ! Укройся на моей груди, чтобы не одолѣлъ тебя потокъ людскаго насилія!

Гусъ. Я въ рукахъ Господа,—и напоръ людского насилія пройдетъ надъ моей головой безслѣдно, если Онъ Самъ не допуститъ, чтобы меня поразилъ ударъ молніи. И я не могу скрыться на твоей груди, моя дорогая матушка, пока не будетъ сложено оружіе, поднятое для брани: иначе я измѣнилъ бы своему дѣлу, какъ жалкій трусъ, а отъ этого меня самъ Богъ да охраняетъ! Включи меня въ свои молитвы, святая женщина, и предоставь мнѣ идти мужественно къ цѣли! Вдохновляемая Божьимъ вдохновеніемъ дышетъ моя грудь, и она сокрушитъ даже поборниковъ, вооруженныхъ адскимъ оружіемъ въ предстоящей борьбѣ: со мной Богъ, и дѣло мое не погибнетъ! (*уходитъ*).

Студенты. Съ тобою Богъ, и дѣло твое не погибнетъ. (*уходятъ за нимъ*).

Маргарита. О, Господи! просвѣти его въ путяхъ своихъ!

Лупачъ. (*съ сыновней нѣжностью усаживаетъ Маргариту*).

Занавѣсъ опускается.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина I.

Королевская зала въ Вышеградѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вячеславъ (*въ охотничьемъ костюмѣ сидитъ у стола и пьетъ вино*). **Вокъ** (*подлѣ него, опершись о спинку стула*). **Степанъ.**

Вячеславъ. Я скажу тебѣ, мистръ, безъ обиняковъ: я бы желалъ, прежде чѣмъ приму мѣры, чтобы вашимъ несогласіямъ разъ навсегда былъ положенъ конецъ. Это ядъ, который портитъ здоровые члены моего народа,— а я не хочу нравить прокаженными, которыхъ постоянно нужно исцѣлять огнемъ и желѣзомъ. Передай это Альбику, пусть знаетъ, для чего я далъ ему архіепископство. Полагаю, что онъ достаточно уже старъ, чтобы любить миръ.

Степанъ. Онъ поступаетъ, согласно слову Господа, и вина не наша, если миръ не процвѣтаетъ въ предѣлахъ Чехіи.

Вячеславъ. Но я и другимъ тоже обрѣжу крылья, чтобы они умѣрили свои порывы,—тогда и мистръ Гусъ охладитъ свой пылъ за-одно съ шальнымъ Іеронимомъ (*ударяетъ объ столъ и встаетъ*). О, громы небесные! Думаете ли вы, господа въ рясахъ, что ваши ссоры изъ-за буквы, ваша гоньба за призраками и мыльными пузырями.... что въ нихъ лежитъ основа спасенія и сущность заботъ королевскихъ? Не думаете ли вы, что въ странѣ не надо другого суда и порядка, кромѣ какъ для разрѣшенія несогласій среди духовенства?

Степанъ. Тутъ, государь, идетъ дѣло о церкви, а не о нѣсколькихъ ея служителяхъ, а подъ основы церкви подкапывается мистръ Гусъ со своими пріятелями.

Вокъ. А ты уже не пріятель его больше? Но мы знаемъ, что и ты также съ усерліемъ читалъ Виклефа и за одно съ Гусомъ тянулъ въ одной запряжкѣ!

Вячеславъ. (*смѣется*). Это было, господинъ Вокъ, прежде, чѣмъ хитрый мистръ влѣзъ цѣликомъ изъ обыкновенной шкуры въ поповскую.

Степанъ. То есть: прежде чѣмъ Господь просвѣтилъ мои очи и указалъ мнѣ путь ко спасенію.

Вячеславъ. Или собственно къ епископскому двору. Вѣдь тамъ

Digitized by Google

вашъ господинъ и повелитель: пусть же онъ сдѣлаетъ распоряженіе и на счетъ мистра Гуса. Или мнѣ безпрестанно являться миротворцемъ въ поповскихъ распряхъ?

Степанъ. Нужно лишь одно: чтобы Гусъ оказался послушенъ твоему слову.

Вячеславъ. Гусъ!... Этотъ Гусъ лежитъ у васъ камнемъ на сердцѣ, такъ что вамъ и не дышется свободно. Этотъ Гусъ во всемъ, будто-бы, виновенъ; а между тѣмъ пока корилъ онъ свѣтскія сословія, пока укорялъ дворянство въ распущенности нравовъ, а богачей—въ грѣховномъ ничтожествѣ,—онъ былъ вашъ, лучше его не было проповѣдника.... Когда же сталъ онъ раскрывать пороки духовенства и казвить нѣкоторые недуги самой церкви,—вотъ тогда вы подняли крики, и, какъ сердитыя осы, набросились на него!

Степанъ. Пока не касался онъ священныхъ основъ церкви, рѣчамъ его никто не препятствовалъ.

Вячеславъ. Мнѣ все извѣстно: довольно желчи испортили вы во мнѣ своими нападками на Гуса! Развѣ ты ужъ позабылъ про сожженіе книгъ и про запрещеніе проповѣдывать въ каплицахъ?

Степанъ. Запретъ вѣдь былъ полученъ отъ самого папы.

Вячеславъ. Отъ папы, котораго вы хитро подвели.... не станемъ лучше говорить объ этомъ! Смотрите, чтобъ не пришлось когда-нибудь раскаяться!.... Теперь же я скажу тебѣ, а ты передай мои слова своему патрону: если кто-нибудь изъ мистровъ потребуетъ вознагражденія за сожженныя книги, епископъ долженъ выдать это вознагражденіе изъ своихъ доходовъ, хотя бы онъ въ душѣ былъ отъявленный покровитель сожигателей книгъ. Ну, а теперь (*быстро садится*) говори, чего собственно желаетъ съ моей стороны Альбикъ, если меня, который едва успѣлъ появиться въ Вышеградѣ, уже привѣтствуетъ въ лицѣ твоей учености?

Вокъ. Но безъ желчныхъ выходокъ и упрековъ! Это мы сами съумѣемъ прибавить, господинъ магистръ!

Степанъ. Я знаю это, г. Вокъ! вы вѣдь мастеръ подлить масла въ огонь.... Постараюсь быть безъ малѣйшей желчи, хотя есть вещи, въ которыхъ это вовсе не легко. Извѣстно вамъ, государь, что святой отецъ Іоаннъ объявилъ войну королю неаполитанскому, который стоитъ еще за Григорія двѣнадцатаго, хотя тотъ уже смѣщенъ съ каѳедры апостольской.

Digitized by Google

Вячеславъ. Къ прискорбію, персты священные впутываются въ дѣла, которыя касаются однихъ свѣтскихъ государей.

Степанъ. Папа, какъ я сказалъ, объявилъ войну и пообѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ вѣрующимъ, которые примутъ въ брани или личное участіе, или принесутъ въ даръ деньги на веденіе войны.

Вячеславъ. Мы это знаемъ; но мы сами сдѣлали непростительную глупость, дозволивъ огласить на этотъ счетъ папскую буллу.

Степанъ. Противъ этой войны поднялъ голосъ Гусъ и его двойникъ Іеронимъ.... и даже самъ г. Вокъ устроилъ себѣ на улицахъ масляничную потѣху: съ буйною шайкою студентовъ онъ сжегъ папскую буллу.

Вокъ. Это была не булла, а облатка: сожженіе ея никому не повредило настолько, какъ сожженіе, напримѣръ, Виклефа.

Вячеславъ. Объ этомъ я попрошу васъ разъ навсегда замолчать! Или вамъ хочется опять возбудить во мнѣ гнѣвъ? Шутку эту я одинъ разъ простилъ.... ну, значитъ, конецъ. Я собралъ уже пражскую думу по этому дѣлу и приказалъ, чтобы больше никто не смѣлъ позволять себѣ шутки съ папскими посланіями.... иначе будетъ отвѣчать головой, не обращая вниманія, кто бы онъ ни былъ!

Степанъ. Мнѣ хотѣлось лишь самому слышать вотъ это королевское слово, то есть подтвержденіе твоего приказа.... теперь я ухожу спокойно, зная, что намъ теперь дана возможность оградить себя отъ того ущерба церкви, который могъ бы произойти отъ подобныхъ публичныхъ манифестацій по поводу словъ Христова намѣстника. Иначе, что можетъ произойти съ овчарней, гдѣ не слышно голоса пастыря? Что можетъ быть....

Вячеславъ. Освободи насъ отъ своей проповѣди! Для этого у меня есть патеръ придворный.... и я вовсе не для проповѣдей пріѣхалъ въ Прагу..... А если вы хотите жужжать мнѣ въ уши вашими поповскими сплетнями, то пусть вотъ эта напля кина не пройдетъ въ мое горло, если я не удалюсь навсегда въ мой замокъ и оттуда не возьму власть въ желѣзныя руки.... хотя бы за это пришлось имѣть эту власть лишь короткое время.... Вы думаете, что надо заботиться только о душахъ народа.... это въ вашихъ правилахъ; я же скажу вамъ, что и тѣло его должно вызы-

Digitized by Google

вать заботу, если онъ долженъ пользоваться хоть кое-какимъ благоденствіемъ.... о послѣднемъ приложитъ стараніе чешскій король! Прощайте, магистръ Св. Писанія! Передайте слова мои Альбику.

Степанъ. Господь предвѣчнаго свѣта да подкрѣпитъ тебя въ мысляхъ, которыя ты имѣешь для прославленія церкви! (*Уходитъ и, встрѣтивъ входящую королеву, отвѣшиваетъ глубокій поклонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Софія съ дамами и пажами. Хлумъ и прежніе.

Софія. Мой милый король! Какой скверный знакъ, что этотъ отступникъ попался намъ на дорогѣ!

Вячеславъ. Ахъ, дорогая моя! Гдѣ это ты была со всею свитой? Мое сердце чуть не разорвалось на части отъ желанія тебя видѣть.

Софія. Мой король всегда любезенъ, и я радуюсь, видя, что хорошее расположеніе его духа съ лѣтами не проходитъ, а усиливается. Я была въ Виѳлеемской каплицѣ и согрѣвала свою душу словами проповѣдника.

Вячеславъ. Ты въ Виѳлеемѣ?! Ахъ, королева, развѣ ты не знаешь, что въ немъ запрещено совершать богослуженіе?

Софія. Этого запрещенія я не признаю въ глубинѣ своего сознанія, и хожу туда, какъ тысячи другихъ вѣрующихъ съ искреннѣйшимъ настроеніемъ.

Хлумъ. Вообще, государь, епископскій указъ о закрытіи каплицы поднялъ лишь ея славу, и народъ валитъ туда, въ надеждѣ услышать слово Божіе, какъ къ единственному источнику.

Вячеславъ. Народъ всегда стремится къ новинкѣ; Гусъ же—приманка не дюжинная; тѣмъ не менѣе у меня сильное желаніе поукоротить языкъ твоему духовнику, королева.

Софія. Идетъ ли это у моего короля отъ сердца, или это лишь оттолосокъ воззрѣній мистра Степана?

Вячеславъ. Развѣ ты думаешь, королева, что мнѣ нельзя руководиться собственнымъ умомъ.

Софія. Не сомнѣваюсь и въ то же время прошу: не дозволяй, чтобы втирался кто-нибудь посторонній между тобой и нашими мистрами, король!

Хлумъ. Величайшее несчастье государей, если ихъ сердце

Digitized by Google

подъ чужимъ вліяніемъ устранится отъ народа и дасть просторъ недовѣрію.

Вячеславъ. Спасибо тебѣ, почтенный Хлумъ, за это мудрое правило! Ты весь за друга своего Гуса—я это вижу съ удовольствіемъ; но что думается о томъ же королю—ты не знаешь....

Софія. Если хочешь знать друзей Гуса, и меня присоедини къ числу ихъ. Я горжусь тѣмъ, что я королева такой страны, которая производитъ подобныхъ геніевъ, которые носятъ въ себѣ отпечатокъ вѣчнаго духа, и самъ ты неоднократно почтилъ Іоанна полнымъ признаніемъ заслугъ и восхвалялъ его геніальный умъ.... я же знаю его высокую религіозность и ни разу еще не сожалѣла, что выбрала его въ свои духовники и законоучители.

Вячеславъ. Не отрицаю я этого: Гусъ—прекрасный человѣкъ и богато одаренъ отъ Бога; тѣмъ не менѣе онъ—причина тѣхъ смутъ въ моей странѣ, изъ-за которыхъ постоянно мнѣ приходится мѣшаться въ поповскія распри, а это терніи, отъ которыхъ легко портится даже самымъ прочнымъ образомъ установившаяся репутація. Онъ только заварилъ кашу въ народѣ, а расхлебывать придется мнѣ, и если это не устроить какъ слѣдуетъ, патеры волоска цѣлаго не оставятъ на моей головѣ.

Софія. Оставь это народное дѣло идти своимъ путемъ и не считай, что тебѣ въ немъ „въ чужомъ пиру похмелье“. Вѣдь дѣло это принесетъ Божье благословеніе нашей странѣ! Имя твое будетъ прославлено вмѣстѣ съ именемъ Гуса, на ряду съ новымъ крестителемъ чешскаго народа, если ты не уменьшишь къ нему своего благоволенія. Не обращай никакого вниманія на то, что пишутъ на тебя злобные писаки: если бы даже имъ удалось очернить твое имя въ конецъ—безпристрастный духъ времени съумѣетъ смыть съ него эту черноту и въ чистомъ видѣ представитъ потомкамъ!

Вячеславъ. Моя милая щебетунья! Если окажется вакантное мѣсто въ числѣ магистровъ права, я предложу взять тебя въ защитники—въ судѣ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пажъ, позже Гусъ, Іеронимъ и прежніе.

Пажъ. Ваше величество! Мистръ Гусъ и Іеронимъ просятъ аудіенціи.

Digitized by Google

Вячеславъ. А, они выбрали удачное время! Мы можемъ принять Гуса въ виду того, что у него покровительницей—королева.

Вокъ. А я ходатайствую за Іеронима.

Вячеславъ. Ходатаи раздѣлились по-ровну. Ну, не стану дѣйствовать противъ васъ. Пусть войдутъ оба магистра!

(*Пажъ уходитъ. Входятъ Гусъ и Іеронимъ*).

Вячеславъ. Salvete magistri! Съ чѣмъ приходите? Говори безъ прикрасъ, проповѣдникъ, сбивающій у меня съ толку чешскія головы: есть у тебя какая-нибудь просьба?

Гусъ. Съ просьбою прибѣгаю я къ вашему королевскому величеству, и, если удостоите вашей милости, королева, будьте моей защитницей.

Вячеславъ. Что такое?

Софія. Объяснитѣ, мистръ!

Гусъ. Только что епископъ приказалъ вновь прибить къ дверямъ всѣхъ храмовъ посланіе, которое можетъ произвести новую смуту въ народѣ.

Вячеславъ. Громы небесные! Обезумѣлъ что-ли старый знахарь? Въ чемъ же дѣло?

Гусъ. Новая папская булла и строгій приказъ, для очищенія заблужденій, явиться мнѣ въ Римъ.

Хлумъ. Въ Римъ?

Софія. Не допусти этому осуществиться!

Іеронимъ. Развѣ чтобы Гусу, какъ когда-то Миличу, пришлось одумываться въ мрачной тюрьмѣ.... Тамошніе инквизиторы вѣдь разсчитываютъ, что онъ сдѣлается податливымъ и тогда предоставитъ лѣпить изъ себя какъ изъ воска.

Гусъ. Идти въ Римъ я не страшусь, потому что сердце мое полно вѣры въ то, чему я училъ и что я готовъ повторить предъ лицемъ самого Бога; но я боюсь оставить университетъ и каѳедру, чтобы не вызвать разстройства или вреднаго волненія умовъ.

Вячеславъ. Что такое сталось съ Римомъ, что онъ дѣлаетъ на насъ новое покушеніе?

Іеронимъ. Это дѣло друзей Гуса: мистровъ Степана и Станислава Зноемскаго съ компаніей. Они вѣдь писали епископскому прокурору, Михаилу изъ Чешскаго Брода, который обокралъ твою казну, когда добывалъ золотую руду въ Иловѣ, и потомъ ускользнулъ въ Римъ. Онъ-то нажужжалъ въ уши святому отцу, что

Digitized by Google

Гусъ— недостойный архіеретикъ, уже два года находящійся подъ отлученіемъ, но въ безопасности, благодаря покровительству слабаго короля. Какъ только наши мистры занесли жалобу, сейчасъ же Вока и Лажанскаго стали гнать въ Римъ, чтобъ они не отравляли Чешской земли.

Вокъ. Я очень благодаренъ! Повѣрьте, что мнѣ охота въ чешскихъ лѣсахъ пріятнѣе, чѣмъ поѣздка въ Римъ.

Вячеславъ. Однако я до сихъ поръ не пойму, что думаютъ въ Римѣ, не переставая распоряжаться у насъ, какъ въ собственномъ хозяйствѣ.

Хлумъ. Знаешь что, государь! У Рима длинныя руки, и онъ радъ бы держать въ рукахъ всю вселенную, чтобы никто не могъ пошевелиться иначе, какъ угодно святому отцу.

Вячеславъ. И пусть себѣ правитъ въ своемъ домѣ; но до моихъ палестинъ только не касается.

Іеронимъ. Или пусть пріучается съ аппетитомъ ѣсть то, что варится въ чешской кухнѣ.

Софія. Потому-то, король, не допусти осуществиться желаніямъ Рима! Я сама подыму голосъ за то, чтобъ ты не давалъ ограничивать свою волю чужимъ словамъ, хотя бы то дѣлалось отъ имени папы. Ты—государь своей страны: тебѣ отданъ народъ и его богатства подъ твою отеческую опеку; тебѣ предоставлено право карать за проступки и дарить милостью, гдѣ оказывается заслуга,—и потому тебя не должно смущать чужое мнѣніе. И развѣ тебѣ захочется отдать въ руки-враговъ истинный перлъ своего народа, усерднаго слугу въ обновленномъ храмѣ Господа? И какая-бы бѣда ни постигла виѳлеемскаго проповѣдника, повѣрь мнѣ, король, она же постигнетъ въ его лицѣ всю Чешскую землю!

Гусъ. О, милостивая королева!

Вячеславъ. Повѣрь мнѣ, мистръ, если бы я не былъ Вячеславъ и мужъ королевы Софіи, ей Богу! я долженъ бы подумать, что тутъ за тебя хлопочетъ невѣста!

Софія. Ваше величество!

Вячеславъ. Не огорчайся, королева! Ты—моя душа, мой судья и повѣренный.... Какъ ты думаешь, Кепко, долженъ ли я дѣйствовать сообразно тому, что они здѣсь говорятъ?

Хлумъ. Конечно, ваше величество! Достоинство твоей коро-

Digitized by Google

роны требуетъ, чтобы ты оказалъ сопротивленіе римскому двору въ такомъ дѣлѣ, гдѣ онъ посягаетъ на твои права.

Вячеславъ. Ну, ужъ если вѣрнѣйшіе совѣтники моей короны подаютъ мнѣ за это свой голосъ, я долженъ повиноваться и вмѣстѣ съ тѣмъ приказать мистру, чтобъ онъ ни шагу не дѣлалъ изъ Праги!

Гусъ. О, король мой!

Вячеславъ. И если кто хочетъ тебя судить за твои заблужденія, пусть является въ Прагу; иначе нѣтъ!

Софія. О, благодарю тебя, король, отъ имени народа, котораго королевой ты меня сдѣлалъ, и съ которымъ мое сердце сжилось такъ, какъ будто выросло съ нимъ вмѣстѣ! Въ блескѣ вновь возникающаго разсвѣта я вижу рядъ грядущихъ дней, когда чешскіе храмы гордо подымутъ свои своды, какъ избранныя жилища Господа, и когда имя моего духовника будетъ свято чтимо народомъ! (*Уходитъ со свитой*).

Вячеславъ (*къ Гусу*). Но я ставлю одно условіе твоему сердцу: полагай нѣкоторыя границы въ своихъ проповѣдяхъ, чтобы не смущать народъ понапрасну! Не возражай, сударь.... мы знаемъ другъ друга! Я не желаю чтобы ты оправдывался, какъ ученикъ. (*Дружески протягиваетъ ему руку*). Вѣдь мы—свои люди... и такими останемся всегда.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Жижка и прежніе.

Жижка (*еще за сценой*). Что? Докладывать? Жижка прямо входитъ въ королевскія палаты. (*Входитъ*). Богъ на помощь, господа! Янъ изъ Троцнова привѣтствуетъ тебя, король Вячеславъ, и приноситъ свои силы на службу тебѣ.

Вячеславъ. Какойдьяволъ принесъ тебя въ Чехію, рыцарь?

Жижка. Что же дѣлать въ Польшѣ по окончаніи похода? Тамъ вѣшаютъ оружіе на стѣну и наливаютъ бокалы; тамъ конецъ военному ремеслу, и я потому осѣдлалъ своего коня для возвращенія домой, чтобъ здѣсь предложить свой мечъ Вячеславу.

Вячеславъ. Рука рыцаря всегда встрѣтитъ съ нашей стороны привѣтъ; но какъ тебѣ довѣряться, если ты въ Польшѣ сталъ противъ меня?

Digitized by Google

Жижка. Нѣтъ, король, не такъ! Ты сталъ тамъ противъ насъ. Какой злой духъ далъ тебѣ совѣтъ стоять за одно съ тѣми прусскими монахами? Мы держались вѣрно съ братьями поляками и нанесли тебѣ пораженіе у Танненберга.... этого не ставь намъ, король, въ вину! Это былъ честный бой, и мы тамъ стояли въ рядахъ старыхъ друзей.

Вячеславъ. О не полагайся на польскую дружбу и не хвались ею! Я не встрѣчалъ большихъ сребролюбцевъ и не видалъ болѣе гордаго племени, чѣмъ польскіе паны! Если одинъ разъ они съ тобой одержатъ побѣду, во второй и въ третій разъ они выиграютъ ее съ другими.... Но, оставимъ это! Ты показалъ себя храбрымъ рыцаремъ съ чисто-чешскою отвагой.... если хочешь дѣлить хлѣбъ-соль съ Вячеславомъ, оставайся въ моемъ королевствѣ. Къ чему тебѣ дальнѣйшія странствованія? Вѣдь ты все вынесъ на себѣ, испытанный въ бояхъ рыцарь?... Хотя бы чужбина осыпала тебя золотымъ дождемъ, но истиннымъ убѣжищемъ послѣ всевозможныхъ треволненій останется одна только отчизна! (*Уходя направо.*) Прощайте, поспода!

(*Вокъ и Хлумъ уходятъ за нимъ.*)

Жижка. По прежнему сердце Вячеслава остается чистымъ, какъ золото.... но что я вижу: ты это или не ты, мистръ-волшебникъ, что заставилъ потерять голову польскихъ ксендзовъ? Ты ли это, Іеронимъ?

Іеронимъ. Стоило тебѣ кинуть кругомъ взоры, чтобы увидѣть старыхъ знакомыхъ! Привѣтствую тебя отъ имени Чехіи, доблестный побѣдитель Нѣмцевъ! Ты какъ-разъ во-время явился, и если желаешь пріобрѣсть еще и новыхъ друзей, рекомендую тебѣ вотъ мистра Гуса.

Жижка. Виѳлеемскаго проповѣдника? (*Съ минуту смотритъ на него самымъ дружескимъ взглядомъ*). Такъ это ты тотъ самый Гусъ, котораго слава проникла во всѣ уголки міра? Это ты доблестный боецъ въ Господней житницѣ, при имени котораго любящій правду человѣкъ невольно воспламеняется непритворнымъ восторгомъ? Позволь, мистръ, крѣпко пожать твою руку! Я давно тебя знаю, хотя мнѣ никогда не приходилось видѣть тебя! Вѣдь, когда я покинулъ Чехію, ты сталъ впервые сѣять доброе сѣмя; но я издали свелъ съ тобою знакомство въ душѣ моей, и я такъ и пред-

Digitized by Google

ставлялъ тебя себѣ, какъ теперь вижу на самомъ дѣлѣ: скромнымъ и въ то же время могучимъ!

Гусъ. Не возвеличивай похвалами того, что въ такой степени похвалъ не заслуживаетъ. До сихъ поръ я слишкомъ мало сдѣлалъ, чтобы имѣть право сказать: совершилось!

Жижка. Эхъ, да кто-же можетъ такъ говорить! Но прежде чѣмъ наступаетъ окончаніе дѣла, приходится много поработать, а ты это исполнилъ въ такихъ размѣрахъ, что я не знаю другаго человѣка въ исторіи нашего времени, который былъ бы тебѣ равенъ.

Гусъ. Не хочешь ли, чтобы я закрылъ лицо, съ румянцемъ отъ стыда, или даже и совсѣмъ ушелъ?

Жижка. Вовсе не хочу, Богъ съ тобой! Но я говорю, что мнѣ подсказываетъ сердце. Развѣ ты самъ не того же мнѣнія? Кто же, какъ не ты, пробудилъ отъ сна народъ чешскій? Кто добился для него правъ въ церквахъ и въ университетѣ, такъ что онъ не долженъ дѣлать уступокъ Нѣмцамъ? Уже одно то, что, благодаря твоимъ стараніямъ, чужеземцы исчезли изъ Праги—хотя къ этому ихъ никто не принуждалъ—уже это одно дало тебѣ право на безконечную признательность; я же охотно сложилъ бы свою голову во гробъ, если бы могъ сказать: я сдѣлалъ для чешскаго народа столько же, сколько Гусъ!

Іеронимъ. Это не идетъ, братъ, одинаковымъ путемъ! Воинъ зачастую дурной проповѣдникъ; но есть другіе пути, гдѣ бойкій мечъ и сильная рука могутъ служить отчизнѣ.

Жижка. Это остается и при васъ, друзья мои!

Гусъ. Какъ при насъ, мужъ брани? Іеронимъ, правда, съ охотой опоясетъ мечъ и не побрезгуетъ битвой; мое же оружіе—Библія, или слово, дарованное рабу своему отъ Бога.

Жижка. И я благоговѣю предъ такимъ оружіемъ; меня же ты сдѣлай лишь его охранителемъ, крѣпкой его защитой, хотя бы ядовитыя стрѣлы всего свѣта сыпались за это на тебя! И Богъ свидѣтель! когда я тутъ стою среди васъ (*подаетъ имъ руки*), мнѣ кажется, что наши руки какъ будто сростаются въ одно цѣлое для нашего общаго великаго дѣла! Новая жизнь врывается бушующей волной въ предѣлы чешскіе, надо будетъ поставить столбы, на которыхъ вѣрующій народъ могъ бы укрѣпить свои якоря. И бу-

Digitized by Google

демъ мы твердо стоять, какъ новый тріумвиратъ, и съ Божьей помощью обновимъ славу чешской земли! (*Уходитъ*).

КАРТИНА II.

Старогородская площадь. Близъ Тынскаго храма. Передъ храмомъ церковникъ съ кошелькомъ, которымъ онъ по временамъ встряхиваетъ. Рядомъ съ нимъ миноритъ Блажей; около нихъ 4 солдата и барабанщикъ. Народъ ходитъ подлѣ нихъ; нѣкоторые даютъ подачки въ кошелекъ, за что получаютъ отъ монаха благословеніе.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Криделко, Латинъ и Блажей.

Криделко. Погляди-ка на тѣхъ папскихъ слѣпцовъ: какъ они облегчаютъ свои карманы! Они въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что за свой грошъ могутъ купить какой-нибудь уголокъ въ царствѣ небесномъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ заштопать индульгенціями свою дырявую совѣсть!—Ага, постой! Вотъ сегодня папскій птицеловъ шатается здѣсь! Вѣроятно, ищетъ поживы!

Блажей выступаетъ впередъ; съ нимъ оруженосцы, барабанщикъ барабанитъ: отовсюду собирается народъ.

Криделко. (*стоитъ впереди*). Смотри въ оба! Вотъ такъ масляничное представленіе увидимъ.

Блажей. Послушайте друзья и братья во Христѣ Іисусѣ! Послушайте, дѣти Христова стада! Послушайте всѣ, кто желаетъ слышать небесную музыку! Раскройте свои сердца всѣ, кто хочетъ насладиться ангельскимъ пѣніемъ. Вспомнилъ Господь небесный о Чешской землѣ и уготовилъ въ ней купѣль, чтобы вы омыли грѣхи душъ своихъ, чтобы очистили глубины своего сердца! Война папы есть дверь въ царствіе Божіе! Ее объявляетъ святой отецъ, Христовъ намѣстникъ на землѣ!... объявляетъ врагамъ церкви! Возстаньте христіанскія души, еще скованныя во храмѣ проклятыхъ Виклефистовъ, опояшьте ваши бедра; Кто возьметъ въ руки мечъ или опуститъ набожную руку въ кошелекъ,—на того воззритъ Богъ съ великою милостью и исполнитъ земные дни его великою отрадою! Аминь, аминь, говорю вамъ! Очищены, стерты, заглажены будутъ грѣхи ваши—покупайте индульгенціи!

Криделко. Наполняйте поповскіе карманы... откармливайте монастырскіе брюха.. и сами же монахи васъ осмѣютъ!

Digitized by Google

Блажей. Что ты тамъ лаешь, Беліаловъ потомокъ?

Криделко. То, что понимаетъ каждый порядочный человѣкъ! Обманъ одинъ, грѣховный обманъ—брать за отпущеніе грѣховъ деньги, какъ будто приходится вноситъ плату Господу Богу, если онъ желаетъ что-либо кому-нибудь простить. Ударь себя въ грудь, краснорѣчовый служитель Божій! и принеси покаяніе.

Блажей. Это поруганіе! Люди добрые, слышали вы.

Народъ. Слышали, все слышали.

Блажей. Схватите его, солдаты! За свое поруганіе онъ подлежитъ палачу—согласно указу самого короля Вячеслава.

Латикъ. (*толкаетъ Криделка, чтобъ тотъ скрылся*).

Криделко. Оставь меня: пусть только попробуютъ наложить на меня руку! Я не трусливая особа, чтобъ трястись, когда вѣетъ вѣтеръ изъ устъ отъявленнаго паписта или изъ мрачной тюрьмы! Лишь подойдите, ну, а если вы меня осилите—пускай! все таки я не стану пѣть жалобныхъ псалмовъ!

Блажей. In nomine Domini—схватите его!

Солдаты бросаются на Криделка. Еще большій наплывъ народа, который раздѣляется на двѣ партіи; шумъ и восклицанія: Смирно! убейте его! Виклефъ! Прочь папежниковъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лупачъ *съ одной стороны,* **Агата** *съ другой, одѣта какъ изъ кухни.*

Прежніе.

Лупачъ. Что за свалка?

Агата. Что здѣсь творится?

Голоса. Ага, вонъ бабскій Виклефъ! Еретическая юбка.

Агата. Чтобъ вамъ языкъ отсохъ! Что вы брешете?

Лупачъ. Что вы затѣваете съ этимъ молодчиной? Это Криделко, нашъ почтенный звонарь изъ Виѳлеема! Что вы съ нимъ намѣрены дѣлать?

Блажей. Abstinebis, discipule! Успокойся: это—поноситель папскихъ словъ и будетъ посаженъ въ тюрьму!

Лупачъ. Я не совѣтовалъ бы тебѣ этого, сударь, если не хочешь испробовать, какъ штурмуютъ студентскіе кулаки!

Digitized by Google

Блажей. И ты выродокъ, я вижу, сатаны!

Агата. Что ты тутъ воду варишь, пане Блажей? опять подбритый барабанилъ, не знаю: правда-ли? и созывалъ ошалѣвшихъ пчелъ, чтобы нанесли тебѣ меду.... а этотъ малый запустилъ свои пальцы къ тебѣ въ миску? Пустите его.

Блажей. Ступай своей дорогой, жена фарисейка! иначе велю и тебя взять.

Агата. Меня? Ахъ ты, старый мѣшокъ! взять меня почетную пражскую гражданку? И за что же? Вѣроятно, за то, что я выступила противъ тебя съ правдой?

Блажей. Apage diabole!... а вы отведите этого еретика въ ратушу!

Лупачъ. Стойте: онъ нашъ! Онъ принадлежитъ къ Виѳлеему и къ университету! Что ты сдѣлалъ, Мартинъ?

Криделко. Смѣялся надъ монахомъ, что онъ расхваливалъ индульгенціи, какъ прикащикъ—свои товары.

Лупачъ. И преподобный отецъ созвалъ противъ тебя тотчасъ алебардщиковъ? сейчасъ пустилъ въ ходъ копья и мечи? и тащитъ тебя въ тюрьму?... Пустите его!

Блажей. И ты puer, nequam! Хочешь также туда же?

Лупачъ. Я? студентъ пражскаго университета? (*Смѣется*). Нужно ли смѣяться твоей откормленной глупости, или просоленному высокомѣрію? Ты самъ, вѣроятно, подметалъ только школу, а не учился въ ней; или все ученье у тебя вывѣтрилось уже изъ головы,—если ты не знаешь, что и самъ король не можетъ посадить меня въ тюрьму безъ соизволенія ректора? О, смертный жалкаго скудоумія! Своего монастырскаго служку ты можешь хоть живого зарыть въ землю; чешскаго же студента не смѣетъ тронуть даже трижды освященная рука.

Блажей. O insania! Подальше отсюда, христіане, подальше! Сейчасъ станетъ падать сѣрный дождь, какъ надъ Содомомъ и Гоморрой.

Агата. Ну, такъ улепетывай самъ скорѣе и вели отпустить парня!

Блажей. Прочь! очумѣлая баба!

Агата. Ужъ развѣ не найдется здѣсь почтенной руки, чтобы поломать древки у этихъ наемныхъ драбантовъ?

Блажей. Христіане, защищайте своего пастыря! барабанщикъ,

Digitized by Google

бей тревогу! Приготовьте копья... тащите преступника въ тюрьму! (*Солдаты отходятъ съ арестованнымъ Криделко по направленію къ ратушѣ; часть народа съ ними.*)

Блажей (*опираясь на монаха*). Кто двинется противъ меня— у того одеревенѣетъ рука и проклятъ будетъ до пятаго колѣна— я подъ покровительствомъ самого папы!

Лупачъ. О, чванься и надувайся, какъ лягушка! Ты и выстрѣла не стоишь! (*Кричитъ вслѣдъ Криделку.*) А ты не бойся, не робѣй, подстрѣленная птица! Я побѣгу къ мистру, соберу студентовъ, и мы еще посмотримъ, не будешь ли ты еще сегодня звонить въ нашемъ Виѳлеемѣ. (*Убѣгаетъ*).

Блажей. Проваливай въ геенну огненную.... его же не отстоишь, хотя бы привелъ самого Люцифера. Уведите его, солдаты! (*Уводятъ арестованнаго Криделка*).

Агата. И вы дозволяете взять эту юную душу? Не думаете развѣ, что и васъ можетъ постигнуть то же, что обрушилось на этого почтеннаго юношу? О, вы погрязшіе въ тинѣ заблужденій! Еслы мы позволимъ такъ собою помыкать, то насъ за каждое слово станутъ объявлять еретиками, сажать въ тюрьму и казнить. Правда останется лишь дѣтской сказкой! Но я скажу тебѣ, продавецъ папскихъ пилюлекъ....

Блажей. Apage, satanas! Господа, эта змѣя разорветъ меня на части! Защитите меня—я не неуязвимая особа!

Народъ (*изъ партіи Агаты*). Не неуязвимая—ха, ха, ха! Онъ думаетъ, что мы его не тронемъ!

Народъ (*на сторонѣ Блажея*). Смирно, виѳлеемская сволочь! Скройся по своимъ берлогамъ!

Агата. Скажу тебѣ одно: если у этого молодаго звонаря вы коснетесь хоть волоска на головѣ,—я тебѣ положу на плѣшь такую заплату, что она съ кровью прилипнетъ.

Блажей (*отступаетъ рядомъ съ монахомъ*). Она меня убьетъ! Спасите душу, кто въ Бога вѣруетъ! Помогите! получите разрѣшеніе безъ платы! Я поисповѣдаю даромъ! (*уходитъ къ Тыну съ народомъ*).

Агата. Ну и бѣги, чтобы у тебя исповѣдная не простыла,— ты посыльный сатаны!

Голосъ изъ народа. Оставь его, тетушка! Вонъ тамъ идетъ уже мистръ Гусъ.

Digitized by Google

Агата. (*оборачивается и съ пафосомъ*). Гдѣ восходитъ наше солнце? Гдѣ наша звѣзда? О благословенны очи, видящія тебя! Блаженны уши, тебя слышащія! Идите ему на встрѣчу, друзья! и пойте: Осанна въ вышнихъ! Ибо съ нимъ приходитъ царствіе небесное въ юдоль земную! (*уходитъ*).

Народъ. Слава мистру Гусу! (*Вслѣдъ за нею*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая зала въ Вышеградѣ; на задней сторонѣ галлерея и роскошный садъ. За колоннами прохаживается стража и видны королевскіе пажи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вячеславъ, Альбикъ и Степанъ *входятъ изъ сада; за ними вслѣдъ* **Софія** *съ двумя пажами и* **Хлумъ** *тихо разговариваютъ.*

Вячеславъ. Не считай зломъ, что я тебя пригласилъ, Альбикъ. Меня кое-что больно тревожитъ, и я не въ состояніи больше выносить этой тревоги.

Альбикъ. Ужъ не недугъ ли какой?

Вячеславъ. Да, почти; но его не излѣчитъ старый Альбикъ, прежній мой врачъ; это въ состояніи сдѣлать лишь архіепископъ Альбикъ, и я требую этого отъ него именемъ королевскимъ, чтобы потомъ съ нами не случилось, какъ было съ покойникомъ Збинкомъ. Съ тѣмъ у насъ вѣчно что-нибудь было, мы ссорились и сердились другъ на друга, пока не отошелъ онъ въ вѣчность.

Альбикъ. Это былъ мужъ высоко-религіозный и великій знатокъ въ Писаніи. Въ смерти его святая церковь понесла великую утрату.

Вячеславъ. Все это правда; но окружающіе его такъ искажали его дѣятельность, что ему за это приходилось выслушивать о себѣ далеко нелестные отзывы. Не опускай глаза, мистръ Степанъ! Ты вѣдь не одинъ былъ при Збинкѣ и не долженъ отвѣчать за всѣхъ.

Степанъ. Я всегда исполнялъ свои обязанности и подавалъ совѣты по чистой совѣсти.

Альбикъ. Да, король! Нашъ мистръ Степанъ и при мнѣ вы-

Digitized by Google

казываетъ себя вѣрнымъ совѣтникомъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ трудно совладать съ тяжелыми обстоятельствами.

Вячеславъ. Ну, такъ пусть же сейчасъ подастъ онъ наилучшій совѣтъ! Мы хотимъ прекратить наконецъ эти церковныя распри, которыя поставили вверхъ дномъ и Прагу и все королевство, и для этого думаемъ назначить день,—когда созовемъ обѣ партіи, твою и мистра Гуса, чтобы по зрѣлому обсужденію покончить съ этими прискорбными дѣлами и сдать ихъ въ архивъ.

Альбикъ (*нерѣшительно смотритъ на Степана*).

Степанъ. Пусть же вѣчный свѣтъ озаритъ прежде всего мистра Гуса! Мы же давно обсудили дѣло, твердо стоя за тѣ основы, на которыхъ святая церковь (*возвысивъ голосъ*) всегда строитъ свои незыблемыя истины!

Софія (*которая вошла раньше и внимательно слушала*). Если кто хочетъ примиренія и въ то же время дѣйствуетъ съ предвзятыми идеями, повѣрьте: примиреніе не можетъ состояться! Выслушайте Гуса съ довѣріемъ, не думая о немъ ничего дурнаго, какъ слушаетъ его народъ, который съ такой охотой удовлетворяетъ свою духовную жажду въ его рѣчахъ; при недовѣріи же вы окажетесь неправедными судьями.

Вячеславъ. Правда, королева! Мнѣ также кажется, что всѣ прежнія недоразумѣнія происходятъ лишь отъ того, что (*къ Степану*) вы не хотите равноправности!

Степанъ. Воля человѣка безсильна, гдѣ надо держаться данныхъ отъ Бога законовъ.

Альбикъ. Не забудь, мистръ, что мы и сами объ этомъ думали и, желая оказаться справедливыми, требовали посредничества изъ самаго Рима.

Вячеславъ. Быть не можетъ?

Степанъ. Другого средства не оставалось, кромѣ того, чтобы папа наложилъ свою руку при разслѣдованіи этого дѣла.

Вячеславъ. Значитъ, опять явится инквизиція?

Хлумъ. И съ нею—гордые хозяева въ Чешскомъ королевствѣ, на поруганіе королевской власти и преслѣдованіе бѣднаго народа?

Софія. Подобный совѣтъ могъ подать, я полагаю, одинъ только мистръ Степанъ—ренегатъ изъ Виклефистовъ.

Digitized by Google

Степанъ. Мнѣ нельзя пускаться въ споры съ королевой по этому вопросу.

Вячеславъ. Громъ и молнія! Альбикъ, ты долженъ былъ лучше обдумать дѣло и не дѣлать изъ своего короля подкладку для кардинальскихъ шляпъ. Съ меня было довольно и тѣхъ римскихъ коммиссаровъ, которые прежде пріѣзжали сами и безъ всякихъ приглашеній!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Гусъ (*поспѣшно входитъ*).

Гусъ. Позвольте мнѣ, ваше величество, безъ прикрасъ и предисловій облегчить свое сердце, которое готово разорваться на части!

Вячеславъ. Что случилось?

Софія. Въ такомъ возбужденіи намъ не случалось тебя видѣть.

Гусъ. О, моя королева! есть на землѣ вещи, которыя заставляютъ сердце голубки слѣлаться кровожаднымъ, подобно сердцу сокола, и овечье смиреніе прикрыться волчьимъ аппетитомъ!... Ваше величество! Трое молодыхъ людей, увлекаемые молодостью и любовью къ правдѣ, не могли вынести равнодушно того, что монахи въ публичныхъ мѣстахъ устроили торгъ индульгенціями..... они взяты, осуждены и должны быть—какъ я только что узналъ въ ратушѣ—должны быть,—подумай, государь,—возведены на эшафотъ! У меня леденѣетъ кровь, когда я подумаю объ этомъ!

Вячеславъ. Развѣ ты не зналъ, мистръ, что я самъ отдалъ приказъ объ этомъ? Развѣ объ этомъ не было извѣстно въ Прагѣ?

Степанъ. Вѣдь оповѣщено было по всѣмъ церквамъ въ Прагѣ.

Гусъ. Но если бы приказъ этотъ былъ написанъ такими же яркими чертами, какъ вѣчныя звѣзды, я скажу, что онъ долженъ быть отмѣненъ: онъ несправедливъ, онъ недостоинъ тебя, сынъ Карла!

Вячеславъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Это дерзость!

Софія. Мнѣ же кажется, что онъ говоритъ правду. О, взвѣсь его слова, король мой! они вылились изъ чистой души. Указъ

Digitized by Google

этотъ не зародился въ твоемъ сердцѣ: тутъ тебя опутали закоренѣлые враги правды, погрязшіе въ тинѣ старыхъ заблужденій.

Гусъ. Тутъ присутствуетъ самъ архіепископъ, предъ лицо котораго совѣтники его не хотѣли до сихъ поръ допускать меня; пусть выскажется самъ, какъ онъ думаетъ объ индульгенціяхъ.

Альбикъ (*въ явномъ затрудненіи*). По этому вопросу мы созовемъ докторовъ и рѣшимъ, какъ рѣшатъ они.

Гусъ. Я спрашиваю лишь *твоего* сердца, *твоего* ума. Вспомни, какимъ ты былъ, покуда составлялъ лѣкарства, не прикрывая еще себя епископскимъ одѣяніемъ! И если ты стѣсняешься объ этомъ высказаться, я скажу самъ, здѣсь предъ лицемъ всѣхъ, что это недостойная торговля въ церкви, что это—римскій обманъ и надувательство народа, какъ я уже говорилъ объ этомъ въ университетѣ и въ каплицѣ.

Степанъ (*возвысивъ голосъ*). Я же скажу тебѣ: Не подобаетъ человѣческой бренности обвинять главу церкви въ обманѣ—и слуга ея долженъ сохранять повиновеніе, на которое онъ обязался. Спасительно лишь то, что глава церкви дѣлаетъ въ пользу христіанской паствы, въ силу власти, данной ему Христомъ.

Гусъ. Если бы ты возвысилъ голосъ до того, чтобы потрясть не только эти стародревніе своды, но самый сводъ небесный, я не замолчу, не умѣя держать свой умъ въ тискахъ, гдѣ бьетъ въ глаза заблужденіе и человѣчество идетъ явно къ умопомраченію! Я скорѣе возведу свои руки къ небесной высотѣ и воскликну: Господи! отними отъ меня здравый смыслъ, сдѣлай изъ меня лѣсного звѣря, находящаго наслажденіе, въ темную ночь, въ крови человѣческой! Ибо быть человѣкомъ и не смѣть чувствовать, говорить, дѣйствовать, какъ подобаетъ человѣку, не смѣть пользоваться человѣческими правами—значитъ заживо быть погребеннымъ, быть падшимъ ангеломъ, состоять подъ самымъ тяжкимъ проклятіемъ.... Къ чему жъ тогда чваниться образомъ божіимъ и утѣшать себя надеждами на вѣчное блаженство!

(*Издали слышны трубы.*)

Вячеславъ. Что значатъ эти звуки?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пажъ и прежніе.

Пажъ. Отъ Новаго Города ѣдетъ къ Вышеграду съ много-

Digitized by Google

численной свитой чрезвычайный посолъ изъ Рима.... его сопровождаютъ толпы народа.

Вячеславъ. Наконецъ-то является заказанный патерами инквизиторъ.

Софія. И что его влечетъ къ намъ въ Вышеградъ? Вѣроятно, его должность обязываетъ произвести испытаніе и нашей совѣсти?

Вячеславъ (*къ Степану*). Скажу тебѣ, мистръ, откровенно: если ты устроилъ противъ меня какую-нибудь скверную интригу, я тебѣ отблагодарю въ соотвѣтственномъ духѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Задняя сцена наполнилась дворцовой прислугой и народомъ, который впрочемъ держится подальше отъ стражи. Появляются 4 папскихъ солдата, затѣмъ 2 доминиканца и наконецъ кардиналъ.

Петръ и прежніе.

Петръ. Pax vobiscum—in nomine Domini!

Всѣ. Amen!

Вячеславъ. Кто привѣтствуетъ насъ въ Вышеградѣ?

Петръ. Ты ли король Чеховъ, сынъ того Карла, который приносилъ обильные дары святой церкви?

Вячеславъ. Я Вячеславъ, его сынъ. А ты?

Петръ. Я кардиналъ и папскій посолъ Петръ Анджели. Вновь дошли до слуха святого отца грозныя вѣсти, что твоя земля, переполненная уже ядомъ всякихъ ересей, грозитъ потрясеніями, волненіями, даже прямой опасностью святой Христовой церкви. И поступили жалобы столь серьезныя, что святой отецъ призналъ за нужное энергически уничтожить ядовитые плевелы, которые покрыли Чешскую землю.

Вячеславъ. Если такъ, то тебѣ слѣдовало зайти къ епископу и посовѣтоваться съ нимъ.... Вотъ онъ здѣсь самъ и съ нимъ его правая рука.

Альбикъ. Привѣтствую тебя! Мой скромный домъ къ твоимъ услугамъ.

Степанъ. Поручаемъ себя твоей милости.

Петръ. Примите привѣтствіе во имя Христово! Но къ тебѣ, король, направленъ прежде всего путь мой и первый вопросъ: Отчего не истребилъ ты страшной ереси и не остановилъ ея буйнаго

Digitized by Google

потока? Даже напротивъ главу ея—„знаменитаго“ Гуса, удостоивалъ своими милостями?

Вячеславъ. Кардиналъ, я поступалъ такъ, какъ считалъ нужнымъ въ своихъ владѣніяхъ; о ереси же я ничего не знаю.

Софія. Пусть и отвѣчаетъ тотъ, кто посылалъ святому отцу подобныя свѣдѣнія и серьезныя жалобы. Я не знаю, въ состояніи ли онъ будетъ закрыть ярко сверкающее солнце, хотя бы онъ пустилъ въ ходъ цѣлыя тучи стрѣлъ лжи и клеветы. Хотя стрѣлы эти и будутъ пущены, но, не найдя цѣли, падутъ обратно и, пожалуй.... поранятъ самого стрѣлка.

Петръ. Видно, безумный еретикъ имѣетъ здѣсь хорошихъ защитниковъ! Впрочемъ, я не пришелъ сюда вести переговоры съ дамами.

Хлумъ. Ну, такъ говори съ мужчинами! Я также его защитникъ.... тысячи подобныхъ мнѣ найдешь ты въ Прагѣ; но если желаешь видѣть и самого мистра—вотъ онъ самъ, своею собственною персоною.

Петръ (*оборачивается къ нему и стоитъ нѣкоторое время оторопѣвъ*). Такъ это тотъ зловредный еретикъ?

(*Доминиканцы осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ*).

Гусъ (*который стоялъ позади, теперь тихо подходитъ и пристально осматриваетъ кардинала*).

Софія. Это мистръ Гусъ, господинъ кардиналъ!

Петръ. Ну такъ выслушай меня, мистръ Гусъ! Желая сохранить древнюю, святую, единоспасительную церковь съ ея незыблемыхъ основъ, ты выдумалъ новое ученіе,— по поводу этого намѣстникъ Христовъ приказалъ мнѣ при первой же встрѣчѣ объявить тебѣ объ исключеніи тебя изъ среды вѣрующихъ, если ты не откажешься отъ своихъ заблужденій.

(*Движеніе между присутствующими*).

Степанъ. (*въ сторону*). Мое посланіе оказало хорошее дѣйствіе!

Гусъ. Моихъ заблужденій еще никто не доказалъ.

Петръ. Какъ нѣтъ? Развѣ ты не унижалъ духовенство? Не подымалъ развѣ голоса даже противъ святого отца?

Гусъ. Я каралъ одни преступленія и проступки, но никакъ не личности; я вооружался противъ роскоши, противъ высокомѣрія духовенства, противъ *симоніи* его.

Digitized by Google

Петръ. Развѣ ты не вносилъ въ библію ложныхъ толкованій? Не распространялъ будто заблужденій Виклефа? Не подрывалъ церковныхъ законовъ?

Гусъ. Я поступалъ такъ, какъ повелѣвалъ мнѣ внутренній голосъ и стремленіе смотрѣть истинѣ прямо въ глаза. Никто до сихъ поръ не доказалъ, гдѣ я сошелъ съ прямой дороги; я же лишь приподнялъ завѣсу, указавъ, гдѣ церковь сама дѣлаетъ ошибку и въ то же время хвалится, что она непогрѣшима!

Петръ. (*къ доминиканцамъ*). Слышали вы оскорбительныя рѣчи, вышедшія изъ устъ, свыкшихся съ грѣхомъ: святая-де церковь заблуждается?!... Откажись тотчасъ, иначе тебя постигнетъ заслуженная кара!

Гусъ. Я этого не страшусь! У меня давно рѣшено, что угрозы не собьютъ меня съ моего пути и не поколеблютъ моей вѣры.

Петръ. Отрекись!

Гусъ. Ты приказываешь это напрасно! Меня не испугаютъ возгласы папскаго слуги.

Петръ. За это да будешь ты проклятъ именемъ самого папы... будь проклятъ именемъ Христовой церкви.... исключаю тебя изъ лона ея и лишаю всякой поддержки и даже надежды!

Софія. Перестань, кардиналъ!

Петръ. Проклинаю тебя, какъ архіеретика.... и проклинаю тѣхъ, которые стоятъ съ тобой за одно въ своихъ заблужденіяхъ и ведутъ съ тобою дружбу... проклинаю и землю, гдѣ ступаетъ твоя нога, и воздухъ, которымъ ты дышешь. Да будутъ заперты храмы, не звонятъ колокола и не совершается церковная служба, гдѣ окажется этотъ отверженецъ церкви!

Вячеславъ. Умолкни, прошу тебя!

Петръ. (*съ возрастающимъ пафосомъ*). Пусть никто не впускаетъ его черезъ порогъ дома, никто пусть не даетъ ему пищи,— пока, злополучно пораженный перстомъ Бога, онъ не погибнетъ и какъ лѣсной звѣрь, не сгніетъ въ неосвященной землѣ!

Народъ, который слушалъ съ ужасомъ, разбѣгается съ восклицаніями: горе! бѣда! *лишь нѣкоторые остаются на мѣстѣ.*

Софія. Всевышній! чѣмъ мы прогнѣвили Тебя, что должны выносить страшный потокъ этихъ ужасныхъ словъ!

Хлумъ. Должны?! О, дорогая королева! я спрашиваю, гдѣ

Digitized by Google

написано, чтобы чужеземецъ здѣсь распоряжался нами, какъ своею челядью? Мы ужъ слишкомъ долго выслушиваемъ дикій потокъ его рѣчи,—онъ хочетъ устрашить насъ крикомъ, но волненіемъ берега не сдвинешь!

Петръ. Кто такой ты, дерзкій человѣкъ, что....

Хлумъ. Я свободный Чехъ и держу рѣчь отъ имени свободнаго народа! Повторяю: я Чехъ; нахожусь у себя дома, и лишь право гостя охраняетъ тебя отъ непріятностей....

Петръ. Отъ имени церкви ...

Хлумъ. Оставь эту вывѣску, которую вы постоянно выкидываете, чтобъ прикрыть ваши личныя дѣла; но мы васъ знаемъ и не допустимъ опутывать себя по произволу чужеземнаго честолюбія. Мы народъ сильный, проливать кровь свою за свободу привыкшій.... и мы ужъ слишкомъ долго позволяли постороннимъ вмѣшиваться въ наши домашнія права. Этого долѣе быть не можетъ и не будетъ, и если хотите, чтобы наше уваженіе къ вамъ оставалось при васъ,—покажите, отцы духовные, что вы его заслуживаете, что вы сыны той самой церкви, которая нѣкогда сіяла смиреніемъ и чистотою нравовъ!

Петръ (*въ сильномъ гнѣвѣ*). Бросьте въ тюрьму этого негодяя!

Хлумъ. Въ тюрьму!... меня? здѣсь предъ лицемъ моего короля и моей королевы? Здѣсь въ резиденціи моихъ государей и въ городѣ свободнаго народа? (*Обнажаетъ мечъ*). Подойдите, у кого охота и отвага!

Вячеславъ. Хлумъ, перестань!

Хлумъ. Прости, государь! извини, королева! Есть на свѣтѣ вещи, которыя разжигаютъ самую холодную кровь до бѣлаго каленія и выводятъ изъ спокойнаго состоянія!

Софія. Ты оказалъ мнѣ большую услугу, сударь! Благодарю тебя, вѣрный другъ!

Степанъ. Мнѣ же кажется, что лучшую службу онъ оказалъ бы королевскому дому, если бъ не стоялъ за проклятаго еретика....

Вячеславъ. Ты молчи! и ищи дорогу отсюда!.... Вы—закоренѣлые сѣятели недобраго сѣмени, которое въ настоящее время угрожаетъ грознымъ всходомъ и народъ мой готово раздѣлить на два враждебные лагеря.

Степанъ. Государь....

Вячеславъ. Прочь съ глазъ моихъ—прочь! уйди даже изъ са-

Digitized by Google

маго королевства, чтобы не дышать въ немъ съ проклятымъ еретикомъ. Пусть кардиналъ возьметъ тебя въ свою дружину!

Альбикъ. Подумай, король.

Вячеславъ. Я ужъ думалъ и высказалъ свое мнѣніе!

Петръ. Не переступай границъ своего права!

Вячеславъ. Не заботься объ этомъ и самъ поступай сообразно своему праву!

Петръ. Я сдѣлаю это... и произнесу проклятіе надъ страной, гдѣ еретикъ находитъ спокойный пріютъ. (*къ Альбику*). Пойдемъ! Мы съобща объявимъ, какое бремя взваливаетъ святая церковь на Чешское королевство. (*Уходитъ съ духовными и со свитою*).

Хлумъ. (*кричитъ ему вслѣдъ*). Смотри лишь, чтобъ найти свободный выходъ изъ городскихъ воротъ!

Гусъ. (*все время стоитъ впереди въ глубокой задумчивости*).

Софія. Не падай духомъ, любезный мистръ!

Гусъ. Я въ рукахъ Господа, духъ котораго осѣняетъ меня!

Софія. И онъ своею благостію защититъ тебя отъ всѣхъ напастей!

Вячеславъ. (*вышелъ изъ себя по поводу происшедшаго*). Оставь хлопоты объ этомъ, королева! О собственныхъ невзгодахъ мистру слѣдуетъ не столько заботиться, сколько о тѣхъ, которыя грозятъ всей Прагѣ, пока онъ будетъ жить въ ней, подъ папскимъ проклятіемъ. Что было нѣкогда отъ имени епископа лишь простой угрозой, то нынѣче обратилось въ печальную дѣйствительность!

Софія. Король!....

Вячеславъ. Не удерживай меня своими обычными ласковыми словами, предоставь мнѣ свято выполнить свой долгъ!

Софія. Ты хочешь заставить мистра покинуть родину?

Вячеславъ. Вовсе не желаю этого лично; но долженъ его просить—сдѣлать все необходимое для общественнаго спокойствія!

Хлумъ. Какъ, милостивый король?

Вячеславъ. Замолчите, ради Бога! и дайте зажить ранѣ, къ которой больно дотронуться! Или вы думаете, что государю пріятно казнить и приводить въ трепетъ? Я бы собственную кровь далъ пролить до послѣдней капли, если бы тутъ шло дѣло исключительно обо мнѣ. Но дѣло идетъ о благѣ цѣлой страны—и сердце тутъ не можетъ допустить двойственности, но должно быть покорнымъ однимъ священнымъ обязанностямъ! (*Очень мягко*).

Digitized by Google

Попрощайся поскорѣе со своимъ духовникомъ... досвиданія въ лучшее время!

Софія. Прощай!... Да хранитъ тебя Небо! (*Уходитъ съ дамами*).

Вячеславъ. Прощай, Янъ! Дѣлай различіе между королемъ и Вячеславомъ—твоимъ другомъ! (*Уходитъ*).

Хлумъ. (*Провожаетъ его до дверей*).

Гусъ. (*съ глубокой грустью*). Брошенный, всѣми забытый!

Хлумъ. (*возвращается*). Нѣтъ, вовсе нѣтъ, Янъ! Тысяча сердецъ бьется за тебя.... и тебѣ стоитъ лишь сдѣлать знакъ, чтобы они стали за тебя наперекоръ папскому проклятію!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сзади показывается группа студентовъ.

Лупачъ, Маргарита и прежніе.

Студенты. (*за сценой*). Мы желаемъ видѣть профессора! Пустите насъ!

Хлумъ. Вотъ стая молодыхъ орловъ, которая слетается къ своему вождю! (*къ стражѣ*). Впустите ихъ. (*студенты входятъ*).

Лупачъ, Правда ли, профессоръ, что тебѣ грозитъ опасность? Городъ въ тревогѣ, папежники ликуютъ... мы пришли предложить тебѣ помощь противъ насилія!

Маргарита. (*протиснувшись сквозь толпу*). Не принимай ея, сынъ мой!

Гусъ. О, Спаситель! здѣсь мать моя въ такую минуту!

Маргарита. Выслушай меня, сынъ мой! къ тебѣ говоритъ старуха, близкая къ смерти! Какъ вихрь разносится ужасная вѣсть, что церковь сегодня тебя уже окончательно изъ лона своего.... о, я не могу даже выговорить этого!.... О, сынъ мой! что ты затѣялъ? Какъ отвѣтишь ты за кровь, здѣсь пролитую? Подобное дѣло обрушится на самого творца его, оно похоронитъ его подъ своими развалинами!

Гусъ. Что ты говоришь: какая кровь?

Маргарита. Ею освящено твое дѣло!

Гусъ. Не отнимай у меня разсудка! Что случилось?

(*Короткое напряженное молчаніе*).

Лупачъ. Совершена уже казнь надъ тѣми юношами, которые были схвачены за то, что смѣялись надъ индульгенціями.

Digitized by Google

Гусъ. (*глубоко тронутый*). Казнены?! О, Всевышній Судія, не поставь мнѣ этого въ вину!

Маргарита. Кровью орошена земля, на которой ты стоишь... она готова провалиться подъ тобою.... О, выслушай и сойди съ твоего пути, пусть миръ вернется въ твою душу, и въ окружающихъ тебя!

Лупачъ. Не уступай, профессоръ! Не бойся ничего! Студенты всѣ до одного за тебя, за тебя же и лучшая часть профессоровъ.

Студенты. На жизнь и на смерть мы готовы за тебя!

Маргарита. Не слушай чарующихъ звуковъ шумнаго свѣта и обрати свои мысли къ мирному затишью! Ступай со мною.... на нашу скромную родину, гдѣ ты выросталъ въ страхѣ Божіемъ; тамъ найдетъ для себя облегченіе душа твоя. Пойдемъ!

Гусъ. Да, матушка! на нашу мирную родину! Въ скромную хижину, гдѣ ты учила меня впервые осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ.... на кладбище, гдѣ я впервые преклонялъ колѣна на могилѣ отца. Свѣтъ меня отвергаетъ... такъ раскрой же свое сердце, ты, моя старушка! пусть я найду въ немъ и посильное утѣшеніе, и надежный пріютъ. (*Бросается къ ней на шею*).

Маргарита. Благословенно будь имя Господне!

Лупачъ. А меня возьмешь съ собою, профессоръ? вѣдь ты для меня и отецъ, и другъ.... ты цѣлый міръ мой!

Хлумъ. Въ такомъ случаѣ я отпускаю тебя спокойно! Вѣдь съ тобою остаются любовь матери и заботы юнаго друга—два большіе, неодолимые щита предъ напоромъ мірскихъ невзгодъ. И на этотъ разъ о тебѣ будутъ заботиться старые, испытанные друзья, будутъ охранять величіе твоего имени.

Гусъ. (*патетически*). Прощай же, Прага моя дорогая! ты свидѣтельница моихъ радостей и страданій! Я разстаюсь съ тобою, чтобы лоно твое не потрясалось громовыми раскатами, пока не разойдутся надъ тобою грозныя тучи; и если суждено моимъ очамъ во вѣки не узрѣть тебя, не допусти, по крайней мѣрѣ, погибнуть памяти обо мнѣ! Тѣломъ разстаюсь я съ тобою, душою жъ буду жить въ тебѣ, съ тобою стоять за идею, и умру лишь тогда, когда сотрется память о тебѣ! (*Уходитъ съ матерью и студентами. Хлумъ отправляется въ королевскіе покои*).

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Деревушка съ видомъ на ближнее кладбище. Вдали видны горы. На первомъ планѣ хижина, дерево и скамейка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лупачъ *ведетъ* **Маргариту** *изъ хижины.*

Лупачъ. Вотъ тутъ обогрѣй свое ослабѣвшее тѣло на божьемъ солнышкѣ! Сегодня вѣетъ такой пріятный вѣтерокъ, какъ будто хочетъ онъ въ цѣлый міръ вдохнуть новую жизнь.

Маргарита. (*садится*). О, дай, Боже, чтобы никогда не нужно было другихъ лѣкарствъ для излѣченія болѣзней! Но противъ старости никакія лѣкарства не помогутъ.... а болѣзнь душевную исцѣлить еще тяжеле.... Гдѣ жъ это сынъ?

Лупачъ. Онъ или въ замкѣ у барона, или подлѣ замка, среди народа, который слушаетъ его поученія, словно небесную музыку. Per Deos, въ этомъ—странная судьба нашего изгнанія! Изъ Праги мистръ долженъ былъ уйти, чтобы не быть на глазахъ у народа, а тутъ къ нему присоединяются цѣлыя области.

Маргарита. Да, его слово всегда заключаютъ въ себѣ такой значительный смыслъ, что чувствительныя души не могутъ устоять противъ него. Но, несмотря на это, сынъ мой не можетъ назвать себя счастливымъ.

Лупачъ. Qua de causa, почему? Онъ здоровъ; передъ нимъ раскрыты всѣ хижины и сердца до самыхъ нѣдръ.... развѣ что онъ нѣсколько молчаливъ и задумчивъ; но это въ его натурѣ. Знаешь ли, матушка; мы, ученые, всегда имѣемъ въ себѣ что-то серьезное.

Маргарита. Нѣтъ, нѣтъ, милый юноша! это не молчаливость, не серьезность ученаго мужа, это—угрюмость несчастнаго человѣка. Я не желаю прямо сказать, что его (*со вздохомъ*) гнететъ это ужасное проклятіе.

Лупачъ. И не говори этого. Отъ гнѣвливаго бормотанія такихъ слугъ Господа, которые одѣваются въ золото и спятъ на батистѣ, мы ничего потерять не можемъ.

Маргарита. (*отрицательно качая головой*). Знаю я это, знаю,

Digitized by Google

да утѣшитъ васъ Богъ! Но его пражское ученіе такъ сильно потрясло самыя основы его жизни, что онъ зачахнетъ и падетъ, какъ только вновь воротится къ этому ученію.

Лупачъ. Это тебѣ такъ только кажется!

Маргарита. И онъ бы уже вернулся, вопреки проклятію, вопреки волненіямъ, которыя бы возникли изъ-за этого, если бы не было старухи матери: она ему мѣшаетъ.

Лупачъ. Кто внушилъ тебѣ это?

Маргарита. Но я не буду ужъ долго ему мѣшать! Господь отмѣрялъ число дней моихъ и скоро меня призоветъ къ себѣ.

Лупачъ. Нѣтъ.... къ чему такія рѣчи? Потому только, что мы такъ близко живемъ вотъ подлѣ этого кладбища—у тебя и являются такія печальныя мысли.

Маргарита. Это богоугодныя, сладостныя мысли, дитя мое! Ну, а если хочешь перейти къ разговору о другомъ, разскажи мнѣ что-нибудь о Янѣ, что произошло въ послѣднее время вашего пребыванія въ Прагѣ?

Лупачъ. Bene, mater carissima, вотъ это разумно! Но что же разсказать тебѣ, чтобы это имѣло видъ веселой штучки? Изъ событій съ мистромъ Гусомъ мудрено выбрать что-нибудь веселое.... но подожди, разскажу тебѣ о великомъ переселеніи изъ Праги иностранныхъ студентовъ.... Когда покойный Carolus Quartus положилъ основаніе нашему пражскому университету, онъ обращалъ вниманіе на то, чтобы для быстраго его процвѣтанія сразу привлечь многихъ профессоровъ и массу студентовъ. У себя дома, на невоздѣланныхъ еще наукою дебряхъ, университетовъ было еще далеко не много, потому-то и должно было набраться въ Прагу много иностранцевъ, и потому на ихъ долю выпала незаконная привилегія, что, когда приходилось потомъ рѣшать какіе-либо вопросы—всегда противъ одного голоса чешскаго оказывались три иностранныхъ. Сначала это никого не стѣсняло; но когда прибавилось профессоровъ и студентовъ изъ туземнаго населенія—стало невыносимымъ при замѣщеніи всѣхъ должностей имѣть всего одинъ голосъ изъ четырехъ. Наконецъ мистръ Гусъ взялся за это дѣло съ настоящаго конца: занесъ жалобу на подобную несправедливость относительно роднаго народа, и Вячеславъ—лай, Боже, ему добраго вина до самой глубокой старости!—издалъ указъ, по которому Чехи должны всегда имѣть въ пражскомъ университетѣ

Digitized by Google

три голоса, а иностранцы всего одинъ, какъ и слѣдовало съ самаго начала.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гусъ *медленно идетъ съ кладбища съ письмомъ въ рукѣ, погруженный въ глубокую задумчивость и* **прежніе.**

Лупачъ. Этого не желали понять ни Швабы, ни Баварцы, ни Поляки; и вотъ они озлились, подали увольненіе всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и отряхли прахъ отъ ногъ своихъ, уходя изъ Праги. Мистру было много непріятностей, преимущественно отъ торговаго люда, которому это переселеніе ударило по карману; но порядочные люди изъ Чеховъ стали превозносить за это мистра и желали и на будущее время имѣть подобнаго защитника своихъ интересовъ... Ну, что же ты на это скажешь, mater dilectissima?... Какъ?... Уже опять спитъ? Вотъ слабая старушка!... она когда-нибудь уснетъ и больше не проснется.

Гусъ (*слышавшій рѣчь Лупача*). Пожелай ей такого сна! Я бы за такую милость Неба благодарилъ отъ всей души.

Лупачъ. Что говоришь, профессоръ?

Гусъ. Повторяю: блаженъ тотъ, кто здѣсь на вѣки закроетъ глаза; иначе онъ истерзаетъ свою душу въ борьбѣ за вѣчную правду.

Лупачъ. Наставникъ, прогони свои печальныя мысли и смотри жизни прямо въ лицо. Мать тоже замѣчаетъ твое уныніе; я же думаю, что ты его питаешь напрасно. Ты снова господинъ своего слова, учитель народа, который превозноситъ тебя до небесъ,— словомъ, ты перемѣнилъ только каѳедру: изъ маленькой каплицы выступилъ на обширное поле, подъ небеснымъ сводомъ, куда стекаются тысячи и, увлекаясь твоими словами, не страшатся папскихъ угрозъ!

Гусъ (*съ нѣкоторою горечью*). Да! я учу вновь; но гдѣ? тутъ на заброшенныхъ пустыряхъ, куда мы слетаемся, какъ проголодавшіяся хищныя птицы на добычу, и выводимъ свои пѣсни..... тогда какъ въ сердцѣ страны, въ славной Прагѣ, ученіе мое не признано, проклято.... и его колыбель, мой дорогой Виѳлеемъ, стоитъ

Digitized by Google

пустой, заброшенный! Вотъ змѣя, которая сосетъ мое сердце! Вотъ пламя, на которомъ сгараетъ моя душа! Я не устоялъ мужественно на мѣстѣ, указанномъ мнѣ Богомъ и голосомъ моего сердца. Первый порывъ бури выбилъ уже меня, малодушнаго, изъ колеи: я испугался крови, забывъ, что кровью Спасителя пріобрѣтена свобода всему человѣчеству!..

Лупачъ. Я не согласенъ съ тобою! Ты удалился лишь изъ-за высшихъ соображеній, сошелъ со сцены ради общаго мира и успокоенія умовъ; но, если ты хочешь, для тебя еще открытъ обратный путь.

Гусъ. Да, мой юный другъ! Въ мою душу не вернется миръ, пока я не выступлю въ открытый бой съ враждебною мнѣ партіею, и либо подниму знамя правды, какъ побѣдитель, либо паду побѣжденный!

Лупачъ. И такъ ты опять вернешься въ Прагу?

Гусъ. Вѣроятно, пойду и дальше.

Лупачъ. Дальше?

Гусъ. Прямо въ сердце сторукому великану, римской церкви. Мнѣ пишетъ изъ Праги Хлумъ, что будетъ большой съѣздъ членовъ духовной и свѣтской власти, для устраненія уже многолѣтнихъ споровъ о папскомъ престолѣ. Этому съѣзду я охотно представлю свое дѣло для справедливаго суда и приговора.

Лупачъ. У твоихъ враговъ, которые острятъ зубы на твою погибель, ты хочешь искать справедливости?

Гусъ. Съ моимъ ученіемъ—правда за одно, и ея не отвергнетъ сила свѣтская,—такъ я, по крайней мѣрѣ, надѣюсь. Одно еще меня удерживаетъ—моя старушка—мать.

Маргарита (*которая спокойно спала, опершы голову о дерево, открываетъ глаза*). Опоясшь свои чресла и возьми посохъ въ дорогу.

Гусъ. Матушка!

Маргарита. Я слышала тебя сердцемъ и знала давно твои безмолвныя скорби. Развеселись по прежнему! Свободенъ путь твой.. и душа моя будетъ заботливо сопровождать стопы твои.

Гусъ. Нѣтъ, я не покину дома, пока твои очи, спокойныя звѣзды моего умиротворенія, свѣтятъ ярко средь мрака моей жизни.

Digitized by Google

Маргарита. Глаза мои сомкнутся: повелитъ Господь, и раба его явится. Вотъ—уже разверзаются двери небесныя, и Агнецъ Божій, несущій на себѣ грѣхи всего міра, ласково улыбается и зоветъ!... Держись, дитя, моихъ слѣдовъ... и мы вмѣстѣ войдемъ въ царство блаженныхъ!

Гусъ. О, Боже! матушка, что съ тобою?

Маргарита. Ты вѣдь священникъ, сынъ мой помолись за меня... если имѣешь право молиться подъ проклятіемъ.... *Отче нашъ иже еси на небесѣхъ, да святится...* О, помолись за мою грѣшную душу... я же буду молиться за тебя, чтобы тебя не сожгли!

Гусъ. Матушка, приди въ себя опомнись!

Маргарита. Образы грядущихъ дней меня окружаютъ.... могильный мракъ вертится передъ глазами.... вновь подернутъ горизонтъ зловѣщимъ пламенемъ огромнаго костра.... и сынъ мой стоитъ въ этомъ пламени... и блеститъ какъ бѣлая голубка... и уже летитъ... (*наклоняется назадъ*) къ высотамъ... гдѣ царитъ вѣчная весна... (*Умираетъ. Глубокое молчаніе*).

Гусъ (*стоитъ надъ нею съ поднятыми къ небу руками; послѣ паузы*). Да свѣтитъ ей свѣтъ вѣчный!

Лупачъ. Аминь!

Оба становятся на колѣни и тихо молятся.

Картина II.

Королевскій садъ въ Вышеградѣ. Направо большой розовый кустъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Софія и Вячеславъ. Вдали придворные.

Софія. Ты долженъ выслушать меня, король! Я не могу долѣе выносить, что ты задаешь во дворцѣ шумные пиры и банкеты, между тѣмъ какъ ядовитая змѣя раздоровъ пожираетъ народъ.

Вячеславъ. Не хочешь ли ты быть строгой нянькой моихъ поступковъ? Ставилъ я когда нибудь въ счетъ твои увеселенія?

Софія. Къ чему ты равняешь себя къ слабой женщинѣ? Царство мое — мирная семья, ей принадлежатъ мои заботы; ты же стоишь во главѣ народа, ты избранъ быть отцомъ милліоновъ; тѣла

Digitized by Google

ихъ и души поручены твоимъ попеченіямъ: это—удѣлъ, достойный самаго высокаго духа, и благословенъ тотъ, кто въ немъ твердо устоитъ.

Вячеславъ. Развѣ ты думаешь, что я не устою?

Софія. Не думаю, когда вижу, что ты хочешь быть королемъ. Но въ эти дни ты, какъ кутила какой-то, отвернулъ свой умъ отъ народа и весь отдался увеселеніямъ. Вячеславъ! ты вѣдь всегда позволялъ мнѣ говорить въ пользу твоего народа: обрати къ нему снова свои ласковые взоры.

Вячеславъ. Что-же: вздорная игрушка—его своеволіе? Не хочу больше: довольно долго терпѣлъ я и всегда имѣлъ искреннюю заботу о Чехахъ, пока не подоспѣла за это противъ меня интрига со стороны Нѣмцевъ и не лишила меня императорской короны. Теперь я долженъ твердо держать бразды правленія.... А что касается моихъ пирушекъ?—Развѣ я одинъ въ королевствѣ не смѣю отъ времени до времени позволять себѣ то, что мнѣ нравится? Народъ утопаетъ въ благосостояніи, и вина лично его, если онъ самъ себя пожираетъ въ безумной распрѣ. И король хочетъ жить, какъ ему нравится: свѣтъ не дастъ ему никакой поддержки.

Софія. Вячеславъ, съ тобой произошла страшная перемѣна! Я сама бывала твоей поддержкой, когда тебя одолѣвало бремя власти; теперь твое сердце какъ-будто окаменѣло ко благу народа....

Вячеславъ. Это не вѣрно, выслушай до конца! У меня сердце пылаетъ по прежнему искренней любовью, и я радъ бы раздѣлить любовь эту со всѣмъ моимъ народомъ; но до сихъ поръ это мнѣ не шло въ прокъ, и я за свои добрыя стремленія заслужилъ одну лишь неблагодарность. Братъ, по желанію котораго я отказался отъ императорской короны, ждетъ только моей смерти, чтобы взойти на Чешскій тронъ.

Софія. Король!

Вячеславъ. Замолчи, это не пустыя слова, нѣтъ! Ты еще одна остаешься моимъ другомъ... лишь бы только утихъ твой пылъ ко всякимъ вообще реформамъ! Виѳлеемскій проповѣдникъ насѣялъ у насъ все то зло, которое теперь губительно распространяется по всей странѣ.

Софія. Боже, какое съ нимъ превращенье!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Жижка, Вокъ, нѣсколько дворянъ и прежніе.

Жижка. Пустите меня! Я знаю Вячеслава лучше, чѣмъ вы: вы думаете, что свободное слово ударитъ въ его грудь, какъ тяжелая булава!

Вячеславъ. Что такое?

Вокъ. Онъ разгорячень виномъ, ваше величество.

Жижка. Да, разгорячень виномъ! Вино есть даръ боговъ..., оно прогоняетъ прочь всякую ложь. Король, вели отпереть Вителеемъ и назначь меня за нимъ наблюдать!

Вячеславъ. Что съ тобою? Развѣ чтобъ ты обогрѣлъ гнѣздо, гдѣ помѣстилось чудовище?

Жижка. Государь! если у тебя есть желчь на душѣ, излей ее на меня: я приму это въ отмѣстку за польскую исторію; но не имѣй желчи ни на языкѣ, ни въ душѣ противъ Гуса. Онъ долженъ былъ явиться, чтобы Чешская земля возродилась.

Софія. Да, это вѣрное слово, король! О если бы ты понялъ его истинный смыслъ!

Жижка. Потому-то къ нему и льнули сердца всѣхъ, исключая, правда, тѣхъ, которымъ грозилъ убытокъ и позоръ отъ его громовыхъ рѣчей, и разумѣю чужестранныхъ птицъ и черныхъ воронов. (*Со смѣхомъ*). И если ты хотѣлъ придумать хитрую штуку, чтобы слова его не распространялись,—ты не долженъ былъ подавать ему совѣтъ удалиться изъ Праги. Теперь за нимъ идутъ цѣлыя области, и число послѣдователей его съ каждымъ днемъ увеличивается!

Вячеславъ. Я возьму тебя въ любой военный отрядъ, какъ проповѣдника!

Жижка. Я не согласился бы на это развѣ въ томъ случаѣ, когда пришлось бы проливать вмѣстѣ съ тобою кровь враговъ! Изъ нуля выходитъ нуль, но кое-что всегда даетъ что-нибудь.... Ты не требуешь на дѣло моей правой руки, ну я и служу тебѣ языкомъ. Потому-то я и говорю: дай просторъ слову Гуса, пусть его проповѣдываетъ... иначе плотина прорвется, и общественный порядокъ будетъ нарушенъ.

Вячеславъ. Ну, ужъ я крѣпкой рукою удержу порядокъ!

Жижка. Не легко это такъ же сдѣлать, какъ сказать! Ты

Digitized by Google

прикажешь народу вмѣстить весь свой умъ въ одну форму—папскую; прикажешь отобрать у него оружіе, чтобъ не могъ онъ защищать свою волю, чтобъ утратилъ онъ свое достоинство и ту могущественную вѣру, которая зовется вѣрой въ самого себя!.. Но это худой планъ ты замыслилъ и только вводишь народъ въ искушеніе. Народъ долго терпитъ шутки съ собою; но, если затронутъ его священныя вѣрованія, опасность можетъ грозить самому трону....

Вячеславъ. Ты берешь на себя смѣлость говорить такія рѣчи?

Жижка. Правду говорить—нѣтъ смѣлости. Объяви свободу вѣроисповѣданія и вызови сюда Гуса! Пусть даже окажется, что народъ выступитъ въ явномъ бунтѣ,—это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ онъ сталъ бы втихомолку ковать смуту, и безнадежность положенія вызвала бы его къ угрожающимъ порядку дѣйствіямъ.

Вокъ. Требованія эти справедливы, государь!

Софія. Они идутъ прямо изъ сердца народа! О, если бы ты хоть на этотъ разъ рѣшился вызвать въ своемъ сердцѣ прежнія симпатіи и вызвать сюда Гуса!

Вячеславъ. Что вы потеряли разсудокъ, что-ли? Вновь бросить въ порохъ зажженную головню? Никогда! Скорѣе выгоню я Нѣмцевъ изъ городскаго совѣта ради того, что они главные виновники всей этой непріязни противъ Виѳлеемскаго проповѣдника! Но вызвать его? и, конечно, опять для соглашенія съ остальнымъ духовенствомъ? О, громы небесные! Довольно долго предоставлялъ я это соглашеніе исключительно на волю богословамъ и духовнымъ, чтобы они создали порядокъ, и сваливалъ это на отвѣтственность Альбика, производя его въ епископы; но онъ лучше годится варить мази и сидѣть въ аптекѣ, чѣмъ управлять церковью. Теперь возьмусь за это дѣло я... и потому Гусъ не долженъ являться въ Прагу, хотя бы вы надоѣдали мнѣ просьбами! Да онъ и самъ не захочетъ! (*Издали слышны голоса и восклицанія*). Что такое творится? (*Всѣ оглядываются назадъ*).

Вокъ. Клянусь Богомъ! Это Гусъ! (*Кричитъ къ стражѣ*). Стража, пропустить!

Жижка. Или я тебѣ собственной булавой размозжу голову! (*Бѣжитъ на встрѣчу Гусу*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гусъ, Хлумъ и прежніе.

Жижка. О, Гусъ мой! Дай обнять тебя, пусть обогрѣется на твоей груди мое скорбное сердце!

Вячеславъ. Ты осмѣливаешься, мистръ, появиться въ Прагѣ и навлечь на нее угрозу папскаго проклятія?

Софія. Король, не встрѣчай такъ Богомъ любимаго мужа!

Гусъ. Миръ вамъ, говорилъ Господь, и я прихожу къ вамъ съ миромъ. Я разорвалъ съ моимъ прошлымъ, покончилъ съ моими изслѣдованіями въ томъ царствѣ, гдѣ во вѣки вѣковъ будетъ сталкиваться правда съ заблужденіемъ... и я снарядился въ походъ, чтобы для блага друзей, которые стояли за одно со мной въ первоначальной борьбѣ, отдать отчетъ—было ли то правдой или заблужденіемъ, что я выставилъ своимъ знаменемъ?... и такъ только съ этихъ поръ начнется для меня будущность.

Вячеславъ. Что ты подъ этимъ понимаешь?

Гусъ. Я отдамъ себя на судъ.

Вячеславъ. Кому на судъ? Что это? Уже прежде сходились доктора и законовѣды, отыскивая выходъ для примиренія... и увы! только кое у кого вызвали къ тебѣ личное озлобленіе.

Гусъ. Я обращусь къ вселенскому суду по дѣламъ церкви. Я иду на Констанцскій соборъ.

Всѣ. Что говоришь ты?

Гусъ. Я твердо настаиваю на моемъ желаніи явиться на этотъ съѣздъ кардиналовъ, собравшихся туда отъ имени двухъ первыхъ главъ міра—папы и императора. Пусть соборъ выскажется, каковы были мои убѣжденія.

Жижка. Ты бы попробовалъ, Янъ, лучше пробраться въ берлогу медвѣдей! Они вѣдь тоже словамъ не даютъ значенія, а повинуются одной булавѣ да рогатинѣ!

Софія. О, обдумай, что ты затѣялъ? Ты отдаешь себя въ руки своихъ явныхъ враговъ... и я боюсь, что въ нихъ не окажется именно того благородства, которое ведетъ тебя на соборъ. О, сообрази, какія скорбныя мысли разрывали сердца твоихъ друзей, когда ты былъ вызванъ въ Римъ! Всѣ стояли противъ этого, желая тебѣ добра... а теперь ты хочешь поставить своихъ друзей въ

Digitized by Google

еще болѣе печальное положеніе и открыто отдать себя на погибель?

Гусъ. О, моя милостивая королева!

Вячеславъ. Позволь, королева! Я безмолвно преклоняюсь предъ силой воли мистра.

Жижка. Чортъ возьми силу, когда ей не одолѣть цѣлаго ада... Извините, королева!... во мнѣ кипитъ желчь! Я не допущу его отправиться туда! Іеронимъ опять бродитъ по чужбинѣ, а онъ бы прочелъ ему проповѣдь... ну, такъ я самъ вооружусь краснорѣчіемъ и подниму на ноги всю Прагу, чтобъ она не выпускала его изъ своихъ стѣнъ!

Хлумъ. Умѣрь, другъ мой, свои порывы! Мистръ Гусъ твердъ въ своемъ намѣреніи, и ничто не въ силахъ помѣшать ему...

Вячеславъ. А я ему желаю счастья.... славу отъ имени всей земли, если онъ исполнитъ свой планъ. О, мой Янъ, до сихъ поръ я тебя еще не зналъ вполнѣ.

Жижка. О, слѣпая слѣпота... худшая еще, чѣмъ кривизна моего глаза!

Гусъ. Успокойся, Троцновскій! Меня побуждаетъ вѣра въ святость моей идеи....

Жижка. О, Яне! мы больше не увидимся!

Гусъ. О, нѣтъ, мой вѣрный другъ! Я этого не боюсь. Мы будемъ еще видѣться.

Жижка. Но для этого должна вся страна принять огненное крещеніе и пролить массу крови!

Хлумъ. Что тебѣ грезится?

Жижка. Я говорю тебѣ, хитрый ткачъ, помогавшій соткать ту нитку, которая тянетъ теперь мистра въ сонмище папежниковъ: если его постигнетъ какая-нибудь бѣда...

Хлумъ. Мы его проводимъ съ вѣрною дружиной, и, если разрѣшитъ король, вытребуемъ для него безпрепятственный пропускъ отъ самого императора.

Вячеславъ. Сдѣлай это, любезный Хлумъ! я дамъ тебѣ письмо къ моему брату-императору.

Софія. И мы поручимъ ему лично вашего духовника.

Жижка. Все это хорошо; но для меня все таки мало: никакой гарантіи. Я долженъ идти съ тобою! я не перестану слѣдо-

Digitized by Google

вать по твоимъ стопамъ, какъ тѣнь, и не вложу въ ножны меча, пока мы не будемъ опять на родной землѣ!

Гусъ Останься, другъ мой, въ Чехіи!

Жижка. Такъ ты не желаешь имѣть меня своимъ спутникомъ?

Гусъ. Я оставляю тебя дома, какъ твердый оплотъ для моего недавняго посѣва. Я предчувствую въ глубинѣ души моей, что для него будетъ нужна сильная рука, иначе онъ погибнетъ въ вихрѣ борьбы.

Жижка. Ну, такъ я останусь... и буду питать въ душѣ сожалѣніе, что мои лучшія надежды идутъ безуспѣшно въ могилу! О, смѣйтесь, что у воина, возросшаго въ бранях, такъ смутно на сердцѣ.... и что глаза его орошаются слезами! Но одно скажу вамъ, по поводу одобренія, что мистръ отправляется на духовный соборъ: Если его встрѣтитъ невзгода, это будетъ ударомъ для всего королевства, и всѣ элементы его содрогнутся отъ грозной скорби! Я же—если какъ солдатъ не сложу голову въ битвѣ!—я выведу всѣ эти элементы въ бой, пока весь край свѣта не заставлю дрожать отъ страха. Я буду стоять какъ мститель за Чешскую честь, стану вырывать мою обиду по клочкамъ изъ самой души враговъ моихъ!

Всѣ окружаютъ Гуса. Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая зала въ Констанцѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Михаилъ и Степанъ.

Михаилъ. Что значитъ, мистръ? Ты сегодня какъ-будто не въ духѣ, а между тѣмъ тебѣ слѣдовало бы веселиться, что наступилъ день, когда врагъ твой будетъ уничтоженъ. Вѣдь Гусу назначено сегодня выслушать послѣднее рѣшеніе суда; кардиналы же давно произнесли приговоръ.

Степанъ. Я это знаю.

Михаилъ. И если бы самъ папа по желанію императора захотѣлъ спасти Гуса отъ казни, онъ этого не посмѣетъ сдѣлать, изъ страха разрыва съ кардиналами, а между тѣмъ нуженъ лишь

Digitized by Google

слабый намекъ, и Янъ отдастся подъ покровительство папскаго престола. Но ему ужъ не защитить мистра... и соборъ кардиналовъ покончитъ съ нашимъ земляком.

Степанъ. Я думалъ, что встрѣчу эту минуту съ радостью, а между тѣмъ моя душа переполнена грустью.

Михаилъ. Что я слышу?

Степанъ. Гусъ былъ другомъ моей молодости.

Михаилъ. И затѣмъ твоимъ врагомъ.

Степанъ. Моимъ противникомъ только, когда я измѣнилъ его ученію; врагомъ же моимъ мистръ никогда не былъ.

Михаилъ. Не хочешь ли вдругъ разъиграть чувствительную сцену?—ты что-то разчувствовался?

Степанъ. Справедливымъ хочу я быть на этотъ разъ. Его мужественная рѣшимость—явиться на судъ, святое смиреніе, съ которымъ онъ твердо держалъ себя среди озлобленныхъ на него враговъ,—проникаютъ въ мое сердце, какъ острый мечъ.

Михаилъ. А, мистръ Палечъ! Ты не такими словами изображалъ еретика, когда писалъ о немъ изъ Праги.

Степанъ. Не говори о ереси: ты знаешь, какъ велика вина въ ней Гуса. Я сожалѣю о немъ.

Михаилъ. Ты сбиваешься на ложную дорогу, если думаешь, что такимъ путемъ добьешься новыхъ почестей.

Степанъ. О, почести—вещь опасная! Онѣ разлучили меня съ правдой, заставили измѣнить дружбѣ и изгнали меня изъ отчизны. Не говори о нихъ; но не опасайся также, чтобы я изъ-за движеній сердца не былъ въ состояніи долѣе служить церкви. Я весь принадлежу ей, какъ далъ давно обѣтъ и уже не разъ доказалъ. *(Слышенъ торжественный звонъ).*

Михаилъ. Тише! Часъ уже ударилъ. Пойдемъ. Соборъ сейчасъ откроется. *(Оба уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Съ лѣвой стороны: императорскіе рыцари, придворные и князья, затѣмъ **Сигизмундъ**; *съ правой: монахи разныхъ орденовъ, епископы и кардиналы, между ними* **Петръ, Михаилъ и Степанъ**, *затѣмъ* **папа Іоаннъ XXIII.** *Назади стража.*

Сигизмундъ *(встрѣчается посрединѣ съ папой и преклоняетъ*

Digitized by Google

предъ нимъ колѣни). Приношу благодарность твоему святѣйшеству, что хоть теперь будетъ положенъ конецъ церковной и свѣтской смутѣ.

Іоаннъ (*даетъ ему поцѣловать руку*). Я какъ servus servorum радуюсь, что ты понимаешь наше желаніе. Съ помощью Бога мы во всемъ успѣемъ.

Сигизмундъ (*встаетъ и садится на тронъ*). Глашатай! объяви засѣданіе собора открытымъ!

(*Трубы; народъ показывается въ дверяхъ, которыя открываются сзади.*)

Іоаннъ. Теперь приведите чешскаго мистра! (*Монахъ уходитъ съ двумя оруженосцами*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Хлумъ и прежніе.

Хлумъ (*входитъ, останавливается и потомъ подходитъ торжественно*). Императоръ! дозволь краткое слово.

Сигизмундъ. Кто ты?

Хлумъ. Уже не узнаешь меня? Я чешскій дворянинъ, Ганушъ Хлумскій, по прозвищу Кепка, посланный изъ Праги вмѣстѣ съ мистромъ Яномъ—оберегать его безопасность; и я храню листъ съ твоею, государь, печатью, что мистръ безъ обиды совершитъ то путешествіе, которое предпринялъ добровольно.

Сигизмундъ. Чего жъ теперь ты желаешь?

Хлумъ. Чтобы все совершилось по смыслу этого письма.

Сигизмундъ. Въ чемъ же ты видишь его нарушеніе?

Хлумъ. И ты спрашиваешь объ этомъ, государь? Развѣ ты не знаешь, что обманнымъ образомъ Гуса вызвали здѣсь изъ его квартиры для показаній на соборѣ и затѣмъ помѣстили его въ мрачную тюрьму?

Сигизмундъ. Я не знаю объ этомъ: это совершилось не по моей винѣ.

Хлумъ. О, благодарю Небо, что братъ моего короля не прилагалъ своей руки къ этому злодѣянію! Не даромъ мнѣ подсказывало сердце: обвиняй въ этомъ дѣлѣ одно духовенство,—оно готово нарушить на пользу церкви даже самый святѣйшій обѣтъ!

Іоаннъ. Дерзкій!

Digitized by Google

Хлумъ. Съ тобою, святой отецъ, мнѣ не о чемъ вести переговоры! Меня призвали свѣтскія обязанности, и по поводу ихъ лишь къ тебѣ (*къ императору*), государь, я обращаюсь. Въ твои руки я отдаю наше дѣло, дѣло Чешскаго народа! Дай ему настоящую оцѣнку! Объ этомъ я прошу отъ имени того же народа, на тронъ котораго ты нѣкогда возсядешь.

Сигизмундъ. Мы противъ вашего дѣла не вооружаемся; но точно также не можемъ воспрепятствовать справедливому суду, и если мистръ заключенъ въ тюрьму, члены собора знаютъ за что.

Хлумъ. Они знаютъ, государь? Знаютъ! Точно какъ знаютъ волки, почему бросаются на добычу, когда она имъ попадается.

Іоаннъ. Ты говоришь дерзко, Чехъ! Не забывай, предъ кѣмъ ты находишься!

Хлумъ. Не заботься объ этомъ! Объ этомъ глубоко напоминаетъ мнѣ каждый взглядъ и не удивляйся моей смѣлости. Мистръ порученъ подъ мою защиту, и я долженъ привести его назадъ невредимымъ для всего народа!

Сигизмундъ. Будь спокоенъ и не теряй вѣры! И мы здѣсь до сихъ поръ должны вѣрить судьямъ; но ихъ приговоръ будетъ подвергнутъ нашему обсужденію.

Хлумъ. О, это будетъ прекрасный приговоръ! Какъ они рѣшатъ, мы имѣемъ уже горькія предчувствія, а ты будешь поставленъ въ затрудненіе. Но, Богъ знаетъ! если вы коснетесь хоть волоска на головѣ его, весь міръ обагрится кровью! (*Уходитъ. Среди духовенства ропотъ*).

Іоаннъ (*къ Петру*). Развѣ ты не могъ дѣйствовать осторожнѣе? Не надо было мистра, вопреки обѣщанію, сажать въ тюрьму.

Петръ. Что случилось, должно было совершиться. Твердыя, какъ скала, заблужденія еретика должны въ тюрьмѣ сдѣлаться мягче.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гусъ, *введенный монахомъ и стражей, становится въ величественной позѣ назади,* **Хлумъ** *къ нему подбѣгаетъ.*

Петръ. Вотъ мистръ Гусъ!

Сигизмундъ (*про себя*). Такъ это человѣкъ, который осмѣлил-

Digitized by Google

ся разрушать то, къ чему люди втеченіе тысячи лѣтъ сохраняли уваженіе? У меня даже кровь приливаетъ къ сердцу при взглядѣ на него.

Іоаннъ. Кардиналъ-инквизиторъ, за тобой слово!

Петръ (*выступивъ впередъ*). Высокопочтенное собраніе! Ты видишь здѣсь человѣка, который осмѣлился, руководимый дьяволомъ, въ Чешской землѣ хулить святую церковь, подрывать ея основы и измыслить новую вѣру, внушенную ему самимъ адомъ и проклятую Богомъ и людьми. Скорбитъ душа объ этомъ человѣкѣ: вѣдь и пастухъ плачетъ о потерянной овцѣ.... а вотъ онъ вошелъ въ столь великія заблужденія, что долженъ быть извергнутъ изъ лона церкви и казненъ, если не сознается въ своихъ заблужденіяхъ. Ибо церковь не можетъ допустить, чтобы на блестящемъ храмѣ ея святости нарождалась ржавчина для осквернения и погубы вѣрующихъ; но церковь въ то же время—милосердная мать, и не наложитъ никакого наказанія, если заблудившійся откажется отъ того, чему училъ въ необузданномъ ослѣпленіи.... Приблизься, мистръ Гусъ! (*Гусъ тихо выступаетъ впередъ. Хлумъ становится подлѣ него*).

Петръ (*взявъ отъ монаха рукопись*). Ты сочинялъ эти трактаты?

Гусъ (*взглянувъ на рукопись*). Да, я писалъ ихъ.

Петръ. Слышало ли, почтенное собраніе? Онъ сознается.... Святые отцы дѣлали разборъ этихъ сочиненій и нашли, что въ нихъ заключается ересь.

Сигизмундъ. Не угодно ли господину кардиналу познакомить и насъ, въ чемъ состоитъ эта ересь?

Петръ. Мы это сдѣлаемъ (*къ Гусу.*) И ты утверждаешь понынѣ все, что писалъ въ этихъ трактатахъ?

Гусъ. До тѣхъ поръ, пока вы не убѣдите меня въ моемъ заблужденіи... до конца жизни.

Духовенство (*промежъ себя*). Какая закоренѣлость!

Петръ. Мистръ Андрей, прокуроръ de causis fidei! Укажи ересь!

Михаилъ (*развертываетъ бумагу и читаетъ.*) Гусъ распространялъ книги Виклефа, которыя церковь осудила, и роптал, когда онѣ были сожжены.

Гусъ. Я уважалъ научное изслѣдованіе Виклефа.... и если

Digitized by Google

ропталъ, то лишь потому, что книги составляли мою собственность и были сожжены безъ суда и изслѣдованія.

Михаилъ. Гусъ говорилъ, что желаетъ, чтобы душа его переселилась туда, гдѣ обитаетъ душа Виклефа.

Гусъ И это должно быть свидѣтельствомъ о моей ереси?.... Да, я говорилъ это, потому что думаю, что Виклефъ въ царствѣ правды, которую проповѣдывалъ здѣсь на землѣ.

Михаилъ. Гусъ доказывалъ, что истинными и единственными судьями въ дѣлахъ церковныхъ не могутъ быть ни папа, хотя онъ глава церкви, ни коллегія кардиналовъ, хотя она составляетъ ея тѣло.

Гусъ. Если папа—глава церкви, а коллегія кардиналовъ—ея тѣло, то они составляютъ вмѣстѣ уже всю церковь. Но что же затѣмъ остальные вѣрующіе? Куда причислить остальныхъ христіанъ? И потому я утверждаю: допустите всѣхъ вѣрующихъ къ управленію церковью, какъ то было въ древне-христіанскія времена; пусть окончится самоуправство епископовъ.

Духовенство. Это ли еще не ересь?!

Михаилъ. Гусъ училъ, что таинство причащенія не въ духѣ христіанства. (*Между духовенствомъ волненіе*).

Гусъ. Это не правда.

Михаилъ. Мистръ Степанъ, подтверди это!

Степанъ. Подтверждаю. Это правда.

Гусъ. Въ *смыслѣ* ученія Христова—училъ я—нѣтъ истиннаго причащенія, пока вы и народъ не станете причащать изъ чаши и не допустите всѣхъ вѣрующихъ къ одной трапезѣ.

Михаилъ. Гусъ возставалъ противъ индульгенцій и запрещалъ въ нихъ вѣрить.

Гусъ. Противъ безстыдной *торговли* возставалъ я.... какъ дѣлалъ Христосъ, изгоняя изъ храма торгующихъ; противъ постыдной *симоніи*, которая оскверняетъ церковь, желающую слыть истинною и святою.

Михаилъ. Гусъ порицалъ папу и не признавалъ его власти.

Гусъ. Порицалъ я лишь человѣка въ этой папской одеждѣ. И церковь можетъ стоять безъ подобнаго пастыря. Лишь Христосъ есть та скала, на которой твердо стоитъ церковь; человѣкъ

Digitized by Google

же сотворенъ изъ праха, хотя и по образу Божію, онъ существо бренное и перемѣнчивое; а потому непогрѣшимымъ быть не можетъ.

Духовенство. О грѣховное поруганіе!

Гусъ. Вы же всѣ, что одѣваетесь въ богатое платье, хотя самъ спаситель жилъ бѣдно; вы, утопающіе въ богатствѣ и свѣтской пышности, вы хотите называться представителями святого дѣла на землѣ и намѣстниками апостоловъ?

Петръ. Умолкни, отверженникъ церкви!

Духовенство. Произнесите приговоръ!

Михаилъ. (*сворачиваетъ бумагу*). Вотъ заблужденія, которыя повторятъ мистра Гуса.

Гусъ. Повторятъ?... меня? и почему? гдѣ и какія доказательства, что я заблуждаюсь? Убѣдите меня, что я ошибался, и я охотно признаю вину свою—обѣщаю впередъ!

Петръ. Ты только что самъ перечислилъ свои заблужденія и тѣмъ довершилъ доказательство. Не такъ ли, высокопочтенное собраніе?

Духовенство. Онъ еретикъ.

Петръ. Ты еретикъ и такимъ останешься, если не откажешься отъ своихъ заблужденій, которыя ведутъ къ вѣчной погибели!

Гусъ. О, говорите прямо! Я давно уже узналъ, въ какія руки я отдалъ себя добровольно—повторяю еще разъ: добровольно!—ибо ни король, ни народъ мой не выдалъ бы меня по требованію папы!... Говорите прямо, что не желаете, чтобы побѣдительницей оказалась правда. Меня вы не испугаете. Я узналъ васъ съ первой встрѣчи. Вы хотите одолѣть меня одними лишь хитростями и обманомъ... и сохранить за собою по внѣшности хоть право; я же не поддамся на такіе доводы и *не отрекусь*!

Петръ. Предостерегаю тебя! Ты здѣсь не въ Прагѣ, не посреди буйныхъ еретиковъ!

Хлумъ. Не приводи ему этого на память: это онъ чувствуетъ самъ, и не думай, что изъ-за твоихъ словъ онъ отречется! Мы не вѣтряныя мельницы, чтобы поворачиваться по вѣтру: чешская настойчивость извѣстна всѣмъ! Ну, значитъ, и читайте свой приговоръ. Въ вашихъ ядовитыхъ умахъ вы давно уже его опредѣлили.... къ чему же тогда разсужденія? Хотя бы императоръ и гарантировалъ ему безпрепятственный пропускъ—вы его нарушите,

Digitized by Google

и императоръ будетъ молчать,... Вотъ что мы знаемъ впередъ.... Но горе вамъ, если народу всего міра придется обсуждать вашъ приговоръ!

Сигизмундъ. Мистру Іоанну мы, правда, дали открытый листъ, но вовсе не затѣмъ, чтобы онъ служилъ ему защитой въ неправомъ дѣлѣ.... и скорѣе мы сознаемся, что сдѣлали ошибку, чѣмъ допустимъ, чтобы листъ нашъ избавилъ его отъ суда!

Хлумъ. Хорошо, хорошо, государь!.... Мы уже знаемъ, что ты не рискнешь прогнѣвить святую римскую церковь. Я скажу это и Чехамъ, отъ имени которыхъ я здѣсь присутствую; скажу имъ, чтобы они объ этомъ не забыли!

Іоаннъ. Перестань, словоохотливый ты человѣкъ! Плохую услугу оказываешь ты своему пріятелю; скорѣе склоняй его къ тому, чтобы отрекся онъ отъ своихъ заблужденій.

Хлумъ. Это—дѣло мистра, не мое. Отречется онъ, если совѣсть ему дозволитъ это.

Духовенство. Долженъ отречься!

Іоаннъ. Отрекись, иначе подвергнешься казни!

Гусъ. Не отрекусь.... ради подобнаго суда; это вѣрно, какъ Богъ святъ!

Іоаннъ. (*къ кардиналамъ*). Итакъ, отцы святые, произнесите ваше рѣшеніе.

Кардиналы. (*совѣщаются между собою; затѣмъ встаютъ съ своихъ мѣстъ и восклицаютъ*). Онъ еретикъ,—такъ высказываемся мы отъ имени церкви!

Петръ. Потому-то его и постигнетъ кара, назначенная для этого страшнаго преступленія. (*Къ Сигизмунду*). Ваше величество должны произнесть приговоръ!

Сигизмундъ. Такъ-какъ святая римская церковь обвиняетъ тебя въ еретичествѣ, то мы, въ силу отъ Бога данной намъ власти, постановляемъ, что тяжкій свой грѣхъ ты долженъ очистить на огнѣ костра.

Гусъ. О, мой Спаситель! (*Безмолвно глядитъ кверху*).

Хлумъ. Боже, дай мнѣ силы перенесть эту несправедливость! Пусть рука моя одеревенѣетъ, сдѣлается налитою свинцомъ, если она не въ состояніи теперь однимъ ударомъ разсѣчь грубую ткань всей этой преступной исторіи!

Digitized by Google

Петръ *дѣлаетъ знакъ монаху и стражѣ, чтобы вывели Гуса.*

Гусъ. Будь покоенъ, защитникъ мой! Блаженный миръ снизошелъ въ мою душу. Еще одинъ бой я легко вынесу; съ Божьей помощью, довершу то, что началъ. (*Уходитъ*).

Хлумъ. (*къ собранію*). Горе вамъ, которыхъ слѣпая ненависть побудила произнесть этотъ приговоръ! Я отвергаю его отъ имени всего человѣчества, которое стремится къ просвѣщенію; отвергаю отъ имени народа, въ которомъ зажглась первая искра правды и которая нѣкогда вспыхнетъ такимъ пламенемъ, отъ котораго сгоритъ все ваше царство! (*Поспѣшно уходитъ. Сигизмундъ и Іоаннъ сходятъ со своихъ сѣдалищъ и уходятъ со свитой*).

Картина II.

Тѣсная тюрьма.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гусъ. (*входитъ*). Господь подкрѣпитъ меня! Я стоялъ лишь бойцемъ за распространеніе Его царства и надѣюсь, что *тамъ* найду новую родину. Правда, я не увижу уже своихъ здѣшнихъ друзей; не услышу сладостныхъ звуковъ, которыми согрѣвалось мое сердце въ бесѣдахъ, не буду чувствовать сладкаго увлеченія душъ вѣрующихъ.... Можетъ быть, обо мнѣ вспоминаютъ въ Чехіи? Какъ не помнить! Я это знаю навѣрно, что мое имя срослось съ именемъ народа, пребывая въ самыхъ потаенныхъ уголкахъ его души. И я отправлю ему послѣднее свое привѣтствіе въ братскомъ посланіи (*Садится къ столу и пишетъ; немного спустя слышенъ за дверью звонъ ключей; отпирается замокъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Робертъ, Степанъ и прежніе.

Робертъ. Войди, отче, если ты приходишь отъ имени кардиналовъ; я подожду въ корридорѣ. (*Уходитъ*).

Степанъ. Янъ!

Гусъ. Кто меня зоветъ? Какъ? это ты, мистръ?

Степанъ. Да, я—тотъ несчастный, что насильственнымъ путемъ до корней извратилъ свое сердце, и оно отпало отъ тебя....

Digitized by Google

и вотъ—изгнанный изъ отечества, гнетомый угрызеніями совѣсти, я казню себя, что я такъ дурно поступилъ.

Гусъ. У меня отъ удивленія умъ мутится! Что это значитъ? Твоя роль еще не окончена?

Степанъ. Вызови, по крайней мѣрѣ, хоть одно воспоминаніе о нашей юности, пусть твое сердце сдѣлается отзывчивымъ и доступнымъ моей просьбѣ!

Гусъ. Ты ко мнѣ съ просьбой? Что это?—ужъ не измѣнилось ли теченіе міровыхъ событій!

Степанъ. Или скорѣе не пошло ли это теченіе по настоящему пути. Я сдѣлалъ ошибку, меня сбила съ толку—сознаюсь въ томъ—зависть, ложное, мелочное честолюбіе; я хотѣлъ стать высоко надъ тобою.... а теперь стою, поверженный во прахъ. О, зачѣмъ это должно было имѣть столь роковой конецъ!

Гусъ. Ты самъ добровольно положилъ основу этому дѣлу и долженъ былъ знать, куда приведетъ твоя интрига.

Степанъ. Я и думать не могъ, что ты отправишься въ Констанцъ.

Гусъ. Почему же ты давалъ противъ меня показанія?

Степанъ. Потому-что я въ тискахъ, потому-что меня обуялъ адскій духъ наживы. Я—изгнанникъ, а тутъ мнѣ обѣщали крупную награду, если я буду показывать противъ тебя: меня тѣснила нужда, духъ мой былъ подъ гнетомъ.... и когда прибавили, какую службу я окажу святой римской церкви,—тутъ я былъ въ сѣтяхъ... Но когда ты появился здѣсь... когда тебя схватили, и ты безстрашно отстаивалъ правду, за которую когда-то мы оба готовы были въ огонь и въ воду, Боже, тутъ только я понялъ твою великую идею.... и всю низость твоихъ противниковъ. Я дрожалъ, когда давалъ противъ тебя показаніе.

Гусъ. Что же изъ всего этого?

Степанъ. Прости мнѣ! Не питай злобы въ своемъ сердцѣ противъ меня!

Гусъ. Я простилъ всѣмъ своимъ врагамъ, не исключая и тебя. (*Протягиваетъ ему руку*).

Степанъ. О, Янъ мой, Янъ! Долженъ ли я этому вѣрить? Забудь на время все зло, котораго я виновникъ, и—какъ тогда, когда насъ называли близнецами—дозволь мнѣ отдохнуть у твоего сердца!

Digitized by Google

Гусъ. Самъ ты отъ него отшатнулся.... я же никогда тебѣ не препятствовалъ вернуться къ нему вновь. И если ты стоишь такимъ осиротѣлымъ на свѣтѣ, покинутымъ своими духовными друзьями, что не имѣешь души, у которой встрѣтилъ бы искреннее утѣшеніе,—обратись къ сердцу, съ участіемъ любви котораго расцвѣтали нѣкогда твои радужные дни.

Степанъ. О, мой Янъ! *(Объятія).* Какъ ты благороденъ!

Гусъ. Миръ тебѣ въ эту великую минуту!

Степанъ. О, неужели нельзя намъ идти опять рука объ руку и вмѣстѣ работать для блага церкви?

Гусъ. Что ты подъ этимъ понимаешь?

Степанъ. Я прихожу и отъ себя лично, и отъ имени императора: онъ желаетъ спасти тебя и полагаетъ, что ты могъ бы отреченіемъ....

Гусъ. Мистръ Степанъ!

Степанъ. Не такъ ты понялъ: отъ тебя ждутъ не отреченія отъ того, чему ты до сихъ поръ училъ; но желаютъ, чтобы ты вполнѣ отдалъ себя церкви, какъ царству Бога милосерднаго, и милости кардиналовъ. Императоръ полагаетъ....

Гусъ. Ни слова больше! Я долженъ бы сгорѣть отъ стыда, если бы мнѣ пришлось вымаливать, какъ милостыню то, чего я имѣю право требовать. Славный былъ бы я защитникъ вѣры, прекрасный представитель народа, если бы я отдавалъ себя на милость кардинальскимъ шапкамъ или такимъ особамъ, которыя пріобрѣтаютъ свое величіе и силу путемъ грубаго угнетенія и поддержкой мрака невѣжества! До этого, конечно, не допуститъ меня Богъ!

Степанъ. Я долженъ тебѣ добавить, что Сигизмундъ держитъ теперь въ рукахъ кардиналовъ, которые въ нынѣшнее неустойчивое время должны во многомъ чувствовать себя въ зависимости отъ верховной свѣтской власти.

Гусъ. Я тебя не понимаю.

Степанъ. Папа бѣжалъ изъ Констанца.

Гусъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Я это давно предвидѣлъ. Не могъ онъ долѣе удержаться на той высотѣ, которой достигъ далеко не прямою дорогой, да міру и надоѣло уже зрѣлище трехъ папъ вмѣстѣ. Страшная смута по поводу этого событія готова была охватить соборъ

Digitized by Google

и городскихъ жителей, и только сильной рукѣ Сигизмунда удалось сдержать порядокъ; вотъ поэтому-то онъ и надѣется, что ему легко будетъ склонить кардиналовъ на твою сторону.

Гусъ. Не можетъ онъ на это надѣяться, да и самъ ты этому не вѣришь. Или ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь, что новое преступленіе, которое совершилъ папа своимъ бѣгствомъ, вызоветъ меня на то, чтобы я и изъ него вздумалъ извлечь для себя выгоду? Право на моей сторонѣ. И, если императоръ хочетъ что-нибудь для меня сдѣлать, пусть онъ предложитъ собору не ставить въ вину мои мнимыя заблужденія, указать мнѣ путь истины, наконецъ убѣдить меня изъ Библіи, изъ словъ Христовыхъ; а не отказывать мнѣ въ правѣ защиты и тѣмъ не менѣе произносить надо мною приговоръ.

Степанъ. О, я ужъ теперь вижу, что разговоръ мой съ тобою былъ напрасенъ! Ты иначе толкуешь богословскую науку, чѣмъ кардиналы... и соборъ не имѣетъ права, не можетъ допустить себя въ твои ученики. О, если бы ты понялъ то, что я говорилъ уже въ Прагѣ: если бы бросилъ войну съ церковью: не человѣческой рукѣ суждено одолѣть ея твердыню!

Гусъ. Итакъ, пусть же она покажетъ на мнѣ, что въ гордости своей она считаетъ насиліе своимъ исключительнымъ правомъ!

Степанъ. Значитъ, ты не склоненъ къ миролюбивому соглашенію?

Гусъ. Никогда и ни за что!

Степанъ. Оставайся же съ Богомъ: побѣда на твоей сторонѣ, хотя враги и ликуютъ мнимое торжество надъ тобой. Я не въ силахъ даже понять твое величіе. Прости мнѣ и молись за меня передъ престоломъ Всевышняго! Я могу только твой пепелъ оросить слезами... и въ покаяніи влачить свои дни въ строгомъ отшельничествѣ! (*Уходитъ*).

Гусъ. О, тебѣ лучше перенесть арену твоей жизни туда, гдѣ она принесла бы новые плоды! Ревностный трудъ пастыря духовнаго былъ бы для тебя истиннымъ покаяніемъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Робертъ *отворяетъ и впускаетъ* **Хлума. Гусъ.**

Хлумъ. Янъ мой милый!

Digitized by Google

Гусъ. О, дорогой гость! (*Объятія*).

Хлумъ. Прогони скорбь изъ твоего великаго сердца и дозволь приблизиться къ нему человѣку, который взвалилъ себѣ на плечи бо́льшую тяжесть, чѣмъ онъ въ состояніи выдержать. Я пообѣщалъ тебя проводить сюда и обратно домой въ полной безопасности....

Гусъ. Оставь эти дѣла, другъ мой!... такъ должно было случиться для нашей славы.

Хлумъ. Я также думалъ, видя, какъ стойко держался ты въ бою, и грудь моя высоко вздымалась отъ гордости; но теперь скорбь раздираетъ мою душу, и я не знаю, какъ мнѣ вернуться въ Чехію, понеся въ лицѣ твоемъ невознаградимую утрату; не знаю, въ состояніи ли буду я вынести изъ-за тебя горькіе упреки ото всего народа?

Гусъ. Ты ни въ чемъ не повиненъ! Твоя дружба окружала меня всевозможными заботами,—благодарность и признательность за твои заботы обо мнѣ я засвидѣтельствовалъ въ письмахъ.... въ томъ же, что меня встрѣтило здѣсь, я вижу побѣду своего ученія.

Хлумъ. Если бы ты отсюда вернулся здравъ и невредимъ на новый трудъ на родину,—я назвалъ бы это побѣдой; безъ тебя же дома заглохнетъ посѣянное тобою ученіе.

Гусъ. Если оно отъ Бога, Богъ будетъ печись о немъ и въ будущемъ,—какъ печется о ничтожнѣйшей полевой былинкѣ,—если бы даже самъ адъ истреблялъ его своимъ огненнымъ дыханьемъ. Но если дѣло мое не отъ Бога, оно погибнетъ, хотя бы поддерживали его сверхъестественныя силы.

Хлумъ. И, тѣмъ не менѣе, я долженъ требовать отъ тебя—отъ имени императора и кардиналовъ, которые тоже рады сохранить съ нашей страной добрыя отношенія.... отъ имени Чешскаго народа, который ждетъ твоего возвращенія.... если можешь.... и если только не ложный стыдъ причина твоей неуступчивости...

Гусъ. Опомнись! Что ты говоришь?

Хлумъ. Не гнѣвайся: любовь подсказываетъ мнѣ эти слова и, если ты можешь согласиться со своею совѣстью, отрекись.... и церковь сниметъ съ тебя свой приговоръ!

Гусъ. Перестань, пожалуйста, сударь! къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что ты никогда не зналъ Гуса!

Хлумъ. Я знаю тебя, хорошо знаю... и именно изъ-за этого

Digitized by Google

хочу спасти тебя для блага родины. Лишь постарайся на время остановить, продлить исполненіе приговора: у тебя явился новый защитникъ—теперь здѣсь Іеронимъ!

Гусъ. Что ты говоришь!

Хлумъ. Сердце издалека влекло его сюда, и онъ явился, и хочетъ защищать тебя. Сегодня онъ оповѣститъ свое воззваніе на площадяхъ и другихъ людныхъ мѣстахъ....

Гусъ. Нѣтъ, нѣтъ! Пусть не выступаетъ открыто! Здѣсь онъ не безопасенъ!

Хлумъ. Онъ скрывался до поры-до времени; но теперь твердо рѣшился и хочетъ отъ имени всѣхъ, которыхъ соединяетъ съ тобою дружба и религіозныя убѣжденія, вести твою защиту.

Гусъ. Пусть не дѣлаетъ этого! Сердце мое переполнено сладостнымъ утѣшеніемъ и благодарностью, что онъ вспомнилъ обо мнѣ—передай ему это! Но пусть онъ не остается въ Констанцѣ и возвратится на родину: тамъ его призваніе!

Хлумъ. Возможная вещь, что при посредствѣ его вы вернетесь оба.

Гусъ. Не увлекайся пустою надеждой. Я—обреченная жертва и моею кровью будетъ удобренъ юный посѣвъ моего ученія.

Хлумъ. Я же тебѣ скажу, что твоя кровь только увлажитъ корни домашней распри; въ Чехіи усилится недовольство, наступятъ мщеніе, убійства и съ обѣихъ сторонъ роковая рѣзня.... о, обсуди это! и, если можешь, постарайся примирить кардиналовъ со своимъ ученіемъ....

Гусъ. Итакъ ты совѣтуешь лгать, и отдаться всему свѣту на посмѣяніе, и сносить заслуженное поруганіе за то, что я, какъ жалкій трусишка, покинулъ свой постъ, тогда какъ самъ желалъ подать примѣръ твердости для новой церковной общины, которую хотѣлъ основать для умноженія славы Божіей! Чехи волноваться не станутъ; вотъ (*беретъ со стола письмо*) отнеси имъ мое братское посланіе и мой дружескій поклонъ! Пусть утѣшатся въ Господнемъ мирѣ и, твердо стоя на почвѣ Библіи, ищутъ вѣчнаго свѣта.

Хлумъ. А ты.... не отречешься?

Гусъ. Развѣ убѣдятъ меня, что написано что-нибудь лучшее....

Digitized by Google

Хлумъ. (*въ грустной борьбѣ, про себя*). До сихъ поръ этого не доказали! Значитъ, прощай!

Гусъ. Прощай! (*объятія*). Поклонись моимъ друзьямъ... моему государю, королевѣ.... нашему Жижкѣ....

Хлумъ. Поклонюсь... передамъ твой поклонъ! Но прежде оставлю у тебя половину моего сердца.... а другую буду питать ненавистью, чтобъ она не замерла, пока я не отомщу за твою смерть!

Гусъ. Не дѣлай этого! если хочешь, чтобы я спокойно умеръ и перешелъ въ жилище Господне. Повѣрь мнѣ, что я умираю охотно, и не старайся убить во мнѣ мужественную рѣшимость поколебать ея даже ты не въ состояніи!

Хлумъ. (*хочетъ говорить, но, подъ вліяніемъ горя, только вскрикиваетъ*). О, нашъ святой мученикъ! (*обнимаетъ его и постепенно уходитъ*).

Гусъ. (*тихо уходитъ въ сторону*).

(*Нѣкоторое время спустя входитъ монахъ съ двумя солдатами и идетъ медленно вслѣдъ за Гусомъ; позади видны тюремщики, палачъ и стража*).

Картина III.

За воротами города Констанца.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Куртъ, Вольфъ и разный людъ.

Вольфъ. Такъ его сюда навѣрно будутъ вести?

Куртъ. Что у тебя ушей что-ли нѣтъ, чтобъ слышать? Именно чрезъ это мѣсто поведутъ его. Теперь совершаютъ еще какую-то церемонію въ церкви.

Вольфъ. Какъ такъ?.. съ еретикомъ и въ церкви?

Куртъ. Но, вѣдь должны же сперва снять съ него санъ священника!

Вольфъ. Снять?

Куртъ. Само собою разумѣется. Его не могутъ сжечь.... патеромъ.

Вольфъ. Лишь бы только его увидѣть! Я бы волосы порвала на себѣ, если бы мы его прозѣвали.

Digitized by Google

Куртъ. Ну, ну, не двигайся только съ мѣста! И если не увидишь одного, скоро, конечно, увидишь другого.

Народъ. Какъ такъ? въ чемъ дѣло?

Куртъ. Сюда къ намъ пріѣхалъ еще одинъ изъ этого еретическаго племени... тоже такой-же чешскій безбожникъ.... и прибилъ на всѣхъ церквахъ кусокъ бумаги будто докажетъ собору, что Гусъ ни въ чемъ невиненъ.

Народъ. Вотъ новая бѣда!.... Мало имъ еще!...

Куртъ. Тамъ на воротахъ тоже есть такой листъ; но если еретика сожгутъ, ни одинъ не рискнетъ больше развѣшивать. (*Поворачиваетъ къ воротамъ съ народомъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Іеронимъ *(въ плащѣ)* и прежніе.

Іеронимъ. (*торопливо шагаетъ, онъ разстроенъ*). Я долженъ еще разъ его видѣть, еще разъ насладиться сладкими звуками его рѣчей.... хотя бы ради этого пришлось пойти по его стопамъ! Они не могутъ похвастаться, что однимъ ударомъ свалили то дерево, которое изъ здороваго ядра выросло на ихъ прокаженномъ полѣ.... Меня не даромъ сильно тянуло съ чужбины, чтобы заявить себя единомышленникомъ съ Гусомъ и хотя бы этимъ закончилось мое странствіе—посѣянное мною не погибнетъ! (*Уходитъ. Изъ города слышенъ звонъ колоколовъ. Народъ прибываетъ*).

Народъ. Уже ведутъ его!... ведутъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Отрядъ императорской гвардіи. Монахи. Стража. Городской совѣтъ. Палачъ и помощники. Монахи. Тюремщикъ, стража и **Гусъ**, *опоясанный веревкою.* **Хлумъ** *рядомъ съ нимъ. Стража. Монахи.* **Михаилъ. Степанъ.** *Дворянство съ кардиналомъ* **Петромъ.** *Рыцари. Солдаты. Народъ.*

Куртъ. Видите его? Видите?

Вольфъ. Ахъ ты, Господи! А какъ идетъ смиренно! Какъ будто невинный ягненокъ!

Гусъ. (*останавливается впереди и поднимаетъ глаза къ небесамъ*). Ты была права, дорогая матушка! Небо пылаетъ огромнымъ

Digitized by Google

царевомъ.... и твой сынъ идетъ сложить свою голову у порога къ вѣчному свѣту. (*Къ Хлуму*). Прощай, другъ! здѣсь мы временно разстаемся! (*Обнимаются*). Привѣтствуй Чехію.... и помолись за меня въ Виѳлеемѣ!

Хлумъ. Да, помолюсь... помолюсь! (*Съ трудомъ оставляетъ руку Гуса, закутывается въ плащъ и уходитъ въ сторону впереди*).

Петръ. Во имя Бога, подъемлющаго грѣхи всего міра,—выслушай, Іоаннъ Гусъ! Церковь отреклась отъ тебя и нынѣ вручаетъ твое тѣло свѣтскимъ властямъ, а душу твою—дьяволу. Возьмите еретика, который, согласно волѣ епископовъ и императора, долженъ окончить жизнь на кострѣ!

Гусъ. Я ожидаю этого со страхомъ Божьимъ! Тѣло мое будетъ истреблено пламенемъ, но слово мое возрастетъ изъ пепла и будетъ жить во вѣки. Я вѣрю въ это и съ этимъ умираю! (*Отходитъ въ сторону, сквозь толпу пробирается Іеронимъ*).

Іеронимъ. Янъ мой! дорогой мой!

Гусъ. О, другъ мой, Іеронимъ! Прекрасная минута злополучнаго свиданія!

Іеронимъ. Сдѣлай ее счастливою, мой дорогой другъ!

Степанъ. (*къ Петру и Михаилу*). Это—Іеронимъ, отъявленный сообщникъ Гуса! (*говоритъ съ нимъ шепотомъ, окружаетъ Іеронима со стражей*).

Гусъ. Нѣтъ, не затѣвай этого и скорѣе спѣши изъ Констанца, чтобъ избѣжать безцѣльныхъ непріятностей.

Іеронимъ. Ты понапрасну пугаешь меня: я пришелъ либо провести твою защиту, либо умереть съ тобою... вотъ для этого отрекись на время....

Гусъ. Никогда! нѣтъ, не отрекусь! Господь довелъ меня до этихъ мѣстъ... онъ будетъ вести меня и дальше. Не отрекусь!... Помни мои слова! (*Уходитъ*).

Іеронимъ. Янъ! Еще одно слово! (*Хочетъ идти за нимъ*).

Степанъ. (*Заступаетъ предъ нимъ дорогу*). Отъ имени епископовъ и императора, отнынѣ ты—узникъ Констанцскаго собора, Іеронимъ Пражскій!

Іеронимъ. Попалъ таки въ разставленныя вами сѣти! Ну, такъ укажите мнѣ квартиру. Я пришелъ безъ императорской грамоты и защиты на словахъ—я облегчу ваше дѣло! (*Уходитъ*

Digitized by Google

подъ стражей по направленію къ городу; между тѣмъ процессія съ Гусомъ переходитъ на другую сторону. Звонъ колоколовъ утихаетъ. Небольшая пауза. Затѣмъ заупокойный малый звонъ и заунывное пѣніе монаховъ: Miserere ei Domine! *Въ сторонѣ видно небольшое зарево*).

Хлумъ. (*стоявшій до сихъ поръ въ глубокой задумчивости, теперь приходитъ въ себя*). Что это за звуки?—О, горе! уже зажгли ему торжественную иллюминацію.... уже поютъ побѣдныя пѣсни..., а у меня морозъ пробѣгаетъ по всѣмъ фибрамъ! О, Боже, Боже! поддержи и подкрѣпи мою душу, пока я не переступлю черезъ порогъ дома и разскажу тамъ неслыханное, невиданное дѣло.... Дай мнѣ, о Боже! бережно донесть по назначенію драгоцѣнное сокровище—пепелъ Гуса, пусть Чехи омочатъ его своими слезами! (*Останавливается погруженный въ задумчивость. Пѣніе и звонъ продолжаются, между тѣмъ занавѣсъ падаетъ*).

*Пер. Н. З—цкій**).

---

*) Авторъ драмы „Іоаннъ Гусъ"—*Іосифъ Кастанъ Тылъ* род. въ Кутной Горѣ 11 февраля 1808 г., скончался 11 іюля 1856 г. въ Пльзнѣ. Рано пробудившаяся въ Тылѣ любовь къ театру помѣшала ему даже выслушать полный университетскій курсъ и побудила его поступить въ странствующую драматическую труппу. Но, одаренный поэтическимъ талантомъ, Тыль, какъ актеръ, былъ довольно плохой; но это не помѣшало ему пространствовать, даже на чужбинѣ—въ Баваріи и Саксоніи—два года въ труппѣ, что, конечно, немало содѣйствовало ему въ знаніи сцены. Какъ драматическій писатель Тыль выступилъ сначала, какъ переводчикъ съ нѣмецкаго. Первая оригинальная его пьеса Vyňoň Dub, написанная очень неряшливо вслѣдствіе торопливости работы, успѣха на сценѣ не имѣла. Съ 1833 г. мы видимъ Тыля редакторомъ одного изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ Jindy a Nyní, впослѣдствіи переименованнаго въ Květy. Но театра Тыль не забывалъ и какъ актеръ, и какъ авторъ. Въ 1834 г. онъ написалъ оперетку Fidlovačka, музыку для которой сочинилъ Шкроупъ. Оперетка замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые помѣщена пѣсня Тыля Kde domov můj, которая, болѣе благодаря задушевности мотива, чѣмъ тексту, лишенному всякаго оригинальнаго характера, сдѣлалась *Чешскимъ народнымъ гимномъ*. Въ 1835—1837 г. Тыль организовалъ въ частномъ домѣ любительскіе спектакли, которые посѣщала одна избранная публика, но они содѣйствовали подъему публичныхъ чешскихъ спектаклей, небрежно руководимыхъ нѣкіимъ Щепанкомъ. Третья пьеса, написанная для сцены Тылемъ, была трагедія *Честмиръ*; потомъ слѣдовалъ *Святой юноша*—передѣлка; въ 1839 г. *Найденышъ*—также передѣлка изъ водевиля Gamin de Paris. Въ 1840 г. Тыль основалъ новый журналъ

Digitized by Google

ІОАННЪ ГУСЪ.

I.

Еще Европа не видала
Собранья рыцарей такихъ;
И въ мірѣ не нашлось бы зала,
Чтобы вмѣстить всѣхъ ихъ:
Бароны, герцоги, маркграфы,
Ихъ сюзерены и вассалы,
Съ престола свергнутые папы
И въ красныхъ шапкахъ кардиналы.

Vlastimil. Онъ же былъ изъ первыхъ устроителей чешскихъ „*бесѣдъ*“—патріотическихъ клубовъ. Въ 1846 г. Тыль основалъ популярное изданіе Posel z Prahy. Въ 1846 же году Тыль приглашенъ былъ въ пражскій театръ въ качествѣ чешскаго „драматурга“, на обязанности котораго лежало просматривать и исправлять всѣ чешскія пьесы, назначенныя къ представленію; но жалованье при этомъ назначено было болѣе чѣмъ скромное—400 гульденовъ въ годъ! Самъ Тыль при этомъ обязанъ былъ 6 пьесъ перевести и написать двѣ оригинальныхъ! Въ этой должности Тыль пробылъ 5½ лѣтъ и перевелъ, передѣлалъ и написалъ оригинальныхъ свыше сорока пьесъ. Изъ нихъ особенно нравились публикѣ Strakonický dudák, Paní Marjánka, Matka pluku и Paličova dcera. Выбранный въ бурный 1848 годъ членомъ вѣнскаго парламента, Тыль въ Вѣнѣ написалъ лучшую изъ своихъ драмъ „*Іоаннъ Гусъ*“. Издатель Коберъ по смерти Тыля напечаталъ „Полное собраніе сочиненій“ его въ 14 частяхъ или 55 выпускахъ. О патріотической дѣятельности Тыля и участіи его въ такъ называемомъ „возрожденіи“ чешской литературы и народности, подробности читатель найдетъ въ „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ стараго чешскаго патріота“, Малаго, переданныхъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ вып. 2-й.

Digitized by Google

Самъ Іоаннъ *) тутъ находился
На тронѣ, посреди прелатовъ,
А подлѣ папы въ кучку сбился
Рядъ католическихъ аббатовъ.
Отдѣльно отъ другихъ стояло
Для императора сидѣнье;
И Сигизмунда окружало
Блестящихъ пажей ополченье.
Собранье было то на полѣ
Въ Констанцѣ, городѣ германскомъ.
Тамъ разсуждали о расколѣ
У Чеховъ, въ племени славянскомъ.
Самъ императоръ обратился
Къ собранью съ рѣчью тронной:
—„У Чеховъ, рыцари, явился
Учитель беззаконный.
Единство церкви нарушая,
Святѣйшій санъ поноситъ онъ
И говоритъ, что тотъ смѣшонъ,
Кто, самъ предъ Богомъ погрѣшая,
Берется разрѣшать другихъ.
Ему грозили. Не затихъ
Учитель зла. Онъ обвиняетъ
Причастья догматъ для мірянъ,
На духовенство нападаетъ....
Но будетъ..... Вотъ онъ самъ!“
Затихло. Гусъ вошелъ въ собранье;
Походка у него тверда;
Его лице горитъ сіяньемъ;
И весь онъ чуденъ: волоса
Спокойный обрамляютъ ликъ,—
Все говоритъ, что Гусъ великъ.
Его движенья обличаютъ
Души святую простоту;
Его глаза... они сверкаютъ,
Но видятъ всѣ въ нихъ чистоту.

*) Папа Іоаннъ XXIII.

Digitized by Google

И, прямо глядя на собранье,
Спокойно, громко онъ сказалъ:
—„Я, Гусъ, исполнилъ тѣхъ желанье,
Кто мнѣ явиться приказалъ.
Я знаю поводъ и причину
Собранья рыцарей такихъ,
И, сбросивъ всякую личину,
Я объясненье дамъ для нихъ:
Меня еретикомъ назвали,
Меня въ расколѣ обвиняютъ,
Меня..." Но Гуса тутъ прервали:
—„Услышать отъ тебя желаютъ
Одно: ты сознаешь виновность
Твоихъ безсовѣстныхъ нападокъ
На духовенство, на грѣховность
Мірянъ причастья изъ облатокъ?
Сознай, скажи: „Да, заблужденье
Мое васъ обвиняло всѣхъ;
Да, отъ грѣховъ освобожденье
Есть право папы, а не грѣхъ."
Но Гусъ сказалъ:—„Мое сознанье
Я принесу вамъ лишь тогда,
Когда вы мнѣ Святымъ Писаньемъ
Докажете, что правота
Всецѣло вамъ принадлежитъ;
Что папа вашъ непогрѣшимъ;
Что вправѣ папа разрѣшить
Проступки людямъ даже злымъ;
Что Евхаристія святая—
Знакъ людямъ Господа любви,
Для всѣхъ мірянъ не таковая,
Какъ..."—Будетъ! замолчи!—
Раздалось вдругъ со всѣхъ сторонъ:
—Готовъ нашъ приговоръ!
Еретика тотчасъ въ костеръ!
Да будетъ онъ сожженъ!

Digitized by Google

II.

Площадь; повсюду толпится народъ
И съ любопытствомъ глядитъ на костеръ.
— Скоро-ль исполнятъ надъ нимъ приговоръ?
Вывели Гуса; поступью мѣрной
Самъ на костеръ онъ взошелъ,
И, своему убѣжденію вѣрный,
Горѣ глаза онъ возвелъ:
— „Господи, я умираю за правду,
Совѣсть моя предъ Тобою чиста.
Дай за меня моимъ братьямъ награду:
Пусть они будутъ славны всегда.
Пусть возсіаетъ имъ свѣточъ науки,
Пусть не страшатся, какъ я не страшусь,
Всѣ за свободу вытерпѣть муки
И умереть, какъ умеръ ихъ Гусъ."
Вотъ уже пламя къ нему достигаетъ,
Вотъ загорѣлась одежда на немъ,—
Молится Гусъ и молитву читаетъ
Чешскимъ, роднымъ языкомъ.
Пламя сильнѣй и сильнѣй все растетъ;
Мученикъ всѣ свои силы собралъ:
„За убѣжденія, Чехи—впередъ!"
Вскрикнулъ... и навсегда замолчалъ.

В. П.

Digitized by Google

ІОАННЪ ГУСЪ.

Статья **В. В. Томка** *въ „Словникѣ Научномъ“, (т. III. 983—986. Съ Чешскаго).*

Мистръ Іоаннъ (Янъ) Гусъ родился въ 1369 г. въ мѣстечкѣ Гусинцѣ*). О молодости его ничего не извѣстно, кромѣ того, что учился онъ въ Пражскомъ университетѣ. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1393 г., 24-лѣтнимъ юношей Гусъ совершилъ установленный обрядъ для полученія отпущенія грѣховъ отъ папы, принесъ при этомъ въ даръ единственные четыре гроша, которые имѣлъ, и нѣкоторое время жилъ на одномъ сухомъ хлѣбѣ. Въ этомъ году осенью, въ концѣ сентября, Гусъ получилъ баккалавра »свободныхъ“ наукъ, въ 1396 г. (въ январѣ) возведенъ въ *мистры* (доктора) тѣхъ же наукъ. Съ этого времени онъ сталъ профессоромъ университета по философскому и богословскому факультету, и скоро сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ университета. Уже въ семестрѣ 1401—1402 г. Гусъ былъ деканомъ философскаго факультета. Тогда же онъ занялъ постъ проповѣдника и распорядителя Виѳлеемской каплицы, представленный въ это званіе ея основателемъ Яномъ Мильгейскимъ и утвержденный архіепископской консисторіей 14 марта 1402 г. Принялъ постриженіе въ священники въ 30-лѣтнемъ или даже въ 32-лѣтнемъ возрастѣ, во всякомъ случаѣ позже 1399 года. Въ октябрѣ 1402 г. на семестръ до конца апрѣля 1403 г. Гусъ былъ избранъ ректоромъ университета. Рядомъ съ дѣятельностью проповѣдника, онъ съ неменьшею энергіею посвящалъ себя кафедрѣ и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ университета.

Уже за нѣсколько десятилѣтій предъ первымъ выступленіемъ Гуса на общественную арену, въ Чехіи явилось религіозное движеніе, вытекшее изъ протеста противъ дурного состоянія церкви и моральной порчи духовенства. Ревностные проповѣдники, какъ Конрадъ Вальдгаузеръ и Миличъ, и талантливые писатели,

*) Въ бывшемъ Прахенскомъ (нын. Писецкомъ) краѣ. Гусинецъ принадлежитъ къ королевскому городу Гуси.

Digitized by Google

въ родѣ Ѳомы Щитнаго и Матвѣя Яновскаго, находившіе всегда многочисленныхъ послѣдователей, стремились поднять нравственный уровень въ народѣ, болѣе глубокое пониманіе религіозныхъ истинъ, и при этомъ горячо порицали пороки и свѣтскихъ сословій, и духовенства. Янъ Гусъ пошелъ по слѣдамъ этихъ дѣятелей и скоро сталъ во главѣ энергическихъ единомышленниковъ, раздѣлявшихъ съ нимъ тѣ же стремленія.

Кажется, въ первые годы своей профессорской службы Гусъ сочинилъ нѣкоторыя учебныя и богословскія свои сочиненія, назначенныя для студентовъ и публики, и писанныя потому отчасти на чешскомъ, отчасти на латинскомъ языкѣ. Чешскія сочиненія Гуса уступали, правда, по глубинѣ мыслей сочиненіямъ Ѳомы Щитнаго, но были за то еще доступнѣе зауряднону читателю. Гусъ первый сдѣлалъ попытку облегчить чтеніе чешскихъ книгъ также посредствомъ болѣе цѣлесообразнаго правописанія: онъ устранилъ нагроможденіе буквъ для обозначенія звуковъ, которыхъ нѣтъ въ латыни, и вмѣсто этого ввелъ значки надъ буквами, откуда ведетъ начало способъ правописанія, понынѣ удержавшійся въ письменномъ языкѣ чешскомъ. Zrcadlo člověka hřiešného и Dcerka были, кажется, плодами авторской дѣятельности Гуса уже въ первые годы его общественной дѣятельности. Но болѣе чѣмъ своими сочиненіями онъ оказалъ вліяніе и прославился дѣятельностью проповѣдника въ Виѳлеемской каплицѣ. Подобно тому какъ нѣкогда Миличъ, онъ обратилъ на себя вниманіе всего Пражскаго населенія; съ такою же энергіею, какъ тотъ, онъ громилъ своими обличительными проповѣдями; равнымъ образомъ рано возбудилъ онъ противъ себя ненависть въ большей части духовенства, которое порицалъ за укоренившіеся въ немъ пороки.

Слава Гуса, какъ проповѣдника, несомнѣнно, была причиной того, что супруга Вячеслава IV, королева Софія, выбрала его въ свои духовники. Благодаря этому, Гусъ сталъ извѣстенъ при дворѣ и въ средѣ чешскаго дворянства. Несогласія, возникшія между королевскимъ дворомъ и высшимъ духовенствомъ съ начала царствованія Вячеслава, преимущественно во время архіепископа Яна Енштейнскаго, немало содѣйствовали тому, что не только простой народъ, но и высшія сословія примкнули къ проповѣднику, который все энергичнѣе вооружался противъ порочнаго состоянія духовнаго сословія. При этомъ самъ Гусъ пользовался хорошей репутаціей, благодаря примѣрному образу своей собственной жизни. О совершенномъ отсутствіи въ немъ стремленія къ мірскимъ благамъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что, несмотря на отношенія свои ко двору, онъ никогда не добивался получать больше, чѣмъ присвоено было скромной профессіи проповѣдника при Виѳлеемской каплицѣ. Больше склоненъ былъ Гусъ искать популярности, благодаря чему нерѣдко переступалъ даже границу въ сво-

Digitized by Google

ихъ проповѣдяхъ и тѣмъ подавалъ поводъ къ справедливымъ иногда нареканіямъ. Самъ Гусъ искренно признается, что придавалъ слишкомъ большое значеніе изяществу въ одеждѣ, что, впрочемъ, легко отчасти объяснить обращеніемъ его съ людьми большого свѣта. Больше вредило ему, при всемъ знакомствѣ его со Св. Писаніемъ, съ твореніями св. Отцовъ и съ богословской литературой среднихъ вѣковъ, его недовольно серьезное отношеніе къ собственнымъ богословскимъ работамъ, — благодаря которому, онъ не всегда обращалъ вниманіе на выводы изъ каждаго своего положенія; также вредила ему извѣстная форма самолюбія, изъ-за которой, не желая признаться въ одномъ промахѣ, онъ попадалъ въ другой.

Въ первые годы дѣятельности Гуса въ Пражскомъ университетѣ, въ Чехіи распространилось ученіе англичанина Виклефа въ большей противъ прежняго степени и находило сочувствіе въ тѣхъ, которые видѣли потребность въ исправленіи недобрыхъ порядковъ, практиковавшихся въ церкви, а вовсе не изъ-за вольностей въ самомъ ученіи, — въ чемъ обвиняли его послѣдователей, — но, конечно, изъ-за того, что и Виклефъ возставалъ противъ того же зла. Когда въ 1403 году управленіе Пражскаго архіепископа, во время междуцарствія на папскомъ престолѣ, внесло въ университетъ 45 тезисовъ, извлеченныхъ изъ книгъ Виклефа, для произнесенія о нихъ ученаго приговора, — Гусъ, какъ и многіе другіе чешскіе *мистры*, отстаивалъ ученіе Виклефа, утверждая, что противная сторона приписываетъ ему невѣрный смыслъ; они же возставали противъ осужденія этого ученія, которое, тѣмъ не менѣе, было высказано большинствомъ. Самъ Гусъ высказался о главныхъ предметахъ, къ которымъ относились и тезисы, въ каноническомъ смыслѣ, въ своемъ сочиненіи *О транссубстанціаціи*, написанномъ первоначально въ 1401 г. и потомъ вновь обработанномъ въ 1403 г., слѣдовательно одновременно съ одобреніемъ Виклефова ученія со стороны университета. Потому-то и въ послѣдующіе годы онъ пользовался расположеніемъ новаго архіепископа Збинка Зайца Газенбургскаго. Имъ же Гусъ былъ приглашенъ съ двумя другими довѣренными лицами для ревизіи мѣста паломничества Вильснака въ Бранденбургѣ, гдѣ практиковался обманъ при посредствѣ мнимыхъ чудесъ. Когда фактъ обмана былъ констатированъ командированными лицами, архіепископъ запретилъ хожденіе богомольцевъ изъ Чехіи къ этому мѣсту и прекратилъ подобные же подлоги въ нѣкоторыхъ пунктахъ самой Чехіи. Гусъ принималъ, по распоряженію архіепископа, участіе въ съѣздахъ (*синодахъ*) духовенства Пражской епархіи въ 1405 и 1407 годахъ, также и тутъ карая недобрые обычаи духовенства. Изъ *синодовъ* того времени, рядомъ съ частыми запрещеніями противъ ученія Виклефа, нерѣдко выходили постановленія, касающіяся реформъ въ духовномъ мірѣ.

Но все болѣе усиливающееся увлеченіе Виклефовымъ ученіемъ окончательно прервало эти благопріятныя условія.

Въ 1408 г. собраны были въ университетѣ одни чехи отдѣльно отъ трехъ другихъ народностей, на которыя раздѣлялась университетская корпорація, для новаго приговора о 45 тезисахъ. Подъ вліяніемъ Гуса и друзей его, состоялось такое постановленіе, что тезисы были оправданы со стороны „еретической, неправовѣрной или опасной". Въ этомъ архіепископская каѳедра усмотрѣла простую демонстрацію противъ себя, и тѣмъ строже стала преслѣдовать лицъ, которыя въ этомъ смыслѣ высказались противъ прежнихъ рѣшеній. Когда же Гусъ вооружился противъ этого въ рѣзкой формѣ, это повело къ преслѣдованіямъ со стороны архіепископа противъ его самого. На „синодѣ" этого года архіепископъ издалъ наконецъ указъ, чтобы ему представлены были всѣ экземпляры книгъ Виклефа для просмотра, и второй указъ къ духовенству, чтобы оно не иначе учило о *транссубстанціаціи*, какъ прямо такъ, что въ *гостіи* послѣ словъ освященія ничего не остается, кромѣ субстанціи Тѣла Христова, и въ *винѣ* ничего, кромѣ субстанціи Крови Христовой. Изъ этого совершенно неканоническаго ученія взятъ былъ поводъ къ жалобѣ на архіепископа, поданной папѣ Григорію XII и отправленной пятью студентами отъ имени своего и своихъ единомышленниковъ. Въ свою очередь настоятели пражскихъ церквей въ большинствѣ, или даже почти всѣ, воспользовались удобнымъ случаемъ, который подали имъ недоразумѣнія между Гусомъ и архіепископомъ, и подали жалобу на Гуса архіепископу, обвиняя его за оскорбительныя для нихъ рѣчи въ его проповѣдяхъ.

Какъ разъ въ это время зародились у тѣхъ, которые радѣли о реформахъ въ церкви, большія ожиданія отъ собора Пизанскаго, который имѣлъ цѣлью покончить съ папскимъ дуализмомъ [такъ-какъ папа одинъ жилъ въ Римѣ, другой въ Авиньонѣ] и произвесть реформу церкви „во главѣ и въ членахъ". Въ то же время возникла изъ-за этого распря между королемъ Вячеславомъ и архіепископомъ Збинкомъ, такъ-какъ король горячо стоялъ за интересы собора, архіепископъ же держался папы Григорія XII, который былъ противникомъ собора. Когда король въ спорѣ этомъ обратился за рѣшеніемъ къ университету, онъ нашелъ сочувствіе своимъ идеямъ только со стороны чеховъ; нѣмецкія же народности были противъ нихъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Гусъ для освобожденія чешской народности въ Пражскомъ университетѣ отъ подчиненнаго положенія, въ которомъ находилось туземное меньшинство сравнительно съ иноземнымъ большинствомъ. И Гусъ достигъ того со своими друзьями,—при содѣйствіи королевскихъ совѣтниковъ, съ одной стороны благопріятствующихъ своему народу, съ другой враждебныхъ духовенству,—что король Вячеславъ

Digitized by Google

*

8 января 1409 г., издалъ знаменитый указъ, по которому впослѣдствіи чешской народности въ Пражскомъ университетѣ предоставлялось три голоса, иностранцамъ же всѣмъ вмѣстѣ только одинъ голосъ. Изъ-за этого послѣдовало переселеніе нѣмецкихъ студентовъ и профессоровъ изъ Праги, и вмѣстѣ съ этимъ со стороны короля Вячеслава, не обращавшаго вниманія на взгляды архіепископа, заявленъ отказъ повиноваться папѣ Григорію XII. Въ первую же баллотировку, при новыхъ порядкахъ, Гусъ вторично былъ избранъ въ ректоры на семестръ съ кон. 1409 по май 1410 г. Архіепископъ съ преданнымъ себѣ духовенствомъ долженъ былъ въ концѣ концовъ подчиниться силѣ обстоятельствъ и признать новаго папу Александра V, избраннаго на Пизанскомъ соборѣ. Но едва это совершилось, архіепископъ сталъ дѣйствовать противъ Гуса на основаніи жалобы на него со стороны приходскихъ священниковъ, которую тѣ подали на него вторично, усиливъ новыми обвиненіями. Отправивъ пословъ въ Римъ, онъ успѣлъ заискать расположеніе папскаго двора, сообщивъ ему объ опасности, грозящей Чехіи отъ усиленія въ ней ереси, и выразивъ желаніе дѣятельно содѣйствовать ея искорененію. Вслѣдствіе жалобы пяти студентовъ издана уже была булла, которою архіепископъ спѣшно былъ вызванъ въ Римъ (8 дек. 1409 г.); но нѣсколько дней спустя булла была отмѣнена (20 декабря), и архіепископу предоставлена усиленная власть для болѣе серьезной борьбы съ ученіемъ Виклефа. На основаніи этой буллы, архіепископъ возобновилъ свой приказъ о представленіи ему сочиненій Виклефа (1410) и вскорѣ оповѣстилъ циркуляръ, по которому всѣ они вообще были уничтожены сожженіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ указъ, запрещающій произносить проповѣди въ каплицахъ и другихъ мѣстахъ кромѣ приходскихъ и соборныхъ церквей. Указъ этотъ имѣлъ въ виду Гуса и его Виѳлеемскую каплицу, хотя они и не были названы по имени. Гусъ прибѣгнулъ къ протесту на это къ папѣ Іоанну XXIII, который незадолго передъ тѣмъ сталъ преемникомъ Александра; проповѣдей же своихъ не прекратилъ. Но архіепископъ, не взирая ни на эту апелляцію, ни на протесты со стороны университета, который считалъ запретъ противъ книгъ Виклефа посягательствомъ на свои права, ни на предостереженія со стороны короля, дѣйствительно распорядился сжечь книги (16 іюля 1410 г.), а три дня спустя объявилъ анаѳему Гусу и другимъ за неповиновеніе. Обстоятельство это произвело большой ропотъ въ университетѣ, при королевскомъ дворѣ и среди Пражскаго населенія. Изъ-за него произошли демонстраціи противъ духовенства, противъ самого архіепископа, и хотя самъ король положилъ имъ конецъ; но онъ же заставилъ архіепископа дать вознагражденіе собственникамъ книгъ за причиненные имъ убытки, и наложилъ запрещеніе по этому поводу на нѣкоторые доходы и имѣнія архі-

Digitized by Google

епископа и его совѣтниковъ. Точно также архіепископъ дѣйствовалъ противъ Гуса, жалуясь папѣ непосредственно чрезъ пословъ, около этого именно времени прибывшихъ въ Прагу. Впослѣдствіи же, когда мѣры архіепископа противъ Гуса были одобрены папой, и къ Гусу пришла бумага, требующая, чтобы онъ лично явился на судъ папы, архіепископъ обвинялъ Гуса и въ письмахъ, и чрезъ особыя посольства предъ папой Іоанномъ уже по другому поводу. Оговоры эти хотя имѣли въ концѣ концовъ тотъ лишь результатъ, что папскій дворъ отказался отъ требованія, чтобы Гусъ явился въ Римъ; но все-таки дѣло его шло такимъ черепашьимъ шагомъ, что прошли два роковые года и не послѣдовало никакого рѣшенія. Между тѣмъ архіепископъ Збинекъ усилилъ еще анаѳему, объявленную Гусу, и объявилъ пріостановку богослуженія или *интердиктъ* для всей Праги (1411 г.). Только благодаря примиренію между королемъ Вячеславомъ и братомъ его Сигизмундомъ, королемъ угорскимъ и нѣмецкимъ, лично прибывшимъ въ Прагу, совершилось мирное соглашеніе и между королемъ и архіепископомъ. Архіепископъ предоставилъ свою распрю съ Гусомъ и его послѣдователями на третейскій судъ, во главѣ котораго былъ самъ Сигизмундъ. По рѣшенію его (1411 г. 6 іюля), архіепископъ долженъ былъ снять интердиктъ и проклятіе съ Гуса, и увѣдомить папу, что все улажено, чтобы и онъ отмѣнилъ судебныя мѣропріятія противъ Гуса. Но архіепископъ скоро разсудилъ иначе и откладывалъ исполненіе договора со своей стороны, изъ-за того, что условія не были отчасти выполнены и другою стороною, хотя это касалось дѣлъ, независѣвшихъ отъ Гуса. Въ концѣ концовъ Збинекъ уѣхалъ изъ Праги и отправился къ королю Сигизмунду въ Угрію, надѣясь встрѣтить съ его стороны поддержку. Не видя и на этотъ разъ конца своему дѣлу, Гусъ попытался смягчить папскій дворъ, подавъ прошеніе (1 сент.), въ которомъ изложилъ свое исповѣданіе вѣры во всѣхъ спорныхъ пунктахъ въ доказательство, что онъ не придерживался преслѣдуемыхъ Виклефовыхъ „артикуловъ“ въ приписываемомъ имъ еретическомъ смыслѣ. Но и это ни въ чемъ не помогло, и, по смерти архіепископа Збинка вскорѣ потомъ (28 сент.) въ Пресбургѣ, онъ увлеченъ былъ въ большую распрю, которая и его, и весь Чешскій народъ увлекла въ роковыя невзгоды.

До сихъ поръ Гусъ стоялъ еще въ своемъ ученіи на католической точкѣ зрѣнія. Если и отстаивалъ онъ сочиненія Виклефа, то только потому, что находилъ въ нихъ, по своему убѣжденію, истинно-каголическое ученіе, а не заблужденія, которыя имъ приписывались, какъ ему казалось, несправедливо. Вина его понынѣ состояла лишь въ томъ, что онъ не подчинился безпрекословно распоряженіямъ высшихъ духовныхъ представителей, при чемъ видѣлъ возможность оправданія въ апелляціяхъ къ верховному гла-

Digitized by Google

вѣ церкви по дѣламъ, далеко еще окончательно не рѣшеннымъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше духъ его приходилъ въ раздраженіе, съ одной стороны благодаря преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался лично, съ другой—подъ впечатлѣніемъ крупныхъ недостатковъ церковной жизни, которые по прежнему бросались въ глаза. Надежды на реформу, которыя возлагались на Пизанскій соборъ, не оправдались, во 1-хъ, благодаря откладыванію многихъ дѣлъ до будущаго собора, во 2-хъ за смертью папы Александра, когда послѣ него вступилъ на апостольскій престолъ, одинъ изъ недостойнѣйшихъ представителей церкви, Іоаннъ XXIII. Съ этихъ поръ Гусъ склонялся къ насильственнымъ путямъ, къ вынужденію реформъ, которыя не получались такъ долго законнымъ путемъ, и наконецъ выступилъ, какъ протестантъ противъ верховной власти въ церкви. Поводъ къ этому подали отлученіе и продажа индульгенцій въ Прагѣ, по приказу папы Іоанна XXIII въ 1412 г., для пособія ему въ войнѣ съ неаполитанскимъ королемъ, который былъ сторонникомъ папы Григорія XII противъ папы, избраннаго въ Пизѣ, стараясь вновь добыть для него резиденцію въ самомъ Римѣ. Гусъ возсталъ противъ этихъ индульгенцій на публичномъ диспутѣ, назначенномъ по этому поводу въ университетѣ (7 іюня), воспрещалъ народу принимать участіе въ нихъ, проповѣдуя въ Виѳлеемѣ, и разослалъ многія посланія въ томъ же смыслѣ не только по Чехіи, но и по Моравіи, Силезіи и Польшѣ. Въ Прагѣ изъ-за этого возникло броженіе умовъ, гораздо большее, чѣмъ прежнее изъ-за сожженія Виклефовыхъ книгъ; церковныя власти во время уличныхъ демонстрацій предавались общему посмѣянію; пролита была первая кровь на эшафотѣ (трехъ молодыхъ людей, которые въ церквахъ громко заявили свое неповиновеніе духовенству), когда и самъ король Вячеславъ рѣшился принять строгія мѣры, чтобы положить конецъ волненіямъ простого народа (11 іюля). Въ отвѣтъ на сообщеніе объ этомъ со стороны пражскаго духовенства папѣ, только теперь послѣдовало рѣшеніе отъ папскаго двора по долго-тянувшемуся дѣлу Гуса, въ которомъ выражено противъ него отлученіе отъ церкви въ самой грозной формѣ; приказано Виѳлеемскую каплицу, какъ гнѣздо еретичества, сравнять съ землею, и предписана пріостановка церковнаго богослуженія во всей Прагѣ, пока Гусъ останется въ городѣ. Послѣ новыхъ разнаго рода безпорядковъ, къ которымъ подали поводъ послѣднія папскія распоряженія, Гусъ, по желанію короля, покинулъ Прагу (въ дек. 1412 г.), пока не наступитъ примиреніе какимъ-бы то ни было путемъ. По волѣ короля Вячеслава, новый архіепископъ Конрадъ созвалъ духовный съѣздъ (синодъ) въ февралѣ 1413 г.; когда же тотъ не привелъ къ желанному концу, онъ назначилъ коммиссію для выслушанія уполномоченныхъ Гуса съ одной стороны, и главныхъ четырехъ докторовъ богословскаго

Digitized by Google

факультета, какъ противниковъ его—съ другой, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, возбужденныхъ процессомъ объ индульгенціяхъ. Но и эта мѣра не привела ни къ чему, и король Вячеславъ, недовольный ходомъ дѣла, изгналъ изъ своихъ владѣній четырехъ докторовъ, въ числѣ которыхъ были и прежніе друзья Гуса, Стефанъ Палечъ и Станиславъ Зноемскій, ставшіе со времени диспута объ индульгенціяхъ его главными противниками. Между тѣмъ Гусъ проживалъ сначала въ Козьемъ Городкѣ, въ мѣстности между будущимъ Таборомъ и Хиновомъ, въ имѣніи Яна Старшаго изъ Устья, потомъ по смерти его (1413) въ Краковцѣ, владѣніи Генриха Лефле Лажанскаго въ Раковницкѣ. Въ той и другой мѣстности онъ продолжалъ говорить проповѣди, не обращая вниманія на папское проклятіе, собирая вокругъ себя сельское населеніе подъ открытымъ небомъ на поляхъ, преимущественно въ церковные праздники и при другихъ большихъ народныхъ собраніяхъ. Остальное время Гусъ посвящалъ сочиненію, какъ многочисленныхъ полемическихъ произведеній противъ своихъ противниковъ, такъ и большихъ сочиненій, въ родѣ *Постиллы* и трактата de Ecclesia, перваго на чешскомъ, послѣдняго на латинскомъ языкѣ. Оба эти сочиненія онъ окончилъ еще въ Козьемъ Городкѣ. Между тѣмъ оправданіе своего протеста противъ папы вело Гуса и въ области теоріи къ отступленіямъ отъ общепринятаго и стародавняго ученія церкви. Въ своемъ диспутѣ противъ индульгенцій онъ высказалъ въ первый разъ, что папскимъ распоряженіямъ вѣрующіе не обязаны повиноваться, если только распоряженія эти не согласны съ закономъ Христовымъ, и основалъ всѣ свои доводы на одномъ Св. Писаніи, а не на обычномъ ученіи церкви. Въ этомъ направленіи онъ все опредѣленнѣе отвергалъ авторитетъ церкви, какъ основу христіанскаго ученія, а въ трактатѣ *о Церкви* особенно ясно развилъ идею, что истинный источникъ познанія христіанскихъ истинъ есть Св. Писаніе; мнѣнія же св. Отцовъ, а тѣмъ болѣе папскія буллы имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько говорятъ или прямо изъ Св. Писанія, или то, что основано на немъ же; онъ утверждалъ также, что не папа—глава церкви, а самъ Христосъ. Гусу не пришло въ голову критически обозрѣть всю область церковнаго ученія—что въ немъ основано на Св. Писаніи, что нѣтъ; слѣдовательно, что въ немъ должно быть удержано и что отвергнуто; но протестантскій принципъ, по которому это сдѣлать необходимо, былъ имъ высказанъ, и другіе позже выступили именно на эту дорогу.

Представился наконецъ еще одинъ выходъ, который, по мнѣнію короля Вячеслава, могъ повести къ примиренію партій въ чешскомъ духовенствѣ, когда, по иниціативѣ императора Сигизмунда, брата его, устроенъ былъ папой Іоанномъ XXIII новый со-

Digitized by Google

боръ въ Констанцѣ, опять съ тою же цѣлью, какую имѣлъ Пизанскій соборъ, т. е. единства во главѣ церкви и фундаментальной реформы въ ея главѣ и членахъ. Гусъ долженъ былъ явиться на соборъ и представить ему свои идеи о христіанской вѣрѣ, чтобы ихъ или одобрили, или отвергнули. Императоръ Сигизмундъ обѣщалъ Гусу для этой цѣли, что его свободно выслушаютъ на церковномъ соборѣ, и обѣщаніе дано въ такой формѣ, что онъ можетъ безопасно вернуться на родину, если не захочетъ подчиняться рѣшенію собора: Гусу была выдана императорская охранная грамота. Гусъ отправился въ Констанцъ въ октябрѣ 1414 года, въ сопровожденіи трехъ чешскихъ дворянъ: Яна Хлума, Вячеслава Дубскаго и Генриха Лаценбока, охранѣ которыхъ онъ былъ порученъ королемъ Вячеславомъ. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Констанцѣ, Гусъ, вслѣдствіе жалобъ, съ которымы обратились на него противники его изъ чешскаго духовенства, былъ заключенъ въ тюрьму, по распоряженію кардиналовъ, завѣдывавшихъ дѣлами собора, даже противъ воли папы Іоанна, впослѣдствіи тоже осужденнаго соборомъ (28 ноября). Церковный соборъ не обращалъ вниманія на охранную грамоту императора, какъ на выданную въ ущербъ правамъ церкви; когда же Сигизмундъ самъ прибылъ въ Констанцъ, онъ тщетно старался придать значеніе своей грамотѣ: соборъ угрожалъ скорѣе разойтись, чѣмъ выпустить Гуса на свободу. Гусъ былъ преданъ суду по обвиненію въ ереси и, вслѣдствіе народныхъ демонстрацій противъ духовенства, содержался сначала въ домѣ одного констанцскаго каноника, потомъ посаженъ въ тѣсную и смрадную тюрьму въ Доминиканскомъ монастырѣ (6 дек.) и, только когда вслѣдствіе этого подвергся тяжкой болѣзни, былъ переведенъ въ болѣе здоровое помѣщеніе въ томъ же зданіи (1415, 8 янв.), а еще позже, послѣ отъѣзда папы Іоанна изъ Констанца, для большей безопасности, помѣщенъ въ ближнемъ замкѣ Готтлибенѣ подлѣ Боденскаго озера (24 марта) Обсужденіе его виновности производилось въ особо установленной для этого коммиссіи, и соборъ, на основаніи ея слѣдствія, рѣшилъ произнести свой окончательный приговоръ. Только благодаря неоднократнымъ настояніямъ чешскихъ и моравскихъ дворянъ, находившихся въ Констанцѣ, дозволено было Гусу высказаться публично предъ цѣлымъ соборомъ 5 іюня; но это дѣлалось только для формы, ибо написанный раньше приговоръ былъ принесенъ въ засѣданіе. Узнавъ объ этомъ, Сигизмундъ склонялъ членовъ собора къ тому, чтобъ они отмѣнили свой приговоръ и не спѣшили бы съ нимъ, чтобы подробнымъ разъясненіемъ дѣла, хотя до извѣстной степени, получило свою силу данное имъ слово. Послѣ трехъ такихъ засѣданій,—5, 7 и 8 іюня—при чемъ Гусъ исключительно опирался на Св. Писаніе, соборъ же стоялъ на почвѣ власти одной церкви, допускаемой въ дѣлахъ вѣры, было

Digitized by Google

потребовано отъ Гуса, чтобы онъ призналъ свое ученіе неправильнымъ и отрекся отъ него; когда же, послѣ продолжительнаго времени, даннаго на размышленіе, онъ воспротивился это исполнить, былъ объявленъ въ четвертомъ публичномъ засѣданіи (6 іюля 1415 г.) закоренѣлымъ еретикомъ, лишенъ священническаго сана и переданъ свѣтскимъ властямъ, для сожженія за-живо, какъ было принято по строгимъ законамъ противъ еретиковъ. Сигизмундъ, присутствовавшій здѣсь, у котораго не было власти надъ Гусомъ, такъ-какъ власть принадлежала чешскому королю, уже раньше порѣшилъ съ соборомъ не противиться его приговору и распорядился привести приговоръ въ исполненіе. Тогда Гусъ былъ выведенъ изъ тюрьмы и сожженъ вблизи города на берегу Рейна.

Еще въ тюрьмѣ Гусъ дождался новостей изъ Чехіи о ближайшихъ послѣдствіяхъ своего ученія т. е. о ниспроверженіи прежнихъ церковныхъ обычаевъ и порядковъ. Другъ его, Якубекъ Стрибскій, началъ давать своей паствѣ причащеніе Св. Таинъ подъ обоими видами, такъ-какъ это было установлено Св. Писаніемъ. Спрошенный тайкомъ о мнѣніи, Гусъ одобрилъ это нововведеніе краткимъ трактатомъ, отправленнымъ въ Чехію, и такимъ образомъ много содѣйствовалъ распространенію утраквистовъ, или подобоевъ между своими послѣдователями. Появились также, конечно, не случайно, зачатки Таборитскаго ученія, главнымъ образомъ, въ области подлѣ Козьяго Городка, гдѣ Гусъ жилъ за годъ передъ этимъ. Такимъ образомъ ученіе Гуса подало поводъ къ великимъ смутамъ, возникшимъ въ Чехіи вскорѣ послѣ его смерти. Послѣдователи его принциповъ провозгласили его уже въ 1417 г., отъ имени Пражскаго университета, святымъ мученикомъ, и имя его, занесенное въ святцы, праздновалось въ посвященный ему день—6 іюля втеченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій.

Пер. Н. З—цкій.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ ГУСА.

Статья **Я. Э. Воцеля** въ „**Словникѣ Научномъ**“, т. III (986—988 стр.). Съ Чешскаго.

1. *Чешская орѳографія* содержитъ краткія, писанныя полатыни, правила, какъ при помощи надстрочныхъ (*діакритическихъ*) знаковъ писать правильно и точно по-чешски. Главныя изъ этихъ правилъ слѣдующія: а) Каждый звукъ, кромѣ ch долженъ обозначаться лишь одной буквой, долгія гласныя должны обозначаться чертою. в) Твердое ł должно различаться отъ мягкаго l. с) *y* должно писать послѣ h, ch, k, g, d, t, n, r и ł; *i* же послѣ мягкихъ согласныхъ и т. д. Къ концу прибавлены примѣры Páteř, Zdráva Maria и Věřim. Эта строго выдержанная система правописанія, по большей части, понынѣ удержавшаяся, была введена ея авторомъ и въ сочиненія, имъ написанныя, и въ Св. Писаніе. Рукопись хранится въ Требоньскомъ архивѣ, въ книгѣ, писанной монахомъ *Телечскимъ* (Manuale fratris Crucis de Telecz).

2. Provázek tří pramenný z víry, lásky a naděje, kterého se má každý křestan držeti, kdo chce do věčného blahoslavenství přijíti. Единственная рукопись этого трактата находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ, его издалъ въ 1545 г. священникъ *Павелъ Быджовскій*. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ уклоненій отъ догматовъ р.-католической вѣры.

3. Dcerka, aneb poznání víry pravé k spasení, — рукопись XV вѣка находится въ Ч. Н. Музеѣ; напечаталъ ее В. Ганка въ 1825 году. Десять обязанностей возлагаетъ Гусъ на христіанскую дѣвицу и, сообразно имъ, раздѣляетъ свое сочиненіе на десять главъ. Содержаніе сочиненія строго моральное, даже аскетическое, только во 2-й главѣ находится одно мѣсто, гдѣ Гусъ горячо обвиняетъ главу р.-католической церкви, но оно выброшено въ изданіи Ганки.

Digitized by Google

4. Traktat o sedmi smrtelných hříších. Рукописи этого трактата нѣтъ; находимъ его только при *Постилѣ* напечатанной въ Нюренбергѣ въ 1563 г. О характерѣ каждаго грѣха (гордость, зависть, гнѣвъ, лѣность, плотоугодіе и пр.) говорится подробно, приведены свидѣтельства Св. Писанія и Отцовъ церкви; въ концѣ концовъ—сочиненіе вообще безупречно.

5. Zrcadlo člověka hříšného větší. Рукопись въ Ч. Н. Музеѣ 1411 г. (неполная), другая полная, сходная съ музейною, находится въ Пражской университетской библіотекѣ. Трактатъ этотъ, составленный въ строго-христіанской системѣ, не содержитъ въ себѣ ничего вреднаго и противнаго ученію р.-католической церкви. Юнгманнъ въ Hist. lit. čes. на 95 стр. сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи: „Зерцало грѣшнаго человѣка св. Августина въ переводѣ съ дополненіями. Рукопись въ Музеѣ 1411 г., затѣмъ рукопись публичной библіотеки и т. д. Напечатано *Зерцало* при *Постилѣ* 1563 и 1592 годовъ. Книга сочиненія блаженной памяти М. І. Гуса носитъ вышеприведенное заглавіе". Между тѣмъ въ дѣйствительности *Зерцало*, напечатанное при *Постилѣ*, нисколько не сходится съ первоначальнымъ текстомъ *Зерцала* І. Гуса и существенно отличается отъ него, какъ по содержанію, такъ и по тенденціи, ибо *Зерцало* при *Постилѣ* содержитъ чрезвычайно грубые и невѣжественные нападки на р.-католическое духовенство, изъ чего ясно видно, что это сочиненіе есть плодъ бурной реформаціонной эпохи XVI вѣка, свидѣтельствующее о томъ, какимъ неосмотрительнымъ образомъ въ то время злоупотребляли именемъ Гуса, чтобы только дать ходъ идеямъ враждебнымъ р.-католической церкви.

6. Zrcadlo člověka hříšného menší. Сочиненіе это говоритъ о жалкомъ состояніи человѣка и о превратностяхъ жизни; страхъ смерти здѣсь изображенъ весьма живо, и авторъ вдохновенными словами возбуждаетъ читателя, чтобы путемъ покаянія онъ былъ всегда приготовленъ къ смерти.

7. Traktat o šesti bludích, содержащійся въ рукописи Ч. Н. Музея, вторая рукопись въ Будишинѣ напечатана при *Постилѣ*. Это съ многочисленными добавленіями переводъ извѣстнаго сочиненія de sex erroribus, которое Гусъ въ 1413 г. послалъ изъ Козьяго Городка въ Прагу и велѣлъ помѣстить на стѣнахъ Виѳлеемской каплицы. Латинскій трактатъ De sex erroribus содержится въ книгѣ: Historia et Monumenta Ioann. H. atque Hieronymi Pragensis (изд. въ 1558 г. и во 2-й разъ въ 1715 г. въ Нюренбергѣ).

Digitized by Google

8. Devět artikulóv aneb kusóv zlatých, одна рукопись въ Дитрихштейнской библіотекѣ въ Микуловѣ; другая—въ парижской библіотекѣ; напечатаны при *Постилѣ* 1563 г. Трактатъ этотъ, несмотря на свою краткость, важенъ тѣмъ, что въ немъ ясно высказаны нѣкоторые догматическіе взгляды Гуса.

9. Výklad na desatero přikázaní. Юнгманнъ въ Hist. lit. приводитъ двѣ рукописи Гусова объясненія на десять заповѣдей, находящіяся въ библіотекѣ пражскаго университета. Сравнивая впрочемъ одну рукопись съ другою, мы находимъ, что, какъ по объему такъ и по содержанію, онѣ совершенно несходны одна съ другою, и весьма вѣроятно, что Гусъ не сочинялъ ни того, ни другого трактата. Болѣе краткій трактатъ объясненія на десять заповѣдей принадлежитъ перу Ѳомы Щитнаго.

10. Výklad větší na Páteř. Одна рукопись въ Герсдорфской библіотекѣ въ Будишинѣ; другая—въ Микуловѣ; трактатъ напечатанъ не былъ.

11 Výklad menší na Páteř, подобно какъ и большій, содержащій религіозныя размышленія на Молитву Господню; рукопись находится въ Ч. Н. Музеѣ.

12. Очень сомнительно, написанъ ли Гусомъ Výklad článků víry, напечатанный въ 1563 г. при *Постилѣ*, какъ утверждаетъ это Hist. lit. Юнгманна, ибо заглавіе печатнаго объясненія символа вѣры не называетъ Гуса авторомъ этого трактата, что обыкновенно бывало на остальныхъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ перу Гуса, но прямо говоритъ, что это „переводъ съ латинскаго на чешскій одного мужа, искуснаго въ Св. Писаніи".

13. Traktat odúmrtí. Одна рукопись въ имп. вѣнской библіотекѣ съ заглавіемъ: Skládánie M. H-i sv. paměti odúmrtí aneb nápadóv odumrlých věcí. Другая рукопись въ Тржебони. Напечатанъ при *Постилѣ*, затѣмъ при книгѣ Hospodář Brtvina z Ploskovic 1587 г. Въ сочиненіи этомъ Гусъ старается разрѣшить вопросъ, прилично-ли господамъ брать mortuarium со своихъ крѣпостныхъ и оканчиваетъ приговоромъ, что помѣщики, если хотятъ уберечься отъ казни вѣчной, не должны брать никакого mortuarium.

14. *Постилла*, заключающая въ себѣ проповѣди мистра Яна Гуса, т. е. *объясненія на евангелія, которыя читаются втеченіе цѣлаго года въ воскресные дни*, отличается своею обширностью сравнительно съ остальными сочиненіями Гуса. Рукопись пражской библіотеки, несомнѣнно, автографъ Гуса, такъ-какъ въ кон-

цѣ написано: „Skrze zaslúženie pána našeho Iezu Krista, jehoz leta tisícieho čtyrstého a třináctého (1473) v den postný sv. apoštolóv Simona a Iudy na hradie, jenž slove Kozi. Toto vyloženie sv. čtení jest skonáno. Ian Hus mistr.“ Вторая и третья рукопись находится въ Ч. Н. Музеѣ. Показаніе въ Юнгманновой Hist. lit.,—что рукопись Постиллы Герсдорфской библіотеки въ Будишинѣ относится къ 1412 г.—ошибочно, потому что въ этой рукописи конецъ уничтоженъ, и этотъ годъ находится на концѣ „*Объясненія на Символъ вѣры*“ (Výklad na Věří'm), находящагося въ той-же рукописи. Наконецъ всѣмъ извѣстно, что Гусъ написалъ *Постиллу* въ 1413 г., живя въ Козьемъ Городкѣ. Въ *Постиллѣ* выражены ясно не только догматическіе взгляды Гуса, но въ ней также находится обильный матеріалъ для его біографіи, равно какъ многія важныя извѣстія о тогдашнихъ историческихъ событіяхъ. Сочиненіе это свидѣтельствуетъ о вдохновенномъ популярномъ краснорѣчіи его автора, тѣмъ не менѣе оно не равно сочиненіямъ Ѳ. Щитнаго, далеко выдѣляющимся глубиною и оригинальностью мыслей и блестящею выразительностью слога предъ всѣми сочиненіями тѣхъ временъ. Во второй части Monumenta Гусу принадлежатъ также проповѣди подъ заглавіемъ: Historia gestorum Christi, ex quatuor evangelistis in unum collecta atque secundum tres annos praedicationis ejus distincta per M. I. H. Судя по этому можно бы думать, что это переводъ проповѣдей, находящихся въ *Постиллѣ*; но краткія объясненія, содержащія въ цѣломъ лишь 15 листовъ, нисколько не сходятся съ текстомъ чешской *Постиллы*. Monumenta Husi содержатъ нѣкоторыя статьи, которыя Гусъ, говорятъ, написалъ въ Констанцской тюрьмѣ, по требованію своихъ тюремныхъ стражей, а именно: De mandatis Domini. Это латинское сочиненіе, содержащее въ печати всего одинъ столбецъ, заключаетъ въ себѣ только объясненіе на первый членъ символа вѣры, и, кажется, составлено по чешскому тексту того же объясненія, находящагося въ Герсдорфской рукописи. Monumenta Husi вмѣщаютъ краткое поясненіе на десять заповѣдей (credo in Deum Patrem) и затѣмъ на молитву Господню (de oratione Dominica); но латинскіе тексты обоихъ не сходятся съ вышеупомянутыми чешскими объясненіями символа вѣры и молитвы Господней.

15. Tractatus M. J. H. de sacramento corporis et sanguinis Domini, который Гусъ написалъ для Роберта, стража или хозяина своего въ Констанцѣ, находится отчасти въ чешскомъ переводѣ въ разсужденіи *Павла Быджовскаго*, въ которомъ Быд-

Digitized by Google

жовскій доказываетъ, что хлѣбъ и вино претворяются въ дѣйствительныя тѣло и кровь Сына Божьяго. Разсужденіе это находится при печатномъ изданіи книги Provázek tří pramenný 1545 г. Monumenta Husi содержатъ наконецъ разсужденіе de matrimonio, которое Гусъ, по желанію смотрителя надъ заключенными Роберта, написалъ въ Констанцской тюрьмѣ.

16. Чешскій трактатъ Гуса o manželství оказывается точнымъ переводомъ съ первоначальнаго латинскаго текста. Рукописи его находятся въ имп. вѣнской библіотекѣ и въ Ч. Н. Музеѣ; напечатанъ онъ при *Постилѣ*.

Въ Hist. lit. čes. Юнгманна приводятся еще слѣдующіе трактаты Гуса:

17. O svatokupectví. Рукопись въ Будишинѣ въ Герсдорфской библіотекѣ.

18. O panenství. Рукопись будто-бы въ Ч. Н. Музеѣ.?

19. O pravé povinnosti člověka.?

20. Výklad na písničky, jenž slovú Šalamúnovy. Рукопись 1448 г. находилась у I. Юнгманна.

21 O zkáze pocházející z ustanovení lidských.?

22. O pravém potupení tohoto světa, рукопись въ Микуловской библіотекѣ.

23. Traktát o poznání a milování Boha.?

24. O církvi takové jakové latinské.?

25 Knihy o modlitbě.?

26. Proč přijímáme pod dvojím spůsobem telo a krev Krista, одинъ листъ въ рукописи XV вѣка въ Микуловѣ.

27 Páteř dobrých lidí, Páteř zlých lidí. Рукопись будто-бы въ Оломуцкой библіотекѣ.?

Къ области литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ Гусомъ, принадлежатъ также его *письма* или *посланія*. Первое изъ нихъ, впрочемъ полемическаго содержанія, называется Napomenutí Plzeňských k svornosti a opření se bludóm. Письмо это сохранилось единственно въ рукописи Пражской университетской библіотеки (XI. Д. 9.); мы изъ него знакомимся съ тѣмъ, какъ Гусъ бросался на всѣ средства, чтобы удержать Пльзень на своей сторонѣ. Это важное письмо не было напечатано, а равно и не переведено полатыни. Одно лишь прибавленіе къ нему помѣщено въ Monumenta Husi, подъ заглавіемъ Replica contra praedicatorem Plznensem.

List pro vypovědém z Prahy. Одна рукопись въ имп. вѣнской библіотекѣ, другая въ Герсдорфской библіотекѣ въ Будишинѣ, третья 1472 г. въ пражской крижовницкой библіотекѣ.

Digitized by Google

List odvolání lat. slove appellatio t. od papeže na nejvyšší soudí. Рукопись 1515 г. нашелъ Добровскій въ Старой Болеславѣ.

List. M. J. Husa, jímž jisté panny klášterní k setrvání v jejich stavu napomíná. Рукопись XV вѣка?

6. *Посланія*, которыя Гусъ писалъ своимъ послѣдователямъ и друзьямъ изъ Констанцской тюрьмы. Въ числѣ рукописей крижовницкой библіотеки въ Прагѣ такихъ *посланій* находится девять, и ихъ издалъ Воцель въ „*Музейникѣ*“ 1848 г. Многія письма Гуса, переведенныя, съ чешскаго на латинскій—правда дурно,—находятся въ Monumenta Husi, а также въ книжкѣ, напечатанной въ Витембергѣ: Epistolae quaedam piissimae et eruditissimae Johannis Husi etc. Кромѣ этихъ переводовъ оба упомянутые сборника сочиненій Гуса содержатъ значительное число трактатовъ и писемъ его, написанныхъ первоначально Гусомъ на латинскомъ языкѣ.

Пер. Н. З—цкій.

Digitized by Google

ІОСИФЪ ДОБРОВСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Источники:

1) Literární působení Josefa Dobrovského co příspěvek k dějinám literatury české podává ze zřídel samých vážene Dr. I. J. Hanuš.... 1867.

2) Quellenkunde und Bibliographie der böhmisch—slovenischen Literaturgeschichte vom jahre 1348—1868, bearbeitet von Dr. I. J. Hanuš. 1868 г.

3) Біографія Іосифа Добровскаго, сочиненная Ф. Палацкимъ. Съ Нѣмецкаго перевелъ А. Царскій. 1838 г.

4) Biographie des Abbé J. Dobrowsky,..... durch Dr. Legis-Gluckselig. 1837.

5) Biographie des Abbé Josef Dobrovsky, durch Hormayer.

6) Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich.... von Dr. Konst. v. Wurzbach. Dritter Band. 1858.

7) Vzájemné dopisy Václ. Hanky a Jos. Dobrovského (Casopis musea království českého). 1870.

8) Письмо Добровскаго къ Злобицкому, изд. Ганки.

9) Письма Добровскаго къ Карлу Готлибу Антону.

10) Письма Антона къ Добровскому.

Человѣкъ, очеркъ жизни котораго составляетъ предметъ настоящей статьи, носитъ въ наукѣ названіе патріарха Славяновѣдѣнія.

Дѣйствительно, Добровскому главнымъ образомъ обязана Славянская наука тѣмъ развитіемъ, котораго она достигла въ наше время.

Его геніальные труды и громадныя знанія были если не прямой причиной, то ближайшимъ поводомъ возрожденія въ Че-

Digitized by Google

хахъ, а затѣмъ и въ другихъ Славянахъ любви къ своему родному языку, къ своей родной литературѣ и вообще къ своей славянской народности.

А между тѣмъ, самъ онъ, этотъ патріархъ славянской науки—никогда не вѣрилъ ни въ политическія, ни въ литературныя силы народа, не хотѣлъ признавать подлинности древнихъ чешскихъ рукописей, принятыхъ другими съ восторгомъ, какъ доказательства исконной славянской цивилизаціи, независимой отъ Нѣмцевъ.

„Кто-бы могъ увидать даже во снѣ, что Славяне предназначены къ столь великимъ дѣламъ!“—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лужичанину Карлу Готлибу Антону [1]). Какъ-же объяснить это? Гдѣ причины, гдѣ основанія такого страннаго, повидимому, явленія?

Найти ихъ можно, конечно, только изучая жизнь и характеръ Іосифа Добровскаго, изучая его біографію и труды.

Не задаваясь широкою цѣлью выяснить всецѣло этотъ вопросъ, я постараюсь только отмѣтить тѣ факты и данныя изъ жизни Добровскаго, которые не остались, по моему мнѣнію, безъ вліянія на его характеръ,—какъ ученаго и какъ человѣка.

Такимъ образомъ я буду обращать особенное вниманіе на внутреннюю, духовную жизнь Добровскаго и на ея проявленія въ его поступкахъ, взглядахъ, мнѣніяхъ и ученыхъ занятіяхъ.

Іосифъ Добровскій родился 17 Августа 1753 г. въ Венгріи при Гіерметѣ недалеко отъ Рааба въ лагерѣ драгунскаго Эрцъ-Герцога Іосифа полка, гдѣ отецъ его, Яковъ Дубравскій служилъ вахмистромъ [2]).

По ошибкѣ священника онъ былъ записанъ въ метрическую книгу не Дубравскимъ, а Добровскимъ и всю жизнь удержалъ эту фамилію [3]), хотя и подписывался иногда Doubrovsky [4]) и Daubravsky [5]).

---

1) Письма къ Антону, № 9.
2) Палацкій, стр. 3.
Глюкзелигъ, стр. 1.
Письмо къ Злобицкому.
3) Палацкій, стр. 3.
Глюкзел., стр. 1.
4) Письма къ Ганкѣ, № 35.
5) Письма къ Ганкѣ, №№ 17, 18.

Digitized by Google

Въ непродолжительномъ времени послѣ рожденія сына Яковъ Дубравскій получилъ отставку и поселился въ Бишофштейницѣ, гдѣ скоро и умеръ [1]).

Вдова его вышла за другаго прирожденнаго Кроата [2]).

Отчимъ очень дурно обращался съ маленькимъ Добровскимъ, ходившимъ уже въ то время въ мѣстную нѣмецкую школу. Нерѣдко онъ подвергалъ его незаслуженнымъ взысканіямъ и даже побоямъ, что, конечно, имѣло вредное вліяніе на мальчика и отозвалось впослѣдствіи очень дурно на всей его нервной системѣ [3]).

Мать, желая избавить сына отъ такой жизни, уговорила мужа отослать его въ Дейчбродъ къ одному изъ его неисправныхъ должниковъ ихъ, чтобы въ возмездіе проживалъ у него и въ тоже время посѣщалъ гимназію [4]).

Въ Дейчбродъ молодой Добровскій пріѣхалъ совершеннымъ нѣмцемъ и не зналъ ни слова почешски.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ганкѣ онъ говоритъ: „когда я ходилъ въ Дейчбродѣ въ школу (около 1764, 1765 г.), чешскіе мальчики продѣлывали съ нѣмцемъ (т. е. со мною) нѣкоторыя злыя шутки“ [5]).

Такимъ образомъ онъ по своему образованію прежде былъ нѣмцемъ, а потомъ уже чехомъ. Какъ нѣмецъ, онъ не вѣрилъ въ славянъ, какъ чехъ—занимался ими.

Эта двойственность его національности лучше всего видна изъ его писемъ, гдѣ онъ иногда пишетъ почешски, иногда понѣмецки, а иногда и почешски и понѣмецки въ одномъ и томъ же письмѣ.

У него было два родныхъ языка, два родныхъ народа.

По первоначальному воспитанію и симпатіямъ дѣтства онъ до конца оставался нѣмцемъ, а по занятіямъ и симпатіямъ зрѣлаго возраста былъ изъ чеховъ чехъ.

Пробывъ четыре года въ Дейчбродѣ, онъ былъ отправленъ отчимомъ въ Клатову, для занятія въ тамошней іезуитской коллегіи риторикой и піитикой [6]).

---

1) Глюкзел., стр. 1.
2) У Палацкаго извѣстія о смерти отца и 2 бракѣ матери Добровскаго—нѣтъ.
3) Глюкзелигъ, стр. 2.
4) Глюкзел., стр. 2.
Палацк., стр, 5.
У Гормаера Добровскій посланъ не къ должнику, а къ одному изъ друзей его родителей.
5) Письма къ Ганкѣ, № 33.
6) Палацкій, стр. 5.
Глюкзел., стр. 2.

Digitized by Google

Въ 1768 году онъ поступилъ въ пражскій университетъ по теологическому факультету и долженъ былъ самъ содержать себя уроками и другими занятіями, такъ какъ родители его въ это время сильно обѣднѣли [1]).

Въ 1771 году онъ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ и получилъ званіе магистра [2]).

Занятія теологіей Добровскій избралъ, вѣроятно, потому, что это былъ единственный въ то время путь къ учености [3]); онъ не чувствовалъ любви къ богословскимъ наукамъ и никогда не былъ фанатикомъ религіи.

Однако профессору Штеплингу, который ему очень покровительствовалъ, удалось уговорить его ко вступленію въ іезуитскій орденъ. Посвященіе его произошло 9 октября 1772 года въ Брнѣ [4]).

Черезъ годъ орденъ былъ уничтоженъ и Добровскій снова вернулся въ Прагу, гдѣ сталъ по прежнему заниматься богословіемъ и, какъ вспомогательными къ нему науками,—восточными языками [5]).

Такимъ образомъ, богословіе было причиной его первыхъ филологическихъ занятій, а эти занятія впослѣдствіи послужили ему переходомъ къ изученію языковъ славянскихъ.

Годы 1773—1776 онъ провелъ въ занятіяхъ арабскимъ, халдейскимъ, сирійскимъ и древне-еврейскимъ языками [6]).

Уже въ 1777 году онъ настолько успѣлъ въ нихъ, что помогалъ своими свѣдѣніями Михаелису въ его „Восточной Библіотекѣ“ [7]).

Вообще въ это время онъ пріобрѣлъ много знакомствъ въ ученомъ мірѣ.

При помощи ихъ онъ и получилъ вскорѣ мѣсто домашняго учителя философіи и математики при дѣтяхъ графа Франца Антона Ностица [8]).

Здѣсь познакомился онъ съ Пельцелемъ, занимавшимся въ то время своимъ сочиненіемъ о корояхъ: Карлѣ и Вяче-

---

1) Глюкзел., стр. 2.
2) Палацкій, стр. 5.
3) Глюкзел., стр. 2.
4) Глюкзелигъ, стр. 3.
5) Гормаеръ.
6) Глюкзел., стр. 3,
7) Палацкій, стр. 8.
8) Палацк., стр. 9.
Гормаеръ.
Глюкзелигъ, стр. 3.

Digitized by Google

славѣ, и мало-по-малу заинтересовался чешскимъ языкомъ, и литературою [1]).

Итакъ, вотъ какимъ путемъ Добровскій пришелъ къ тому дѣлу, которое стало потомъ его спеціальностью и его славою,— къ занятію славистикой.

Навыкъ и любовь къ филологіи онъ получилъ при изученіи восточныхъ языковъ, а знакомство съ людьми, работавшими надъ чешскими памятниками, заставило его обратить вниманіе на этотъ языкъ и начать его разработку. Очевидно, что онъ заинтересовался чешскимъ языкомъ не какъ славянинъ, не какъ политическій человѣкъ, не какъ патріотъ, а только какъ ученый, какъ филологъ. Онъ сталъ изучать его, трудиться надъ нимъ, какъ надъ хорошимъ и богатымъ матеріаломъ, но матеріаломъ мертвымъ!

Потомъ онъ, быть можетъ, невольно и пристрастился къ своему родному языку, полюбилъ и его, и всѣ другія славянскія нарѣчія,—но, полюбилъ опять-таки пассивно, какъ ученый, которому нравится именно такая-то, а не другая работа.

Главнымъ его трудомъ въ это время было „Fragmentum Pragense Evangelii S. Marci vulgo autographi“ [2]).

Критическій, прямой умъ Добровскаго ясно выразился въ этомъ сочиненіи.

Онъ рѣшительно и категорически отвергнулъ мнѣніе, существовавшее прежде объ отрывкѣ евангелія, какъ о подлинной, собственноручной рукописи св. Марка, — что возбудило сильное волненіе въ ученомъ мірѣ, вызвало возраженія и порицанія многихъ духовныхъ лицъ и учрежденій, напр. Пражской консисторіи [3]).

Всѣ ученыя изданія ясно свидѣтельствуютъ, что уже въ это время Добровскій успѣлъ пріобрѣсть основательныя свѣдѣнія въ старинной чешской литературѣ и библіографіи.

---

1) Гориаеръ. Палацкій, стр. 10.
2) Палацкій, стр. 11.
3) Палацк., стр. 11. Ганушъ, стр. 8.

Digitized by Google

Въ Corrigenda in Bohemia docta уже обнаруживаются плоды обширныхъ занятій Добровскаго произведеніями чешской и чешско-латинской литературы и учености. Не безъ вліянія на появленіе этой книги осталось то обстоятельство, что Рафаэль Унгаръ былъ крайне невоздержанъ въ своихъ нападкахъ на перваго издателя „Ученой Богеміи“ Бальбина, отца Кандида. Добровскій хотѣлъ показать, что изданіе и Унгара не свободно отъ многихъ ошибокъ.

Böhmische Literatur на 1789 и Böhmische und Mährische Literatur на 1790 г. представляютъ критическія обозрѣнія литературной, ученой и спеціально-университетской жизни Чехіи того времени. Изданіе носитъ, по преимуществу, критико-библіографическій характеръ и до сихъ поръ не замѣнено въ Чешской литературѣ ничѣмъ инымъ въ этомъ родѣ. Рѣзкость тона пріобрѣла Добровскому много враговъ. Противъ него выступилъ Р. Унгаръ въ книгѣ подъ названіемъ Revision der Böhmischen Literatur съ неслыханнымъ ожесточеніемъ; на что тогда же воспослѣдовалъ отвѣтъ Добровскаго, сдержанный, написанный съ достоинствомъ. Впрочемъ Добровскій съ Унгаромъ вскорѣ примирились, такъ что, когда, годъ спустя, Добровскій основалъ новое литературное изданіе, подъ названіемъ „Literarisches Magazin“, то Унгаръ является уже его сотрудникомъ. Къ 1-й части этого изданія Унгаръ приложилъ цѣлое свое разсужденіе объ изданіяхъ чешскихъ библій, „Magazin“ Добровскаго въ общемъ носитъ тотъ же характеръ, что и „Чешская и моравская литература“ съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь допущены уже иные предметы славянской науки: изъ области исторіи и древностей.

Но если у Добровскаго были враги, то были и друзья. Они-то заставляли его подумать не только о наукѣ, но и о самомъ себѣ, о своемъ личномъ положеніи.

По ихъ настоянію онъ написалъ диссертацію на каѳедру восточныхъ языковъ De antiquis Hebraeorum characteribus Но, когда каѳедра открылась не въ Прагѣ, а во Львовѣ, ровскій не захотѣлъ туда ѣхать и отказался отъ профес

1) Палацкій, стр. 15.
Ганушъ, стр. 8.
2) Палацкій, стр. 15.

Digitized by Google

Тогда ему предоставили мѣсто духовнаго цензора въ Прагѣ, [1]) а вскорѣ потомъ, когда принятое имъ въ 1786 году званіе священника уничтожило всякія къ тому препятствія [2]), онъ былъ назначенъ вице-ректоромъ главной Градишской семинаріи [3]). Черезъ два года онъ былъ сдѣланъ ректоромъ этой семинаріи [4]).

Доказательствомъ того, съ какою ревностью и энергіей онъ занимался своею новой должностью, служитъ то обстоятельство, что за все это время онъ почти ничего не написалъ, кромѣ коротенькой Geschichte des cölibats in Böhmen и нѣсколькихъ другихъ небольшихъ статей [5]).

Въ эту эпоху своей жизни онъ уже окончательно предается только одной наукѣ—славянской, изученію языковъ только одного народа—славянъ.

Если онъ мало пишетъ и издаетъ, то это съ одной стороны отъ недостатка времени [6]), а съ другой отъ того, что его занятія носятъ пока чисто-кабинетный характеръ; онъ собираетъ матеріалъ, изучаетъ предметъ [7]).

По смерти императора Іосифа всѣ главныя семинаріи были уничтожены, и Добровскій снова вернулся въ Прагу, въ домъ гр. Ностица [8]).

Тутъ предался онъ на свободѣ своимъ ученымъ трудамъ и провелъ такимъ образомъ два года.

Древности, исторія письменности и литературы, языкъ — вотъ предметы ученыхъ занятій Добровскаго въ это время. Сюда относятся: „Разсужденіе о происхожденіи имени Чехъ". Добровскій производилъ его отъ глагола *чѧти, чнѫ*, *Чехъ*, слѣдовательно *начальный, передній*. „О древнѣйшихъ жилищахъ Славянъ въ Европѣ", гдѣ Добровскій разсуждалъ сначала объ общности имени Славянъ; о жилищахъ Славянъ въ VI ст.; о древнѣйшихъ жили-

---

1) Глюкзелигъ. стр. 4.
2) Гормаеръ.
3) Палацкій, стр. 17.
Глюкзелигъ, стр. 4.
4) Палацкій, стр. 19.
Глюкзелигъ, стр. 4.
5) Глюкзелигъ, стр. 4.
6) Письма къ Антону, № 2.
7) Палацкій, стр. 18.
8) Палацкій, стр 20.

Digitized by Google

щахъ Вендовъ на Балтійскомъ морѣ; о первыхъ частныхъ наименованіяхъ Славянъ въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ; о географіи Славянъ въ средніе вѣка по Гельмольду; объ основныхъ чертахъ славянскихъ переселеній на востокъ и западъ; о движеніи Славянъ, въ особенности Чеховъ и Хорватовъ къ югу—въ Чехію и Моравію; о Константина Багрянороднаго Хорватіи и Бѣлой Сербіи; о сказкахъ древнихъ писателей на счетъ переселенія Чеховъ и Леховъ; о выселеніи колоніи Хорватовъ изъ Моравіи и исторія оставшагося тамъ племени въ 7 и 8 вѣкѣ; о томъ, что Мораване скрываются подъ именемъ Bohemani и въ 806 г. дѣлаются данниками Карла В.; что Мораване появляются подъ собственнымъ именемъ въ 822 г., первымъ княземъ ихъ называется Моймаръ; Людовикъ Благочестивый ставитъ въ герцоги имъ Ростислава; наконецъ, что имя Морава происходитъ отъ Mark и заимствовано отъ древнѣйшихъ обитателей. Это сочиненіе Добровскаго можно разсматривать, какъ программу дальнѣйшихъ трудовъ его. Къ области же исторіи относятся еще слѣдующія статьи: „О первой *данной* славянской исторіи и географіи“, гдѣ онъ останавливается на наименованіи рѣки Вислы—Vistula—и пытается отсюда сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Историко-критическое разсужденіе о томъ—„Откуда произошло наименованіе Славянъ“.—Къ этому предмету Добровскій возвращался и позднѣе въ чешскомъ „Музейникѣ“; онъ производитъ Славянъ отъ корня *слоути*, *славить*, *словити* и стремится подтвердить такое производство исторіей. „О томъ, какъ должно пользоваться древними актами въ различныхъ отрасляхъ отечественной исторіи“ — опытъ дипломатической критики.

„Объ одномъ мѣстѣ изъ письма св. Бонифація касательно Славянъ и ихъ нравовъ“, именно объ обычаѣ славянскихъ женъ добровольно сожигать себя на могилахъ своихъ мужей.

Большая часть изслѣдованій Добровскаго помѣщалась сначала въ трудахъ „Частнаго ученаго Собранія“, издаваемыхъ Борномъ, а потомъ въ прямомъ продолженіи ихъ—въ „Трудахъ чешскаго ученаго Общества“ и въ „Мемуарахъ“ (новыхъ) того же Общества.

Въ 1792 году Добровскому пришлось предпринять большое и долгое путешествіе. Это было такимъ образомъ: когда въ 1791 году 25 сентября императоръ Леопольдъ посѣтилъ публичное засѣданіе ученаго Общества, обращеннаго въ то время изъ частнаго учрежденія Борна въ публичное и общественное, и

Digitized by Google

когда всѣ члены его представили императору опыты своихъ изслѣдованій, Добровскій сказалъ рѣчь *о преданности славянскихъ племенъ австрійскому царствующему дому*. Черезъ два дня послѣ этого императоръ пожертвовалъ обществу шесть тысячъ гульденовъ на продолженіе полезныхъ путешествій, изслѣдованій и мѣстныхъ описаній. Часть этой суммы была назначена обществомъ на путешествіе въ Швецію съ цѣлью отысканія тамъ старинныхъ чешскихъ памятниковъ, вывезенныхъ шведами во время 30-лѣтней войны. Исполненіе этого дѣла было поручено Добровскому, и онъ выѣхалъ изъ Праги 15-го мая 1792 года [1] вмѣстѣ съ графомъ Штернбергомъ, который ѣхалъ для естественноисторическихъ изслѣдованій [2].

Кромѣ описанія рукописей, вывезенныхъ въ Швецію, Добровскій имѣлъ еще въ виду при этой поѣздкѣ и занятія славянскимъ языкомъ, литературой и Св. Писаніемъ и его судьбой вообще. Поэтому онъ, посѣтивъ Лундъ, Стокгольмъ и Або, отправился въ Петербургъ (гдѣ пробылъ 2 мѣсяца, занимаясь въ разныхъ библіотекахъ), а затѣмъ въ Москву (гдѣ оставался полтора мѣсяца) и черезъ Варшаву и Краковъ вернулся въ Прагу [3].

Результаты своего путешествія онъ описалъ въ книгѣ „Literarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland“, гдѣ подробно изложилъ все найденное и разсмотрѣнное имъ въ Швеціи и Россіи: миніатюры, письма, тексты Св. Писанія и т. д. [4].

Впрочемъ, ему не удалось много пріобрѣсти въ Швеціи изъ того, что онъ тамъ нашелъ, и поэтому онъ собирался еще разъ въ новое путешествіе туда-же [5]; предположеніе, которое такъ и не состоялось. Кромѣ этого путешествія онъ предпринималъ потомъ и другія: въ Германію и Италію—съ графомъ Ностицемъ, въ Мюнхенъ и Штутгардъ—съ гр. Фр. ф. Штернбергомъ и множество мелкихъ поѣздокъ по Чехіи [6].

---

1) Палацкій, стр. 22—23.
2) Письма къ Антону, № 8.
3) Палацкій, стр. 26.
Глюкзелигъ, стр. 5.
4) Исторія литер. Гануша, стр. 100—101.
5) Письма къ Антону, № 9.
6) Палацкій, стр. 27.

Digitized by Google

Самымъ важнымъ изданіемъ было предпринятое Добровскимъ вмѣстѣ съ Пельцелемъ изданіе Scriptores rerum Bohemicarum. 1-й томъ содержитъ Козьму и его продолжателей съ обширнымъ введеніемъ Добровскаго; 2-й пражскую хронику Франциска и хронику Бенеша. Изданіе исполнено критически, по нѣсколькимъ спискамъ, и до сихъ поръ важное и необходимое, несмотря на болѣе совершенныя изданія въ Monumenta Germaniae Пертца и въ Fontes rerum Bohemicarum Эмлера.

Исторіею письменности и литературы Добровскій занимался болѣе, чѣмъ чѣмъ-либо другимъ. Сюда относятся слѣдующія его сочиненія: „О началѣ распространенія книгопечатанія въ Богеміи“,„О древности чешскаго перевода библіи“, „О первомъ текстѣ перевода библіи“; но въ особенности сюда принадлежитъ „Исторія чешскаго языка и литературы“, первоначально она была помѣщена въ “Трудахъ Чешскаго Королевскаго Общества любителей наукъ“, затѣмъ черезъ годъ онъ издалъ ее отдѣльно со многими дополненіями, а въ 1818 г. сдѣлалъ 3-е изданіе. Всѣ три изданія имѣютъ свою особую цѣнность, каждое само по себѣ: въ 1-мъ это—скорѣе исторія памятниковъ языка; 2-е уже болѣе обращаетъ вниманія на памятники литературные, отъ древнѣйшихъ временъ почти до времени, современнаго автору; наконецъ 3-е изданіе представляетъ только распространенную первую половину втораго—до половины XVI вѣка. Въ библіографическомъ отношеніи эти труды Добровскаго до сихъ поръ необходимы и не замѣнены ничѣмъ лучшимъ. Замѣчательно, что въ послѣднемъ изданіи онъ прилагаетъ нѣсколько выдержекъ изъ „Краледворской рукописи“ и весьма сочувственно отзывается о ея поэтическомъ достоинствѣ.

Въ языкѣ Добровскій придерживался, если такъ можно выразиться, направленія *анатомическаго*, главнымъ представителемъ котораго въ наукѣ того времени является Аделунгъ. Сюда относится его попытка объяснить происхожденіе и образованіе языка славянскаго, въ особенности чешскаго. „Объ образованіи славянскаго языка, доказанномъ на образованіи существительныхъ и прилагательныхъ въ языкѣ чешскомъ“, „О славянскомъ глаголѣ и въ особенности о чешскомъ“. Но самыми важными трудами Добровскаго въ этомъ отношеніи въ то время были два: „Чешско-нѣмецкій словарь“ и подробная „Грамматика языка чешскаго“.

Съ такой обширной подготовкой, обнимая всѣ отрасли славяновѣдѣнія того времени, Добровскій съ началомъ XIX вѣка начинаетъ рядъ новыхъ трудовъ, содержаніе которыхъ разнообразно не менѣе предшествовавшихъ, только направленіе ихъ нѣ-

Digitized by Google

сколько измѣняется: недовѣрчивый отъ природы, Добровскій и въ науку вносилъ скептицизмъ и потому съ подозрѣніемъ относился ко многому по части исторіи и спеціально церковной исторіи. Сюда относятся его критическіе опыты: „какимъ образомъ должно очистить чешскую исторію отъ позднѣйшихъ вымысловъ?“ Такъ онъ разбираетъ крещеніе Боривоя, показывая, какъ должно употреблять на пользу исторіи старинныя легенды; 2) исторію Людмилы и Драгомиры и наконецъ 3) Вячеслава и Болеслава. Къ этой области относятся его обширныя изслѣдованія о началѣ христіанства у славянскихъ народовъ, именно: „Кириллъ и Меѳодій—славянскіе просвѣтители“ (перев на рус. яз. въ 1825 г. Погодинымъ съ важными дополненіями); „Моравская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи“, изданіе текстовъ съ обширными объясненіями.

Какъ разнообразны были занятія и свѣдѣнія Добровскаго лучше всего показываетъ, изданные имъ, два ученые сборника: „Славянка“ и „Slawin“, представляющіе цѣлый реперторій свѣдѣній по различнымъ отраслямъ славяновѣдѣнія: по языку, этнографіи, миѳологіи, быту, исторіи и исторіи литературы. Какъ приложеніе къ нимъ, имъ издано особое сочиненіе о глаголицѣ (Glagolitica), въ которомъ онъ доказываетъ позднѣйшее происхожденіе глагольскихъ письменъ.

По языку, кромѣ замѣчательнаго плана этимолотическаго словаря, сюда относится, главнымъ образомъ, его классическое изданіе „Грамматики старославянскаго языка“. Это сочиненіе Добровскаго составило эпоху въ исторіи изученія славянскаго языка: онъ воспользовался не только печатными сочиненіями, но и нѣкоторыми рукописными и представилъ обширную *анатомію* славянской рѣчи. Къ сожалѣнію, настоящіе источники древне-славянскаго языка были въ то время или мало доступны, или вовсе не открыты; потому Добровскій по неволѣ впалъ въ ошибки; самою важною и существенною изъ такихъ ошибокъ было отсутствіе *историческаго* воззрѣнія на предметъ: Добровскій думалъ, что старо-славянскій языкъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Впрочемъ, когда, среди печатанія своего труда, онъ получилъ и прочелъ извѣстное разсужденіе Востокова „О славянскомъ языкѣ“, онъ сразу увидѣлъ свою принципіальную ошибку и послѣдствія ея. Онъ хотѣлъ уничтожить всѣ напечатанные дотолѣ листы и снова начать переработку по указаніямъ Востокова. Только уступая убѣдительнымъ просьбамъ друга своего, Копитара, онъ рѣшился продолжать печатаніе. Но сколь бы ни были велики недостатки труда Добровскаго, онъ всегда останется образцемъ монументальной классической учености. Вліяніе его на ходъ ев-

Digitized by Google

ропейскаго языкознанія было огромное; онъ былъ источникомъ всѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній о славянскомъ языкѣ, какъ Боппа, такъ и Як. Гримма. Здѣсь кстати вспомнить, что по выходѣ въ свѣтъ „Institutiones“ Добровскаго, Як. Гриммъ посвятилъ ей обширную критическую статью, которая была потомъ перепечатана въ его мелкихъ сочиненіяхъ. На русскій языкъ „Institutiones“ были переведены Погодинымъ и Шевыревымъ и изданы подъ редакціею Востокова.

Множество мелкихъ статей, преимущественно критическихъ, по разнымъ отраслямъ славяновѣдѣнія напечатано Добровскимъ въ „Вѣнскихъ лѣтописяхъ литературы“ и др. изданіяхъ. Для русскаго всего интереснѣе тѣ, которыя касаются родной его старины. Таковы: 1) его разсужденіе (въ Шлецеровскомъ духѣ) о томъ, какъ должно возстановлять лѣтопись Нестора изъ различныхъ редакцій, помѣщенное въ предисловіи къ „древнерусской исторіи“ Іос. Миллера; 2) разборъ „Словаря духовныхъ писателей митр. Евгенія“; 3) разборъ сочиненія Калайдовича „Объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ“, при чемъ древность сочиненія Іоанна Экзарха подвергается сомнѣнію; 4) разборъ „Русской Правды“ Раковецкаго, гдѣ доказывается подложность извѣстнаго „Суда Любуши“; 5) разборъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина (обозрѣніе содержанія съ критическими примѣчаніями) и 6) разборъ „Словаря русскаго и славянскаго языка, изданнаго Россійскою академіею“, весьма, мѣтко означающій недостатки изданія; наконецъ 7) „Обзоръ литературы русскихъ грамматикъ“, предпосланный къ Пухмаеровой „Русской грамматикѣ“.

Не незамѣченными должны пройти статьи Добровскаго объ „Исторіи чешской литературы“ Юнгманна и объ „Исторіи чешскаго языка и литературы“ Шафарика.

Почешски Добровскій писалъ мало и то, можно сказать, подъ конецъ своей жизни, когда основался „Музейникъ“, въ которомъ онъ помѣстилъ нѣсколько статей касательно славянскихъ древностей. Къ чешскимъ трудамъ Добровскаго можно отнести изданное вмѣстѣ съ Пишели „Cesckých přislovi sbirka“ 1804 и „Rada zvířat“ 1815.

Нельзя не обратить вниманія на одну особенность изъ жизни Добровскаго,—это на его постоянную дружбу съ людьми высшаго, аристократическаго происхожденія. Графы Штернбер-

Digitized by Google

ги, Ностицы, Кинскіе [1]), Мартиницы [2])—были всѣ въ очень хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ, а С. Вольфгансбадъ около Худеница, помѣстье гр. Евгенія Чернина, сдѣлалось для него въ послѣдніе годы жизни постояннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ, куда онъ ѣздилъ для исправленія своего здоровья [3]). Здоровье-же его было сильно разстроено.

Еще въ дѣтствѣ (какъ было сказано выше) дурное обращеніе отчима имѣло вредное вліяніе на физическую сторону организма Добровскаго, на его нервную систему [4]). Впослѣдствіи, при болѣе или менѣе сильныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, это разстройство всегда давало себя знать и было даже, быть можетъ, отчасти причиною того упорства, съ которымъ онъ отстаивалъ иногда свои научныя мнѣнія и велъ полемику.

Неуступчивость его въ спорахъ о крещеніи во времена Боривоя [5]), противъ возможности существованія въ Чехіи славянской литургіи [6]), противъ подлинности рукописи Любушина суда и противъ глаголицы [7])—доходила до болѣзненности, до упрямства. Только по отношенію къ Краледворской рукописи онъ оказался нѣсколько уступчивѣе и согласился признать ея подлинность [8]).

Эта ненормальная черта въ характерѣ Добровскаго оказала, вѣроятно, свое вліяніе и на его постоянное убѣжденіе въ безнадежности Славянства.

Разъ принявъ такое мнѣніе, онъ уже свыкся съ нимъ и, хотя иногда по неволѣ и принималъ близко къ сердцу все болѣе и болѣе разгоравшееся въ то время въ Чехіи народное движеніе [9]), но не могъ отрѣшиться окончательно отъ своихъ завѣтныхъ теорій, своего собственнаго, прочно и аккуратно сложившагося взгляда на дѣло.

Если потомъ его журналъ „Славинъ“ и сдѣлался проводникомъ славянской взаимности [10]), то это произошло совершенно противъ его воли; сознательно онъ къ этому никогда не стремился.

---

1) Письма къ Ганкѣ, №№ 8, 26, 37, 39.
2) Палацкій, стр. 31, 36.
Глюкзелигъ, стр. 17, 18.
3) Письма къ Ганкѣ, № 32.
4) Глюкзелигъ, стр. 6.
5) Ганушъ, стр. 14.
6) Ганушъ, стр. 15, 32.
7) Ганушъ, стр. 37.
8) Ганушъ, стр. 10.
9) Ганушъ, стр. 10.
10) Ганушъ, стр. 12.

Digitized by Google

Что это дѣйствительно было такъ, можно привести вотъ какое доказательство:

Еще до поѣздки Добровскаго въ Швецію, Антонъ предложилъ ему издавать вмѣстѣ общій славянскій журналъ, гдѣ-бы могли помѣщаться статьи по всѣмъ отраслямъ славяновѣдѣнія. Если-бы Добровскій былъ человѣкъ вѣрующій въ будущность Славянъ и желалъ ихъ политическаго возрожденія, онъ, разумѣется, съ радостью-бы схватился за эту мысль. На дѣлѣ-же было совершенно иначе: Антонъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь объ этомъ журналѣ, развивалъ свою мысль, очевидно работалъ надъ ней и ни за что не хотѣлъ ее оставить; Добровскій-же, хотя и не отвергалъ ея, но отнесся къ ней очень вяло, какъ-то не охотно, холодно. Видимо, она не особенно заинтересовала его.

„Вотъ проектъ о *Славіи* (т. е. такомъ славянскомъ журналѣ) не выходитъ у меня изъ головы, и я ни за что не хочу его оставить“,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Антону,—„это разбудило-бы многихъ дремлющихъ“ [1]). А между тѣмъ, проектъ этотъ, которому, повидимому, ничто не мѣшало осуществиться, такъ и не былъ приведенъ въ исполненіе.

Дремлющіе, о которыхъ говоритъ здѣсь Добровскій, очевидно дремлющіе ученые, не занимающіеся наукой съ достаточнымъ рвеніемъ. Ихъ онъ, дѣйствительно, хотѣлъ-бы разбудить. Что-же касается до вопроса о возрожденіи славянства, то по отношенію къ нему онъ самъ былъ однимъ изъ такихъ дремлющихъ.

Если онъ не совсѣмъ безучастно отнесся къ проекту Антона, то это потому, что онъ любилъ науку вообще и не оставался равнодушнымъ ни къ чему, что ея касалось. Для примѣра стоитъ только привести то рвеніе, съ какимъ Добровскій принялся за изданіе Іорнанда для нѣмецкаго общества исторіи во Франкфуртѣ на Майнѣ [2]).

Будучи членомъ многихъ обществъ (Варшавскаго королевскаго общества наукъ, Берлинской королевской академіи, Ученаго общества при Краковскомъ университетѣ, Императорской россійской академіи, Вольнаго С.-Петербургскаго общества любителей русской словесности и многихъ другихъ) [3]),—Добров-

---

1) Переписка съ Антономъ:
Письмо Добр. № 10.
Письма Антона №№ 2, 7, 9.
2) Палацкій, стр. 35.
3) Палацкій, стр. 31.
Глюкзелигъ, заголов.

Digitized by Google

скій, не смотря на свою болѣзнь, постоянно поддерживалъ съ ними сношенія и переписку [1]).

Энергическій, бодрый духъ его боролся съ немощнымъ тѣломъ и не легко уступалъ усилившейся съ годами болѣзни, припадки которой временами были такъ сильны, что пражская полиція нашла нужнымъ въ 1801 году отдать ученаго мужа въ домъ умалешенныхъ. [2]). Потомъ ему стало лучше и онъ поправился, но въ 1828 году, когда онъ проѣздомъ находился въ Брнѣ, сильная простуда заставила его слечь въ постель.

Никакія лѣкарства не принесли пользы, и Іосифъ Добровскій умеръ, прожившъ только 5 дней новаго 1829 года.

Онъ скончался 6 Января въ 11 часовъ утра на 76 году жизни [3]).

Въ 9 часовъ 8 Января было совершено торжественное погребеніе тѣла на Старобрнскомъ кладбищѣ при церкви королевскаго монастыря [4]).

На памятникѣ, воздвигнутомъ на его могилѣ однимъ изъ аристократическихъ друзей его, графомъ Гуго-фонъ-Сольмъ Рейфершейдомъ, была выбита слѣдующая надпись сочиненная Мейнартомъ: на передней сторонѣ—Jos. Dobrovsky annorum LXXV ex itinere abit Brunae VIII id. Januarii anno Md. CCCXXIX; на задней—Hungaria me genuit Bohemia sibi literisque vindicavit Moravia regendis sacrorum alumnis quondam adhibuit nunc pia composuit Slavica qua patet terra non ignorat amici lugent e queis. Hugo comes de Salm hoc monum. p. [5]).

Біографы Добровскаго сходятся между собою, какъ въ описаніи его характера и наружности, такъ и въ томъ, что всѣ они отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ, восторженно и съ большими похвалами.

Вотъ портретъ его по Палацкому и Глюкзелигу: Высокій ростъ; правильныя, прямыя черты и блѣдный цвѣтъ лица; свѣтлые, умные, привѣтливые, спокойные глаза; непринужденныя,

---

1) Палацкій, стр. 31, 32.
2) Палацкій, стр. 28.
3) Палацкій, стр. 42.
Глюкзелигъ, стр. 15.
Вурцбахъ, стр. 336, 1.
Оповѣщеніе отъ корол. чешск. учен. общества.
4) Палацкій, стр. 42.
Глюкзелигъ, стр. 16.
5) Палацкій, стр. 44.
Глюкзелигъ, стр. 17.

Digitized by Google

изящныя манеры; бодрость и гибкость тѣлодвиженій до самой старости [1]).

Что касается до его нравственной физіономіи, то главными, отличительными ея чертами были: высокій, свѣтлый умъ и любовь къ труду.

Насколько онъ любилъ науку, лучше всего видно изъ его переписки [2]).

О чемъ-бы онъ ни заговорилъ въ ней, какіе-бы посторонніе вопросы и дѣла ни занимали его, онъ поминутно возвращается къ своей любимой темѣ: къ наукѣ и ея разработкѣ. Различіе и сходство разныхъ славянскихъ нарѣчій, древнія названія Славянъ у Плинія и Прокопія, ордаліи и другіе обряды и обычаи славянскіе, происхожденіе Славянъ, время ихъ переселенія въ Европу, время крещенія различныхъ племенъ славянскихъ, славянскія географическія названія въ древнихъ памятникахъ, новыя книги по Славяновѣдѣнію, этимологія и синтаксисъ всевозможныхъ славянскихъ нарѣчій и особенно Чешскаго,—все это постоянно занимаетъ его, и обо всемъ этомъ онъ говоритъ съ знаніемъ дѣла и съ геніальностью не обыкновеннаго труженика, а выдающагося ученаго [3]).

Почти по каждому изъ интересовавшихъ его вопросовъ онъ написалъ по крайней мѣрѣ одно сочиненіе, и съ этой стороны его дѣятельность особенно замѣчательна. Не было года, чтобы не вышло въ свѣтъ чего-нибудь за его подписью, въ нѣкоторые же года можно насчитать и по нѣсколько ученыхъ трудовъ его.

Кромѣ того онъ, какъ уже было говорено выше, издавалъ періодическія ученыя изданія и велъ большую корреспонденцію.

Въ одномъ письмѣ къ Антону онъ называетъ трехъ лицъ, съ которыми постоянно находится въ перепискѣ: „Исторія славянскаго языка говоритъ онъ, — быть можетъ, никого больше не будетъ интересовать, какъ только меня и моихъ корреспондентовъ: Фортуната Дуриха, Злобицкаго и Рибая“ [4]).

Въ приведенномъ отрывкѣ опять виденъ тотъ безотрадный взглядъ, которымъ Добровскій постоянно смотрѣлъ на свои труды, на свой родной языкъ и народъ.

Не вѣря въ возрожденіе Славянства, онъ думалъ и былъ даже, быть можетъ, вполнѣ увѣренъ, что его труды не принесутъ никакихъ практическихъ результатовъ, что онъ и его кор-

---

1) Палацкій, стр. 52.
Глюкзелигъ, стр. 18.
2) Глюкзелигъ, стр. 19.
3) Письма къ Антону и къ Ганкѣ.
4) Письма къ Антону, № 1.

Digitized by Google

респонденты, заинтересованные той же наукой, чуть-ли не первые и послѣдніе могиканы ея. Замѣчательно, что, будучи столь прилеженъ въ писаніи ученыхъ трудовъ, онъ очень неохотно и только лишь по принужденію друзей издавалъ ихъ [1]). Очевидно, онъ не видѣлъ въ этомъ пользы и считалъ свои занятія прихотью ни для чего и ни для кого, кромѣ его самого, ненужною. Онъ работалъ, работалъ энергично, но не ради идеи, а просто оттого, что сжился съ ученымъ трудомъ, привыкъ къ нему, полюбилъ его.

Натура его была энергичная, и на всякомъ поприщѣ, какое-бы оно ни было, онъ оставался вѣренъ этой натурѣ.

Такъ, будучи секретаремъ чешскаго ученаго Общества, онъ написалъ для него біографіи слѣдующихъ его членовъ: Добнера, Штейнбаха, Іосифа Вратислава, Игнація Борна, Ираска, Скаловскаго, Гейренбаха, Дуриха, Пельцеля, гр. Кинскаго [2]).

Историкъ и филологъ по образованію и занятіямъ, онъ, когда ему былъ прописанъ докторами воздухъ и моціонъ, принялся за ботанику и удивилъ спеціалистовъ правильностью и систематичностью своихъ выводовъ въ сочиненіи по этому предмету подъ названіемъ: „Entwurf eines Pflanzensystems nach Zahlen und Verhältnissen [3]).

Біографы приписываютъ Добровскому мягкость характера и доброту сердца. Онъ помогалъ бѣднымъ, покровительствовалъ учащейся молодежи, а также многимъ изъ пріѣзжихъ и иностранцевъ; поддерживалъ, какъ могъ, своихъ родныхъ [4]), и т. д.

Въ зрѣломъ своемъ возрастѣ онъ былъ въ высшей степени сдержанъ и деликатенъ въ полемикѣ.

Легисъ-Глюкзелигъ указываетъ на тотъ фактъ, что, когда заболѣлъ литературный врагъ Добровскаго, Карлъ Тамъ, и, лишенный всякихъ средствъ, лежалъ въ госпиталѣ,—онъ посѣщалъ его, снабжалъ деньгами и, когда онъ умеръ, купилъ гробъ и похоронилъ на свой счетъ [5]). Память у него была прекрасная, что, разумѣется, много ему помогало при занятіяхъ; такъ наприм., не смотря на массу всевозможныхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался въ своей жизни, онъ не оставилъ послѣ себя почти никакихъ замѣтокъ и очевидно сохранялъ все обиліе своихъ свѣдѣній на память [6]).

---

1) Глюкзелигъ, стр. 9.
2) Ганушъ, стр. 24.
3) Ганушъ, стр. 9.
Палацкій, стр. 64.
4) Глюкзелигъ, стр. 19—20.
5) Глюкзелигъ, стр. 19.
6) Палацкій, стр. 55.

Digitized by Google

Образъ жизни Добровскаго былъ самый простой, незатѣйливый, спартанскій. Изъ квартиры его была изгнана всякая роскошь, прислуга состояла изъ одной бѣдной старухи-служанки. Вставалъ онъ рано, въ 7—8 ч. утра, надѣвалъ халатъ и, не снимая ночной ермолки, принимался за занятія; около 9 часовъ онъ съѣдалъ тарелку простого супа и затѣмъ до 1—2 ч. снова занимался. Послѣ этого, одѣвшись и вымывшись съ большимъ тщаніемъ, онъ отправлялся обѣдать къ кому-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ друзей-аристократовъ. Вечеромъ около 10 часовъ возвращался домой, ужиналъ и ложился спать [1]).

Такъ проходилъ каждый его день, такъ прожилъ онъ лучшіе свои годы; лучшіе въ смыслѣ той пользы, какую онъ принесъ наукѣ и человѣчеству.

Послѣднее время жизни болѣзнь часто заставляла его быть не въ духѣ и мѣшала работать.

Во всякомъ случаѣ, сознательно или безсознательно работалъ Добровскій надъ славянствомъ, вѣрилъ или не вѣрилъ онъ въ его силы и будущность, былъ онъ Славяниномъ-патріотомъ, или нѣтъ,—но неоспоримо одно: его труды, его дѣятельность пробудили въ чешскомъ обществѣ любовь къ своему родному языку и родной исторіи, и способствовали къ открытію такихъ древне-славянскихъ литературныхъ сокровищъ, которыя послужили краеугольными камнями всеобщаго славянскаго литературно-политическаго воскресенія.

В. Н. К.

---

1) Глюкзелигъ, стр. 19.

Digitized by Google

Списокъ всѣхъ сочиненій Добровскаго въ алфавитномъ порядкѣ.

Abhandlung über den Ursprung des Namens Czech, 1782.
Antwort auf die Rewision der Böhmischen Literatur, 1780.
Ausfürliches Lehrgebäude der böhmisch. Sprache, 1809.
Beitrag zur Geschichte des Kelches in Böhmen, 1817.
Bemerkung über die slawische Bibelübersetzung (при нов. восточн. библіотекѣ Михаэлиса).
Біографіи членовъ чешскаго ученаго общества, 1795, 1804, 1817.
Böhmische Literatur auf das J. 1779, 1779.
Böhmische Prosodie, 1795 (въ Пельцелевой чешской грамматикѣ).
Böhmische und Mährische Literatur auf das J. 1780, 1780—1786.
Českych přislovj zbjrka, 1804.
Corrigenda in Bohemia docta, Balbini juxta editionem Raph. Ungar, 1779.
De antiquis Hebraeorum characteribus, 1783.
De sacerdotum in Bohemia coelibatu narratio historica, cui constitutiones concilii Moguntini Fritzlariæ 1244 celebrati adnexae sunt, 1787.
Deutsch-böhmisches Wörterbuch 1802 (2-ю часть составлялъ Антонъ Пухмаеръ).
Die Bildsamkeit der slawischen Sprache, an der Bildung der Substant. und Adjectiwe in der Böhmischen Sprache dargestellt, 1799.
Entwurf eines Pflanzensystems nach Zahlen und Verhältnissen, 1802.
Entwurf der böhmischen Deklinationen, 1803.
Entwurf zu einem allgemeinen Etimologikon der slawischen Sprachen, 1813.

Digitized by Google

Fragmentum pragense Ewangelii S. Marci, vulgo autographi ed., 1778.

Geschichte der böhmischen Krönung Kaiser Ferdinand I. 1824.

Geschichte der böhmischen Pikarden und Adamiten, 1789.

Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur, 1792.

Glagolitica Ueber die glagolitische Literatur, das Alter der Bukwitza, ihr Muster, nach welchem sie gebildet worden, 1807.

Historia de expeditione Friderici edita a quodam clerico, qui eidem interfuit, nomine Ausberto, cum notis adjectis a J. D., 1826.

Historisch-kritische Untersuchung, woher die Slawen ihren Namen enthalten haben, 1784.

Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, quae cum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus latini slavos in libris sacris obtines, 1822.

Iornand и его рукописи (это сочиненіе осталось неоконченнымъ).

Kyrill und *Method*, der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch, 1823.

Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen, 1821, 1822.

Literarisches Magazin für Böhmen und Mähren für die J. 1781—1783, 1786—1787.

Literarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der K. Böhmischen Gesellschaft im J. 1792 unternommenen Reise nach Schweden. Nebst einer vergl. der Russischen und Böhmischen Sprache, 1796.

Mährische Legende von Kyrill und Method, 1826.

Nachricht von einem in Böhmen entdeckten heidnischen Grabhügel, 1803.

Neues Hilfmittel die Russische Sprache leuchter zu verstehen, 1799.

О варьянтахъ славянскихъ рукописей (въ изданіи Рибая „Новые тестаменты Греціи“).

Pragische Fragmente hebraeischer Handschriften. Предисловіе и разсужденіе объ образованіи славянскихъ и въ особенности чешскаго языка—при словарѣ Томсы.

Prüfung der Gedanken über die Feldwissenschaft der Geistlichen, 1781.

Digitized by Google

Scriptores rerum bohemicarum e bibliotheca eccles. Metropolit. Pragensis, 1783 и 1784.

Slawin, 1808.

Slowanka, 1815.

Slowo Slavenicum in specie czechicum, 1799.

Über das Alter der böhmischen Bibelübersetzung, 1782.

Über das I Datum der Slawischen Geschichte und Geographie, 1790.

Über den ersten Text der böhmischen Bibelübersetzung nach der ältesten Handschrift derselben, besonders nach der Dresdener, 1798.

Über die ältesten Sitze der Slawen in Europa und ihre Verbreitung seit dem 6 Jahrhundert, insbesondere über das Stammvolk der Mähren und ihre Geschichte bis zur Einsetzung des Gerz. Rostislaw, 1788.

Über die Begräbnissart der alten Slawen überhaupt und der Böhmen insbesondere, 1786.

Über die ehemaligen Abbildungen böhm. Regenten und ihren inschriften in der prag. Königl. Burg. vor dem Brande, 1825.

Über die Einführung und Verbreitung der Buchdruckerkunst in Böhmen, 1782.

Über die Ergebenheit und Anhänglichkeit der slawischen Völker an das Erzhaus Osterreich, 1791.

Über eine Stelle im 19 Briefe des Heil. Bonifaz, die Slawen und ihre Sitten betreffend, 1787.

Vollständiges Lehrgebäude der böhmischen Sprache, 1809.

Variantes lectiones (къ изданію де Росси: собранія варіантовъ).

Wie man die alte Urkunden in Rücksicht auf verschiedene Zweige der vaterländischen Geschichte benützen soll, 1785.

Wie soll Nestors alte Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes rein hergestellt werden, 1812.

Vita Iohannis de Ienczenstein, Archiepiscopi Pragensis tertis apostolicae sedis legatis secundi, postea Patriarchi Alexandrini olim Episcopi Misnensis. Ex Manuscripto Rokyczanensi codicis nunc primum edita, notisque illustrata, 1793.

B. H. K.

Digitized by Google

Вячеславъ Ганка.

Къ исторіи культуры и народной литературы Чехіи и Славянъ вообще. Д-ра Легисъ-Глюкзелига.

Изъ альманаха Libussa, 1852, изд. П. А. Клара. Съ нѣмецкаго.

Въ правленіе императора Леопольда II и при томъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ его коронаціи чешскою короною, и во время, когда Чины Чехіи напомнили объ учрежденіи каѳедры Чешскаго языка и литературы въ Прагѣ, 10 іюня 1791 года родился въ Горжиневсѣ*) одинъ изъ тогдашнихъ руководителей чешской словесности и славянской науки и національности-*Вячеславъ* (*Вацлавъ*) *Ганка*. Его рожденіе совпало какъ-разъ съ шумными днями, когда весь персоналъ окружныхъ чиновниковъ снова переселился въ ближайшій окружной городъ (персоналъ этотъ втеченіе многихъ лѣтъ перестройки Кралеваградца въ крѣпость ревидировалъ въ Горжиневскомъ замкѣ).

Отецъ Ганки былъ довольно зажиточный сельскій хозяинъ и арендаторъ, воспитывавшій мальчика просто для поля и дома; поэтому его юношескіе годы (какъ и Копитара) полны счастливыхъ „Давидовскихъ" воспоминаній, съ которыми связанъ въ немъ вступающій въ старчество, простой, сильный отъ природы ученый и здравомыслящій авторъ. (Ср. Bowring: Cheskian Anthology. London. 1832).

„Когда я,"—писалъ однажды самъ Ганка,—„обращаюсь назадъ къ своимъ дѣтскимъ годамъ, меня проникаетъ живительное ощущеніе радости, и я сожалѣю о сынахъ городовъ, которые даже не знаютъ, что такое свободная, беззаботная жизнь на солнцѣ, что за радости у здороваго дитяти. Конечно,

*) Значительное исторически-извѣстное мѣстечко въ Ичинскомъ (прежде Кралеградецкомъ) округѣ Чехіи.

Digitized by Google

не бываетъ въ Чехіи столько жаркихъ дней, какъ напр. въ Италіи; но тѣмъ меньше ощущаетъ окрѣпшее чешское дитя природы суровость воздуха. Такъ наибольшія услуги въ свѣжую и дождливую погоду оказалъ мнѣ старый неприхотливый гусарскій плащъ отъ семилѣтней войны---наслѣдство нашего тогдашняго овечьяго пастуха. Онъ бывалъ въ холодъ сложенъ вдвое и переброшенный на шестъ представлялъ въ лѣтнюю пору—въ дождь—естественную палатку. Особенно привлекательны были для насъ, дѣтей, общія пажити, покрытыя нѣжной травой на холмистыхъ выгонахъ, служившія намъ уже при ранней росѣ горами для катанія, и откуда стада оч. часто сбѣгали на посѣвы, и на насъ навлекали порядочные побои, которые, конечно, скоро забывались. Вообще я не знаю, кому приписать, что мои родители не отдали меня въ такъ наз. торговую часть*), какъ моихъ обоихъ братьевъ и даже сестру, а въ горы, и я предполагаю, что это только потому случилось, что я былъ самый меньшой и потому, что не хотѣли поручать любимаго стада въ чужія руки, никого тогда не было, чтобы одѣть на себя *гусарскій плащъ*."

Подъ вліяніемъ природы и заботливости любве-обильной, набожной, къ чешскому языку и народной литературѣ (собственно пѣснямъ) вообще расположенной матери, провелъ *Ганка* свои дѣтскіе годы; при этомъ въ его воспитаніи былъ пробѣлъ въ элементарныхъ познаніяхъ, и онъ до пятнадцатилѣтняго возраста посѣщалъ только зимою свою деревенскую школу. Межъ тѣмъ обстоятельство, что втеченіе тогдашнихъ французскихъ войнъ учащаяся молодежь была свободна отъ воинской повинности, склонило его отца устроить ему правильное посѣщеніе сосѣдней духовной школы, склонность къ которой у молодого Ганки онъ умѣлъ угадать, имѣя цѣлью, чтобы мальчикъ, какъ развитой по лѣтамъ и физически, могъ приготовиться къ гимназическому курсу. По заключеніи мира долженъ былъ quasi—ученикъ возвратиться къ своему прежнему образу жизни. Но война, едва окончившись, возгорѣлась опять съ новою силой (1805).

Какъ слабо и снисходительно производились тогда пріемные экзамены, что Ганка, совсѣмъ не понимая бѣглой нѣмецкой рѣчи, долженъ былъ—это было въ 1807 г.—поступить въ Кралеградецкую гимназію и экзаминоваться, что тогда легко устраивалось, изъ четырехъ низшихъ классовъ. Учителя, узнавъ о тайныхъ

---

*) Т. е. въ обмѣнъ на чужихъ нѣмецкихъ мальчиковъ, чтобы выучиться въ чужомъ краю нѣмецкому языку—обычай, который долго и повсемѣстно господствовалъ въ Чехіи.

Digitized by Google

намѣреніяхъ отца, относились къ Ганкѣ исключительно какъ къ „волонтеру“ и допустили при томъ, что онъ могъ держать испытаніе на чешскомъ яз., хотя языкъ преподаванія былъ нѣмецкій. Столь либеральное обращеніе ради невинной, почти благородной цѣли, не должно было остаться безъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Усердіе Ганки повлекло другихъ товарищей къ родному языку, когда онъ склонилъ перваго ученика въ высшемъ классѣ, *Франца Клицперу**), что и тотъ рискнулъ положить на каѳедру задачу на чешскомъ языкѣ. Благодаря случайному расквартированію сербскаго пѣхотнаго полка (Петерварденскаго № 9) въ Горжиневсѣ, Ганка имѣлъ уже начальныя понятія объ этомъ славянскомъ нарѣчіи, равно какъ ему, благодаря подобному совпаденію обстоятельствъ, также не вполнѣ чужды были хорватское и галицкорусское.

Жажда къ знанію сдѣлалась у Ганки неискоренимою. Его не прочили ни въ *солдаты*, ни въ *сельскіе хозяева*; больше помышляли для него о *духовномъ званіи*. Чтобы пройти философскій курсъ, Ганка осенью 1810 г. долженъ былъ отправиться въ столицу.

Прага, центръ Чехіи, являлась ему и другимъ единомышленнымъ юношамъ, желанною пристанью для чеш. культуры и языка, хотя они своимъ ожиданіямъ слишкомъ мало находили оправданія. Ибо то, что сдѣлали для Чешскаго нарѣчія *Фаустинъ Прохазка, Пельцель, Пухмайеръ, Гнѣвковскій, Крамеріусъ, Тамъ, Томса, Неѣдлый*, въ особенности же *Добровскій*, своею безсмертною чешскою грамматикою, впервые появившеюся въ 1809 г.,—все это была филологія и не давала пищи на пользу ни простому народу, ни интеллигентнымъ классамъ. Въ 1768 г. учреждена каѳедра чешскаго пастырскаго богословія, а четырьмя годами раньше назначены чешскіе учителя въ военныя школы; въ 1785 г. чешскій языкъ появился на сценѣ театра, въ 1786 г. вновь переведена Библія, съ 1774 г. появились многія сочиненія въ защиту Чешскаго яз., рядомъ съ учебниками на немъ. Это обезпечивало языкъ отъ смерти, но *новаго зерна жизни* ему не доставало: его онъ долженъ былъ впервые получить отъ *науки*. И т. об. *Добровскій***) пишетъ въ 1792 г. „Не смотря

---

*) Умеръ д—ромъ мед. и проф. акушерства въ Линцѣ въ 1820 года. Его не надо смѣшивать съ чешскимъ писателемъ, его братомъ *Вячеславомъ Клицперой*.

*) Geschichte der böhm. Sprache u. Literatur. Прага 1792 стр. 216. Что *Добровскій* считалъ чешскій яз. до послѣднихъ лѣтъ своей жизни *„мертвымъ языкомъ“*—говоритъ графъ Leo Thun. Ср. его первую брошюру 1842, стр. 3.

Digitized by Google

на всѣ ободренія, усилія, мѣры и участіе нѣкоторыхъ патріотически настроенныхъ Чеховъ, Чешскій языкъ раньше или позже исчезнетъ, достигнувъ значительно высшей степени совершенства, сравнительно съ той, что была въ его золотой вѣкъ, при *Максимиліанѣ* и *Рудольфѣ II*, — предоставимъ рѣшить будущности, такъ какъ это зависитъ отъ столь многихъ причинъ, которыя не находятся въ нашей власти."

Проложить путь этой будущности, по крайней мѣрѣ, не дать родному языку понизиться сравнительно съ кульминаціоннымъ пунктомъ его золотого вѣка, любить его даже въ упадкѣ съ теплою радостью, беречь его и лелѣять какъ языкъ веселья и сердца—подобное призваніе *Ганка* рано открылъ въ себѣ и слѣдовалъ ему.

„Мы—Чехи, вытерпимъ до конца!"—сказалъ *Ганка* у воротъ Праги Кралеградецкимъ спутникамъ. „Нашъ университетъ считаетъ студентовъ тысячами, тѣ, кто поумнѣе, присоединятся къ намъ. Моею заботою будетъ—возбудить въ нихъ патріотизмъ.*) И уже теперь, втеченіе трехлѣтняго философскаго курса (1810, 1811 и 1812), *Ганка* былъ душею юношескаго кружка: для него, рядомъ съ сознаніемъ необходимости собственнаго самообразованія, осталось главною заботою развитіе Чешскаго языка: на литературу еще никто не имѣлъ претензій. Практическое изученіе чешскаго языка было до сихъ поръ во всякомъ случаѣ высшимъ духовнымъ имуществомъ *Ганки* и первымъ предметомъ его самосознанія. Онъ меньше всего думалъ о равнымъ образомъ настроенныхъ юношахъ къ *нѣмецкимъ* авторамъ. Внутреннее влеченіе привязывало его неразрывно ко всему, что звучало *почешски* или происходило отъ *Славянъ*, и хотя онъ былъ свободенъ отъ всѣхъ тогдашнихъ предразсудковъ, онъ сберегъ въ своемъ пылкомъ сердцѣ только одну идею: посвятить всѣ свои силы возвышенію родного языка.

Подобнымъ стремленіямъ условія того времени не были неблагопріятны. Вдвойнѣ благодѣтельно дѣйствовали звуки родного языка на души. И Ганковы *Чешскія чтенія***), какъ

---

*) Jsme Čechové strvejme! Spolužáků v vysokých škol jest na tisíce, rozumnějších se k nám připojí, mně povinnost jest, je k vlastenství povzbuzovati. Michl, literaturní letopis 1838, стр. 275.

**) Держались при этихъ упражненіяхъ, б. ч., Собранія сочиненій Пухмайера въ 4-хъ ч. (1795—1802), пробовали впрочемъ, на основаніи научныхъ воззрѣній на строеніе языка и изученія чешскихъ классиковъ, также сочинять и читать и собственное.

Digitized by Google

только онъ ихъ устроилъ въ университетѣ, интересовали и привлекали къ посѣщенію многихъ чешскихъ патріотовъ, даже губернатора *графа Валлиса* и *графа Коловрата*; также начали многіе юноши изъ аристократіи учиться почешски и брали уроки чешской грамматики у Ганки, что сдѣлало его имя скоро популярнымъ. Поэтому всякое стремленіе къ *духовному* званію утратилось, и Ганка рѣшилъ выбрать спеціальность, отъ которой онъ могъ надѣяться на мѣсто ратмана или бургомистра въ своемъ родномъ Кралевѣ-Градцѣ.

Уже давно Ганка изучилъ славянскія чтенія Добровскаго, въ особенности усердно его „Lehrgebäude der böhmischen Sprache". Сдѣлать личное знакомство съ Несторомъ чешскихъ ученыхъ было теперь пламеннымъ желаніемъ Ганки. Съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ приготовлялся онъ къ этому. Ганка былъ тогда (1813) студентомъ юридическаго факультета перваго курса. Онъ былъ наконецъ введенъ своимъ вышеупомянутымъ другомъ Клицперой, къ преподобному аббату, который тогда квартировалъ въ Малостранскомъ, т. наз. Ледебурскомъ зданіи*) и былъ занятъ обработкой „*Слованки*". Ганка оказался достойнымъ довѣрія, которое 60-лѣтній Добровскій выказалъ ему при первомъ свиданіи; онъ же открылъ въ молодомъ человѣкѣ совершенно своеобразныя способности.

Чутье къ славянской діалектологіи было у Ганки уже въ то время развито въ совершенствѣ. Первый поводъ къ этому дали не только словацкіе проволочники (dráteníci) и краинскіе продавцы лимоновъ, которые въ его родительскомъ домѣ останавливались на ночлегъ, но обращеніе (какъ упомянуто) съ квартировавшими на его родинѣ подолгу сербскими граничарами и галицкими уланами. Ганка съумѣлъ отъ каждаго чему-нибудь выучиться; онъ покупалъ неоднократно книжки, принесенныя изъ чужихъ славянскихъ земель и продолжалъ упражнять свой талантъ къ языкознанію различнымъ образомъ, посредствомъ самообученія. И это послужило ему теперь у Добровскаго не пустою рекомендаціею, когда онъ экспромтомъ былъ въ состояніи разъяснить ему смыслъ нѣкоторыхъ сербскихъ поговорокъ, къ чему даже у великаго знатока не хватало пособій. Добровскій проявилъ къ богатому свѣдѣніями и скромному молодому земляку**)

*) Теперь имп. кор. ген. военный штабъ.

**) Іосифъ Добровскій (Daubravský) хотя явился на свѣтъ въ военномъ лагерѣ въ Gyarmath'ѣ на Раабѣ въ Венгріи 17 авг. 1753 г., но происходилъ по отцу изъ города Сольница, прежняго Кралеградецкаго округа. По праву поэтому говоритъ Ганка въ одномъ изъ произведеній „ученымъ Кралеградчанамъ" (Písně, 5 изд. 152 стр.):

Aj i Dobrovský nas vykvět z toho davu,
Dobrovsky ta hlava vs'ech učenýchSlavů.

Digitized by Google

самое живое участіе и принялъ его спустя нѣсколько лѣтъ формально въ ученіе и въ свою партію, чтобы его вполнѣ посвятить въ свою собственную ученую сферу—славяновѣдѣніе.

Несмотря на это, Ганка дѣлалъ попытку продолжать свои юридическія занятія въ Вѣнѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ немало позволялъ надѣяться на себя литературный кружокъ. Дѣйствительно онъ отправился въ Вѣну осенью 1813 года, когда французское оружіе было оттѣснено отъ границъ Чехіи, и слушалъ въ столицѣ Австріи цѣлый годъ драгоцѣнныя лекціи проф. *Долинера**) по римскому и каноническому праву. Сердечный привѣтъ тогда уже прославленнаго Юнгманна укрѣпилъ его старый обѣтъ только еще сильнѣе. „Можете (писалъ ему онъ) только такъ, какъ до сихъ поръ, мирно и тихо, гдѣ и какъ только можно, работать надъ тѣмъ, чтобы наша *народность* не погибла; и въ благодарности и благословеніяхъ потомства для васъ недостатка не будетъ". Теперь поклялся Ганка, не только за родной языкъ стоять своимъ талантомъ и кровью своего сердца, но—что важнѣе,—за *народность Чехов*, онъ постигъ *политическій* смыслъ словъ Юнгманна; то, что называютъ теперь „чехизмомъ", было у него явно и смѣло, уже далеко не робкія мечты возникали въ его патріотически-творческой душѣ. Эти чувства Ганка выразилъ въ своемъ первомъ, самомъ непосредственномъ, его лучше всего характеризующемъ произведеніи,**) откуда видно, какъ мать его, новорожденнаго, родила въ рощѣ изъ центифолій и при этомъ воскликнула:

„Кабы знала я,
Мое дитятко,
Что ты выростешь
Чехомъ доблестнымъ:
Обвила́ бъ тебя,
Обернула́ бъ я
Въ розы алыя,
Благовонныя!

Кабы знала я,
Мое дитятко,
Что ты выростешь
Злымъ измѣнникомъ:
Обвила́ бъ тебя
Я рогожею—
И въ колючіе
Терны бросила!"

(Hankovy Písně. 5 изд. стр. 76. Пер. Н. Берга).

Въ Вѣнѣ занялъ вновь учрежденную каѳедру чешской литературы *Янъ Громадко****) и сталъ въ то же время во главѣ только что начавшейся *вѣнской газеты на чешскомъ языкѣ*

---

*) Первоначально *Долинаръ* (покраински): *Долинеръ* былъ Славянинъ и земякъ Копитара.

**) Это стихотвореніе „Na sebe" (Къ себѣ самому).

***) Объ этой каѳедрѣ сравн. Wiener Allgem. Literaturzeitung. 1813. стр. 16. 303; 1814. стр. 390.

Digitized by Google

(Videnské listy neb prvotiny pěkných umění), которая выходила въ теченіе пяти лѣтъ. Обративъ вниманіе, при посредствѣ своего пріятеля, *Норберта Ванека*, на характерныя особенности Громадки († 30 апр. 1850), Ганка предоставилъ себя утилизировать больше другихъ при чешской редакціи, что ему не казалось труднымъ въ интересахъ роднаго языка,—его авторство здѣсь, по крайней мѣрѣ, проложило себѣ первую дорогу.

Межъ тѣмъ какъ вѣнская чешская газета добилась порядочной репутаціи *), Ганка съ отрадой на сердцѣ въ 1814 г. вернулся назадъ въ Прагу оканчивать изученіе права. Въ тоже время *Пухмайеръ* издалъ пятую и послѣднюю часть своего собранія чешскихъ сочиненій: Sebrání básní a zpěvů 1814 года, присоединивъ одно, любимое на „чтеніяхъ", народное произведеніе Ганки (selská svadba). Поэтическая дѣятельность Ганки усилилась, и онъ продолжалъ устнымъ и письменнымъ словомъ содѣйствовать вездѣ, гдѣ держались чести, процвѣтанія, святости роднаго языка. Каждая минута, которая оставалась свободною при изученіи права, употреблялась на чешскія бесѣды, упражненія въ стилѣ, сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Ганка былъ особенно счастливъ въ лирическомъ родѣ, не менѣе—какъ переводчикъ и сочинитель на случай. Его университетскіе друзья смотрѣли на него, какъ на идеалъ, не имѣя возможности точно опредѣлить этотъ идеалъ самимъ себѣ, и образовали вокругъ него родъ школы.

Много разъ и большею частью анонимно выступалъ Ганка, какъ самостоятельный писатель, естественно съ мелочами уже потому, что болѣе значительное издавать не имѣлось еще тогда въ виду думавшими о наживѣ книгопродавцами и типографами. Недавно Добровскій вновь издалъ свое (популярное) „Hilfsmittel, die russische Sprache zu verstehen", по поводу возвращенія русскихъ войскъ; Ганка издалъ при этомъ: Vypsání Rusie a jejího vojska, 1815 ($1\frac{1}{2}$ листа въ 8-ю), и это было, быть можетъ, полнымъ фатальности фактомъ для издателя, что онъ началъ съ русской территоріи. Между тѣмъ выступилъ Ганка, тогда еще поэтъ наскоро, съ лирическимъ оригинальнымъ произведеніемъ: Dvanáctero písní, въ продолговатомъ форматѣ съ нотами, (къ которому чужая рука должна была приложить заглавный листъ)! Тетрадь появилась въ 1815 г. безъ имени; только въ концѣ стояло: „эти пѣсни соч. Вяч. Ганка

*) Именно мастерская статья Копитара „über die slawischen Mundarten" (Wien. Allg. Lit. Z. 1813, Nr. 34—35), появившись въ переводѣ *Іосифа Юнмана* въ Videnské listy, произвела общую сенсацію между Славянами.

Digitized by Google

(до н-ра 7), на музыку положилъ Томашекъ". Замѣчательно также, что сочиненіе „Lidka" было издано только „по желанію", межъ тѣмъ какъ это первая пѣсня автора, чуть ли не дѣтское стихотвореніе. Объ изданіи позаботились „слушатели чешскаго языка" (юные друзья Ганки), которые еще будутъ упомянуты здѣсь неоднократно. Въ 1816 г. появилась вторая тетрадь пѣсенъ въ подобной же формѣ; при чемъ присоединены были н-ръ 2 (Jarmila) *Шафарика*, два другіе номера—другихъ лицъ. Эти пѣсни, какъ ни бѣдно онѣ были изданы, сдѣлались удивительно популярны и распѣваются и теперь еще въ Чехіи, рядомъ съ другими пѣснями Ганки.

Ганка велъ, хотя никакъ не по недостатку средствъ, самую труженическую жизнь студента. Онъ принялъ на себя добровольно чешскія лекціи и уже теперь (1816) оффиціальныя обязанности переводчика in Slavicis. При этомъ равномѣрно имѣлъ онъ въ виду свои экзамены на судейскую должность и свои занятія по славяновѣдѣнію. Лекціи Добровскаго велись правильно особенно съ заключенія мира;—онъ имѣлъ старшихъ учениковъ, какъ *Пухмайера*, и младшихъ, къ которымъ принадлежали, кромѣ Ганки, *Янъ Іодлъ*, *Николай Графъ*, *Францъ Клингера* и отъ восьми до десяти другихъ. Добровскій преподавалъ молодымъ людямъ русскій и церковно-славянскій языки и сравнительную славянскую грамматику. Поглагольски Ганка выучился позже съ галицкорусскимъ каноникомъ *Бобровскимъ*, подъ руководствомъ равн. обр. Добровскаго. Безъ предшественниковъ Добровскій, подобно Гримму, какъ извѣстно, вступилъ на историческій путь языкоизслѣдованія—ибо языкъ (по Шмеллеру) есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія—и так. образ. легко заключить о духѣ и содержаніи тѣхъ лекцій Добровскаго, которыя Ганка дольше и чаще, чѣмъ всѣ другіе, слушалъ и повторялъ, такъ-какъ считалъ ихъ безцѣннымъ счастьемъ.

Въ 1816 г. Ганка открылъ такъ наз. české učení, которое позже дало поводъ къ печатанію составленной имъ *орѳографіи* *).

Это—знаменательное слово, которое, какъ-то демонически проходитъ по всей ученой жизни Ганки—pravopis český. Какъ извѣстно, о немъ въ 1809 г. заговорилъ Добровскій, о такъ

*) Pravopis český podle základu grammatiky Dobrovského, od jeho žáka W. Hanky. Прага. 1817 (съ посвященіемъ четыремъ молодымъ князьямъ Лобковицъ), 96 стр. in 12o. Предисловіе отъ 1 янв. 1817; представлена также литература ученія чешскаго языка и письма отъ 1531—1816; правила для памяти риѳмованы.

Digitized by Google

наз. „аналогическомъ правописаніи“. Улучшеніе, которое Ганка хотѣлъ провести въ жизнь, преслѣдовалось со многихъ сторонъ, какъ новшество, порча языка, варварство и пр. Pravopis Ганки, вѣрный системѣ Добровскаго, былъ вытѣсненъ всевозможными средствами изъ всѣхъ народныхъ школъ (и то же предписывалъ относительно чешскаго языка въ гимназіяхъ декретъ отъ 23 авг. 1816), а заграницей обозванъ дрянною книженкой приверженцами старины, подобными *Палковичу**) въ Венгріи. Издатель терпѣлъ и защищался, печаталъ же все новыя изданія своего Pravopis'а и ждалъ для него болѣе благопріятнаго времени. Нельзя считать Pravopis чисто элементарнымъ, ибо онъ занимается труднопонятными грамматическими вопросами, даже особенностями, (напр. формою имен. пад. вслѣдъ за вин.). Но книжечка дѣйствовала образовательно, какъ въ смыслѣ *языка*, такъ и *духа*, и, несмотря ни на что, проникла всюду въ качествѣ учебной книги; подобно самому Ганкѣ, преодолѣвъ безчисленные орѳографическіе поединки, его правописаніе, предложенное еще въ 1816 г. и позже еще усовершенствованное, является торжествующимъ не только во всей Чехіи, но—еще болѣе оно, въ качествѣ *всеславянскаго алфавита***), оказывается наиболѣе цѣлесообразнымъ—въ области всѣхъ славянскихъ племенъ. Впрочемъ было и остается понынѣ опасно, улучшать чешскую орѳографію: Чехи буквально вошли во всесвѣтную пословицу, благодаря своему *i* и *y*, а Добровскій съумѣлъ высказаться по этому пункту съ своею всегдашнею осторожностью***); орѳографія, можетъ быть, уже въ 1809 г., но вѣрнѣе въ 1819 погрязла въ полемическое болото, которое вновь зашевелилось послѣ смерти Добровскаго, и по немъ долженъ былъ искать

---

*) Палковичъ бросилъ перчатку въ словацкомъ Tydennik'ѣ; Ганка поднялъ ее въ Noviny Pražské (1817, № 51) и въ др. Сравн. объ этомъ Ospravedlnění Ганки, 1846, стр. 1.

**) Надъ изобрѣтеніемъ всеславянскаго, т. е. всѣ славянскія нарѣчія удовлетворяющаго алфавита, неудачно работалъ напримѣръ *Копитаръ* всю жизнь свою; тогда какъ *Ганка* рѣшилъ эту задачу, посредствомъ своей новой чешской орѳографіи (за исключеніемъ польскихъ носовыхъ звуковъ ą и ę).

***) Добровскій говоритъ во второмъ изданіи своей чешской Lehrgebäude: „Годъ назадъ (1817 г.) Вяч. Ганка, предложившій мнѣ обязательно свою помощь при настоящемъ изданіи, издалъ свой Pravopis; онъ отступаетъ лишь незначительно отъ моей системы. Итакъ я могу, по моему мнѣнію, совершенно открыто заявить, что тѣ правы, которые держатся правописанія, означеннаго въ Ганковомъ Pravopis'ѣ; равно не могу я порицать и тѣхъ, которые думаютъ, что должно слѣдовать произвольнымъ правиламъ древнихъ потому, что такъ вообще писали съ оч. давняго времени“. Предисловіе. Стр. XV. XIX—XX.

Digitized by Google

броду Ганка въ теченіе 35 лѣтъ. Едва ли подобный споръ можетъ еще однажды возродиться въ языкѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ статей въ Rozmanitosti Яна Гибля и многихъ стихотвореній на случай (напр. Vděčnost obyvatelů král. Hradce), Ганка издалъ въ 1817 г. болѣе значительное произведеніе: (Prostonárodní serbská Muza do Čech převedená I вып. 34 стр. in 12⁰). Три уже года изданныя *Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ* Сербскія народныя пѣсни всѣхъ и вся исполнили удивленіемъ; Ганка переводилъ ихъ для своихъ земляковъ, полный предчувствія, что въ древнихъ чешскихъ пергаментахъ можно найти что-нибудь подобное. Необыкновенной склонности Ганки къ розысканіямъ обязаны дѣйствительно начатымъ въ 1817 г. изданіемъ поэтическихъ памятниковъ чешскихъ среднихъ вѣковъ и даже послѣ короткаго промежутка—открытіемъ извѣстной *„Краледворской рукописи“*, которое скоро оставило въ тѣни югославянскую народную музу.

Въ это время Добровскій былъ занятъ новой обработкой своей чешской литературной исторіи (1817—1818), при чемъ онъ обратился и къ древнѣйшимъ попыткамъ въ сочиненіи. Ганка успѣлъ уже воспользоваться начальными листами книги и торопился, документально при томъ, издать въ свѣтъ *сокровища древнечешскаго поэтическаго языка.* Такъ мало-по-малу появились отъ пяти до шести книгъ: Starobylá Skládanie, первый томъ которыхъ появился еще въ 1817 г. и который вышелъ на половинныхъ издержкахъ по печатанію Ганки. Ганка отважился выступить наконецъ на то поприще, на которомъ онъ впервые долженъ былъ заслужить великую извѣстность: на поприще *изученія рукописей* и *древнихъ Славянъ*!

По образцу комментаторовъ Пѣсни о Нибелунгахъ и нѣмецкихъ Миннезенгеровъ, и Ганка издалъ также свой сборникъ со всевозможнымъ ученымъ аппаратомъ; но увы! слишкомъ недостойно въ типографскомъ отношеніи и въ оч. маломъ форматѣ: Starobylá Skládanie i památka XIII a XIV věku z nejvzácnejších rukopisův vydaná. Первая часть (1817) XXV и 206 стр.—посвящена Добровскому „моему учителю въ знакъ благодарности“; съ предисловіемъ Юнгманна; приведена въ систему и снабжена глоссаріемъ самимъ издателемъ.

Здѣсь и въ двухъ слѣдующихъ томахъ (2-й т. 1818, XLIII и 286 стр.; 3-й 1818, XII и 263 стр.) помѣщенныя произведенія были, большею частію, извлечены изъ стараго Кралеградецкаго и Лобковицкаго собранія, описаніе котораго можно про-

Digitized by Google

честь въ другомъ мѣстѣ*). Наибольшее, на первый разъ, обратила вниманіе открытая въ 1817 г. *Іос. Линдою* на мягкомъ пергаментѣ „Любовная пѣсня подъ Вышеградомъ“ (XII вѣка):

На ty naaszye slunicze
Vysegrade twrd и т. д.

которая много разъ была переведена, даже самымъ *Гёте*, а *Ф. Книже* положена на музыку. Даже Добровскій удостоилъ этотъ памятникъ языка полнымъ вниманіемъ въ своей „*Исторіи чешской литературы*“ и ждалъ отъ антикварныхъ трудовъ Ганки надежнѣйшихъ открытій **).

Но прежде чѣмъ Добровскій успѣлъ выпустить въ свѣтъ свою „Исторію литературы“, Ганка—16 сентября 1817 г.—сдѣлалъ счастливую находку „*Краледворской рукописи*“, по поводу которой Добровскій (болѣе въ дополненіяхъ къ своей книгѣ) могъ сдѣлать соотвѣтственный приговоръ. Съ этой находкой Чехія получила вдругъ славу и гордость древней народной поэзіи несравненнаго достоинства, и понятія о варварствѣ славянскаго былого стали дѣлаться ненадежными и уступать мѣсто чувствамъ истиннаго удивленія. Столь богатая послѣдствіями для будущности Ганки исторія открытія можетъ по праву имѣть здѣсь мѣсто.

Ганкѣ посчастливилось—словно судьба желала поблагословить его горячую любовь къ языку своего народа и его энтузіазмъ къ памятникамъ духовной дѣятельности предковъ—и ему удалось уберечь отъ волнъ времени, почти случайно, лучшее, что уцѣлѣло не только въ области древнихъ Чеховъ, но Славянъ вообще, *Краледворскую рукопись*. Какъ разъ издавъ первый томъ книги Starobylá Skládanie, въ каникулы 1817 года, онъ сдѣлалъ экскурсію въ кор. заштатный городъ Kralové dvůr (Königinhof, Aula Reginae), вблизи своего родного Кралева-градца, а именно къ другу юности, тамошнему жителю *Скленичкѣ*; тотъ его познакомилъ съ тамошнимъ капелланомъ *Панкратіемъ Горчемъ*; Ганка открылъ здѣсь 16 сентября тотъ самый отрывокъ рукописи, которому онъ немедленно далъ простое, но осмысленное имя по мѣсту находки. Самая находка въ свою

*) Добровскій, Gesch. d. böhm. Lit. 1818, стр. 124. 129. 149 и Юнгманнъ, Hist. lit. české (2-е изд. 1849) стр. 17. 29 сл.

**) Стр. 109—111. „Уже заслуга, (говоритъ Добровскій далѣе), старыя, едва удобочитаемыя рукописи правильно списать; еще большая заслуга—устарѣлыя слова собрать въ перечень и ихъ хорошо выяснить. Древнія флексивныя формы въ предисловіи Ганки такъ представлены, что онѣ могутъ служить непривычному читателю къ легчайшему пониманію смысла“. Ibid. стр. 391.

Google

очередь была подготовлена разговоромъ, веденнымъ за столомъ упомянутыми пріятелями о разрушеніи города въ Гуситское время и о позднѣйшемъ пожарѣ 1450 г., а равно замѣчаніемъ капеллана, что въ одной камерѣ городской церкви, подъ грудой бумагъ и ненужной утвари, находятся старое гуситское оружіе и остатки рукописей. Ганка искалъ, шелъ, что называется, ощупью, и извлекъ *два совершенно узкіе лоскутка и двѣнадцать полныхъ листочковъ пергамента;* два изъ этихъ лоскутковъ, на которыхъ еще можно прочесть отдѣльные слоги и слова, находились въ качествѣ *переѣвъ на стрѣлахъ.* Послѣ того какъ находчикъ, (который, вѣроятно, въ первыя минуты самъ едва ли могъ сообразить, какую важную находку онъ сдѣлалъ), призналъ содержаніе рукописи чешскимъ, предварительно разобралъ и убѣдился, что предъ нимъ находится небольшая часть цѣлаго кодекса, онъ не щадилъ уже никакихъ усилій, чтобы либо открыть недостающее, либо, по крайней мѣрѣ, кое-что узнать о прежней судьбѣ рукописи отъ жителей Кралева Двора, при чемъ онъ преимущественно надѣялся на брата мѣстнаго декана *Пуша.* Но всѣ усилія Ганки въ этомъ отношеніи скоро привели только къ грустнымъ результатамъ, что недостающая часть, весьма вѣроятно, совершенно уничтожена огнемъ, благодаря одному прислужнику при церкви, пономарю, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слесаремъ, и камеру посѣщалъ часто ради желѣзной утвари, при чемъ онъ также не щадилъ рукописей; словомъ, что о находкѣ утраченнаго этимъ путемъ едва ли можно думать. Сдѣлавшись отъ имени упомянутыхъ лицъ собственникомъ рукописи, которую онъ позже принесъ въ даръ *народному музею,* Ганка рѣшилъ немедленно изданіе спасеннаго, все еще важнаго, даже безцѣннаго отрывка *)... Ему оставалось благодарить Провидѣніе за цѣнную находку и ждать возможнаго дополненія недостающаго въ другое время и изъ другихъ рукописей. Критическое возстановленіе первоначальнаго текста и

*) Такъ-какъ у нѣкоторыхъ иноземныхъ ученыхъ (говоритъ Шафарикъ) распространены странные слухи, отчасти не безъ дурного намѣренія, относительно находки этой рукописи;—то мы замѣтимъ прямо, что подобныя, въ нижней части колокольни помѣщенныя и соединенныя дверью съ хорами церкви камеры, которыя обыкновенно служатъ для сохраненія старой негодной церковной утвари и, между прочимъ, бумагъ,—не рѣдкость въ Чехіи; и что нѣкоторыя изъ рукописей и пергаментныхъ листковъ, между которыми лежалъ въ забвеніи Краледворскій сборникъ, именно пергаментная псалтырь и отрывки астрономической рукописи были сохранены Ганкою и впослѣдствіи переданы въ Музей. См. Введеніе къ Gedichten aus Böhmens Vorzeit, 1845. стр. 7.

Digitized by Google

трудность печатанія совмѣстно съ нѣмецкимъ переводомъ затянули между тѣмъ печатаніе на цѣлый годъ *).

Легко вообразить, какъ ободрительно было для Ганки открытіе этихъ древнихъ остатковъ туземной народной поэзіи; оно же отличило и прославило его. Новые изслѣдователи языка и древности, полные воодушевленія, устремились въ свободный потокъ общественной жизни Праги, и не было недостатка въ воодушевленіи нигдѣ, гдѣ дорожили національными стремленіями. Лучшею изъ благотворныхъ идей того времени надо назвать планъ основанія *Народнаго Музея* въ Чехіи, относительно котораго уже съ 1810 г. подавались отдѣльныя мнѣнія и предложенія. Ганка и съ нимъ многіе единомышленники—*Пуркиніе, Святополкъ Пресль, проф. Яндера, бар. Стенить, графъ Фр. Берхтольдъ*—подали родъ прошенія по поводу Музея, которое, при всей неопредѣленности ихъ положенія, дало все-таки успѣшный ходъ дѣлу. Также высокопоставленные *графы Францъ и Каспаръ Штернберги, гр. Францъ Клебельсбергъ, князь Исидоръ Лобковицъ, гр. Гартманнъ, обербургграфъ графъ Коловрать-Либштейнскій* признали благопріятнымъ направленіе политическихъ отношеній, и только-что упомянутый патріотъ издалъ уже отъ 15 апрѣля 1818 г. воззваніе: „Къ патріотическимъ друзьямъ науки", которое собственно явилось герольдомъ учрежденія, одобреннаго уже частнымъ образомъ со стороны императора. Въ концѣ мая 1818 г. было подписано 61.379 фл.

---

*) Насколько ни извѣстна Краледворская рукопись, тѣмъ не менѣе описаніе ея здѣсь не будетъ излишнимъ. Письмо относится къ 1290 г., хотя большая часть пѣсенъ по своему происхожденію гораздо древнѣе; форматъ—12-я; все идетъ безъ перерыва стиховъ (litera continua). Ганка предполагаетъ, что авторъ прославленнаго *Завиша* Ф. Розенбергъ (казненный 24 авг. 1290) сдѣлалъ этотъ сборникъ и велѣлъ списать прекрасный кодексъ для королевы *Кунигунды*, вдовы *Оттокара II*. Въ цѣломъ—это отрывокъ изъ середины и расположеніе пѣсенъ—почти систематически правильное....

Если принять, что потерянныя книги и главы содержали подобныя же произведенія и почти въ томъ же количествѣ, какъ сохранившіяся (III-й книги, главы 25, 26, 27 и 28-я), то мы (принявъ даже, что весь кодексъ состоялъ только изъ 3-хъ книгъ) должны признать утраченными около 200 пѣсенъ изъ этого сборника! При этомъ не вполнѣ неосновательна надежда, что современемъ еще будутъ открыты отдѣльныя части подобнаго же сборника пѣсенъ; такъ-какъ Краледворская рукопись является простымъ спискомъ, и позже (въ 1823 библіотечнымъ чиновникомъ въ Прагѣ *Іог. Циммерманомъ*) открыта пѣсня „*Олень*" въ одной старой рукописи, собственно на одномъ уцѣлѣвшемъ пергаментномъ листкѣ 1290 г. Пѣсня подъ Вышеградомъ (Starobyl. Sklád. I, 110) и любовная пѣсня короля Вячеслава I (ibid. V, 220) принадлежитъ къ той же категоріи произведеній.

Digitized by Google

10 кр., подарены Музею цѣлыя библіотеки и кабинеты (между прочимъ драгоцѣнная библіотека изъ Бржезницъ *графа Іосифа Коловрата-Краковскаго*, минцъ-кабинетъ *гр. Фр. Штернберга* и богатыя естественнонаучныя коллекціи графовъ *Іос. Вратислава* и *Фр. Гартига*), не считая меньшихъ пожертвованій, безъ числа.

Управленіе учреждаемымъ Музеемъ приняли 15 апр. 1819 г. *оба графа Штернберга*, къ нимъ присоединился четыре недѣли спустя *аббатъ Добровскій;* Ганка ждалъ также соотвѣтственнаго назначенія. Сначала (1818) коллекціи были помѣщены въ залѣ миноритскаго монастыря св. Якова, затѣмъ съ 1819 г. отчасти у проф. *Штейнманна* въ технологическомъ институтѣ, отчасти во дворцѣ гр. *Гартига*; теперь каталогизаціей ихъ занимались Ганка и *Циппе*. Ганка съ 1818 г. получалъ, какъ „наблюдатель за книжными собраніями Музея", годовой окладъ и, благодаря уже съ 1816 г. занимаемой должности славянскаго переводчика и теперешняго библіотекаря въ Музеѣ, обезпечилъ себѣ общественное положеніе.

Еще въ 1818 г. Ганка издалъ въ переводѣ изъ *Рюгса* „Geschichte des Mittelalters"—Krátka historie slovenských národů; но въ 1819 г. его литературная дѣятельность была гораздо обильнѣе. Кромѣ отдѣльныхъ статей въ еженедѣльной газетѣ *В. Р. Крамериуса* „Dobrozvěst" и различныхъ юбилейныхъ сочиненій *), Ганка издалъ удачный переводъ любимыхъ идиллій Гесснера: „Gesnerovy Idylly" (1819, 245 стр. in 12)—при чемъ, глубоко проникнутый древнечешскими сокровищами литературы, переводчикъ не преминулъ присоединить глоссарій, ибо онъ воспользовался многими словами и оборотами, не бывшими до тѣхъ поръ въ употребленіи. Важнѣе была забота о новомъ изданіи книжки: Hankovy písně. Druhé rozmnožené vydání. Вып. I. (58 стр. in 12).

Но все-таки Ганка самъ долженъ былъ являться издателемъ. „Моею цѣлью (говоритъ Ганка) въ этихъ пѣсняхъ была чистая пѣсня, ухо — моимъ единственнымъ руководителемъ". Въ сборникѣ находились 32 пѣсни (между ними на

*) Напр. K slavnosti J. O. P. Václava Leop. Arcibiskupa Pražského (1819, 2 л. in 4)—подобныя стихотворенія издавалъ Ганка почти ежегодно для вдовы Феттерль ко времени муропомазанія въ 1820, 21, 22, 23, 24, 28 и т. д. годахъ. Вообще массу, большею частію, анонимныхъ стихотвореній Ганки на случай, едва ли можно перечислить съ точностью, хотя нѣкоторыя изъ этихъ почти импровизированныхъ вещей прекрасны.

Digitized by Google

14 уже стр. „Къ себѣ самому“); „Альпійскій охотникъ“ Шиллера и „Юноша у ручья“ его-же, также появились здѣсь въ переводѣ польскіе, сербскіе и русскіе оригиналы. И что поэтъ не могъ и тутъ преодолѣть ученаго—доказываетъ опять, двѣ страницы занимающій, глоссарій, благодаря которому многія забытыя классическія выраженія снова сдѣлались народными. Чешскіе композиторы нашли въ новомъ изданіи новую пищу, текстъ и музыка опять шли рука объ руку.

Поэзія Ганки, проста и естественна, мелодична и пріятна, преимущественно лирична и совершенно проникнута духомъ чешскаго національнаго духа. Прекрасный стихъ и постоянно богатая риѳма достигаютъ почти совершенства, и пѣсни ни одного другого поэта не проникли настолько въ народъ, какъ Ганковы. *Карлъ Эгонъ Эбертъ* и другіе нѣмецкіе писатели въ Чехіи перевели многія изъ нихъ... Приведемъ одну изъ пѣсенъ Ганки въ русскомъ переводѣ Н. Берга:

Лаба.

Ты куда, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывешь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поешь?

Про кого поешь ты пѣсни,
Въ темной рощѣ и въ лѣсу?
Распѣвалъ и я, бывало,
Про нее, мою красу!

Да недолго безмятежно
Дни катилися мои,
Что у Лабы серебристой
Тиховодныя струи:

Разлучили вдругъ со мною
Сердце—милую мою—
Съ той поры я, сиротина,
Звонкихъ пѣсенъ не пою.

Ты куда жъ, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывешь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поешь?

Наконецъ послѣдовало первое изданіе (editio princeps) Краледворской рукописи, къ которому талантливый проф. *Вяч. Алоизъ Свобода* (ум. 8 янв. 1849) присоединилъ нѣмецкій переводъ. Приговоръ критическаго знатока Добровскаго обо всемъ

Digitized by Google

*

памятникѣ былъ уже при одномъ изъ пробныхъ текстовъ *), и Добровскій основалъ на немъ даже отдѣльную эпоху (отъ 875 до 1310) исторіи чешской народной литературы. Изданіе появилось, какъ самостоятельный томъ Starobylá Skládanie: Rukopis Králodvorský и пр.—сборникъ лирико-эпическихъ народныхъ пѣсенъ—первоначальный текстъ (разбитый на стихи) съ новочешскимъ параллельнымъ пересказомъ В. Ганки (119 стр.), нѣмецкій метрическій переводъ В. А. Свободы (62 стр.), Прага 1819 in 12.

При общемъ вниманіи, которое возбуждено было въ то время къ древней и новой народной поэзіи, и Краледворская рукопись не могла не произвесть сильнаго впечатлѣнія. Мало-по-малу „Краледворская рукопись“ была переведена на большую часть европейскихъ языковъ и почти на всѣ славянскія нарѣчія—прежде всего на русскій языкъ, тогдашнимъ министромъ Н. Пр. *Шишковымъ* въ „Извѣстіяхъ Рос. Академіи“ VIII кн., 1820, 47—215 стр. Самые замѣчательные знатоки эстетики мѣстные и иноземные высказались за высокое поэтическое и историческое значеніе древнечешскихъ пѣсенъ, а царь нѣмецкихъ поэтовъ, Гёте, признавъ высокое ихъ значеніе для вновь возрождающейся духовной жизни Чехіи (Гёте, Соч. т. XXXII, стр. 407; т. XXXIII, стр. 321), помѣстилъ даже одну изъ пѣсенъ Краледворской рукописи, подъ именемъ „das Sträuschen“ въ нѣм. переводѣ въ своихъ „сочиненіяхъ“ (т. II, стр. 341).

Но все, что раньше или позже было высказано о характерѣ и эстетическомъ достоинствѣ „Краледворской рукописи“, превзошелъ и опередилъ незамѣнимый *Іог. Георгъ Мейнертъ* (ум. въ Нарчендорфѣ въ Моравіи, 17 мая 1844), который, непосредственно за появленіемъ Ганкова изданія, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ высказался о національной и эстетической цѣнности дивной находки; такъ что мы, чтобы не пропустить ничего, что относится къ исторіи „Краледворской рукописи“, должны привести нѣкоторыя главныя мѣста изъ статьи Мейнерта **).

„Мы получаемъ (говоритъ Мейнертъ) въ „Краледворской рукописи“ остатокъ сборника пѣсенъ, который, вѣроятно, составленъ былъ между 1290 и 1310 г., съ однимъ лишь намѣреніемъ, чтобы, при посредствѣ его, изъ потока нѣмечины, проникшей

*) Добровскій, Geschichte der böhm. Literatur, 1818, 385—390 стр.

**) Archiv für Geschichte, Geographie, Staats—und Kriegskunst, gerausg. vom Freiherrn v. Hormayr, 1819, Januar-Heft, стр. 52 сл.

Digitized by Google

съ побѣдоносными властителями *) во Дворъ, бурги, города,—спасти отголоски минувшаго и въ памятникахъ древняго языка и культуры сберечь творческій духъ и національную славу Чеховъ. То же, что она увѣковѣчиваетъ иногда воспоминаніе о раздутой Карломъ В. *ненависти къ нѣмцамъ*—не должно опредѣлять достоинства этихъ пѣсенъ, и даетъ имъ, при томъ, тѣмъ большую историческую достовѣрность, безъ того, упаси, Богъ! чтобы дѣйствовать раздражающимъ образомъ на современность. Миръ поэтому праху, если и односторонняго, то не безвкуснаго, по крайней мѣрѣ, собирателя, котораго трудъ заслуживалъ бы лучшей участи, чѣмъ, къ сожалѣнію! испытала рукопись въ одномъ донынѣ извѣстномъ экземплярѣ, изъ которой сохранился только отрывокъ изъ 12 листочковъ въ 12-ю долю и два узкихъ лоскутка. Неутомимый изслѣдователь Ганка открылъ ее въ углу Краледворской приходской колокольни, гдѣ она среди грубаго общества старыхъ стрѣлъ могла лежать съ гуситскаго времени. Многія изъ этихъ орудій убійства были окрылены пергаментными лоскутками, къ чему, по всему вѣроятію, даже большая часть листковъ упомянутой рукописи злоупотреблена была: какъ будто варварской ярости этой междоусобной войны за вѣру не довольно было физическую жизнь людей губить массами, а даже, въ видѣ злого превращенія Пиндаровскихъ „Стрѣлъ пѣсенъ", низводить въ *пѣсни стрѣлъ* богатый источникъ жизни моральной! На этихъ листочкахъ (за исключеніемъ перваго и послѣдняго полныхъ) содержатся 14 отчасти эпическихъ, отчасти лирическихъ пѣсенъ. Онѣ сложены въ риѳмованныя строки, соотвѣтственно содержанію, образуя непрерывное цѣлое, повременамъ развиваясь въ свободные строфообразные отдѣлы; это драгоцѣнные остатки туземной жизнеобильной поэзіи природы, которая даже въ переводѣ увлекаетъ до восторга, всего отчетливѣе сама себя характеризуя словами: *„ты поешь отъ сердца къ сердцу!"* и превознося Чеха надъ братомъ его Сербомъ, и не заставляя его завидовать шотландцу въ его Оссіанѣ. По ихъ впечатлѣнію на душу, эти пѣсни, сопровождаемыя *варитомъ*, первобытнымъ, упоминаемымъ въ нихъ же музыкальнымъ инструментомъ, даютъ возможность раздѣлить ихъ на *прекрасныя* и *возвышенныя*, къ первымъ относятся слѣдующія девять числомъ: тутъ и шаловливая съ анакреонтическимъ весельемъ (VI, 61), и съ нѣжной тоской (II. 55. V. 60), здѣсь и испещренная безконечною скорбью (VII. 61. VIII. 42), и кипящая жаждою юношеской любви къ жизни (III. 56), и вотъ бьющая отвагою ос-

*) Именно Рудольфа Габсбургскаго.

Digitized by Google

вободителя похищенной милой сердцу (I. 50), и торжествомъ рыцарскаго завоевателя невѣсты-соотечественницы (37), или оплакивающая *„глазами всѣхъ дѣвицъ“* похищеннаго юношу вражескою рукою (IV. 58); ласковъ глубоко прочувствованы, своеобразно задуманы, живо, тонко, сильно и при томъ всегда отчетливо и въ народномъ духѣ выражены, словно духъ и сердце ангела въ чертахъ лица прелестнаго дитяти. Но гораздо болѣе важную часть Рукописи составляютъ остальныя пять *возвышенныя* или *героическія пѣсни*: единственное въ этомъ родѣ явленіе—онѣ преимущественно проникнуты прирожденною красотою творческаго представленія и чистѣйшимъ жаромъ любви къ отечеству *), основываются на въ высшей степени важныхъ жизненныхъ фактахъ и геройскихъ подвигахъ, которые, какъ большая часть сцены, относятся къ 1241 г. и назадъ до IX вѣка, и къ первымъ временамъ не безкровнаго прибытія Чеховъ въ страну. Пѣсни въ этомъ отношеніи—изобильный источникъ древнихъ мнѣній, нравовъ и обычаевъ, и въ извѣстной степени—*„ключъ ко всей исторіи Чеховъ“*.

Но міръ не оставилъ въ забвеніи человѣка за драгоцѣнность, которую онъ спасъ отъ гибели. Ганка въ изобиліи получалъ изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ доказательства признательности и благодарности: похвальные стихи, дипломы, медали и почетные подарки сыпались на него. Послѣ того какъ литературное общество при Краковскомъ университетѣ (s. societas literaria studiorum universitatis Cracoviensis) уже 19 ноября 1819 г. выбрало его членомъ-корреспондентомъ, въ 1820 г. ученое общество Виленскаго университета (Scientiarum, literarum et artium universitatis Wilnensis) избрало его въ почетные члены, и тогдашняя Россійская Академія въ Петербургѣ (теперь соединенная съ Академіею Наукъ) прислала ему 16 (28) октября 1820 года свою большую серебряную медаль: *„за похвальныя упражненія въ словесности“*. Больше всего обрадовалъ его и нѣмецкаго передводчика, *Свободу*, вѣнокъ изъ „пѣсенъ на чешскій манеръ“, который поэтъ La Motte Fouqué поднесъ имъ обоимъ **).

*) Тріумфы надъ нѣмцами, подобные слѣдующему:

„I by Němcem uběti
i by němcem prnúti,
i pobitie jim!“

звучатъ нерѣдко, преимущественно въ *Бенешѣ Германовѣ*, но ненависть къ единоплеменнымъ Полякамъ не меньше.

**) Воспоминанія о путешествіи *Фридриха и Каролины де-ля-Моттъ Фуке*. Дрезденъ. 1823. II ч. стр. 123—134.

Digitized by Google

Если „благозвучная“ Чехія волшебнымъ образомъ тронула этими „пѣснями стрѣлъ“ всѣ умы, то возрасло также и стремленіе—подобныя сокровища въ большей полнотѣ умѣть сохранять для потомства. Тщательно были обысканы всѣ чешскія библіотеки, архивы, ризницы, подвалы въ замкахъ и пр.; были тщательно отдѣлены исписанные пергаментные листочки, которые любили обращать, по неприличному въ основаніи варварству, позднѣйшіе переплетчики въ подкорешки книгъ (связь) или въ переплеты; и тутъ было найдено и сбережено много интереснаго на *латинскомъ*, больше на *старонѣмецкомъ* *) и только въ видѣ исключенія на *чешскомъ* языкѣ; но изъ пѣсенъ, подобныхъ Краледворскимъ, не нашлось до 1823 г. ничего больше, кромѣ неплотнаго, переданнаго Музею листка in 8° изъ XIII вѣка, содержащаго (уже извѣстную) пѣсню „*Олень*“, и *Любовной пѣсни короля Вячеслава Перваго* **) (найденной раньше понѣмецки въ собраніи Манесси):

„Z velikých dobrodružstvie
milost mi, vyjevi и пр.

Между прочимъ четырнадцать мѣсяцевъ спустя, слѣд. еще до изданія „Краледворской рукописи“, былъ по почтѣ присланъ въ Музей по видимому очень древній первобытный отрывокъ рукописи (по *Шафарику* относящійся къ концу IX вѣка). Казалось, что это была фальсификація, и надѣлавшій шума „*Любушинъ судъ*“, по желанію Добровскаго, предварительно былъ скрытъ. Въ 1824 г. все таки возгорѣлся изъ-за него жаркій споръ, который причинилъ много непріятностей Ганкѣ, но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Въ 1820 году былъ готовъ уже четвертый томъ изданія Starobylá Skládanie—содержащій героическую поэму „Тристрамъ“ въ 400 слишкомъ страницъ—и послѣдовалъ едва послѣ многихъ лѣтъ пятый томъ (1823, съ „Тандаріасомъ“, къ которому, къ сожалѣнію! присоединены изуродованные „Majový sen“ и „продавецъ мазей—Mastičkář“ и др.). Ганка, котораго перо никогда

*) Такъ наприм. нашлось позже на одномъ переплетѣ въ библіотекѣ кн. Шварценберга въ Прагѣ древне-верхне-нѣмецкое стихотвореніе „Merigarto“, при участіи Легисъ-Глюкзелига изданное *Гоффманномъ фонъ Фаллерслебенъ*.

**) Эту любовную пѣсню изслѣдователь старонѣмецкой исторіи и языка, *Гиттъ*, заподозрилъ въ подлинности; онъ не защитилъ себя въ своемъ *немецкомъ* переводѣ отъ остроты собственной критики и должно черныя тѣни, наброшенныя имъ, возвратить по принадлежности, если онъ нападаетъ на описанную при этомъ пѣсню „Jelen“ и равн. образ. несправедливо на всю „Краледворскую рукопись“.

Digitized by Google

не бездѣйствовало, писалъ рядомъ кое-что для прекраснаго листка Čechoslav (*Крамериуса*), затѣмъ для *Преслева* „Krok, všenaučný spis“ — перваго (въ 1821 г.) научнаго журнала на чешскомъ языкѣ, который до появленія *Музейнаго Журнала* занималъ почетное мѣсто въ родной странѣ. Усердно продолжалъ Ганка вмѣстѣ съ тѣмъ окончаніе *нѣмецко-чешскаго словаря Добровскаго*, который былъ выпущенъ 20 лѣтъ назадъ*). Ганка взялся за брошенную работу и окончилъ ее. Онъ самъ сообщилъ здѣсь въ интересномъ для исторіи литературы нѣмецкомъ предисловіи ко второй части слѣдующее: „Двадцать одинъ годъ тому назадъ появился первый томъ, нѣмецко-чешскаго словаря аббата Добровскаго. Достоинство этого труда, какъ предпринятаго подобнымъ мастеромъ, возбуждало надежду имѣть конецъ. Но оба протекшія десятилѣтія были слишкомъ бурны, почтенный основатель и издатель словаря слишкомъ заваленъ работой, такъ что общее желаніе не могло быть осуществлено; притомъ работа, которую одному во всю жизнь почти невозможно окончить **), представляетъ безчисленныя трудности. Кромѣ того у него похитила смерть сотрудника, *Стефана Лешку* (суперинтендента сначала въ Чехіи, потомъ въ Угріи, ум. 21 янв. 1818), который взялъ на себя разъясненіе преимущественно идіотизмовъ угорскихъ Славянъ. Въ *Антонѣ Пухмайерѣ*, благодаря извѣстному его трудолюбію и рѣдкой силѣ духа, нашелъ издатель сотрудника, столь полезнаго какъ и способнаго, при столь трудномъ предпріятіи. Уже раньше эти достойные мужи, товарищи по предпріятію, одушевленные одною цѣлью, родственные духомъ, тѣсно соединились, несмотря на разницу въ лѣтахъ, стремясь общими силами воздѣлать пустыя, темныя и необработанныя нивы туземной литературы. Когда же другіе труды воспрепятствовали аббату Добровскому приложить стараніе къ окончанію начатаго труда, онъ передалъ приведеніе въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ, исполненіе неоконченнаго, своему другу и нынѣшнему сотруднику, Г. Пухмайеръ почтилъ его своимъ участіемъ и обнадежилъ помощью.—Итакъ я представ-

*) Нѣмецко-чешскій словарь, изд. *Іос. Добровскимъ*, Прага. 1802. I ч. Предисловіе 10 стр. Объ образованіи собственныхъ именъ LXVIII стр. Лексиконъ отъ *A* до *K* 344 стр. in 4°. Вторая часть (1821, позже съ первою подъ новымъ заглавіемъ и съ новымъ годомъ изданія продававшаяся) отъ L до Z содержитъ 482 стр.

**) Является вопросъ, если бы не было при этомъ чужой помощи, явился ли бы на свѣтъ и Словарь (Slovník) Юнгманна! Ганка доставилъ и для труда Юнгманна богатый и драгоцѣнный матеріалъ.

Digitized by Google

ляю здѣсь публикѣ трудъ двухъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ мужей, изъ которыхъ одного мы видимъ еще, какъ твердо онъ стремится и содѣйствуетъ въ глубокой старости всѣмъ благороднымъ стремленіямъ съ неослабѣвающею мощью—о если бы это долго еще продолжалось!—въ то время какъ другого въ еще нестарыхъ лѣтахъ (Пухмайеръ ум. 29 сент., 1820 г.) у насъ похитила смерть. Послѣ смерти незабвеннаго Пухмайера, я, по возможности, пополнилъ еще не вполнѣ собранные матеріалы, начиная отъ листа *Д* этого второго тома, при помощи одного пріятеля; въ особенности многія употребительныя въ техническомъ отношеніи слова позаимствовалъ у ремесленниковъ и знатоковъ искусствъ и ими обогатилъ это собраніе;—вообще я сдѣлалъ все, что считалъ для бо́льшаго совершенства необходимымъ и что былъ въ состояніи сдѣлать, *въ пріятной надеждѣ, что это будетъ нравиться всѣмъ, для кого дорогъ языкъ ихъ увѣнчанныхъ славою предковъ,—такъ-какъ слѣдуетъ быть достойными, а не выродившимися сынами наслѣдія своихъ благородныхъ отцовъ.* Прага, 2 іюля 1821 г. Вячеславъ Ганка, членъ Краковскаго и Виленскаго ученыхъ Обществъ".

Одновременно окончилъ Ганка свое первое всеславянское изданіе: онъ издалъ съ комментаріемъ—„*Слово о полку Игоревѣ*", которое по языку относится къ XII вѣку и, будучи открыто въ 1795 г. графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, часто потомъ было издано. Ганка озаглавилъ: Igor Svatoslavič, hrdinský zpiev и пр. (Прага, 1821, 8), Посвящено: „Его высокопреподобію Іосифу Добровскому, члену многихъ ученыхъ обществъ, Славянства Патріарху". Затѣмъ XIII страницъ предисловія, по-чешски, по-сербски, по-русски и по-польски; потомъ стр. 1—42 первоначальный текстъ съ сопоставленнымъ чешскимъ переводомъ, стр. 43—49 историческія примѣчанія (по-чешски), стр. 49—58 объясненія грамматическія, стр. 59—80 нѣмецкій переводъ поэмы.

Издатель хотѣлъ сдѣлать „Слово о полку Игоревѣ" равно доступнымъ всѣмъ славянскимъ племенамъ и придумалъ для этого свое (нѣсколько странное) правописаніе, въ которомъ латинскія, кирилловскія и даже идеальныя буквы перемѣшаны между собою *). Ганка уронилъ себя сначала этимъ изобрѣтеніемъ; впослѣдствіи эта странность нашла также слишкомъ мало

*) Латинскую транскрипцію древнеславянскаго далъ также Добровскій (Cyrill u. Method., 1823, стр. 126) и Шафарикъ (Aelteste Denkmäler, 1840 г., стр. 113—119). Ганка не могъ никогда удовлетвориться однимъ латинскимъ типомъ, онъ примѣшивалъ въ него (напр. во 2-мъ изд. Slawin'ы 1836 г., стр. 376 сл.) побочные знаки и примѣнялъ даже этотъ странный алфавитъ съ 1846 г. къ изданію своихъ чешскихъ сочиненій.

Digitized by Google

сочувствія. Съ нашей точки зрѣнія, Ганково изданіе „Слова“ остается солидной и основательной работой, которая въ значительной степени, упрочила его литературную славу преимущественно въ Россіи, и за которую издатель отъ 12 (24) іюня 1823 г. былъ почтенъ брильянтовымъ перстнемъ отъ е. в. имп. Александра Павловича. Вообще Ганкою овладѣло съ этихъ поръ преимущественно ученое рвеніе, которое однако никогда такъ далеко не шло, чтобы устранить или уничтожить въ немъ внутренній родникъ поэта. Ганка былъ также (съ 3 февр. 1822) избранъ членомъ-корреспондентомъ Варшавскаго ученаго общества (Towarzystwo królewskie Warszawskie przyacioł nauk), равно какъ онъ—пока Добровскій втеченіе 18 мѣсяцевъ писалъ и печаталъ въ Вѣнѣ свои Institutiones linguae slavicae veteris dialecti—долженъ былъ замѣнять собою его предъ всѣми профѣзжими авторитетами. Трудъ, напечатанный въ отсутствіе „патріарха“ была Ганкова, чешская обработка руководства Добровскаго: Mluvnice podle Dobrovského (Прага, 1822, XXXII и 312 стр. въ б. 8)—гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ древнечешскія грамматическія формы, для точнѣйшаго пониманія „Краледворской рукописи“, впервые являются разъясненными научнымъ образомъ.

Участіе Ганки въ изданіи Slovanské národni písně, которое *Фр. Лад. Челяковскій* началъ печатать въ 1822 г., признаетъ послѣдній фактически тѣмъ, что посвящаетъ сборникъ его вѣрно поддерживавшему совѣтомъ и дѣломъ Ганкѣ *). Щедрымъ въ сообщеніи матеріаловъ и свѣдѣній былъ и остался Ганка всегда, даже относительно людей далеко неискреннихъ.

Между тѣмъ занятія въ Музеѣ шли своимъ чередомъ. Коллекціи перешли въ мартѣ 1822 г. въ старый Штернберговскій домъ (н-ръ 57) на Градчинѣ, а высочайшее утвержденіе статутовъ послѣдовало отъ 14 іюня 1822 г., вслѣдствіе чего Общество получило возможность 23 декабря того же года объявить себя утвержденнымъ. Во время этого знаменательнаго событія въ дѣлахъ Музея, и Ганка—котораго будущность безъ этого не была обезпечена—сдѣлалъ шагъ, который долженъ былъ успокоить его сердце и принесть ему до тѣхъ поръ одинокому счастіе семейнаго очага. Онъ женился на одной, самымъ теплымъ образомъ раздѣлявшей его симпатіи дѣвушкѣ, которую онъ самъ воспитывалъ въ чешской словесности и какъ „Várinku“ **) часто

*) Slovanské nár. písně, I т. 1822; II т. 1825; III т. 1827 г. in 8.

**) Она носила имя *Варвары*, род. 29 сент. 1800 г. и была дочерью фактора имп. кор. типографіи нормальной школы *Франца Мадля* (ум. 9 мая 1840 года); мать и сестра ея жили потомъ въ домѣ Ганки.

Digitized by Google

воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Бракъ совершенъ былъ 11 февраля 1822 г. въ св.-Вячеславской капеллѣ Пражскаго собора, при чемъ явились свидѣтелями два знаменитые мужа ученаго и художественнаго міра—*аббатъ* Іосифъ Добровскій и живописецъ *Францъ Горчичка*. Ганка, по утвержденіи музейнаго Общества, былъ назначенъ однимъ изъ „хранителей“ (custos) *), такъ имѣлъ онъ обезпеченіе, съ 16 февр. 1823 г. онъ возведенъ въ *библіотекари* съ жалованьемъ въ 500 фл. и добавочнымъ во 100 фл. При этомъ принялъ Ганка и обязанности музейнаго секретаря на чешскомъ языкѣ, такъ-какъ онъ уже многіе съ 1823 г. переводилъ и печаталъ ежегодники Jednání společnosti vlast. Museum.

Къ этимъ превраснымъ днямъ относится сдѣланное Ганкою роскошное изданіе Краледворской героической пѣсни Jaroslav (16 стр. in 4°), которою увѣковѣчены Штернберги; такъ-какъ прямое доказательство, что побѣдителемъ татаръ былъ одинъ изъ Штернберговъ—идетъ не только изъ чешскихъ, русскихъ и восточныхъ источниковъ, но также и изъ „Краледворской рукописи“. Въ 1824 г. Ганкѣ прислала въ подарокъ Импер. Рос. Академія (которой членомъ онъ еще не былъ) экземпляръ изданнаго ею большого русскаго словаря. Онъ встрѣтилъ и. в. имп. Франца и имп. Каролину Августу въ іюнѣ этого года, когда высокіе гости посѣтили Музей, очень удачнымъ привѣтственнымъ стихотвореніемъ **), помѣстилъ нѣсколько пѣсенъ (отчасти переводныхъ) въ альманахѣ Novoročenka Хмели и Клицперы, и издалъ первую объяснительную тетрадь (по-нѣмецки и по-чешски) къ исторической картинной галлереѣ изъ прошлаго Чехіи: Vysvětlení dějin českých v kamenotisk. vyobrazení (Прага, in 4°)—компиляцію, сдѣланную со вкусомъ, которая вышла потомъ вторымъ изданіемъ: Obrazy dějin českých, 1850. 12.

Но въ маленькихъ литературныхъ скорбяхъ не было недостатка и у нашего Ганки! Уже въ 1818 году было задумано изданіе подозрительнаго произведенія IX (?) вѣка—Libušin Soud. Позже (1828) открылъ Ганка на одномъ переплетѣ отрывокъ чешскаго палимпсеста евангелія отъ *Іоанна*, отнесеннаго къ X вѣку. Тонкій критикъ, сдѣлавшійся недовѣрчивымъ, Добровскій открыто объявилъ въ 1824 г. изданіе „Любушина суда“ и по-

*) Ганка для библіотеки и историческихъ коллекцій, *Диппе*—для минералогіи и геогнозіи, позже (1823) *Карлъ Б. Пресль* для зоологіи и ботаники. (*Корда* вступилъ въ должность лишь въ 1835 г.).

**) Nejjasnějším Františkovi a Karolině při vstoupení ve vlastenské Museum 1824. ½ л. in 4o.

Digitized by Google

добныхъ литературныхъ памятниковъ „литературнымъ подлогомъ“, въ чемъ его, гдѣ возможно, еще съ большимъ критицизмомъ поддерживалъ *Копитаръ*, и въ XXVII томѣ „Wiener Jahrbücher der Literatur“ (стр. 100—115) послѣдовало научное разъясненіе этихъ памятниковъ. Въ частной перепискѣ и нѣкоторыхъ полемическихъ статьяхъ „патріархъ“ далъ понять, что подобные пергаменты поддѣланы „архипатріотами“, онъ объявилъ (вышеупомянутаго, умершаго въ 1818 г.) *Линду* писцемъ, а *Юнгманна* или *Ганку* составителями отрывковъ „*Любушина суда*“ (Ганку, по преимуществу, должно-де считать виновникомъ палимпсеста евангелія отъ Іоанна). Ганка съумѣлъ оправдаться отъ этой обидной несправедливости, и Добровскій умеръ (6 янв. 1829) въ досадѣ на объявленныя критикою въ опалѣ чешскіе литературные памятники. Чтобы къ этому окаянному спору не возвращаться снова, я хочу изобразить его ходъ здѣсь во всей подробности.

Тотчасъ по смерти Добровскаго, *Фр. Палацкій* взялся защитить всѣ эти литературные памятники посредствомъ индуктивныхъ основаній. Но тщетно! *Копитаръ*, тогда редакторъ „Wiener Jahrbücher“, въ XLVIII томѣ ихъ напечатавшій статью Палацкаго—рецензію второго изданія „Краледворской рукописи“, сдѣлалъ заключительное примѣчаніе: „Мы предоставили г. Палацкому высказаться, но мы должны замѣтить, что покойный Добровскій обо всемъ вышесказанномъ говорилъ со стороны исключительно *письма*, со стороны же *языка* еще гораздо болѣе опроверженій“. Съ этого времени остались въ безславіи сохранившіеся отрывки. Но Копитаръ пошелъ постепенно еще дальше и заподозрилъ даже „Краледворскую рукопись“, между прочимъ давъ понять, что она явно воспроизведена по образцу сербскихъ пѣсенъ и, можетъ быть, Ганкою (?) написана! *) Шафарикъ отвѣтилъ на это слѣдующимъ образомъ **): „Однимъ извѣстнымъ знаменитымъ ученымъ высказано подозрѣніе, что „Краледворская рукопись“—дѣло новаго времени и даже, можетъ

*) B. Kopitar Hesychii Epiglossista russus (Vindob. 1840. fol.) стр. 58, въ главѣ: De veterum codicum bohemicorum insperatis inventionibus, non sine causa suspectis. „At quid? (говорится тамъ) Si eadem suspicione laborent minus diligenter examinatae Glossae (т. е. древнечешскія глоссы „Mater Verborum“ 1202 г.) et ipsae cantilenae Reginohradecenses (sic!), simillimae Serborum cantilenis prius editis, quarum ne non injuria eas credas recentis Bohemici poëtae imitationes“. Чехи отплатили автору тѣмъ, что утверждали, что Копитаръ самъ вписалъ Гезихіевы эпиглоссы въ Вѣнскій кодексъ.

**) Gedichte aus Böhmens Vorzeit von J. M. Grafen v. Thun. Прага, 1845. стр. 38—40.

Digitized by Google

быть, поддѣлка самого почтеннаго находчика ея. Мы склонны обвинительный приговоръ считать единственно некритическимъ рѣшеніемъ, но не желаемъ и не можемъ рѣшиться на формальную защиту „Краледворской рукописи“ или представленіе доказательствъ ея подлинности на томъ основаніи, что мы въ скоротечности жизни должны выполнить болѣе важныя обязанности, чѣмъ трусливо отстаивать противъ химеръ пирроническої критики памятникъ, который, по нашему живому убѣжденію, ясно нося на челѣ отпечатокъ своего происхожденія, совершенно не нуждается въ нашей слабой защитѣ“.

Дѣйствительно „Краледворская рукопись“ сама отстояла свое дѣло, но не такая участь выпала на долю другихъ рукописей. Шафарикъ и Палацкій сдѣлали изслѣдованіе и оправданіе послѣднихъ уже въ 1840 г. при изданіи одной обширной книги *); они представили наибольшую вѣроятность подлинности упомянутыхъ памятниковъ, но *не доказали* ея. И тутъ пособилъ благопріятный случай. Легисъ-Глюкзелигъ (авторъ статьи) предпринялъ спеціально *палеографическія* изслѣдованія въ этомъ направленіи, чтобы преодолѣть свои собственныя сомнѣнія. Онъ убѣдился, что эти пергаментные листки древніе и подлинные, вмѣстѣ съ тѣмъ ему одинъ изъ великихъ знатоковъ въ рукописяхъ, к. бавар. библіотекарь *д-ръ Андр. Шмеллеръ* въ Мюнхенѣ (отъ 15 янв. 1845) написалъ слѣд.: „Что касается отрывка „Любушинъ судъ“, то я склоненъ вѣрить въ его подлинность, если только не будетъ доказано, что въ его языкѣ есть что-нибудь, что можетъ относиться лишь къ позднѣйшему времени“.

Итакъ, да успокоятся читатели, пусть припомнятъ при этомъ, что говорятъ комментаторы „ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache“ (стр. 192—193) о несправедливой судьбѣ, которая постигла въ этомъ случаѣ неутомимо дѣятельнаго Ганку. „Здѣсь (говорятъ они) наша критика, насколько она идетъ къ дѣлу, оказалась не при чемъ. Въ виду того, что самъ Добровскій, какъ въ своихъ изданныхъ статьяхъ, такъ и въ устныхъ сообщеніяхъ, Іос. Юнгманна, Вач. Ганку и Іос. Линду, то порознь, то всѣхъ троихъ вмѣстѣ, называлъ и указывалъ подо-

*) Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, mit Facsimiles. Прага. 1840. (Изъ Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften.) 234 стр. въ б. 4о. Интересно тутъ заключеніе о личности таинственнаго отправителя „*Любушина суда*“. Это долженъ быть (по стр. 175—176) извѣстный библіотечный письмоводитель—*Норбертъ Ванекъ*, въ 1818 г. бывшій секретаремъ *гр. Гартманна Ф. Кларштейна*. Ванекъ ум. 29 дек. 1835 г. Его, во всякомъ случаѣ, злополучное письмо къ музейному комитету на 167—168 стр. буквально воспроизведено. Какъ же было угадать настоящаго составителя??

Digitized by Google

врѣваемыми составителями „Любушина суда“, а Ганку въ особенности—виновникомъ палимпсеста, то мы должны сказать два-три слова по этому поводу. Что Добровскій считалъ способными играть роль „поэтическихъ проказниковъ“: тогда еще оч. молодаго, извѣстнаго поэтическими произведеніями весьма посредственнаго достоинства, кромѣ того не отличающагося никакой основательностью филологическаго образованія, умершаго въ 1834 г. *Линду*; что онъ считалъ такимъ же, тогда едва двадцатишестилѣтняго *Ганку*, своего собственнаго благодарнаго ученика, легче понять и даже извинить; но то, что онъ въ этотъ окаянный споръ вмѣшалъ и *Юнгманна*, уже въ то время человѣка пожилого, единственно потому, что тотъ непризнанный отрывокъ принялъ подъ защиту, и его посчиталъ способнымъ къ столь неровному и неестественному союзу,—остается только утверждать, что онъ по этому дѣлу не могъ держать себя пошлѣе“.

Послѣ этого длиннаго отступленія, которое однако было необходимо для очерка жизни и характера Ганки, возвратимся къ переходной эпохѣ отъ 1824 до 1825 г.

Только что упомянутый годъ, какъ поворотный пунктъ четверти столѣтія, остается замѣчательнымъ и потому, что онъ далъ Чехамъ спеціальную, а Славянамъ общую исторію литературы и языка. Неутомимый Юнгманнъ издалъ свою прагматическую Historie literatury ceské (больше 700 стр. б. 8)—только въ 1849 году появившуюся во второмъ дополненномъ изданіи, и *Шафарикъ* (разобранную Добровскимъ въ XXXVII т. Wiener Jahrbücher) свою „Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten“ (1826, XII и 524 стр.). Къ труду Юнгманна, Ганка изготовилъ нѣмецкій реестръ авторовъ. Чешскія стремленія получили, благодаря этому труду болѣе сознательную выдержку, а сопоставленія Шафарика вызывали всѣхъ Славянъ къ литературной взаимности. Имя Ганки красовалось уже въ обѣихъ книгахъ, и всѣ Славяне еще возлагали на него свѣтлыя надежды.

Ганкою овладѣлъ около этого времени бодрый духъ предпріимчивости. Появились великолѣпныя славянскія изданія, которыя расхваливались всѣми русскими учеными учрежденіями, находили поддержку въ рус. министерствѣ нар. просвѣщенія, встрѣчали сочувствіе въ е. в. имп. Александрѣ Павловичѣ и его преемникѣ; но все это не отвлекало Ганку настолько, чтобы онъ не откликался и на малое и незначительное, происходившее вокругъ него. Его русскіе друзья—въ особенности получившій

нѣмецкое образованіе, равно симпатичный какъ и дѣятельный, *Петръ Ф. Кёппенъ*—и безъ того не упускали изъ виду ученика, любимца и послѣдователя Добровскаго, и ихъ сближеніе не осталось безъ послѣдствій. Постоянно увѣдомляли они Ганку о намѣреніяхъ и литературныхъ планахъ русскаго правительства, присылали ему цѣнныя книги и предоставляли опредѣлить ихъ достоинство. Ганка велъ уже тогда съ бѣглостію корреспонденцію на русскомъ и польскомъ языкѣ. Именно Кёппенъ пользовался сотрудничествомъ его въ 1826 г. въ своихъ „Библіографическихъ листахъ", Погодинъ въ „Москвитянинѣ", въ Россіи и Польшѣ Ганковы письма примѣнялись для литературныхъ обозрѣній и критикъ, что постепенно влекло за собою обширныя сношенія съ Петербургомъ, Москвой, Варшавой, Вильной, Краковомъ и другими учеными центрами.

Равнымъ образомъ Ганка съ 1825 года, по собственному желанію, принялъ участіе въ лекціяхъ, которыя читалъ Добровскій для воспитанниковъ Пражской вендской семинаріи о лужицкомъ нарѣчіи *); также онъ преимущественно содѣйствовалъ учрежденію въ Россіи каѳедръ славяновѣдѣнія. Его голосъ не остался также и тамъ втунѣ. Отъ 6 (18) апр. 1827 писалъ ему фонъ-Кёппенъ изъ Петербурга: „Ваши предложенія и ходатайства объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ тщательно обсуждаются, но понынѣ не послѣдовало никакого рѣшенія". Затѣмъ отъ 1 (13) іюня того же года: „Въ отношеніи вашего—или лучше нашего общаго—дѣла, касательно учрежденія славянскихъ каѳедръ, все еще остается по прежнему безъ разрѣшенія. Теперь, пока я оставляю Петербургъ, будетъ поддерживать съ вами дальнѣйшія сношенія другъ мой *Гётце* (котораго вы знаете по переводу сербскихъ и русскихъ народныхъ пѣсенъ)". Наконецъ изъ Одессы отъ 14 (26) іюля 1828 года: „Объ учрежденіи славянскихъ профессуръ я все еще веду переговоры, и въ недавнее еще время я писалъ по этому предмету новому министру народн. просвѣщенія, *кн. Ливену*. Жаль, очень жаль, что Шишкову не удалось довести до конца столь прекрасное дѣло".

Такъ Ганка, сильно сомнѣвавшійся въ учрежденіи каѳедръ славяновѣдѣнія въ Австріи, утѣшалъ себя надеждою, что пособитъ учредить одну или нѣсколько такихъ каѳедръ въ Россіи. Дѣло протянулось однако до смерти Добровскаго.

*) Эти лекціи Ганка и по смерти Добровскаго продолжалъ въ духѣ своего предшественника и они пригодились нарѣчію, находившемуся въ состояніи вымиранія.

Digitized by Google

Въ отечествѣ Ганка между тѣмъ выступалъ съ нѣсколькими литературными мелочами. Поздравительное стихотвореніе на бракъ *кн. Руд. Кинскаго* (которому Ганка раньше давалъ уроки чешскаго языка) *съ графинею Коллоредо-Маннсфельдъ*: k veleslavnému sňatku и пр. v Praze 12 máje 1825... послѣдовало немедленно; а чешскія каллиграфическія тетради: České předpisy (1826) удовлетворили давно чувствуемой потребности. Ганка издалъ въ свѣтъ также нравоучительный трактатъ *Гуса*: Dcerka aneb Poznánie cesty pravé k spasení (1826, 82 стр. in 8o), равно какъ непосредственно за этимъ два старочешскіе народные романа: Stará povest o Stojmírovi a o Griseldě (1827, 72 стр. in 12), это народное изданіе на нѣмецкомъ языкѣ (1827) вышло также въ Линцѣ. Уже въ 1824 г. начатые Obrazy dějin českých теперь были окончены; „*Чешскія историческія пѣсни*“, по-нѣмецки и по-чешски, изъ новыхъ поэтовъ (I тетр. 1826 г., 72 стр. и II т. 1827, 32 стр. in 4o),—безспорно одна изъ счастливыхъ идей къ оживленію патріотическаго чувства и оцѣнки красотъ чешскаго языка. Въ изданіи этихъ историческихъ пѣсенъ впрочемъ главное участіе принималъ вышеупомянутый *В. А. Свобода*.

Съ 1827 годомъ явился, выходящій 4 раза въ годъ, Временникъ Чешскаго Музея: Časopis společnosti vlastenského Museum v Čechách, въ которомъ два года сотрудничалъ даже Добровскій. Этотъ журналъ возросъ постепенно (до 1836) до десяти выпусковъ въ годъ, началъ отсюда новую распространенную серію и продолжается, выходя выпусками въ неопредѣленные сроки (иждивеніемъ чешской *Матицы*) по настоящее время. Нельзя не признать высокаго значенія этого журнала для литературы и національности Чеховъ, и святую истину высказалъ о немъ *гр. Левъ Тунъ**): „Благотворнѣе всего оказалась дѣятельность Музейнаго Общества, благодаря учрежденному имъ въ 1827 г. чешскому журналу; ибо онъ собственно способствовалъ къ объединенію отдѣльныхъ ученыхъ въ общихъ стремленіяхъ, къ совѣщаніямъ ихъ, относительно потребностей своего народа. Журналъ этотъ, какъ сборникъ оч. интересныхъ статей, со времени своего возникновенія, считалъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ, всѣхъ, кто своимъ талантомъ выдѣлялся въ чешской литературѣ, и эти-то сотрудники обезпечили его направленіе и подборъ ста-

*) Ueber den gegenwärtigen Zustand der böhm. Literatur, Прага. 1842. стр. 14—15.

Digitized by Google

тей; поэтому вполнѣ у мѣста преимущественно объ этомъ журналѣ истина, не безъ основанія высказанная вообще, что на журналы надо смотрѣть, какъ на литературный барометръ. По его ходу въ развитіи, по его теперешней точкѣ зрѣнія удобно выводить заключеніе о ходѣ развитія, о состояніи всей чешской литературы".

И Музейный Журналъ, собственно чешскій (ибо о *нѣмецкомъ*, который продолжался всего *пять* лѣтъ, тутъ не идетъ рѣчь) представляетъ длинный рядъ почтенныхъ изслѣдованій, рецензій, перепечатокъ старинныхъ литературныхъ памятниковъ, стихотвореній и замѣтокъ, принадлежащихъ перу Ганки *), статьи эти показываютъ ученость, усидчивость и многосторонность ихъ автора. Равнымъ образомъ, Ганка, вновь издавъ старый чешскій псалтырь *Георгія Стрейца*: Žalmové aneb zpěvové svatého Davida (Прага, 1827, XXX и 316 стр. in 12), воспользовался случаемъ сдѣлать первый вкладъ во вновь учрежденный „Музейникъ" изъ изслѣдованія, относящагося къ вышеупомянутому псалтырю: Srovnání dvou nejstarších přeložení žalmu CIX (Čas. Mus. 1827, I, 108 сл.). Вторая статья (ib. IV, 69 сл.) относилась къ древнечешскимъ глоссамъ съ иной стороны извѣстной Mater Verborum **). Въ слѣдующемъ году Ганка удивилъ своихъ земляковъ попыткой чешскаго перевода Эбертовой героической поэмы „*Власта*" (ib. 1828, III, 39 сл.).

Такъ-какъ Pravopis Ганки рискнулъ выйти вторымъ изданіемъ, и правительство одновременно постановило ввести неизмѣнную орѳографію (въ чешскихъ учебникахъ), то это было достаточнымъ поводомъ вновь поднять „*вопросъ о правописаніи*" въ печати. Ганка откликнулся на цѣлый рядъ полемическихъ брошюръ статьею: O počátku a proměnách pravopisu českého (въ Rozličnosti Praž. 1827, № 98 первоначально, потомъ самостоятельно 1828, 16 стр. б. 8°). *Нѣдлый* выступилъ съ нѣмецкимъ „Widerlegung" 1828, Юнгманнъ напечаталъ „Beleuchtung" 1829, разборъ книги Нѣдлаго, *Палковичъ* наконецъ держалъ своимъ „Bestreitung der Neuerungen" 1830, послѣднее слово ***). Вся

*) Послѣдній выпускъ 1836 года содержалъ общій реестръ 1827—1836 годовъ. Въ немъ (стр. 400) хронологически перечислены всѣ поэтическія и прозаическія статьи Ганки. Подобный же (присоединенный къ 1846 году) десятилѣтній общій перечень 1837—1846 годовъ, на стр. 821 представляетъ вторую серію статей Ганки.

**) Ср. объ этомъ Шафарика Aelteste Denkm. d. böhm. Sprache. Стр. 205—233.

***) Вся литература спора обстоятельно у *Михля*, Letopis, (1837) стр. 76—77.

Digitized by Google

непріятная распря (дѣло было сведено даже на политическую почву!), собственно со стороны *Неѣдлаго*, ведена была съ такимъ ожесточеніемъ, которому подобное едва ли найдется во всей новой литературѣ. Чешскіе ученые вошли изъ-за этого въ славу мелочныхъ спорщиковъ, и межъ тѣмъ какъ заграницей смѣялись по поводу горячаго спора объ *і* и *у*, главный боецъ, *Неѣдлый*, чуть не поплатился изъ-за него жизнью! Пятнадцать лѣтъ спустя споръ вторично вступилъ въ новую фазу, но объ этомъ позже.

6 января 1829 года Добровскій, патріархъ литературы Славянъ восточнаго и западнаго вѣроисповѣданія, отошелъ въ вѣчность въ Альтбрюннѣ въ Моравіи. Его старѣйшій другъ, Копитаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ усерднѣйшій сотрудникъ въ Institutiones linguae slavicae, помѣстилъ его некрологъ, полный уваженія и благоговѣнія въ Oesterreichischer Beobachter (отъ 7-го марта 1829); его духовный питомецъ, Ганка, принялся со святымъ благоговѣніемъ за литературное наслѣдіе покойнаго и сталъ постепенно издавать его важнѣйшія сочиненія, вышедшія уже изъ обращенія, новыми изданіями; наконецъ Глюкзелигъ (авторъ статьи) издалъ біографію Добровскаго (Прага, 1837, IV и 28 стр. in 8°)—великаго человѣка, которому онъ съ юныхъ лѣтъ обязанъ наукой, дружескими совѣтами и благосклонностью. Кто могъ тогда предвидѣть, когда печаль всѣхъ Славянскихъ племенъ и даже заграницей у иностранцевъ о такой потерѣ—которая и понынѣ не вознаграждена—была столь единодушна, что за печалью кое-гдѣ кроется измѣна, и что память о Добровскомъ слишкомъ скоро (и даже въ лицѣ ученика его Ганки) можетъ стать оклеветанною?! Дѣйствительно! то, что Ганка со смертью Добровскаго высказывалъ объ извѣстныхъ сторонахъ этого столь много потрудившагося для пользы Славянской науки патріарха Славяновѣдѣнія, не щадившаго силъ для служенія наукѣ въ чистѣйшемъ ея видѣ—должно было оскорблять, такъ-какъ онъ самъ воспитался на *Добровскомъ* и *его системѣ*. Система славяновѣдѣнія Добровскаго—гигантская постройка, съ которою примирился равно великій Копитаръ при возведеніи своей (каринтійской) системы: *подобная* постройка не могла быть разрушена ни изъ Россіи, ни Вѣнскою академіею, по крайней мѣрѣ, единичными, хотя бы и лукавыми противниками, развѣ должны были открыться замѣчательные новые источники историческіе, сочиненія св. Кирилла въ оригиналѣ, глаголическій Codex primaevus, славянскій праалфавитъ и еще что? славянскія древности—на землѣ или подъ землею!

Затрогивая эту чувствительную струну, замѣтимъ, что Ганка *съ 1829 г. выступилъ на свою самостоятельную ученую дорогу*

и, при всѣхъ ему оказанныхъ наградахъ и почестяхъ, пожиналъ не одни только лавры; хотя *заслуги* для славянской письменности принесъ *безчисленныя*.

Ганка одновременно со смертью Добровскаго былъ занятъ изслѣдованіемъ открытой въ Петербургѣ древнеславянской легенды о св. Вячеславѣ*) и предавался розовымъ надеждамъ на процвѣтаніе Чехіи, благодаря основанію *Матицы Чешской* **), какъ вдругъ былъ озадаченъ такими новостями изъ Россіи. „Съ тѣхъ поръ какъ я (пишетъ *Ф. Кёппенъ* отъ 29 дек. ст.ст. 1829) опять въ Петербургѣ—не безъ результата шла работа по нашему дѣлу. Имп. Рос. Академія назначаетъ отъ 30—40.000 р. на учрежденіе Славянской библіотеки и даетъ отъ 2—3.000 р. на пополненіе ея. *Въ библіотекари назначены вы* (на тѣхъ же условіяхъ, какъ профессора-иностранцы, вызываемые въ Россію) *съ 4.000 руб. жалованья, подъемными* и т. д. Я долженъ по поводу этого сдѣлать особое замѣчаніе. Согласіе уже получено Академіею отъ Министерства Н. Пр. и ожидается лишь высочайшее соизволеніе Государя. Такъ-какъ я никоимъ образомъ въ выс. соизволеніи не сомнѣваюсь, то дѣло не можетъ затянуться. Имѣйте немного терпѣнія, пока я, или кто другой, васъ увѣдомитъ оффиціально. Вашимъ главнымъ занятіемъ долженъ быть соединенный словарь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Затѣмъ отъ 15 (27) янв. 1830 г.: „Нѣсколько дней назадъ Государь соизволилъ одобрить планъ учрежденія Славянской библіотеки и утвердить также выборъ трехъ библіотекарей. Теперь должно послѣдовать къ вамъ оффиціальное посланіе". Наконецъ 29 янв. (10 февр.) 1830 г.: „Наконецъ я могу вамъ сообщить формальное приглашеніе Импер. Россійской Академіи. *Вы получаете чинъ надворнаго совѣтника, подполковника 7-го класса, который даетъ потомственное дворянство*, съ чѣмъ здѣсь соединены немаловажныя преимущества. Еще долженъ я вамъ сказать, что опять тутъ пошла въ ходъ мысль объ учрежденіи въ Петербургскомъ университетѣ каѳедры славянской филологіи. Профессуру можно бы удобно соединить съ мѣстомъ библіотекаря Рос. Академіи и, по крайней мѣрѣ, *удвоить ваше жалованье*. Также и въ другихъ университетахъ имперіи будутъ учреждены каѳедры этого рода, и я прошу васъ—подумать о людяхъ, спо-

*) Результатъ этого изученія появился въ слѣдующемъ году: Petrohradská legenda o s. Václavu ze staroslov. přel. (C. C. M. 1830, IV, 458 сл.).

**) Извѣстный фондъ и комитетъ для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ, который нашелъ подражаніе себѣ въ Галиціи, Иллиріи и т. д.

Digitized by Google

собныхъ для этого дѣла, чтобы впослѣдствіи, по вашей рекомендаціи, они могли быть вызваны".

Какая блестящая перспектива открывалась съ этимъ славяновѣду, находившемуся въ самой цвѣтущей порѣ возраста? Какое поле разностороннѣйшей дѣятельности представлялось ему? Но имѣлъ ли Ганка равнаго преемника въ Чехіи? И могъ ли онъ разсчитывать, что отечество такъ легко съ нимъ разстанется? Несомнѣнно, Ганка имѣлъ всѣ особенности, чтобы подвизаться съ достоинствомъ въ кругу подобной дѣятельности, но онъ же обладалъ моральной силой и отказаться отъ нея! Были тогда соображенія столь своеобразныя, даже политическаго характера, что, и согласись Музей отпустить его въ Россію, Ганка тѣмъ не менѣе остался бы на родинѣ. На это склонили его съ одной стороны просьбы жены, а еще болѣе совѣты извѣстныхъ личностей, которыя отвергали подобное приглашеніе, а съ другой Ганка думалъ, что онъ не можетъ обѣщать себѣ въ Россіи никакой свободной и независимой дѣятельности.

Отказъ Ганки былъ благосклонно принятъ; и даже е. в. соизволилъ пожаловать ему отъ 28 янв. (9 февр.) 1831 г. „за прекрасныя изданія въ области славянскихъ древностей и литературы" орденъ св. Владиміра 4. степени, котораго знаки сопровождались письмомъ предсѣдателя (законодательной) коммиссіи свода законовъ *М. М. Сперанскаго*. Незадолго получилъ Ганка почетный дипломъ отъ Общества для изученія исторіи и древностей въ Помераніи (Штеттинъ, 31 окт. 1829 г.), и его приняло церковно-музыкальное Общество друзей искусства въ Чехіи отъ 12 дек. 1830 г. „во вниманіе оказанныхъ Обществу съ радостною готовностію услугъ" въ свои дѣйствительные члены.

Слава Ганки на родинѣ и за-границей все болѣе возрастала; и теперь, по истеченіи отъ перваго изданія *десяти* лѣтъ, онъ готовилъ болѣе изящное, и что важно, комментированное изданіе *Краледворской рукописи* (трудно было этого ожидать, а *маленькое* по числу экземпляровъ 1-е изданіе не разошлось раньше десяти лѣтъ!). Ганка и Свобода сообща хлопотали надъ вторымъ изданіемъ, и оно вышло, какъ Králodvorský Rukopis — Сборникъ древне-чешскихъ лирико-эпическихъ пѣсенъ, рядомъ съ другими древне-чешскими стихотвореніями. Съ историко-критическимъ введеніемъ, факсимиле и примѣчаніями. (Прага у Кальве. 1829. 244 въ б. 8).

Въ это изданіе были приняты Libušin soud, пѣсня у Вышеграда и пр., нѣмецкій переводъ являлся въ исправленномъ видѣ. Тотчасъ обращено было вниманіе на эти „народныя баллады" *англичанами*. Одинъ англичанинъ, по имени John Bo-

Digitized by Google

wring, знакомый съ чешскимъ языкомъ, благодаря случаю или любознательности, и состоявшій въ перепискѣ съ чешскими писателями, помѣстилъ въ Foreign Quarterly Review, III, статью „Bohemian Literature“, въ которой на 30 страницахъ мелкой печати говоритъ о Юнгманновой Hist. lit. české 1825 г. и приводитъ немало древне и ново-чешскихъ стихотвореній въ переводѣ. Теперь (1830) помѣстилъ онъ-же вторую статью: „Ancient Bohemian ballads“ въ XXIV №—Westminster Review (20 стр. in 8°), которая всецѣло была посвящена *Краледворской рукописи* и содержала изъ нея большіе отрывки перевода. Bowring вскорѣ затѣмъ сдѣлалъ еще болѣе для чешской литературы.

Около этого времени вѣнскій цензоръ, *д-ръ Францъ Сартори* *), издалъ очеркъ исторіи Славянскихъ литературъ—ограничиваясь впрочемъ Славянами австрійскими—а *Гёте* обратилъ свое благосклонное вниманіе въ длинной статьѣ, помѣщенной въ Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik 1830 (мартъ, №№ 58—60), на національно-литературное положеніе Чехіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликовалъ свящ. *Карлъ Винаржицкій* въ 1831 (разумѣется, болѣе репортерскій, чѣмъ критическій) годовой обзоръ Чешской литературы, изъ котораго первая статья появилась въ *нѣмецкомъ* Музейникѣ (1831, стр. 388 сл.), три остальныя, съ рукописи автора постепенно появлялись въ Almanach de Carlsbad, изд. де-Карро—по-французски **). Въ 1832 г. Bowring выступилъ съ цѣлой антологіей, которую при этомъ онъ выполнилъ оч. обстоятельно: Cheskian Anthology; beingh a history of the poetical literature of Bohemia, with translated specimens by John Bowring. Лондонъ. 1832. VIII и 260 стр. in 12. (Тутъ Ганковы: Hněv, Nářek, Často zamyšlený, 239—250 стр.). Историко-литературное введеніе стр. 1—144, въ извлеченіи по-французски въ Almanach de Carlsbad 1834, стр. 204—214.

Наконецъ и *французы* познакомились съ Краледворскими пѣснями, когда *Эдгаръ Кинѣ* (Quinet) помѣстилъ въ Revue de deux mondes (1831, III v., 4 livr., 359 сл.) статью, снабженную отрывками перевода, подъ заглавіемъ: de l'épopée des Bohèmes, помѣщенную, равнымъ образомъ, *де-Карро* въ „Карлсбадскомъ

*) Sartori: Histor. ethnograph. Uebersicht der wissenschaftlichen Kultur, Geistesthätigkeit und Literatur des österr. Kaiserstaates, Wien bei Gerold, 1830, I т. (стр. 1—33, Чехія).

**) Alm. de Carlsbad. I an. 1831. стр. 201—232; далѣе 1835. стр. 212—233; 1836. 153—175; 1841, стр. 199—246. Де-Карро помѣщалъ также статьи Гёте, Эдгара Кине, Bowring'a, Ястржебскаго и др.

Digitized by Google

альманахѣ“ 1834 г. Полный *польскій* переводъ „Краледворской рукописи“ послѣдовалъ довольно поздно (*Луціана Сѣменскаго*, Краковъ, 1836, 12)—къ которому постепенно присоединились другіе Славяне съ различными переводчиками: по-русски (вновь) Берга, по-иллирски—Игнатія Берлича, по-сербски—Гаджича, по-верхнелужицки—Смоляра и Іордана, по-краински—неизвѣстнаго, по-малорусски—Срезневскаго и Галки (Костомарова) и пр., такъ что при *десятомъ* изданіи „Краледворской рукописи“ въ 1851 году имѣется на лице довольно полная полиглотта ея.

Съ тѣхъ поръ какъ слава Ганки достигла Россіи, онъ погрузился совершенно въ отечественныя, болѣе или менѣе ученыя работы: Vetustissima vocabularia latino-bohemica. Zbirka nejdávnějších slovniků latinsko-českých, Прага. 1833, XVI и 442 стр. in 8 съ образцами письма (рецензія Глюкзелига въ Berliner Jahrbüher für wissenschaftliche Kritik. 1835. № 4). *Добровскаго* планъ (Entwurf) общаго *этимологикона* Славянскихъ языковъ. 2-е испр. и доп. изданіе Ганки. Прага. 1833 г. 8.—*Его-же*, Slawin. Посланіе (Botschaft) изъ Чехіи ко всѣмъ Славянскимъ народамъ. 2-е изд. Ганки. 1833. 8.—*Его-же* Glagolitica или о глагольской литературѣ; вновь изд. Ганкою. 1834. 8. (Совмѣстная рецензія Глюкзелига въ Berl. Jahrb. f. wissensch. Kritik. 1835. № 25—26).

Ганковы Písně вышли уже въ 1831 г. третьимъ дополн. изданіемъ (132 стр. in 24°), изъ нихъ 6 пѣсенъ (съ нѣмецкимъ переводомъ В. Свободы) въ 1836 г. положены на музыку *В. Томашекомъ*. Ганка перевелъ также извѣстные Krakowiaky по-чешски и издалъ ихъ въ 1834 г. (114 стр. in 16) и вторымъ изд. въ 1851 г. съ аккомпаниментомъ. Въ 1834 г. обработалъ онъ польскую грамматику по системѣ Добровскаго, которой изданіе скоро было раскуплено и только въ 1850 г. замѣнено новымъ *). То же самое было уже въ 1831 г. съ Чешской грамматикой, которая также стала популярною тогда же въ первомъ изданіи (Gramatyka čili Mluvnice, 287 стр. м. 8) и въ 1849 г. въ новой обработкѣ **) отпечатана вновь. Извѣстно, что теперь имѣютъ уже всѣ Славянскія нарѣчія свои самостоятельныя грамматики по системѣ Добровскаго (примѣненной и къ церковно-славянскому); *всеславянская грамматика* ждетъ своего

*) Mluvnice polského jazyka Václava Hanky, druhé poopravené vydání, Прага, 1850, XXIV и 186 стр. 8.

**) Mluvnice českého jazyka na základě soustavy Dobrovského; třeti vyd. Прага, 1849, XII и 268 стр. 8. Между многими наилучшая, но пригодная только для природныхъ Чеховъ.

Digitized by Google

составителя... Основаніе для нея—сравнительную фонетику—издала Вѣнская Академія наукъ.

Литературныя связи Ганки завязывались нынѣче все болѣе въ Германіи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда обитали Славяне и гдѣ на онѣмеченной почвѣ въ настоящее время дѣйствовали нѣмецкія Общества древностей. Померанское археологическое Общество, избравшее Ганку, какъ глубокаго знатока Славянскихъ древностей, въ члены, мы уже упомянули; теперь сдѣлали то же самое: 4 іюля 1833 г. шлезвигъ-голштейнъ-лауэнбургское Общество отечественной исторіи,—26 февр. 1834 г. силезское Общество отечественной культуры,—2 сент. 1835 г. верхнелужицкое Общество Наукъ,—5 окт. 1835 г. Общество исторіи и древностей Мекленбургскихъ—къ этому надо прибавить, что Ганка уже со 2 марта 1834 былъ избранъ въ д. члены к. Чешскаго Общества Наукъ. Въ сферѣ послѣдняго Общества созрѣлъ съ этихъ поръ также планъ—принять болѣе національный характеръ и открыть доступъ въ него чешскому элементу, который до тѣхъ поръ не могъ завоевать себѣ гражданскихъ правъ,—для этого въ засѣданіяхъ и актовыхъ собраніяхъ съ этихъ поръ должны были имѣть мѣсто и чешскія чтенія и изслѣдованія. Благодаря этой реформѣ, самое Общество сдѣлалось въ сущности другимъ, чѣмъ оно было во времена Добровскаго.

Янъ Непомуцкій 31 дек. 1834 умеръ, и чрезъ это каѳедра чешскаго языка и литературы въ университетѣ стала ваканткою. Ганкѣ это давало въ извѣстномъ отношеніи много шансовъ, и онъ не прочь былъ отъ каѳедры. Но профессуру эту много лѣтъ не замѣщали, лишь временно была она въ рукахъ сначала *Норберта Ванека*, затѣмъ *Яна Вавры*, и наконецъ въ 1838 году была замѣщена многосторонне образованнымъ лингвистомъ *Яномъ Православомъ Коубекомъ*.

Появленіе перваго выпуска большого Юнгманновскаго чешско-нѣмецкаго Slovnik'a (янв. 1835) возвѣстило новую эру въ чешской отечественной литературѣ; послѣдніе выпуски его явились въ 1839 году. Собранія Ганки были для высокозаслуженнаго лексикографа драгоцѣнною и даже незамѣнимою подготовительною работою; предисловіе (стр. VI) называетъ имя Ганки въ числѣ другихъ „собирателей словъ“. На строгій разборъ и дополненіе Slovnik'a Ганка никогда не могъ отважиться, а его критика критическое и матеріальное достоинство Юнгманновскаго Slovnik'a во мнѣніи публики только и могла твердо поставить. Нельзя отвергать, что трудъ Юнгманна въ своей совокупности внушаетъ извѣстное уваженіе, но оно не заставляетъ распространять себя на всѣ частности его, ибо и трудъ Юнгманна—*дѣло человѣческое*,

Digitized by Google

ибо живутъ знаменитые знатоки языка, еще болѣе знаменитые слѣдуютъ за ними, слѣд., если не бо́льшіе, то лучшіе словари могутъ явиться и наконецъ—развивающійся духъ чешскаго языка не можетъ быть схороненъ въ какомъ-угодно количествѣ томовъ.

Наступилъ 1836 годъ—годъ чешской коронаціи, который Ганка началъ *нумизматическими работами*, къ которымъ онъ (кустосъ богатыхъ монетныхъ коллекцій Музея) давно чувствовалъ влеченіе и къ чему торжество коронаціи *имп. Фердинанда I* дало еще особый поводъ. Начало положено малымъ изслѣдованіемъ „объ оборотной сторонѣ (чешскихъ) монетъ X ст.“ (Музейныя разсужденія 1836, стр. 51—58)—которое также появилось и по-чешски *). Такъ-какъ коронація совпала съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ чешскаго Общества наукъ, Ганка, въ качествѣ члена Общества, имѣлъ случай, при упомянутомъ юбилеѣ держать приличную случаю рѣчь о „коронаціонныхъ монетахъ Чехіи“ **). Засѣданіе почтили присутствіемъ эрцгерцоги: *Францъ Карлъ*, *Иванъ*, *Лудвигъ*, *Альбрехтъ*, *Карлъ*, *Фердинандъ* и *Максимиліанъ*.

По этому поводу можемъ упомянуть и о другихъ позднѣйшихъ нумизматическихъ статьяхъ Ганки. Извѣстно, что чешскій нумизматъ *Адауктъ Фойгтъ* (Voigt, ум. 1787) трактовалъ въ своемъ четырехтомномъ трудѣ только о княжескихъ монетахъ Чехіи, не касаясь многочисленныхъ, равно интересныхъ *фамильныхъ монетъ*. Для пополненія этого пробѣла, который пополняли два нумизмата *Іос. ф. Мадеръ* (ум. 1815) и *гр. Францъ Штернбергъ* (ум. 1830), Ганкой написано немало обстоятельныхъ монографій, а именно: фамильныя монеты и медали дома *Розенберговъ* въ Чехіи (Verhandlungen Муз. Общ. 1837, стр. 70—79, 4 таб. рис.); монеты и медали дома графовъ *Шликъ* (ib. 1838, стран. 48—65; 1839, 68—77, 9 таб. рис.); монеты и медали герцога *Альбрехта Фридландскаго* (ib. 1840, стр. 47—64; 1841, 80—

*) Časopis česk. Mus. 1836, II, 196 сл. Мы представляемъ тутъ и тѣ статьи, которыя помѣщены въ послѣдніе годы этого журнала. Kvítko na hrob Helene Telepneˇvneˇ z Petrohradu 1826, IV, 8; Slza na hrob J. Exc. hrab. z Sternberga 1830, II, 235; Počet cˇasopisu° na celém sveˇteˇ 1829, II, 125; Cˇernohorci, obraz ze spisu° Bulharinovych 1833, IV, 402 сл.; Literní zpravy (рецензія) 1832, I, 105; 1833, III, 349; IV, 454; 1834, I, 116; Odpoveˇd (полемика съ Челяковскимъ изъ-за Krakoviaky) 1834, IV, 452 и Kveˇty 1835, стр. 10. Михъ (Liter. letop. стр. 239) приводитъ изъ этой эпохи и одинъ молитвенникъ Ганки: Modlitby prˇi sluzˇbach bozˇich. 1833. 12.

**) Чтенія, состоявшіяся въ торжественномъ засѣданіи к. чеш. Общества наукъ при его первомъ (пятидесятилѣтнемъ) юбилеѣ 14 сент. 1836. Прага. 1837. стр. 55—78; по-чешски въ „Музейникѣ“ 1837, III, 321 сл.

Digitized by Google

94, 9 таб. рис.)—послѣднимъ нумизматическимъ трудомъ Ганка съумѣлъ заинтересовать уже большій кругъ читателей *). Кромѣ того Ганка приложилъ многолѣтній трудъ къ изданію критическаго каталога всѣхъ чешскихъ монетъ, находящихся въ Музеѣ, и полновѣсный фоліантъ, хотя достойный печати, употребляется въ Музеѣ, только какъ нумизматическій аппаратъ; каталогъ собственноручно написанъ Ганкою и для нумизматики имѣетъ высокое значеніе.

При многихъ огорченіяхъ, которыя въ жизни выпали Ганкѣ на долю, наука и служба посылали ему по временамъ щедрыя милости **). Именно Ганка занялся письменными разслѣдованіями объ утраченномъ съ 1790 г. великолѣпномъ славянскомъ кодексѣ Евангелія въ Реймсѣ, на которомъ, по преданію, французскіе короли приносили присягу въ день коронаціи—оттуда и имя его le texte du sacre. Потеря этого кодекса уже давно огорчала Добровскаго***), и славяновѣды изощрялись въ догадкахъ относительно его. Три года спустя послѣ смерти Добровскаго, *графъ Ив. Вилы. Штернбергъ-Мандершейдъ* просилъ Ганку прислать ему въ Парижъ глагольскій алфавитъ. Это случилось зимою 1832 г. Лучъ надежды, что чувствительная утрата кодекса будетъ вновь вознаграждена, проникла до глубины въ душу Ганки; но скоро онъ увидѣлъ себя горько разочарованнымъ письмомъ того же графа (Парижъ 30 мая 1832). Между тѣмъ *А. И. Тургеневъ*—одинъ изъ любимыхъ учениковъ старика Шлецера,—въ дек. 1835 г. осмотрѣвши Реймскую муниципальную библіотеку, *дѣйствительно* нашелъ кодексъ Евангелія, и уже январская книга *„Журнала М. П. Пр.“* (1836, стр. 229) сообщала о немъ первое предварительное свѣдѣніе. Реймскому библіотекарю, *Луи Парису*, обязаны первымъ факсимиле съ описаніемъ рукописи (ср. La Chronique de Champagne 1837, I. 41—44), поляку *І. Л. К. Ястржебскому* (1839) первымъ удовлетворительнымъ палеографическимъ обозрѣніемъ ея.

*) Всѣ эти статьи, съ точными и художественными рисунками монетъ, почешски изданы въ „Музейникѣ“ 1837, IV, 452 . (Розенбергъ); 1838, IV, 499; 1839, IV, 433 (Шликкъ); 1842, I, 81 сл. (Фридландъ); такъ что ежегодныя Музейныя „Verhandlungen“ имѣютъ соотвѣтственную статью въ „Музейникѣ“: онѣ, появляясь *по-нѣмецки*, печатались въ точномъ переводѣ съ рисунками *по-чешски* въ „Музейникѣ“. Переводъ дѣлалъ самъ авторъ.

**) Среди нихъ была напр. вдвойнѣ отрадная награда: Ганка получилъ отъ 22 окт. (3 нояб.) 1836 г. отъ Имп. Рос. Академіи большую золотую медаль: *„принесшему пользу россійскому слову“*, въ сопровожденіи письма отъ *кн. Горчакова.*

***) Добровскій, Slawin, 1-е изд. стр. 70, 275; Inst. ling. slav. XIV.

Digitized by Google

Ганка же сдѣлалъ первое научное изслѣдованіе рукописи съ *разборомъ замѣчательной глагольской заключительной формулы*, благодаря которому подтвердилось преданіе, чтобы не сказать увѣренность, о чешскомъ происхожденіи кодекса—котораго первую часть *св. Прокопъ*, около 1030 г., написалъ кирилловскими буквами *).—Чрезмѣрно было увлеченіе, съ которымъ Ганка такъ долго посвящалъ себя этому, наравнѣ съ извѣстнымъ Остромировымъ Евангеліемъ, древнему памятнику Славянской письменности, пока ему не посчастливилось издать его вполнѣ. Прежде чѣмъ это совершилось, Ганка долженъ былъ отстаивать древность и подлинность рукописи противъ Копитара **).

Самъ Копитаръ подарилъ ученый міръ въ 1836 г. великолѣпнымъ трудомъ по славяновѣдѣнію, всемірно-извѣстнымъ Glagolita Clozianus ***), который между прочимъ содержитъ въ себѣ грамматику и словарь древне-церковно-славянскаго языка и неисчерпаемый критическій матеріалъ.

Вскорѣ затѣмъ Копитаръ сталъ выступать противъ Палацкаго и Шафарика (ср. Chmels Geschichtsforscher, Вѣна, 1838, Ш, 501—515 стр.); еще безпощаднѣе повелъ себя Копитаръ противъ нихъ совмѣстно съ Ганкою въ своемъ Hesychius seu Miscellanea graecoslavica 1840—откуда постепенно произошла настоящая война, которая окончилась лишь смертью Копитара (11 авг. 1844). Дѣло Ганки и другихъ съ ученымъ настолько, насколько и колкимъ, и всегда готовымъ къ битвѣ Копитаромъ было и не безъ душевнаго успокоенія: трудно было рѣшить, на чьей же сторонѣ была правда? но остается въ высокой степени печальнымъ, что тѣнь Копитара, повидимому, не переставала преслѣдовать одного изъ аттакованныхъ.... Заслуги Копитара—род. въ Репнѣ въ Краинѣ 23 авг. 1780 и былъ съ 1808 г. связанъ тѣснѣйшею дружбою съ Добровскимъ—долго еще не будутъ достаточно оцѣнены. Лишь слабая попытка была сдѣлана со стороны Глюкзелига (автора статьи) критически освѣтить

---

*) Сюда относятся различныя статьи Ганки: Zpráva o slovanském Evangelium v Remesi (Č. Č. M. 1839, IV, 491—499); затѣмъ Učené zprávy 1840, I, 187—194; 1842, I, 150 сл. Съ этимъ сравн.: Texte du Sacre въ Almanach de Carlsbad (проф. Кубека) 1840, стр. 224—236; Seconde notice sur le Texte du Sacre, ib. 1843, стр. 216—226.

**) Hesychii Epiglossista russus, 1840, стр. 66.

***) Glagolita Clozianus, id est Codicis glagolitici antiquissimi λείψανον foliorum XII membraneorum, servatum in bibliotheca illmi Comitis Cloz Tridentini. Вѣна. 1836. LXXX и 86 стр. in fol. Съ 2 табл. письма, сравп. рецензію *М. Гаупта* въ Wiener Jahrb. der Lit., т. LXXVI, стр. 103—133.

Digitized by Google

ученую дѣятельность Копитара въ „Oesterreichische Blätter für Literatur u. Kunst“ (Вѣна, 1846, № 86—87); достойнаго біографа Копитаръ, къ сожалѣнію, понынѣ не имѣетъ. Даже Ганка долженъ съ благодарностью признаться, что сочиненія Копитара были для него во многомъ полезны, и онъ пользовался его отдѣльными дружескими услугами. И поэтому благословимъ память мужа, который, подобно Копитару, 20 лѣтъ радомъ съ Добровскимъ со славою трудился для славяновѣдѣнія и въ 15 лѣтъ, которыми пережилъ безсмертнаго Добровскаго, принесъ не менѣе безсмертныя услуги для своей науки!

Равнымъ образомъ еще и по смерти его Ганка вошелъ съ Копитаромъ въ коллизію, хотя съ обѣихъ сторонъ безвинно. Хотя Копитаръ поносилъ Реймскій кодексъ, но тѣмъ не менѣе сотрудничалъ въ роскошномъ изданіи его*), сдѣланномъ въ 1843 г. иждивеніемъ имп. Николая I. Онъ предпослалъ книгѣ, между прочимъ 19 страницъ in 4o Prolegomena historica, въ которыхъ развилъ исторію христіанства по своей системѣ, приписалъ кодексъ XIV вѣку и утверждалъ, что Ганка, лишь, coeco patriae amore abreptus (Proleg. cap. 7), объявилъ его автографомъ *Св. Прокопа Сазавскаго.* Самого изданія, которое послѣдовало въ 1845 г., Копитаръ уже не пережилъ. Ганка же отвѣтилъ ему позже, или лучше ученому міру, соотвѣтственнымъ Sazavo-Emmauntinum.

Уже въ прежніе годы Ганка занимался изслѣдованіемъ древнечешскихъ и древнеморавскихъ юридическихъ источниковъ, и только ждалъ удобнаго случая важнѣйшіе изъ нихъ напечатать. Равнымъ образомъ въ 1836 г. воспользовался готовностью Ганки польскій путешественникъ *Андрей Кухарскій*, издавъ, большею частью изъ его собранія рукописей древнечешскіе (а равно древне-русскіе и-сербскіе) юридическіе памятники, но увы! безъ должной критики текстовъ**). Ганка собралъ и сравнилъ 55 чешскихъ средневѣковыхъ юридическихъ рукописей, большею частію, въ чешской, но также и въ латинской и древненѣмецкой редакціи ***), и могъ наконецъ издать цѣлый об-

*) Evangelia slavice vulgo Texte du Sacre ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit Silvestre, interpretationem adjecit B. Kopitar. Парижъ. 1843. 18 стр. истор. введ. (Proleg. hist.), 32 л. кирил., 62 л. глагольск. текста (факсимиле) на мѣди и съ печатью красками, при этомъ 47 лист. латинскаго перевода въ 8. 4o.

**) Antiquissima monumenta juris Slovenici. Варш. 1838, VII и 511 стр. 8o.

***) Ср. Исторію литературы чешскаго частнаго и государственнаго права *д-ра Легисъ-Глюкзелига* въ „Oesterr. Zeitschrift für Rechts—und Staats—wissenschaft“. 1847. III. 177—217 стр.; IV. 261—280 стр.

Digitized by Google

воръ источниковъ, который вышелъ въ первомъ (чешскомъ) томѣ актовъ „Чешскаго Общества Наукъ“ (1841. I. стр. 154—174), подъ заглавіемъ—Přehled pramenů právních. Въ это же время Матица начала издавать свою *„старочешскую библіотеку“*. Выборъ палъ прежде всѣхъ древнихъ сочиненій на еще ненапечатанное, такъ наз. право въ десяти книгахъ *Викторина Корнелія изъ Вшегрдъ* (ум. 1520), изъ котораго Ганка берегъ въ своемъ бюро копію, годную къ печати, и глоссарій. Цѣликомъ книга явилась, какъ первый томъ „старочешской библіотеки“ въ ректорскій юбилей Юнгманна, подъ заглавіемъ: Knihy devatery o práviech a sudiech i o deskách země české. Прага. 1841. б. 8°; при этомъ Připomenutí 10 іюня 1840 Ганки (стр VII—IX), 1—454 стр. текста, 455—483 указатель. Эта книга вышла собственно отъ имени Музея. Равнымъ образомъ не подъ своимъ именемъ вышли четыре другіе, древніе юридическіе памятника, которыхъ текстъ воспроизвелъ критически Ганка, помѣстивъ въ сборникъ Archiv český 1840—44 г. Это были: книга *Розенбергская* (Arch. č. I. 447—484), изложеніе права *Дубы* (ib. II. 481—517), законникъ земскаго суда (ib. II. 76—135, по чеш. и по-лат.), наконецъ Majestas Carolina (ib. III, 65—180)—въ цѣломъ остатки XIV вѣка, хотя коренящіеся въ древнѣйшихъ источникахъ права страны. Так. образ. Ганка и для Corpus juris Bohemici antiqui принесъ свою долю пользы.

Рядомъ съ этими работами Ганка издалъ свои Písně четвертымъ дополненнымъ изданіемъ (1841, 144 стр. in 16°), помогалъ *д-ру І. П. Іордану* при составленіи его грамматики верхнелужицкаго нарѣчія и помѣщалъ статьи въ русско-польскомъ журналѣ *Денницѣ*— Jutrzenka *Петра Дубровскаго*, равно какъ въ книгахъ актовъ Чешскаго Общества Наукъ (Rozbor staro-české literatury I и II) и въ *„Музейникѣ“* *). Кромѣ того онъ выпустилъ въ свѣтъ маленькое полиглоттное изданіе „Краледворской рукописи“ (1843. 340 стр. in 12°).

---

*) Výklad některých názvů u P. Zíbka (Čas. Mus. 1839, I, 112, II, 240); Prvotisk český a prvotisk polský—въ высшей степени важная статья для славянскаго первопечатанія (ib. 1840, I, 77 сл.); Životové slovanských učitelů Kyrilla i Methodia по древнерусскимъ легендамъ (ib. 1841. IV. 464 сл.), съ статьею *о св. Кириллѣ и Меѳодіи* изъ „Москвитянина“ (ib. 1846. I. 5 сл.). Učené zprávy 1838, II, 266, III, 416, IV, 581; 1839, II, 240, III, 371, IV, 499; 1842. I, 147, III, 454; 1843, II, 306, III, 463; 1844, II, 308 сл. Въ добавокъ приведемъ здѣсь (нѣмецкую) статью „Alter Katalog der Prager Universitäts-bibliothek“ (Verhand. d. Mus. 1840, стр. 65—76).

Digitized by Google

Въ 1842 г. Ганка писалъ въ дружескомъ письмѣ къ одной высокопоставленной особѣ: „Уже оч. близко время, когда будетъ надобность для славянскихъ племенъ *въ одномъ литературномъ языкѣ*. Славянскія нарѣчія останутся, конечно, для простолюдиновъ, in statu quo; но то изъ славянскихъ нарѣчій, которое воспримета въ себя богатѣйшій запасъ словъ и оборотовъ отъ своихъ братьевъ и которое всего удачнѣе будетъ возлѣлывать науку во всѣхъ ея отрасляхъ, тому будетъ предстоять и пальма первенства. *Чешское нарѣчіе* имѣетъ дѣйствительно много преимуществъ, если къ нему будетъ примѣнена и упомянутая забота. У него прекрасные памятники, въ раннюю пору онъ подвергся обработкѣ и былъ уже близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться въ Польшѣ и Литвѣ придворнымъ и дипломатическимъ языкомъ, на что чешское нарѣчіе можетъ привести доказательства изъ XV вѣка. Могущественный соперникъ его въ настоящее время, конечно, *русскій языкъ*, который спѣшитъ впередъ гигантскими шагами, имѣя щедрую поддержку. Но онъ въ своемъ необычномъ алфавитѣ для западныхъ Славянъ хранитъ въ себѣ же самомъ наибольшее препятствіе; такъ что одинъ политикъ удачно сказалъ:—„Пока Русскіе держатся своего (кирилловскаго) алфавита, наши дипломаты могутъ спать спокойно; но увы, если имъ вздумается принять латинскій алфавитъ—всѣ Славяне будутъ за нихъ!“—Провидѣніе помѣстило *Чеховъ* на крайней оконечности съ просвѣщенными сосѣдями: съ этого важнаго пункта всѣ Славянскія племена могутъ легко и свободно воспринимать свѣтъ просвѣщенія; напротивъ въ противоположной сторонѣ, если даже и будетъ приложена истинная наука, царствуютъ большіе предразсудки, даже открытая непріязнь. Чехія при всемъ недостаткѣ въ поддержкѣ такъ далеко ушла, благодаря неожиданной ревности немногихъ, что дѣйствительно можно удивляться всему тому, что совершилось!“

Въ іюлѣ 1842 года появилась многообѣщающая программа Slavische Jahrbücher—*Іордана*, въ которой было прямо высказано, что предпріятіе осуществляется при содѣйствіи Ганки—что Ганка и подтвердилъ своимъ постояннымъ сотрудничествомъ въ каждомъ номерѣ этого журнала.

Въ изданномъ въ 1845 г. комитетомъ Матицы Výbor'ѣ z literatury české, часть I до XV вѣка, (Прага, 118 стр., počátkové staroč. mluv., т. е. начала древне-чешской грамматики, затѣмъ 1188 стр. текста въ два столбца, наконецъ отъ 1296 стр. глоссарь и примѣчанія) Ганка равнымъ образомъ принималъ значительное литературное участіе. Въ это же самое время онъ издалъ, по поводу находки важнаго документа, отчасти

Digitized by Google

писаннаго шифромъ: Correspondenz zwischen Kaiser Rudolph II, den ungarischen Könige Mathias, den Erzherzogen Leopold und Albrecht etc. in Betreff des passawischen Kriegsvolkes. (Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften V. Folge, Band 4) 1845 г., 84 стр. въ 4-ю,—при чемъ были изданы также извлеченія изъ современныхъ чешскихъ памятниковъ.

Изъ году въ годъ увеличивалось также число дипломовъ Ганки на званіе члена разныхъ ученыхъ обществъ. Общество для изученія сѣверныхъ древностей въ Копенгагенѣ избрало его въ ординарные члены 29 окт. 1840 г.;—въ дѣйствительные члены, дипломомъ отъ 22 января (3 февр.) 1842 г. Одесское общество исторіи и древностей; но болѣе всего польщенъ былъ Ганка 29 декабря (10 янв.) 1841 г. дипломомъ Императорской Россійской Академіи Наукъ, при чемъ въ дипломѣ стояли слѣдующія знаменательныя и почетныя строки: Imperialis Academia Scientiarum Petropolitana—dignissimum Illustr. Dobrovskii discipulum atque aemulum socium epistolarum commercio sibi jungendum unanimi consensu elegit.

И Ганка доказалъ, что достоинъ подобныхъ отличій. Два монументальныя изданія по славяновѣдѣнію, имѣвшія право составить эпоху въ этой отрасли науки, появились одно въ слѣдъ за другимъ въ Россіи; мы говоримъ объ описаніи рукописей Румянцевскаго музея *Востокова* (Спб. 1842, III и 899 стр. въ 6. 4) и *его-же*—Остромирово Евангеліе [1056—1057; съ приложеніемъ греческаго текста и грамматическими поясненіями. Спб. Изд. Имп. А. Н. 1843, VIII стр. предисловія, 294 листа текста (uti MS.), 315 стр. грамматики вмѣстѣ съ глоссаремъ, 8 стр. приложеній и пр. Съ 3 табл. факсимиле и 3 миніатюрами, исполненными на мѣди]. Этими изданіями былъ подоженъ краеугольный камень общеславянской исторіи языка. То, что было сдѣлано для церковно-славянскаго языка *Добровскимъ* въ его „Institutiones“, *Копитаромъ* въ его „Glagolita Clozianus“ и нѣкоторыми другими,—сразу поставлено было въ зависимость отъ поддержки вышеупомянутыми сочиненіями, и отсюда могла зародиться совершенно новая школа славяновѣдѣнія, которая дѣйствительно сформировалась при вѣнской академіи наукъ. Докторъ *Францъ Миклошичъ*, современный профессоръ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія въ вѣнскомъ университетѣ, явился геройдомъ этой школы.

Знаменитыя работы *Востокова* послужили для Ганки поводомъ къ благородному соревнованію—представить нѣчто подобное для Славянъ западныхъ. Онъ осуществилъ роскошное

изданіе *Реймскаго евангелія* [Сазаво-еммаусское сіе благовѣствованіе. Sazavo-Emmauntinum Evangelium nunc Remense etc.], въ которомъ первоначальный текстъ изданъ церковно-славянскимъ и латинскимъ алфавитомъ, съ сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ изъ *Остромирова* евангелія и *Острожской* библіи. (Прага, у Гаазе сыновей. 1846. XXXII стр. введенія по-чешски и по-русски; 118 стр. двойного текста; 12 стр. варіантовъ въ словарн.-осьмую. Съ заглавнымъ рисункомъ и двумя таблицами письма).

Предпослана была этому изданію элементарная грамматика древне-церковно-славянскаго языка, подъ заглавіемъ: *Начала священнаго языка Словянъ*, въ двухъ изданіяхъ—чешскомъ и русскомъ (Прага, 1846, 48 стр. in 12); съ двумя славянскими алфавитами, рѣзанными на мѣди, при чемъ были употреблены въ дѣло доски, приготовленныя еще для „Institutiones“ *Добровскаго*.

Реймское евангеліе Ганка считалъ *чешскимъ* памятникомъ, потому-то и отнесся къ нему съ безпредѣльною симпатіей. Въ сущности же это—древне-славянскій, такъ-называемый *Диптихонъ*, въ маломъ форматѣ in 4°, и состоитъ, какъ уже выше вскользь было замѣчено, изъ двухъ существенно различныхъ частей:

Первая часть: отрывокъ *Сборника* или *синаксарія* (какъ почти буквально мы встрѣчаемъ въ *Остромировомъ* евангеліи, л. 211—112; 232, 239—268) для православнаго богослуженія,—всего 16 листовъ на толстомъ пергаментѣ, исписанныхъ въ два столбца *кириллицей*, съ инціалами, воспроизведенными въ краскахъ, и съ украшеніями въ византійскомъ вкусѣ. *Вторая часть*: *Служебникъ* пражскаго славянскаго бенедиктинскаго аббатства св. Іеронима въ Еммаусѣ, 1395 года, по латинскому ритуалу—31 полныхъ листа, на тонкомъ, разлинеенномъ пергаментѣ, равнымъ образомъ въ два столбца, писанныхъ *глаголицей;* все по образцу чешскихъ рукописей XIV вѣка; на Fol. 29 pag. versa заключительная формула на тогдашнемъ чешскомъ нарѣчіи, но все таки тѣми же глаголическими буквами. Въ этой заключительной формулѣ, разъясненной Ганкою, прямо сказано: „tu psal jest svati Prokop (1030—1053) opat svu ruku“.

Послѣднее показаніе не могло получить общаго признанія, и было отвергнуто изъ-за орѳографическихъ основаній славяновѣдами *Копитаромъ* и *Миклошичемъ*, вслѣдствіе подобныхъ же признаковъ подвергнуто сомнѣнію *Востоковымъ* (изданіе *Остромирова Ев.* 1843 г., въ которое, конечно, впервые попали че-

Digitized by Google

тыре столбца Реймскаго евангелія, благодаря Ганкѣ!), но напротивъ въ видѣ неопровержимаго преданія, по палеографическимъ и историческимъ соображеніямъ, принято, какъ нѣчто вѣрное и окончательное, *Ганкою* и *Шафарикомъ* *). Послѣдняго воззрѣнія держался въ 1846 и 1847 годахъ издатель и этой біографіи **), между тѣмъ какъ напр. *Куникъ* пустилъ въ обращеніе противоположное мнѣніе ***)... Къ сожалѣнію, еще ни одинъ славяновѣдъ не видѣлъ оригинала рукописи, и это обстоятельство, конечно, не могло послужить къ упраздненію спора! Между тѣмъ Ганка за свое изданіе былъ удостоенъ высочайшаго подарка отъ императора Фердинанда I, 3 апрѣля 1846 г.—ему пожалованъ драгоцѣнный алмазный перстень; и почти одновременно съ этимъ 13 (25) марта 1846 г. „за ревностное содѣйствіе ученымъ предпріятіямъ министерства народнаго просвѣщенія по отдѣлу славянской филологіи“ Ганка получилъ орденъ св. Анны, и эта награда еще возвышена письмомъ на его имя отъ министра просвѣщенія *С. С. Уварова*...

Между тѣмъ иностранныя общества не забывали избирать Ганку своимъ почетнымъ членомъ: 3 (15) іюня 1846 г. Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ; 17 (29) марта 1847 г. совѣтъ харьковскаго университета и 3 марта 1847 г. историческое общество въ Каринтіи избрали его въ почетные члены; 11 (23) апрѣля 1847 г. русское географическое общество въ члены корреспонденты. 25 ноября 1850 г. Ганка получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена отъ ученаго *дружства* исторіи и древностей югославянскихъ въ Загребѣ.

Русскій ученый *Александръ Н. Поповъ* изучалъ въ это время древне-чешскую живопись, въ особенности миніатюры на пергаментныхъ рукописяхъ чешскихъ XII—XIV столѣтія. Интересное изслѣдованіе, написанное по этому предмету Поповымъ, Ганка перевелъ на чешскій языкъ, подъ заглавіемъ: o starobylé české malbě, od A. Popova (Časopis Mus. 1846, IV. 501. V. 627 sq).

На литературную попытку *обращенія* Словаковъ—которые въ это самое время старались дать ходъ собственному литера-

*) Slovanský Národopis, 2 изд. 1842, стр. 38. Aelteste Denkmäler der böhm. Sprache 1840, стр. 160. Въ обоихъ книгахъ *Шафарикъ* говоритъ, не стѣсняясь, что реймская кирилловская рукопись есть автографъ *св. Прокопа Сазавскаго*.

**) Oesterreichische Blätter für Literatur und Kunst. 1846, Nr. 79; 1847, Nr. 112 sq.

***) См. стр. XXIV предисловія къ Сазаво-Емаускому евангелію.

Digitized by Google

турному языку и замѣнить имъ прежній чешскій—Ганка умышленно не имѣлъ никакого активнаго вліянія и потому не представилъ своего мнѣнія по этому вопросу въ книгѣ, вышедшей въ 1846 г. подъ заглавіемъ: „Hlasové“, въ которой приняли участіе *Юнманнъ*, *Палацкій*, *Шафарикъ*, *Колларъ* и др. Напротивъ, когда въ послѣдній разъ вспыхнула самымъ яркимъ пламенемъ старая орѳографическая распря, Ганка, подстрекаемый съ разныхъ сторонъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ издать, такъ сказать, оправдательную записку, которая положила счастливый конецъ тридцатилѣтней буквоѣдной войнѣ и вышла подъ заглавіемъ: Ospravedlnění nejnov. oprav českého pravopisu proti nářkům pojednání zboru pro řeč a lit. českou (1846, 16 стр. слов. ф.).

1847 годъ былъ тридцатымъ годомъ находки Кралеводворской рукописи. Ганка поспѣшнѣйшимъ образомъ приготовилъ юбилейное изданіе (до тѣхъ поръ девятое), а въ Кралевѣ Градцѣ вышла изящная юбилейная книжечка, написанная собственно для этого случая: Věneček uvit třicetiletému památce nalezení Rukopisu Královdvorského. Složen dne 16 září 1847 v Kralové Dvoře—od Jana C. Brdičky, 32 стр. въ мин. фор.

Такъ окончились тридцать долгихъ лѣтъ политическаго спокойствія и благословенной литературной дѣятельности! О, если бы это такъ оставалось и впредь! Но народы возстали и между ними Славяне выступили съ настоящимъ лихорадочнымъ жаромъ, подъ знаменемъ національнаго самосознанія, о чемъ говорить—собственно дѣло исторіи....

1848 годъ Ганка ознаменовалъ прежде всего поэтическимъ привѣтствіемъ, исполненнымъ силы и величія (впослѣдствіи министру просвѣщенія) *графу Льву Туну*: Ucta Vysoce urozenému Pánu Panu Lvovi Hraběti z Thun—Hohensteina v máji 1848; это—почти дивирамбъ, для котораго авторъ почерпалъ вдохновеніе не только въ собственной груди, но въ чувствахъ всѣхъ славянскихъ сердецъ. И такъ-какъ съ этимъ же годомъ совпалъ пятисотлѣтній юбилей Пражскаго университета, Ганка почтилъ свою alma mater солиднымъ изданіемъ, въ которомъ, между прочимъ, вновь издалъ исторію жизни Карла, *Лупація*: Historia o císaři Karlovi toho jména čtvrtém od M. Prokopa Lupáče z Hlavačova. Též posloupný pořádek vudcův, knížat a králův slavného království českého. (Прага, у Кронберга, 1848, 120 стр. in 8), при книгѣ приложено изображеніе новаго Карлова монумента и проч.

Несмотря на политическія смуты, перо Ганки не прекра-

Digitized by Google

щало своей дѣятельности. Онъ даже считалъ особенно своевременнымъ, въ возможной скорости, отпечатать и распространить многія уже за нѣсколько лѣтъ назадъ приготовленныя рукописи. Прошло уже около двухъ десятилѣтій съ тѣхъ поръ, какъ чешскій *Далимилъ*, начатый въ Лейпцигѣ, не имѣлъ продолженія, когда Ганка взялся въ самой Прагѣ довести дѣло до конца. Книжечка появилась въ двухъ изданіяхъ и была разсчитана на то, чтобы сдѣлаться среди Чеховъ народною книгою par excellence, къ чему она, казалось, особенно годилась, благодаря горячему патріотизму, которымъ пропитана. Книжка вышла подъ заглавіемъ: Dalimilova Chronika Ceská, v nejdávnější čtení navrácená s různoslovím i přídavky deseti rukopisů opatřena. (Прага, 1851, 24 и 264 стр. in 12, съ факсимиле).

Одновременно былъ оконченъ Pravopis въ его девятомъ изданіи (1849), Písně вышли (умноженныя многими политическими) въ 1851 г. пятымъ изданіемъ, Краледворскія пѣсни въ десятомъ *). Но читающая публика сѣтовала на введеніе странныхъ (новославянскихъ) литеръ, что немало препятствовало популярности этихъ новыхъ изданій.

Англія сдѣлала въ это же время Чехіи пріятный сюрпризъ. Въ Прагу прислана была Bohemian poems ancient and modern, translated from the original slavonic by A. H. Wratislaw, M. A., [fellow and tutor of Christs College, Cambridge. Лондонъ, 1849, XXXI стр. предисловія и литературно-историческаго введенія, стр. 1—92 переводовъ и 93—120 оригинала]. Въ этомъ изящномъ сборникѣ помѣщены не только нѣкоторыя пѣсни изъ Краледворской рукописи, но переводчикъ мастерски передалъ и нѣкоторыя изъ пѣсенъ самого Ганки. Напр. эту пѣсню Ганки, которую мы помѣщаемъ въ русской транскрипціи:

С Богем будь а паматуй!
Гледь мне в мысли заховати,
Гдыж мнѣ милост несиш дати,
Осуд тому нехце муй.
С Богем будь а наматуй!
Вѣрнѣ драга срдци мему;
Мыслим на тѣ к гори свему,
Аж смрт схвати живот муй.
Аж се дости выквилиме,
А зде вшецко претрпиме,
Пак се сплни оужель твуй.
С Богом будь а паматуй!

Знатокъ чешскаго языка, отличавшійся быстротою въ работѣ англійскій переводчикъ, *А. Г. Вратиславъ* (производив-

*) Полиглотту Краледворской рукописи Ганка продолжалъ удачно. Вышелъ итальянскій переводъ *Франческони*, русскій (106 стр.) *Берга*. Три бо́льшія изданія Краледворской рукописи 1835, 1843 и 1847 гг. Ганка подарилъ въ пергаментныхъ экземплярахъ библіотекѣ Ч. Н. Музея; одно изъ этихъ изданій художникомъ *Дворжачкомъ* иллюстрировано миніатюрами.

Digitized by Google

шій свой родъ отъ чешской соименной графской фамиліи) посѣтилъ въ іюлѣ 1851 г. Чехію и Прагу лично и привезъ съ собою второе патріотически-поэтическое приношеніе подъ заглавіемъ: Patriotism, an ancient lyrico-epic. poem, translated from the original Slavonic (Лондонъ, 1851, 20 стр. in 8°); это былъ переводъ съ объясненіями героической пѣсни *„Забой, Славой и Людекъ“* изъ Краледворской рукописи. Къ сожалѣнію, личныя условія Вратислава принудили его возвратиться въ Англію послѣ недолгаго пребыванія въ Прагѣ, и вслѣдствіе этого для него сдѣлалось невозможнымъ болѣе спеціально заняться чешской литературой.

Благодаря преобразованіямъ по министерству просвѣщенія, Ганка 17 іюня 1849 г. занялъ доцентуру по древне-славянскому и русскому языку въ Пражскомъ университетѣ. Съ перваго же раза *записались* свыше 200 слушателей. Ганка положилъ въ основу своихъ лекцій Počátky posvátného jazyka slovenského (языкомъ преподаванія служилъ чешскій); какъ руководство по Русскому языку онъ издалъ особую учебную книгу: *Начала Русскаго языка.* Počátky ruského jazyka, s cvičením i slovníčkem. (Прага, 1850, 168 стр. in 12).

О томъ, что Ганка современно этому готовилъ новое изданіе чешской и польской грамматики, было уже упомянуто. Рядомъ съ этимъ Ганка корректировалъ Pravopis rusko-český *Пухмайера,* въ качествѣ друга котораго онъ рѣшилъ защитить отъ незаслуженнаго забвенія и издать въ болѣе соотвѣтственномъ успѣхамъ науки видѣ *).

Въ это же время Ганка поставилъ себѣ задачей разобрать сочиненія по славянской филологіи столь производительнаго по своей спеціальности вѣнскаго профессора *д-ра Франца Миклошича.* Онъ прочелъ въ засѣданіи чешскаго кор. общества наукъ 26 апрѣля и 24 мая 1850 г. критическую статью, подъ заглавіемъ: Slovanská mluvověda (впослѣдствіи напечатанную въ *„Музейникъ“* **); въ ней Ганка представилъ разборъ достоинствъ до тѣхъ поръ опубликованныхъ работъ *Миклошича* по части древне-славянскаго языка. Въ заключеніе Ганка дѣлаетъ слѣду-

*) *Пухмайеръ* съ этой книжечкой выступилъ еще въ 1805 г. Незадолго до его смерти (1820) вышла издивеніемъ Музея его русская грамматика, обработанная по системѣ *Добровскаго.* Какъ куріозъ замѣтимъ здѣсь, что онъ же издалъ грамматику нарѣчія цыганъ (Hantírka 1821).

**) Časopis č. Museum 1850 г., II, стр. 297—311. Тутъ же помѣщена статья: Zrnečka k paleografii staroslovanské, читанная въ засѣданіи Общества 18 марта 1851.

Digitized by Google

ющее примѣчаніе: „Вшакъ напослѣды зда се, же соу вшецки *тито книжки* (выимаице Formen u. Lautlehre) и Radices и Homilia in ramos palmarum, и Vitae sanctorum (sunt tantum duae) *недодѣлана праце небоштика мистра (Копитара)*, протканы преученоу вѣдецкости его превдечнего жака, и снадбыхом, майице дописы мистровы к Добровскему и Ганкови, на стопу пріити могли, неботь, покуд мистр в живых зуставал; невытасил се жак с ничим таковым“ *). Подобное обвиненіе для *Миклошича* было болѣе, чѣмъ вызывающимъ; въ непродолжительномъ времени возгорѣлась литературная война между обоими славяновѣдами **), которая достигла своего апогея въ одномъ сборникѣ ***); безпристрастнаго читателя полемика эта могла довести до головокруженія и заставляла желать лишь одного, чтобы она поскорѣе окончилась для блага науки. Что касается самого Ганки, вотъ что онъ писалъ одному изъ своихъ довѣреннѣйшихъ друзей: „Возраженіе на мою статью *(Музейникъ*, XXIV, стр. 297 сл.) въ „Slawische Bibliothek“ 1851 г. я только-что прочелъ. Въ моемъ „отвѣтѣ“ (Víd. denník, № 18) я сказалъ, что съ г. Миклошичемъ,—который въ 11-мъ № того же Denník'а относитъ къ себѣ оскорбительный для чести его эпитетъ,—мнѣ не остается ничего дѣлать... я долженъ по прежнему стоять на томъ, что онъ въ „отвѣтѣ“ даетъ, вмѣсто уменьшающихъ его вину доказательствъ, лишь проявленіе неслыханной грубости и безстыднаго самохвальства, и я признаю за нимъ въ этихъ обоихъ отношеніяхъ пальму первенства, въ полномъ убѣжденіи, что истинный ученый иначе отнесся бы къ вышеупомянутой моей критикѣ“.

---

*) Но въ концѣ концовъ кажется, что всѣ эти книжки, исключая... неоконченныя работы покойнаго доктора (Копитара), пропитанныя распреученой эрудиціей его благороднаго ученика, и возможно, что, имѣя переписку Копитара съ Добровскимъ и Ганкой, мы можемъ напасть на слѣдъ, подтверждающій только что сказанное, такъ-какъ, пока Копитаръ былъ въ живыхъ, не выступалъ ученикъ (Миклошичъ) ни съ чѣмъ подобнымъ.

**) Vídenský Denník (20 іюля 1850, № 11: Pr˘edbe˘z˘ná odpove˘d Миклошича Ганкѣ); тотъ же журналъ (29 іюля 1850, № 18: Odpove˘d na pr˘edbe˘z˘nou odpove˘d Ганки)—первая статья ѣдка и ядовита, полна упрековъ и угрозъ, вторая—скромна и подкрѣпляетъ лишь сказанное въ *Музейникѣ*.

***) Slawische Bibliothek oder Beiträge zur slawischen Philologie und Geschichte, изд. *Фр. Миклошича*. I-й томъ. Вѣна, 1851, 321 стр. б. 8о. Въ концѣ совершенно своеобразно составленной книги помѣщено: „Возраженіе г. В. Ганкѣ... издателя“ (267—321 стр.). Миклошичъ выражаетъ въ немъ полнѣйшую готовность привесть въ будущемъ въ защиту свою самыя непреложныя доказательства.

Digitized by Google

На самомъ дѣлѣ,—полемика для натуры Ганки, насквозь пропитаннаго миромъ—была наиболѣе слабою стороной, и имѣть его противникомъ было искони для всѣхъ партій—словно дѣтская игра. На поприщѣ полемики поэтъ всегда въ немъ перевѣшивалъ и затмѣвалъ ученаго. Врожденное благодушіе Ганки искало для себя пищи не въ злобѣ, но въ согласіи и общительности, но—какъ судьба часто странно распоряжается—мало было людей науки, которые бы столь часто впутывались въ самые запутанные споры, какъ Ганка, съ самаго начала своей дѣятельности. И если его біографія имѣетъ свою темную сторону, то она должна быть отнесена къ его полемикѣ, которой Ганка былъ всегда не чуждъ, благодаря отчасти самой спеціальности своей, вѣдь не даромъ же сказалъ Горацій: Grammatici certant...

Если бросить ретроспективный взглядъ на ученую дѣятельность Ганки, то нельзя умолчать, что этотъ человѣкъ пользовался покровительствомъ фортуны въ такой степени, въ какой доводилось немногимъ. „Школа“, пройденная имъ у *Добровскаго*, открытіе Краледворской рукописи, учрежденіе Чешскаго Народнаго Музея—это болѣе, чѣмъ случайности, это дары Провидѣнія. И только благодаря совпаденію *всѣхъ* этихъ обстоятельствъ, Ганка могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Славянская наука—исторія, древности, языкознаніе, этнографія—обязана усидчивости и талапту этого человѣка живымъ движеніемъ впередъ. Чешская національная литература должна чтить въ Ганкѣ одного изъ дѣятелей „возрожденія“ и одного изъ своихъ главныхъ представителей. Музей пользовался, благодаря аккуратности и добросовѣстности Ганки, обширными книжными пожертвованіями отъ корреспондентовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выработанная имъ библіотекарская сноровка доставила ему возможность пополнить драгоцѣнныя рукописи, снимки и разрозненныя сочиненія; немало также изъ наиболѣе выдающихся источниковъ по исторіи и языку и литературныхъ памятниковъ попали въ Музей, въ даръ отъ Ганки, въ собственноручныхъ его копіяхъ, сдѣланныхъ съ аккуратностью настоящихъ факсимиле!

Естественно, что дѣятельность Ганки была знаменита далеко за предѣлами границъ его родины. Его ученая корреспонденція помѣщена въ длинномъ рядѣ книгъ въ четверку въ Музеѣ. Для изданнаго въ Брауншвейгѣ въ 1840 г. д-ромъ *Генрихомъ Мейеромъ* Gutenbergs—Album'a Ганка доставилъ весьма цѣнныя статьи. Ученые, какъ *Яковъ Гриммъ* и другіе обращались къ нему за совѣтомъ in slavicis; вѣнская академія наукъ избрала его въ члены по историко-филологическому отдѣленію. Заграничные друзья и корреспонденты Ганки изъ Славянъ были

Digitized by Google

болѣе или менѣе съ громкими именами: русскіе министры просвѣщенія адмиралъ *Шишковъ* и *графъ Уваровъ*, *Сперанскій*, *Норовъ*, *Калугьянскій*, *Кёппенъ*, *Востоковъ*, *Устряловъ*, *Погодинъ*, *баронъ Шодуаръ*, профессоры *Шевыревъ*, *Срезневскій*, *Бодянскій*, *Григоровичъ* и *Максимовичъ*, литераторы *Пановъ*, *Поповъ* и др. Среди поляковъ Ганка имѣлъ давнихъ друзей въ лицѣ обоихъ профессоровъ *Бандтке*, затѣмъ *Линде*, *Бобровскаго*, *Росцишевскаго*, *Съменскаго*, *Малевскаго*, *Губе*, *Борковскаго*, *Бѣлёвскаго*, *Мучковскаго* и др. Между югославянами—серба *Вука Стефановича Караджича*, словинца *Берлича*, хорвата *Враза*, болгаръ *Априлова и Андреева* и многихъ другихъ.

Портретовъ Ганки было сдѣлано нѣсколько. Первый портретъ сдѣланъ былъ, по заказу *Адама Росцишевскаго*, граверомъ на мѣди *Тепляромъ* въ Вѣнѣ; литографическіе портреты его дѣлали *Машекъ*, *Ширъ и Таддео Майеръ;* въ 1849 году портретъ Ганки былъ помѣщенъ *Кайсеромъ* въ его альбомѣ и къ этому изданію приложенная гравюра на стали *Дворжака* изготовлена съ нарочно сдѣланнаго портрета масляными красками *Гарейсомъ*.

Жизнь Ганки, преимущественно же его политическая дѣятельность съ 1848 г., представлена въ изданій Slovník konversační. Уже въ 1835 г. друзья его поднесли ему выбитую въ честь его медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ его бюстъ съ надписью: WACLAW HANKA R. S. WL. RYTJŘ. NAROD. MUS. KNIH. Оборотная сторона заключаетъ внутри вѣнка изъ пальмовой и лавровой вѣтки книгу, надъ которой возвышается звѣзда, со словами: *честь*, *слава*, *польза*, внизу: *въ знакъ признательности*.

И въ самомъ дѣлѣ къ Ганкѣ можно примѣнить изреченіе *Гердера*: „Современный міръ тебя прославляетъ, будущій съумѣетъ уберечь твою славу, ты умрешь счастливый... честь тебѣ и слава!“

Подобный жизненный удѣлъ долженъ быть названъ рѣдкимъ. Ганка жилъ счастливо, такъ-какъ былъ доволенъ своею судьбою, и его литературное и гражданское поприще можетъ быть названо блестящимъ, потому-что оно является вполнѣ естественнымъ, послѣдовательнымъ, безыскуственнымъ и свободнымъ.

Одаренный отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, хорошо развитой физически, спокойнаго темперамента, по роду творчества доступный ощущеніямъ чистыхъ радостей, доставляемыхъ созерцаніемъ природы, —Ганка и въ старческомъ возрастѣ не казался

состарѣвшимся, но бодрымъ, дѣятельнымъ, словно юноша. Въ частной жизни онъ былъ въ высшей степени простъ. Стѣны музейной библіотеки были ареной его дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ и его досуговъ. Вездѣ, куда бы вы не обратили взоры въ библіотекѣ Музея, васъ поразитъ обдуманный порядокъ въ расположеніи библіотечнаго имущества, порядокъ, заведенный еще при жизни Ганки. Почти педантическая заботливость въ сбереженіи, систематизаціи и возстановленіи сокровищъ Музея распространяется, какъ и при немъ, на каждый листочекъ, переплетъ, записочку. Въ особенности Bibliotheca nationalis bohemica, затѣмъ собраніе рукописей и литературное наслѣдство *Добровскаго* — представляютъ самый полный образчикъ библіотечной попечительности. Надо замѣтить, что Ганка дѣлалъ только незначительныя путешествія и, кромѣ дрезденской и вѣнской библіотекъ, не могъ изучить устройства ни одной большой библіотеки.

Характера Ганка былъ прямаго, смирнаго, и, вопреки манерѣ нѣкоторыхъ „словесниковъ“, не былъ словоохотливъ и рѣчистъ. Онъ объяснялся со всѣми славянами на ихъ родномъ нарѣчіи, велъ переписку также на всѣхъ нарѣчіяхъ и алфавитахъ Славянъ. Онъ обладалъ основательнѣйшими свѣдѣніями по многимъ вспомогательнымъ его спеціальности предметамъ, а въ чтеніи старыхъ рукописей настолько же былъ опытенъ, насколько и счастливъ. Ганка принадлежалъ къ весьма хорошимъ знатокамъ чешской нумизматики и недурнымъ цѣнителямъ въ сферѣ отечественнаго искусства. Отчасти онъ имѣлъ даже и музыкальное образованіе. Какъ присяжный переводчикъ in Slavicis, Ганка достигъ и въ этомъ дѣлѣ необыкновенной точности и умѣнья, которыя заставляли просто изумляться. Ни одна изъ механическихъ библіотечныхъ работъ, дважды бывшее перенесеніе всего собранія—которое заключало тогда 20000 томовъ книгъ, 26000 рукописей, 20000 оттисковъ печатей и свыше 5000 географическихъ картъ—проходило чрезъ руки Ганки, не притупивъ энергіи неутомимаго знатока и хранителя всѣхъ патріотическихъ сокровищъ.

Бракъ Ганки не далъ потомства; домашній образъ его жизни былъ простъ до крайности. Родныхъ у него было немало, но всѣ они жили внѣ Праги. Изучавшіе славянскія нарѣчія выказывали величайшее уваженіе своему безкорыстному учителю. Многія изъ своихъ сочиненій приходилось Ганкѣ издавать на свои, далеко не богатыя, средства. Его Pravopis разошелся въ тысячахъ экземпляровъ по всѣмъ школамъ Чехіи; его Písně раздавались въ салонахъ, въ хижинахъ, на постоялыхъ дворахъ, на поляхъ во время страды, въ селахъ,—словомъ вездѣ, гдѣ жила

Digitized by Google

чешская рѣчь и чешская любовь къ пѣнію. И если имя Ганки всегда будетъ вспоминаться совмѣстно съ Краледворской Рукописью, если Исторія Славянской литературы передастъ его имя отдаленнѣйшему потомству, то надолго удержится онъ и въ устахъ народа, которому его пѣсни пришлись, какъ видно, по сердцу.

Въ заключеніе этой біографіи приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ заведеннаго Ганкою въ Пражскомъ Музеѣ альбома для вписыванія автографовъ посѣтителей на русскомъ, церковнославянскомъ, чешскомъ, польскомъ, краинскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ.

Добромꙋ добрая и память. 1819. *Іос. Добровскій.*

Jak moje hudba s vasˇimi písneˇmi, tak moje srdce s vasˇím srdcem uprímneˇ vždy nakládá. 1820. *В. Томашекъ.*

Dostoj byť valný cˇasu proud Cˇecha k úˇtonu chvátil,
Vsˇehda nepokosenou Slávie své oporou. 1820. *Ант. Марекъ.*

Dokonywaj cos' zaczął, z skutków twojéj pracy
Lepsze kiedys' nadzieje powezmą Słowacy.
My nie tracim, potomnos'c' pewnie na tém zyska,
Jes'li jak bliską mową, dusza będzie bliska. 1822. *Фр. Малевскій.*

Po świetnej niegdyś dawnych Słowian niwie,
Którą mrok wieków ukrywa zazdros'nie,
Z czystemi chęci ty chodzisz szczęśliwie,
I kwiat znajdujesz, co dla Czechów rośnie.
Gdzie Kollár, Presl, Dobrowski i Jungmany,
Marek i ini wiedowiedy okiem
Blesk niosą jasny, w te ciemione łany,
I ty niepłonnie twoim błyskasz wzrokiem.
Czas niszcząc tworzy, duch jego się zmienia,
Prac waszych wartość już czują rodacy:
Budźcie więc żądzę wolnego istnienia;
Bez niéj kwiat więdnie najśliczniejszéj pracy.
Kto bez ojczyzny, a miéć jéj nie żąda,
Kark podło chyląc w jarzmo obcych wrogów;
Na tego przyszłość ze wzgardą pogląda,
I więcej więzów, niż wsparcia wart bogów. 1822. *Адамъ Моравскій.*

Pilneˇ, srdecˇneˇ, slovansky. 1822. *Іос. Юнманнъ.*

Пјевај, друже, да ти отпјевамо!
Брат је мио, које вјере био. 29 марта 1823. *В. Караджичъ.*

Въ память доброй пріязни и свиданія. 25 іюня 1830. *Мих. Сперанскій.*

Krainci smo na kraju slovénskich desˇel, pa vonder Slovenci ostanemo. 1834. Matia Zhóp.

Digitized by Google

Лицемъ лице оку а духъ духомъ духу
представлясе, воображасе, совѣщасе. 1837. *Сим.* **Милутиновичъ.**
Мужайтесь! крѣпися, славянскій люде!
Велика ваша будучность буде. 1849. *Як. Головацкій.*

I widziałem czeską ziemię,
I jej zamki, i jej grody,
I jej prace, l jej plemię—
Wszystko, wszystko, prócz swobody.

Lecz i ta się jeszcze wróci,
Gdy się Sławian lądy złączą,
Gdy ich nienawiść się skróci—
Duch i serce się połączą. 1839. *В. Цыбульскій.*

Dokud po dolinách Tatry
Slovanské zvuky budou kolovati,
Vždy se jmene tvé s ú'ctou
V rodine nas'í bude spomínati.

Zve'st Slovenska poklidu
Kdy sobe' popr'eje,
Z tvých písní svému lidu
Ne'kolik zape'je. 1839. *Людевитъ Штуръ.*

Єє что доврο, или что красно, но єже жити братіи вкупѣ!
Да будетъ. 1841. *Ник. Надеждинъ.*

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора ль очнуться намъ?
И простерть другъ къ другу руки—
Къ нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами была—
И какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь—
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иноверецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ—
Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ—
Этихъ Турокъ осрамилъ.

Вотъ среди сей ночи темной
Здѣсь на пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной,
Засвѣтилъ маякъ впотьмахъ,

Digitized by Google

О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края!
Обличилась передъ нами
Вся Славянская земля!
Горы, степи и поморья
День чудесный облисталъ,—
Отъ Невы до Черноморья,
Отъ Карпатовъ по Уралъ.
Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.
И родного слова звуки
Вновь понятны стали намъ—
Наяву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ. 6 сент. 1841. *Ѳ. Тютчевъ.*

Благодарю васъ несчетно! благодарю чистымъ сердцемъ и русскою душею. Славяне это понимаютъ и знаютъ, или скоро всѣ поймутъ и узнаютъ. 1842 г. *Ѳ. Бѣляевъ.*

Облегчить славянскимъ племенамъ взаимное познаніе ихъ нарѣчій, составится, какъ-бы сказать, единая словесность славянскаго народа. 6 сент. 1843 г. *Князь Димитрій Голицынъ.*

Тешко свуда своме безъ своега. 1843. *Кн. Михаилъ Обреновичъ.*

Надежда лучшихъ дней любви и братства, мира и силы намъ Славянамъ свѣтитъ. 7 февр. 1844. *Ап. Майковъ.*

Какъ аукнулось, такъ и откликнулось.
Аукайте же звонче. 21 авг. 1844. *Ив. Бецкой.*

Желаю еще сорокъ шесть лѣтъ ровно здравствовать, работать, печатать и издавать во славу Славянъ. 5 авг. 1845. *Н. Гоголь.*

Всѣ Славяне дѣти славы,
Дѣти матери одной:
Тотъ же бытъ и тѣ же нравы—
Тѣ же братья межъ собой. 1845. *Никита Озерскій.*

Svaka ptica svomu jatu leti.
O Slovjani! ovaj zakon sveti
Od prirode ve˘rno nasle˘dujte,
Pa se jedni drugim pribliz˘ujte. 1848. *М. Топаловичъ.*

Мало Славяна пишу, а многи су почели пискарати. Дасмо сили морално, какосмо физически, нигдѣ се мрачнога облака на нашемъ понебесію не бы могло видѣти.

Тріестъ. 21 іюля 1851. *Владыка черногорскій* П. П. *Његошъ.*

Пер. Н. З—цкій.

Digitized by Google

ТРИ ПИСЬМА В. В. ГАНКИ КЪ А. Б. АШИКУ.

Печатаемыя ниже письма сообщены въ редакцію „Славянскаго Ежегодника“ въ точныхъ копіяхъ съ оригиналовъ, снятыхъ въ Кишиневѣ Львомъ Степановичемъ Мацѣевичемъ, которому редакція приноситъ искреннюю благодарность за сообщеніе.

Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ—русскій археологъ 30—40-хъ годовъ. Около двадцати лѣтъ (съ 1833—1852 г.) онъ былъ директоромъ Керченскаго Музея и спеціально занимался археологіею Крыма. Изъ сочиненій Ашика по этой части особенно пользовалось когда-то извѣстностью: *Воспорское царство*—въ 4-хъ частяхъ. Умеръ Ашикъ въ 1855 году.

I.

Милостивый Государь!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше съ Билетомъ на полученіе Вашего сочиненія, за который прошу покорнѣйше принять мою усердную благодарность. О Воспорскомъ царствѣ и я написалъ маленькую статью, и она вышла въ Народныхъ Новинахъ Чешскихъ 14 Генваря с. г. № 13. Въ послѣдствіи я видѣлъ эту статью напечатану и въ Моравскихъ, Словенскихъ и Хорватскихъ газетахъ, да тоже и въ Словеніи, повременномъ листкѣ Люблянскомъ (Laibach).

Мы тоскуемъ, что сообщеніе съ Россіей здѣлалось въ послѣдніе два года такъ трудно, литературныя извѣстія такъ рѣдки, что ничего узнать нельзя.

Родители Г-на Федора Крепелки просили меня прибавить къ письму моему письмо для него; зная что Вы его знаете и покровительствуете, здѣлайте милость неоткажитесь его ему навѣрно доставить. Случитлися Вамъ увидѣть Г-на Скальковскаго и помѣщика Леонтовича, то прошу покорнѣйше засвидѣтельство-

Google

вать мое почтеніе: послѣднему извольте доложить, что докторъ Опицъ заразясь въ военномъ госпиталѣ умеръ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе моего высокопочитанія и сердечной преданности съ которой имѣю честь быть

покорнѣйшій Вячеславъ Ганка.

Прага 17 февраля
1 марта 1850 г.

Адресъ: Его Высокоблагородію
Милостивому Государю Директору
Керченскаго Музеума разныхъ орденовъ Кавалеру
Антону Ивановичу Ашику.

Crim. Monsieur le Directeur Anton Achik à Odessa.

II.

Милостивый Государь,
Антонъ Вальтасаровичъ!

Сестрица Г-на Крепелки принесши ко мнѣ письмо и видъ для полученія 22 р. сер. и 50 conv. мон. на Г-на Рафаловича просила меня къ Вамъ писать и покорнѣйше просить, чтобы милостиво изволили вступиться за ея бѣднаго брата: уговорить его возможно ли немедленно писать къ родителямъ для ихъ успокоенія собственноручное письмо, и убѣдить воротиться народину. При семъ и я покорнѣйше прошу, чтобы Вы не отказались стараться, дабы если уже все поздо и потеряно, и эти деньги не пропали; ибо отецъ скудной ремесленникъ имѣючи еще болѣе дѣтей упалъ-бы въ большее бѣдствіе.

На счетъ Вашего сочиненія „Воспорское царство“ я здѣлалъ предложеніе купить экземпляръ для здѣшней Университетской библіотеки; но Вы знаете какъ казенныя опредѣленія довольно тянутся, но я надѣюсь что не откажутъ.

Два года какъ у насъ вольно преподавать въ Университетѣ. Я читаю довольно многочисленному собранію студентовъ въ зимнемъ курсѣ грамматику и литературу священнаго языка Славянъ и въ лѣтнемъ грамматику и литературу русскаго языка. Кстати о русскомъ языкѣ! Прилагаю при семъ нумеръ газеты „Уніонъ“. Вотъ куда насъ Славянъ въ Австріи склоняетъ нѣмецкая несносна навязчивость. Имъ (здѣшнимъ нѣмцамъ) очень трудно отвыкать господства надъ Славянами. Прошу покорнѣй-

ше сообщить это Аполлону Александровичу Скальковскому, Владиславу Максимовичу Княжевичу и другимъ знакомымъ.

Препоручаясь Вашему благосклонному расположенію имѣю честь быть съ совершенною преданностію Вашъ покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага 23 марта
4 апрѣля 1850 г.

Прилагаемая при семъ карточка объявитъ Вамъ что Вы хотѣли знать. Отецъ мой былъ тоже Вячеславъ.

Адресъ: Въ Одессу, Его Высокоблагородію, Милостивому Государю, Керченскаго Музеума Директору Антону Вальтасаровичу Ашику.

A Monsieur Monsieur le Directeur Anton Achik.

en Russie. à Odessa.

III.

Милостивый Государь,
Антонъ Вальтасаровичъ!

Рекомендую Вамъ земляка учителя музыки Осипа Краля, который бывъ прежде ужъ въ Россіи сирѣчь въ Харьковской Губерніи и видѣвъ области Польскія и Галицицкія (sic) возвращается чрезъ Одессу. Онъ взялъ съ собой нѣкоторія моихъ изданій, и Вы ихъ милостиво примите, въ память нашего письменнаго знакомства.

Какъ Г. Крепелка какъ его здоровье? Родители и сестра его ожидаютъ.

Прощайте, Милостивый Государь, и сохраняйте въ ласковой памяти душевно преданнѣйшаго Вамъ,

Вячеславъ Ганка.

Прага 19|31 Августа 1850 г.

Адресъ: Въ Одессу, Его Высокоблагородію Милостивому Государю Директору Керченскаго Музеума Антону Вальтасаровичу Ашику.

Сообщ. Л. С. Маджаровъ.

Digitized by Google

Іосифъ Игнатій Крашевскій.

Біографическій эскизъ по поводу пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности.

Въ 1812 г., въ Варшавѣ, проживала жена Гродненскаго помѣщика Яна Крашевскаго. Война и сопряженныя съ нею опасности заставили ее переѣхать изъ своего помѣстья подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ столицы.

Здѣсь 16 (28) іюля родился у нея сынъ, окрещенный именами Игнатія Іосифа.

Этому сыну суждено было сдѣлаться однимъ изъ первыхъ въ славянствѣ писателей и виновникомъ польскаго великаго литературнаго торжества 1879 года въ Краковѣ.

Дѣтство свое, кажется, лѣтъ до семи, будущій поэтъ провелъ въ Полѣсьи въ имѣніи Романовомъ у прабабки своей Констанціи Новомѣйской и бабки Мальской; затѣмъ въ имѣніи отца Долгомъ.

Въ 1822 году его отдали въ училище въ Бялой, откуда чрезъ четыре года онъ былъ переведенъ сначала въ Люблинскую воеводскую школу, гдѣ провелъ 5 лѣтъ, а потомъ въ гимназію въ Свислочъ, гдѣ оставался два года.

Здѣсь другомъ и руководителемъ Крашевскаго явился учитель Валицкій, обратившій его вниманіе на родной языкъ и родную исторію и пробудившій въ немъ любовь къ наукѣ.

По окончаніи гимназическаго курса, Крашевскій въ 1829 г. поступилъ въ Виленскій университетъ по словесному факультету, гдѣ всецѣло предался изученію польской литературы, преимущественно золотаго Сигизмундова вѣка.

Въ 1830 г. онъ писалъ „Исторію польскаго языка“, это сочиненіе не было напечатано; но было представлено позже, именно въ 1836 г. Крашевскимъ на конкурсъ для соисканія каѳедры польскаго языка въ Университетѣ св. Владиміра.

Сочиненіе было признано изъ семи представленныхъ луч-

Digitized by Google

шимъ и каѳедра оставлена за Крашевскимъ; но занять ее ему не удалось, такъ какъ сама каѳедра была упразднена.

Надъ Крашевскимъ стряслась было бѣда, едва не угодившая его подъ „красную шапку“; но благодаря ходатайству предъ генералъ-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ виленской тетки Крашевскаго г-жи Длуской—дѣло окончилось однимъ арестомъ, при больницѣ Піаровъ съ 18 дек. 1831 по 7 марта 1832 г.

Къ этому времени относятся первые литературные труды Крашевскаго подъ псевдонимомъ Ф. К. Пастернака: *Исторія Сокальскаго органиста, Панъ Валерій*, и *Большой свѣтъ въ маломъ мѣстечкѣ;* тогда же написаны: *Два и два—четыре, Мастеръ Бартоломей, Рай и адъ*, и *Котлеты;* а вслѣдъ затѣмъ уже подъ собственнымъ именемъ: *Послѣдній годъ царствованія Сигизмунда III, Храмъ св. Михаила въ Вильнѣ, Панъ Карлъ*. Въ началѣ 1833 г. Крашевскій покинулъ Вильну и переѣхалъ въ Долгое.

Въ 1835 году онъ отправился съ давнимъ пріятелемъ своего отца на Волынь, гдѣ арендовалъ имѣніе Омельно, и прожилъ тамъ до 1840 года.

Распредѣляя время между хозяйствомъ и литературою, онъ сотрудничаетъ въ *Петербургской недѣлѣ*, издаетъ *Странствованія литератора*, поэму *Дьяволъ и женщина*, пишетъ большую повѣсть *Поэтъ и свѣтъ* и, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, работаетъ надъ героической поэмой *Витолоравда*, составляющей первую часть большой эпической трилогіи *Анафіель*, законченной и изданной въ 1843 и 1845 годахъ.

Къ этому-же времени относится и начало его обширнаго историческаго сочиненія *Вильно отъ основанія до 1750 г.*

Въ 1838 г. Крашевскій женился на племянницѣ житомирскаго примаса Я. П. Воронича Софьѣ Вороничъ.

Пріобрѣтя въ 1840 г. Грудекъ недалеко отъ Луцка, съ 130 душъ крестьянъ, за 140,000 злотыхъ, онъ занялся хозяйствомъ, литературой, музыкой (онъ играетъ на фортепіано и пишетъ собственныя пьесы) и живописью; составилъ порядочную коллекцію картинъ и рисунковъ; самъ дѣлалъ рисунки къ нѣкоторымъ изъ своихъ повѣстей, напр. къ „Послѣдней изъ княженъ Слуцкихъ“; наконецъ, время отъ времени совершалъ поѣздки по окрестностямъ, а въ 1842, 43, 44, 46 и 47 годахъ болѣе далекія путешествія въ Одессу, Кіевъ, Каменецъ, Варшаву, Друскеники и въ другія мѣста.

Количество написанныхъ имъ въ этотъ періодъ жизни по-

Digitized by Google

вѣстей, разсказовъ, стихотвореній, трагедій и трудовъ по части этнографіи, иконографіи и археологіи—просто изумительно.

Съ 1841 г. по 1852 г. Крашевскій издаетъ въ Вильнѣ заочно, т. е. самъ живя въ Грудкѣ и Губинѣ, смѣшанный журналъ Athenaeum котораго вышло 66 томовъ, и въ которомъ опять-таки помѣщаетъ цѣлый рядъ собственныхъ статей. Изданіе Athenaeum'а, принеся редактору немало огорченій со стороны сотрудниковъ и издателя Глюксберга, не окупалось даже матеріально, такъ-какъ въ хорошіе годы имѣло до 200 подписчиковъ, а предъ закрытіемъ журнала число ихъ не достигало и сотни.

Лучшими изъ его произведеній съ 1838 по 1850 г. надо считать слѣдующія: *Исторія блѣдной дѣвушки изъ подъ Острой Брамы, Послѣдняя изъ княженъ Слуцкихъ, Горькая доля, Милліонъ наслѣдства и Записки о Полѣсьи, Волыни и Литвѣ.*

Въ 1849 г. Крашевскій продалъ выгодно свой Грудекъ и пріобрѣлъ въ 2-хъ миляхъ Губинъ со 120 крѣпостными за 25,000 р. (165,000 злотыхъ).

Въ 1851 г. Крашевскій сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ *Варшавскаго дневника* и *Варшавской газеты*, гдѣ были помѣщены его повѣсти: *Семейные интересы, Два свѣта, Божья слуга* и др. Въ то-же время вышли отдѣльными книгами: *Портретъ, Типы и характеры, Искусство у Славянъ.*

Съ 1853 г. онъ поселился въ Житомирѣ, гдѣ въ 1856 г. былъ избранъ почетнымъ попечителемъ тамошней гимназіи, позже Крашевскаго избрали въ директоры театра.

Къ 1858 году относится его первая поѣздка за границу. Онъ посѣтилъ Германію, Италію и Францію.

Въ 1859 г., принявъ на себя главную редакцію изданія Gazeta Codzienna, Крашевскій переселяется въ Варшаву и, живя въ центрѣ литературнаго и публицистическаго движенія, пишетъ очень много. Gazeta Codzienna, переименованная въ новое изданіе Gazeta Polska, пріобрѣла подъ его редакціею большую популярность. Но послѣдовавшее въ 60-хъ годахъ революціонное движеніе заставило его въ 1862 году отказаться отъ редакціи и уѣхать за границу. Онъ поселился въ Дрезденѣ, въ самомъ предмѣстьи города или по его собственному выраженію „въ хатѣ подъ лѣсомъ", гдѣ въ 1870 и 1871 гг. издавалъ періодическій журналъ *Недѣлю.*

Въ 1875 г. онъ ѣздилъ въ Швейцарію, Парижъ, Меранъ и Тулонъ.

За этотъ періодъ самыми замѣчательными его произведе-

Digitized by Google

ніями являются: *Домъ въ длинномъ переулкѣ*, *Небесные миндали*, *Жидъ*, *Повѣсть объ Иванѣ Корчакѣ и прекрасной Мечниковнѣ* и *Старая басня*.

Одного бѣглаго взгляда на жизнь и дѣятельность Крашевскаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ много онъ сдѣлалъ для польской литературы.

Имя его высоко чтится его соотечественниками, и значеніе его въ исторіи всеславянской литературы и мысли—безъ всякаго сомнѣнія немаловажно. Главнымъ, отличительнымъ свойствомъ его таланта является его необыкновенная плодовитость и разносторонность.

Въ теченіи 68 лѣтъ своей жизни и пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, Крашевскій слѣдилъ рѣшительно за всѣмъ, что дѣлалось въ исторіи человѣческой мысли; работалъ надъ исторіей, археологіей, иконографіей, этнографіей, философіей; писалъ повѣсти, романы, стихи, поэмы, комедіи, драмы; занимался живописью, гравировкой; собиралъ коллекціи; путешествовалъ и наблюдалъ.... Въ немъ соединяются сразу и ученый, и поэтъ, и литераторъ.... По количеству написанныхъ имъ произведеній онъ занимаетъ чуть-ли не первое мѣсто среди всѣхъ Европейскихъ писателей и только развѣ одинъ Дюма (какъ извѣстно, издававшій подъ своимъ именемъ и чужія произведенія) можетъ съ нимъ поспорить.

Всѣхъ написанныхъ Крашевскимъ сочиненій насчитываютъ 230 въ 440 томахъ.

Если прибавить сюда его статьи и корреспонденціи въ разныхъ газетахъ, которыхъ наберется, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ томовъ, то общій итогъ всего написаннаго Крашевскимъ будетъ 490 томовъ, т. е. почти десять томовъ на каждый годъ его литературной дѣятельности. Цифры поразительныя, заставляющія удивляться, откуда могутъ быть у человѣка такія колоссальныя силы!

Говоря о трудахъ Крашевскаго, необходимо раздѣлить ихъ на три главныя части:

Беллетристику, *труды научные* и *публицистику*.

Первое мѣсто занимаетъ разумѣется беллетристика, состоящая изъ *повѣстей бытовыхъ и народныхъ*, *повѣстей историческихъ*, *драматическихъ произведеній* и *стиховъ*.

Простая народная повѣсть Крашевскаго, его честное, теплое отношеніе къ родному народу, ко всѣмъ классамъ его и ихъ житейской обстановкѣ—пробудило въ читающей польской публикѣ любовь къ родной литературѣ и заставило другихъ писателей послѣдовать за нимъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, Крашевскій и его повѣсть составляетъ эпоху въ польской литературѣ, эпоху, которую можно назвать: *народною и реальною.*

Правда, голая, неподкрашенная правда и жизненность изображаемыхъ типовъ—вотъ отличительныя особенности повѣстей Крашевскаго. Его *Юліусы, Яны, Юліянъ, Мары, Ады*—все это живые люди, если и не списанные съ натуры, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ ей вѣрные.

Повѣсти и романы Крашевскаго переведены на многіе европейскіе языки. По счету К. Эстрейхера на нѣмецкомъ языкѣ существуетъ двѣнадцать переводовъ, на русскомъ семнадцать, на чешскомъ четырнадцать, на французскомъ четыре, на итальянскомъ два, на голландскомъ одинъ, на словацкомъ одинъ.

При этомъ повѣсть der Spion существуетъ на нѣмецкомъ языкѣ въ двухъ переводахъ, а *Исторія о блѣдной дѣвушкѣ* и *Два свѣта* на русскомъ—тоже въ двухъ.

Свою *историческо-беллетристическую* дѣятельность, Крашевскій, подобно Вальтеръ-Скотту, началъ стихами.

Начало поэмы Anafielas—было первымъ его шагомъ на этомъ поприщѣ. Но о стихахъ будемъ говорить ниже.

Изъ историческихъ повѣстей Крашевскаго первое мѣсто занимаетъ *„Старая басня“*.

Повѣсть эта относится къ доисторической эпохѣ Польши и основана на враждѣ коренныхъ жителей страны, Полянъ къ Нѣмцамъ.

Далѣе слѣдуетъ *„Любляне“*, гдѣ описано царствованіе Лешка I-го; *„Братья, возставшіе изъ мертвыхъ“*, гдѣ идетъ рѣчь о правленіи Болеслава храбраго; *„Маславъ“*, гдѣ съ замѣчательной живостью изображенъ бунтъ Маслава и др.

Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ, Крашевскій, кромѣ своего обыкновеннаго таланта, показалъ еще и близкое знакомство съ родной исторіей и ея источниками. Всякая эпоха, на исторической канвѣ которой строитъ онъ свой разсказъ, изучена имъ въ подробностяхъ, продумана и освѣщена какой-либо идеей.

Характеры выводимыхъ на сцену историческихъ лицъ выдержаны и полны жизни.

Драматическія произведенія Крашевскаго отличаются прекраснымъ, вѣрнымъ дѣйствительности и взаимному положенію выведенныхъ лицъ, языкомъ и правдивостью характеровъ и житейскихъ отношеній.

Недостаткомъ ихъ является чрезмѣрная объективность и спокойствіе повѣствователя, не покидающее его и здѣсь.

Digitized by Google

Лучшими изъ написанныхъ имъ драматическихъ произведеній считаются: *Портретъ. Коса и камень* и *День 3 Мая.*

Стихи, какъ уже было сказано выше, были однимъ изъ первыхъ родовъ поэзіи, которымъ послужилъ Крашевскій.

Его историческая трилогія Anafielas состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ поэмъ: Witolorauda, Mindows и Witoldowe boje.

Критикъ Тышинскій говоритъ, что Литовскія поэмы Мицкевича *„Гражина“* и *„Валленродъ“* по колориту соотвѣтствуютъ первая одинаково старой Бургундіи, какъ и старой Литвѣ, а вторая—скорѣе XIX вѣку, чѣмъ XIV; тогда какъ поэмы Крашевскаго, какъ результатъ серьезно-научнаго предварительнаго изученія Литовской старины—отличаются вѣрностью колорита страны и эпохи.

Кромѣ Anafielas Крашевскій написалъ еще Hymny boleści, идиллію Wioska и множество небольшихъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній.

Слабая сторона этихъ послѣднихъ въ постройкѣ стиха.

Научные труды Крашевскаго состоятъ изъ *историческихъ, философскихъ, археологическихъ, воспоминаній* и *путешествій.* Кромѣ того Крашевскій является издателемъ безчисленнаго множества рукописныхъ историческихъ матерьяловъ, носящихъ названіе *„Посольствъ“*, *„Памятниковъ“* и т. п. Уже благодаря однимъ только своимъ *историческимъ трудамъ* Крашевскій заслуживаетъ быть поставленнымъ въ ряду замѣчательныхъ дѣятелей литературы. Самыя капитальныя произведенія его на этомъ поприщѣ: *Вильно съ основанія своего до 1750 г.* и *Литва съ древнѣйшихъ временъ до 1836 г.*

Въ обоихъ сочиненіяхъ авторъ, если и не стоитъ выше своихъ предшественниковъ (какъ Нарбутъ), то и не уступаетъ имъ. *Литва*—трудъ, въ которомъ Крашевскій умѣлъ сосредоточить картину не только исторіи, но и обычаевъ, пѣсенъ, преданій и учрежденій старинной Литвы,—вполнѣ очерчиваетъ источники, на которыхъ основана его поэма Anafielas.

Философскіе труды Крашевскаго носятъ на себѣ отпечатокъ его впечатлительной и живой натуры. Мысль его, работая въ философскомъ направленіи, въ то-же время не можетъ освободиться отъ субъективности и поэтому всѣ философскіе взгляды Крашевскаго охватываютъ, по преимуществу, кругъ интересовъ жизни, кругъ субъективныхъ человѣческихъ ощущеній и взаимныхъ житейскихъ отношеній.

Главными сочиненіями Крашевскаго по философіи считаются:

Digitized by Google

*

Исторія натуральной философіи Гегеля (собств. переводъ) и *Разборъ философской системы Трентовскаго.*

Онъ является въ этихъ трудахъ послѣдователемъ Гегеля, но въ то-же время очень твердо стоитъ на религіозной, католической точкѣ зрѣнія.

Повѣсти Крашевскаго: *Подъ небомъ Италіи*, *Записки незнакомца*, *Сфинксъ* и *Ѳомка Правдичъ*—можно назвать повѣстями чисто философскими.

Съ 48 года взгляды Крашевскаго измѣняются; они становятся болѣе реальными и все болѣе и болѣе удаляются отъ Гегелевскаго идеализма.

Пессимизмъ свой Крашевскій наиболѣе ясно выражаетъ въ Hymnach bolesci и въ идиллiи Wioska.

Изъ *археологическихъ* сочиненій Крашевскаго необходимо отмѣтить его большой трудъ подъ названіемъ: Sztuka u Słovian szczególnie w Polsce i Litwie przedchreścijańskiej и Collection iconographique Polonaise.

Что касается до *публицистической* дѣятельности Крашевскаго, то тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ *критика*, а затѣмъ труды по *редактированію газетъ* и *статьи* въ нихъ.

Главной сферой *критики* Крашевскаго были и есть до сихъ поръ его *корреспонденціи* въ періодическія изданія Петербурга, Вильны и Варшавы (Ateneum, Gazeta Polska, Przegląd Europejski, Tydzień, Rachunki). Кромѣ этой, такъ сказать, текущей критики, онъ изрѣдка выступалъ и съ отдѣльными сочиненіями, посвященными критическому разбору явленій въ литературѣ. Таковы его: Studya literackie, Nowe studya literackie, Gawędy o literaturze i sztuce, Dante (этюды надъ „Божественной комедіей“) и т. п.

Главной, проводимой Крашевскимъ въ своихъ критическихъ этюдахъ, идеей является непризнаніе имъ тенденціи въ литературѣ. Онъ страшный врагъ ея, и относится очень строго къ тенденціознымъ романистамъ.

Предвзятый взглядъ, преднамѣренная подтасовка фактовъ, идейная подкладка въ беллетристическомъ произведеніи—вотъ противъ чего онъ особенно горячо ратовалъ, и ратуетъ, какъ критикъ. Вообще-же, въ продолженіе всей своей писательской дѣятельности, онъ внимательно и неусыпно слѣдилъ за всѣмъ, рѣшительно за всѣмъ, что дѣлалось въ литературѣ и старался дать читателямъ отзывъ почти о всякомъ національномъ писателѣ, о всякой польской книгѣ.

Какъ редакторъ повременныхъ изданій, Крашевскій осо-

Digitized by Google

бенно замѣчателенъ тѣмъ, что обладалъ удивительной способностью возбуждать и развивать именно тѣ вопросы, которые составляли въ данное время злобу дня.

Въ упрекъ ему съ этой стороны можно поставить только развѣ ту неустойчивость и склонность къ быстрымъ перемѣнамъ взглядовъ и убѣжденій, которыя онъ обнаружилъ во время своей редакторской дѣятельности въ Варшавѣ по разнымъ внутреннимъ вопросамъ, интересовавшимъ и волновавшимъ въ то время общество.

Но за то и тутъ онъ показалъ свою замѣчательную талантливость и свои блестящія литературно-публицистическія способности. Статьи его въ редактируемыхъ имъ журналахъ, касались всего: и политики, и литературы, и философіи, и торговли, и промышленности....

Устали онъ не зналъ и тутъ, какъ не зналъ ее ни въ какой работѣ *).

Владиміръ Куницкій.

---

*) Изъ произведеній *І. И. Крашевскаго* переведены на русскій языкъ слѣдующія: 1) *Ермола*, романъ, ц. 20 к. 2) *Будникъ*, повѣсть, 3) *Осторожнѣе съ огнемъ*, повѣсть—[2-я и 3-я повѣсти помѣщены въ изданіи *Галлерея польскихъ писателей*, 18°. Кіевъ. 1852. ц. за 5 т. 3 р.]; 4) *Два свѣта*, 8°. Спб. 1859. ц. 2 р. и въ „Рус. Словѣ". 5) *Ермола*. Деревенскіе очерки. 8°. Спб. 1861. ц. 50 к. 6) *Останъ Бочдарчукъ*. Романъ. 8°. Спб. 1858. ц. 75 к. 7) *Панъ Твардовскій*. Повѣсть, взятая изъ народныхъ преданій. 3 т. Спб. 1859. ц. 1 р. и въ Москвѣ 1860. 8) *Софія, послѣдняя изъ княженъ Слуцкихъ*. Историческая повѣсть изъ временъ Сигизмунда III. 8°. М. 1845. ц. 1 р. 50 к. *(данныя изъ „Каталога" Исакова 1868—69 г.)*. 9) *Дѣти вѣка*. Романъ. Спб. ц. 2 р. 1870. 10) *Фаворитки короля Августа*. Романъ въ 2 т. пер. подъ ред. Н. С. Лѣскова. Спб. 1876. 8°. 300 и 280 стр. ц. 2 р. *(Данныя изъ „Систематическаго каталога" Базунова,—Межова. 1870, и „Приложеній" 1872, 1873 и 1877)*. 11) *Всю жизнь бѣдна*, пер. Полеваго 1842 г. 12) *Поэтъ и свѣтъ*, пер. Полеваго 1842. Былъ и 2-й переводъ. 13) *Хижина за деревней* (Библ. для Чт. 1856). 14) *Исторія блѣдной дѣвушки изъ-подъ Острой Брамы* (Украин. Молодикъ, изд. въ Харьковѣ и былъ 2-й переводъ). 15) *Комедіанты* (Библ. для Чт. 1857). 16) *Разсказы о польской старинѣ, записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго*. Москва 1873 г.). *(Данныя изъ статьи о Крашевскомъ Меридіанова* въ „Спб. Вѣд." № 247 отъ 9 сент. 1879). 17) *Безумная*. Романъ печатается въ „Еженедѣльномъ Новомъ Времени" 1880 г.

Что касается: 18) Brühl, 19) Witoloraula; 20) Sieroce dole; 21) Dziwadła и 22) Macocha, по словамъ польскаго библіографа К. *Эстрейхера* существующихъ на русскомъ языкѣ, то мы, не имѣя возможности провѣрить на дѣлѣ это показаніе, оставляемъ полную отвѣтственность за точность его на г. К. Эстрейхерѣ. *Н. З—цкій.*

Digitized by Google

ИЗМАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СРЕЗНЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

Еще такъ недавно—5 апрѣля 1879 года—праздновалъ русскій ученый міръ пятидесятилѣтній юбилей ученой дѣятельности заслуженнаго профессора-академика И. И. Срезневскаго; а ужъ въ ночь на 9 февраля 1880 года его не стало... Насколько смерть его—великая потеря и для науки вообще, и для университета, и для академіи наукъ—попытаемся освѣтить фактами, сдѣлавъ хотя бѣглый обзоръ многосторонней научной дѣятельности покойнаго.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій—неутомимый дѣятель на поприщѣ славянской филологіи, археологіи, палеографіи и этнографіи—родился въ Ярославлѣ 1 іюля 1812 года, слѣдовательно умеръ, не проживши полныхъ и 68 лѣтъ. Отецъ Измаила Ивановича былъ профессоромъ сначала въ Ярославскомъ лицеѣ, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Получивъ первоначальное образованіе дома, Измаилъ Ивановичъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ по Этико-политическому (юридическому) факультету въ 1829 году. По окончаніи курса, И. И. Срезневскій поступилъ въ Харьковѣ же на службу чиновникомъ, занимаясь въ то же время политическою экономіею и статистикою, изучая мѣстную старину и собирая матеріалы по народной словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуя свои силы на небольшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Результатомъ этихъ занятій были: *Украинскій Альманахъ* (Х. 1831), изд. вмѣстѣ съ Росковшенко, *Словацкія пѣсни* (Х. 1832), записанныя въ Харьковѣ отъ захожихъ Словаковъ (дротарей) и первая часть сборника—*Запорожская Старина* (Х. 1833; 2-я издана въ Харьковѣ же въ 1838 г.)—содержащаго малорусскія эпическія пѣсни съ историческими примѣчаніями.

Магистерскій экзаменъ по политическимъ наукамъ Измаилъ Ивановичъ выдержалъ въ 1835—36 году. Въ началѣ 1837 года получилъ степень магистра, по защитѣ диссертаціи, подъ

Digitized by Google

заглавіемъ: *Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ* (Х. 1837, 62 и 8 стр.). Съ осени того же года И. И. Срезневскій занялъ въ Харьковскомъ университетѣ каѳедру политической экономіи и статистики въ званіи адъюнкта. *Вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ Европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи* напечатано въ Ж. М. Н. Пр. (1838, ч. XX). Въ 1834 г. имъ напечатаны: *Палій* (С. От.), *Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ* (Утр. Зв.) *Запорожскія пѣсни* (ib.); въ 1835 г. *Жолкѣвскій и Украинцы* (С. От.), *Иванъ Барабашъ* (М. Набл.), *Мартынецъ* (ib.) и *Украинская Лѣтопись* (1640—1657, Х); въ 1836 году: *Барсерки* (изъ Очерковъ Сѣвера. М. Набл.); въ 1838 г.: *Палій* (М. Набл.), *Украинскій сборникъ* (Х.; вторая книга изд. въ Москвѣ 1841); *Мартынъ пушкарь* (Очерки Россіи, I), *Сеймы*—Sněmy (ib.), *Изборники* (ib.); въ 1839 году: *Сближеніе религіи персидской съ египетскою* (Ж. М. Н. Пр. ч. XXII), *Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины, со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію* (Х. 39 стр.), *Афинскій языкъ въ Россіи* (От. Зап.) и *Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно* (Х. 124 стр.).

Не остался чуждъ И. И. Срезневскій и изящной словесности: извѣстны разсказъ его: *Маіоръ, маіоръ!* (М. Набл. 1836), повѣсть: Rapsodia sonatina. *Не сонъ, а жизнь,—не сонъ, а смерть.* (ib. 1837). Въ первомъ авторъ изобразилъ жизнь украинскаго общества 20—30-хъ годовъ.

Въ 1839 году послѣдовало разрѣшеніе на поѣздку И. И. Срезневскаго въ Славянскія земли. Поѣздка, цѣлью которой было усовершенствованіе въ славянской филологіи и археологіи, и которая продолжалась до 1842 г., направила Измаила Ивановича на настоящую дорогу. Съ какимъ усердіемъ онъ работалъ и какъ широко понялъ свою задачу—показываютъ четыре статьи, подъ заглавіемъ: *Донесенія г. министру народнаго просвѣщенія*—изъ Вѣны, Загреба, Брѣтиславы и Кракова, помѣщенныя въ „Журналѣ М. Н. Пр.“ (1841, ч. XXXI, 1842, ч. XXXIII, 1843, ч. XXXVII). Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ работъ И. И. Срезневскаго появились и въ славянскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ-то: въ пражскомъ „Временникѣ (Само-

Digitized by Google

pis) Чешскаго Музея", (въ 1840—41—42), въ пресбургской „Татранкѣ" (1842) и въ варшавской „Денницѣ" (1842—43).

За время заграничнаго путешествія И. И. Срезневскаго надо поименовать слѣдующіе его труды, появившіеся въ періодическихъ изданіяхъ: *Предположенія о Реймскомъ евангеліи* (От. Зап., т. X); *Извлеченія изъ Краледворской рукописи, касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ* (Ж. М. Н. Пр. ч. XXVIII); *Казаки-гайдамаки уніатской войны 1595—1654* (Очерки Рос., кн. 3); *Чешскій театръ* (От. Зап. т. XIV); *О славянскихъ нарѣчіяхъ* (Ж. М. Н. Пр. ч. XXXI); *Письма изъ Иллиріи въ Прагу В. В. Ганкѣ* (Денница, 1842, № 11).

Возвратясь изъ ученаго путешествія, И. И. Срезневскій занялъ каѳедру Славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Получивъ въ 1847 г. степень доктора, онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ съ 1855 года состоялъ ординарнымъ, а съ 1863 г. заслуженнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія. Съ 1855 года И. И. Срезневскій неоднократно былъ избираемъ въ деканы историко-филологическаго факультета; въ этой же должности пришлось ему и умереть. Кромѣ университета онъ состоялъ профессоромъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ и въ Александровскомъ лицеѣ. Въ 1848 г. онъ былъ избранъ въ члены Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности; а въ 1854 году удостоенъ званія ординарнаго академика.

Занявъ въ 1847 г. каѳедру славяновѣдѣнія въ Петербургѣ, И. И. Срезневскій представилъ въ 1849 г. графу Уварову *Программу преподаванія Славянской филологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ*. Программа эта—въ своемъ родѣ образцовая и заслуживала бы второго изданія, какъ изданная давно и въ маломъ числѣ экземпляровъ.

Въ 1852—1863 годахъ И. И. Срезневскій состоялъ редакторомъ ученыхъ періодическихъ изданій втораго отдѣленія Академіи Наукъ: подъ его редакціею изданы *десять* томовъ *Извѣстій Имп. Академіи Наукъ* и при нихъ *шесть* выпусковъ *Матеріаловъ для изъяснительнаго и сравнительнаго словаря*, одинъ выпускъ *Памятниковъ и образцевъ народнаго языка и словесности*, и кромѣ того *семь* книгъ *Ученыхъ Записокъ Имп. Академіи Наукъ*.

Какъ въ „Извѣстіяхъ" и „Запискахъ" Академіи Наукъ, такъ впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Геогр. Общества",

Digitized by Google

въ „Отчетахъ Имп. Ак. Наукъ“, въ „Запискахъ Имп. Археологич. Общества“, въ „Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относ. до Россіи“, въ „Присужденіи Демид. наградъ“, въ „Русской Бесѣдѣ“, въ „Извѣстіяхъ Имп. Археол. Общества“, въ „Рус. Педагогическомъ вѣстникѣ“, въ „Христіанскихъ Древностяхъ“, въ „Присужденіи наградъ гр. Уварова“, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, въ „Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie“, въ „Древностяхъ, Археологич. Вѣстн. Моск. Археолог. Общества“, въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, въ „Трудахъ“ археологическихъ съѣздовъ, въ загребскомъ изданіи „Starine“, въ „Русской Старинѣ“, въ „Братской Помочи“, въ „Сборникѣ Государственныхъ знаній“, въ „Archiv für slavische Philologie“, въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ—И. И. Срезневскій помѣстилъ огромное количество своихъ ученыхъ работъ. Назовемъ главнѣйшія изъ нихъ, распредѣливъ ихъ для удобства обозрѣнія на слѣдующіе семь отдѣловъ: 1) Исторія языка Старо-Славянскаго и Русскаго и Славянскихъ нарѣчій, 2) этнографія и географія, 3) Исторія Славянской науки, 4) археологія и бытъ, 5) Исторія письменности и литературы Русской и Славянской, 6) палеографія и 7) Старославянскіе и древне-Русскіе памятники съ филологическимъ и археологическимъ разборомъ.

I. Сочиненія И. И. Срезневскаго по исторіи языка Старославянскаго и Русскаго и Славянскихъ нарѣчій: 1) *О Славянскихъ нарѣчіяхъ* (Ж. М. Н. Пр. 1841, ч. XXXI); 2) *Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ* (ib. XLVIII, 1845); 3) *Разборъ книги: Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составлен. II-мъ отд. Имп. Ак. Наукъ* (ib 1848, ч. LVII, LVIII, LX)—три статьи; 4) *Мысли объ исторіи русскаго языка* (Б. для Чт. 1849, т. XCVIII, и отд. 1850, 8⁰, 210 стр.), положившія основаніе этой наукѣ; 5) *Записка о новыхъ трудахъ по части филологическаго изученія Старославянскаго языка* (Ж. М. Н. Пр, 1851, ч. LXIX); 6) *Рецензія книги: Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка, орд. ак. И. И. Давыдова* (ib.); 7) *О древнемъ Русскомъ языкѣ* (И. А. Н. V); 8) *Разборъ сочиненія: Церковно-Славянскій Словарь А. Х. Востокова* (Р. Бес. 1857, кн. 6, и Зап. Ак. Н. 1858, кн. IV); 9) *Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка* и *Дополненія къ за-*

Digitized by Google

мѣчаніямъ и пр. (И. А. Н. 1858, т. VII и 1859, т. VIII); 10) *Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ* (Р. Педаг. В., 1860, XI—XII; Изв. А. Н. 1860, т. IX; оттискъ 75 и 88 стр.); 11) *Замѣчанія о словарѣ Славянскихъ нарѣчій и о трудахъ д-ра А. Шлейхера* (Зап. А. Н., т. IX, 1866 и Сб. статей А. Н., 1866, т. I); 12) *Замѣчанія объ изученіи Русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ* (Зап. А. Н. т. IX, 1871 и Сб. А. Н. т. VIII); 13) *Энциклопедическое введеніе въ Славянскую филологію* (Спб. 1877, 8⁰, 59 стр.) и др.

II. Этнографическія и географическія сочиненія: 1) *Разборъ сочиненія Шафарика: „Славянское народописаніе“* (Ж. М. Н. Пр. 1843, ч. 38-я); 2) *Словины во Фріулѣ* (Денница, 1843); 3) *Жумборскіе ускоки* (ib.); 4) *Путешествіе И. Колара по Сѣверной Италіи, Тиролю и Баваріи* (Москвит. 1844, № 5); 5) *Фріульскіе Славяне (Резіяне и Словины).* (ib. № 9); 6) *Замѣчанія о матеріалахъ для географіи Русскаго языка* (В. И. Р. Геогр. Об., 1851, ч. I); 7) *Русь Угорская. Отрывокъ изъ опыта географіи Русскаго языка* (ib. 1852, ч. IV); *Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ Южной Азіей.* I. *Девятый вѣкъ.* (Вѣстн. Геогр. Об., ч. X); 8) *Хоженіе за три моря Аванасія Никитина* (Зап. Ак. Н., 1856, кн. II, в. II, стр. 225—307); 9) *Юго-западные Славяне* (В. И. Р. Геогр. Общ. 1856, ч. 18); 10) *Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в.* (Изв. А. Н., 1860, т. 8-й); 11) *Разборъ сочиненія Гильфердинга: „Поѣздка по Герцоговинѣ, Босніи и Старой Сербіи“* (29-е прис. Демид. нагр. 1860); 12) *Разборъ сочиненія В. И. Ламанскаго: „О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и въ Испаніи“* (ib.); 13) *Замѣчанія къ отзыву этнографа Клемма о Лужичанахъ Вендахъ Саксонскихъ* (Изв. И. Р. Геогр. Об. 1866, т. II). 14) *Свѣдѣнія о современной Сербіи,* по поводу книги Миличевича (Сб. гос. знаній, 1877, т. IV); 15) *Фріульскіе Славяне.* Статьи и приложенія. (Спб. 8⁰. 91 стр.) и др.

III. Сочиненія по исторіи Славянской науки: 1) *Вукъ Стефановичъ Караджичъ.* Очеркъ біографическій и библіографи-

ческій. (Моск. лит. и уч. Сб., 1846 и въ дополнен. видѣ въ Брат. Помочи 1876); 2) *Труды и юбилей А. Х. Востокова* (Отчеты А. Н. 1854 и Зап. А. Н. 1856, кн. II); 3) *Воспоминаніе о Надеждинѣ* (В. Геогр. Об., ч. 16-я и Ж. М. Н. Пр. 1856, ч. XC); 4) *Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ* (Изв. А. Н. 1861, т. IX и отд. 8⁰, 55 стр.); 5) *Обозрѣніе филолого-археологическихъ трудовъ В. В. Ганки* (ib.); 6) *Воспоминаніе о И. П. Сахаровѣ* (Зап. А. Н. 1864, т. IV); 7) *Труды П. М. Строева* (ib. т. VI); 8) *Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ* (Спб. 1864, 4⁰. 53 стр.); 9) *Воспоминаніе о трудахъ В. М. Ундольскаго* (Зап. А. Н. 1865, т. VI); 10) *Записка объ ученыхъ трудахъ П. П. Пекарскаго* (Отч. А. Н. 1865); 11) *Записка объ ученыхъ трудахъ А. Ѳ. Бычкова* (ib. 1866); 12) *Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита Кіевскаго* (Сб. А Н., т. V, в. I, 64 стр.); 13) *Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями* (Сб. А. Н. 1873, т. V, вып. II, 504 стр.); 14) *К И. Невоструевѣ* (Сб. т. X. и Зап. А. Н. XXII, 1873); 15) *Воспоминаніе о П. М. Строевѣ* (Сб. 1877, т. 17-й и Зап. А. Н. т. 19-й); 16) *На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ Славянской филологіи* (Сб. А. Н., т. 18-й, 1878, и Зап. А. Н., т. 31; отд. отт. 8⁰. 47 стр.).

IV. Археологическія и бытовыя сочиненія: 1) *Дополненіе къ Замѣчаніямъ о праздникахъ у Малороссіянъ* (Маякъ, 1844, т. XI); 2) *Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ* (Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. LI); 3) *Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ* (Чт. въ И. О. И. и Др. Р., 1846, № 3); 4) *Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ* (Харьк. 1846. 8⁰. 107 стр.); 5) *О языческомъ вѣрованіи древнихъ Славянъ въ безсмертіе души* (Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. LIII); 6) *Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ* (Спб. 1848. 8⁰. 96 стр; ср. № 4); 7) *О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ* (Зап. Од. О. И. и Др. 1850, т. II); 8) *Свидѣтельство Паисіевскаго сборника о языческихъ суевѣріяхъ Русскихъ* (Москвит., 1851, № 5); 9) *Збручскій истуканъ Краковскаго музея* (Зап. Археолог. Об. 1853, т. V и отд. 8⁰. 30 стр. съ рис.); 10) *Роженицы у*

Digitized by Google

Славянъ и другихъ языческихъ народовъ (Арх. и—юр. свѣд., кн. II, пол. I-я и отд. М. 1855, 8⁰. 26 стр.). 11) *Крута калычья. Клюка, сума, лапотники, шляпа, колоколъ.* (Изв. Археол. Об., 1862, т. IV); 12) *Древнія изображенія св. князей Бориса и Глѣба* (Хр. Древн., 1863, кн. 9); — прекрасный разборъ вопроса о древне-русскихъ одеждахъ; 13) *Древнія изображенія великаго князя Владиміра и великой княгини Ольги,* съ 5-ю рис. (Др., Арх. В. М. Археол. Об., 1867, 1—2 и отд.); 14) *Разборъ сочиненія П. И. Савваитова, подъ заглавіемъ: „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора“...* (Отч. о 9-мъ прис. нагр. гр. Увар., 1866 и отд.); 15) *Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи Русской археологіи* (Тр. 2-го арх. съѣзда, 1872, I, отд. IV и отд.).

V. Сочиненія по исторіи письменности и литературы Русской и Славянской: 1) *Далмато-сербское преданіе о королѣ Радославѣ* (Лит. прибл. къ Ж. М. Н. Пр. 1840); 2) *Историческій очеркъ Сербо-Лужицкой литературы* (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 43-я); 3) *Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи* (ib. 1846, ч. 51-я, № 9 и отд. 8⁰. 28 стр.); 4) *Изданія Реймскаго евангелія* (Texte du Sacre. Москвит. 1846, ч. IV, № 8); 5) *Взглядъ на современное состояніе литературы у Западныхъ Славянъ* Моск. Сб. 1847, 667—688 стр.); 6) *Новое сочиненіе Яна Колара:* „Die Götter von Retra“ (Ж. М. Н. Пр. 1851, ч. 70-я и отд., какъ „Прильвицкія древности“ и пр. Спб. 1851, 8⁰, 15 стр. и 3 л. рис.), 7) *О договорахъ князя Олега съ Греками* (Изв. А. Н., т. I, 1852, и III, 1854); 8) *Памятники древней письменности южныхъ Славянъ, изданные П. Шафарикомъ* (Изв. А. Н. 1852, 2 ст.); 9) *Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X—XI вѣка* (ib. 1853, т. II; дополненія ib.); 10) *Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ* (ib.); 11) *Новые списки поученій Кирилла Туровскаго* (ib. 1854, т. III); 12) *Повѣсть о Цареградѣ* (Зап. А. Н., 1854, кн. I и отд. 8⁰, 68 стр.); 13) *Еще одно поученіе Кирилла Туровскаго по неизданнымъ спискамъ* (Изв. А. Н. 1854, т. IV и 1856, т. V); 14) *Извѣстіе о древнемъ канонѣ св. Вячеславу* (ib. 1856, V); 15) *Примѣчанія къ старческой пѣснѣ о Горѣ—злосчастіи* (ib.); 16) *Задонщина в. к. г. Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондрѣевича* (ib. 1857 и 1858, т. VII и отд. Спб. 1858, 8⁰,

Digitized by Google

52 стр.); 17) *Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ Славянскихъ народныхъ пѣсенъ* (Изв. А. Н., 1861, т. IX и отд. 8°. 34 стр.); 18) *Русскіе калики древняго времени* (Зап. А. Н. 1862, т. I, кн. II); 19) *Чтенія о древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ* (ib., т. II, кн. II и отд. 8°. 48 стр.)—опытъ возстановленія утраченныхъ древнихъ лѣтописей X вѣка и разборъ ихъ; 20) *Древніе памятники Русскаго письма и языка X—XIV в.* (Изв. А. Н., т. X. и отд. Спб. 1866, 4°. 299 стр. и 41 л. снимк.); 21) *Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ* (Хр Др. 1864, кн. 7, 8, 9, 10 и 11, и отд. Спб. 1865. 4°. 67 стр.); 22) *Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ* (Зап. А. Н. 1864, т VI, кн. I, 1865, т. VII, кн. II, 1866, кн. I и II, и Сб. А. Н. т. I; отд. 1867—1876. 8°. ч. 1-я и 2-я) Зап. А. Н. 1871, т. XX, 1873, т. XXII, 1874, т. XXIV и Сб. А. Н. т. XII, Зап. А. Н. 1876, т. XXVIII; 23) *О языкѣ Крылова* (Зап. А. Н. 1869, т. XIV, кн. II и Сб. А. Н. т. VI); 24) *Былина о судѣ Любуши* (Р. Филолог. Вѣстн. Колосова, 1879, № 1 и отд. 8°. 34 стр).

VI. Сочиненія по палеографіи: 1) *Древнія письмена Славянскія* (Ж. М. Н. Пр. 1848. ч. 59-я № 7 и отд. 8°. 49 стр.); 2) *Палеографическія изслѣдованія памятниковъ Русской древности* (Изв. А. Н. 1857. т. VI); 3) Mater Verborum *Чешскаго музея* (Изв. Археол. Об. 1857, 1859, I); 4) *Палеографическія замѣтки, сдѣланныя во время путешествія лѣтомъ 1860 года* (Изв. А. Н. IX и отд. 8°. 17 стр.); 5) *Древніе памятники Русскаго письма и языка XI—XIV в. Общее повременное обозрѣніе и дополненія съ палеографическими указаніями, выписками и указателемъ* (Изв. А. Н. 1861—1863, т. X); 6) *Древнія Русскія книги: Палеографическій очеркъ.* (Хр. Др. 1864, кн. 2 и 4); 7) *Обзоръ матеріаловъ для изученія Славяно-Русской палеографіи* (Ж. М. Н. Пр. 1867. ч. 133-я и отд. 8°. 40 стр.); 8) *О Русскомъ правописаніи. Письмо 1-е.* (Ж М. Н. Пр. 1867. ч. 134-я и отд. 8°. 32 стр.); 9) *Палеографическія наблюденія по памятникамъ Греческаго письма. I—II. Обозрѣніе Русскихъ трудовъ по Греческой палеографіи.—Древнія христіанскія надписи въ Аѳинахъ* (Зап. А. Н. къ 18 т.; Сб. А. Н. т. 15 и отд. 8°. XVI и 84 стр.); 10) *Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патеры „Чешскія глоссы въ* Mater Verborum

Digitized by Google

(Зап. А. Н. 1878. т. 31, кн. 2 и Сб. А. Н. т. 19, № 2, стр. 152).

VII. Старославянскіе и Древнерусскіе памятники съ филологическимъ и археологическимъ разборомъ: 1) *Рядная запись съ печатью, XIII вѣка* (Зап. Археол. Об. 1851, т. 3 и отд. 8°. 48 стр.); 2) *Слова Григорія Богослова. Чтеніе и объясненіе X-го слова* (Изв. А. Н. 1855. т. IV); 3) *Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г., съ приложеніемъ двухъ другихъ грамотъ кн. Всеволода и извѣстій о Юрьевскомъ евангеліи 1120—1128 г.* (Изв. А. Н. 1860, VIII и отд. 8°. 36 стр.); 4) *Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка* (Спб. XXVI стр. 90 столбц. и 1 ненум. стр.); 5) *Древніе глаголическіе памятники*, 5 статей. Спб. 1861—62. 8°. 162 стр. (изъ III и IV т. Изв. Археол. Об.); 6) *Древніе Славянскіе памятники кюсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка* (Спб. 1868. 8°. 7+192+416 и 24 стр.); 7) *Сказаніе объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ.* (Спб. 1873. 8°. 32 стр. и Спб. 1874. 8°. 64 и 130 стр. и 7 табл. снимк.).

Ко дню пятидесятилѣтія ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго былъ изданъ, составленный въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, *библіографическій списокъ сочиненій и изданій* его за періодъ съ 1831 г. по 1878 г., въ которомъ поименовано 340 сочиненій, огромное большинство которыхъ не подошло подъ наши рубрики.

Два обширные труда приготовлены были И. И. Срезневскимъ, но, къ сожалѣнію, не изданы имъ при жизни, это—1) *Словарь древнерусскаго языка*, первый листъ котораго былъ отпечатанъ и разосланъ въ видѣ образца ученымъ, и 2) *Славянская палеографія.* Остается желать скорѣйшаго появленія этихъ трудовъ въ посмертномъ изданіи трудовъ покойнаго, которое, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать, благодаря тому счастливому обстоятельству, что одинъ изъ сыновей покойнаго Вячеславъ Измаиловичъ унаслѣдовалъ спеціальность своего достойнаго отца.

Изъ бѣглаго перечня ученыхъ трудовъ покойнаго И. И. Срезневскаго легко понять, почему имя его пользовалось и долго пользоваться будетъ огромнымъ авторитетомъ въ наукѣ. Ему же выпала на долю честь: подъ своимъ руководствомъ создать цѣлую школу дѣятелей новаго поколѣнія ученыхъ въ области Славяно-

Digitized by Google

Русской археологіи и филологіи. Онъ же оставилъ по себѣ добрую память участіемъ въ русскихъ археологическихъ съѣздахъ, и, между прочимъ, въ третьемъ, бывшемъ въ Кіевѣ.

Нельзя не упомянуть въ заключеніе, что работы академика Срезневскаго, касаясь очень разнообразныхъ вопросовъ изъ области историко-филологической науки, являлись на первый взглядъ какъ-бы *предварительными и подготовительными этюдами*, но безъ подобныхъ работъ не были бы возможны никакіе новые выводы, никакой шагъ впередъ въ сферѣ этой науки.

Ученый міръ почтилъ еще при жизни заслуги И. И. Срезневскаго, и онъ былъ признанъ почетнымъ членомъ Юго-Славянской академіи въ Загребѣ, Чешскаго Музейнаго Общества, Бельгійской Археологической академіи, Испанской Исторической академіи, Французскаго Археологическаго общества, университетовъ Харьковскаго и Св. Владиміра, и мн. др.

Въ заключеніе помѣщаемъ двѣ „поминки“ объ И. И. Срезневскомъ, читанныя въ Кіевскомъ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, 17 февраля, проф. А. А. Котляревскимъ и П. И. Аландскимъ.

Н. З—цкій.

I.

Мнѣ, сказалъ П. И. Аландскій, въ теченіе пяти лѣтъ пришлось быть слушателемъ И. И. Срезневскаго по разнымъ предметамъ славянской филологіи. Обыкновенно курсъ, читанный имъ, составляли русская палеографія, введеніе въ исторію славянства, славянскія древности и исторія русскаго языка. Общее свойство его преподаванія хорошо выражало его цѣльную и энергическую натуру. Чтобы охарактеризовать преподаваніе, надо сказать, что привлекало къ Измаилу Ивановичу убѣжденіе студентовъ, что они видятъ предъ собою человѣка, обладающаго необыкновенными сокровищами знанія; но слушателей онъ не старался поражать громадностью фактическихъ данныхъ: имъ онъ сообщалъ немногія, но точныя данныя науки, по строгому выбору. Что ни предлагалъ Измаилъ Ивановичъ вниманію студентовъ по любому отдѣлу славяновѣдѣнія,—всюду его изложеніе отличалось ясностью, точностью и опредѣленностью, безъ малѣйшаго намека на прикрасы: всюду виденъ былъ только его критическій умъ и тонкое умѣнье владѣть русскимъ языкомъ. Всегда идя отъ фактовъ, знакомя при этомъ съ литературой, онъ выказывалъ осо-

Digitized by Google

бенно ярко, что ко всему сообщаемому по славянской наукѣ онъ относился душевно, хорошо зная лично авторовъ трудовъ по славяновѣдѣнію. Проникнутый уваженіемъ къ наукѣ и высоко цѣня научныя заслуги Гриммовъ, Боппа, Палацкаго, Шафарика, Востокова и Карамзина,—онъ и студентамъ прививалъ уваженіе къ нимъ. Но какъ ни глубоко уважалъ онъ нѣкоторые авторитеты науки, гдѣ дѣло касалось разбора и критики, Измаилъ Ивановичъ былъ неумолимо строгъ, если у авторитетовъ выводы не соотвѣтствовали наличнымъ даннымъ. Онъ умѣлъ съ безпощадною строгостью разоблачать софизмы; изъ критическихъ отзывовъ было ясно видно не только глубокое пониманіе предмета, но иногда, при уваженіи къ трудамъ вообще, несочувствіе одному лишь методу, напр. въ отношеніи Фр. Миклошича и Авг. Шлейхера. До тѣхъ поръ пока надо было ввести студента только въ область фактовъ, Срезневскій вполнѣ заслуживаетъ названія „великаго“ профессора; въ результатѣ-же этой части преподаванія дѣйствіе его на студентовъ раздвоялось: одни, желавшіе усвоить формальную сторону славяновѣдѣнія,—всецѣло отдавались его водительству; другіе же, у которыхъ являлось стремленіе уяснить себѣ, въ какомъ положеніи логика той или другой науки?—встрѣчали со стороны Изм. Ив—ча подведеніе итоговъ лишь отрицательное: онъ приводилъ о спорномъ пунктѣ два-три мнѣнія и не отваживался прибавить собственное. На первыхъ порахъ можно было думать, что это робость—отъ сознанія объема своихъ дарованій; но потомъ становилось ясно, что это скептическое отношеніе къ наукѣ—результатъ самоотверженнаго принципа: „не дѣлай этого теперь,—будетъ время“. Собирая сырой матеріалъ, тщательно обработывая и критикуя его, онъ ни самъ не спѣшилъ впередъ, ни подталкивалъ другихъ. Какъ цѣльная натура, въ чертахъ ея своеобразной организаціи, не могла не поражать студентовъ своею безпредѣльною любовью къ русскому человѣку, не въ формѣ приторной идеализаціи всего русскаго, но въ вѣрѣ, что изъ русскаго человѣка можетъ выработаться сила въ ряду другихъ, лишь бы не было помѣхъ свободѣ его труда, работы. Срезневскій былъ чуждъ политики; патріотизмъ его сказывался въ томъ бережливомъ уходѣ, съ которымъ онъ обращался съ русскимъ словомъ. Если бы кто-либо изъ его слушателей стенографически записывалъ лекціи, то мы имѣли бы изложеніе науки въ строжайшей чистотѣ формы. Измаилъ Ивановичъ принадлежалъ къ тому типу профессоровъ, которые, при чрезвычайной критической мыслительности, одарены необыкновенной наблюдательностью въ наукѣ. И тѣмъ не менѣе, кажется, благодаря отсутствію въ его лекціяхъ элемента отвлеченно— философскаго, онѣ пріобрѣтали что-то

болѣе энергическое. Не мнѣ, заключилъ П. И. Аландскій, судить о заслугахъ Срезневскаго для русской науки; но впечатлѣніе, производимое его чтеніями и работами, возстановляетъ въ умѣ образъ русскихъ былинныхъ богатырей, очищавшихъ дороги отъ разбойниковъ и пролагавшихъ путь дальнѣйшимъ путешественникамъ,—благодаря сдѣланному въ наукѣ Срезневскимъ, слѣдующее поколѣніе ея дѣятелей можетъ идти впередъ проторенными, намѣченнымъ имъ путемъ, пользуясь открытыми или очищенными имъ матеріалами. Еще два слова: состоя почти безсмѣннымъ деканомъ, Измаилъ Ивановичъ не зналъ стѣсненій, гдѣ дѣло шло о помощи студенту, о заступничествѣ и предстательствѣ за него предъ факультетомъ.

II.

А. А. Котляревскій посвятилъ свою поминку объ *Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ* его ученой дѣятельности.

О воспитаніи и обученіи Измаила Ивановича извѣстно немногое. Извѣстнѣе періодъ его пребыванія въ харьковскомъ университетѣ; съ конца 20-хъ годовъ харьковскій университетъ представлялъ заведеніе не русскаго, но западнаго типа, съ энциклопедическимъ оттѣнкомъ. Въ это время выдѣлялись въ средѣ профессоровъ: Даниловичъ, Кронебергъ (преподававшій римскую словесность, но издававшій три учено-литературные журнала въ разное время) и Срезневскій—отецъ. Подъ вліяніемъ ихъ шло воспитаніе и обученіе Измаила Ивановича; по его собственнымъ словамъ, зерно точности и научнаго скептицизма было заронено въ немъ Даниловичемъ. Уже будучи студентомъ, Изм. Ив—чъ былъ литераторомъ: печаталъ свои статьи въ „Альманахѣ“ и въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“. Университетскій курсъ проходилъ онъ по этико-политическому отдѣленію,—какъ назывался нынѣшній юридическій факультетъ,—занимаясь юриспруденціей и южно-русской этнографіей. Въ 1837 году, онъ пріобрѣлъ степень магистра политическихъ наукъ и началъ тогда-же въ университетѣ свои чтенія по статистикѣ. Его знаменитая „*Запорожская старина*“ выходила съ 1833 по 1848 г. Но въ то же время, по инстинкту, посвящалъ уже себя Славянству: студентомъ еще встрѣтилъ онъ дротарей, зазвалъ ихъ къ себѣ; они оказались Словаки; онъ познакомился съ ихъ языкомъ, записалъ пѣсни и, почти одновременно съ классическимъ изданіемъ словацкихъ пѣсенъ Шафарика и Коллара, въ 1832 г. издалъ „*Словацкія пѣсни*“. Съ этихъ поръ онъ не оставался равнодушенъ къ явленіямъ славянской науки въ Австріи: дѣлалъ

Digitized by Google

извлеченія изъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, помѣщая ихъ то въ „Очеркахъ Россіи“ Пассека, то въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Замѣчательно, что уже въ 1838 г. онъ обратилъ вниманіе на русскую рукописную старину (въ ст. „Изборника“) и т. п. Въ то же время занимался малорусской этнографіей, издавалъ пѣсни, изъ которыхъ многія, говорятъ, поддѣльны; но въ извѣстномъ смыслѣ всѣ изданія (кромѣ Вука Караджича) были въ то время поддѣльны, т. е. или выправлены или стилизованы...

Для замѣщенія новосозданной каѳедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій—харьковскій университетъ, имѣя въ виду Рославскаго-Петровскаго, назначилъ его и въ заграничную командировку въ славянскія земли; но онъ не желалъ ѣхать. При посредствѣ П. П. Гулака-Артемовскаго, совершился обмѣнъ каѳедръ, назначеннаго въ командировку со Срезневскимъ, и Изм. Ив—чъ уѣхалъ заграницу. То было время одушевленія; по энергіи посланные достойны названія піонеровъ новой науки: отчеты, урѣзанные въ печати по цензурнымъ условіямъ, показываютъ, что Изм. Ив—чъ равно интересовался этнографіей, языкомъ, вещественными памятниками и пр. Онъ посѣтилъ Краковъ, Бреславль, Прагу, Загребъ, Вѣну, Бѣлградъ, Приморье, Черногорію, долину славянъ Резьянскихъ—совершилъ онъ путешествіе, большею частью, пѣшкомъ, какъ энергически—неутомимый изслѣдователь. Рядомъ съ „отчетами“ въ министерство народнаго просвѣщенія, Изм. Ив—чъ успѣвалъ обработать цѣлый рядъ статей, въ своей области классическихъ: ему первому принадлежитъ мысль о сравнительной грамматикѣ; первая по времени статья изъ этой отрасли—„*О сродствѣ звуковъ въ языкахъ славянскихъ*“ принадлежитъ ему. До него не только русскіе, но и западные европейцы ничего не знали о Черногоріи: онъ помѣстилъ статью о ней, на чешскомъ яз., въ „Музейникѣ“. Тогда же задумалъ онъ трудъ по миѳологіи, положивъ въ основу его не только прежде сдѣланныя изслѣдованія, но и живой этнографическій матеріалъ. И если сравнить изслѣдованія, почти современныя Касторскаго и Срезневскаго, который является достойнымъ ученикомъ Я. Гримма,—окажется поразительная разница! Рукописною стариною Изм. Ив—чъ занимался и въ это время, но не видно, чтобы отдавался ей всецѣло, какъ впослѣдствіи. Четыре года были проведены Срезневскимъ заграницей; вѣроятно, во время заграничнаго еще пребыванія, выработалась у него та идеальная программа по славяновѣдѣнію, которая впослѣдствіи въ 1848 г. была разослана министерствомъ и въ которой ясно, точно и, можетъ быть, въ виду политическихъ за-

Digitized by Google

подозрѣваній, умышленно подробно изложены всѣ пункты университетскаго курса по славяновѣдѣнію.

Возвратясь въ Харьковъ, Изм. Ив—чъ посвятилъ свои занятія обработкѣ сочиненія, подъ заглавіемъ „*Святилища и обряды славянскаго язычества*“, вышедшему въ 1846 г. въ Харьковѣ и затѣмъ въ 1848 г. вторично въ Петербургѣ. Сочиненіе это сразу составило Срезневскому ученую знаменитость. Со студентами онъ занимался не только теоретически, но и практически, пріучая ихъ къ самостоятельнымъ ученымъ работамъ, чему доказательствомъ служитъ напр. напечатанное сочиненіе студента Колесникова „Извѣстія Византійцевъ о Славянахъ“. Въ Харьковѣ Срезневскій оставался до 1848 года. Въ это время въ Петербургѣ скончался другъ и товарищъ его Прейсъ, и каѳедра славяновѣдѣнія была предложена Изм. Ив—чу. Читая лекціи въ университетѣ и въ главномъ педагогическомъ институтѣ, участвуя въ ученыхъ обществахъ, Срезневскій провелъ свои лучшіе годы, равномѣрно посвящая себя наукѣ. По занятіямъ—славяновѣдъ, по образованію—европейски-образованный человѣкъ, Срезневскій уже около 1850 г. былъ избранъ въ Академію Наукъ, въ члены ея 2-го отдѣленія. До Срезневскаго это отдѣленіе было самое злополучное. Въ Академіи Наукъ прежняго времени русскій языкъ и словесность были совершенно исключены изъ области предметовъ, которые подвергались ученому изслѣдованію: они были удѣломъ до 1848 г. „Россійской Академіи“ и съ присоединеніемъ ея ко 2-му отдѣленію не вышли изъ какого-то загаданнаго положенія, сказывавшагося, между прочимъ, въ томъ, что члены другихъ отдѣленій пользовались значительнымъ содержаніемъ, квартирами, а члены 2-го отдѣленія служили, какъ говорится, „изъ чести“, собирались рѣдко и пр.

Въ 1852 г. предпринято вторымъ отдѣленіемъ ак. наукъ два изданія: „*Извѣстія академіи наукъ*“ (вышли 10 томовъ) и „*Записки академіи наукъ*“ (7 томовъ). Это—не только плодъ мысли Изм. Ив—ча, но и капитальное ученое дѣло, представляющее богатѣйшій репертуаръ матеріаловъ, цѣлый рядъ статей, обогатившихъ русскую историческую науку. При этомъ Срезневскій былъ предсѣдателемъ этнографическаго и археологическаго обществъ. Работалъ усиленно такъ, какъ умѣли только работать ученые бенедиктинцы...

Постепенно отходя отъ славянства, благодаря ознакомленію съ массою чисто-русскихъ матеріаловъ, Изм. Ив—чъ отдался работамъ по исторіи русскаго языка. Уже для актовой рѣчи онъ избралъ тему по только что названному предмету, и плодомъ ея было сочиненіе, не имѣвшее своего прецедента, (если не считать сочиненія М. Н. Каткова), мы говоримъ о „*Мыслях по*

Digitized by Google

исторію русскаго языка"; исторію языка онъ понималъ, какъ *исторію народа*; раздѣлялъ ее на періоды, можетъ быть, нѣсколько формальные до XII—XIV вѣка древній, затѣмъ новый; указалъ на измѣненія народнаго быта, сказавшіяся въ языкѣ и проч.

Въ это-же время у Срезневскаго возникла мысль образовать словарь древне-русскаго языка. Существующій „Словарь, изданный 2-мъ отдѣленіемъ академіи наукъ" не могъ, конечно, удовлетворить научнымъ требованіямъ. Срезневскій-же, всегда интересовавшійся въ памятникахъ столько-же содержаніемъ, какъ и языкомъ, — для задуманнаго имъ „Словаря" перебралъ *всѣ* памятники и выбралъ изъ нихъ *всѣ* слова. Въ концѣ 60-хъ годовъ былъ уже готовъ первый корректурный листъ; система будущаго словаря была представлена на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Но прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и развѣ теперь словарь появится, уже какъ посмертное изданіе...

Срезневскій издалъ цѣлый рядъ памятниковъ какъ русскаго, такъ и древне-славянскаго языковъ. Заслуга его тутъ прежде прочаго въ самомъ *способѣ* изданія: извѣстно, что не на всѣ изданія можно положиться: это зависитъ отъ *чтенія* издателя. Изданія Срезневскаго представляютъ полную достовѣрность: рукопись всегда напечатана, какъ она есть, даже съ ошибками, но ошибки исправлены, чтеніе правильное возстановлено въ примѣчаніяхъ. Срезневскимъ изданы „Глаголическіе памятники", „Памятники юсоваго письма" (юго-славянскіе), и эти изданія должны составить эпоху въ рѣшеніи вопроса: что за языкъ церковно-славянскій? Противъ мнѣнія, основаннаго между прочимъ на ринизмѣ, что это — языкъ древне-болгарскій, — высказывался робко Востоковъ, онъ не произносилъ окончательнаго приговора, пока не будутъ изслѣдованы средне-болгарскіе тексты. Срезневскій находилъ, что для мнѣнія о церковно-славянскомъ, какъ древне-болгарскомъ языкѣ нѣтъ никакого основанія; но отъ выводовъ воздержался...

Начавъ заниматься „словаремъ древне-русскаго языка", Срезневскій на первыхъ-же порахъ натолкнулся на трудности, почти неодолимыя: ихъ представлялъ каталогъ памятниковъ, хронологія памятниковъ хотя приблизительная, содержаніе памятниковъ и пр. Иногда одна строка вывода требовала недѣльныхъ соображеній. Какъ примѣръ укажемъ выводъ въ нѣсколько строкъ о „Русской Правдѣ" (Синодал. списка 1280 г.), гдѣ коротко возстановляются три особыхъ памятника.

Въ то же время Срезневскій много работалъ надъ древне-русской палеографіей; лѣтъ 8—9 тому назадъ руководство его было готово, но тоже осталось неизданнымъ, кромѣ отдѣльныхъ

Digitized by Google

статей, какъ напр. о древнихъ русскихъ книгахъ и н. друг. Занятія палеографіей привели Срезневскаго къ иконографіи, и ему принадлежитъ лучшее изслѣдованіе *Объ одеждѣ древне-русскихъ князей.* Для географическаго общества онъ составилъ карту Юго-западныхъ Славянъ.

Такова обширная и многосторонняя дѣятельность Измаила Ивановича. Не все написанное имъ одинаково важно, но *340* сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя будутъ имѣть цѣну столѣтія и долѣе, даютъ ему право на *вѣчную память*!

Шлецеръ принималъ два рода критики: *высшую* и *низшую*; Срезневскій, какъ показываютъ многіе изъ его трудовъ, былъ вполнѣ способенъ къ первой, но отъ нея отказывался: „время— не пришло!“ но въ подготовкѣ матеріала и критикѣ его онъ весь отдался низшей критикѣ. И дѣйствительно въ критикѣ фактовъ онъ—исполинъ въ наукѣ. Послѣ него путь открытъ...

Говорить о постоянствѣ его въ трудѣ считаю излишнимъ. Его поддерживала вѣра въ науку. И мы не можемъ отнестись за это иначе, какъ съ сочувствіемъ и признательностью. Есть имя, усвоенное у насъ преимущественно за м. Евгеніемъ—это—„бенедиктинецъ“, рядомъ съ нимъ такимъ-же бенедиктинцемъ, но только въ болѣе высокомъ, научномъ смыслѣ былъ и Срезневскій.

Digitized by Google

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ ЗА 1878 ГОДЪ.

а) Польскій отдѣлъ.

I. Исторія и ея вспомогательныя науки.

1) Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce, изд. филолог. отд. акад. наукъ въ Краковѣ. т. I. Крк. б. 8°. стр. VI и 378.

2) Archiwum Wróblewieckie III. Изд. *Влад. Тарновскій*, съ прим. *Стан. Кунасевича*. Содержитъ: I. Письма Е. Коссаковской. II. Исторію выборныхъ королей. III. Манифестъ барскій. IV. Исторія похода Яна III подъ Вѣну. V. Письма Косціушки и Игн. Потоцкаго. Лвв. б. 8°. стр. XXII и 194. ц. 1 г. 80 кр.

3) *Bartoszewicz Julian*, Dzieła. III. Первоначальная исторія Польши, 1-е изд. по рукописи. Врш. и Лв. 8°. стр. VIII и 494, ц. 3 г. 50 кр.

4) *Berzewicz E.* Wieczory starego żołnierza. (посвящ. I. И. Крашевскому). 16°. Лв. стр. 271 съ портр. ц. 1 г. 80 кр.

5) *Bielowski August*, Monumenta Poloniae historica. III. Изд. Крак. Ак. Н. Лв. 4°. стр. XI и 876. ц. 12 г.

6) *Brandt Henryk*, Wspomnienia z wojny w Hiszpanii i Rossyi w r. 1807—1812. Врш. 3 вып. 272 стр. подп. ц. на 6 вып. 2 руб.

7) *Bykowski Jaxa*, Ostatni sejmikowicze. 2 ч. Врш. 16°. 261 стр. ц. 75 к.

Онъ-же. Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska. Отт. изъ Сб. свѣд. по антроп. т. II, ч. III. Крк. 8°. 25 стр.

8) *Chilinski M.* Hipoteza o Haliczu słowiańskim. Лв. 1877.

9) *Chociszewski J.*, Chłop polski za czasów polskich Пзн. 12°. 36 стр. ц. 15 фен.

Онъ-же. Dzieje narodu polskiego. Изд. 4-е, съ 73 рис. Пзн. 8°. 244 стр. ц 80 фен.

Digitized by Google

10) *C'wikliński dr. L.* Chronica Polonorum. Отт. изъ III т. Monumenta Poloniae historica. Лв. 4°. 80 стр.

11) *Dmochowski F. T.* Krótki zbiór historyi polskiéj. Врш. 8°. 361 стр. ц. 75 к.

12) Drwęca. Naścia Drewlanka. Легенда изъ преданій надслучанскаго народа. Крк. 28 стр.

13) Dwutygodnik naukowy poświęcony archeologii, historyi i lingwistyce. Годъ I, изд. и ред. *Артуръ Грушецкій.* Въ г. 24 №№ въ 8°. подп. ц. 6 руб.

14) Enciklopedja powszechna S. Olgebranda. т. I—XII нов. стереотип. изд. Врш. 8°. I—VII томы, каждый въ 480 стр. ц. 1 р. 25 к. за томъ.

15) *Falkowski Jul.* Wspomnienia z roku 1848 i 1849. Посв. І. И. Крашевскому. Изн. 8°. 390 стр. ц. 6 м.

16) *Franke i Jakubowski*, Maciéj Głoskowski, математикъ польскій XVII вѣка. Отт. изъ V т. мат. отд. Ак. Н. Крк. 8°. 34 стр

17) *G. A. (Giller Agaton)*, Aleksander hr. Wielopolski. Лв. 8°. ц. 50 кр.

18) *Golda ks. And.* Austrya i Polska. Крк. 8°. 140 стр. ц. 90 кр.

Онъ-же. In necessariis unitas. Вѣна. б. 8°. стр. 12. ц. 30 кр.

19) *Golian ks. dr. Zygm.* Ostatni bohaterowie Judei. Лв. 8°. стр. 55. ц. 75 кр.

20) *Hirschberg dr. Al.*, Diarjusz legacji Jerzego Ossolińskiego, польскаго посла на сеймъ нѣмецкій въ 1636 году. Лв. 8°. стр. VI и 92. ц. 1 г.

21) *Hube R.* O datach nadawanych statutom Kazimierza Wielkiego. Врш. 8°. стр. 21. ц. 30 к.

22) *Jabłonowski Alexander*, Sprawy wołoskie za Jagiellonów, акты и письма. Zródła dziejowe, т. X. Врш. 8°. CLXIV и 163 стр. ц. 3 р.

23) *Janota prof. dr. Eug.*, Lud i jego zwyczaje: I. Zwyczaje świąteczne. Отт. изъ „Przewodnik'a nauk. i lit." Лв. 8°. 98 стр. ц. 1 г.

24) *Jarochowski Kaz.*, Sprawa Kalksteina, 1670—1672. Врш. 8°. 132 стр. ц. 1 р.

Онъ-же. Oblężenie miasta Poznania przez Patkula. Эпизодъ кампаніи 1704 г. Отт. изъ X т. Rocznik'a Tow. przyj. nauki pozn. Изн. 8°. 55 стр. ц. 1 м. 60 ф.

Digitized by Google

Онъ-же. Opowiadania i studya historyczne. Врш. 8⁰. ц. 1 р. 20 к.

25) *Kaczkowski Z.*, Dzieła przejrzane i poprawione przez autora. 11 томовъ, 8⁰, ц. 10 р.

26) *Kalicki B.*, Bogusław Radziwiłł, коронный литовскій, историческій очеркъ. Отт. изъ Przegl. pol. Крк. 8⁰, 194 стр.

27) *Kałużniacki E.*, Dokumenta mołdawskie i multańskie изъ Архива г. Львова. Отт изъ VII т. Akt. grodz. i ziem. Лв. 4⁰, стр. 60, 3 табл. ц. 1 г. 50 кр

28) *Kantecki K.*, Artur Grottger. Біографич. очеркъ. Отт. изъ „Przew. nauk. i lit.“ Лв. 8⁰, 150 стр. ц. 1 г. 50 кр.

29) *Karwowski dr.* Kronika miasta Leszna. Пзн. 8⁰.

30) *Kętrzyński dr. W.*, O Bażyńskich. Отт. изъ X т. Roczn. T. prz. nauk pozn. Пзн. 8⁰, 21 стр.

Онъ-же. O roczniku małopolskim, къ исторіи анналистики польской въ XIII—XVI в. Отт. оттуда-же. Пзн. 8⁰, 42 стр.

31) *Kirkor A. H.*, O znaczeniu i ważności zabytków pierwotnych oraz umiejętném ich poszukiwaniu. Два публ. чтенія въ Музеѣ технико-промышл. въ Краковѣ. 8⁰, 30 стр.

32) Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, т. I, 984—1287 г. Изд. Тов. друзей науки въ Познани, б. 8⁰, LXII и 589 стр. ц. 12 м.

Того-же. Т. II, 1288—1349 г. Пзн. 4⁰, стр. LII и 629.

33) *Konopacki S.*, Chronologia dziejów królestwa polskiego, для молодого поколѣнія. 2-е изд. Пзн. I—II, 8⁰, CIX и 194 стр., II, 277 и 70 стр. ц. 12 м.

34) *Kopernicki dr. Jz.*, Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem, разысканія 1877 г. совмѣстно съ Вл. Пржибыславскимъ. Отт. изъ Zbior'a wiad. do antrop. krajowéj, т. II, ч. I. Крк. 8⁰, 56 стр. и 3 табл.

35) *Kremer J.*, Dzieła. Врш. 12 т. 12 р.

36) Księgi najstarsze i rachunki miasta Krakowa od r. 1300—1400. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. IV. Подъ ред. *д-ра Фр. Пекосинскаго* со введ. *д-ра Іос. Шуйскаго.* Крк. 4⁰, LXXXIII, 247 и 354 стр. ц 10 г.

37) *Lelewel J.*, Listy. Отдѣлъ первый: Письма къ роднымъ, т. I. Пзн. 8⁰, стр. XXXV и 495. ц. 7 м. 50 ф.

38) *Lenartowicz T.*, O polskim naczelniku Kościuszce i o racławickiej bitwie dnia 4 kwietnia 1794 г. Лв. 16⁰, VIII и 56 стр. ц. 20 кр.

Digitized by Google

39) *Lisicki H.*, Alexander Wielopolski, 1803—1877. Крк. 8°, I 451 стр., II 463 стр. и III 544 стр. съ портр. ц. 16 г.

Онъ-же, Odpowiedź na uwagi nad dziełem p. t. A. Wielopolski. 8°, 18 стр. ц. 20 кр.

40) *Liske dr. prof. X.*, Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy-pospolitéj polskiéj, изъ архива такъ наз. бернардинскаго во Львовѣ, т. VII, б. 4°, стр. 325 и 3 рис. ц. 5 г.

Онъ-же. Bar. Brüggena „Rozkład Polski". Разборъ. Отт. изъ Przegląd Polski, 1878. ч. XII. Крк. 8°, 13 стр.

41) *Slizień A. Hr.*, Litwa do unii lubelskiéj.., б. 8°, 57 стр. Пзн. ц. 1 м.

42) *Lukas Stan.*, Erazm Ciołek biskup płocki (1503—1522), польскій дипломатъ XVI вѣка. Врш. 8°, 114 стр. ц. 1 р

43) *Łoski J.*, Ryciny polskích i obcych rytowników z XVII i XVIII wieku; воспроизведены съ оригиналовъ фототипографически. Врш. 11 вып. fol ц. 3 р. за вып.

44) Łuszczkiewicz W., Opactwo Sulejowskie, памятникъ архитектуры XIII вѣка. Вып. I. Отч. Ком. изслѣд. ист. искус. въ Польшѣ, изд. А. Н. въ Крк. 4°, 20 стр. и 10 лит. табл. ц. 1 р. 65 к.

45) *Maciejowski W. A.*, Żydzi w Polsce, na Rusi i Litwie, или ист. повѣств. о прибытіи въ упомянутыя страны потомковъ Израиля и о пребываніи ихъ тутъ въ VIII—XVIII вѣкѣ. 4-е добавл. къ Hist. prawodawstw słowiańskich. Врш. 8°, стр. VIII и 151. ц. 1 р.

46) *Małachowski S. hr.*, Wspomnienia o generale Ludwiku hr. Pacu. Пзн. 8° 21 стр ц. 1 м.

47) *Morawski dr. K.*, Studya do historyi za czasów Augusta. Отт. изъ VI т. Rozpraw W. filolog. Ak. um. Крк. 8°, 30 стр.

48) *Morawski T.*, Wskazówka abecadłowa do dziejów narodu polskiego. Пзн. 8°, 260 стр. ц. 6 м.

49) *Moszyńska Józefa*, Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu ukraińskiego z okolic Białejcerkwi. Отт. изъ Zbior'a wiad. do antropol. kr., т. II, отд. 3. Крк.

50) *Nabielak L.*, Ludwik Kicki, генералъ войскъ польскихъ 1791—1831. Пзн. 8°, 45 стр. ц. 1 м. 50 ф.

51) *Niemcewicz J. U.*, Dzieje panowania Zygmunta III-go, 2 т. ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Онъ-же. Śpiewy historyczne. Лв. 16⁰. 109 стр. 35 кр.

52) *Oettinger, dr. prof. J.*, Rys dawnych dziejów Wydziału lekarskiego Uniwersitetu Jagiellońskiego—отъ основанія его въ 1364 г. до 1780 г. Періодъ 1-й до конца XVI вѣка. Отт. изъ VI т. Rozpraw W. filolog. Ak. Umiej. Крк. 8⁰, 242 стр.

53) *P. F.*, Książe Józef Poniatowski. Biografia. Отт. изъ Przegląd'a Pol Крк. м. 8⁰, 90 стр. ц. 2 г.

54) Pamiętnik Akademii umiejętności w Krakowie. т. III. Крк. 4⁰, 277 стр. и XIV табл. ц. 7 г. 50 кр.

55) *Papé Fryd.*, Polityka polska w czasie upadku Jerzego z Podiebradu w obec kwestji następstwa w Czechach 1466—1471. Отт. изъ Rozpraw Ak. um. w Kr. т. VIII. Крк. 8⁰, 110 стр. 82½ коп.

56) *Piekosiński dr. Fr.*, Wiadomość o wykopalisku krakowskiém monet Kazimierza Wielkiego. Отт. изъ Dwut. nauk. Крк. 8⁰, стр. 6 и 2 табл.

57) Pisarze dziejów polskich. IV т. Крк. 8⁰, стр. 425.

58) Pomniki dziejowe wieków średnich do objaśnienia rzeczy polskich służące. IV т., содерж. Древнѣйш. книги и отчеты Кракова 1300—1400 г. Подъ ред. *Піекосинскаго* и *Шуйскаго*. Крк. 4⁰, LXXXIII, 247 и 354 стр. ц. 7 р. 50 к.

59) Pomniki starodawne prawa polskiego. 1-я ч. V т. Подъ ред. *М. Бобржинскаго*. Крк. 4⁰. XL и 316 стр. ц. 6 г.

60) Przegląd archeologiczny. Журналъ, г. III. Лв. 8⁰, ц. 5 руб. съ перес.

61) *Przezdziecki hr. Al.*, Jagiellonki Polskie w XVI wieku. T. V (посмертное изд. подъ ред. Шуйскаго). Крк. CCLXV и 400 стр. 8⁰, съ рис.

62) *Radliński J.*, Napis pamiątkowy króla moabskiego Meszy. Отт. изъ Ateneum. Врш. 8⁰, 16 стр. 30 к.

63) *Radzimiński L. Z.*, O herbie „Krzywasny" pospolicie Drużyna i Szreniawa zwanym. Рѣчь въ зас. археол. ком. Ак. н. Отт. изъ Dwutyg. nauk. Крк. 8⁰, 23 стр. и 1 табл.

64) *Reitzenheim J.*, Udział piątego pułku Ułanów wojsk polskich podczas kampanii r. 1831. Отт. изъ Ruch liter. Лв. 8⁰, 116 стр. 80 кр.

65) *Różałowski Wł.*, Żywot jenerała Jarosława Dąbrowskiego. Съ портр. Лв. 8⁰.

66) Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału filo-

logicznego Akademii umiejętności. V т. Крк. 8⁰, 449 стр. 2 г. 50 кр. *Того-же* т. VI, 8⁰, 435 и табл. ц. 3 г.

67) Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. VIII т. Крк. 8⁰, стр. 454.

Того-же изд. томъ IX, стр. 320, XXVI и 7 табл. ц. 4 г.

68) *Rymarkiewicz dr.*, Pieśń „Bogu-Rodzica". Отт. изъ X тома Rocznik Tow. przyjaciół nauk pozn. Пзн. 8⁰, стр. 77 и 2 снимка въ 4⁰.

69) *Sadowski J. N.*, Wykaz zabytków przedhistorycznych na ziemiach polskich. Вып. I. Бассейны Варты и Царычи. Изд. Археол. Ком. Крак. Ак. Н. 8⁰, стр. XV и 67, VI табл., ц. 1 руб.

70) *Semkowicz dr. A.*, Zapiski historyczne odnoszące się do dziejów Polski, Szląska i Czech... Отт. изъ III т Monum. Pol. historica. Лв. 4⁰, 77 стр.

71) *Siarkowski ks. Wł.*, Dzwony w guberuii kieleckiéj. Ист.-археол. рѣчь. Врш. 8⁰, 50 стр. 60 к.

Онъ-же, Materyały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. I ч. Отт. изъ Zbior'a свѣд. для антропол. края, т. II, ч. III. Крк. 8⁰, 51 стр.

72) *Sieniawski dr.*, Biskupstwo Warmińskie, jego założenie i rozwój na ziemi pruskiéj, съ обзоромъ исторіи, народонаселенія и географическихъ условій прежнихъ владѣній крестоносцевъ. Удост. 1-й премін Ак. Н. въ Крк. 1876, 2 тома. Пзн. б. 8⁰, 279 и 119 стр. ц. 7 м. 50 ф.

73) *Skarbek Fr. hr.*, Pamiętniki. Пзн. 8⁰, 321 стр. 6 м.

74) *Słowacki Jul.*, Dzieła. Нов. изд. подъ ред. проф. д-ра Малецкаго, въ 4 т. Лв. 8⁰, ц. 7 г. 20 кр.

75) *Smiałowski Eust.*, Wojna 1792 roku. Историческое изложеніе. Лв. 8⁰, 90 кр.

76) *Smoleński Wład.*, Mazowiecka szlachta w poddaństwie proboszczów płockich. Врш. 8⁰, 80 стр. 60 коп.

77) *Śniadecki Jan.*, Listy w sprawach publicznych od r. 1788—1830 pisane z autografów. Предисл. и прим. *І. И. Крашевскаго*. Пзн. 8⁰, VII и 206 стр. 4 марки.

78) *Sokołowski M.*, Ruiny na ostrowie jeziora Lednicy. Этюдъ о постройкахъ въ дохристіанскія времена въ Польшѣ, на основаніи разысканій, добытыхъ на мѣстѣ съ проф. В. Лушчкевичемъ. Крк. 4⁰, 161 стр. съ 3 табл. ц. 6 р.

Digitized by Google

79) Sprawozdanie komisji do badania historji sztuki w Polsce. Вып. II. Крк. 4°, 50 стр., 5 табл. и 4 рис. ц. 2 г.

80) *Sulima Zygm. Luc.*, Wspomnienia ułana z 1863 roku. II. ч. 8°, 71 стр. 1 м.

81) *Szajnocha Kar.*, Dzieła. 10 томовъ, съ біографіей его, напис. Клем. Каетецкимъ. Врш. 8°, ц. 20 руб.

82) *Szaraniewicz dr. Iz.*, Krótki opis geograficzny austryacko-węgierskiej monarchii. Учебникъ. Лв. 8°, IX и 166 стр. 90 кр.

83) *Szujski Józ.*, Ostatnie lata Zygmunta Augusta i Anna Jagiellonka. Крк. 8°, 104 стр.

Онъ-же, Zdanie sprawy z ruchu naukowego Akademii umiejętności za 1876—77 r. Отт. изъ Roczn. Ак. наукъ 1877. Крк. м. 8°, 23 стр.

Онъ-же, Polemika w sprawach narodowych. съ Луд. Вольскимъ. Лв. б. 8°, 109 стр. ц. 80 кр.

84) *Tarnowski St.*, Leon Sapieha. Отт. изъ Czas'a. Крк. м. 8°, 32 стр. 20 кр.

85) *Tymieniecki S.*, Wiadomość o cmentarzyskach przedhistorycznych odkrytych w Kaliskiem. Отт. изъ Zbior'a свѣд. мѣстной антропол. т. II ч. I. Крк. 8°.

86) *Tyszkiewicz hr. E.*, Króla Stanisława Augusta ostatni pobyt w Grodnie. Изн. 8°. 189 стр. 6 м.

87) *Tyszkiewicz hr. K.*, Wilia i jéj brzegi, въ гидрограф., историч., археолог. и этнограф. отношеніяхъ. ц. 3 р. (см. 7 р. 50 к.).

88) *Warnka St.*, Joachima Lelewela zasługi na polu geografii. Изн. 8°. 192 стр. 3 м.

89) *Weinberg dr. Julian*, Polacy w rodzinie Słowian. кн. 2-я съ 5-ю илл. въ текстѣ. Врш. 16° 229 стр. 1 р. 50 к.

90) *Wisłocki Wł.*, Bibliografia z zakresu historyi literatury i oświaty w Polsce z r. 1877—1878. Отт. изъ I т. Арх. Ком. ист. лит. и просв. въ Польшѣ. Крк. б. 8°. 38 стр.

Онъ-же, Dzieła i rozprawy издан. Ак. Наукъ въ Крак. за пятилѣтіе 1873—1878. Крк. 8°. стр. 75. 50 кр.

91) *Wisłocki W.*, Gwalter Burley i Marcin Bielski. Отт. изъ VI т. Rozpraw Wydz. filolog. Ak. umiejęt. Крк. 8°. 54 стр. 50 кр.

Онъ-же, Katalog rękopisów Biblioteki Uniwersitetu Jagiellońskiego. Вып. II. Крк. 8°. 127 стр. ц. 1 г. 60 кр.

Digitized by Google

Онъ-же. Poczet chronologiczny prac drukowanych i rękopiśmiennych Grzegorza Piramowicza. Изъ Rozpraw. V. Крк. 8°. 230 стр. 1 р. 15 к.

92) *Zakrzewski W.*, Po ucieczce Henryka, исторія безкоролевья 1574—1575. Крк. 8°. XXI и 440 стр. 4 г.

93) *Zarański Si*, Geograficzne imiona słowiańskie, въ алфав. порядкѣ рядомъ съ нѣм., итал., румын., венгер. и тур. названіями. Крк. Изд. Ак. Н. 8°. X и 264 стр. ц. 2 г.

94) *Zarński Jan*, Dawne wychowanie szkolne. Врш. 16°. 213 стр. 75 коп.

95) *Zbaraski, Jérzy* książe, Listy... kasztelana krakowskiego z lati 1621—1631, изд. *д-ра Ант. Соколовскій.* Отт. изъ II т. Archivum Kom. histor. Крк. 6. 8°. 171 стр. 1 г. 80 кр.

96) Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, изд. Ком. Ак. Наукъ, т. II. Крк. 8°. 76, 34, 285 стр. и 4 табл. 4 г.

97) *Zebrzydowski, Andreas de Venciborco*, Epistolarum libri a. 1546—1553. Ред. *д-ра Вл. Вислоцкаго.* Acta Poloniae historica tomus II. Крк. 4°, XXXII и 579 стр. 8 г.

98) *Zieliński Wł. Ks.*, Monografia Lublina. I. Исторія города Люблина съ гербами. Врш. 8°, 184 и 33 стр. 1 р. 30 к.

99) *Ziemięcki*, Rozbiór dzieła L. N. Sadowskiego „Drogi handlowe greckie i rzymskie по бассейнамъ Одера, Вислы, Днѣпра и Нѣмана до побережья Балтійскаго моря". Врш. 8°, 17 стр. 20 коп.

100) *Żebrawski*, Uwagi nad rozprawą professora Maxym. Curtze w. przedmiocie pisowni imienia i narodowości Witka, автора Оптики въ XIII вѣкѣ. Отт. изъ VI т. Rozpraw фил. отд. ак. н. Крк. 8°, 11 стр.

II. Изящная словесность и исторія литературы.

101) *Bałucki M*, Za winy niepopełnione, повѣсть. Лв. м. 8°, 443 стр. ц. 8 г.

102) *Baryczka St.* Satyry. I. Врш. 16°, стр. 240, ц. 1 р.

103) *Bernatowicz Felix*, Powieści z podań i obyczajów krajowych. Пзн. 8°, 144 стр. ц. 1 м. 50 фен.

104) *Bronikowski*, Kazimierz Wielki i Esterka, ист. пов. Лв. 8°, ц. 2 г. 12 кр.

105) *D. L. Z.* Lucian Siemieński, посмертныя воспоминанія о немъ. 8°, стр. 69, ц. 60 кр.

106) *Dzieduszycki W.* Aurelian. Пов. изъ временъ рим. имперіи. Лв. 8°, 188 стр. ц. 1 г. 80 кр.

Digitized by Google

Онъ-же. Studja estetyczne. Лв. 8⁰, 272 стр.

107) *Dzierzkowski J.* Król dziadów, пов. 8⁰, 167 стр. ц. 1 г.

Онъ-же. Powiastki. 8⁰, ц. 60 кр

— Próżniak, пов. 8⁰, ц. 80 кр.

— Rodzina w salonie, пов. 8⁰, 132 стр. ц. 80 кр.

— Salon i ulica, пов. 8⁰, стр. 122, ц. 80 кр.

— Szkoła świata, пов. 8⁰, 109 стр. ц. 80 кр.

108) *Estreicher K.* Bibliografia polska XIX stólecia, т. V. W—Ż. Изд. Крак. ак. н. Крк. б. 8⁰, 335 стр. ц. 4 г. 50 кр.

109) *Goszczyński S.* Król zamczyska, пов. Лв. 16⁰, стр. 111, ц. 35 кр.

Онъ-же. Sobótka, 16⁰, стр. 46, ц. 15 кр.

— Straszny strzelec, 16⁰, стр. 56, ц. 15 кр.

110) *Hajota.* Narcyzy Ewuni, пов. 16⁰, стр. 176. Врш. ц. 50 к.

111) *Horwat Jerzy* (*M. Mirecka*), Dwór i dworek. Пов. Врш. 8⁰, 135 стр. ц. 50 коп.

Она-же. Nataniela. Пов. 8⁰, 308 стр. ц. 90 к.

112) *Hoszowski*, Zbigniew. Пов. въ стих. Лв. 8⁰, стр. 88. ц. 50 кр.

113) J. *dr. Antoni.* Nowe opowiadania historyczne. Лв. 8⁰, 381 стр. ц. 3 г.

Онъ-же. Opowiadania historyczne. Лв. 8⁰, 333 стр. ц. 3 г.

114) *Jeske Choiński*, Pierwsza miłość. Пов. Лв. 12⁰, 336 стр. ц. 1 г. 20 кр.

115) *Krasiński Z.*, Władysław Herman i jego dwór, истор. пов. изъ XI стол. б. 8⁰, 294 стр. ц. 1 г. 80 кр.

116) *Kaszewski K.*, Chełmianie, разсказъ изъ 1792—1796 годовъ. Врш. м. 8⁰, 255 стр. ц. 1 р.

117) *Kochanowski Jan*, Szachy i Mickiewicza Warcaby. Лв. 16⁰, 40 стр. 15 кр.

118) *Korwin*, Listki opadłe. 2-я серія. Влн. 8⁰, 80 стр. ц. 60 коп.

119) *Koszczyc W.*, Praca Syzyfa. Пов. Лв. 8⁰. ц. 1 г. 80 кр.

120) *Krajewski Ant.*, Ostatni rycerz. Поэма. Врш. 8⁰, 28 стр. ц. 30 к.

121) *Kraków P.*, Wspomnienia wygnanki. Изд. 4-е съ 6 рис. Врш. 16⁰, 223 стр. ц. 90 к.

Digitized by Google

122) *Krasicki Ign.*, Myszeida. Юмор. поэма въ 10 пѣсняхъ, съ 10 рис. Врш. б. 4°, 20 стр. ц. 40 к.

123) *Kraszewski J. I.*, Ada, sceny i charaktery z życia powszedniego. 3 т. Влн. 8°, I 259 стр. II 252 стр III 243 стр. 2 р. 40 к.

Онъ-же, Historya o Petrku Właścic palatynie, którego zwano Duninem. Истор. разсказъ изъ XII вѣка. 2 т. Крк. 12°, I 247 стр., II 226 стр ц. 2 руб.

Онъ-же. Hołota, powieść współczesna. Т. I—II. Врш. м. 8°, I 154 стр., II 149 стр. ц. 1 р. 50 к.

Онъ-же. Jak się pan Paweł żenił i jak się ożenił. Пов. Врш, м. 8°, 200 стр. ц. 1 р.

Онъ-же. Krwawe znamię. Пов. Лв. 8°, 224 стр. ц. 1 г. 50 кр.

Онъ-же. Przeklęta księżniczka. Новелла. Врш.

Онъ-же. Sąsiedzi, powieść z podań szlacheckich XVIII wieku. I—II. м. 8°, 198 и 199 стр. Врш. ц. 1 р. 50 к.

Онъ-же U babuni. Пов. 8°, I 171 стр. II 179 стр. Врш. 1 р. 50 к.

Онъ-же. Upior, opowiadanie przy kominku. Лв. 8°, 54 стр. ц. 60 кр.

Онъ-же. Z dziennika starego dziada. Врш. 16°, 68 стр. ц. 40 к.

Онъ-же. Z siedmioletniej wojny. Ист. пов. 2 т. 2-е изд. Врш. 12°, I 244 стр. II 239 стр. ц. 2 р.

Кромѣ того сдѣлано юбилейное изданіе „Избранныхъ сочиненій“ І. И. Крашевскаго, подъ заглавіемъ: Wybor pism, въ которое вошли: (предположено 15 томовъ по 50 к. за томъ, или 7 р. 50 к. за все изданіе).

I т. Rzym za Nerona, ист. пов. 413 стр.

II. Dola i niedola, ист. пов. ч. 1-я 375 стр.

III. Dola i niedola, ч. 2-я 378 стр.

IV. Jasełka, wyciąg z pamiętników Kłosia. ч. 1-я 387 стр.

V. Jasełka, ч. 2-я 394 стр.

124) *Krausharowa Jadwiga*, Alfred de Musset, литературно-біограф. этюдъ. (Посв. І. И. Крашевскому). Врш. 16°, 137 стр. ц. 60 к.

125) *Lam J.*, Powieści mniejsze i poezye. Лв.

Онъ же. Rozmaitości i powiastki. Лв. 8°, 245 стр. ц. 2 г.

126) *Laskowski J.*, Rusini. Пов. въ 3 ч. Лв. 8°, 235 стр. ц. 1 г.

Digitized by Google

127) *Librowicz Z.*, Z wrażeń kapociarza. Врш. 16°, 152 стр. ц. 60 к.

128) *Łuszczewska Jadwiga*, Na rozdrożu. Пов. Врш. 12°, I 168 стр. и II 246 стр. ц. 1 р.

129) *Meyersonowa Malwina*, Z ciasnej sfery, повѣсть изъ семейныхъ преданій и бумагъ. Врш. 16°, 214 стр. 1 р.

130) *Miarka K.*, Petronela, pustelnica z góry świętej Anny Историч. пов. конца прош. вѣка. Миколовъ. м. 8°, 218 стр. ц. 80 фен.

131) *Mickiewicz A.*, Pan Tadeusz. Крк. 8°, 363 стр. 1 г.

132) *Miłkowski Z.*, *(T. T. Jeż)*, Lech—Czech—Rus, powieść historyczno-społczesna. Пан. 8°, 116 стр. 1 м. 50 ф.

Онъ-же. Pod obuchem, пов. Лв. 8°, I 209 стр. и II 203 стр. ц. 3 г. 80 кр.

Онъ-же. Wyśniona, fantazja prozą, niby powieść. Врш. 8°, 240 стр. ц. 80 к.

133) *Morawski A.*, Po za krajem. 2-е изд. Крк. 8°, 292 стр. 2 г.

134) *Morosz Jul.*, Złota niteczka, оригин. пов. Врш. 8°, 205 стр. ц. 50 к.

135) *Morzkowska Walerja*, Zrozpaczeni w literaturze, литерат. этюдъ. Врш. 8°, 74 стр. ц. 50 к.

136) *Myszkowski St.*, Bajki i powiastki ludowe. Ярославъ (галицкій). 8°, 23 стр. 12 кр.

Онъ-же. Maciéj. Пов. ib. 16°, 40 стр. 12 кр.

Онъ-же. Mała geografia i historya Polski, съ картой, ib. 16°, 80 стр. 12 кр.

Онъ-же. O strachach. Пов. ib. 16°, 23 стр. 6 кр.

137) *Niemirowska Helena*, Oda, повѣсть историч., Wygnaniec, ист. разск. изъ X стол. Врш. 16°, стр. 160 и 24, ц. 1 р.

138) *Niewiarowicz A. L.* Wspomnienia o Adamie Mickiewiczu. Отт. изъ Ruch'a liter. Лв. м. 8°, 194 стр. 2 г. 20 кр.

139) *Orzeszkowa Eliza*, Meir Ezofowicz, powieść z życia Żydów. Съ 26 илл. Андріолли. Врш. 4°, 242 стр. 2 р. 50 к.

140) *Przyborowski W.*, Najazd o cześnikównę. Пов. изъ XVII ст. Кельце. 16°, 135 стр. 30 коп.

Онъ-же. O cześć ojcowską. Пов. Врш. 8°, 148 стр. 75 к.

141) *Róla T. J.*, Józef Ignacy Kraszewski. По поводу 50-лѣтія трудовъ и заслугъ его, съ портр. юбиляра. Врш. 8°, 77 стр. 40 коп.

Digitized by Google

142) *S. W.*, Bogusz Zygmunt Stęczyński i jego prace. Крк. 8⁰, 8 стр.

143) *Sienkiewicz Henryk (Litwos)*, Na marne, szkic powieściowy. Врш. 8⁰, 244 стр. ц. 75 к.

144) *Sowiński L.*, Rys dziejów literatury polskiej... доведена до новѣйшаго времени, т. V. Влн. 8⁰, 342 стр. 5 томовъ 10 руб.

145) *Stroka* W., Zygmunta Krasińskiego Nieboska komedya i Niedokonczony poemat. Этюдъ. Коломыя. 8⁰, стр. 116 съ предисл. ц. 84 кр.

146) *Strutyński hr. Jul.*, Poezye Berlicza Sasa i wspomnienia jego wierszem. Посм. изд. Крк. м. 8⁰, 328 стр. и бюстъ авт. ц. 3 г. 20 кр.

147) *Sulita, St. Jan*, Mateusz Trębacz i Czarna Jagna, нар. велико-пол. пов. Отт. изъ Ruch liter. Лв. 8⁰. 98 стр. 50 кр.

148) Sumienie, na co nam? Повѣсть, Врш. 16⁰, 51 стр. 60 коп.

149) *Święcicki Jul. Ad.*, Wycieczki na wschód. I. О поэтахъ и поэзіи Арабовъ предъ Магометомъ, литер. этюдъ. Врш. 8⁰, 50 стр. 60 коп.

150) *Swiejkowski H.*, Marek Jakimowski, podolanin 1620 roku. Ист. поэма Парижъ. 8⁰, 124 стр.

151) *Świeżawski Ern.*, Pięć ustępów z cyklu powieści historycznych J. I. Kraszewskiego. Врш. 8⁰, 126 стр. ц. 1 р.

152) *Syrokomla* Wł., Ułas, sielanka bojowa z błot poleskich. Лв. 16⁰, 64 стр. 20 кр.

153) *Szumowicz* W., Poezje. Врш. 16⁰, I 181 стр., II 261 стр. ц. 2 р.

154) *Z Teki wiejskiego szlachcica*, Aforyzmy. Лирика. Лв. м. 8⁰, 107 и 31 стр. 1 г.

155) *Tomkowicz dr. St.*, Przyczynek do historyi początków romantyzmu w Polsce... Отт. изъ I тома Архива ком. по ист. лит. и просв. въ Польшѣ. Крк. 8⁰, VIII и 76 стр.

156) *Urbański A.*, Poezye. Изд. 2-е. Лв. 8⁰, 116 стр. ц. 1 г.

157) Wężyk *Fr.*, Pisma: Poezye z pośmiertnych rękopisów. Крк. 8⁰, въ 3 т. I 406 стр. II 429 и III 338 стр. ц. 6 г.

158) *Wilczyński A.*, Kłopoty starego komendanta, obrazki

Digitized by Google

naszych czasów. Пов. Изд. 2-е съ рис. Лв. 8°, ц. за 3 тома 5 г. 60 кр.

Онъ-же. Siostra mojéj żony. Картинка сельской жизни. Лв. 8°, 398 стр. 2 г. 60 кр.

Онъ-же. Z pamiętnikow plotkarza. Лв. 16°, I 238, II 203 стр. 4 г. 20 кр.

159) *Wójcicki K.* Wł., Baśnie i podania ludu polskiego: Pan Tvardowski. Врш. 4°, 13 стр. и 5 илл. 1 р. 20 к.

160) *Zacharjasiewicz Jan,* Królewskie krzesło. Пов. 8°, 276 стр. 4 м. 50 ф Пзн.

Онъ-же. Zakryte karty. Повѣсть въ 3 т. Лв. 8°, 3 г. 60 кр.

161) *Zawadzki* W., Literatura w Galicji (1772—1848). Лв. 8°, 158 стр. 2 г.

Онъ-же. Rok 1848. Dziennikarstwo w Galicji. Отт. изъ Dzien. Pol Лв. 8°, VIII и 151 стр. 80 кр.

162) *Zieliński G.,* Kirgiz. Пов. Лв. 16°, 48 стр. 15 кр.

III. Драматическія произведенія:

163) *Ajram,* Litwa, лирич. драма въ 4 актахъ. 8°, 63 стр. Крк. ц. 75 кр.

164) *Asnyk Ad.* (псевдонимъ), Kiejstut, траг. въ 5 акт. Крк. 8°, 128 стр. ц. 1 г. 50 кр.

Онъ-же. Poezje, изд. 2 умн. 2 тома. Лв. 8°, ц. 3 г. 60 кр.

165) *B. Wlad.,* Jan Korwin, драма изъ возстанія въ Литвѣ въ 4 акт. 8°, 54 стр. Лв. ц. 50 кр.

166) *Karwat Anna,* Mieczysław I, książe polski. Драма въ 5 д. Трн.

167) *Lubowski E.,* Pogodzeni z losem, комед. въ 5 акт. Врш. 8°, 143 стр. ц. 75 к.

168) *Mostowski Ad.,* Dwie komedje: Złocona gwiazda, ориг. ком. въ 2 акт. въ стих., Znakomici i wielcy, ориг. ком. въ стих. въ 1 актѣ. Врш. 8°, 146 стр. ц. 50 к.

169) *Okoński* Wł. Błazen, др. въ 1 акт. 8°, 34 стр. 20 к.

Онъ-же, Piękna, др. въ 4 акт. Врш. 16°, 156 стр. 60 к.

170) *Popławska Maria,* Grymaśnica ukarana. Ком. въ 2 акт. Врш. 49 стр. 22½ к.

171) *Rapacki* W., Maćko Borkowic, драма въ 5 акт. Врш. м. 8°, 82 стр. 40 к.

Digitized by Google

172) *Roenne Eug. baron*, Poezye i prace dramatyczne. Влн. 8⁰, 400 стр. 1 р. 50 к.

173) *Starzeński* (псевдонимъ *Nie Napoleon III*). Życie Juliusza Cezara. Шутка въ 1 д. Лв. 12⁰, 35 стр. 35 кр.

174) *Szober Felix*, Barnaba Fafuła a Jóżo Grojseszyk na wystawie paryskiéj. Ориг. шутка въ 5 д. Врш. 16⁰, 149 стр. 30 к.

175) *Tokarski St. K.*, Dla Mamony. Др. карт. въ 3 д. Коломыя.

176) *Zalewski K.*, Artykuł 264, ком., въ 5 д., увѣнч. 1-ю премію. 8⁰, 88 стр. 75 коп.

Онъ-же, Spudłowali, ком. въ 1 д. съ илл. Врш. 8⁰, 40 стр. и 2 рис. ц. 50 к.

IV. Публицистика и смѣсь:

177) *Jeleński Jan*, Dworacy Żydów, приписка къ жидовскому вопросу. Врш. 8⁰, 17 стр. 25 к.

Онъ-же, Kto jest Kraszewski i co zrobił? Врш. 8⁰, 24 стр. ц. 5 к.

Онъ-же, Żydzi, Niemcy i My. Изд. 3-е. Врш. 8⁰, ц. 80 к.

178) *Kunasiewicz St.*, Pogadanki o tłómaczach poetów polskich. I. Dr. M. Rappaport. Jego stanowisko w społeczeństwie żydowskiem i kraju. 2-е изд. Лв. 8⁰. XVII и 90 стр. ц. 70 кр.

179) *Łapiński P.*, Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę. Лв. и. 8⁰, 214 стр. ц. 1 г. 20 кр.

180) Panslawizm, Polska i traktat w San Stefano. Отт. изъ газ. Czas. Крк. 8⁰, 32 стр. 25 кр.

181) *Polkowski ks. J*, Szkoły w Polsce i ubodzy uczniowie krakowscy w czasach najdawniejszych. Публ. чтеніе. Отт. изъ Przegl. pol. Крк. 8⁰, 25 стр. 60 кр.

182) *Przybylski Z.*, Krytyka teatralna w Krakowie. Отт. изъ Echo. Крк. 16⁰, 44 стр. 40 кр.

183) *Rogojski dr.*, Kultura i jéj prawidła. Врш. 8⁰, стр. 90, ц. 45 к.

184) *Rogosz Józ.*, Choroby Galicyi w latach od 1866—1878, podpatrzone i opowiedziane... Serya nowa. Лв. 8⁰, 253 стр. 2 г.

185) Rozwiązanie kwestyi wschodniej przez b. oficera sztabu. Крк. 8⁰, 81 стр. 40 кр.

186) *Sewer*, Na pobojowisku, эпизодъ изъ войны 1871 года. Лв. 12⁰, 182 стр. ц. 1 г. 50 кр.

Digitized by Google

Отъ-же. Wydziedziczone. Пов. Врш. 8⁰, 181 стр. ц. 1 р. 20 к.

187) Skorowidz Królestwa polskiego, или алфавитный списокъ городовъ и селъ, фольварковъ, колоній и пр. въ губерніяхъ Ц. П. Врш. 4⁰, 93, 426 и 355 стр. 6 руб.

188) *Struve dr. Henr.*, Odpowiedź na pretensje pana Levitoux. Врш. 16⁰, 18 стр. 15 коп.

189) Testament Napoleona, nowella z teki starego szlachcica. Лв. 16⁰, 80 стр. 60 кр.

190) *Treterowa Józefa*, Wrażenia z podróży na wschód. Лв. 16⁰, 116 стр. 80 кр.

191) *Triplin dr. T.*, Wspomnienia z ostatnich podróży. Врш. въ 4 том. ц. по 1 р. 25 к. за томъ.

192) *Wegner St.* Złote myśli z dzieł J. I. Kraszewskiego. Пзн м. 8⁰, LXVII и 169 стр. 2 м. 50 ф.

193) *Żychliński*, Jle naszéj gleby? Отношенія польской и нѣмецкой народности въ в. кн. Познанскомъ 30 лѣтъ назадъ и теперь. Отт. изъ Dzien. pozn. Пзн. 8⁰, 50 стр. и 2 табл. 1 м. 25 ф.

6) Галицко-русскій отдѣлъ.

1) *Арендарь.* Драма въ 3-хъ актахъ. Лв. 16⁰, 56 стр. ц. 10 кр.

2) Братства церковныя на Руси. Лв. 16⁰, 48 стр. ц. 10 кр.

3) *Вахнанинъ Анатоль*, Физіографичной начеркъ долины горѣшнёго Сану съ мапою. Лв. 8⁰, 14 стр.

4) *Верхратскій Иванъ*, Рѣчь про Григорія Квітку Основяненка... Лв. 16⁰, 4 стр. ц. 15 кр.

5) *Левицкій Иванъ*, Украинскій гетманъ Богданъ Хмельницкій и Козачина. Лв. 8⁰, 150 стр. ц. 60 кр.

6) Марѳа краснолица, чорная Момица. Повѣсть болгарска изъ временъ борьбы о независимости Болгаріи. Коломыя. 8⁰, 24 стр. ц. 30 кр.

7) Монастырь чина св. Василія на Ясной Горѣ въ Гошевѣ.. Лв. 16⁰, 45 стр. ц. 10 кр.

8) Наука, трудъ и гроши. Лв. 16⁰, 96 стр. ц. 20 кр.

9) *Петрушевичъ Антонiй*, Михалково-Днѣстрянскій кладъ. Перепеч. изъ „Слова“. Лв 8⁰, 14 стр.

10) *Трембицкій Изидоръ*, Библіотека новыхъ драматич-

ныхъ сочиненій. № 1. *Облога Плевны*. Образъ въ 3-хъ актахъ съ прологомъ Перепеч. изъ „Весны“. Коломыя. 16⁰, 72 стр. ц. 25 кр.

в) Чешскій отдѣлъ.

I. Исторія и ея вспомогательныя науки.

1) *Adámek K*, Doba poroby a vzkříšení. Очерки культурной исторіи Чешскаго королевства въ XVII и XVIII ст. 2 ч. 8⁰, 201 стр. ц. 1 г. 20 кр.

2) *Онъ-же*. Chrudimsko. Историческій и статистическій обзоръ. 8⁰, 98 стр. ц. 60 кр.

3) *Bělohoubek*, Z̆ivot a působení Františka Ondřeje Poupěte. Съ портр. 2 ч. lex. 8⁰, 97 стр. ц. 1 г. 50 кр.

4) Bibliothéka, Nowočeská, издаваемая иждивеніемъ Музея Чешскаго королевства, ч. XVIII. Dějepis města Prahy. Соч. *Вячеслава Владивой Томекъ*. т. IV. (Соч. Музея № LI). Пр. 1879, б. 8⁰, 747 стр. ц. 5 г.

5) *Cimrhanzl T.*, S̆umava. Проводникъ по Шумавѣ. Съ 9 илл. и 3 карт. Плзн. 8⁰, 70 стр. ц. 80 кр.

6) *Červenka K.*, Památky města Mšena. Пр. б. 8⁰, VI и 143 стр. ц. 80 кр.

7) *Debrnov*, J. S., Stručné dějiny konservatoře Pražské. Пр. 8⁰, 88 стр. ц. 40 кр.

8) *Dudík*, Dr. B., Dějiny Moravy, ч. V. стр. V и 354. ц. 2 г. 50 кр. и ч. VI, в. 1-й, 80 стр. ц. 50 кр.

8²) *Durdík* J. Řeč v pětistyletou ročnici umrtního dne Karla VI. Произн. въ собр. акад. общ. Пр. 12⁰, 25 стр. ц. 10 кр.

9) *Filipovský K.*, Zeměpisný nástin hejtmanství brněnského. Брн. 8⁰, 53 стр. ц. 30 кр.

10) *Gindely* Dr. Ant.. Dějiny českého povstání léta 1618. Вып. III. Пр. б. 8⁰, 10, 331 и XLIII стр. ц. 3 г.

11) *Goll* Jar., Vypsání o Mistru Jeronymovi z Prahy. Хроника о Янѣ Жижкѣ. Изд. по старой рукописи. Пр. б. 8⁰, VII и 52 стр. ц. 60 кр.

12) K dějinám vinařství českého. Королевская инструкція 1590 г. о винодѣліи, 8⁰, 14 стр.

13) *Kalousek*, Dr. Jos., Karel IV, otec vlasti. Къ пяти-

Digitized by Google

сотлѣтнему юбилею его смерти 29 ноября 1878. Пр. 8⁰, 223 стр. ц. 80 кр.

14) Kniha popravčí pánův z Rožmberka, изд. *Фр. Мареш.* (Изъ Pojednání Чешскаго Общ. Наукъ, отд. VI, ч. 9. Пр. 4⁰, IV и 64 стр. ц. 1 г. 20 кр.

15) Knihovna Besedy Učitelské. II. O zakládání měst v Čechách въ XIII вѣкѣ. Соч. *Фр. Зоубекъ.* Пр. б. 8⁰, 67 стр.

16) *Kořinek*, Jan Ev., Úvahi o Karlu IV „Otci vlasti". Въ память 500-лѣтія его кончины, 8⁰, 22 стр. ц. 10 кр.

17) *Lašek*, G., Místopisné čl topografické vypsání města Kostelce n. Orlicí, съ краткимъ историческимъ очеркомъ, по достовѣрнымъ источникамъ. Пр. 8⁰, 52 стр. ц. 30 кр.

18) *Malý*, Jak., Vlastenský slovník historický. 2-е изд. В. 1 и 2. Пр. lex. 8⁰, 112 стр. ц. за вып. 30 кр.

19) Matice lidu. V. Čtrnáctý věk. Изъ исторіи культурныхъ сношеній Чехіи и Италіи. Соч. *К. Адамекъ.* 159 стр.

20) *Möchel*, Průvodce na trati Plzeň-Eisenstein—Deggendorf a po Šumavě. Для туристовъ. Съ 2 карт. Плзн. и. 8⁰, 142 стр. ц. 50 кр.

21) *Palacký Fr.* Dějiny národu Českého. Съ фотолитограф. портретомъ автора и съ біографіей его, напис. *д-ромъ Калоускомъ*, ч. 2-я IV-го т. Вѣкъ Юрія Подебрадскаго, 1451—1471 или до смерти короля Юрія. 2-е изд. Пр. VI и 630 стр. ц. 3 г. 50 кр.

Ч. I-я т. V-го: Ягеллонскій вѣкъ. Царствованіе Владислава II и Людовика I отъ 1500 до 1526. 2-е изд. XVI и 439 стр. Пр. ц. 2 г. 40 кр.

Ч. II-й т. V-го: то-же. 2-е изд. XIV и 538 стр. ц. 3 г.

22) Památky archaeologické a místopisné. Органъ Археологическаго института и Историческаго общества въ Прагѣ. Ч. X. вып. IV, 1877. Подъ ред. *Калоуска*, б. 4⁰, стр. 634—919 и V табл. ц. 4 т.

Ч. XI-й вып. 1—3, подъ ред. *Смолика*. стр. 143 и VI табл. ц. 4 г.

23) Památky staré literatury české, изд. Матицей Чешской. IV. Отд. 1, 2. Spisové císaře Karla IV. Въ память пятисотлѣтняго юбилея его, подъ ред. *Іос. Эмлера*. Пр. 8⁰, XX и 130 стр. ц. 1 г.

24) *Patera* Ad. J. i *Tadra* F., Kniha bratrstva malíř-

Digitized by Google

ského v Praze (Das Buch der Prager Malerzeche 1348—1527). Пр. б 8°, 97 стр. ц. 1 г.

25) Pozůstatky desk zemských království Českého roku 1541 pohořelých. Ч. II-й вып 5. Reliquiae tabularum regni Bohemiae anno 1541 igne consumptarum. Иждивеніемъ *Генр. Ярослав. графа Клам-Мартиница*, подъ ред. *д-ра Іос. Эмлера*. Пр. 4°, стр. 425—530, ц. 1 г. 50 кр.

26) Prameny dějin českých, изд. по почину Палацкаго. Ч. III, вып. 1—3. Dalimilova kronika česká, подъ ред. *Іос. Иречка*. Fontes rerum Bohemicarum Пр. б. 4°, стр. XXVIII и 301, ц. 4 г. 80 кр.

27) Dějiny města Turnova nad Jizerou въ Болеславскѣ, по первымъ источникамъ, lex. 8°, 224 стр. ц. 2 г. 10 кр.

28) *Prášek*, Dějiny mocnářství rakouského. Съ прилож. и родосл. табл. I и II. lex. 8°. Пр. 110 и 100 стр. ц. 1 г. 30 кр.

29) Řehák, Filip Villanuova český biskup pod obojí, 1504—1507. Пр. б. 8°, 21 стр. ц. 30 кр.

30) *Sasinek Fr.* Dějiny drievných národov na území terajšieho Uhorska. Турч. Ст. Мартин. б. 8°, 254 стр. ц. 1 г.

31) Seznam míst v království Českém. (Изданіе оффиціальное). Пр. lex. 8°, 521 стр. ц. 5 г.

32) Šafránek, Život a působení Jana Krouského. Мл. Бол. б. 8°, 71 стр. ц. 42 кр.

33) Šembera, Dějiny národů klassických. I. Вдне. б. 8°, ц. 1 г.

34) *Vávra*, Dějiny královského města Kolína nad Labem. Отд. I-й до 1618 г. Клн. б. 8°, 96 стр. ц. 1 г. 20 кр.

35) *Zap* K. V. и Jos. *Kořán*, Česko-Moravská kronika. Съ 400 рис. вып. 58—61. Пр. 4°, 1041—1360 стр. по 74 кр. вып.

36) *Zelený*, Život Josefa Jungmanna. 2-е умн. изд. съ портр. Пр. 5 вып. б. 8°, 320 стр. ц. 2 г.

II. Языкознаніе.

37) *Brandl V.* Libušin soud. Монографія о возраженіяхъ, сдѣланныхъ проф. А. В. Шемберой противъ подлинности этой поэмы. Брн. и Пр. 8° 32 стр. 2 изд. ц. 15 кр.

38) *Gebauer*, Legendový příběh sv. Doroty v literatuře české a staročeská píseň ku sv. Dorotě. Отт. изъ журнала Listy filolog. a paedagog. 1877. Пр. 8°, 23 стр. ц. 15 кр.

Digitized by Google

39) *Geitler dr. Leop.* Poetické tradice Turáků i Bulharů. Пр. б. 8⁰, 102 стр. ц. 1 г.

40) *Jireček J.*, O nejnovějších námitkách proti pravosti našich starých památek. Отт. изъ журн. „Časopis Č. M." г. LII, вып. I. Пр. 8⁰, 37 стр. ц. 30 кр.

41) *Онъ-же.* Skládání o podkoní a žáku. Отт. изъ отчетовъ о засѣд. к. чеш. общ. наукъ. Пр. 8⁰, 32 стр. ц. 30 кр.

42) Rozbor Kralického Nového Zákona co do řeči i překladu. Съ прибавленіемъ исторіи Чешскаго библейскаго текста. Пр. б. 8⁰, 107 стр. ц. 65 кр.

43) *Kott* Fr. St, Česko-německý slovník, преимущественно грамматическо-фразеологическій. Пр. lex. 8⁰, т. I, XII и 1097 стр. *A—M.* ц. 9 г. 50 кр. II-го т. вып. по 50 кр.

III. Изящная словесность и исторія литературы.

44) *Bayer Fr.* Stručné dějiny literatury české. Олм. 1879, 8⁰, 295 стр. ц. 1 г. 40 кр.

45) Bibliotéka Národní. Вып. 318—350, 12⁰, ц. по 24 кр. Сюда вошли: беллетристическія и стихотворныя сочиненія *Г. Иречка, К. Сѣтлой, І. Раецкаго, В. Штульце, І. К. Тыля, В. Влчка, Я. Э. Вощеля, Ф. Л. Челяковскаго, Г. Пфлегри-Моравскаго.*

46) *Biblioteka* романовъ оригинальныхъ и переводныхъ: *Строупежницкаго*—ром. и *Ираска*—повѣсть. *В.* салонная: *Врхлицкаго, Чеха, С. Подлипской*; *В.* забавная: *Бенеша-Требизскаго, Дзюржковскаго* и др.

47) Biblioteka ženská, подъ ред. *С. Подлипской*, ч. XVIII: Nalžovský, романъ ея-же. 152 стр.

48) Bibliothéka Novočeská, изд. иждивеніемъ Музея Чеш. кор. вып. XVIII. Dějepis města Prahy, нап. *Вяч. Владивой Томекъ*. ч. IV. (Музейныхъ соч. № LI). Пр. б. 8⁰, 747 стр. ц. 5 г.

49) *Hálek, Vit.* Spisy подъ ред. *Ф. Шульца* I. Пр. 12⁰, 399 стр. 1 г. 80 кр.

50) *Holeček* Jos., Za svobodu. Очерки изъ борьбы черногорцевъ и герцоговинцевъ противъ турокъ. I. 12⁰, 217 стр. ц. 1 г. 20 кр.

51) *Chocholoušek* Pr. Jih. Историко-романическіе очерки изъ югославянской исторіи. 2-е изд. Пр. III, 8⁰, 587 стр. ц. 1 г. 80 кр.

Digitized by Google

52) *Jireček J.* Hymnologia Bohemica. Исторія чешской церковной поэзіи до XVIII вѣка. Пр. 4⁰, 98 стр. ц. 2 г. 40 кр.

53) *Онъ-же.* O Janu Záhrobském a některých jiných dosud neznámých spisovatelích českých ze XVI století. Отт. изъ Отч. кор. чеш. уч. общ. наукъ. Пр. lex. 8⁰, 8 стр.

54) Libuše. Матица беллетристики и науки. г. VIII. 6 №№ въ г. 12⁰, ц. за годъ 1 г. Сюда вошли: Příbuzní, романъ *С. Подлипской*; Na zříceninách, ром. *В. Лужицкой* и Povídky z malého města, ея же.

55) *Lipovský V.* Prokop Veliký. Очерки изъ гуситскихъ войнъ. Ист. ром. изъ 15 вѣка. 2-е изд. Пр. 12⁰, 216 стр. ц. 84 кр.

56) *Neruda* Jan, Písně kosmické. Пр. 12⁰, 66 стр. ц. 56 кр.

57) *Penn* J. Hadži Loja a černá sultanka z Trebinje, или австрійское занятіе Босніи. Ром. Брн. lex. 8⁰, 288 стр. 1 г. 50 кр.

58) Národní písně, pohádky, pověsti, říkadla, přísloví, pořekadla, obyčeje všeobecné a zejmena právní, редактируемыя литературнымъ обществомъ „Slavia“ въ Прагѣ. Серіи II отд. III: Koledy vánoční. Вып. I и II, 12⁰, VI и 244 стр. ц. 80 кр.

59) Poezije Slovanská. Выборъ изъ народнаго и искуственнаго творчества Славянъ въ чешскихъ переводахъ. Составилъ и снабдилъ литературными введеніями *Фр. Вымазаль*, II-я ч.: Polská a lužicko-srbská poezije. Изд. Моравской матицы. Брн. lex. 8⁰, VIII и 427 стр. ц. 1 г.

60) *Söndermann*, Prorok, романъ въ 2 ч. Пр. 8⁰, стр. 548 и 218, ц. 3 г. 20 кр.

61) *Stankovský*, Milovský reformator. Пов. 12⁰, 132 стр. ц. 42 кр.

62) *Stašek*, Nedokončený obraz, ром. 12⁰, 364 стр. ц. 1 г.

63) *Šembera*, Ал. Войт., Dějiny řeči a literatury české. Изд. 4-е. Вѣна. б. 8⁰, VIII и 155 стр. ц. 1 г. 40 кр.

64) Krvavý, svatodušní týden 1848 roku. Ист. ром. Пр. 1535 стр. ц. 6 г. 40 кр.

65) *Urban* Fr. J., Červený Beneda, или разбойничій притонъ въ заколдованномъ мѣстѣ, ром. Брн. б. 8⁰, стр. 1248, ц. 5 г. 20 кр.

66) *Wachenhusen*, Lucie, ром. Пр. 12⁰, 416 стр. ц. 2 г.

67) Zora. Альманахъ моравской омладины. Подъ ред. *Билаго*, *Гоудка* и *Вечеры*. г. II-й, 12⁰, 258 стр. ц. 1 г. 30 кр.

Digitized by Google

68) *Katalog Slovanský bibliografický za rok 1877.* Подъ ред. *А. Михалка* и *Яр. Клоучка*, г. I. Пр. 8⁰, XII, 67, XXXI, 88, 10, 17 и 7 стр. ц. 2 г.

69) *Schulz V.* Ukazatel k prvnim padesáti ročníkum Временника Чешскаго Музея, 1827—1876. Пр. б. 8⁰, 118 стр. ц. 1 г.

IV. Государственныя и юридическія науки.

70) *Čelakovský*, Яромиръ д-ръ правъ, O vzniku patrimonialního soudnictví na statcích zádušních v Čechách. Чит. въ чеш. кор. общ. наукъ. Пр. б. 8⁰, 23 стр. ц. 20 кр.

71) *Laurin*, dr. Fr., O bezženství a manželství duchovních. Пр. б. 8⁰, 138 стр. ц. 1 г.

г) Лужицко-сербскій отдѣлъ.

1) Časopis Maćicy Serbskeje, вып. I и II 1877. Редак. Мих. Горникъ въ Будишинѣ. Ком. I. E. Смолерь. 8⁰, 240 стр. ц 1 м. 50 пф.

2) *Fiedler K. A.* Towaršny spěwnik z hłosami za serbski lud. Изд. Матицы. Бдшн. у Смолеря. м. 8⁰, VIII и 192 стр.

3) Katholski Posoł. Ред. свящ. M. Роля. Бдшн. 24 №№. 8⁰, 1 м. 70 пф.

4) *Křižan K. B.*, Prěnički z prědarskeho pola. Бдшн. ц. 10 пф.

5) Łužičan. Časopis za zabawu a powučenje. Ред. *I. E. Смолерь*. 12 №№, 8⁰, 1 м. 50 пф.

6) Lipa Serbska. Časopis młodych Serbow. Ред. *I. E. Смолерь*. Бдшн. 12 №№ 4⁰, 2 м. 40 пф.

7) *Młónk Pětr.* Kherluše a spěwy 1848—1876. 4-й и 5-й вып. 8⁰, 193—320 стр. Бдшн.

8) Missionski posoł. Ред. свящ. Рихтарь. Воеръецы. 12 №№, ц. 60 пф.

9) Serbske Nowiny. Ред. *I. E. Смолерь*. 52 №№. Бдшн. 4⁰, 4 м. 60 пф.

10) Bramborski serbski casnik. Ред. *Швела*. Хошебузъ. 52 №№. м. 4⁰, 3 м. 60 пф. (*Нижне-лужиц.*).

д) Словинскій (Хорутанскій) отдѣлъ.

Klodič A., O narečji beneških (benečanskih) Slovencev. Отт. изъ Изв. Имп. Ак. Н. Спб. б. 8⁰, 27 стр.

Digitized by Google

2) *Letopis matice slovenske za leto 1878.* III и IV ч. Ред. *др. Ян. Блейвейсъ.* Любляна. 8⁰, 265 стр. Tomaž Chrön, pesnik, mecén umeteljnosti in podpornik vednosti. Sp. *P. pl. Radics.* Slovani v Andaluziji. (Изъ Іос. Огрызки) пер. *Fr. Hubad.* Zakaj Slovani spoštujejo lípo? По др. Б. Шулеку сост. *Jos. Carpenter.* Oroslav Caf. Sp. *Raićev Božídar.* Fómuška in Fímuška. Изъ „Нови“ И. С. Тургенева, пер. *F. M. Stiftar.* Starodavno město Ptuj. Сост. *J. L.* Crnogorski in srbski zdravniki samouki. Sp. *J. Navratil.* Drobtinice. Kres v Jstri. Записалъ *J. V.* Obrazci iz prirode in života na Tatrah. (Съ пол. изъ В. Поля) сост. *L. G. Podgoričan.* Pisma o Bosni i Hercegovini. Sp. *J. Navratil.* Bibliografija slovenska. Sest. J. Tomšič.

е) Хорватскій отдѣлъ.

I. Изящная словесность.

1) Biblioteka narodna. Вып. I. Dubrovnik ponovljen, поэма въ 20 пѣсняхъ, и Didone, траг. въ 3 д. *Як. Пальмотича Джанорича.* Дбрнк. 8⁰. VI и 480 стр. 2 г.

2) *Bogović Mirko,* Slike i prilike. Згрб. 16⁰. 100 стр. 50 кр.

Онъ-же, Strjelice, ib. 16⁰. XIX и 144 стр. 60 кр.

Онъ же, Vinjage IV. ib. 16⁰. 56 стр. 40 кр.

3) Knjižnica zabavna Matice Hrvatske. Вып. 12. 13. Драмат. соч. *Янка Юрковича* вып. I: Smiljana — Čarobna bilježnica. Згрб. м. 8⁰. 127 стр. 50 кр. Вып. 15—17. Komedije Iosipa E. Tomića, вып. 1. 199 стр. 75 кр.

4) *Lukarević* Frana djela. См. Pisci stari hrvatski, кн. X.

5) Pisci stari hrvatski изданіе югославянской Академіи наукъ. Кн. X. Diela Frana Lukarevića Burine, Згрб. 8⁰. XI и 319 стр. 2 г. 50 кр.

II. Исторія и ея вспомогательныя науки.

6) *Brozović Ambroz,* Rimsko nasliedno pravo [Iuris romani successiones mortis causa]. Вып. II. Бакръ. 8⁰. 133 стр. 60 кр.

7) *Gaj Velimir.* Balkan divan. Извѣстія, мысли и свѣдѣнія о странѣ и народѣ въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Згрб. 8⁰. 251 стр. 1 г. 30 кр.

8) *Hanĕl dr. J. J.* Ocrt literarne povjesti prava českoga. См. Rad j. a. XLIII.

Digitized by Google

9) *Hirc Drag.*, Putopisi v Bakru. 8°. 142 стр. 75 кр.

10) Knjižnica poučna Matice Hrvatske. Кн. III. Босна. Свѣдѣнія по географіи и исторіи ея, сост. *В. Клаичъ*. Ч. 1-я. Землеописаніе съ 9 рис. и 2-мя геогр. карт. 8°. XII и 222 стр. 1 г. 80 кр.

11) *Kršnjavi dr. J.*, Znamenovanje poviesti i arkeologije umjetnosti. Вступ. лекція въ хорватскомъ университетѣ. 8°. 15 стр. 20 кр

12) *Kuhač Fr.*, Prilog za poviest glasbe južnoslovenske. См. Rad j. a. кн. XLV.

Онъ-же, Južno-slovenske narodne popievke. (Chansons nationales des Slaves du sud.) Кн. I. 1—4 вып. Згрб. 4°. V и 327 стр. 5 г.

13) *Kukuljević Sakcinski Iv.*, Jure Glović prozvan Julijo Klovio hrvatski sitnoslikar. Съ 3 рис. Згрб. б. 8°. 76 стр. 1 г. 50 кр.

14) *Ljubić Sime*, O Posavskoj Hrvatskoj i o zlatnih novcih niezina kneza Serma. См. Rad. j. a. XLIII.

15) *Magdić Mile*, Život i djela Senjanina Mateše Ant. pl. Kuhačevića, хорватскаго поэта, XVIII вѣка, м. 8°. 176 стр. 80 кр.

16) *Matković dr. Petar.*, Putovanja po balkanskom poloutoku za sredniega vieka. 8°. 129 стр. Згрб. См. Rad. j. a. кн. XLII.

17) *Mijatović Čedomil*, Bartolomije Georgijević, Hrvat, pisac XVI vieka. См. Rad j. ak. XLIV.

18) *Milčetić Iv.*, Hrvati od Gaja do godine 1850. Культурно-истор. и литер. обзоръ. Перепеч изъ 3 вып. „Hrvatski Dom". Згрб. 8°, 66 стр. 40 кр.

19) Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium. V. VII. Подъ ред. *д-ра Фр. Рачкаго*. Згрб. б. 8°. XXXV и 544 стр. 6 г.

20) *Nodilo Natko*, Postanje svjetovne papinske vlasti или пятьдесятъ лѣтъ италіянской исторіи (724—774). Згрб. 8°. 160 стр. 1 г. 50 кр.

21) *Novaković Stojan*, Vijenac i Diadima v srpskim krunidbenim ceremonijama. См. Rad. j. ak. кн. XLIII.

Онъ-же. Z srpsko-slovenskoj i bugarsko-slovenskoj književnosti od. XV vijeka na dalje. См. тамъ-же кн. XLIV.

22) *Pechan Antun*, poviest hrvatske književnosti za učiteljske pripravnike. Згрб. 8°. 96 стр. 60 кр.

Digitized by Google

23) *Račkí dr. Franjo*, Slovenski a napose bugarski i hrvatski u Italiji putnici ponajviše druge polovice IX vieka. См. Rad. j. ak. кн. XLII.

Онъ-же, Podmetnute, sumnjive i preradjene listine do XII vieka. См. Rad. XLV.

24) Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zgrb. кн. XLII. 8⁰. 224 стр. 1 г. 50 кр.

То-же. Кн XLIII. 219 стр. 1 г. 50 кр.

То-же. Кн. XLIV. 228 стр. 1 г. 50 кр.

То-же. Кн. XLV. 240 стр. 1 г. 50 кр.

25) Starine. Изданіе юго-слав. академіи наукъ. Кн. IX. Zgrb. 8⁰. 256 стр. 1 г. 50 кр.

26) *Šulek dr. B*, Zašto Slaveni poštuju lipu? См. Rad. кн. XLIII.

27) *Tkalec Zvonimir*, O spoznani ljepote u obće, napose pako u Hrvata. Эстетическій разборъ, какъ пособіе къ объясненію хорватскихъ народныхъ пѣсенъ. 8⁰. 48 стр. 35 кр.

III. Филологія.

28) *Daničić Gjuro*, Ogled. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Изданіе югославянской Ак. Наукъ. б. 8⁰. XII и 39 стр. 1 г.

29) *Geitler L.*, O parasitskih gutturalih iza dentalah u litavskih i slavenskih jezicih. См. Rad. j. a. XLIV.

30) *Pavić Arnim* odgovara gospodinu S. Novakoviću a i V. Jagiću. Zgrb. 8⁰. 96 стр. 60 кр.

31) *Waljavec M.*, Prinos k naglasu u novoslovanskom jeziku. Rad XLV.

32) *Veber Adolfo*, Pabirci po slovnici hrvatskoj. См. Rad. XLII.

ЭЄ) Сербскій отдѣлъ.

1) *Богишић В.*, Народне пјесме. См. *Гласникъ* отд. II. кн. X. Со словаремъ. Блгд. 8⁰. X и 430 стр. 1 г. 50 кр.

2) *Библиотека за народ*. Вып. V. Светли дани српски, јунаци и јунаштва најновијег рата за ослобођење српско 1875—1877. Спевао *Мита Поповић*. Нв. Сад. 8⁰. 90 стр. 40 кр.

3) *Босна је српска* или одговор на „Razgovore“ *Мих. Павлиновича* и два писма *А. А. Майкова* о Босни. Н. Садъ. 2-е изд. 25 кр.

Digitized by Google

4) *Ваничекъ Фр.* Историја војничке крајине или историја васцелог српског народа за ове и оне стране Дунава, Саве, Уне, Врбаса и приморја (од 1538 до 1873). Пер. съ нѣм. I кн. вып. 1-й. Н. Сад. 8⁰. 124 стр. 60 кр.

5) *Гласник српског ученог друштва.* Кн. XLVI. Блгрд. 8⁰. 328 стр. 1 г.

6) *Годишница Николе Чупића.* Издаје његова задужбина. Годъ II. Блгд. 8⁰. 377 стр. 1 г. 10 кр.

7) *Игњатовића Іакоба дјела.* Кн. II. 8⁰. 265 стр. 1 г. Тишвр.

Онъ-же. Увео листак, приповетка. Н. Сад. и. 8⁰. 137 стр. 50 кр.

8) *Изданье Чупићеве задужбине IX кн.* Животи и дела великих људи из свих народа. Кн. II. Собралъ *Милићевић.* Блгд. 8⁰. 301 стр. 1 г. 50 кр.

9) *Іакшићеве приповетке.* Вып. IV. Српско побанче. Блгд. 50 кр.

10) *Іовановић Богољуб.* Статистичке белешке. Отт. изъ „Српски Новине". Блгд. и. 8⁰. 185 стр.

11) *Ђорђевић Владан,* Скупљене приповетке. IV. Капетанъ Велько.—Хајдукова мајка.—Чир Таса.—На броду Софија.—Кроз Швајцарску.—З богом.—Пнчв. 16⁰. 336 стр. 1 г.

12) *Ковачић Ристо,* Прилози за повјесницу Боке Которске. Вып. 1-й и 2-й. Дбрвник. 8⁰. VIII. 68. XV. 78 стр. 1 г. 60 кр.

13) *Краљевић Марко,* српска народна певанија у 25 песама. Съ истолкованіемъ турецкихъ и малоупотребительныхъ сербскихъ словъ. Н. Сад. 8⁰. 168 стр. 50 кр.

14) *Кухач Фр. Ш.* Јужнословенске народне попијевке. I—IV вып. Згрб. 4⁰. 5 г.

15) *Лира велика српска народна.* Блгд. 32⁰. XXXVI и 576 стр. 1 г.

16) *Љубиша.* Стефан Митров, животопис. Беч. 8⁰. 36 стр. 10 кр.

17) *Медић Данило.* У руском табору 1877—1878. Блгд. 8⁰. 140 стр. 60 кр.

18) *Новаковић Стојан.* Српске народне песме о бој у на Косову. Блгд. 8⁰. 177 стр.

Онъ-же. Ђуро Даничић или филологија и књижевни језик српски 1847—1877. 4⁰. Беч. 19 стр. 20 кр.

Digitized by Google

Онъ-же. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. (*Гласник*, II отд. кн. IX.) Блгд. 8°. LVIII и 150 стр. 70 кр.

Онъ-же. Библиографија српске и хрватске књижевности за год. 1876. Гласникъ XLVI.

Онъ-же. Буквара за Србе од 1727 и 1734. Къ вопросу о мѣстѣ печатанія новыхъ сербскихъ книгъ. *Гласникъ* XLVI.

19) *Павловић Иван,* О ковачевићевој разправи: које је године умре Немања. Изъ „Српски Новине". Блгд. м. 8°. 32 стр.

20) *Петровић Л.* Косовски осветници у бојевима за слободу и независност српску 1877—78 год. Блгд. 12°. 59 стр. 60 кр.

Онъ-же. Крвави дани у Босни, истинити догађај изъ српско-турског рата. Зм. 16°. 32 стр. 15 кр.

21) *Поповић Панта,* Варјактар Војана, повѣсть изъ герцеговинскаго возстанія 1875 года. 2-е изд. Пнчв. 16°. 32 стр. 10 кр.

22) Поријекло Зимоњића породице и поп Богдан Зимоњић, војвода гатачки. [Жизнеописанія знаменитыхъ воеводъ]. Собралъ Ј. Накићеновић. Нв. Сд. м. 8°. 43 стр.

23) Прилози за повјесницу Боке Которске. Изд. Р. Ковачић. Дбрвнк.

24) *Радичевића Бранка* песме. Дополн. 6-е изданіе съ предисловіемъ *І. Бошковича,* съ портр. и факсимиле. Пнчв. 16°. XXIII и 352 стр. 1 г. 50 кр.

25) *Савић Милан др.,* Историја бугарскога народа до пропасти државе му. Нв. Сд. 8°. VIII и 128 стр. 50 кр.

26) *Срећковић,* Путничке слике. См. *Гласникъ* XLVI.

3) Русскій отдѣлъ.

I. Исторія.

1) *Аксаковъ И. С.* Ѳ. В. Чижовъ. Рѣчь. (*Р. Арх.* 1).

2) *Анненковъ Юрій.* Гуситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ. Спб. 8°. 46 стр. (*Странникъ* 1, 2, 3).

3) *Бакичъ Д.* Черногорія подъ управленіемъ владыкъ. (*Ж. М. Н. Пр.* 8).

4) *Барсовъ Н. И.* О значеніи Хомякова въ исторіи отечественнаго богословія. (*Хр. Чт.* 1—2).

Digitized by Google

5) *Безсоновъ П. А.* Воспоминанія. Князь В. А. Черкасскій (*Р. Арх.* 6).

6) *Брунъ Ф* Догадки касательно участія русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ. (*Ж. М. Н. Пр.* 12).

7) *Бухаровъ Д.* Россія и Турція. Отъ возникновенія между ними политическихъ отношеній до лондонскаго трактата 1871 года. Историческій очеркъ. Спб. 8°. 4+236+2 стр. 1 р. 20 к.

8) *В—нъ А.* Давность славянской идеи въ русскомъ обществѣ. По поводу статей *Е. Карновича* и г. *В. Ламанскаго*. (*В. Евр.* 5).

9) *Вороновъ А. Д.* Къ вопросу объ источникахъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. (*Тр. Кіев. Д. Ак.* 1).

10) Восточный вопросъ и задунайская славянщина передъ глазами московскаго царя Михаила Ѳедоровича. (*Ж. М. Н. Пр.* 2).

11) Временныя правила для устройства судебной части въ Болгаріи. Утверждены Императорскимъ Россійскимъ Коммисаромъ, 24 августа 1878 года въ Филиппополѣ. Одс. 8°, 164 стр.

12) *Г. Е.* Восточный вопросъ и условія мира съ Турціей —Respice finem. Одс. 8°, 64 стр. 40 к.

13) Герцеговина и Боснія. (Съ сербскаго). Спб. 8°, 8 стр.

14) *Гецевичъ В.* Обычное право южныхъ Славянъ по изслѣдованіямъ д-ра Богишича. (Переводъ французскаго изложенія Демелича). Спб.

15) Греко-болгарская распря. (*Р. Арх.* 7).

16) *Григоровичъ В. И.* Путешествіе по Европейской Турціи.

17) *Деволанъ Г. А.* Угорская Русь. Историческій очеркъ. М. (*Р. Арх.* 2).

18) *Деларю Ѳ.* Реформаторы до Виклефа и Гуса. Изслѣдованіе. Спб. 8°, 92 стр. (*Ист. Библ.* 6 и 7).

19) Записки Погодина. М. м. 8°, 18 стр.

20) Извѣстія *Ал-Бекри* и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ, ч. I. Статьи и розысканія *А. Куника* и *барона В. Розена*. Спб. Прилож. къ XXXII т. Зап. И. Ак. Наукъ № 2, 8°, VI+191 стр. 75 к.

21) Изъ бумагъ *С. П. Шевырева*: письма къ нему разныхъ лицъ... путевыя впечатлѣнія отъ Москвы до Флоренціи. (*Р. Арх.* 5).

22) *Иречекъ К. І.* (проф. Пражск. унив.). Исторія Болгаръ. Пер. проф. Ф. Бруна и Палаузова. Одс. 4 р.

Digitized by Google

23) *Качановскій В.* Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ, въ періодъ паденія ихъ самостоятельности. (*Ж. М. Н. Пр.* 7).

24) *К. В.* Дѣло г. Иловайскаго въ Галиціи. (*В. Евр.* 1).

25) *Кочубинскій А. А.* Мы и они. 1711—1878. Очерки исторіи и политики славянъ. Одс. 1 р. 50 к.

26) *Лебедевъ.* Послѣдняя борьба балтійскихъ славянъ противъ онѣмеченія.

27) О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя В. А. Черкасскаго, съ выдержками изъ его писемъ. (*Р. Арх.* 6).

28) *Павлищевъ Н. И.* Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и война за Украйну. Спб. 8°, т. I, 262 стр. и 3 портр. т. II 405 стр. и 2 портр. т. III, 243 стр. и 3 портр. за три тома 6 р.

29) *Погодинъ М. П.* Собраніе статей, писемъ и рѣчей по поводу славянскаго вопроса. М. 8°, 166 стр. 75 к.

30) *Синклеръ Т.* Audi alteram partem. Восточный вопросъ прошедшаго и настоящаго. Защита Россіи. Пер. съ англ. Спб. 8°, 356 стр.

31) *Симоненко Г. проф.*, Царство Польское, сравнительно съ Познанью и Галиціей въ отношеніи ихъ успѣховъ экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ со времени крестьянскихъ реформъ: 1848, 1850 и 1864 годовъ. Врш. 1 р.

32) *Карповъ А.* Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки. Кзн. 8°, 285 стр.

33) *Кулишъ П.* Восточный вопросъ и задунайская славянщина передъ солдатами московскаго царя Михаила Ѳедоровича. (*Ж. М. Н. Пр.* 2, 3).

34) *Лебедевъ Л.* Въ какомъ смыслѣ освобожденіе Балканскихъ славянъ составляетъ историческую задачу Россіи. (*Ист. Библ.* 6).

35) *Макушевъ В. В.* Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка. (*Ж. М. Н. Пр.* 4, 5).

36) *Первольфъ І.* Поляки и Турція. Историч. воспоминанія. Врш. 16°, 52 стр.

37) *Петровъ Петръ.* Очерки герцоговинскаго возстанія. (*Р. В.* 2, 4, 8).

38) *Пыпинъ А. Н.* Панславизмъ въ прошедшемъ и настоящемъ. (*В. Евр.* 9, 10, 11, 12).

Его-же. О болгарскомъ гайдучествѣ. (іb. 3).

Digitized by Google

Его-же. Болгарія и Болгары передъ войной (ib. 4).

39) Россія и Сербія въ концѣ Николаевскаго царствованія 1853. Письмо неизвѣстнаго серба въ Петербургъ изъ Парижа. (*Р. Арх.* 3).

40) *Ровинскій П.* Болгарскій гайдукъ Панайотъ и его записки. (*От. Зап.* 8).

Его-же. Битва у Каменицы близъ Ниша въ маѣ 1809 г. Эпизодъ изъ исторіи сербскихъ войнъ за освобожденіе. (*Др. и Н. Р.* 5).

Его-же. Россія и Славяне. (ib. 2).

41) *Самаринъ Ю. Ѳ.* Изъ посмертныхъ сочиненій. Два письма объ основныхъ истинахъ религіи по поводу сочиненія Макса Мюллера. Съ предисловіемъ Д. Ѳ. Самарина. (*Прав. Об.* 1).

42) *Самоквасовъ Д.* Значеніе кургановъ, какъ историческихъ источниковъ. Спб. 8°, 31 стр.

Онъ-же. Условія научнаго изслѣдованія кургановъ и городищъ. Врш. 8°, 7 стр.

43) *Срезневскій И. И.* Фріульскіе Славяне. Спб. 8°, 91 стр.

44) *Стрекаловъ С.* Русскія одежды отъ X до XIII вѣка. Со введеніемъ Н. И. Костомарова, 23 р.

45) *Утинъ Евг.* Болгарія во время войны. (*В. Евр.* 2).

Его-же. Тяжелые дни: Ески-Загра и наше отступленіе. (ib. 4).

Его-же Въ Болгаріи. Изъ замѣтокъ и воспоминаній. (ib. 11).

46) *Утинъ Евг.* Болгары и наши недоразумѣнія (*В. Евр.* 6).

47) Челобитная Черногорцевъ Елисаветѣ Петровнѣ о подчиненіи Россіи 1755. Съ предисл. *Д. Е. Бакича.* (*Р. Арх.* 7).

48) *Яцеровъ В. В.* Въ Сербіи 1876—77 г. Записки добровольца. (*Р. В.* 1, 7).

II. Географія, этнографія и статистика.

49) *Головацкій Я. Ѳ.* Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Ч. I. Думы и думки. Ч. II. Обрядныя пѣсни. Ч. III, отд. I. Разночтенія и дополненія. Думы и думки, отд. II. Обрядовыя пѣсни. М. 8°, 727+24+388 стр. Съ этн. картою.

50) *Ириартъ Шарль.* Очерки черногоріи. (*Воен. Сб.* 4).

51) *Леонтьевъ К. Н.* Русскіе греки и югославяне. Опытъ національной психологіи. (*Р. В.* 2).

52) *Литль-бой.* Живописное путешествіе по Европейской и

Digitized by Google

Азіятской Турціи и въ южно-славянскія страны: Румынію (sic), Сербію, Боснію, Болгарію, Герцеговину и Черногорію... М. 8°, 431 стр. 3 р.

53) *Мекензи и Эрби.* Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи. Съ предисловіемъ Гладстона. Съ англ. Т. I, 8°, 327 стр. и т. II, 8°, 315 стр. ц. за 2 т. 3 р.

54) *Пташицкій С.* Малоизвѣстныя путешествія по Польшѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. (*Ж. М. Н. Пр.* 9).

55) *Скальковскій К.* Въ странѣ ига и свободы. Путевыя впечатлѣнія. Спб. 8°, X+415 стр. 2 р. 50 к.

56) *Соболевъ.* Поляки. Этнографическій очеркъ. (*Пр. и Люди*, 4).

57) Часовой. Донской сборникъ. Труды любителей донскаго прошлаго и современнаго быта. В. I. *Новочерк.* 8°, VIII+61+59 стр. ц. за 5 вып. 2 р.

III. Филологія и исторія словесности.

58) *Будиловичъ А. С.* Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи славянъ, ч. I, вып. 1 и 2. Кіевъ. 408+XV+XXII+264 стр. 2 р. 50 к.

59) *Валенте С.* О славянскомъ языкѣ въ Резіянской долинѣ во Фріулѣ. Спб. 8°, 8 стр.

60) *Дубровскій* П. Полный словарь польскаго и русскаго языка. Врш. 1876—1878 г.

61) *Задеранкій Н. П.* Славянскій Ежегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Годъ изданія 1878, третій. Изд. Кіев. Славянскаго Общества. Кіевъ, 8°, 433 стр. 1 р.

62) *Клодичъ А.* О нарѣчіи венеціанскихъ словенцевъ. Спб. 8°, 27 стр.

63) *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. (*Зап. И. Новор. ун.* т. 25).

64) *Лелевель*, какъ критикъ „Исторіи Государства Россійскаго" Н. М. Карамзина. Переписка съ Ѳ. В. Булгаринымъ 1822—1830 гг. Пер. и примѣч. С. Л. Пташицкаго. (*Р. Стар.* 8, 9).

65) *Макушевъ В. В.* Изъ чтеній о Старо-Чешской письменности. III. Такъ называемая Зеленогорская Рукопись—Любушинъ судъ, продолж. (*Филол. Зап.* 3).

66) *Макушевъ В. В.* О римско-католическомъ миссалѣ,

Digitized by Google

писанномъ глаголицею, въ Чехіи. Допол. къ 1-му чтенію. (*Фил. Зап.* 3).

Онъ-же, О происхожденіи слова „Дажь-богъ“. (ib.)

Онъ-же, Изъ чтеній о Старо-Чешской письменности. Чешскія глоссы въ словарѣ „Mater verborum“. Съ доп. къ III чтенію. (*Фил. Зап.* 6).

67) *Макушевъ В. В.* Старочешская пѣсня XIII вѣка, недавно открытая *А. О. Патерою*. 2-е доп. къ 1-му чтенію о старочеш. письменности. (*Фил. Зап.* 4).

68) *Макушевъ В. В.* Станиславъ Трембецкій, замѣчательнѣйшій сторонникъ Россіи въ польской поэзіи конца XVIII вѣка. (*Др. и Н. Рос.* 8).

69) *Малининъ В.* Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка И. Публ. Библіотеки. (*Тр. Кіев. Д. Ак.* 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11).

70) *Мировичъ.* Библіографическое и историко-литературное изслѣдованіе о богогласникѣ. Влн. 90 стр. 8°.

71) *Патера А. О.* Чешскія глоссы въ Mater Verborum. Замѣчанія И. И. Срезневскаго. (*Зап. И. Ак. П.* т. XXXI, 2, прил.).

72) *Пыпинъ А. Н.* Болгарія и Болгары передъ войною. Литературные очерки. I. Болгарское гайдучество. (*В. Евр.* 3, 4).

73) *Ржига Ф. В.* Сравнительныя этнологическія таблицы славянскихъ языковъ: древне-славянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, славяно-сербскаго и болгарскаго. Спб. 4°, VII+243+XV стр. 2 р. 25 к.

74) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XV. 8°, ц. 1 р. 50 к.

То-же. Т. XVI. 8°, II+453 стр.

75) *Снегиревъ.* Отрывки чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ. Кзн.

76) *Соколовъ Аркадій.* Зарожденіе литературы у словинцовъ. Примусъ Труберъ. Изслѣдованіе. Кіевъ. 8°, 74+VI стр. (*К. Ун. Изв.* 3, 4).

77) *Срезневскій И. И.* Чешскія глоссы въ Mater Verborum. Разборъ *А. О. Патеры* и дополнит. замѣчанія. (Приложеніе къ XXXI т. Зап. И. Ак. Наукъ). Спб. 8°, 152 стр. 60 к.

78) *Срезневскій И. И.* На память объ О. М. Бодянскомъ, В. И. Григоровичѣ и П. И. Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи. (*Зап. И. Ак. Наукъ*, т. XXXI, кн. 1).

Digitized by Google

79) *Турба В. П.* Славянскій міръ. Иллюстрированное изданіе литературныхъ, историческихъ и географическихъ статей. Выходило выпусками, составившими два тома, т. I, 412 стр. 4°—13 вып. т. II, 312 стр. ц. выпуску 20 к. Всѣхъ вышло 25.

80) *Успенскій* Ѳ. О нѣкоторыхъ славянскихъ и ло-славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ. (*Ж. М. Н. Пр.* 9, 11).

81) *Хомякова А. С.*, письма къ А. Ѳ. Гильфердингу. 1853—1860. (*Р. Арх.* 7).

Н. З—цкій.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

„Славянскаго Ежегодника“ 1876 года.

		стр.
I	Календарныя свѣдѣнія (святцы православные и католическіе и пр.)	1
II	Успѣхи славяновѣдѣнія въ Россіи до 1872 года по А. А. Майкову, П. А. Лавровскому и А. А. Котляревскому	1.
III	О славянской взаимности въ XVIII и XIX вѣкѣ проф. І. Первольфа	49.
IV	Славянская миѳологія, проф. Г. Крека (съ нѣм.)	91.
V	Славянскія имена мѣсяцевъ. К. Я. Эрбена	114.
VI	Бѣлградъ. Изъ путешествія по Сербіи. К. Иречка	150.
VII	Краткій очеркъ библіографіи чешской литературы съ 1860 по 1873 годъ	167.
VIII	Черногорія. Очеркъ современнаго положенія, проф. А. С. Будиловича	172,
IX	Боснія и Герцеговина. Статистико-географическій очеркъ	182.
X	Смѣсь и мелочи изъ области славяновѣдѣнія: а) Лужицкіе сербы; б) Болгарія и болгары (по поводу книгъ Канитца и Иречка); в) русская печать за предѣлами Россіи; г) воеводство Буковина; д) черногорскій князь; е) сербскій князь Миланъ IV Обреновичъ; ж) содержаніе „Славянскаго сборника“, изд. петербургскимъ отд. славянскаго комитета; з) славянскіе журналы, на которые принимается подписка въ почтовыхъ конторахъ; и) славяне и славянки, воспитывающіеся въ Москвѣ и въ Кіевѣ; і) находка колоколовъ въ Сербіи; к) находка короны Душана тамъ-же; л) пражскій университетъ въ 1875 г.; м) печеная библія; н) къ исторіи чешской грамматики; о) общества въ Прагѣ; п) курьезы изъ жизни князя Милоша сербскаго	207.
XI	Статистическія таблицы распредѣленія славянъ А) по государствамъ и народностямъ, Б) по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (нарѣчіямъ) проф. А. С. Будиловича	237.

СОДЕРЖАНІЕ

„Славянскаго Ежегодника“ 1877 года.

I	Воспоминанія и замѣтки стараго Чешскаго патріота. *Як. Малаго* (I—XXVII гл.)	1.
II	Современные Болгары. Этнографическій очеркъ *Канитца*	110.
III	Два письма К. Гавличка изъ Москвы	177.

Digitized by Google

IV Школа и жизнь въ Черногоріи. *М. Костича* - - 191.
V О современной борьбѣ Черногорцевъ съ Турками и о бѣдственномъ положеніи Черной Горы. *Веселитскаго-Божидаровича* - - - - - - - - 224.
VI Чешскій исторіографъ Францъ Палацкій - - - 237.
VII Боснія. (Изъ записокъ Англичанки) - - - - 256.
VIII О будущности и всемірно-исторической роли Славянъ. *Графа Я. Гарраза* - - - - - - - - 280.
IX Успѣхи славяновѣдѣнія за послѣднее время - - 295.
X Янко Шафарикъ (некрологъ) - - - - - - 305.
XI Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Рѣчь *проф. А. А. Котляревскаго* - - - - - - - - 308.
XII О Борисѣ-Михаилѣ Болгарскомъ, праотцѣ Славянскаго просвѣщенія. *В. И. Григоровича* - - - - 316.
XIII О Библіи на Славянскихъ нарѣчіяхъ. *Н. А. Виноградова* - - - - - - - - - - 325.
XIV Славянскій маршъ *Г. Н. Аристова* - - - - - 326.

СОДЕРЖАНІЕ

„Славянскаго Ежегодника" 1878 года.

I Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма *проф. Н. А. Попова* - - - - - - - 1.
II Забытый польскій поэтъ *проф. В. В. Макушева* - - 51.
III Народныя пѣсни Хорватовъ, записанныя въ XVI вѣкѣ. *М. П—аго* - - - - - - - - - - 63.
IV Очерки изъ новой польской литературы. I—VIII гл. *Э. Н. Каля* - - - - - - - - - - 70.
V О Славянской народной поэзіи. Историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ Славянскихъ народовъ. Соч. *проф. В. В. Ягича*, перев. съ хорватскаго *Н. З—цкаго* - - - - - - - - - - 140.
VI Францъ Ладиславъ Челяковскій *Н. З—цкаго* - - 271.
VII Письма Челяковскаго, сообщ. *проф. А. С. Будиловичъ* - 285.
VIII Черногорія. Этюдъ по соч. архим. *Н. Дучича*. Н. *П. З—цкаго* - - - - - - - - - - 396.
IX Осипъ Максимовичъ Бодянскій, *проф. А. А. Котляревскаго* - - - - - - - - - - 343.
X Взглядъ Мадьярскаго этнографа на Славянъ соч. *П. Гунфальви*. Перев. съ нѣм. *Н. З—цкаго* - - - 353.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I	Голубой аббатъ. Романъ соч. *Шмилевскаго*. Пер. съ чеш. Н. З—*цкаго*	1.
II	Несчастная семья. Повѣсть соч. *Друмева* (нын. еп. Климента) Пер. съ болгар. *Китанчева* и Н. З—*цкаго*.	133.
III	Іоаннъ Гусъ. Драма въ 5 дѣйствіяхъ соч. *І. К. Тыла*. Пер. съ чеш. Н. З—*цкаго*	213.
IV	Іоаннъ Гусъ. Стихотвореніе соч. *В. П—ва*.	284.
V	Іоаннъ Гусъ. Соч. *В. В. Томка*. Пер. съ чеш. Н. З—*цкаго*.	288.
VI	Сочиненія Гуса. Соч. *Я. Эд. Вочеля*. Пер. съ чеш. *его-же*.	298.
VII	Іосифъ Добровскій. Біографическій очеркъ, соч. *В. Н. К.*	304.
VIII	Вячеславъ Ганка. Соч. *д-ра Дениса-Глюкзелига*. Пер. съ нѣм. Н. З—*цкаго*.	325.
IX	Три письма В. В. Ганки къ А. Б. Ашику, сообщ. *Л. С. Мацѣевичемъ*	379.
X	І. И. Крашевскій, біографическій эскизъ по поводу юбилея соч. *Вл. Куницкаго*	382.
XI	И. И. Срезневскій (некрологъ съ приложеніемъ „Поминки“ въ историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца) Н. *З—цкаго*.	390.
XII	Славянская библіографія за 1878 годъ: отдѣлы польскій, галицко-русскій, чешскій, лужицко-сербскій, хорватскій, сербскій и русскій, Н. З—*цкаго*.	406.

Digitized by Google